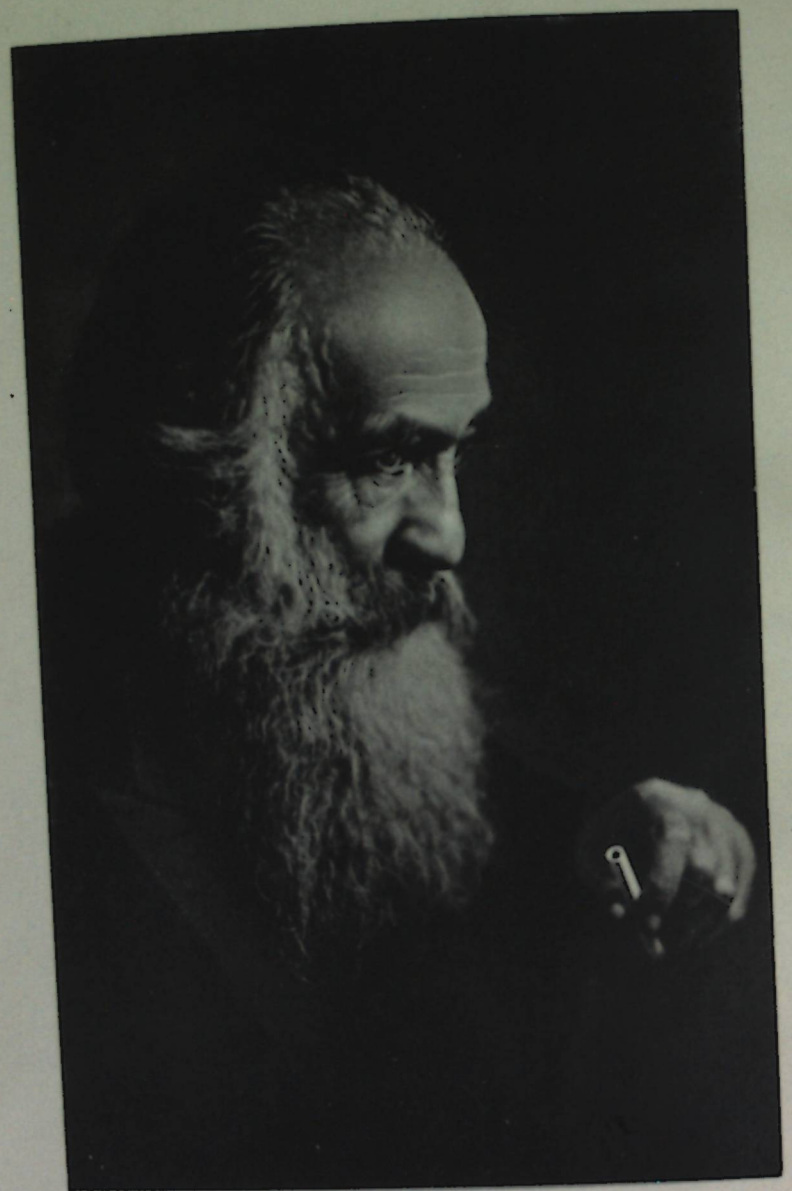
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

СБОРНИК
В ЧЕСТЬ АКАДЕМИКА
И. А. ОРБЕЛИ



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

СБОРНИК
В ЧЕСТЬ АКАДЕМИКА
И. А. ОРБЕЛИ

[illegible]

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1960

АННОТАЦИЯ

Статьи, входящие в настоящий Сборник, освещают весьма широкий круг вопросов истории, филологии, археологии и искусства Кавказа, Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока с древнейших времен до наших дней.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

академик В. В. СТРУВЕ (председатель),
доктор филологических наук А. Н. БОЛДЫРЕВ, член-корреспондент АН СССР А. Н. КОНОНОВ, член-корреспондент АН СССР Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ, доктор исторических наук И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ, член-корреспондент АН АрмССР Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ, член-корреспондент АН СССР К. В. ТРЕВЕР, кандидат исторических наук
Ю. А. ПЕТРОСЯН (секретарь).

159459
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
А.Н. Киргизской ССР

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

20 марта 1957 г. научная общественность нашей страны отметила 70-летие академика Иосифа Абгаровича Орбели. В эти дни у друзей и учеников юбиляра зародилась мысль создать сборник в честь замечательного ученого, свыше пятидесяти лет отдающего свои силы развитию отечественного востоковедения. Принять участие в Сборнике пожелали многие ученые, так как научная и научно-организационная работа И. А. Орбели связывает его с большим числом исследователей. Деятельность юбиляра связана с широким кругом проблем науки о Востоке, поэтому в Сборник вошли статьи филологов и искусствоведов, историков и археологов, литературоведов и этнографов.

Сборник состоит из трех разделов: Кавказ, Средняя Азия, Ближний и Средний Восток. Каждый из них отражает все разнообразие тематики многочисленных авторов, но все они связаны одной проблемой — историей культуры Передней и Средней Азии.

АКАДЕМИК ИОСИФ АБГАРОВИЧ ОРБЕЛИ

(Биографический очерк)

Иосиф Абгарович Орбели родился 8 (20) марта 1887 г. в г. Кутаиси. В 1904 г., окончив гимназию в Тбилиси, Иосиф Абгарович приехал в Петербург и поступил на Классическое отделение Историко-филологического факультета Петербургского университета, избрав своей специальностью античность. В 1907 г. он стал заниматься и на армяно-грузино-персидском разряде Факультета восточных языков, окончательно посвятив себя востоковедению.

В университете Иосиф Абгарович работал под руководством крупнейших русских ученых — С. А. Жебелева, Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга и Я. И. Смирнова, и его студенческие годы стали годами интенсивной научной работы. Для научного роста И. А. большое значение имело его участие в раскопках средневековой столицы Армении — города Ани, которые велись под руководством Н. Я. Марра. Для того времени это были замечательные археологические работы, они не преследовали узко вещеведческих целей, находку интересных предметов, а ставили перед собой исторические задачи. Раскопки исследовали культуру армянского средневекового города не изолированно, а в культурном общении с другими странами Кавказа и Передней Азии. Это было прогрессивное и плодотворное направление археологических исследований.

Участвуя студентом-практикантом в Анийских археологических кампаниях 1906—1910 гг., Иосиф Абгарович с присущей ему энергией отдается археологии, ведет самостоятельные раскопки и становится ближайшим помощником своего учителя Н. Я. Марра. В мечети Мануче на территории древнего города был создан Музей древностей из раскопок Ани. Иосиф Абгарович стал его хранителем, уделял много времени разбору коллекций, составил каталог музея и написал путеводитель по городищу Ани. Обе эти книжки были изданы в 1910 г.

Наряду с раскопками Иосиф Абгарович еще в студенческие годы стал заниматься армянской эпиграфикой и в 1909 г. был командирован Восточным факультетом в Нагорный Карабах для собирания средневековых надписей.

За время пребывания в Петербургском университете он написал пять статей, опубликованных в Журнале Министерства народного про-

свещения, в Известиях Российской Академии наук и в Записках Восточного отделения Русского археологического общества. Две из них — „Simitose в Идалийской надписи" и „Город близнецов Διοσκουρίας и племя Возниц Ἡνίοχοι" — были связаны с его специализацией как античника, а три других — „Нефритовая кинжальная рукоять с армянской надписью", „Хасан-Джалал, князь Хаченский" и „Колокол с анийскими орнаментальными мотивами XII—XIII вв." — соответствовали его второй специальности — кавказоведению. Широта подготовки позволила Иосифу Абгаровичу еще до окончания университета стать сотрудником Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и написать две большие статьи — „Армянское искусство" и „Грузинское искусство", — не утратившие научной ценности и до сего дня.

В 1911 г. Иосиф Абгарович окончил оба факультета Петербургского университета и был оставлен в университете при Кафедре армяно-грузинской словесности. Тогда же от Академии наук он получил научную командировку в Турецкую Армению, где провел год, главным образом в Ванском вилайете. Его работа была крайне разнообразной: он изучал живые армянские и курдские наречия, собирал и записывал сказания, составлял словарь, вместе с этим он копировал армянские средневековые надписи, изучал древние архитектурные памятники Эрзерума, Баязида, Вана, Багавана, Ахтамара, проводил археологические исследования в Ване, на Топрах-Кале, в Хайкаберде и привез в Россию коллекцию урартских древностей. По возвращении на Родину он снова принял деятельное участие в раскопках Ани.

Плодотворная деятельность Иосифа Абгаровича как археолога и эпиграфиста обратила на себя внимание, и он в 1912 г. был избран членом Русского археологического общества в Петербурге.

После сдачи магистерских экзаменов, с сентября 1914 г., Иосиф Абгарович начал свою педагогическую деятельность на Факультете восточных языков. Он вел разнообразные курсы: по археологии и истории Армении, по армянской эпиграфике и курдскому языку. В это время он особенно интенсивно занимался армянской эпиграфикой, осознавая особую научную ценность надписей как источника не только для изучения истории культуры, но и для исследования социально-экономической жизни. С 1914 по 1917 г. им было опубликовано девять статей (преимущественно в журнале „Христианский Восток"), издававших и разбиравших надписи на камнях и металлических изделиях.

Перед первой мировой войной русская археологическая и востоковедческая наука уделяла большое внимание памятникам урартской культуры, считая, что их изучение будет содействовать правильному пониманию древней истории Кавказа и северного Причерноморья.

Крупнейшие русские востоковеды — М. В. Никольский и Б. А. Тураев — указывали на необходимость организовать систематические работы на территории древнего царства Урарту и считали, что русское востоковедение вполне подготовлено для разрешения этих задач. И когда в 1916 г. стали возможными археологические раскопки в Ване, то туда была направлена экспедиция Русского археологического общества, в которой принял участие и Иосиф Абгарович. Ему посчастливилось сделать крупнейшее археологическое открытие. При раскопках двух ниш на северном склоне Ванской скалы в одной из них была обнаружена крупная каменная стела высотой более 2 м с 265 строками клинообразной надписи урартского царя Сардури II, правившего в середине VIII в. до н. э. Летопись Сардури является крупнейшим урартским

эпиграфическим памятником, который по величине можно сравнивать только с Хорхорской летописью Аргишти I. Это была находка, прославившая русскую археологию. Работы проводились очень тщательно, и когда американская экспедиция доследовала через 22 года площадку с этими двумя нишами, то она ничего нового не дала.

После второго возвращения из Вана Иосиф Абгарович снова всю энергию отдает армянской эпиграфике, задумав составить свод армянских надписей из Ани и из района Дилиджана. Для этой цели с начала 1917 г. он стал обучаться в Академической типографии наборному делу, главным образом эпиграфическому набору лигатурным шрифтом, изготовленным по его системе. Лично им был набран весь текст первого тома свода армянских надписей и некоторые мелкие издания.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Иосиф Абгарович встретил в расцвете своих сил и активно отдался делу создания советской науки. Он продолжает работу в Петроградском университете, избирается преподавателем Петроградского археологического института, по декрету Народного Комиссариата просвещения входит в состав Лазаревского института в Москве, избирается членом Совета Государственной археологической комиссии и действительным членом Московского археологического общества. Эта бурная деятельность продолжается и в 1919 г. В феврале Иосиф Абгарович был назначен ученым секретарем Коллегии по делам музеев Наркомпроса, где проводил большую работу по сохранению и концентрации музейных ценностей частных коллекций и передаче их в собственность государства.

В августе 1919 г. Иосиф Абгарович избирается при образовании Российской Академии истории материальной культуры членом этой академии и становится заведующим разрядами археологии и искусства Армении и Грузии. В 1920 г. И. А. работает заведующим издательством и редактором изданий Академии истории материальной культуры. Это была нелегкая работа. На первых порах при больших полиграфических затруднениях он сплотил небольшую группу научных сотрудников академии и лично обучил их наборному делу, а наборное мастерство Иосифа Абгаровича было всем хорошо знакомо по набранной им самим в 1918 г., очень трудной в полиграфическом отношении книге „Вопросы и решения вардапета Анании Ширакца, армянского математика VII в.".

В 1920 г. Иосиф Абгарович был избран на должность хранителя Государственного Эрмитажа и заведующего Отделением Кавказа, Ирана, Средней Азии и стран мусульманского Востока. Этим начался тридцатилетний период в жизни Иосифа Абгаровича — период, когда он все свои силы отдавал Эрмитажу. Считая, что все народы достойны изучения как вложившие свою лепту в создание мировой цивилизации, будь то народы Запада или Востока, будь то народы большие или малые, Иосиф Абгарович старался завоевать для организуемого им Отдела Востока почетное место в Эрмитаже. Он систематически проводил упорную и трудную работу по сосредоточению в Эрмитаже лучших памятников восточного искусства из частных и государственных собраний и выдвинул проект образования в Эрмитаже самостоятельного крупного Отдела Востока, который и был организован в 1926 г., а заведующим его был назначен Иосиф Абгарович. В это время он уже состоял членом-корреспондентом Российской Академии наук.

В Эрмитаже внимание Иосифа Абгаровича привлекает богатая коллекция золотых и серебряных изделий сасанидского Ирана. Он увлекся этими памятниками и еще в 1922 г. организовал временную выставку

сасанидских древностей. В небольшой книжке, выпущенной к этой выставке, Иосиф Абгарович уже наметил основные проблемы, связанные с сасанидским искусством. Он считал, что корни этого искусства следует искать не только на почве древнего Ирана, но и в соседних областях: в Закавказье, Средней Азии и на Востоке. Он указывал также на то, что характерные черты сасанидского искусства являются общими для многих сопредельных феодальных стран Востока. Публикация богатейшей коллекции сасанидских памятников Эрмитажа была им осуществлена совместно с К. В. Тревер.

Вторая временная выставка, устроенная в 1923 г., была посвящена мусульманским изразцам, и к ней была выпущена книжечка, дававшая проблематику экспозиции. Этими двумя выставками Иосиф Абгарович доказал, что научные исследования могут быть выражены не только письменно в виде статьи или книги, не только в устной речи, в лекции, но также и в музейной экспозиции.

В 1925 г. в Эрмитаже была развернута выставка памятников искусства феодальной эпохи Кавказа, Ирана и Средней Азии XII—XVII вв., известных под названием мусульманских. В книжке „Мусульманский Восток" Иосиф Абгарович писал: „Чем углубленнее ведется изучение мусульманских памятников, тем яснее становится, как трудно провести черту между мусульманской и немусульманской средой и бытом в странах, где бок о бок существовали два воинствующих вероучения — ислам и христианство — и где по существу в одних и тех же формах развивалась поэзия и изобразительное искусство (и тем более искусство прикладное), росшие на крепких корнях, окрепшие задолго до возникновения этих вероучений".

Эти отдельные выставки, в которых принял участие коллектив сотрудников — учеников Иосифа Абгаровича, — позволили подготовить и общую выставку Отдела Востока, открытую в 1931 г. В научной записке к этой выставке говорилось, что выставка ставит своей целью „показать на конкретном материале памятников культуры восточных стран и в дополнительной экспозиции закономерность исторического процесса... Вещи, рассматриваемые не оторванно, не формально, а в системе производственных отношений, вместе с дополнительной экспозицией дадут полную картину общества на той или иной стадии его развития". Эта выставка была устроена не по территориальному принципу, и совместный показ коллекций из различных мест содействовал лучшему изучению связей и взаимоотношений стран Востока. Такой принцип расположения материала тогда был вполне оправдан.

Деятельность Иосифа Абгаровича как организатора Отдела Востока Эрмитажа, ставшего одним из крупнейших востоковедческих центров нашего Союза, полно обрисовано его ближайшим сотрудником по Эрмитажу А. Ю. Якубовским в III томе „Трудов" Отдела Востока, изданном в 1940 г., и в четвертом выпуске „Вестника древней истории" за 1947 г.

Большая работа в Государственном Эрмитаже всецело захватила Иосифа Абгаровича, и только по линии Государственной Академии истории материальной культуры он принимал участие в археологических экспедициях, организованных совместно с Эрмитажем.

В 1928 и 1929 гг. Иосиф Абгарович совершил поездку в Дагестан для изучения и собирания албанских каменных рельефов XII—XIII вв. и для исследования Дербентской крепости. Им было взято на учет более ста замечательных рельефов, представляющих своеобразный тип

застывшего феодального искусства, а в стенах Дербентской крепости было обнаружено несколько неизвестных до того времени пехлевийских строительных надписей.

В 1929 г. Иосиф Абгарович возглавил экспедицию в Армению по изучению архитектурных памятников Гарни, Птгни, Парби, Аштарака, Анберда. В этом же году он был избран в число членов Комитета по охране исторических памятников Армении. В связи с исследованием памятников сасанидского искусства И. А. совершил поездку на Урал (Пермь, Свердловск, Тюмень, Вятка, Шадринск) для работы в местных музеях.

В конце 1930 г. Иосиф Абгарович был командирован в составе советской делегации в Лондон на II Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. К конгрессу была устроена большая выставка материалов, где были экспонированы и предметы эрмитажной коллекции. Эта выставка имела громадный успех, такой же успех имел и доклад И. А. на тему о советских экспонатах выставки и о работе советских музеев.

В июле 1934 г. Иосиф Абгарович был назначен директором Государственного Эрмитажа, который становится организующим центром проведения всенародных юбилейных торжеств, посвященных культуре братских республик Советского Союза и стран Востока.

В 1934 г. Иосиф Абгарович, будучи членом правительственного Оргкомитета по празднованию 1000-летнего юбилея Фирдоуси, руководил в Ленинграде организацией сессии Академии наук и Эрмитажа и специальной выставки, а также делал доклад о творчестве великого иранского поэта на торжественном заседании в Москве. И. А. вошел в состав советской делегации, выехавшей на юбилейные торжества в Тегеран и Мешхед.

1 июня 1935 г. Иосиф Абгарович избран академиком Академии наук СССР. В качестве заместителя председателя Оргкомитета по проведению в Ленинграде и Москве III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии он руководил подготовкой конгресса, устройством в Эрмитаже Всесоюзной выставки по истории культуры Востока, на которой были представлены также экспонаты иностранных музеев и частных собраний. И. А. в качестве одного из председателей руководил работой конгресса, прочел доклад о сельджукском искусстве и редактировал „Труды" конгресса.

Блестящая организация конгресса упрочила положение советской востоковедческой науки и ее авторитет, а Иосиф Абгарович был награжден иранским орденом „За научные заслуги" 1-й степени и избран почетным профессором Тегеранского университета.

Несмотря на большую занятость как директор Эрмитажа, Иосиф Абгарович продолжал и свою археологическую деятельность. В 1936 г. он руководил раскопками Анбердского замка на горе Арагац, где был раскопан дворец князей Пахлавуни, баня и водоснабжение крепости.

В феврале 1937 г. Иосиф Абгарович принял деятельное участие в проведении празднования столетия со дня смерти А. С. Пушкина и на торжественном заседании памяти великого поэта прочел доклад „Пушкин и грузинская литература". В это же время он ведет активную подготовку к празднованию 750-летия Шота Руставели, руководит подготовкой к изданию и редактирует русский перевод поэмы „Витязь в тигровой шкуре", изданный Академией наук СССР с иллюстрациями С. Кобуладзе. В Эрмитаже организуется специальная выставка, посвя-

щенная эпохе Руставели и его творчеству, и издается сборник работ „Памятники эпохи Руставели". Нельзя не остановиться на этой интересной книге, которая в общедоступных, популярных статьях доводит до читателя новые глубокие научные выводы, обрисовывает яркую картину взаимосвязи культур народов Востока. Кроме введения, И. А. написал для этого сборника семь статей, посвященных отдельным предметам Эрмитажного собрания, но, по существу, разбирающих большие проблемы. В дни проведения торжеств, посвященных Руставели, Иосиф Абгарович прочел три ярких доклада.

В 1938 г. И. А. был избран на должность председателя Президиума Армянского филиала Академии наук СССР. И здесь его захлестнула работа по подготовке празднования 1000-летия армянского народного эпоса „Давид Сасунский". Он является редактором армянского текста и русского перевода, изданного с замечательными иллюстрациями Ерванда Кочара. И. А. руководил работой сессии Армянского филиала Академии наук СССР, делал доклады, писал статьи, выступал с лекциями.

В 1940 и 1941 гг. на плечи Иосифа Абгаровича легла подготовка празднования в Ленинграде 800-летия великого азербайджанского поэта Низами и 500-летия основоположника узбекской литературы Навои.

Но тут грянула Великая Отечественная война.

Всем известна патриотическая деятельность Иосифа Абгаровича в это тяжелое время. В кратчайший срок была проведена эвакуация музейных ценностей. Уже 1 июля был отправлен из Ленинграда первый эшелон, увозивший наиболее ценные коллекции, с ним выехала большая группа сотрудников Эрмитажа. Но в Ленинграде осталось немало эрмитажников во главе с Иосифом Абгаровичем. Надо было провести охранные работы, перенести все музейные экспонаты в подвалы, устроить бомбоубежища. С первых дней Отечественной войны Эрмитаж превратился в хранилище музейных ценностей всего Ленинграда и даже его окрестностей. В Эрмитаж на хранение и для эвакуации поступили рукописи Кеплера и Ломоносова, библиотека Пушкина, ценнейшая коллекция портретов астрономов Пулковской обсерватории, часть коллекций Музея истории религии, материалы из Союза архитекторов, вещи из пригородных музеев, частные коллекции и др. Часть этих ценностей была вывезена, а часть осталась в осажденном городе.

Научная жизнь в городе не прекращалась. В октябре 1941 г. научные учреждения Ленинграда праздновали юбилей Низами, торжественное заседание состоялось и в Эрмитаже, причем некоторые слушатели и даже докладчики, среди которых был Н. С. Тихонов, прибыли на заседание в военной форме прямо с фронта.

В конце декабря 1941 г. для Ленинграда наступили особенно тяжелые дни, но Иосиф Абгарович сумел так организовать работу, что в Эрмитаже продолжалась жизнь. Основной заботой в то время была организация бомбоубежищ в подвалах Эрмитажа и Зимнего дворца. В дни сильных бомбардировок Ленинграда Эрмитаж в своих бомбоубежищах спасал до двух тысяч человек.

Но и в эти тяжелые дни научная работа в Эрмитаже не останавливалась. 10 декабря 1941 г., в тот день, когда перестали ходить трамваи, в Эрмитаже проходило торжественное заседание, посвященное Алишеру Навои. После вступительного слова Иосифа Абгаровича и научных докладов поэт В. Рождественский и сотрудник Эрмитажа Н. Лебедев читали свои переводы стихов Навои с перерывами, вызванными сиг-

налами воздушной тревоги. В зале заседания, в витрине, были выставлены фарфоровый бокал и коробка с росписями на темы из произведений Навои, выполненные специально к этому дню художником М. Мох. Эти фарфоровые изделия, расписанные и обоженные в стенах Эрмитажа в декабрьские дни 1941 г., являются лучшим свидетельством того, как сумел Иосиф Абгарович сохранить в своих сотрудниках бодрость и работоспособность.

В блокированном Ленинграде Иосиф Абгарович вел большую политическую и научно-популяризационную работу в войсковых частях. Так, в ночь на 1 января 1942 г. он выступал с приветствием к воинам по радио.

31 марта 1942 г. после завершения консервационных работ в Эрмитаже Иосиф Абгарович был командирован в Армению, к месту работы как председатель Армянского филиала Академии наук СССР.

И в Ереване он проводил большую политико-просветительную работу. За время войны им было прочитано более двухсот лекций в войсковых частях Ленинградского и Кавказского фронтов.

В 1943 г. в условиях войны Иосиф Абгарович провел большую и трудную работу по организации Академии наук Армянской ССР; он был утвержден действительным членом Академии и избран первым ее президентом.

В июне 1944 г. Иосиф Абгарович вернулся в Ленинград и приступил к восстановлению поврежденных зданий Эрмитажа и Зимнего дворца и к подготовке реэвакуации коллекций Эрмитажа. Через 22 дня после прибытия эшелонов с коллекциями из Свердловска, 4 ноября 1945 г., было открыто 60 залов Эрмитажа.

Патриотическая деятельность Иосифа Абгаровича во время Великой Отечественной войны, а также его научные заслуги были высоко оценены правительством. В 1944 г. И. А. был награжден орденом Ленина „за самоотверженную работу по сохранению в условиях блокады Ленинграда научных и культурных ценностей в институтах, музеях и библиотеках Академии наук СССР, являющихся национальным богатством страны", а в 1945 г. — двумя орденами Трудового Красного Знамени, а также медалями „За оборону Ленинграда" и „За оборону Кавказа".

В конце войны и после ее окончания иностранные научные учреждения оказали Иосифу Абгаровичу почет: в 1944 г. он был избран почетным членом Лондонского археологического общества, а в 1945 г. — почетным членом Академии наук Ирана.

В 1946 г. по вызову Советского обвинения Иосиф Абгарович выступал в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе военных преступников, и многие помнят его яркую речь, речь свидетеля варварских обстрелов города Ленина, разрушения невоенных объектов и больших страданий, причиненных мирным жителям.

В мирной послевоенной обстановке Иосиф Абгарович вернулся к своим незавершенным работам, которые он начал во время блокады. В 1951 г., покинув пост директора Эрмитажа, И. А. руководил в качестве консультанта археологическими экспедициями Академии наук Армянской ССР; завершал свои труды по курдским и армянским диалектологическим материалам, древнеармянским надписям; занимался переводами трудов армянских историков, армянскими средневековыми баснями XII—XIII вв. и исследованием знаменитого памятника армянского зодчества на острове Ахтамар.

С 1953 г. Иосиф Абгарович работал в Институте языкознания и продолжал прерванные исследования по курдскому и армянскому языку,

вел большую организационную и редакционную работу по составлению курдских словарей. В ноябре 1955 г. он был назначен деканом Восточного факультета Ленинградского государственного университета, а с июля 1956 г. также и заведующим Кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока этого факультета. В 1956 г. Иосиф Абгарович выпустил две свои книги: „Басни средневековой Армении" (в русском переводе) и „Армянский героический эпос" (на русском и армянском языках).

В октябре 1956 г. постановлением Президиума Академии наук СССР Иосиф Абгарович был переведен из Института языкознания в Институт востоковедения и назначен заведующим Ленинградским отделением института.

В 1957 г. в связи с 70-летием правительство наградило И. А. Орбели вторым орденом Ленина.

Советская наука призвала Иосифа Абгаровича к ответственной и почетной работе — развивать дальше советское востоковедение, сохраняя лучшие традиции нашего отечественного востоковедения, блестящим представителем старой гвардии которого он является.

КАВКАЗ

К. Алиев

К ВОПРОСУ О ПЛЕМЕНАХ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Вопрос об этническом составе древнего населения Кавказской Албании привлекал внимание ряда исследователей; этим вопросом занимались А. Бакиханов, М. Бархударян, В. Томашек, В. Минорский, особенно С. Еремян, а также З. Ямпольский.

В данной статье делается попытка собрать имеющиеся у древних авторов сведения об основных племенах и племенных группах, обитавших на территории восточного Закавказья, и сопоставить их с данными, выявленными в результате археологических работ за последнее время. Но если первая часть задачи — сбор и сопоставление данных письменных источников — может считаться в той или иной мере выполнимой, то другая часть ее — сближение этих данных с археологическими фактами — представляет значительные трудности, так как древняя Кавказская Албания в археологическом отношении полностью не изучена, а результаты археологических работ на территории восточного Закавказья опубликованы лишь частично и, следовательно, не обобщены. Тем не менее привлечение внимания к этому актуальному вопросу представляется своевременным, хотя всестороннее и углубленное разрешение этой задачи является делом будущего.

Территория восточного Закавказья в древности носила название „Албания" и состояла из ряда областей, населенных главным образом автохтонными племенами. Еще в VI в. до н. э. Гекатей Милетский называет племена миков,[1] живущих у Аракса; о миках упоминает и Геродот, называя их μόκοι.[2] Наконец, современная топонимика сохранила это древнее племенное наименование в географическом названии Мугани (по-азербайджански — Муған, Муған дузу). По-видимому, мики занимали часть территории Каспианы и входили в состав каспиев,[3] племени, которое упоминается уже у Геродота.[4]

Каспии в VI—V вв. до н. э. входили в состав Ахеменидского государства,[5] а потом были подчинены Мидии—Атропатене. В I в. до н. э.

---

[1] Hecataei fragmenta; FHG, edit. K. Müller, v. I, fig. 170, 183.
[2] Herod., III, 93; VII, 68.
[3] См.: V. Minorsky. Mukan. EI, III, стр. 758.
[4] Herod., III, 92; VII, 67.
[5] Herrmann. Kaspioi. RE, Stuttgart, 1919, стр. 2274.

область каспиев уже входит в состав усилившегося союза племен, возглавляемого албанами.[6] Судя по данным письменных источников, каспии обитали южнее слияния рек Куры и Аракса и, по-видимому, относились к касситско-эламской группе, состоявшей из луллубеев, кутиев, эламитов и других этнических групп древнего Востока,[7] из чего следует, что население Каспианы находилось в этническом, а следовательно, и языковом родстве с народами древней Передней Азии.

Кроме миков и каспиев, на территории восточного Закавказья Геродот упоминает и утиев;[8] эти три племени являлись ядром, составлявшим древнейшее население территории будущей Албании. Еще до объединения албанских племен мики, каспии, а отчасти и утии оказались затронутыми большим этническим движением северных кочевников, просачивавшихся в Закавказье через перевалы Большого Кавказского хребта, особенно по Каспийскому побережью. Процесс миграции кочевников тяжело отразился на аборигенах — утиях, миках и каспиях. К I в. до н. э. каспии уже перестали существовать;[9] вероятно, они успели раствориться в среде албанского населения, оставив после себя только свое имя.

Албаны упоминаются впервые в связи с событиями IV в. до н. э., когда они входили в состав войска Дария III Кодоманна (336—330 гг. до н. э.),[10] последнего представителя династии Ахеменидов; мидийцами, албанами, сакасенами и кадусиями предводительствовал сатрап, впоследствии независимый правитель Малой Мидии Атропат.[11] В дальнейшем племена албанов сыграли ведущую роль в исторической жизни населения восточного Закавказья, объединив вокруг себя многочисленные племена и образовав обширный племенной союз, который положил начало албанской государственности. Албаны населяли территорию к северу от р. Куры, включая сюда и прикуринскую равнину к востоку от впадения р. Алазани[12] в Куру; они заселяли также некоторую часть Камбисены,[13] в бассейне рек Алазани и Иоры, и, наконец, горные склоны Малого Кавказа,[14] соседствуя на западе с иберами, на востоке распространяясь до Каспийского моря, на севере — до Кавказского хребта, а на юге — до пределов Армении.[15]

Кроме албанов, на этой территории античные авторы называли и лупениев,[16] населявших предгорья Большого Кавказского хребта в районе р. Алазани и к востоку от нее. Более поздние писатели также сообщают об албанах[17] и лупениях[18] на этой же территории к северу от Куры.

Помимо отмеченных племен, древние писатели упоминают и более мелкие племена: легов,[19] обитавших главным образом на территории

[6] Strabo, XI, 4, 5.
[7] И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1954, стр. 138.
[8] Herod., VII, 68.
[9] Strabo, XI, 4, 5.
[10] Arr., III, 8, 4.
[11] Там же.
[12] Plin., VI, 29.
[13] Strabo, XI, 4, 1.
[14] Там же, 7, 1.
[15] Там же, 4, 1.
[16] Plin., VI, 29; Ptol., V, 10, 2.
[17] Amm. Marcel., XIII, 6, 61; Pomp. Mela, III, 39; Моисей Хоренский. История Армении. М., 1893, стр. 58.
[18] Anon. Raven., II, 12; Мовсес Каганкатваци. История агван. СПб., 1861, стр. 87.
[19] Strabo, XI, 5, 1; Plut., Pomp., 35; Ptol., VI, 2, 5.

нынешнего южного Дагестана и к югу от р. Самура, впадающей в Каспийское море, а также гелов,[20] занимавших преимущественно нынешний южный Дагестан и район р. Кудиал-Чая, впадающей также в Каспийское море (к югу от Самура).

К числу этнических групп, составлявших Кавказскую Албанию, относятся и сильвы,[21] упоминаемые наряду с лупениями, содами и др. О сильвах под именем джигбов говорится и у более поздних авторов;[22] они жили несколько южнее р. Самура и составляли одно из северо-восточных албанских племен.[23]

С данными древних авторов о племенах, обитавших к северу от Куры, следует, очевидно, сопоставлять археологический материал, выявленный на этой территории, а именно так называемую Ялойлутепинскую культуру[24] (IV в. до н. э.—I в. н. э.), к носителям которой могут быть отнесены многие из перечисленных выше племен. Различия в форме их могильных сооружений намекают, по-видимому, на племенные особенности.[25]

Кроме перечисленных племен, на территории Кавказской Албании обитали также сакасены в районе нынешнего города Кировабада (бывш. Ганджа); это племя упоминается у Геродота и Страбона.[26] Позднее занимаемая сакасенами территория носит у армянского географа название Шакашен[27] и локализуется между областью Арцах и р. Курой в составе области Ути.

Следует особо отметить племена гаргаров, сведения о которых имеются у Страбона[28] и более поздних писателей.[29] Армянская традиция связывает утиев, содов, гаргаров и так далее с потомками легендарного Арана.[30] В V в. язык гаргаров послужил той основой, на которой сложился литературный албанский язык.[31] Что касается территории расселения гаргаров, то, согласно данным современной топонимики, гаргары в основной своей массе обитали южнее р. Куры, в бассейне р. Каркар-Чая (притока Куры).

Племена миков и каспиев, о которых говорилось выше, в дальнейшем, по-видимому, смешались с другими этническими группами албанов и других племен. К последним векам до нашей эры сохранили свою цельность и племена утиев, о которых немало говорится у древних авторов.[32] Утии жили в районе впадения р. Тертер в Куру.

[20] Strabo, XI, 7, 1; 8, 1; 5, 1; Plin., VI, 36, 38; Ptol., VI, 2, 5; Plut., Pomp., 35.
[21] Plin., VI, 29.
[22] Мовсес Каганкатваци, ук. соч., стр. 192.
[23] М. Бархударян (Страна агванов и их соседи. Тбилиси, 1893, стр. 76) локализует джигбов между р. Девечи и Кубой. Однако А. Яновский помещает сильвов в Алазанской долине (О древней Кавказской Албании. Журнал Министерства народного просвещения, 1846, ч. II, стр. 164). В своем атласе С. Т. Еремян также помещает сильвов в западной Албании, у р. Алазани.
[24] Г. К. Ниорадзе. Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940.
[25] О. Ш. Исмизаде. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956.
[26] Herod., III, 93; Strabo, II, 1, 14; XI, 8, 4; 14, 4.
[27] Анания Ширакаци, стр. 51.
[28] Strabo, XI, 5, 1; 5, 2.
[29] Моисей Хоренский, ук. соч., стр. 58; Мовсес Каганкатваци, ук. соч., стр. 70.
[30] У Моисея Хоренского (стр. 58) Аран — „именитый муж, первый в деле мудрости и разума" — является наместником Албании и происходит из рода Сисака. От потомков Арана происходят, по словам того же историка, племена утиев, гардманов, цодецы и гаргары (см.: Мовсес Каганкатваци, ук. соч., стр. 5).
[31] Моисей Хоренский, ук. соч., стр. 193.
[32] Strabo, XI, 7, 1; 8, 8; Plin., VI, 39; 42; см. также: Анания Ширакаци, стр. 51 и т. д.

159459
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА А. Н. Киргизской ССР

Археологические раскопки, произведенные на территории расселения племен утиев и гаргаров, показали, что в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры здесь обитали носители так называемой культуры кувшинных погребений,[33] находившиеся в тесном общении с носителями вышеупомянутой ялойлутепинской культуры к северу от Куры. Связывая гаргаров, утиев и других с культурой захоронений в больших лежачих кувшинах, следует отметить наличие локальных ее вариантов: различаются кувшинные погребения Мингечаура, г. Агджабеды, долины Куры, а также Аракса и др.

К концу I тысячелетия до н. э. на сравнительно небольшой территории будущего Албанского государства нарастал процесс смешения больших и малых этнических групп, все более и более терявших свои специфические особенности и растворявшихся в гуще албанских племен. Об этом можно судить не только по сообщениям древних авторов, но и по данным археологии: на территории восточного Закавказья в последние века до нашей эры, как говорилось выше, существовали главным образом две большие, но очень близкие друг к другу археологические культуры, т. е. вышеупомянутые культуры кувшинных погребений и Ялойлутепе.

Соответственно расселению албанских племен должны определяться и границы Кавказской Албании, что представляет собой один из спорных в исторической науке вопросов. Судя по письменным данным, северные пределы Албании не простирались дальше Дербента; на западе они проходили в бассейне рек Алазани и Иоры; на востоке земли Албании омывались Каспийским морем, которое называлось также Албанским; южные же пределы албанских племен составляли отроги Малого Кавказа, где Албания граничила с территориями Армении и Атропатены. Обо всем этом отчетливо говорится у Страбона,[34] Плиния[35] и Птолемея,[36] а также у более поздних авторов.[37] Следует отметить, что только у Страбона указано, что Каспиана входит в состав Албании.[38]

Согласно данным того же древнего географа, на территории Кавказской Албании жили племена, говорившие на 26 языках (γλῶτται), вернее говорах.[39] Бесписьменные языки Советского Азербайджана являются, по-видимому, остатками племенных говоров автохтонных обитателей Албании. К ним относятся как удинский, на котором говорят в селениях Нидж и Варташен,[40] так и языки жителей селений Будуг, Крыз, Джек, Хиналуг[41] и др., родственные языкам Дагестана.

---

[33] Т. И. Голубкина. 1) Четыре кувшинных погребения из Мингечаура. Изв. АН АзССР, 1956, № 3; 2) Об одном кувшинном погребении. Изв. АН АзССР, 1949, № 3; С. М. Казиев, Г. М. Асланов. О двух кувшинных погребениях. Матер. культура Азербайджана, вып. II, 1951; Т. И. Голубкина. Находки кувшинных погребений в Нах. АССР. Докл. АН АзССР, 1952, № 8; Г. И. Ионе. О гончарных и обжигательных печах из Мингечаура. Матер. культура Азербайджана, вып. II, 1951; Т. С. Пассек. Джафарханский могильник. ВДИ, 1946, № 2; Е. А. Пахомов. Обследование и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. Изв. Аз. ФАН СССР, 1939, № 3.

[34] Strabo, XI, 4, 1; 5, 6; 3, 5; 12, 4; 7, 1.

[35] Plin., VI, 42, 29, 38, 39.

[36] Ptol., V, 11, 1; 10, 1; 12, 1; 8, 7; 8, 11.

[37] Например, у Равенского Анонима (II, 12), упоминающего отдельные области в эпоху феодальной разобщенности.

[38] Strabo, XI, 4, 5.

[39] Strabo, XI, 4, 6.

[40] Ш. Саадиев. Об изучении бесписьменных языков, распространенных на территории Азербайджана. Докл. АН АзССР, 1955, № 7, стр. 151—158.

[41] Там же, стр. 153; см. также: Г. А. Меликишвили. Наири—Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 406.

Страбон пишет, что в Албании „отличаются и басилевсы. Поэтому в настоящее время над всеми властвует один, а прежде [над жителями] каждого отдельного наречия царствовали отдельные [басилевсы]" (Διαφέρουσι δὲ καὶ οἱ βασιλεῖς. νυνὶ μὲν οὖν εἷς ἁπάντων ἄρχει, πρότερον δὲ καὶ καθ' ἑκάστην γλῶτταν ἰδίᾳ ἐβασιλεύοντο ἕκαστοι).[42] Это сообщение, восходящее к рубежу нашей эры, позволяет говорить о том, что албанские племена в это время уже подчинялись одному царю и были объединены в единое государство — Албанию, покорение которой римлянам оказалось не под силу.

---

[42] Strabo, XI, 4, 6.

А. В. Банк

РЕЛЬЕФ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГЕОРГИЯ ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА

Среди христианских святых, пользовавшихся особой популярностью в средние века, одно из первых мест принадлежит святому Георгию. Культ Георгия получил, как известно, широкое распространение в Византии и на Кавказе, на Балканах и в древней Руси, в различных странах Западной Европы. Посвященная ему литература весьма велика. Наряду с многочисленными трудами, предметом исследования которых является изучение различных редакций легенды о Георгии, имеется немало работ, посвященных его иконографии. В самое последнее время были опубликованы две статьи советских исследователей, также связанные с этим вопросом.[1] Статья В. Н. Лазарева, по-новому ставящая вопрос об эволюции образа Георгия в русском искусстве, представляет особый интерес. „На примере истории образа Георгия, — пишет автор, — мы пытались показать, в каком направлении надо изучать средневековое искусство. Мы имели возможность убедиться в том, насколько даже столь отвлеченная область искусства, как иконография Георгия, была прочно связана с общественной жизнью" (стр. 222).[2]

И. А. Орбели касался культа Георгия попутно, как в связи с изучением вещественных памятников,[3] так и в работах, посвященных армянским басням. Его интересовало прежде всего социальное осмысление этого образа.[4]

Мы решаемся обратиться еще к одному памятнику с изображением Георгия, свидетельствующему, как нам кажется, о взаимопроникновении элементов культуры различных народов.

[1] В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. „Византийский временник", т. VI, М., 1953, стр. 186—222; М. В. Алпатов. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. Труды Отд. древнерусск. литер. Инст. русск. литер. АН СССР, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 292—310.

[2] Поскольку В. Н. Лазарев приводит всю основную литературу вопроса, мы не видим необходимости здесь вновь ее указывать.

[3] И. Орбели. 1) Два серебряных ковша XVI века с армянской и греческой надписями. Христианский Восток, т. V, вып. 1, Пгр., 1916; 2) Грузинская лампада с арабскими надписями. Сб. „Памятники эпохи Руставели", Л., 1938, стр. 283—292.

[4] И. Орбели. 1) Герои поэмы Руставели и их подданные. Сб. „Памятники эпохи Руставели", Л., 1938, стр. 147; 2) Басни средневековой Армении. М.—Л., 1956, стр. 39.

Мраморная плита с изображением святого Георгия-воина поступила в Эрмитаж в 1930 г. из Русского музея (рис. 1). Она происходит из собрания Н. П. Лихачева, однако установить, где ее приобрел этот выдающийся русский ученый и собиратель, нам пока не удалось. Краткое упоминание о рельефе имеется в статье С. Фраткина, посвященной изображению Георгия в Юрьеве Польском;[5] здесь же (без всякой аргументации) указывается его предположительная дата — X—XI вв.

Рис. 1. Рельеф с изображением святого Георгия из собрания Эрмитажа.

Плита с закругленным верхом (размер 100.5 × 79 × 7.2 см) высечена из белого мрамора своеобразной структуры (из крупных и мелких зерен).[6] Святой Георгий представлен в рост, лицом к зрителю; в правой приподнятой руке он держит копье (пересекающее обрамление), левая

[5] С. Фраткин. Рельефное изображение св. Георгия на портале Георгиевского собора в г. Юрьеве Польском. Светильник, 1915, №№ 9—12, стр. 94.

[6] По мнению старшего реставратора Эрмитажа И. П. Андреева, обработка этого вида мрамора представляет особые трудности.

положена на щит. Изображение вписано в арку, украшенную орнаментом из пятилепестковых пальметок; арка опирается на сдвоенные колонки, перехваченные в средней части.

По сторонам изображения святого вырезана греческая надпись

ⓐ ΓΙΟϹ
ΓЄ ΟΜѠΡΟ
ѠВ ΜΙΛΗΗ̄Ϲ

Задняя сторона плиты гладкая, лишь в верхней ее части справа, так же как на нижнем торце, имеются выемки, вероятно предназначенные для крепления. Плита скорее всего была вделана в стену.

Изображение Георгия несколько укороченных пропорций, отличается плоскостностью, рельеф не выше 3 см. О пластической передаче, столь характерной, например, для иконографически близкого изображения того же святого[7] из сел. Вани в Грузии (ныне в Историческом музее в г. Кутаиси), здесь не приходится говорить.[8] Анатомия не вполне правильна, фигура дана схематично. Особенно отчетливо это проявляется в обобщенной трактовке лица, в отсутствии бровей, в том, как переданы щеки, глаза — в виде круга с точкой в центре и т. д. Общее впечатление грубоватости исполнения исчезает, когда вглядываешься в орнаментальные детали: тщательная их проработка на арке и капителях, обычный для архитектурной декоровки в Византии живописный эффект (контраст между темными пустотами и светлым узором) заставляет предполагать, что мастер привык работать не столько над фигурными, сколько над орнаментальными изображениями.

Византийская скульптура (игравшая второстепенную роль по сравнению с другими видами искусства) пока еще недостаточно изучена.[9] Число дошедших до нас и изученных памятников невелико. Вопрос о различных художественных центрах в области скульптуры, в сущности, не поставлен. Однако характер исполнения не дает основания для сравнения нашего памятника с немногими известными образцами константинопольских рельефов XI—XII вв.[10] В них, так же как в других видах искусства, столица хранила античные традиции: тонкая моделировка лица и складок одежды, иногда приобретающих линейный характер, представляет совсем иную линию развития художественного творчества. Наш памятник далек от утонченной манеры столичных мастеров; приземистые пропорции, непомерно длинная правая рука и чрезмерно схематичная левая — все это вместе с отмеченными выше чертами дает основание для предположения, что этот рельеф провинциального происхождения. Вместе с тем он резко отличается от рельефов XIII—XV вв., украшающих постройки в Мистре[11] или на Афоне;[12] там они приобретают

[7] Р. О. Шмерлинг. Мраморная скульптура из с. Вани. Сообщ. АН ГрузССР, т. XVII, № 2, 1956, стр. 185—191; Е. С. Такайшвили. Церковь в Ване, в Имерии и ее древности. Изв. Кавказск. ист.-археол. инст., т. II, 1917—1925, стр. 86—110, табл. XIII.

[8] Это не мешает мастеру в одном месте, под рукой воина, отделить копье от плоскости плиты.

[9] Г. А. Σωτηρίου. Βυζαντίναι ἀνάγλυφοι εἰκόνες, Recueil de N. P. Kondakov, Prague, 1926, стр. 125—138 (см. основную литературу по этому вопросу); S. Bettini. La scultura Bizantina, vol. I—II. Firenze, 1944.

[10] Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin, t. II. Paris, 1926, стр. 652.

[11] G. Millet. Monuments byzantins de Mistra. Paris, 1910, № 49, 2.

[12] M. van Berchem—J. Strzygowski. Amida. Heidelberg, 1910, рис. 299.

упрощенно-декоративный характер, с полной утратой пластичности; пропорции фигур неправильны. При всем том в них ощущается непосредственность и выразительность, тогда как изображению Георгия из собрания Н. П. Лихачева свойственна некоторая скованность.

Самый тип Георгия-воина в рост, держащего в правой руке копье, а левой опирающегося (или держащего) на щит, имел широкое распространение в византийском искусстве XI—XII вв.; известны примеры этого извода и для позднейшего периода, когда получает преобладание конное изображение драконоборца.[13]

Тот же тип пешего Георгия-воина широко известен в искусстве Грузии (главным образом в чеканке);[14] он встречается и в древней Руси,[15] и в отдельных образцах западноевропейского, в частности итальянского, искусства.[16]

Юное лицо безбородого святого (то более округлое, то приближающееся к овалу) в подавляющем числе случаев сопровождается характерной прической в виде кудрей из трех, четырех рядов кружков (распадающихся в живописных памятниках на отдельные пряди). На нашем рельефе прическа иная: почти параллельные штришки скорее передают волнистые волосы.

Одежда Георгия — поколенная рубашка (туника), броня с поясом на талии, плащ, застегнутый круглой фибулой на правом плече, наколенники типа греческих книмид; все это, восходя своими корнями к одеянию римских воинов, сохраняется и в Византии. Эта же воинская одежда встречается на грузинских, балканских и древнерусских памятниках.

Характерна для византийского искусства зрелого средневековья (начиная с X—XI вв. и вплоть до XIV в.) орнаментация, заполняющая арку: подобные пяти- или трехлепестковые пальметки являются одним из наиболее распространенных орнаментальных мотивов в убранстве византийских рукописей, в чеканке и в резьбе по камню.[17]

Парные колонки с перехватом посредине характерны для обрамления канонов, а иногда и других миниатюр на множестве византийских рукописей XI—XII вв.[18] Эти колонки, поддерживающие арку, встречаются и на серебряных изделиях, иконах из кости и стеатита.[19] В частности, они составляют обрамление известной стеатитовой иконы с изображением Георгия, хранящейся в монастыре Ватопеди на Афоне (рис. 2). Эта вещь по своей общей композиции близко напоминает наш рельеф:[20]

[13] В. Н. Лазарев. 1) Новый памятник..., рис. 3, 5, 8; 2) История византийской живописи, т. II. М., 1948, табл. 132, 204, 184.

[14] Матер. по археол. Кавказа, вып. IV, М., 1894, рис. 87, табл. XLII; вып. X, М., 1904, рис. 26, табл. XXXII; рис. 55, табл. XXXV; рис. 58; рис. 60, табл. XXXIV; Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1957, табл. 53—64.

[15] История культуры Древней Руси, т. I, М.—Л., 1948, рис. 263.

[16] Otto Freiherr von Taube. Zur Ikonographie S. Georgs in der italienischen Kunst. Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst, II Halbband, 1911, Abb. 18, 22; K. Künstle. Ikonographie der Heiligen. Freiburg in Bresgau, 1926, Abb. 124.

[17] П. Сырку. Старинная Чепинская крепость с. Дорнова и два византийских рельефа из Чепина. Византийский временник, т. V, 1898, табл. III; Кахриэ-Джами. Изв. Русск. археол. инст. в Константинополе, т. XI, альбом, Мюнхен, 1906, табл. XXXIV.

[18] В. Н. Лазарев. История Византийской живописи, т. II, табл. 144, 145, 156, 207, 208.

[19] N. Ismailov. Une stéatite du Musée de Chérsonèse. L'art byzantin chez les slaves, vol. 2, Paris, 1932, рис. 24; G. Schlumberger. L'épopée byzantine, t. I. Paris, 1896, стр. 669; t. III. Paris, 1905, стр. 569. Встречаются колонки и в архитектуре алтарных преград (G. Millet, ук. соч., табл. 45, 3).

[20] F. Dölger. Mönchsland-Athos. München, 1943, табл. 161, стр. 160.

пеший воин Георгий здесь также расположен под аркой. Сходна его одежда, обувь и броня, аналогично положение рук. Вместе с тем заметны и отличия: иные пропорции значительно более удлиненной фигуры; прическа — обычная с кружками в три ряда. Качество исполнения этого

Рис. 2. Стеатитовый рельеф из монастыря Ватопеди на Афоне.

памятника, обычно датируемого X—XI вв., несомненно, выше нашего (при этом надо принимать во внимание и различие материала). Следует указать на иную миндалевидную форму щита у Георгия на стеатитовом рельефе. Эта форма (на Руси называющаяся варяжской) встречается и на других византийских изображениях,[21] в Грузии, Армении и древней

[21] С. М. Гайдин. Резная шиферная икона св. Димитрия и Георгия. Сб. Гос. Эрмитажа, вып. II, 1923, стр. 31—42, табл. II; В. Н. Лазарев. Новый памятник..., рис. 3; N. Ismailov, ук. соч., рис. 24.

Руси;[22] более широкое распространение она имела в Западной Европе. Вообще же в Византии, как и на Востоке, в подавляющем большинстве случаев применялся и изображался круглый щит.

Щит на эрмитажном рельефе имеет отличия от этих двух типов ви-

Рис. 3. Деревянный рельеф с изображением Георгия из собрания Византийского музея в Афинах.

зантийских щитов. Походя в своей нижней части на так называемый варяжский — миндалевидный, он несколько шире и вверху не закруглен, а как бы срезан, завершаясь прямой линией. Подобная форма, получившая широкое распространение в Западной Европе в XIV в.,[23] известна

[22] Н. Кондаков и Д. Бакрадзе. Описание памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб., 1890, рис. 32. Матер. по археол. Кавказа, вып. IV, табл. XLII; Г. Н. Чубинашвили, ук. соч., табл. 61.

[23] За ценные указания по истории западноевропейского оружия приношу глубокую благодарность М. Ф. Косинскому.

там и в XIII в.;[24] впервые же она встречается в конце XII в. Если этот тип применяется (за некоторыми исключениями) в вооружении пешего воина, то укороченная, почти трехугольная разновидность щита характерна, начиная со второй половины XIII в., для всадников.[25] Она получила отражение и в западноевропейской геральдике. Маленькие щиты, часто с крестом, встречаются на западноевропейских изображениях Георгия-драконоборца; на памятниках XIV—XV вв. нередки большие щиты с крестом.[26] Это изображение креста, столь характерное для крестоносцев (щит с крестом, как известно, был гербом Иерусалима), было, очевидно, перенесено на образы святых воинов. Георгий-воин становится своего рода патроном крестоносцев.[27] Можно предполагать, что именно с Запада в связи с движением крестоносцев распространился подобный тип щита и в византийском мире.[28] В этой связи следует указать, что, помимо нашего рельефа, такой же щит у пешего воина имеется на деревянной скульптуре Георгия, изданной Г. А. Сотириу.[29] При некотором общем иконографическом сходстве (рис. 3) святой здесь представлен почти в профиль. Поле щита вместо креста имеет деление на четыре части. Издатель памятника, как нам представляется, вполне обоснованно датирует этот и второй публикуемый им деревянный рельеф с изображением Георгия второй половиной XIII в. Можно лишь согласиться с ним, что это „та самая эпоха господства западноевропейцев на Востоке, которая объясняет также орнаментацию щита в виде шахматной доски и его форму, столь частую в скульптуре Запада".[30] Сотириу указывает далее, что эта форма щита встречается и в византийской скульптуре, ссылаясь на камею с изображением конного святого Феодора, изданную Дальтоном.[31] Однако следует сказать, что эта камея (точнее средневековая отливка с камеи из пасты), имеющая множество аналогий в различных музеях, в том числе и в Эрмитаже, возможно изготовлена не в Византии. Как следует из статей Г. Венцеля,[32] посвященных средневековым геммам, подобные воспроизведения византийских камей изготовлялись в Италии, скорее всего в Венеции XIII в. Аргументы Венцеля представляются нам заслуживающими всяческого внимания, и, может быть, косвенным их подтверждением являются специфические для Запада (начиная с XIII в.) укороченные пропорции маленького щита с крестом, который держит Феодор.

---

[24] W. Boeheim. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig, 1840, рис. 143, 145. См., например, витраж в Шартре: J. Ebersolt. Orient et Occident. Paris—Bruxelles, 1929, стр. 81, табл. XII.

[25] Otto Freiherr von Taube. Die Darstellung des Heiligen Georg in der italienischen Kunst. Inaugural. Dissertation. Halle, 1910, стр. 124; Прикладное искусство Западной Европы V—XV вв. Путеводитель по выставке Гос. Эрмитажа, М., 1956, стр. 22 и илл.

[26] Otto Freiherr von Taube. Zur Ikonographie..., Abb. 10, 12, табл. 111, 2.

[27] J. Ebersolt, ук. соч., стр. 79—81.

[28] Его можно видеть, в частности, в росписях сербских церквей: Petkovič. La peinture serbe du moyen age, par. 2. Beograd, 1930, стр. 39, рис. 45.

[29] G. A. Sotiriou. La sculpture sur bois dans l'art byzantin. Mélanges Charles Diehl, v. II, Paris, 1930, табл. XV, стр. 178—180.

[30] Там же, стр. 179.

[31] O. M. Dalton. Catalogue of early christian antiquities. London, 1901, № 693.

[32] Hans Wentzel. 1) Mittelalterliche Gemmen in den Sammlungen Italiens. Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz, Bd. VII, Heft III/IV, Düsseldorf, 1956; 2) Das Medaillon mit dem Hl. Theodor und die venezianischen Glaspasten im byzantinischen Stil. Festschrift für Erich Meyer, Hamburg, 1959, стр. 50—67.

Менее обоснованным является предположение Сотириу о том, что оба изданных им деревянных рельефа [один (воспроизведенный на рис. 3) из Кастории, в северной Греции; другой — из византийской церкви в Галлисте, поблизости от Кастории] изготовлены константинопольскими мастерами.[33] Выдвинутые им доводы недостаточно убедительны; не совсем ясно, почему автор не видит возможности их изготовления в пределах Балканского полуострова.

К сожалению, различие в материале, помимо других причин, не дает нам достаточного основания для сопоставления эрмитажного рельефа с тем, что издан Сотириу и хранится ныне в Византийском музее в Афинах. Можно сказать лишь, что художественное качество последнего выше.

Следует указать, наконец, еще на один памятник, представляющий известную аналогию для нашего рельефа. Это мозаичная икона с погрудным изображением святого Феодора[34] (из собрания Эрмитажа); к сожалению, в ней несколько повреждена правая нижняя часть, что затрудняет получить полное представление о всех ее деталях. Однако не подлежит сомнению, что в левой руке воин держит щит с прямым верхом; отчетливо видно также, что щит суживается книзу наподобие щита на мраморном рельефе. Трудно с уверенностью сказать, был ли он укороченных или удлиненных пропорций, поскольку сохранность предмета неполная. Так или иначе, и на памятнике начала XIV в., по всей вероятности константинопольского происхождения, отразилось проникновение западных форм вооружения.

Исходя из иконографии и стиля нашего рельефа и некоторой примитивности его исполнения, мы не можем относить его к столичной школе. Проникновение западных элементов иконографии вполне возможно и на Балканский полуостров.[35] Однако недостаточная изученность византийской скульптуры пока не позволяет делать окончательных заключений о месте его производства: датируя рельеф XIII в. (скорее второй его половиной), нельзя утверждать, сделан он на Балканах или в Малой Азии.

К сожалению, нам так и не удалось окончательно установить смысл эпитета ὁμωρομίλιτης, сопровождающего изображение Георгия. Уверенно можно говорить лишь о том, что в основе этого слова в греческой транскрипции находится латинское слово miles. Что означает первая часть эпитета, остается неясным. Как известно, ὅμορος (замена ω на ο в данном случае едва ли может смущать) означает „смежный, пограничный". Не приданы ли были этим эпитетом святому Георгию функции воина, защищающего границы? Разумеется, подобное понимание слова можно высказать пока лишь в форме предположения.[36]

---

[33] G. A. Sotiriou, ук. соч., стр. 179.

[34] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 221; т. II, табл. 289. Любопытно отметить, что эта форма щита проникает в XIV в. и в Россию. См.: И. И. Срезневский. Сказание о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV в. СПб., 1860, иллюстрации на стр. 58, 74, 88 и др.

[35] См. щит подобного рода в Сербии: Г. А. Шкриванич. Оружије у средновековној Србији, Босни и Дубровнику. Београд, 1957, стр. 122—125, 129—134; сл. 75, рис. 67.

[36] Подобное толкование возможно в том случае, если рассматривать слово как сказуемое, без артикля. Если же считать, что ο является артиклем, то μωρο может быть связано с географическим или этническим определением святого; может возникнуть предположение, что оно происходит от латинского mos, moris; в таком случае надпись обозначала бы: святой Георгий по обычаю или образу — воин.

Так или иначе, греческая передача латинского слова, так же как форма щита, указывает на наличие в нашем памятнике западных черт, характерных для эпохи, следующей за крестовыми походами.

Палеографические особенности надписи указывают, как нам кажется, также на XIII в. Здесь еще нет того большого числа лигатур, которые характерны для XIV—XV вв. Единственное сочетание букв ω и ρ встречается и в более ранний период; оно находит аналогию, в частности, в надписи иконы, хранящейся в Историческом музее в Москве.[37] Форма букв Г, М и Ѡ представляется нам уже выходящей за пределы XII в.

Подводя итоги, можно сказать, что рельеф из собрания Н. П. Лихачева не может относиться к X—XI вв., как это некогда считал С. Фраткин (см. стр. 21). Тип щита, характерный для западноевропейского оружия XIII—XIV вв., заставляет отнести его к более позднему времени. Для этого же времени представляется не случайным включение в надпись латинского слова в греческой транскрипции.

Можно предполагать, что мастер, высекавший этот рельеф в мраморе, имел перед собой образец, сделанный из кости или стеатита. Композиция и орнаментальное обрамление, так же как и общий силуэт фигуры Георгия с копьем и щитом, воспроизводили более ранний памятник; некоторые реалии отразили черты нового.

Таким образом, этот памятник, не обладающий высокими художественными достоинствами, представляет историко-культурный интерес. Культ Георгия зародился на Востоке в Каппадокии, затем получил широкое распространение в Закавказье и Византии и лишь со временем стал пользоваться большой популярностью в Западной Европе. Его образ, видоизменяясь, отражал черты реальной жизни. В. Н. Лазарев поставил вопрос об отражении в этом образе социальных моментов. Мы на одном скромном памятнике пытаемся поставить вопрос об отражении на нем элементов взаимодействия культуры различных народов. Как известно, этот вопрос неизменно интересует И. А. Орбели. Вот почему мы считаем возможным посвятить ему эту статью.

[37] В. Н. Лазарев. Новый памятник..., рис. 3.

С. Г. Бархударян

УРАРТСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ АРМЯНСКОГО НАХАРАРСКОГО РОДА АРЦРУНИ

Одним из важных, но пока еще мало изученных разделов древней истории армянского народа является вопрос выяснения его этнического состава.

Данные армянского языка, истории и археологии показывают, что армянский народ образовался в результате слияния племен, населявших территорию исторической Армении, с племенами, пришедшими извне; вместе с тем выяснено, что не все эти племена принадлежали к одной и той же языковой культурной семье.

В этом отношении большой интерес представляет происхождение древних армянских нахарарских родов.

Целью настоящей статьи является рассмотрение происхождения нахарарского рода Арцруни (Арцрунидов) — одного из древнейших в Армении и сыгравшего важную историческую роль.

Для выяснения происхождения как армянских нахарарств вообще, так и рода Арцруни в частности имеются два вида источников. Древнейшими из них являются ассирийские и урартские клинописи, а также сведения античных и средневековых историков. Впервые вопросом происхождения нахарарских родов Армении занимался отец армянской историографии Мовсес Хоренаци (V в.), взгляды которого в этом вопросе были повторены всеми историками средних веков, а затем и учеными начала XIX в.

Происхождению древних армянских нахарарских родов Мовсес Хоренаци уделил большое внимание, посвятив этому вопросу всю первую книгу „Родословия Великой Армении".

Все нахарарские дома он делит на три группы: аборигены, происшедшие из поколения Айка; аборигены, происшедшие из жителей, бывших еще до Айка; пришельцы княжеского или царского происхождения, которым армянские цари жаловали нахарарство.

Род Арцруни, согласно Хоренаци, принадлежит к третьей группе, а именно к пришельцам.

Мовсес Хоренаци, ссылаясь на Мар Абас Катину, тремя древнейшими нахарарскими домами Армении считает роды Арцруни, Гнуни и Бдешхов Алдзника, происходящие от двух сыновей ассирийского царя

Сенекерима (Синахериба), убивших своего отца и бежавших в Армению.[1]

В „Истории" рассказывается, что одного из братьев-беглецов — Санасара — армянский царь Скайорди поселил в районе горы Сим и что от него произошли Бдешхи Алдзника; а другого — Адрамелика — поселил на северо-восток от первого. Адрамелик положил начало нахарарским домам Арцруни и Гнуни.

Однако Хоренаци не удовлетворяется этим сообщением. Его общая концепция о нахарарских родах такова, что их родовые названия должны совпадать с именем основателя рода; но в таком случае ни среди Адрамелика и Санасара, ни среди их потомков он не находит имени, похожего на Арцруни; поэтому историк искусственно создает специальную должность при дворе армянских царей, которая якобы была отведена этому роду, и объясняет, почему этот род носил название Арцруни.

„Арцруни должны были бы называться Арцви-уни потому, что они носили орлов перед царем".[2]

Объясняя таким образом происхождение и название этого рода, Мовсес в своем труде неоднократно повторяет это свое сообщение.

„Как-то раз Шавасп Арцруни во время игры в шары с палками два раза выбивает шар из рук Шапуха. Царь заносит (на него) палкой, говоря: не забывайся. Тот ему в ответ: не забываюсь, помню себя и происхождение свое от царского семени Санасара и имею права наравне с твоими братьями целовать подушку царя в силу имени, которое ношу".[3]

Вторым средневековым историком, написавшим, в частности, историю князей Арцруни, является Фома Арцруни (X в.), который был представителем одной из ветвей этого рода. Казалось, что он должен был бы дать более обстоятельные данные, однако к сведениям Мовсеса Хоренаци о происхождении рода он ничего не добавляет и лишь дважды повторяет рассказ Хоренаци о Сенекериме и его сыновьях.

Он выдвигает новую версию о происхождении родового наименования Арцруни, совершенно отличающуюся от версии Хоренаци.

Историю рода Фома Арцруни излагает в следующем виде. После убийства своего отца Адрамелик и Санасар с небольшим отрядом спасаются бегством в Армению и обосновываются близ горы Сим. Во времена Тиграна Ксеркс и его сын Аршез, потомки Адрамелика и Санасара, впервые отличаются и получают поместье Тморис до границ Ниневии.

Вплоть до воцарения Парфянской династии в Персии и Армении потомки Адрамелика и Санасара были лишены своих привилегий и вторично были возведены в сан нахараров Вагаршаком. Наименование рода дано Вагаршаком, но по какой причине он называется Арцруни, историк не знал; тем не менее он выдвигает следующие четыре предположения: по названию равнины Арцуик (*Արծուիք*), по причине того, что Кир, который первый был возведен в нахарарский сан, обладал орлиным носом (*Արծռունգն*), или потому, что беглецы Адрамелик и Санасар обосновались в провинции Арзн (*Արզն*), или по причине того, что потомки этого рода отличались в войсках орлиной храбростью (*արծվաբար խիզախէին*).

[1] Моисей Хоренский. История Армении. М., 1893, стр. 7.
[2] Там же, стр. 57.
[3] Там же, стр. 194.

Перечислив все это, сам историк отдает предпочтение первому предположению, считая, что имя рода произошло от названия равнины Арцуик, где якобы Вагаршак впервые присвоил это имя Киру.

Сравнивая эти данные двух армянских историков о происхождении рода и названия Арцруни, мы видим, что они совпадают только в одном вопросе, а именно: происхождение рода ассирийское и связано с сыновьями Синахериба.

По второму вопросу — о происхождении наименования рода — мнения историков совпадают только в вопросе о времени: оба они считают, что род стал называться Арцруни во времена Вагаршака, но причины этого приводятся совершенно различные.

Из этого можно заключить, что в вопросе о происхождении рода Арцруни оба армянских историка имели, по их мнению, достоверный источник, который они и повторяют; что касается происхождения наименования рода, то здесь они не имели общего достоверного источника, поэтому Фома Арцруни не принимает объяснения Мовсеса Хоренаци и делает со своей стороны несколько новых предположений, которым все же и сам особенно не доверяет, потому что добавляет: *որպէս խմաստասիրացն հաճոյ թուին* (как это будет приятно мудрецам).

Другие средневековые источники повторяют сокращенно точку зрения Хоренаци относительно происхождения рода Арцруни. Такие сведения приводят: Драсханакертци (X в.), Асохик (X—XI вв.), Самвел Анеци (XII в.), Вартан Барцрбердци (XIII в.) и др.

Версия об ассирийском происхождении Арцруни, выдвинутая Мовсесом Хоренаци, утвердилась и в византийской историографии. Одним из императоров Византии был армянин Левон V (813—820). Этого царя-иконоборца клерикальные историки Византии ненавидят. Историк Георгий Монах считает Левона V — по происхождению Арцруни — отпрыском одной из ветвей Адрамелика и Санасара, которые ассимилировались с армянами. То же самое повторяет и Симеон Магистр, а продолжатель Феофана пишет: „Родиной вышеупомянутого Левона является Армения; род же происходит частично от ассирийцев, частично от армян, которые злоумышленно убили своего родителя и были осуждены на ссылку".[4]

Сведения об ассирийском происхождении рода Арцруни имеют во всей средневековой историографии древнеписьменный и весьма авторитетный источник, а именно Библию, в которой дважды упоминается убийство Синахериба его сыновьями и их бегство.[5]

Этот рассказ Библии имеется также у некоторых античных историков: у Бероза (III в.), у Иосифа Флавия (I в.), который заимствует его у Бероза, а также у Абидена, считавшего местом убежища братьев-отцеубийц „Византийский город".

Таким образом, Мовсес Хоренаци стал основоположником версии об ассирийском происхождении рода Арцруни, которую повторяют как историки средних веков, так и историки нового времени — до середины XIX в. Археологические данные, в частности находки ассирийских клинообразных надписей и их расшифровка в XIX в., определили

[4] Там же.
[5] IV книга царств, гл. XIX, 37; Прор. Исаии, гл. XXXVII, 38. В древнееврейском тексте у Исаии вместо „Армении" стоит „Арарат", но уже в оригинале 70-ти этот термин осмыслен как географическая Армения и заменен им. Только в переводах из оригинала 70-ти стоит „Армения".

истинный характер и точное время тех исторических событий, которые через Библию и античных историков послужили источником для Хоренаци. Привожу выдержку из анналов Ассархаддона относительно событий, последовавших за убийством Синахериба. „Услышав о приближении моего похода, покинули свои собранные войска и бежали неизвестно куда".[6]

А в „Вавилонской хронике", относящейся к 500 г. до н. э. и являющейся перепиской более древнего оригинала, сказано: „Месяца тебета 20-го дня Синахериба, царя Ассирии, убил его сын во время мятежа. 25 лет царствовал Синахериб над Ассирией. С 20-го дня месяца тебета по 2-й день месяца аддара в Ассирии длился мятеж. Месяца аддара (?) 8-го дня Ашшурхадин взошел на престол Ассирии".[7]

Как видно, в этих документах, современных событию и достоверных, вероятно по политическим соображениям, не названы имена братьев-мятежников, но, что для нашей темы гораздо важнее, сказано только, что они „бежали неизвестно куда".

В настоящее время выяснено, что убийство Синахериба произошло в ноябре-декабре 681 г. до н. э. Более поздние источники, как Библия, так и Бероз, Абидеин и Иосиф Флавий, упоминая об этом событии, считают, что братья-отцеубийцы бежали в страну Арарат, Сирию и т. д. Определение точной даты этих событий, т. е. 681 г. до н. э., само собой доказывает, что упоминание об Армении является лишь синхронизмом у поздних историков, так как в VII в. до н. э. будущая Армения была известна как Урарту. Если мы допустим отождествление Арарат-Урарту, то и в этом случае братья-беглецы не могли, по нашему мнению, найти убежища в Урарту, так как новейшие данные показывают, что взаимоотношения преемника Синахериба Ассархадона и царя Урарту того времени Русы II были дружественными[8] и они взаимно передавали беглецов. Доказательством этого может служить то, что беглецов из Урарту в Шуприю, которая тогда подчинялась Ассирии, Ассархадон по просьбе Русы II возвращал обратно, о чем в своей надписи пишет следующее: „...ни одного беглеца-урарта я не задержал, ни единого не оставил, вернул их в их страну".[9]

Когда в V в. Мовсес Хоренаци впервые писал „Историю Армении" и был вынужден объяснить историю возникновения армянских нахарарских родов, он не имел в своем распоряжении достоверных исторических источников, а эпоха возникновения нахарарства отделялась от Хоренаци целым тысячелетием и была покрыта мраком времени.

Существовавшие нахарарские роды имели укоренившиеся в течение веков свои определенные родовые наименования; следовательно, необходимо было объяснить возникновение не только рода, но и его названия, потому что одно без другого было бы неубедительным.

Согласно духу феодального мировоззрения своей эпохи, Хоренаци создал метод для объяснения этих вопросов, считая, что названия феодальных домов возникли в основном из имен лиц, которые первыми были удостоены нахарарского звания. Как от имени Айка — Айастан

[6] И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, № 2, стр. 215.
[7] Там же.
[8] Там же, прим. 6; см. также: Б. Б. Пиотровский. Урарту. Ереван, 1944, стр. 131.
[9] И. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 221.

(*Հայկ—Հայաստան—հայեր*), так и от имени его сыновей и внуков пошли более мелкие единицы — нахарарские роды.

Мовсес Хоренаци широко пользуется методом олицетворения географических названий. Географические названия устойчивы и древни, следовательно, если наименования феодальных родов и поместий совпадают, можно предположить, что был некий основоположник рода, именем которого назывались затем и поместье (местность), и род, например: от Манавазa — Манавазиды, от База — Бзнуни, от Гегама — Гегаркуниды, от Сисака — Сисакиды и т. д.

А если географическое название и наименование рода не совпадают, то последнее объясняется названием должности, занимаемой первым представителем рода при дворе Вагаршака.

Наименование рода Арцруни относится к этому последнему — им была дана должность *արծուիավէրը* (орленосец).

С точки зрения действительного исторического процесса эти представления лишены достоверности. Основателями феодальных (нахарарских) домов являются не отдельные личности, а жившие на данных местах еще до установления феодального строя племена или этнические группы, которые дали свое название и местности, и феодальному роду, возникшему из знати этого племени.

В своем труде, посвященном возникновению нахарарских домов Армении, Н. Адонц пишет: „Основная разница в том, что, по Хоренаци, известные нахарарства являются потомками отдельных лиц, а по нашему разбору, они происходят от некогда самостоятельных этнических групп".[10]

До первой половины XIX в. не было критического отношения к средневековой армянской историографии, и мнение Мовсеса Хоренаци повторялось в новейших трудах, посвященных истории Армении, в том числе и в трудах таких крупных историков, как Чамчян[11] и Инчичянц.[12]

Первым историком, который с сомнением отнесся к версии Мовсеса Хоренаци о генезисе рода Арцруни, был Гарагашян, принявший только сведения о сыновьях Сенекерима как предках Арцрунидов.[13]

Маркварт определенно выразил ту мысль, что предками Арцруни были не пришельцы Адрамелик и Санасар, а что Арцруни происходят из аборигенов княжеского рода из Софены (*Տուիք*) и переселились в Васпуракан при Тигране.[14]

Адонц присоединился к этому мнению Маркварта, однако считал, что переселение и обоснование рода Арцруни в Васпуракане произошло при Аршакидах, а происхождение наименования Арцруни еще не выяснено.[15]

Вышеуказанные три историка лишь мимоходом рассматривают вопрос генезиса рода Арцруни, но тем не менее в их мнениях есть существенные различия. В то время как Гарагашян стоит на основной точке зрения средневековых историков и генезис рода Арцруни связывает с сыновьями Сенекерима, бежавшими в Армению, Маркварт и Адонц уже отрицают это. Они впервые определенно высказывают мнение, что род Арцруни не следует связывать с сыновьями Сенекерима. Однако

[10] Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. Пб., 1908, стр. 490.
[11] *Չամչեան. Պատմութիւն Հայոց. Ա. Վենետիկ*, 1785, էջ 179.
[12] *Ինճիճեան. Հնախոսութիւն. Ր. Վենետիկ*, 1835, էջ 109.
[13] *Գարագաշեան. Քննական պատմութիւն. Ս. Թիֆլիս*, 1895, էջ 169—170.
[14] Markwart. Eranšahr, I. Berlin, 1901, стр. 76.
[15] Н. Адонц, ук. соч., стр. 415.

оба эти историка испытывают на себе влияние средневековой историографии, они считают, что Арцруни происходят из Софены (Ծոփք), т. е. из поколения княжеского рода южной части Армении, где, согласно Хоренаци и Фоме Арцруни, первоначально поселились Адрамелик и Санасар.

Тем не менее это был первый шаг в опровержении теории ассирийского происхождения рода Арцруни.

Сравнительно новое и обширное исследование вопроса происхождения нахарарского рода Арцруни принадлежит перу Асатура Хачатряна, который посвятил этому специальную главу своего труда.[16]

Основные выводы Хачатряна о генезисе нахарарского рода Арцруни сводятся к следующему: родоначальником Арцруни является не Адрамелик, а Ардамозан; Арцруни имеет арийское происхождение: имя Ардамозан (Արդամոզան), которое своей начальной частью Արդա связывается с чисто арийскими именами Միտանի-Մեդաց, как и встречающиеся в роде Арцруни имена Кир (Կիւրոս), Шарасп (Շարասպ), Меружан (Մերուժան). Первоначальным местом их поселения является Алше-Алзи-Агдзник (Ալշե-Ալզի-Աղձնիք), и только в последние века они перебрались в Васпуракан. Наименование Арцруни (Արծրունի), по-видимому, первоначально было Արզրունի-Արզնունի и, наконец, в народном произношении — Արծրունի (Арцруни). Таким образом, Хачатрян выдвигает совершенно новую теорию об „арийском" происхождении нахарарского рода Арцруни. Автор прибегает к двум приемам для обоснования своей теории. Во-первых, он считает родоначальником Арцруни такую личность, в имени которого можно было бы установить арийский корень, во-вторых, связывает их с таким первоначальным местом поселения, в названии которого можно было бы восстановить имя Арцруни.

Игнорируя данные как Мовсеса Хоренаци, так и Фомы Арцруни о том, что предками Арцруни являлись Адрамелик и Санасар, Хачатрян эту честь отдает потомку одного из них — Ардамазону, и это только по той причине, что в имени последнего, по мнению автора, можно обнаружить арийский корень.

По Хоренаци, мы знаем, что Ардамазон[17] является потомком Адрамелика, следовательно, имеет то же происхождение. По Анониму, он выступает как один из сыновей царя Астанга, т. е. арийца. Тигран, по этому рассказу, взял в плен двух сыновей Астиага, одного из них назначил на должность орленосца, а другого виночерпия и поселил их в провинции Ахбак (Աղբակ).

Хачатрян не считал правильным связывать наименование рода Арцруни с названием должности արծվակիր, поэтому местом поселения Арцруни считает также юго-западную часть Армении, но не Софену, а Агдзник.

Маркварт и Адонц, выдвинув версию о происхождении рода Арцруни из князей Софены, не брались объяснить происхождение родового наименования Арцруни; что касается Хачатряна, то последний, видоизменяя название Աղձնիք, приспосабливает по форме Արծրունի. Так, по мнению Хачатряна, „наименование Արծրունի первоначально, по-видимому, было Արզնունի Արծրունի и, наконец, в народном произношении Արծրունի".

[16] Ա. Խաչատրյան. Հայաստանի սեպագրական շրջանի քննական պատմություն. Երևան, 1933.

[17] Варианты: Արդամոզան, Արդամոզան, Արդումազան Արդամազան см.: Մովսես խորենացի. Պատմութիւն Հայոց. Թիֆլիս, 1913, էջ, 71.

Заметим тут же, что местности по названию Арцруни, предполагаемой Хачатряном, не было; эта местность с древнейших времен известна в форме Alzi — Azzi — Alše, а в ассирийских клинописях Enzitu — Anzitu, в древнеармянском языке — Անձնիտ (Anzitena) и, наконец, в форме Աղձնիք. Это название никогда не заменялось и не связывалось с названием Արծրունի, наоборот, северо-восточные части этого края впоследствии составили Андзевацик (Անզաւաց երկիր) и нахарарство. После такого произвольного использования исторических фактов, названий и наименований Хачатрян обращается к помощи языковедения для доказательства своего тезиса об арийском происхождении Арцруни. Он объявляет, что в роде Арцруни есть много личных имен арийского происхождения, как-то: Արդամորզան, Արշեզ, Կիւրոս, Շավասպ, Մեհրուժան. Вместе с тем он намеренно игнорирует существование в роде Арцруни имен неарийского происхождения. Приводим перечень таких имен (с объяснениями значения их по словарю армянских личных имен, составленному Р. Ачаряном):

Աշոտ (Ашот) — происхождение неизвестно, согласно Хоренаци, — еврейское;

Մուշեղ (Мушег) — хеттское;

Մարոդ (Марод) — происхождение неизвестно;

Շաբիթ (Шабид) — ассирийское;

Ջաջ (Джадж) — происхождение неизвестно; по-видимому армянское;

Ջաջուր (Джаджур) — провинициальная форма;

Սահակ (Саак) — древнееврейское;

Վահան (Baĥan) — сомнительное; некоторые считают, что происходит от персидского; Ньюбшман считает, что происходит от армянского;

Տիրոց (Тироц) — не выяснено;

Վարդին (Варгин) — неизвестно.

Этот перечень не только опровергает мнение Хачатряна, но и наглядно показывает на заимствование личных имен у различных народов. Это явление было свойственно издавна княжеским домам, а в настоящее время является всеобщим.

В исторических трудах в случае недостатка материала можно, разумеется, обращаться к этимологии личных имен, но часто это является шаткой основой.

С открытием и расшифровкой урартских клинописей появился новый и весьма ценный источник для изучения истории и географии Армении, в частности вопроса происхождения нахарарских родов.

В 1902 г. в издававшемся в Париже журнале „Банасер" появились две статьи, в которых было проведено сравнение названий местностей и личных имен, встречающихся в урартских клинописях, с армянскими именами. В этом перечне имен напротив Арцуниуни, имени бога и названии города, встречающихся в надписи урартского царя Менуа на „двери Мгера" (Մհերի դուռ) стоит наименование нахарарского рода Арцруни.[18] Акад. Г. Капанцян в своих работах, посвященных Урарту, в двух-трех местах выразил мнение, что нахарарский род Арцруни восходит к урарт-

[18] Բ. Խալաթեան. Մի կարծիք հայ նախարարութեանց ծագման մասին. № 6, էջ 169; Բասմաջեան. Հայ նախարարութիւնները բելեղաձև արծանագրութեանց մէջ: № 6, էջ. 188.

ской эпохе и связан с упоминаемыми в урартских клинописях именами бога и города Арцуниуни.[19]

Для уяснения исторической стороны этого сопоставления необходимо сделать небольшой историко-культурный обзор. Основой Урарту, как и всех государств древнего Востока, являлся союз многочисленных племен под главенством племени Урарту. На протяжении всей пятивековой истории этого государства наряду с борьбой внешней — за подчинение новых племен и их территорий — велась также и беспрерывная внутренняя борьба за удержание в повиновении племен, издавна населявших территорию Урарту, где реальной политической единицей и силой являлись роды и племена. В этой общественной среде у пришлых людей, даже высоких по положению, не было никакой возможности обосноваться и положить начало особого рода.

Надпись на „двери Мгера", которая относится к одному из первых царей — Менуа, отражает этнический состав государства. Эта надпись обобщает пантеон божеств основных племен, входящих в состав государства, и определяет число жертв, приносимых каждому из них.

Именно в этой знаменитой надписи Менуа в 15-й ее строке впервые появляется название племени и города Арцуниуни: „Богам города Арцуниуни приносит в жертву 1 быка и 2 овцы", а в 12-й строке: „... богу Арцибедини 1 быка и 2 овцы".[20]

Однако урартские источники, в которых упоминается Арцуниуни, не ограничиваются лишь этим важным документом.

В селе Схга (*Սղգա*),[21] находящемся в 9 км восточнее Вана, найдено три обломка большой надписи, которую восстановить полностью не удается, но общее содержание повествует о том, что Менуа соорудил в честь бога Халда религиозные здания и определил размер жертвоприношения. На одном из обломков этой надписи также упоминается город Арцуниуни.[22]

В селе Беркри (*Բերկրի*), находящемся северо-восточнее Вана, обнаружена нижняя часть стелы, на обеих сторонах которой также высечена надпись царя Менуа; лицевая сторона сильно повреждена, но оборотная сторона полностью сохранилась. Менуа заявляет, что поставил две надписи: одну для бога Халда и другую для бога города Арцуниуни.[23]

В указанных надписях трижды упоминается город Арцуниуни и однажды бог по имени Арцибедини.

Давно доказанным фактом является то, что в родоплеменную эпоху названия племени, его территории и „города" большей частью были одни и те же. Следовательно, название города Арцуниуни является также названием племени, главное божество которого — Арцибедина — вошло в государственный пантеон как юридический символ, представляющий племя.

Все упомянутые надписи относятся к первому периоду истории Урарту, все они поставлены по велению Менуа (правил в 810—8 гг. до н. э.).

[19] Գ. Ղաֆադարյան, Ուրարտուի պատմությունն. Երևան, 1940, էջ. 48; Г. Капанцян. Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении. Ереван, 1940, стр. 40—41.

[20] Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. ВДИ, 1953, № 2, стр. 322.

[21] В неармянской литературе это название искажено, как Сикех (см.: ВДИ, 1953, № 2, стр. 295).

[22] Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 296.

[23] В обеих надписях перед именем стоит детерминатив города.

Выше были приведены ассирийские надписи, подтверждающие, что убийство Сенекерима и бегство братьев-отцеубийц имели место в 681 г.; упоминания же Арцрунидов в урартских надписях относится к концу IX в., стало быть за 120 лет до этого убийства, что отвергает всякую возможность связать происхождение Арцрунидов с братьями-отцеубийцами.

Где же находилась территория поселения племени Арцруни?

Как мы видели, племя Арцруни упоминается в урартских клинообразных надписях, находящихся в двух местах — в селах Схга и Беркри (Ван в данном случае во внимание не принимается). Оба села находятся на восточной стороне оз. Ван: одно на южном конце, второе на северном. В перечисленных надписях город Арцуниуни упоминается в единственном числе; следовательно, был только один город под таким названием. К сожалению, определить точное местонахождение города весьма трудно, так как материал надписей недостаточен, а археологические изыскания неудовлетворительны. Тем не менее нам кажется, что этот город ранней эпохи Урарту должен был находиться близ села Схга; недалеко от которого, на вершине горы, сохранились остатки некогда обширной крепости, откуда, по нашему мнению, были взяты обнаруженные в селе Схга те три обломка надписи, на одном из которых упоминается название города.[24]

По армянским источникам, нахарарский домен Арцруни находится юго-восточнее Вана, в провинции Ахбак (*Աղբակ*). Древний город этой провинции — Адамакерт (*Աղամակերտ*) являлся их резиденцией, а монастыри св. Креста и Бардугимиоса — фамильными усыпальницами. Название города Адамкерта содержит в себе понятие древности; даже новое турецкое название его — Башкала (*Բաշ-Քալե* — 'главная крепость') — указывает на его важность. А название провинции Ахбак (*Աղբակ*), которое появляется с V в., можно отождествлять с упомянутым в ассирийских клинописях названием Арбакку.

Ашурнасирапал во время своего похода против Урарту упоминает о местности Арбаку в стране Хабхи, а несколько далее и о стране Арбакку.[25] Все эти места находятся по верхнему течению р. Заб (*Զաբ*), где и были провинции Большой и Малой Ахбак.

Кажется вероятным, что в ранний период государства Урарту территория, занятая племенем Арцруни, находилась в центральной части царства, несколько восточнее Вана, а позднее, возможно в период упадка Урарту, племя Арцруни отступило к юго-востоку и укрепилось в провинции Ахбак, где нахарарский род Арцруни и появляется с самого начала истории Армении.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

1. Ассирийские клинообразные надписи подтверждают, что царя Сенекерима действительно убили в 681 г.; участниками заговора были два его сына, вынужденные спасаться бегством. Но куда они бежали,

[24] Кроме указанных надписей, в селе Схга была обнаружена часть еще одной стелы, надпись на которой содержит упоминание о конных состязаниях. Менуа на своей лошади Арцибини совершил прыжок в 22 локтя. У Фомы Арцруни есть следующее интересное описание этого ипподрома: „Стоят кругом, между двумя холмами, глыбы крупных необработанных камней в виде статуй, которые смотрят на поле для конных скачек..., о которых воины рассказывают красивое предание; будто они стоят над убитыми храбрецами Шамирам".

До первой мировой войны каждой весной там имели место народные состязания и скачки, а место ипподрома называлось „Песчаник".

[25] И. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 292 и 294, прим. 31, 32.

неизвестно. Об этом событии упоминают античные и армянские историки и Библия, называя различные места убежища беглецов.

2. В армянской историографии Мовсес Хоренаци первым занялся вопросом возникновения нахарарских родов. Под влиянием Библии он поселил братьев-беглецов Адрамелика и Санасара на юге Армении, а затем в Васпуракане и их потомками считает нахарарский дом Арцруни (Арцрунидов). Этот тезис Хоренаци укоренился во всей армянской средневековой историографии и вошел даже в византийскую литературу.

3. Версия Мовсеса Хоренаци лишена исторической основы. Упоминание в урартских клинописях племени Арциунини (Арцруни) относится к концу IX в., т. е. за 120 лет до убийства Сенекерима, и вообще к раннему периоду истории Урарту, когда основную часть общества составляли племенные союзы. Беглые иноземцы никак не могли играть первостепенной роли в общественной жизни.

4. Нахарарский род Арцруни происходит от племени Арцуниуни, жившего южнее Вана в эпоху Урарту, но которое впоследствии населяет провинцию Ахбак (Ախբակ). С начала армянской истории их доменом являлся Ахбак, в дальнейшем они заняли весь Васпуракан, в IX в. их основная ветвь даже получила корону от ослабевшего арабского халифата.

Л. С. Бретаницкий

АРХИТЕКТУРНЫЕ ШКОЛЫ И ПРОБЛЕМЫ СТИЛЯ В ЗОДЧЕСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО АЗЕРБАЙДЖАНА (XII—XV вв.)

Вопросы возникновения, развития и смены стиля по-прежнему остаются наиболее спорными как в истории архитектуры, так и в истории искусств. Однако положение с изученностью этой сложной проблемы в истории искусства народов Магриба, Ближнего и Среднего Востока существенно отличается от ее состояния в истории искусств народов Западной Европы. Это ощутимо прослеживается при сопоставлении многочисленных сводных работ, принадлежащих перу зарубежных и отечественных ученых.

Нельзя не отметить различия в развитии феодального города на Западе и Востоке. Город и городская жизнь, в широком смысле этого понятия, сыграли весьма значительную, хотя и неодинаковую роль в развитии искусства и архитектуры как Запада, так и Востока.

Феодальный Восток, по существу, не знал свободного города, этого наиболее яркого цветка средневековья, по образному выражению Маркса.[1] Это обстоятельство наложило свой отпечаток не только на архитектурный облик городов и их планировку, но и на характер развития искусства в целом. Черты гуманизма, наиболее отчетливо проявившиеся в творчестве Низами и Руставели, не дают оснований для отождествления социально-экономической истории городов Востока и Запада. Характеризуя яркую картину расцвета городов Передней Азии в XII—XIII вв., вплоть до монгольского нашествия, И. А. Орбели справедливо подчеркивал неправильность ее отождествления с „ренессансом".[2]

Общие закономерности истории искусства народов Востока исследованы крайне недостаточно. В известной мере это объясняется малой изученностью искусства народов Востока в целом. Показательно само противопоставление в общих обзорах истории искусств понятия „мусульманское искусство" искусству народов Западной Европы, которое от-

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1949, стр. 720.
[2] И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства. III Междунар. конгресс по иранскому искусству и археологии, Доклады, М.—Л., 1939, стр. 151.

нюдь не объединяется в понятие „христианское искусство". Вряд ли нужно доказывать, что искусство народов, принявших ислам, ни в какой мере не покрывается термином „мусульманское", который не определяет ни содержания, ни самобытности культуры любого из них. „Термин «мусульманский», — отмечал И. А. Орбели, — не только культурный, но и конфессиональный, не покрывает всех созидательных элементов, внесших свое в эту мусульманскую культуру".[3]

Например, единый для мусульманского мира архитектурный облик мечети не сложился, да и не мог сложиться, поскольку повсюду он был теснейшим образом связан с местными строительными и художественными традициями. Еще показательнее в этом отношении архитектура минаретов.

Было бы неверным утверждать, что в литературе по истории искусств народов Востока не было попыток выявить существовавшие стилевые направления и обосновать их возникновение. Попытки подобного рода имели место, и некоторые наименования получили более или менее широкое распространение и даже упрочились, особенно в зарубежной востоковедческой литературе.

Попытки систематизировать искусство народов Востока носили различный характер, иногда они преследовали и явно тенденциозные цели.

Советские ученые неоднократно отмечали научную несостоятельность упрочившихся в зарубежном искусствоведении представлений о едином „персидском" искусстве.

Неприемлемы многочисленные попытки периодизации самого пути развития искусства, в основу которых были положены преимущественно династические или узко понимаемые этнические признаки. Условность и тенденциозность некоторых наиболее распространенных наименований — сасанидское, сельджукское, сефевидское и тому подобное искусство — неоднократно отмечались советскими исследователями.

Показательна систематизация, вернее бессистемность, обширного архитектурного материала в изданном перед войной капитальном обзоре „персидского" искусства.[4]

Результатом работ последних десятилетий явился обширный и весьма ценный фактический материал по архитектуре средневекового Азербайджана. Значительно расширившийся круг общих представлений об архитектурном наследии азербайджанского народа уже нашел известное отражение в специальной литературе. Создались реальные возможности не только для публикации отдельных, наиболее примечательных сооружений[5] и архитектурных ансамблей,[6] но и для исследования более общих проблем. Появились работы, посвященные различным типам архитектурных сооружений,[7] локальным архитектурным школам, сложившимся в Азербайджане к XII в.[8] и т. п.

Ряд зарубежных ученых также не мог не обратить внимания на своеобразие художественного облика памятников зодчества „северо-восточной провинции Ирана", как часто именовался Иранский Азербайджан. И если в начале столетия в первом по времени обзоре памятников „персидского" строительного искусства Ф. Зарре лишь особо подчеркивал значительную роль этой провинции в развитии культуры Персии,[9] то впоследствии появились не только публикации отдельных памятников[10] или групп сооружений,[11] но и исследования, специально посвященные архитектуре этой провинции.[12] Работы последнего времени уже особо характеризуют сложившуюся в Азербайджане архитектурную школу и, по существу, присоединяются к выводам, уже упрочившимся в советской науке.[13]

Фонд сохранившихся памятников архитектуры, дополняемый сведениями нарративных источников, позволяет схематично наметить в зодчестве средневекового Азербайджана основные периоды его развития: а) IV—VII вв., б) VIII—XI вв., в) XII—начало XIII вв., г) XIII—XV вв., д) XVI—XVII вв., е) XVIII—первая половина XIX вв.

Вопросы стиля в азербайджанском зодчестве XII—XV вв. стало возможным рассмотреть лишь благодаря исследованиям советских ученых. Памятники зодчества середины XII в. свидетельствуют о завершении процесса становления архитектурных школ, получивших в литературе последних лет несколько условное наименование нахичеванской и ширвано-апшеронской. Не останавливаясь на точности этих названий, подчеркнем, что стилистические особенности упомянутых архитектурных школ своеобразно преломили специфику социально-исторического развития и природные условия тех областей страны, в которых они возникли и формировались.

Возникновение и первоначальное развитие архитектурных школ было теснейшим образом связано с жизнью крупных городов, находившихся на оживленных караванных путях.

Возникновение архитектурных школ, как правило, совпадало с периодами экономического и политического подъема важнейших городов средневекового Азербайджана — Нахичевани — резиденции азербайджанских атабеков-ильдегизидов, Баку — резиденции дербентской династии ширваншахов, Мараги — столицы аксонкоридов. В этом процессе нашли свое отражение такие события, как подъем Шемахи в период правления ширваншахов-кесранидов, процветание Тебриза в XIV—XV вв., в период нахождения в нем резиденции ильханов, правителей государств Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу и т. п.

Однако ареал школ зодчества никогда не совпадал с изменчивыми политическими границами самих государств (рис. 1). И в пространстве, и во времени влияние архитектурных школ было несравненно более широким и устойчивым, нежели хронологические и территориальные границы государств, в столицах которых они в свое время возникали.

Процесс формирования архитектурных школ неразрывно связан с характерной для феодализма специализацией мастерства, с ее прочной традицией передачи „секретов производства" из поколения в поколение. Творческая индивидуальность зодчего проявлялась подчас в развитии

[3] И. А. Орбели. Мусульманские изразцы. Пб., 1923, стр. 12.
[4] A Survey of Persian Art, London—New York, 1939—1940.
[5] Сб. „Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами". М.—Баку, 1947; М. Усейнов. Памятники азербайджанского зодчества. М., 1951.
[6] С. А. Дадашев, М. А. Усейнов. Ансамбль дворца ширваншахов в Баку. М., 1956.
[7] А. В. Саламзаде. Архитектура мавзолеев Азербайджана XII—XV вв. Сб. „Архитектура Азербайджана. (Очерки)", Баку, 1952.
[8] Л. С. Бретаницкий. Архитектурные школы средневекового Азербайджана. Искусство Азербайджана, т. II, Баку, 1949.
[9] F. Sarre. Denkmäler persischer Baukunst. Textband, Berlin, 1910, стр. 5.
[10] M. Siroux. La mosquée Djoumah de Marand. Arts Asiatiques, t. III, 1956, fasc. 2, Paris, 1957.
[11] A. Godard. Notes complémentaires sur les tombeaux de Maragha (Adharbaidjan). Athar-é-Iran, t. I, Haarlem, 1936.
[12] O. Taylor. Architecture of the North-West Iran in the Ilkhane-period. Chicago, 1940.
[13] Donald N. Wilber. The architecture of Islamic Iran. Ilkhanid period. Princeton. New-Jersey, 1955.

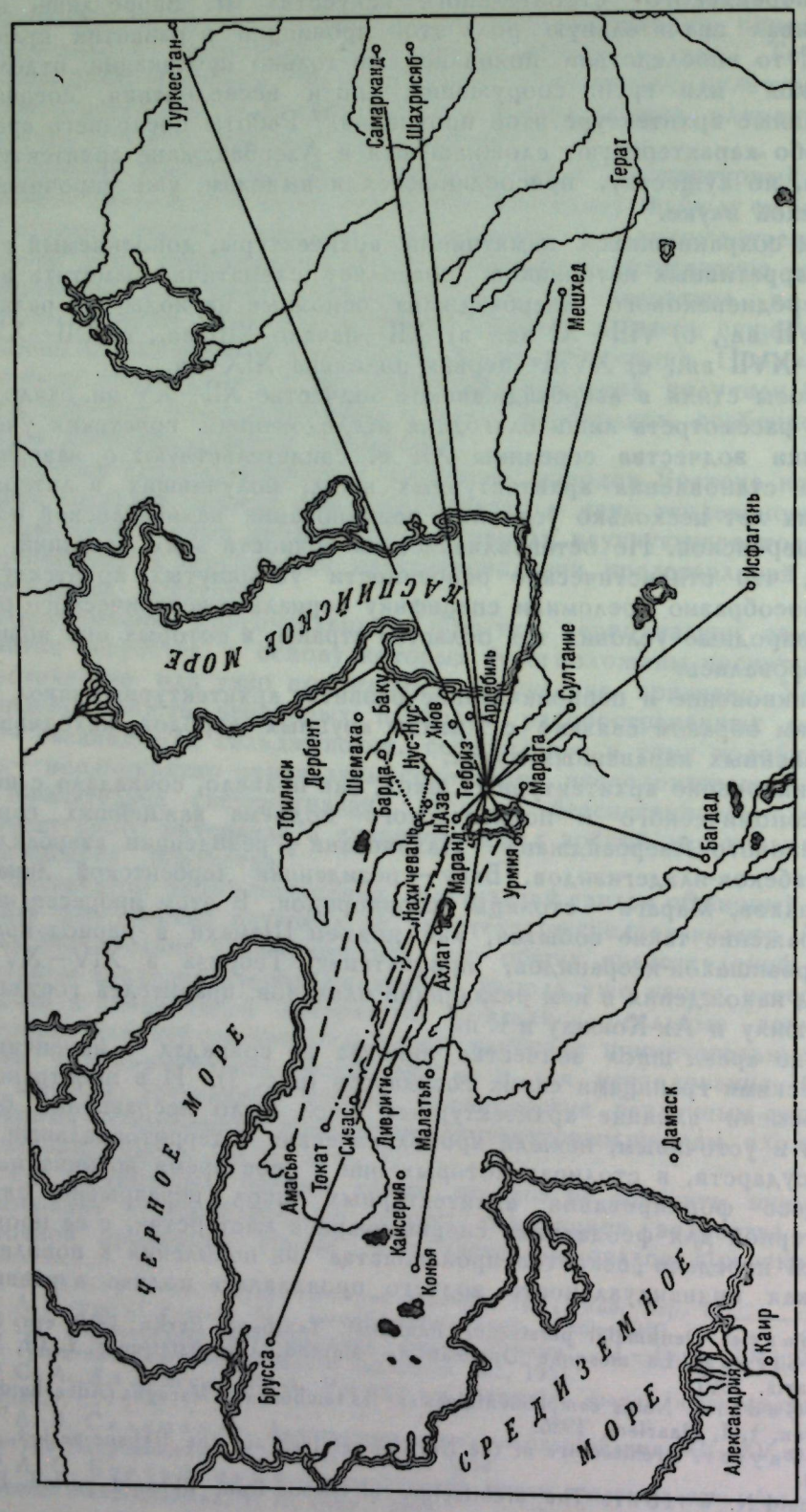


Рис. 1. Карта местонахождения построек зодчих и мастеров архитектурного убранства средневекового Азербайджана.

уже канонизировавшихся художественных образов и в разработке вошедших в традицию архитектурных форм.

Сопоставление памятников архитектуры Азербайджана XII—XV вв. позволило установить одновременное существование двух художественных направлений, тесно связанных с архитектурными школами, сложившимися в наиболее крупных городах страны. В настоящее время очевидно, что архитектурные школы, сложившиеся в Баку и Шемахе, хотя сохранность их архитектурного наследия неодинакова, принадлежали к стилистически единому кругу.

Многочисленные памятники зодчества Баку свидетельствуют не только об устойчивости сложившихся в этой области типов архитектурных сооружений, но и позволяют проследить некоторые особенности их последовательного развития. Так, показательна архитектура минаретов, представленная такими памятниками, как минареты мечети Мухаммеда или Сыныk-Кала (1078/79 г.) (рис. 2) в Баку, ханеги на р. Пирсагат (1256 г.), мечети в селе Биби-Эйбат (рубеж XIII—XIV вв.), Джума-Мечети (XV в.) и мечети дворцового ансамбля (1441/42 г.) в Баку.

Тип сооружений не претерпевает никаких изменений, но тенденция развития архитектурных форм прослеживается вполне отчетливо. Стволы минаретов утончаются, очертания их становятся более стройными. Детали сталактитового пояса, поддерживающего „шэрэфэ“ — круговой балкончик для муэдзина, призывающего к молитве, усложняются, становятся более декоративными, постепенно утрачивая свой первоначальный конструктивный смысл. Строительные и иные надписи приобретают все более декоративный характер, нарочито орнаментализуясь. Угловатые очертания раннего „куфи“ постепенно вытесняются затейливой вязью „несха“.

Устойчивость выкристаллизовавшегося типа сооружения подтверждает и архитектура замков апшеронских феодалов. Монгольское завоевание не вызвало коренных изменений в общих условиях исторического развития этого района страны, что нашло своеобразное выражение в сохранившемся типе замка. Общие их размеры увеличиваются. Донжоны замков XIV в. отличаются от донжонов замков предшествующего периода своими габаритами, некоторыми конструкциями и отчасти архитектурными формами, но тип замка, по существу, сохранился. В этом отношении наглядно сопоставление двух замков в сел. Мардакяны, высящихся неподалеку один от другого, но выстроенных один в 1232 г. (рис. 3), другой в конце XIV столетия. Для них остаются общими планировка, пространственная композиция, система обороны и т. д. Различие наблюдается лишь в габаритах и упоминавшихся элементах.[14]

При этом нельзя не отметить известную обособленность архитектуры апшеронских замков по сравнению с архитектурой зданий в других областях Ширвана, в том числе и Баку.

Архитектура памятников Ширвана XV в. — периода перенесения резиденции ширваншахов из Шемахи в Баку — свидетельствует о широком распространении роднящих их художественных особенностей, вне зависимости от назначения самих сооружений. Укажем, например, на несомненную стилевую общность архитектуры зданий дворцового ансамбля с архитектурой многочисленных караван-сараев, водохранилищ —

---

[14] Е. А. Пахомов. Старинные оборонные сооружения. Труды Инст. истории АН Азерб. ССР, т. I, Баку, 1947.

овданов (сел. Сангачалы, Миаджик, Хильмилли) и других сооружений (так называемой „Ханской дачи" в сел. Нардаран и т. п).

Землетрясения, а также военные события, которыми изобиловала бурная история Шемахи, привели к тому, что в городе почти не со-

Рис. 2. Минарет мечети Мухаммеда в Баку (471 г. х. = 1078/79 г.).

хранилось сооружений, которыми он некогда славился. Тем не менее можно предполагать генетическую связь архитектуры дворцового ансамбля в Баку с архитектурой Шемахи — постоянной столицы Ширвана.[15] Какие данные позволяют утверждать, что некогда Шемаха была архитектурным центром, возможно, не уступавшим по своему значению Баку?

Немаловажной ценностью обладают свидетельства письменных источников. Среди многочисленных отечественных и иноземных путешест-

[15] Л. С. Бретаницкий. К проблеме изучения архитектурных направлений средневекового Азербайджана. Докл. АН Азерб. ССР, т. III, вып. 1, 1946, стр. 31:

венников (Дженкинсон, Котов, Олеарий, Таверньe, Стрейс), оставивших более или менее подробные описания Шемахи, выделим Биберштейна, подметившего, что „архитектура города имела характер архитектуры всех городов этой страны, как Дербент, Куба и Баку, но, по-

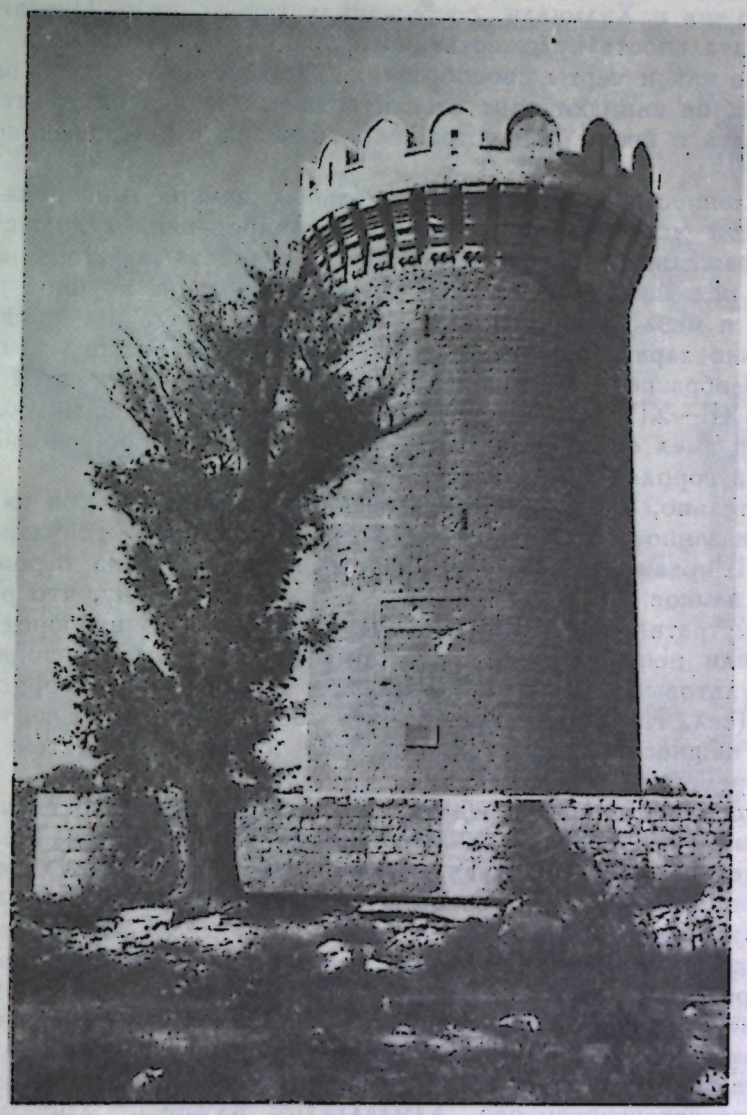


Рис. 3. Замок в сел. Мардакяны (1232 г.). Ме'мар Абд-ал Меджид сын Мас'уда.

видимому, она была более изящной в общественных и массивных сооружениях". Отмечая „остатки мечетей, их возвышенные купола и пространные своды..., построенные из искусно тесанного и мастерски соединенного камня", Биберштейн одновременно указывает на „магазины и лавки, построенные из камня в том же духе".[16]

[16] Fr. Biberstein. Beschreibung der Länder zwischen den Flüssen Terek und Kur am Kaspischen Meere. Frankfurt-am-Main, 1880.

Кроме письменных источников, существует ряд архитектурных памятников, служащих как бы промежуточными звеньями между сооружениями XV в. в Баку и на Апшероне и несохранившимися зданиями Шемахи. Речь идет о группе мавзолеев в сел. Хазра, скальной усыпальнице в сел. Маразы, упоминавшихся караван-сараях в сел. Сангачалы, Миаджик и Хилмилли, сооружениях ханеги на р. Пирсагат и др.

Индивидуальность художественного облика перечисленных памятников, так же как и черты своеобразия, присущие архитектуре бакинских сооружений, не снимают черт их стилистической общности, что позволяет говорить о школе зодчества, сложившейся в средневековом Ширване.

Обособленность архитектуры феодальных замков Апшерона говорит о сложности условий, определявших формирование художественного стиля. Ограждавшие небольшой участок крепостные стены и возвышавшийся над ними лаконичный объем донжона с короной развитых машикулей и мерлонов, эффектно завершающих гладь каменной кладки, выразительно характеризуют суровый облик апшеронского замка, в котором своеобразно преломились особенности развития этой области страны в XII—XIV вв. Естественно, что художественный облик этих сооружений имел очень мало общего с архитектурой сооружений, возводившихся в городах Ширвана — Баку и Шемахе.

Показательно, что перенесение резиденции ширваншахов из Шемахи в Баку, связанное с централизацией и укреплением государственной власти в Ширване, не только привело к прекращению строительства подобных замков на Апшероне в XV в., но и к тому, что ранее выстроенные утратили свое былое военное значение. В непосредственной близости или неподалеку от некоторых из них стали возводить капитальные культовые (селения Мардакяны и Раманы) или дворцовые сооружения (сел. Нардаран). Именно эти сооружения несут черты стилистической общности с архитектурой Баку и других областей Ширвана того же времени.

Таким образом, наряду с ширванским направлением, охватившим такие центры формирования локальных школ зодчества, как Баку и Шемаха, существовала небольшая, относительно самостоятельная линия архитектурного развития, проявившаяся в вошедшем в традицию облике феодальных замков Апшерона.

Развитие нахичеванского художественного направления по сравнению с ширванским обладало некоторыми особенностями. Наименование, упрочившееся за этим направлением, в известной мере условно, как и ранее упоминавшиеся. Его ареал (рис. 4) не ограничивался городом, который не без основания дал ему имя,[17] или границами Нахичеванского тумана, охарактеризованного Хамдаллахом Казвини.[18] Хронологически и территориально не совпадают они с границами владений азербайджанских атабеков-ильдегизидов, избравших Нахичевань своей столицей. Ареал этой школы не покрывается и предложенным М. М. Дьяконовым наименованием „арранское“,[19] поскольку он значительно превосходил территорию междуречья Куры и Аракса, которая обычно понимается под понятием „Арран“.[20]

[17] Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. Уч. зап. Инст. востоковедения АН СССР, т. IX, 1954, стр. 209.

[18] И. П. Петрушевский. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук, 1937, № 4, стр. 909.

[19] М. М. Дьяконов. Рецензия на книгу И. П. Шеблыкина „Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами“. Истор. журнал, 1945, № 5, стр. 79.

Наименование школы в известной мере оправдано сохранившимися в самой Нахичевани многократно воспроизводившимися мавзолеями, позволяющими проследить творческий путь их автора — нахичеванского

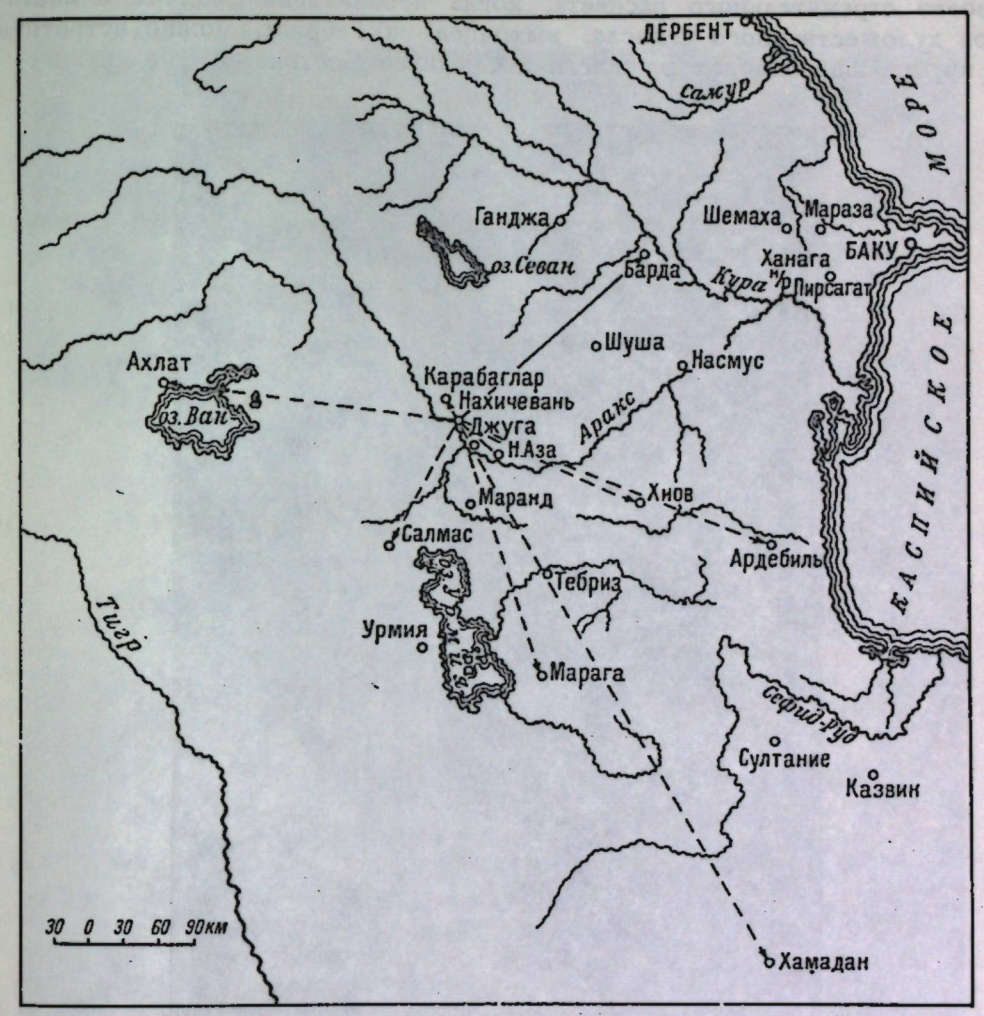


Рис. 4. Местонахождение памятников зодчества нахичеванского архитектурного круга.

зодчего Аджеми сына Абубекра.[21] Известно несколько имен других зодчих, в XII—XIV вв. указывавших в „нисбах“ строительных надписей Нахичевань — место, откуда они были родом.[22]

[20] В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 151.

[21] E. Jacobsthal. Mittelalterliche Backsteinbauten im Nachitschewan zu Araxesthale. Sonderabdruck aus der „Deutsche Bauzeitung“, Berlin, 1899.

[22] Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. Зодчие и мастера архитектурного декора в зодчестве средневекового Азербайджана. Изв. АН Азерб. ССР, 1954, № 10.

В нахичеванском направлении отчетливо локализуются центры возникновения местных архитектурных — школ — Нахичевань, Марага, Тебриз. В развитии архитектуры в различные исторические периоды городам этим принадлежала неодинаковая роль. Тебриз, например, приобрел в нем ведущее значение, по-видимому, лишь в XIV—XV вв., в период своего стремительного расцвета, когда произведения зодчих и мастеров художественного ремесла, выходцев из Тебриза, можно встретить в крупнейших городах Ближнего и Среднего Востока.

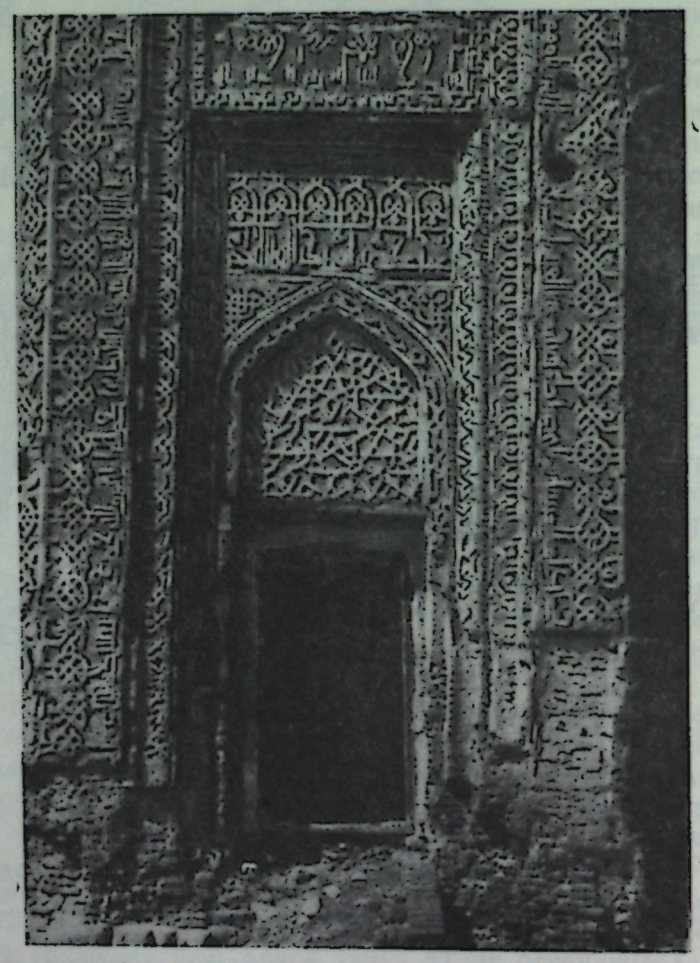


Рис. 5. Портал мавзолея Момине-Хатун в Нахичевани (1186/87 г.).

Памятники, принадлежащие сложившимся в этих городах архитектурным школам, тесно связаны между собой стилистически. Наглядна отмечавшаяся рядом исследователей художественная общность таких примечательных памятников, как мавзолей Момине-Хатун в Нахичевани (1186/87 г.) (рис. 5) и его „двойник", построенный Ахмедом Мухаммедом десятью годами позднее в Мараге, Гунбад-е Кабуд (1196/97 г.).[23]

[23] L. A. Mayer. Islamic architects and their works. Genève, 1956, стр. 44.

Подобного рода примеров можно привести немало, но главное не в них. Важно то, что монгольское нашествие, оставившее в этих областях страны значительно более тяжелый след, нежели в Ширване, не могло уничтожить издревле сложившихся архитектурно-художественных и строительно-технических традиций; новый этап развития азербайджанского зодчества был органически связан с предшествующим.

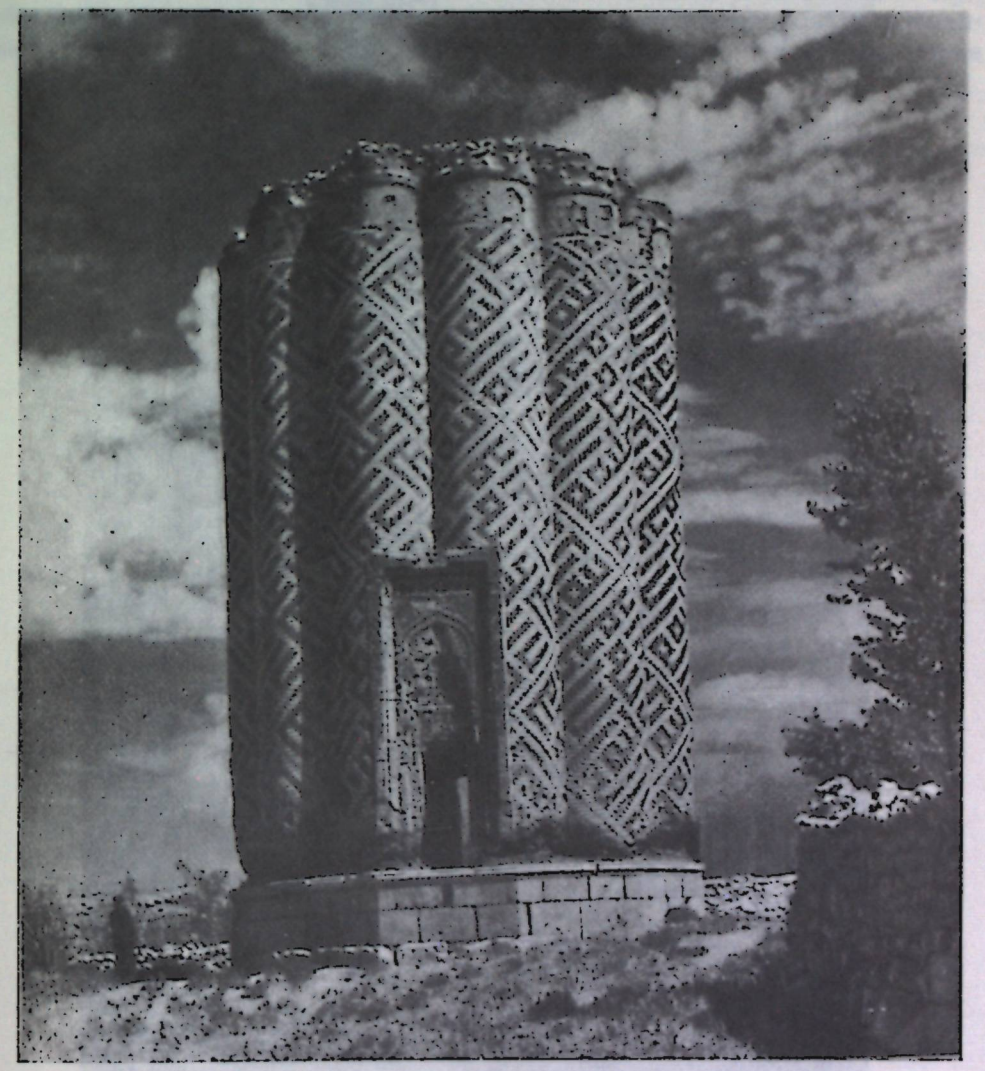


Рис. 6. Мавзолей в сел. Карабаглар (первая половина XIV в.).

Сопоставление многочисленных и хорошо сохранившихся мемориальных сооружений, разделенных периодом монгольского завоевания, особенно наглядно. Среди „башенных" мавзолеев, локализующихся в основном в южных областях Азербайджана, достаточно упомянуть находящийся на берегу оз. Урмия мавзолей Се-Гунбад (1187 г.) и мавзолеи послемонгольского времени — в Карабагларе (рис. 6), Салмасе, Хиове и Ардебиле (рис. 7). Не менее наглядно сопоставление „кубических" мавзолеев — архитектурного типа, по нашему мнению, в Азербайджан

привнесенного и широкого распространения в строительстве не получившего.[24] Архитектура сохранившихся в Мараге мавзолеев Гунбад-е Сурх (1148 г.) (рис. 8) и Гунбад-е Гаффарийе (первая половина XIV в.) также говорит не только о преемственности типа сооружения, но и о явлениях, знаменующих новый этап в развитии азербайджанского зодчества.

Рис. 7. Мавзолей шейха Сефи в Ардебиле (XV в.).

Общей чертой, характеризующей зодчество этого этапа, является в первую очередь возросшая представительность и декоративность архитектурного облика монументальных сооружений, независимо от их

[24] Л. С. Бретаницкий. К вопросу взаимосвязи в средневековом зодчестве Азербайджана и Средней Азии. Докл. АН Азерб. ССР, т. IV, вып. 7, 1948.

назначения. Средства архитектурной выразительности сосредоточиваются на входных порталах, превращающихся подчас из скромно декорированных входов (Момине-хатун) в главный элемент пространственной композиции, выделяемой и объемно, и декоративно (Барда). Усложнились конструктивные в своем генезисе сталактитовые композиции, превратившиеся в один из важных элементов убранства зданий. Орнаментальные узоры, основой построения которых служили четкие геометрические схемы, уступили место сложным плетениям со стилизованными растительными элементами. Многочисленные надписи также

Рис. 8. Мавзолей Гунбад-е Сурх в Мараге (542 г. х. = 1147/48 г.). Бенна Бекр Мухаммед сын Бендана.

становятся эффектным средством архитектурного декора. Был орнаментализован почерк надписей. Различные по интерпретации куфические почерки, с характерной для них угловатостью начертания, сменяются прихотливой вязью „несха". Существенно меняется и колористическая особенность архитектуры зданий в связи с широким применением облицовочного кирпича с разноцветными глазурями, а также многоцветной наборной мозаики.

Таким образом, в архитектуре Азербайджана XII—XV вв. сложились два отчетливо выраженных художественных направления, тесней-

шим образом связанных с локальными школами зодчества, которые возникли в наиболее значительных городских центрах страны. Материальные возможности, уровень развития строительной техники и духовная жизнь Нахичевани, Баку, Шемахи, Тебриза, Мараги определяли идейно-эмоциональную выразительность и художественную ценность произведений этих школ.

Отметим, однако, немаловажную особенность архитектурного облика монументальных сооружений этого времени, присущую им, невзирая на принадлежность к различным художественным кругам. Нет надобности останавливаться на общих чертах: компактности плановых решений, строгости построенных из лаконичных геометрических объемов пространственных композиций и четкости архитектурных силуэтов. Особого внимания заслуживает „светскость" композиционных приемов, архитектурных форм и средств декора, получивших самое широкое распространение в строительстве культовых и общественных, дворцовых и мемориальных сооружений.

Монументальную статичность композиций и торжественность архитектурных форм оттеняет виртуозно разработанное архитектурное убранство, в особенности орнаментальные узоры. Яркую выразительность архитектурному орнаменту придают эффектные контрасты светотеневых пятен художественной резьбы по камню и красочные сочетания мозаичных наборов.

Черты, типичные для архитектурных произведений, были не менее характерными и для других областей художественного творчества этого времени. Родствен стиль орнаментального декора мавзолея Момине-Хатун, сооруженного Аджеми Абубекром в 1186 г. в Нахичевани (рис. 5), и хранящегося в Лувре небольшого инкрустированного серебром кувшина, созданного в 1190 г. Османом сыном Салмана из той же Нахичевани.[25] Проводя параллель между творчеством Аджеми Абубекра и его современника Низами Гянджеви, М. М. Дьяконов справедливо отмечал, что их роднит „стройность общего замысла, величественность конструкции и тончайшая филигранная разработка деталей, неисчерпаемая фантазия в орнаменте, будь то словесном или архитектурном".[26]

В заключение следует несколько остановиться на немаловажных вопросах связей, существовавших между рассмотренными архитектурными направлениями, а также художественного воздействия последних.

Применение в разных областях страны различных строительных материалов — камня, обожженного кирпича или изразцов — наложило определенный отпечаток на трактовку характерных форм, даже единых по своей конструктивной логике (портальные композиции, сталактиты и т. п.). Однако особенности развития стиля в целом были связаны и с более глубокими причинами — социальными, обусловливавшими не только своеобразие развития архитектурных форм, но и возникновение самих типов архитектурных сооружений, специфику их развития и распространения в строительстве. Общий для Ширвана строительный материал, как отмечалось, не воспрепятствовал возникновению на Апшероне художественного направления, не связанного с архитектурой городских сооружений Баку.

С другой стороны, в архитектуре сооружений, принадлежащих к ширванскому и нахичеванскому направлениям, встречается немало не

[25] G. Migeon. Manuel l'art musulmane, t. II. Paris, 1907, стр. 175.
[26] М. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 78.

только общих черт, но и общих архитектурных приемов и деталей. В этом отношении показательно применение характерного для нахичеванской школы изразцового декора в ряде сооружений Ширвана: упоминаемые путешественниками „лазоревые каменья" куполов зданий дворцового ансамбля в Баку,[27] изразцовые вставки на некоторых мавзолеях Шемахинского района[28] и т. п. Важно подчеркнуть, что элементы изразцового декора не были чужеродны в сооружениях камен-

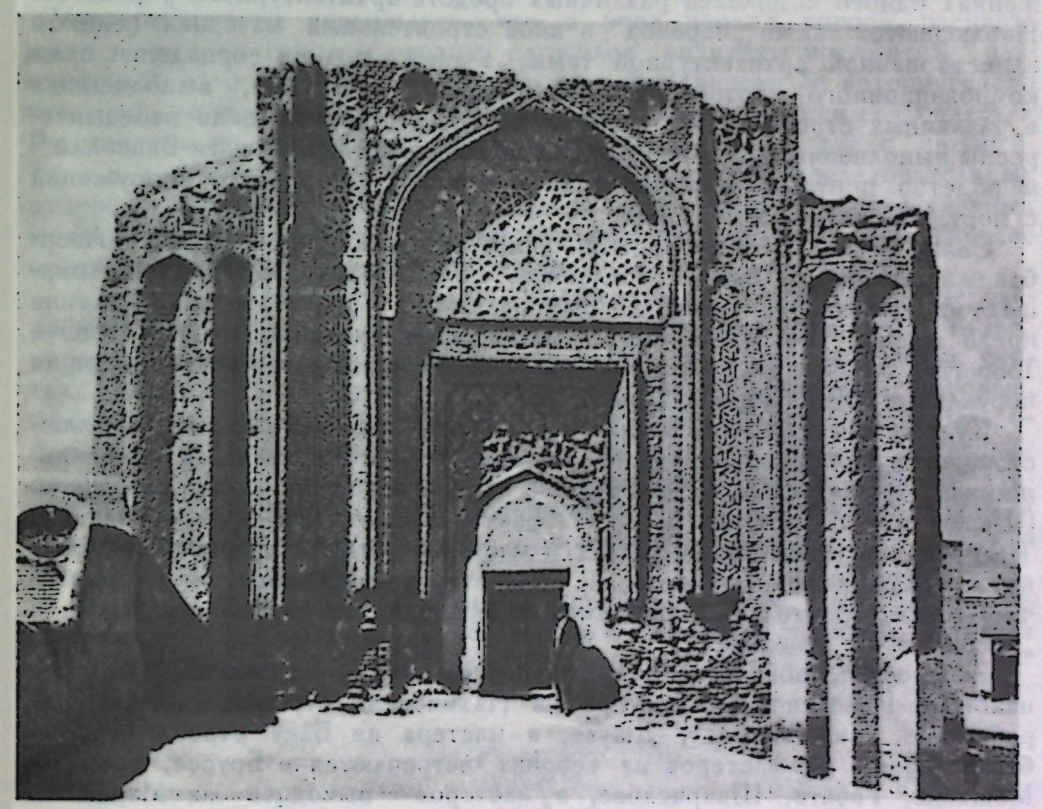


Рис. 9. Мавзолей Пир-Алавийан в Хамадане (XII в. ?).

ной архитектуры, так же как не были чужеродными сложенные из тщательно тесанных и зачастую тонко профилированных каменных блоков цоколи, обычные в возводившихся из кирпича „башенных" и „кубических" мавзолеях, или архитектурные каменные детали мавзолеев Мараги. Не менее показательно и распространение орнаментальных узоров, совершенно тождественных по своему композиционному построению, но выполненных в различном материале — камне и кирпиче, — в мавзолеях Джуги, Нахичевани.[29] Присущие обоим художественным

[27] И. Лерх. Путешествие... „Новые ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие", СПб., 1790.
[28] Александрович (Насыфи). Шемаха. Изв. Азерб. археол. комитета, вып. 2, Баку, 1926.
[29] Л. Бретаницкий, Г. Елькин, Л. Мамиконов, Д. Мотис. Некоторые проблемы взаимосвязи в архитектуре народов Закавказья. Изв. Аз. ФАН СССР, № 7, 1942.

направлениям приемы архитектурного декора органически сочетаются в постройках такого уникального памятника, как ханега на р. Пирсагат, обладающая великолепной изразцовой облицовкой[30] и превосходной художественной резьбой по камню и гяже.[31]

Явление это может быть проиллюстрировано не только распространенностью тождественных орнаментальных мотивов, применением декоративных элементов, отличных по материалу, или сочетанием в сооружениях одного комплекса различных средств архитектурного убранства. Наблюдаются также „перевод" в иной строительный материал целиком заимствованной архитектурной темы, а также полное совпадение схем композиционного построения архитектурных элементов, выполненных в различных строительных материалах. В этом отношении небезынтересны выполненный в камне „башенный" мавзолей сел. Ашаги-Вейсэлли[32] и родство портальных композиций бакинских дворцовых сооружений с порталом мечети в Ардебиле.[33]

Связь между архитектурными направлениями средневекового Азербайджана, видимо, была оживленной. Показательно, что зодчий Амиршах из Вальянкуха (местечко неподалеку от Тебриза) создал в камне превосходный восточный портал дворцового ансамбля в Баку (1585—1586 гг.), по-своему интерпретируя уже канонизировавшиеся традиции портальных композиций Ширвана XV в.

Художественное воздействие азербайджанских школ зодчества иллюстрируется письменными свидетельствами и многочисленными сохранившимися памятниками. Сообщаемые средневековыми историографами (Шереф ад-дин ал-Язди и др.)[34] факты привлечения к строительству Тимуром в Средней Азии зодчих и мастеров художественного ремесла из Азербайджана расширены и конкретизированы сведениями многочисленных строительных надписей, содержащих не только имена, но и „нисбы" этих „умельцев".

Разумеется, воздействие архитектурных школ не могло быть одинаковым. Известно, что мастера из Нахичевани строили в Барде, Карабагларе, Нижних-Азах, Джуге, а мастера из Баку строили в Дербенте. Имена же мастеров из Тебриза встречаются в Бруссе, Багдаде, Мешхеде, Герате, Шахрисябзе, а мастеров — выходцев из Мараги и Маранда — в таких центрах конийского султаната, как Дивриги, Токат и Сивас.

Одновременно следует отметить и сооружения, не сохранившие строительных надписей, но архитектура которых не вызывает сомнений в принадлежности их к тому или иному художественному кругу. Так, очевидна связь мавзолея Пир-Алавийан в Хамадане[35] (рис. 9), мавзолея

[30] В. А. Крачковская. Изразцы мавзолея Пир-Хусейна. Тбилиси, 1946.
[31] С. П. Райгородский, Э. И. Кануков. Хенега на р. Пирсагат. Сб. „Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами", М. — Баку, 1947.
[32] И. П. Щеблыкин. Мавзолей в селении Вейсалы. Сб. „Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами", М.—Баку, 1947.
[33] А. В. Саламзаде. Архитектурный комплекс в Ардебиле и некоторые проблемы средневекового зодчества Азербайджана. Искусство Азербайджана, т. V., Баку, 1956.
[34] А. Ю. Якубовский. Мастера Ирана при Тимуре в Средней Азии. III Междунар. конгресс по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939.
[35] E. Herzfeld. Die Gunbad-i Alawiyyan und die Baukunst der Ilkhane in Iran. Oriental Studies presented to Edward G. Browne, Cambridge, 1922.

в Ахангане,[36] мавзолея в сел. Хиси-Кейфа[37] с произведениями нахичеванской школы.

Композиция и архитектурные формы огромной мраморной вставки портала мечети Биби-Ханым в Самарканде близки портальным композициям Ширвана и подтверждают гипотезу Н. Б. Бакланова о том, что она была выполнена вывезенными из Азербайджана „каменосечцами",[38] которых упоминал историограф Тимура Шереф ад-дин ал-Язди.

Таким образом, произведения азербайджанского зодчества XII—XV вв. позволяют утверждать, что в этот период яркого расцвета многих крупных городов страны сложился архитектурный стиль, развитие которого своеобразно преломляло особенности ее исторического развития, одновременно преломляясь в самых различных областях архитектурного творчества. Формирование и развитие стиля происходило в результате длительного и сложного процесса последовательных отбора и совершенствования композиционных решений, архитектурных мотивов и форм, приемов и средств архитектурного убранства, наиболее созвучных данной исторической эпохе.

Связи архитектурного стиля, сложившегося в зодчестве Азербайджана XII—XV вв., с предшествующими и последующими этапами его развития представляются в настоящее время лишь в самых общих чертах. Также не исследованы его связи со сходными явлениями, которые, по-видимому, имели место в архитектуре других народов Востока, в особенности тех, чьи исторические судьбы были тесно связаны с азербайджанским народом. Проблема возникновения, развития и смены стилей в зодчестве народов феодального Востока чрезвычайно сложна и многогранна. Исследование этих вопросов представляет собой задачу последующих разысканий.

Наши заметки преследовали по сути лишь одну цель — привлечь к решению этой сложной проблемы те материалы, которые уже дает зодчество Азербайджана XII—XV вв.

[36] A. Godard. Khorasan. Mi-é Ahangan. Athar-i-Iran, t. IV, Haarlem, 1949.
[37] A. Gabriel. Voyages archéologiques dans la Turquie. Oriental, I.
[38] Н. Б. Бакланов. Три сооружения Тимура. Труды Всеросс. Академии художеств, Л.—М., 1947, стр. 60.

О. Л. Вильчевский

ОДА ХАКАНИ ГРУЗИНСКОМУ ЦАРЮ ДИМИТРИЮ I

Интересную часть дивана Хакани, в которой, пожалуй, сильнее, чем в его парадных одах и лирических стихах, ощущается биение современной поэту жизни, составляют „отрывки и малые оды“ (قطعات و قصاید صغار). Из числа этих произведений поэта несомненный интерес представляет небольшой отрывок, опубликованный в изданном в Тегеране печатном диване Хакани[1] и отсутствующий в известных мне рукописях поэта.[2]

За исключением одного искажения (легко, впрочем, как мы увидим далее, восстанавливаемого), печатный диван публикует текст этого отрывка, не внушающий сомнения. Искажению подверглось первое полустишие второй строки, где поэт, обращаясь к адресату, именует последнего, если следовать печатному тексту: عماد الدولة اریاریط (опора государства Ариарит).

Второй термин, являющийся собственным именем адресата, несмотря на внешне греческий облик, получился либо в результате искажения переписчиков, либо просто в результате неправильного чтения подлинника издателем печатного дивана. Греческой аналогии к нему мы не находим. Я восстанавливаю это искаженное слово следующим образом.

Во второй части вместо یاریط я читаю تاویط (Тавит); эта конъектура не может вызвать возражений, ибо путаница в начертании букв و и ر — явление обычное, а диакритические точки, ошибки с которыми бывают еще чаще, издатель печатного дивана ставит иногда по собственному усмотрению.[3] В отличие от обычной формы داود (Давуд), служащей для

[1] دیوان حسام العجم افضل الدین ابراهیم بن علی خاقانی شروانی بتصحیح و تحشیه و تعلیقات عدی عبد الرسولی طران ۱۳۱۶ стр. 661—662 (в дальнейшем: Диван). В заголовке адресат назван عماد الدین (опора веры) вместо стоящего в тексте عماد الدولة (опора государства). Возможно, это реминисценция полного титула адресата عماد الدولة و الدین (опора государства и веры).

[2] Отсутствует он и в сохранившейся части старейшей рукописи дивана Хакани (ИВАН, № С-1424).

[3] Так, в одной из од в честь сестры Димитрия Тамары, вдовы ширваншаха Минучихра, в которой Димитрий I фигурирует как уже преставившийся инок, издатель печатного дивана, произвольно поставив точки, превратил выражение از پی آن پسر که خواهد برر * قرعها سعد اکبر افشاند است (Ради того [чтобы узнать], кто же выиграет, Юпитер бросил жребий) в قرعها * از پی آن پسر که خواهد بود سعد اکبر افشاند است (Ради того, чтобы родился сын, Юпитер бросил жребий) (Диван, стр. 84), заставив, таким образом, рожать Тамару после смерти Минучихра, когда она была более чем в преклонном возрасте.

передачи мусульманского имени и имени библейского пророка Давида, форма تاویط (Тавит) служит для передачи его христианского варианта. В частности, мы находим эту форму в „Шереф-намэ“ — памятнике, хотя и позднем, но сохраняющем старые реминисценции. Рассказывая о „гурджистанском эмире Тавите“, у которого союз курдских племен Рожеки отнял захваченные им области южнее оз. Ван,[4] курдская летопись имеет в виду одного из первых Багратидов куропалата Давида III, захватившего в 997 г. ряд районов южнее оз. Ван.[5]

Находящееся в первой части ار — не что иное, как плохо прочитанное издателем печатного дивана слово ابن (сын). Путаница в рукописях X—XIII вв. графем ر и ن встречается, пожалуй, чаще, чем смешение графем و и ر в более позднее время,[6] в силу чего лигатура ابن легко могла быть прочитана как ار. Таким образом, загадочное اریاریط (Ариарит) стоит в печатном издании вместо ابن تاویط (сын Давида).

После этого необходимого исправления текст нашего отрывка приобретает следующий вид:

فلک خاک در میر است و من هم
از آن مدحش باب زر نویسم
عماد الدولة ابن تاویط کورا
نه بطریق اجل قیصر نویسم
بسا منت که اسکند پدیرد
اگر نه قیصر اسکنر نویسم
دلش مومیت ار جه نیت مؤمن
بر آهن نام او حیدر نویسم
چو کردم خانهٔ دل وقف مهرش
خط مهر ابد بر در نویسم
چو نامم بر برادر خوانوکی حواند
خراج خویش بر قیصر نویسم

Небо — прах порога князя и я также,
Поэтому хвалу его золотой тинктурой пишу.[7]

[4] Chèref-nameh ou fastes de la nation Kurde par Chèref-ouddine prince de Bidlis. Trad. par F. B. Charmoy. S.Pb., 1873, т. II, ч. I, стр. 229.

[5] Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. История Грузии, ч. I. Под ред., С. Джанашиа. Тбилиси, 1946, стр. 164 (в дальнейшем: История Грузии).

[6] Н. Пигулевская. Греко-сиро-арабская рукопись IX в. Палестинский сборник, вып. I (63), Л., 1954, стр. 66; О. Л. Вильчевский. Новый источник для характеристики мировоззрения городского населения Ирана X—XI вв. Сов. востоковедение, 1955, № 1, стр. 96.

[7] Термин امیر (князь) в еще большей степени, чем ملک (царь), имеет у Хакани значение суверенного феодального владыки, обладающего наследственной властью вне зависимости от систем византийского или сельджукского феодализма. زر آب — „золотая тинктура“, по-видимому, в эпоху Хакани на его родине была редкостью и широкого распространения не имела. Во всем большом диване поэта этот термин

(О) опора государства, сын Давида, которого
Я не преславным патриархом, а кесарем пишу![8]
Великий дар обрел бы Александр (Македонский),
Если я не кесарь, а Александр напишу.
Сердце его — воск, хотя он не правоверный,
(Поэтому) на стали я имя его — лев — напишу.[9]
Если я завещал дом (своего) сердца его любви,
(То) я письмена вечной любви на дверях пишу.
Если же он имя мое прочел своему названному брату,
(То) я свой налог на кесаря отпишу.[10]

Из контекста явствует, что адресат отрывка — феодальный владыка, носящий титул „опора государства" и являющийся сыном Давида. Адресат, как подчеркивает автор, не правоверный, следовательно — христианин; в качестве эпитета к нему применен термин „лев", столь часто прилагаемый к царям в грузинской придворной литературе того времени.[11]

Уже этих признаков было бы достаточно, чтобы увидеть в адресате грузинского царя Димитрия I, сына Давида IV и брата Тамары, жены ширваншаха Минучихра. Однако число таких признаков можно еще увеличить. Во-первых, поэт обращается к адресату с просьбой походатайствовать за него перед „названным братом" адресата, т. е. перед мужем сестры Димитрия — ширваншахом Минучихром, патроном Хакани.

встречается только в данном произведении, адресованном повелителю соседней Грузии перед поездкой Хакани в хадж, и в поэме „Подарок из двух Ираков", написанной вскоре после возвращения и описывающей поездку в хадж (مثنوی تحفة العراقین. اثر خاقانی شروانی باهتمام .... دکتر یحی قویب. Тегеран, 1333, стр. 148). Современник Хакани, уроженец Тифлиса, Абуль-Фазль Хобейш ибн Ибрагим Тифлиси (см. о нем мою рецензию: СЭ, 1959, № 2, стр. 180), описывавший приготовление золотой тинктуры из оловянной эмульсии, шафрана и аравийской камеди, не знал термина آبزر и называл ее زر مانند مداد — „чернила вроде золота" (ابو الفضل حبیش ابن ابراهیم تفلیسی بیان الصناعات ... با مقدمه در باره‌ء زندگانی و نوشته‌های او بقلم ایرج افشار. Тегеран, 1336, стр. 75).

[8] Вопрос о титулах в одах Хакани не исследован. Тем не менее можно утверждать, что, как правило, встречающиеся там титулы не надуманы, а вполне реальны. В частности, интересно, что титул عز الدولة (величие государства) Хакани применяет только по отношению к византийскому императору, а титул عماد الدولة (опора государства) встречается только в данной оде. По-видимому, этот титул имел в условиях современного Хакани Закавказья особое значение, не совпадающее с общепринятым. См. по этому поводу: „Сиасет-намэ", книга о правлении везира XI столетия Низам Ал-мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания проф. Б. Н. Заходера (Л., 1949, стр. 153, 158, 159); см. также соображения Б. Н. Заходера (стр. 291—293) о том, что этот раздел является позднейшей вставкой, сделанной вскоре после царствования сельджукского султана Мухаммеда ибн-Мелик-Шаха (548/1153—554/1159), т. е., что в нем отображены взгляды, современные написанию нашего отрывка. Эпитет اجل (преславный) употреблен по отношению к эмиру Манучехру в Ани (И. Ю. и В. А. Крачковские. Из арабской эпиграфики в Ани. Сб. „Академия наук — академику Н. Я. Марру", Л.—М., 1935, стр. 681).

[9] Хакани обыгрывает близкие по звучанию и начертанию слова موم (воск) и مؤمن (правоверный). Ср. аналогичный прием в траурной элегии на смерть дяди (Диван, стр. 456).

[10] برادر خواندگی (названный, нареченный брат, побратим) (см.: Н. Я. Марр. Вступительные и заключительные строфы „Витязя в барсовой шкуре". Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. XII, СПб., 1910, стр. XXV) — наиболее удачный термин для зятя в значении не „мужа дочери" (داماد), а „мужа сестры".

[11] Н. Я. Марр, ук. соч., стр. 14—15.

Во-вторых, Хакани умеет соблюдать необходимый такт в сношениях с великими мира сего. Он знает, как, когда, при каких обстоятельствах можно в остроумной, свежей форме поднести своим венценосным адресатам нечто лестное и приятное для них. В больших парадных одах это достигается обычно нагромождением пышных, гиперболических образов и эпитетов, безграничным раздуванием реальных, а еще больше отсутствующих достоинств и качеств адресата. Однако такой прием был бы неуместен в данном отрывке, представляющем собой одну из тех деловых записок в стихах, каких много можно обнаружить в диване поэта. Здесь нужно было в более скромной форме, незаметно, между делом ввернуть нечто лестное и приятное адресату, примерно так, как сумел это сделать Чичиков, когда „в разговорах с вице-губернатором и председателем палаты, которые были еще только статские советники, сказал даже ошибкою два раза ваше превосходительство, что очень им понравилось".

Вот почему Хакани в первых же строках говорит, что он будет восхвалять своего адресата „не преславным патриархом, а кесарем", добавляя при этом, что сравнение адресата с Александром Македонским было бы лестно для последнего.

В самом деле, как известно, дворцовые заговоры и борьба сыновей за обладание троном вынудили престарелого Димитрия в конце своего царствования, в 1155 г., отречься от престола и постричься в монахи. На престол вступил его старший сын Давид, который через несколько месяцев „сделался жертвой страстей, разыгравшихся вокруг вопроса о престолонаследии".[12] После смерти Давида Димитрий I оставил монастырь и, вернувшись на престол, снова царствовал в течение всего 1156 г., а затем снова удалился в монастырь, передав престол своему второму сыну Георгию. Поэтому-то Хакани, обращаясь к находящемуся на престоле иноку, именует его „не преславным патриархом, а кесарем". При этом, если мы учтем, что единственным Багратидом, которому византийское правительство пожаловало титул кесаря, был дед Димитрия Георгий II, отец которого Баграт и сын Давид IV обладали всего лишь титулом севаста, а сам Димитрий не имел византийского титула, нам станет понятным, насколько удачно и тонко льстит Хакани своему венценосному адресату, трижды титулуя его на протяжении шести строк кесарем.

Из сказанного следует и другой вывод: данный отрывок адресован Димитрию I в тот небольшой отрезок времени, когда он вторично находился на престоле, т. е. в течение 1155—1156 гг., что соответствует 550 г. х., причем ширваншах Минучихр был в это время еще жив.[13]

Поскольку Хакани совершил свой первый хадж в следующем 551 г. х.,[14] постольку и просьба, с которой он обращается к Димитрию в данном отрывке, связана вернее всего с получением разрешения на эту поездку.

К кому только ни обращался Хакани с просьбой о разрешении ему совершить хадж! И к самому ширваншаху, и к его жене, и к другим членам его семьи, и к министрам ширванского двора, и к ширванским вельможам, и к ширванскому духовенству. Однако в силу каких-то причин ширваншах Минучихр долго отказывал своему придворному

[12] История Грузии, стр. 208.

[13] Сборник Хакани, Незами, Руставели, I, Л., 1935, стр. 29—30.

[14] Дата эта устанавливается хронограммой в хорошо известной „Исфаганской касыде" Хакани, написанной во время первого хаджа.

поэту в разрешении выполнить эту священную обязанность каждого, пользующегося уважением и добрым именем мусульманина.

В „Кабус-намэ“ — произведении, мировоззрение и бытовые нормы которого весьма близки к ширванскому двору эпохи Хакани, говорится, что хадж, как и зекат, относится к обязанностям, выполняемым только „имущими и избранными“. Для выполнения хаджа „нужно наличие пяти условий: власть, богатство, свободное время, почет и безопасность и спокойствие“.[15] Мы не знаем, какое из этих условий отсутствовало у Хакани, с точки зрения Минучихра. Мы зато сейчас знаем другое: Хакани смог осуществить свое заветное желание лишь по представительству христианского инока и главы христианского государства Димитрия I.

Правда, одной из характерных особенностей Димитрия I было то, что этот христианский государь по пятницам посещал мечеть,[16] другой же его особенностью было помещение им на монетах наряду со своим именем „царь царей, меч мессии Димитрий“, имен аббасидского халифа и сельджукского султана.[17]

Следовательно, для Димитрия I было столь же естественно ходатайствовать о поездке в хадж добропорядочного мусульманина — поэта, в диване которого имя Иисусово встречается в несколько раз чаще, чем имя пророка Мухаммеда. Столь же естественно было и для алида Хакани обратиться с этой просьбой к христианскому монарху, принявшему схиму.

Таково содержание этого небольшого отрывка Хакани, адресованного грузинскому царю Димитрию I. Как известно, грузинские источники хранят почти полное молчание о тридцатилетнем царствовании сына и сподвижника Давида IV; и те несколько строк, которые посвящены Димитрию I в грузинских летописях, производят впечатление позднейшей вставки. Поэтому такой интерес приобретает данный отрывок, в котором образ Димитрия нарисован мастерской рукой его гениального современника, прекрасно знавшего жизнь столь близкого Ширвану грузинского двора.

---

15 Кабус-намэ. 1) Изд. С. Нафиси, Тегеран, 1933, стр. 13; 2) Пер. Е. Э. Бертельса, Л., 1953 (серия „Литературные памятники“), стр. 21. Сам Хакани в своих произведениях, связанных с хаджем, высказывал противоположную точку зрения и неоднократно заявлял, что Кааба и Мекка существуют не для богатых и знатных, а для простых людей и бедняков, которые и являются истинными мусульманами, достойными хаджа.

16 По широко известному свидетельству Ибн-аль-Азрака (JRAS, 1902, стр. 791).

17 По мнению Е. А. Пахомова, факт этот неопровержимо доказывает, что Димитрию I пришлось признать свою зависимость от аббасидских халифов и иракских сельджукских султанов (Е. А. Пахомов. Монеты Грузии, ч. I. СПб., 1910, стр. 81). Попытка И. А. Джавахишвили (Христианский Восток, т. I, вып. 1, стр 112—113) опровергнуть или хотя бы опорочить эту точку зрения лишена всякого научного основания, хотя и повторяется некритически А. А. Быковым (Грузинские монеты XII—XIII вв. Сб. „Памятники эпохи Руставели“, Л., 1937, стр. 79) и Д. Г. Капанадзе (Грузинская нумизматика. Л., 1955, стр. 61—62). Надписям на монетах Димитрия соответствуют слова Фелеки в оде на его смерть: شاهنشه ابخاز و شکی ... کو باج بخاور همی از باختر آورد دیمطری داؤد سر تخمهٔ بقراط ... شمشیر مسیح — „шахиншах Абхазии и Шеки..., который принес дань с Запада на Восток (т. е. платил подать сельджукам), Димитрий сын Давида из рода Багратидов... меч мессии“ (Hadi Hasan. Researches in persian Literature. Hyderabad, 1958, стр. 64).

Р. М. Джаноладзе

„ИСТОРИЯ АРМЕНИИ“ КИРАКОСА ГАНДЗАКСКОГО И НАДПИСИ НОР-ГЕТИКА

„История Армении“ Киракоса Гандзакского,[1] написанная в середине XIII в., содержит огромный фактический материал. Автор этого труда, по его собственному признанию, старался писать о том, что он „видел своими глазами и слышал своими ушами“, а видел и слышал он очень многое. Киракос (род. в 1201 г.) прожил долгую жизнь, был в плену у монголов, служил даже одно время у них переводчиком, являлся участником многих событий армянской истории. Он принадлежит к тем историкам, которые старались описывать самое важное и достоверное, не задаваясь целью написать систематическую историю всей страны.

В „Истории“ Киракоса Гандзакского много места уделено строительству и жизни Нор-Гетикского монастыря, который был основан в конце XII в. Мхитаром Гошем, известным армянским ученым и писателем, составителем первого армянского светского судебника.

Строительство основного комплекса Нор-Гетика относится к 1189—1212 гг., и, несмотря на то, что в это время Киракос в этом монастыре еще не жил, он все же подробно освещает жизнь монастыря этого периода, упоминает имена людей, участвовавших в строительстве монастыря или же оказавших ему помощь. Нет сомнения в том, что автор при написании своей истории пользовался надежными источниками.

При изучении эпиграфических памятников Нор-Гетика мне удалось установить, что Киракос Гандзакский не проходил мимо надписей на постройках.

Как известно, все основные здания монастырского комплекса имеют свои строительные надписи: в них отмечаются даты строительства отдельных зданий Нор-Гетика, приводятся различные исторические события, упоминаются имена настоятеля монастыря и лиц, причастных к постройке. В том, что при написании своего труда Киракос Гандзакский использовал эти надписи, нас убеждает почти полное воспроизведение начала одной из них в тексте „Истории“.

На восточной стене главного храма сохранилась строительная надпись, которая гласит: „В 640,[2] спустя четыре года после взятия Иеру-

---

1 Պատմութիւն Հայոց Կիրակոս վարդապետի Գանձակեցւոյ. Թիֆլիս, 1910.

2 Армянского летосчисления 640 + 551 = 1191 г.

салима Саладином, начали (строить) святую церковь в Нор-Гетике, и было (строительство) завершено в пять лет во время Кривой пасхи греков Мхитаром вардапетом, при настоятеле Вардане, с помощью благочестивого князя Вахтанга и его супруги Арзухатун и братьев Смбата, Васака, Хойдна, Григориса и их детей".[3]

Почти то же самое мы читаем и в „Истории" Киракоса, где говорится: „...начали в 640 году армянского летосчисления, спустя четыре года после взятия Иерусалима Саладином, и завершили в пять лет во время Кривой пасхи греков.... во время Мхитара с помощью Вахтанга Хачен-ского, князя Атерского, и братьев его Григора, Григориса, Хойдна и Васака и других благочестивых князей сыновей Курта: Давида и Садуна, а также сестры их Арзу-Хатун, жены Вахтанга Атеркского".[4]

Зависимость приведенного текста от надписи на стене храма очевидна. Киракос расширил лишь сведения об исторических личностях.

Немного ниже, описывая деятельность того же вардапета Мхитара, Киракос упоминает: „Построили и другие часовни во имя святых Апостолов и св. Рипсиме".[5]

Надпись на тимпане маленькой часовни относит постройку ее к Мхитару: „Св. Рипсиме в году 657 (1208) построили эту церковь Сероб и Овасаб с помощью святого вардапета Мхитара".[6]

Позднее, уже при жизни Киракоса в Нор-Гетике, возводится еще несколько церквей, об одной из них Киракос пишет: „В году 703 (1254) Хачатур вардапет и брат его Барсег построили церковь напротив храма с куполом во имя св. Геворга".[7]

В надписи на барабане церкви мы читаем: „704[8] (1255) Господь Бог будь милостив к Хачатуру Вардапету и к его брату Барсегу, строителям этой церкви и ко всем, которые трудились над этим. Аминь".[9]

Киракос подробно описывает остальные постройки монастырского комплекса. Имея в руках его „Историю", мы можем восстановить всю строительную историю монастырского комплекса.

Необходимо отметить, что когда дело доходит до описания тех памятников, которые были построены при Киракосе, то он отходит от той сухости и документальности, которые отмечены при описании главного храма, и дает пространный текст, останавливаясь на исторических личностях. Так, например, надпись на церкви св. Григория рассказывает, что Мартирос и Григор построили церковь. Киракос этого Григора называет Капалеци. Строителя же другой церкви, тоже Григора, именует Тга. Таким образом, мы уже имеем возможность различить двух строителей церквей — Григора Капалеци и Григора Тга. Кроме того, удается выяснить еще то, что Григор Тга был внуком Вахтанга Атерского, покровительствовавшего Мхитару Гошу.

Судя по тем подробным и точным сведениям, которые дает Киракос об монастырских поместьях и дарах монастырю, он, видимо пользовался документами монастырского архива.

---

[3] Р. М. Джанполадян. Мхитар Гош и монастырь Нор-Гетик. Труды Гос. ист. музея Армении, т. I, стр. 157 (на арм. языке).
[4] Киркос Гандзакский. История Армении. Тифлис, 1910, стр. 200 (на арм. языке).
[5] Там же, стр. 204.
[6] Р. М. Джанполадян, ук. соч., стр. 163.
[7] Киракос Гандзакский, ук. соч., стр. 211.
[8] У Киракоса дата 703 г. (очевидно, ошибка переписчиков).
[9] Р. М. Джанполадян, ук. соч., стр. 164.

Киракос Гандзакский, дававший точные и документальные сведения, в историографии средневековой Армении не одинок. Нам известны имена и других армянских историков, которые относились со строгостью к достоверности своего труда и приводили различные документы. Одним из представителей этой группы историков был и Степанос Орбелян, так же как Киракос, дословно приводивший в своей „Истории области Сисакан"[10] надписи, имевшиеся на стенах древних построек. Многие из этих надписей сохранились до наших дней, что позволяет проверить достоверность сообщаемых историками отдельных фактов.

---

[10] Պատմութիւն նահանգին Սիսական, արարեալ Ստեփաննոսի Օրբելեան արքեպիսկոպոսի Սիւնեաց, Թիֆլիս, 1910.

В. Д. Дондуа

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ ГРУЗИНСКОГО ჯ (dze) В ЛЕКСИКЕ РУСТАВЕЛИ

Критическое изучение творчества грузинского поэта Шота Руставели (XII в.), автора знаменитой поэмы „Витязь в тигровой шкуре", вызывает множество разнообразных вопросов, среди них и относящихся к сфере социально-культурной жизни.

Насыщенное историческими реалиями творение Руставели рисует характерные картины действительности феодальной Грузии и дает ценный материал для анализа господствовавших в стране общественных отношений, идеологии, нравов, быта.

Историческое значение поэмы, как то показывает вековой опыт ее изучения, поддерживает внимание исследователей, пытающихся раскрыть смысл не только общих проблем, но и отдельных выражений, содержащихся в тексте поэмы.

Содержание поэмы нашло живой отклик в статьях академика И. А. Орбели.[1] „Многие сотни ее стихов глубоко поучительны", — пишет ученый.[2]

В предлагаемой статье мы ставим перед собой задачу дать посильное толкование вопроса о смысловом значении и месте в поэме Руставели (строфы 33_1, 36_4, 47_3, 118_1, 514_3, 992_3) грузинского слова ძე (dze), обычно передающего понятие „сын". Нас интересует, обозначает ли это слово в поэме исключительно лицо мужского пола и относится ли только к сфере родственных отношений. Мнения специалистов (Ю. Абуладзе, Н. Марр, К. Кекелидзе и др.) в этом вопросе расходятся.

Стих 33_1 говорит о трудности для царя Ростевана, не имеющего сына, решить вопрос о престолонаследнике. Это отражено в словах: სხვა ძე არ ესვა მეფესა, მართ ოდენ მარტოდ ასული,[3] что в буквальном переводе значит: „Другого dze не было у царя, была только лишь дочь".[4] Отме-

[1] Сб. „Памятники эпохи Руставели", Л., 1938, стр. 1—21 (Введение); стр. 139—158 (Герои Руставели и их подданные. Самосознание низов в баснях XII—XIII вв.).

[2] Там же, стр. 12.

[3] Шота Руставели. Вепхисткаосани. Под ред. А. Барамидзе, К. Кекелидзе, А. Шанидзе. Тбилиси, 1951. Чтение მარტოდ принято в издании П. Ингороква (Тбилиси, 1953, стр. 409).

[4] Вот русские соответствия грузинских слов: sxva 'другой', ar esva 'не было [у него]', mepesa 'царю, у царя', mart oden martod 'только лишь', asuli 'дочь'.

тим, что также обстояло дело в современной поэту Грузии: царь Георгий III был отцом единственной дочери Тамары, будущей знаменитой царицы.

Естественно недоумение, вызываемое неожиданным сочетанием слов dze 'сын' и asuli 'дочь' в применении к одному лицу и именно в данном контексте. Употребление dze с определением „другой" (в родительном падеже) было бы оправдано, если бы dze и asuli относились одно к другому, как вид к роду. Этим сочетанием и объясняется то, что некоторые переводчики поэмы, вкладывая в слово dze широкий смысл, передают его с помощью слов „дитя", „дети", „потомство": „Не имел детей державный, кроме дочери одной" (перевод П. Петренко),[5] „Рок не дал ему потомства, кроме дочери одной" (перевод Ш. Нуцубидзе).[6] Встречается также и замена отрицательного предложения положительным: „Ein Kind war seiner Ehe nur entsprossen, nur eine Tochter" (перевод Артура Лейста).[7] То же мы видим и в английском переводе М. Уордроп.[8]

В другой группе переводов того же стиха затрудняющее переводчиков определение „не было другого dze" просто опускается: „Не имел владыка сына, но зато во всей вселенной равных дочери царевой нет и не было планет" (перевод Г. Цагарели).[9] В том же духе сделан и новый немецкий перевод: „Keinen Sohn besass der König, hatte nur ein einzig Kind" (перевод Гуго Гупперта).[10] В других случаях упрощение перевода достигнуто путем исключения из стиха всего отрицательного предложения („не было dze"): „И была у Ростевана дочь — царевна Тинатина" (перевод Н. Заболоцкого).[11] С этим согласуется и перевод К. Д. Бальмонта: „Был красивым он и в славе. Дочь имел, дитя любови".[12] Таким образом, в поисках правильности перевода наблюдаются большие колебания.

Понимание слова dze как „дитя" (или „дети", „потомство") наблюдается и у ранних грузинских комментаторов Руставели. Первый издатель поэмы (Тбилиси, 1712 г.), царь и ученый Вахтанг VI, комментируя выражение „другого dze не было у царя", заключает: „Руставели тем самым говорит: кроме нее, не было у него другого дитяти"; в грузинском тексте: უბნობს ამის მეტი შვილი არა ჴყუანდაო.[13]

Как известно, слову švili в русском соответствуют „дитя-сын, дитя-дочь, чадо". Его синонимом признается ვაჟი (važi), наличествующее в однозначном сложном слове ვაჟიშვილი (važišvili 'сын-дитя'). Для обозначения противоположного пола служит ასული (asuli 'дочь'). Ученый-лексикограф Сулхан-Саба Орбелиани (XVIII в.) для ძე (dze) тоже не знает другого значения, кроме ვაჟიშვილი (važišvili 'сын'), в противоположность понятию ასული (asuli 'дочь'). В богатом перечне названий, какие Орбе-

[5] Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Л., 1938.

[6] Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. М., 1941.

[7] Schota Rustaweli. Der Mann im Tigerfelle. Dresden—Leipzig, 1889.

[8] Shot'ha Rust'hweli. The Knigt in the Tiger's Skin. M., 1938.

[9] Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Под ред. Вл. Эльснера, М., 1937.

[10] Schota Rusthaweli. Der Recke im Tigerfell. Ein altergeorgisches Poem. Berlin, 1955.

[11] Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Изд. „Заря Востока", Тбилиси, 1949.

[12] Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. М., 1937.

[13] Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Первое издание, восстановленное Акакием Шанидзе, Тбилиси, 1937, стр. 302.

лиани сумел подыскать для различения людей в отношении полов и возрастов, он, между прочим, определяет: შვლსა მამალსა ძე და დედალსა ასული, что буквально означает: „дитя-самец [называется] dze, а дитя-самка asuli'".[14] Лексикограф Д. И. Чубинов слово dze толкует как „дитя" („дети").[15]

За исключением отдельных попыток, например К. Чичинадзе,[16] толковать dze как „дитя", „потомство" и вкладывать в выражение „другого dze" условный смысл „других детей", это dze специалисты неизменно понимают в его прямом значении „сын".

Между тем мы находим еще ряд случаев употребления dze тем же Руставели, в которых раскрывается необычное значение этого слова.

Так, в строфе 36_4 царь Ростеван, объявляя двору свою волю передать бразды правления своей единственной дочери, говорит: ჩემი ძე დავსვათ ხელმწიფედ, ვისგან მზე საწუნელია, что значит: „Моего dze посадим царем, кому [одаренному неземной красотой] солнце может не понравиться".[17] Предаваясь догадкам о таинственном призраке (Тариэле), царь признает правоту догадки своей дочери словами მართალ იყო ასული და ჩემი ძეო (строфа 118_1), что значит: „Права была дочь [моя] и мой dze".[18] В одном случае дочь устами отца названа dze, в другом — dze и asuli. Это подчеркивает терминологическую особенность слова dze, допускающую его использование применительно и к лицу женского пола.

В стремлении уловить истинный смысл слова специалист, естественно, мог оказаться и перед соблазном оспорить подлинность соответствующих выражений и мест поэмы. Проф. Ю. Абуладзе в свое время выказал готовность признать dze плодом искажения текста и восстановить правильное, как представлялось ему, чтение в виде მზე (mze 'солнце'). Основание для этого, по словам Абуладзе, дали ему варианты поэмы с разночтением в виде mze. В тексте поэмы, изданной под редакцией Ю. Абуладзе, этот стих ($5_4 = 36_4$) исправлен именно в таком виде.

Что же касается стиха 118_1, то он, как и все четверостишие, в издании Абуладзе оказался исключенным, так как всю строфу редактор признал интерполированной.[19]

Должного осмысления стихи 36_4 и 118_1 не получили и в переводах поэмы. В них так же, как и в стихе 33_1, слово dze передается словом „потомство" („дочь", „дитя") или просто исключается.[20]

Н. Я. Марр, в течение долгих лет изучавший поэму Руставели, еще в ранние годы научной деятельности подметил неясность положения

[14] С.-С. Орбелиани. Грузинский лексикон. Под ред. проф. И. Кипшидзе и проф. А. Шанидзе. Тбилиси, 1928, стр. 294, 845 и др.

[15] Д. Чубинов. 1) Грузинско-русско-французский словарь. СПб., 1840 (см.: ძე); 2) Грузино-русский словарь. СПб., 1887 (см.: ძე). Ссылки в этих словарях на три примера такого употребления ძე, как будет показано ниже, имеют в виду однородные языковые факты.

[16] Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Изд. К. Чичинадзе, Тбилиси, 1937.

[17] Вот русские соответствия употребленных в данном стихе слов: čemi 'мой', 'моего'; davsvat 'посадим', 'возведем'; xelmçiped 'царем', 'государем'; visgan 'кем', 'от кого', 'кому'; mze 'солнце'; saçuneli 'могущий не понравиться'; saçunelia (окончание „а" — вспомогательный глагол „есть").

[18] В данном стихе грузинские слова в русском находят следующие соответствия: martal iqo 'права была'; asuli 'дочь'; da — союз „и"; čemi 'мой'; в dzeo последняя буква „о" передает косвенную речь.

[19] Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Тбилиси, 1926.

[20] См. цитированные переводы Нуцубидзе, Петренко, Гупперта и др.

слова dze в исследуемых им грузинских текстах. Именно за работой над творениями средневековых одописцев Шавтели и Чахрухадзе он одним из первых грузиноведов столкнулся с вопросом: могло ли слово dze обозначать (в нарушение известных норм грузинского языка), помимо лица мужского пола, также и лицо женского пола, должно ли подразумевать под dze в стихах 3, 1_1; 47, 2_1 у Шавтели имя грузинского царя Давида, мужа царицы Тамары, или имя самой Тамары.

Склонившись в пользу толкования dze для указанных случаев у Шавтели в смысле „сын-мужчина", т. е. приняв за отправную точку значение dze (сын), Н. Я. Марр обратил внимание также на „Редкое исключение в употреблении этого слова (dze, — *В. Д.*) и в смысле дочери". При этом Н. Я. Марр делает ссылку на Чахрухадзе и Руставели (36_4) с оговоркой, что в поэме Руставели стих 118_1 „кажется подложным".[21]

Стало быть, то или иное толкование dze в данных контекстах приобретало для Марра, как позднее и для Абуладзе, определенный организующий смысл. Первому признание dze эквивалентом слова „сын" послужило одним из доводов в пользу заключения, что воспеваемое в оде Шавтели лицо — он, Давид, а не она, Тамара, второму — главным аргументом для признания строфы 118 Руставели подложной.

Приведенные суждения, как это можно заключить при знакомстве со специальной литературой, отразили в себе только этап изучения соответствующих историко-литературных проблем. В дальнейшем они подверглись пересмотру. Сам Н. Я. Марр склонился к тому, чтобы dze принять за искажение слова ხე — (xe), считая, что xe в значении „дочь" то же, что ხე (xe), встречающееся в окончаниях фамильных названий женщин в мегрельском языке.[22] Сообразно с этим он предлагал читать „Čemi xe davsvat qelmçiped"[23] вместо „Čemi dze davsvat".

Все изложенное дает нам основание допустить, что употребление слова dze в таких, казалось бы, неожиданных контекстах находит объяснение в самой природе этого слова.

Памятуя основное значение dze как „дитя-сын", мы отмечаем его исторически выявляющуюся тенденцию служить выражением и наследственно-правовых отношений в смысле „дитя-наследник". При этом оказывается, что слово dze применимо на равных основаниях и к мужчине, и к женщине, когда она выступает в роли наследника, приобретает правовую дееспособность, замещает отца-царя на престоле. По крайней мере все известные нам случаи употребления dze применительно к женщинам имеют в виду женщину — представительницу династии, женщину-царя.

Обратим внимание на строфу 992 Руставели, где dze употреблено с явно выраженным значением „наследник". Спаспет (военачальник)

[21] Древнегрузинские одописцы (XII в.): 1. Певец Давида Строителя; 2. Певец Тамары. Грузинский текст исследовал, издал и словарем снабдил Н. Марр. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, IV, СПб., 1902, стр. 8—9 и прим. 1.

[22] В грузинском языке фамильные названия безотносительно к полу их носителей образуются путем добавления к основе слова ძე (dze) resp. švili (например, ჭილაძე 'Чилаев' или 'Чилаева'), между тем как в мегрельском то же фамильное название женщины (Чилаева) приняло бы форму ჭილახე (Čilaxe). Подробнее см.: И. В. Мегрелидзе. Лазский и мегрельский слои в гурийском. М.—Л., 1938, стр. 134.

[23] Это чтение Н. Я. Марр не раз рекомендовал, и оно нашло отражение в его исследовании (см. рукопись: Руставели. Витязь в барсовой шкуре. Критика текста, стр. 27), где мы находим: ხე (ფხე) — ჩემი ხე [xe (pxe) — čemi xe], что в переводе гласит „дочь (pxe) — моя дочь" (Архив АН СССР, Л., ф. 800, оп. 1, № 72 (1). Проверку записи Н. Я. Марра произвела Л. С. Шепелева.

царя Ростевана Автандил при встрече с царем Придоном говорит о себе: ძე ღიღებულთა ღიდ-გვართა, ზრდილი მეფეთა შვილობით, что в буквальном переводе значит: „dze служилых великородных, воспитанный на положении детей царских".

Любопытно, что в интересующем нас стихе (992_3, где Автандил выступает как dze „служилых великородных...") для некоторых переписчиков, а вслед за ними и для издателей и переводчиков камнем преткновения оказалось все то же слово dze, понимавшееся не иначе, как „сын". Очевидно, это и породило безраздельно господствующее в печатных изданиях уродливое чтение: მე (я). Искажение ძე (dze) путем замены его местоименным მე (me) облегчалось графическим сходством букв грузинского алфавита ძ и მ. Это было подмечено и устранено впервые редакционной коллегией в лице Ал. Барамидзе, К. Кекелидзе и А. Шанидзе при подготовке в 1951 г. к печати поэмы Шота Руставели. Это издание известно ныне как каноническое. Ранее повторялось то же недоразумение, которое приводило, в ущерб правильности толкования текста, к досадным попыткам обойти слово dze, к замене его (уже в рукописях) словами mze, me.

Непонимание социального значения dze естественно должно было привести к недоумению: как Автандил мог назваться сыном „служилых" во множественном числе?

Между тем предлагаемое нами объяснение dze в значении „наследник" устраняет это недоумение. С принятием нашего толкования без натяжки в соответствующие стихи можно вложить такое примерно содержание:

1) „Другого наследника не было у царя, была только дочь" (33_1; см. стр. 64—65);

2) „Моего наследника [дочь] посадим царем..." (36_4; см. стр. 66);

3) „Царь молвил: «Права была дочь [моя], мой наследник»" (118_1; см. стр. 66);

4) „...наследник [я, Автандил] служилых великородных" (992_3; см. выше).

В данной связи определенное осмысление получают и следующие стихи (строфа 47_3): Тинатин, возведенная на царство, считала себя недостойной занимать трон. Царь-отец, ободряя ее, посвящал ее в закономерности, которым подчинена жизнь: отец уходит, на смену ему приходит dze 'дитя-сын', 'дитя-наследник'. მეფე სწრვთის: „მამა ყოველი ძისგან ითვსებოდა" — „Царь наставляет: «Отец каждый [своим] dze сменялся»", в силу чего царем теперь стала она. Отсюда вытекает, что Тинатин на языке говорящего называлась dze.

К приведенным примерам употребления dze у Руставели можно добавить и следующий (строфа 514_8): индийский царь Парсадан решил найти жениха для своей дочери Нестан-Дареджан, и выбор пал на хорезмского царевича. Но хорезмшах был извещен, что Парсадан — обладатель единственной дочери, которая является საძეო (sadzeo), поэтому не может быть „выдана замуж на сторону", за пределы родной страны. Стих читается так: არს ერთი ქალი საძეო, არ კიდე გასათხოველი, т. е. „есть одна дочь sadzeo" и т. д.

Интересующее нас слово — производное: dze с помощью аффиксации приобретает значение „долженствующий исполнить роль dze", т. е. dze в составе sadzeo должно обозначать „дитя-наследник". Комментируя текст Руставели, издатель поэмы Д. Каричашвили с sadzeo отождествляет sašvilo (от слова švili), считая, что под sazeo resp. sašvilo следует подразумевать „продолжатель рода".[24] По этой же аналогии от слова ვაჟი (važi 'мальчик') производится სივაჟე (sivaže 'отрочество'), что для точности, пожалуй, можно было бы передать словом „мальчишество". На языке Руставели детство Тинатин как детство женщины-наследника, женщины — dze обозначается именно словом sivaže. По выражению поэта, в ознаменование своего восшествия на престол царица Тинатин одаряла великих и малых (строфа 53_1): მას ღღეს გახცემს ყველას სივაჟის მოგებულსა — „В этот [торжественный] день раздает все, приобретенное в период sivaže".

Эти слова и выражения возникли из сознания, что коль скоро женщина начинала осуществлять власть, право · наследственное, право на собственность, она в некотором роде „мужала", она становилась dze. Женщина-наследник, женщина-царь, приобщаясь к социальным привилегиям мужчины, в сознании людей как бы облекалась в образ мужчины.

Впрочем, для подкрепления нашего соображения вспомним, как обстояло дело в исторической действительности Грузии. Понятно, что источники сохранили память лишь о выдающихся женщинах Грузии, в том числе о двух, которые царствовали на правах царей. Это были царица Тамара (1184—1213) и царица Русудан (1222—1245), дочь (resp. dze) первой. Но прежде чем сказать о них как о dze своих родителей, заметим, что в качестве носителей царской власти они обе, по-мужскому, величались царями (а не только царицами). К пышной титулатуре Тамары относятся следующие, в частности, имена: ღელთაღმალი ღელთაღმალთა და მეფე მეფეთა, т. е. „царица цариц и царь царей"; მეფე თამარ „царь Тамара". То же относится и к царице Русудан. Примеры можно черпать из самых разнообразных памятников грузинской старины, в том числе нумизматических, эпиграфических. Отметим, что источники и на армянском языке, строго отличающем подобно грузинскому царицу — *թագուհի* от царя — *թագաւոր*, но поддерживающем грузинскую традицию, также величают Тамару царем.

Закономерность употребления в армянских источниках титула „царь" применительно к Русудан получает подтверждение и наблюдениями И. А. Орбели. Именно в монументальных лапидарных надписях на армянском языке (1234 г.), „которые были высечены на башнях городской стены Карса", изданных И. А. Орбели, имя современной надписям грузинской царицы украшено титулом „царь" (tagavor) в таких контекстах: „христиане Карса" построили башни „милостью царя нашего Русудан"; строители в другом случае взывают к богу в своего рода молитвословии: „...укрепи царя нашего Русудан против мусульман". В своих комментариях к надписям издатель справедливо допускает, что титул tagavor употреблен в них „вероятно, в соответствии грузинскому მეფე [мере]".[25]

Известно, что к знакам царского достоинства относился и меч. Согласно с этим и царица Тамара тоже была препоясана мечом. По словам историка Басили (начало XIII в.), все войска при возгласах предложили Тамаре меч отцовский.[26] Аноним пишет, что придворные чины (имя рек) „взяли и надели на нее меч".[27] Впоследствии „омужавшая",

[24] Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Тбилиси, 1903, стр. 340.
[25] Христианский Восток, т. V, вып. II. СПб., 1917, стр. 148.
[26] В. Дондуа. Басили, историк царицы Тамары. Сб. „Памятники эпохи Руставели", Л., 1938, стр. 40.
[27] История и восхваление венценосцев. Пер. К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954, стр. 34.

„мужеумная", „меченосец" Тамара принимала участие в организации походов грузинских войск, на смотрах и на парадах.

С этими фактами должно быть согласовано и замечание Н. Я. Марра, что „в грузинском грамматический род издревле перестал различаться, и потому მეფე (mepe) значит и царь и царица".[28] Грузинский историк Вахушти (XVIII в.), очевидно, не вникнув в значение традиции, величающей Тамару (и Русудан) царем, и принимая в соображение существование слова mepe (царь), отличное от dedopali (царица), нашел нужным mepe приспособить к искусственно насаждавшимся в Грузии формам грамматического рода и превратить его в მეფე (mepa): მეფე თამარ (mepa Tamar 'царица Тамара'); მეფე რუსუდან (mepa Rusudan 'царица Русудан').[29]

Поэтому представляется закономерным, что и Тамара, и Русудан, как и некоторые другие женщины высшего круга, в соответствующих случаях назывались, кроме asuli (дочь), также и dze.

Приведем пример из повествования историка царицы Тамары. На подступах к городу Шамхору грузинские войска под начальством Давида Сослана, мужа Тамары, строили свои ряды, готовясь к решительной схватке против южноазербайджанского (иранского) атабека Абу Бекра-Бешкена (1191—1210). Шамхорская битва произошла в 1185 г. Для воодушевления грузинского воинства военачальники произносили ободряющие речи с обращением к героическим образам прошлого, в том числе иудейского царя Давида. „Теперь мы за нового Давида (т. е. Давида Сослана, — *В. Д.*) и Тамару dze (дитя-наследника) Георгия, — взывал оратор, — схватим сабли, готовые отдать душу богу".[30]

Следует заметить, что этот факт использования средневековым автором слова dze применительно к женщине-царице в свое время был отмечен грузинским историком проф. М. Г. Джанашвили, причем он усмотрел в этом аналогию со строфой 33_1 Руставели. Это же чтение принято и проф. К. Кекелидзе. Очевидно, неожиданность слова dze в данном контексте ввела в ошибку Броссе, так как в означенном месте он, вопреки ясно выраженной мысли историка, усмотрел наличие имени не Георгия — отца Тамары, а Георгия — сына Тамары, это место он передал в своем переводе словами: „pour Giorgi, fils de Thamar", считая, что боевой клич перед Шамхорским сражением имел в виду Георгия, сына Тамары, т. е. Георгия Лашу, а не самою Тамару.

Исследователь сам отметил, что, согласно указанию источника, Георгий Лаша оказывается 82-м по порядку колен царем, считая традиционную генеалогию грузинских царей „от пророка Давида".[31] Между тем этот источник в разбираемом месте называет как раз 81-го царя, стало быть, именно царицу Тамару.

В данном случае важно подтвердить, что в истории царицы Тамары действительно употреблено слово dze в интересующем нас значении. С приведенным примером согласуется и следующий: по сведению одного

[28] Н. Марр. Вступительные и заключительные строфы „Витязя в барсовой коже". Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, XII, СПб., 1910, стр. 15, прим. 1.

[29] История Грузии. Под ред. Д. З. Бакрадзе. Тифлис, 1885, стр. 196 и сл.; стр. 224 и сл. По поводу грамматического рода в грузинском языке см.: К. Д. Дондуа. Феминизирующий гласный в грузинском. Язык и мышление, III—IV, М.—Л., 1935, стр. 245—257.

[30] Histoire de la Géorgie, t. I. Publiée par Brosset, St. Pétersb., 1849, стр. 306.

[31] Там же, т. II, стр. 442, прим. 2 (перевод на франц. яз.).

из анонимов, „после смерти Георгия (1184 г.; — *В. Д.*) его dze Тамара воссела царем".[32]

Несколько иную окраску получает то же слово в следующих случаях. Историк Тамары, говоря о двух детях царицы, из которых одна была девочка, впоследствии царь Русудан, свидетельствует, что Тамарой за собой были оставлены ორნი ძენი (orni dzeni) (множественное число от dze), т. е. „двое ze". Здесь девочка, хотя и не прямой наследник, названа dze наравне с мальчиком.

Мы располагаем и другим однородным примером употребления слова dze: в грузинской надписи XIV в., вышитой на архиерейском омофоре, увековечена память грузинской царицы, принесшей этот омофор в дар иконе Анчской, причем ее имя дано в таком контексте (буквальный перевод): „Сей омофор царицы цариц Натэлы, dzisa (= род. пад. от dze) великого... амирспасалара и самцхийского спасалара Кварквареэ",[33] подразумевается Кварквареэ I (1334—1361), представитель могущественного владетельного дома южногрузинских атабагов — спасаларов. Что касается Натэлы, то она дочь князя — спасалара, а с 1358 г. супруга имеретинского царя Багратa I. Нам представляется, что для ее имени, как власть имущей женщины, dze 'наследник' служило в некотором роде украшающим эпитетом.

Наконец, следует сказать и о том, как традиция употребления dze отразилась в трудах специалистов-историков, каково их отношение к интересующему нас предмету. В этом смысле достойно внимания, что в позднейших списках „Картлис цховреба", сборника исторических повествований о прошлом Грузии, заметны следы признания со стороны переписчиков, редакторов, вообще историков закономерности употребления dze в значении „дитя-наследник". Это мы усматриваем в том факте, что редактор „Картлис цховреба" (Вахтанг VI), внесший в практику как новшество разбивку текста на главы с обозначением имени, отчества и династического названия,[34] в частности заглавие, период царствования Русудан, оформил буквально в следующих словах: „...царь, Русудан, dze Тамары, царицы цариц..." (...მეფე რუსუდან, ძე თამარ მეფეთ მეფისა).[35] Обращает на себя внимание и своеобразный порядок обозначения отчества: „Русудан dze Тамары", т. е. Русудан Тамаров dze („Тамарович") вместо „Русудан Давидов dze".

Внимательное изучение занимающего нас вопроса может послужить к освещению отдельных проблем, как частных, так и общих, возникающих перед специалистами, в том числе историками. Известно, например, из практики проф. М. Джанашвили, что он в полемике, возникшей вокруг упомянутой оды Шавтели, оказался перед необходимостью вспомнить о социальном институте, у него названном ძეღ-ყოფნა (dzedqopna 'пребывать на положении наследника dze').[36]

На ряд случаев употребления dze применительно к женщине указывал и проф. К. Кекелидзе в связи с критическим обзором оды Шавтели.[37] В своем капитальном труде, посвященном истории грузинского права, акад. И. А. Джавахишвили останавливается на объяснении упо-

[32] Хроники, кн. 1, Изд. Ф. Жордания, Тбилиси, 1892, стр. 268.

[33] Сб. „Древняя Грузия", III. Под ред. Е. Такайшвили, (Тифлис), 1914, стр. 183.

[34] К. Григолия. Новая „Картлис цховреба". Тбилиси, 1954, стр. 208 и сл.

[35] Histoire de la Géorgie, partie I, livraison II. St. Pétersb., 1850, стр. 349.

[36] Иоване Шавтели. Абдулмесиани. Тифлис, 1920, стр. 6.

[37] См.: К. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. II. 1952, стр. 179.

мянутого нами выше термина ხძეო (sadzeo).[38] В связи с рассмотрением некоторых вопросов, относящихся к проблеме династических правопорядков в Грузии и прямого права престолонаследования, проф. Я. Цинцадзе[39] привлек тот же социальный термин, ссылаясь на работу И. А. Джавахишвили.

Эти факты бесспорно говорят и в пользу нашей интерпретации. При дальнейшем исследовании данного социального термина рассмотренный частный вопрос должен увязываться и с такими принципиальными вопросами, как социальная обусловленность использования dze в грузинских фамильных названиях, смысловая особенность бытующего в народе обычного dzeoba, историческое расширение первичного значения dze. Таким образом, изучаемый вопрос из области филологии должен перейти в область социально-культурной истории.

[38] И. Джавахишвили. История грузинского права, кн. II, вып. II. Тбилиси, 1929, стр. 365.

[39] См.: Я. Цинцадзе. Разыскания по истории русско-грузинских взаимоотношений. Тбилиси, 1956, стр. 87.

И. М. Дунаевская

О СТРУКТУРНОМ СХОДСТВЕ ХАТТСКОГО ЯЗЫКА С ЯЗЫКАМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Сопоставление глагольных форм из хаттской версии хаттско-неситских билингв[1] показывает, что префиксальные показатели хаттского глагола размещаются в постоянной последовательности по отношению друг к другу и к корню.[2] Это наблюдение подтверждается также материалами одноязычных хаттских текстов.

По своей позиции хаттские глагольные префиксы разделяются на семь групп, которые располагаются цепочкой. Если одного или нескольких звеньев недостает, остальные смыкаются, но постоянный порядок их размещения обычно остается нерушимым (см. таблицу).[3]

7	6	5	4	3	2	1
taš- teš-	te- tu-	te- tu-	ḫ-, š- pi-(?), wa-(?)	ta-/za-, ka- ša-(?), še- ši-(?)	a- ja- wa-(?)	ḫ- n-

Практически мы не знаем глагольных форм, в которых были бы представлены все семь групп. Не засвидетельствованы также формы

[1] Речь идет о двуязычных клинописных текстах из Богазкёйского архива, одна версия которых составлена на хаттском, иначе протохаттском, или протохеттском, языке, а другая, представляющая собой перевод первой, написана на неситском, или хеттском-клинописном, языке. Сопоставления между обеими версиями должны проводиться с большой осторожностью, так как языки каждой из них относятся к разным семьям: неситский является индоевропейским языком; принадлежность же хаттского языка к какой-либо известной языковой группе до сих пор отвергалась; во всяком случае его неиндоевропейский характер выражен с чрезвычайной отчетливостью и не вызывает сомнений.

[2] Ср.: И. М. Дунаевская. Порядок размещения префиксов хаттского глагола. ВДИ, 1959, № 1, стр. 20—34.

[3] Нумеруя группы префиксов, условимся считать группу, непосредственно примыкающую к корню, первой, а группу, наиболее отдаленную от корня, — последней, т. е. седьмой.

с шестью префиксами. Пять префиксов — большая редкость. Преобладают глаголы с двумя-четырьмя префиксами. Иногда бывает лишь один префикс. Встречаются также глагольные формы без префиксов.

В результате классификации интерпретированных глагольных префиксов по их позиции ориентировочно выясняются следующие значения отдельных префиксальных групп: седьмая группа — отрицание, шестая и пятая — наклонение, четвертая и первая — объект (и, может быть, субъект непереходного глагола), третья группа — место и направление, вторая группа, возможно, является залоговой (см. прим. 9).

Опираясь на приведенные значения, мы можем позволить себе предварительное суждение о значении неинтерпретированных префиксов соответственных групп, так как мало вероятно, чтобы в одну группу могли входить показатели наклонения и направления или же отрицания и объекта и т. п. Таким образом, выяснение структуры хаттского глагола, опирающееся на его интерпретированные формы, в свою очередь содействует дальнейшей интерпретации не понятных еще префиксальных глагольных формантов, так как позволяет ориентировочно наметить их значение. Вместе с тем знание общей структуры наряду с сопоставлением хаттских контекстов позволяют отбросить некоторые значения префиксов, оказавшиеся ошибочными (обычно это значения, принятые по аналогии с грамматическими категориями соответственных неситских глагольных форм, например с категориями времени и лица, префиксальное выражение которых в хаттском пока не подтверждается[4]).

Установление „цепной" структуры хаттских префиксальных формантов отметает возможность каких-либо далеко идущих сопоставлений хаттской и неситской глагольных систем и заставляет искать для хаттского глагола совершенно новые аналогии.

Вполне естественно, что в сферу наших интересов попадают языки, для которых характерна связь значения глагольных показателей с их позицией. Из древних языков такими являются, например, хурритский и, возможно, шумерский. Однако в хурритском мы имеем дело преимущественно с постоянной последовательностью суффиксов, которая представляет собой иное, чем в хаттском, конкретное воплощение „цепной" структуры, поэтому хурритские данные мало пригодны для сравнения с хаттскими.

Наличие префиксальных групп в последнее время констатируется также и в шумерском языке (об этом говорил Т. Якобсен в своем докладе на XXIV Международном конгрессе востоковедов в 1957 г.). Однако соответствующие работы еще не опубликованы и вопрос в целом исследован недостаточно.

С большой последовательностью „цепная" структура префиксов (а также суффиксов) проводится в языках северо-западного Кавказа или абхазо-адыгских языках.

Идея возможной связи между этими языками и хаттским сама по себе не нова. Она возникла на заре изучения хаттского языка, но опиралась только на единичные и притом недостаточно убедительные этимологии.[5]

Попытка развернутого обоснования родства хаттского языка с абхазо-адыгскими, в частности с убыхским, была предпринята Ю. Месарошем.[6] Однако вследствие того, что Месарош обращался с хаттским материалом совершенно произвольно и навязывал хаттскому языку слова и формы ни тогда, ни впоследствии в нем не засвидетельствованные, сама идея сближения хаттского языка с абхазо-адыгскими была скомпрометирована и не получила распространения.

[4] Суффиксальное выражение времени и лица в принципе весьма возможно, но не исследовано и пока представляется сомнительным.

[5] Ср.: E. Forrer. Die acht Sprachen der Boghazköi-Inschriften. Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, 52, 53, Berlin, 1919, стр. 1033 и др.

В настоящее время нет новых данных, которые говорили бы в пользу вышеназванного родства или, наоборот, заставляли бы исключить его возможность. Но структурное сближение хаттского языка с абхазо-адыгскими, в частности в сфере глагола, кажется вполне закономерным и своевременным.

Так как между глагольной системой абхазского языка, с одной стороны, и адыгейского и кабардинского — с другой, нет полного структурного параллелизма, то для сравнения с хаттским глаголом следует выбрать именно тот глагол, который более всего сходен с ним по построению, а именно адыгейский (или кабардинский).[7]

Естественно, что и здесь нельзя ожидать полной стереотипности, так как она не наблюдается и при сравнении глагольных систем заведомо родственных адыгейского (или кабардинского) и абхазского языков.

Не будучи кавказоведом, автор не может рассматривать вопрос с должной последовательностью и убедительностью и лишь пытается наметить те элементы структурной близости префиксальных систем хаттского и адыгейского глагола, которые кажутся наиболее очевидными.[8]

Как говорилось, для хаттского отмечено семь префиксальных групп. В адыгейском их девять. Не исключено, что и в хаттском смогут быть дополнительно установлены до сих пор не засвидетельствованные префиксальные группы; возможно, что тогда получат объяснение такие пока непонятные единичные формы, как wa-ta-ḫ-ta-š-kun(n)-i, uš-še-ša-lil, ta-ḫa-š-tu-š-tul.

Так же как и в хаттском, в отдельных адыгейских глагольных формах значительно меньше префиксов, чем в принципиальной схеме.

Самым существенным для хаттского глагола является постоянство размещения префиксальных групп. Этот закон действует и в адыгейском.

Здесь порядок префиксов, должно быть, зависит от залога[9] и, как правило, для данного залога неизменен, т. е. „сколько бы глагольных префиксов ни было в наличности в данной форме глагола, порядок этих наличных префиксов всегда остается таким же, каким он был бы в максимально-возможной, наибольшей по числу префиксов форме".[10]

Интересно, что в адыгейском в некоторых отдельных случаях существуют вариантные порядки расположения некоторых префиксов, не влияющие ни на расположение остальных префиксов, ни на значение глагольной формы.[11] Не исключено, что подобное явление есть и в хаттском и что именно оно объясняет формы типа tē-tu-t-ḫur-up и

[6] J. Mészáros. Die Pākhy-Sprache. Chicago, 1934, стр. 25—33.

[7] Ср.: Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941, стр. 357. Здесь отмечается общность построения и грамматических законов, устанавливаемых для адыгейского и кабардинского глагола.

[8] В отношении адыгейского глагола автор ориентируется на упомянутую грамматику Н. Ф. Яковлева и Д. А. Ашхамафа.

[9] Под залогом применительно к хаттскому и к адыгейскому следует понимать дифференциацию переходных и непереходных глагольных форм, причем для хаттского она пока сомнительна.

[10] Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф, ук. соч., стр. 353.

[11] Там же, стр. 356.

tu-te-wa-ja, которые вынуждают нас рассматривать как модальные сразу две группы префиксов — шестую и пятую (то, что в адыгейском показатель модальности является суффиксальным, в данном случае не меняет дела).

И по значению префиксальных групп между хаттским и адыгейским также много общего: оба языка различают префиксы объекта, места, направления,[12] субъекта,[13] залога.[14]

Но тогда как адыгейский глагол имеет полиперсонное спряжение и может выражать одновременно до четырех лиц (лицо объекта, орудного дополнения, дательного или местного дополнения и субъекта), в хаттском показатели лица, по-видимому, отсутствуют; во всяком случае их префиксальное выражение весьма сомнительно, а формы, в которых бы одновременно встречались показатели двух или более объектов или же субъекта и объекта, не отмечаются. Не обнаружено также в хаттском показателей времени и числа (за исключением, может быть, числа объекта; в адыгейском число объекта выражается суффиксально).

В настоящее время хаттскими текстами засвидетельствовано двадцать префиксов. Легко допустить, что это далеко не все префиксы, существующие в хаттском (в адыгейском только наиболее употребительных префиксов насчитывается более семидесяти).[15]

Точная дифференциация хаттских локативных префиксов сопряжена со значительными затруднениями. Малое количество и недостаточная достоверность контекстов часто ставят исследователя втупик. К тому же вполне возможно, что хаттские локативные префиксы передают отношения, отсутствующие в русском языке, подобно тому как в составе адыгейского глагола „префиксы места выражают такие оттенки пространственных отношений, которые в русском языке совершенно не различаются".[16]

В адыгейском языке возможно разнообразное оформление личных префиксов, а также префиксов места и отношения. Оно выражается в различии огласовки, а для личных префиксов также в ее отсутствии.[17] Различие огласовки зависит либо от исторически первоначальной огласовки, либо от залога. Не исключено, что мы имеем что-нибудь подобное и в оформлении хаттских префиксов объекта, наклонения и отрицания. Причины отсутствия или наличия гласного в этих префиксах, и также связь гласного с каким-либо грамматическим значением определить пока не удается.

Интересно, что в адыгейском форма личных префиксов, которая не имеет огласовки, подвергается фонетическим изменениям, зависящим от качества соседнего гласного. Необходимо задуматься о возможности подобного явления и в хаттском.

С помощью префиксов, выражающих пространственные или личные отношения, в адыгейском могут быть образованы сложные глагольные основы. Аналогичным образом в состав глагольной основы могут быть включены и самостоятельные слова. Подобный пример полисинтетичности есть и в хаттском, ср.: ka-ur-a-n-ti-u 'стоит над колодцем', где ka- — локативный префикс, ur — именная основа 'колодец', a-, n- — префиксы залога (?) и объекта, ti — глагольный корень 'стоять', -u — суффикс.

Само собой разумеется, что детальное обоснование намечаемого структурного сходства между хаттским и адыгейским глаголом[18] должно быть делом кавказоведов.

Не исключено, что если к хаттским материалам будет привлечено внимание специалистов по абхазо-адыгским языкам, то, кроме структурного сходства, удастся выяснить и черты материального родства.

[12] В хаттском языке ввиду недостаточного количества контекстов трудно дифференцировать местные и направительные форманты, поэтому их приходится рассматривать вместе.

[13] Наличие в хаттском показателя субъекта не бесспорно (речь идет о субъекте непереходного глагола).

[14] Ср. прим. 9.

[15] Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф, ук. соч., стр. 273—282.

[16] Там же, стр. 350.

[17] Там же, стр. 357, 365.

[18] Здесь сравнение проводилось в пределах префиксальной системы, так как хаттские суффиксы совершенно неясны.

С. Т. Еремян

АГАРЦИНСКАЯ НАДПИСЬ 1184 г.

В комплексе монастыря Агарцин (Иджеванский район Армянской ССР) основным зданием является соборная церковь св. Григория Просветителя (Сурб Григор), к которой с запада пристроен притвор (жаматунгавит), откуда и входят в здание церкви. В бытность там 1 сентября 1945 г. мы обратили внимание на пространную надпись с правой стороны у входа о возобновлении указанной церкви.

Эта надпись публиковалась несколько раз,[1] но с большими искажениями. Можно было думать, что надпись дошла до нас в плохой сохранности, но велико было наше удивление, когда мы увидели вполне четкую армянскую надпись лапидарными буквами, высеченную на двух больших плитах.

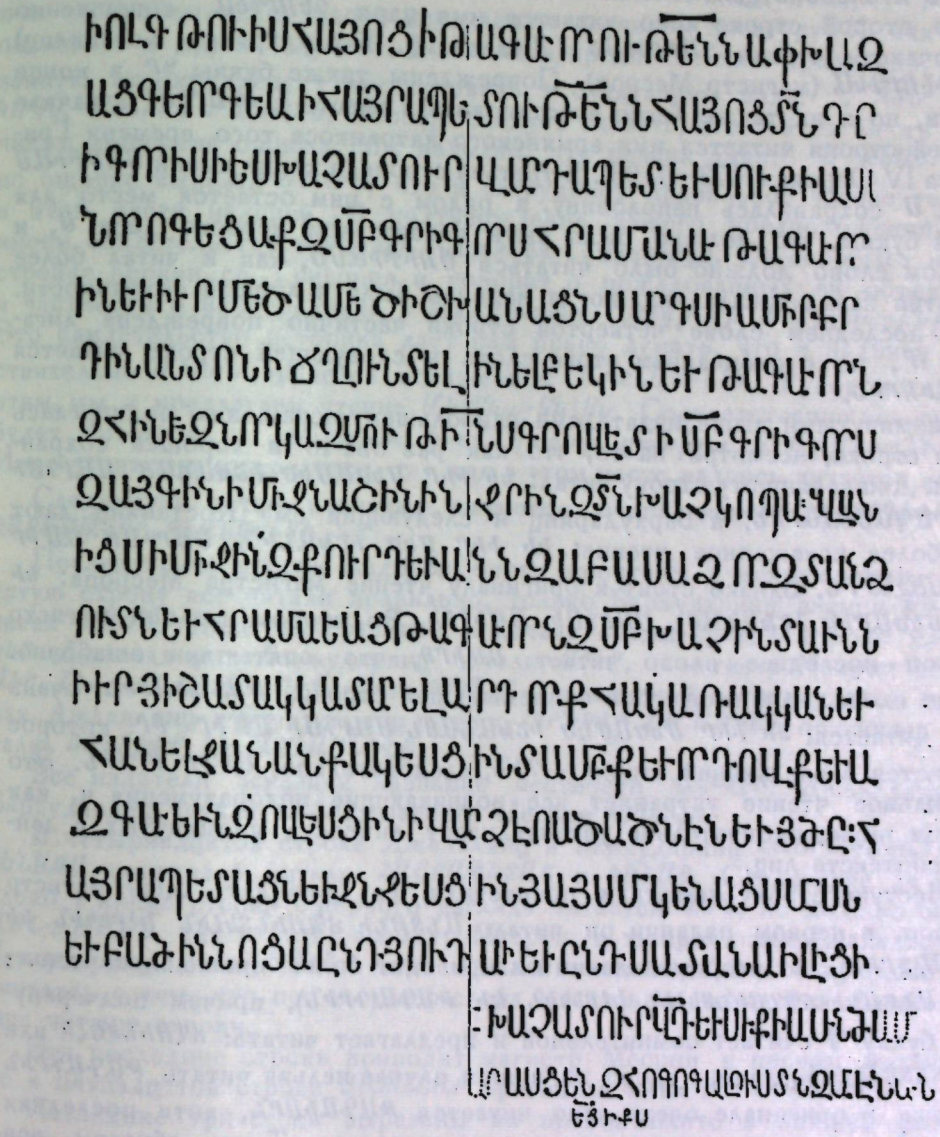
Надпись хорошо сохранилась, так как находилась внутри здания. Лишь с правой стороны имеются повреждения, однако по сохранившимся остаткам букв удается восстановить текст почти полностью. Внимательный просмотр этих плит показывает, что когда-то они были покрыты толстым слоем краски молочного цвета, а углубления высеченных на этом фоне лапидарных букв были покрашены темно-красной краской. В настоящее время красная краска сохранилась лишь местами и то на левом камне.

Надпись состоит из 18 строк, высеченных характерным для XII—XIII вв. красивым круглым инициальным письмом. Во всех строках буквы высечены на одинаковом друг от друга расстоянии, без разделения на слова. В надписи палеографически характерны буквы: Ր = Հ, Թ = Թ, Տ = Տ, Ա = Վ, Կ = Կ, Ժ = Ժ; лигатуры: Ր = ՈՐ, Ա = ԱՐ, Ա = ԱՒ. Ա = ՍԻ, Ա = ԱՄ.

[1] Саргис Джалалянц. Путешествие в Великую Армению, ч. I (Ս. Ջալալեանց, Ճանապարհորդութիւն ի Մեծն Հայաստան. Մասն Ս). Тбилиси, 1842, стр. 135; Макар Бархударянц, Арцах (Մ. Բարխուտարեանց. Արցախ). Баку, 1895, стр. 367; Карапет Костанянц. Летопись на камнях. СПб., 1913, стр. 31; Месроп Тер-Мовсисян. 1) Армянские надписи в журнале „Азгагракан հандэс", кн. XXV, № 2 (Մ. Տէր-Մովսիսեան. Հայկական արձանագրութիւններ). Тифлис, 1914, стр. 71; 2) Церкви и монастырские постройки трех армянских крупных монастырей: Татева, Агарцина и Дади (Մեսրոպ Մագիստրոս արքեպ. Հայկական երեք մեծ վանքերի՝ Տաթևի, Հաղարծնի և Դադի եկեղեցիները և վանական շինութիւնները). Иерусалим, 1938, стр. 77.

С титлом представлены следующие сокращения: Թ̅Ե̅ՆՆ-ԹԵԱՆՆ, — Թ̅Ի̅ՆՍ-ԹԻԻՆՍ, а также обыкновенные: Տ̅Ն-ՏԵԱՌՆ, Ս̅Բ̅-ՍՈՒՐԲ, Ա̅Ծ̅Ա̅ԾԻՆ-ԱՍՏՈՒԱԾԱԾԻՆ, Վ̅Դ̅-ՎԱՐԴԱՊԵՏ, Ե̅Ց̅ԻՔՍ-ԵԿԵՂԵՑԻՔՍ.

ԻՈԼԳ ԹՈՒԻՍ ՀԱՅՈՑ ԻԹ ԱԳԱՐՈՒ Թ̅Ե̅ՆՆ ԱՓԽԱՉ
ԱՑԳԵՐԳԵԱ ԻՀԱՅՐԱՊԵ ՏՈՒ Թ̅Ե̅ՆՆ ՀԱՅՈՑ Տ̅Ն̅ ԳՐ
ԻԳՐԻՍԻԵՍԽԱՉԱՏՈՒՐ ՎԱՐԴԱՊԵՏ ԵԻՍՈՒՔԻԱՍԱ
ՆՐՈԳԵՑԱՔՉ Ս̅Բ̅ ԳՐԻԳ ՐՍ ՀՐԱՄԱՆԱ ԹԱԳԱՐ
ԻՆԵԻԻՐՄԵԾԱՄԵ ԾԻՇԽ ԱՆԱՑՆՍԱԳՍԻԱՄԻՐԲՐ
ԴԻՆԱՆՏՈՆԻ ՃՂՈՒՆՏԵԼ ԻՆԵԼԲԵԿԻՆ ԵԻ ԹԱԳԱՐՆ
ՉՀԻՆԵՉՆՐԿԱՉՄՈՒ Թ̅Ի̅ ՆՍԳՐՈՎԵՏ Ի Ս̅Բ̅ ԳՐԻԳՐՍ
ՉԱՅԳԻՆԻՄԻՉՆԱԾԻՆԻՆ ՉՐԻՆՉՏ̅Ն̅ ԽԱՉԿՈՊԱՎԱՆ
ԻՑՍԻՄԻՉԻՆՉՔՈՒՐԴԵԻԱ ՆՆ ՉԱԲԱՍԱՉ ՐՉՏԱՆՉ
ՈՒՏՆԵԻՀՐԱՄԱԵԱՑԹԱԳ ԱՐՆՉ Ս̅Բ̅ ԽԱՉԻՆՏԱԻՆՆ
ԻԻՐՅԻՇԱՏԱԿԿԱՏՄԵԼԱ ՐԴ ՐՔՀԱԿԱՌԱԿԿԱՆԵԻ
ՀԱՆԵԼՉԱՆԱՆՔԱԿԵՍՑ ԻՆՏԱՄԲՔԵԻՐԴՈՎՔԵԻԱ
ՉԳԱԵԻՆՉՈՎԵՍՑԻՆԻՎԱ ՉԷՈԱԾԱԾՆԷՆԵԻՅԾԸ:Հ
ԱՅՐԱՊԵՏԱՑՆԵԻՉՆՉԵՍՑ ԻՆՅԱՅՍՄԿԵՆԱՑՍԱՍՆ
ԵԻԲԱԾԻՆՆՈՑԱԸՆԴՅՈՒԴ ԱԻԵԻԸՆԴՍԱՏԱՆԱԻԼԻՑԻ
ԽԱՉԱՏՈՒՐՎ̅Դ̅ ԵԻՍԻՔԻԱՍՆԾԱՄ
ԱՐԱՍՑԵՆ ՉՀՈԳՈԳԱԼՈՒՍՏՆՉԱՄԷՆԱՆ
Ե̅Ց̅ԻՔՍ



Агарцинская армянская надпись 1184 года.

После этих пояснений общего характера перейдем к чтению самого текста. Первая строка начинается датой: Ի ՈԼԳ ԹՈՒԻՍ ՀԱՅՈՑ 'в 633 год армянского (летосчисления)'. Цифровое обозначение ՈԼԳ ясно читается, но странно, что во всех опубликованных надписях читается либо ՈԴ, либо ՈԼԴ, что является ошибкой. Впервые правильно подошел к датировке Л. М. Меликсет-Беков.[2]

[2] Л. Меликсет-Беков. Одна из надписей հАгарцинского монастыря. Христианский Восток, т. III, вып. II, Пгр., 1914, стр. 197.

В конце первой строки начинается и в начале второй строки кончается слово ԱՓԽԱՉԱՑ, которое плохо прочтено издателями надписи. После букв ԱՓԽ следуют буквы ԱՉ, которые, находясь на правом краю, повреждены протекавшей с крыши водой, но все же следы их сохранились и слово в целом легко восстанавливается.

Во второй строке ясно читается имя царя ԳԵՈՐԳԵԱ, совершенно исключаются чтения ԳԱՒՐԳԵԱՑ (Джалалянц, Бархударянц, Костанянц) или ԳԷՈՐԳԵԱ (магистр Месроп). Повреждены также буквы ԳՐ в конце строки, но и их также легко восстановить и вместе с ԻԳՈՐԻՍԻ в начале третьей строки читается имя армянского католикоса того времени Григориса IV Отрока (1173—1193). В третьей строке в конце имени ՍՈՒՔԻԱՍ буква Ս сохранилась наполовину, а рядом с ним остается место для одной буквы, что должно было быть показателем первого лица Ս, и в целом слово должно было читаться ՍՈՒՔԻԱՍՍ, как и читал более столетия назад Джалалянц, когда надпись была в лучшей сохранности.

В последнем слове четвертой строки частично повреждена лигатура ՈՐ, но с окончанием этого слова в следующей строке читается ԹԱԳԱՒՈՐԻՆ.

Упомянутыми выше издателями наибольшему искажению подверглась пятая строка, несмотря на то, что как раз она-то в хорошей сохранности. Джалалянц эту строку читал: ԵՒ ԻՒՐ ՄԵԾԱՄԵԾ ԻՇԽԱՆԱՑ ՍԱՐԳՍԻ ԱՄԻՐՍՊԱՍԱԼԱՐԻՆ, а Бархударянц и следующий ему Костанянц дают еще более искаженное чтение: ԵՒ ԻՒՐ ՄԵԾ ԻՇԽԱՆԻՆ ՍԱՐԳՍԻ ԱՄԻՐ ՍՊԱՍԱԼԱՐԻՆ. Близко стоит к оригиналу чтение магистра Месропа: ԵՒ ԻՒՐ ՄԵԾԱՄԵԾ ԻՇԽԱՆԱՑՆ ՍԱՐԳՍԻ ԱՄԻՐՈՒ. Во втором издании магистр Месроп последнее слово читает ԱՄԻՐՈ, что опять-таки ошибочно. После слова, начинающегося с предыдущей строки, ԹԱԳԱՒՈՐԻՆ очень ясно читается: ԵՒ ԻՒՐ ՄԵԾԱՄԵԾ ԻՇԽԱՆԱՑՆ ՍԱՐԳՍԻ ԱՄԻՐ ՔՐ, которое кончается в следующей строке — ԳԻՆ, следовательно, ԱՄԻՐ ՔՐԳԻՆ. Это правильное чтение устраняет все возникающие недоразумения и, как увидим ниже, окончательно устанавливает личность упомянутых в данном контексте лиц.

Шестую строку издатели пропустили, ее приводит лишь магистр Месроп, в первом издании он читал: ԱՆՏՈՆԻ ՃՊՈՒՆՏԵԼԻՆ ԵԼԲԵԿԻՆ ԵՒ ԹԱԳԱ(ԳՐԻՆ); во втором издании он приводит более правильное чтение: ԳԻՆ ԱՆՏՈՆԻ ՃՊՂՈՒՆՏԵԼԻՆ ԵԼԲԵԿԻՆ ԵՒ ԹԱԳԱ(ԳՐԻՆ), причем подчеркнутую букву Պ считает сомнительной и предлагает читать: ՃՂՈՒՆՏԵԼԻ или ՃԳՈՒՆՏԵԼԻ. Последнее слово ни в коем случае нельзя читать ԹԱԳԱԳՐԻՆ так как в оригинале очень ясно читается ԹԱԳԱՒՈՐՆ, хотя последняя буква Ն стерта, но все же ясно прослеживается. Таким образом, вся строка читается: ԳԻՆ ԱՆՏՈՆԻ ՃՂՈՒՆՏԵԼԻՆ ԵԼԲԵԿԻՆ ԵՒ ԹԱԳԱՒՈՐՆ.

Седьмую строку все читали правильно, лишь магистр Месроп взамен ԿԱՉՄՈՒԹԻՆՍ оригинала предлагает чтение ԿԱՉՄՈՒԹԻՆ.

Неправильно прочитаны издателями восьмая и девятая строки надписи, в которых перечисляются названия сел, пожалованных церкви св. Григория. Джалалянц и Бархударянц читали: ՉԱՅԳԻՆ ՄԻՋՆԱՇԻՆԻՆ ՋՐԻՆ ՉՏԵԱՌՆ ԽԱՉ ԿՈՊԱՎԱՆԻՑ Ի ՄԻՋԻՆ ՔՈՒՐԴ ԳԵՂԱՆՆ ՉԱԲԱՍԱՉՈՐՆ ՉՏԱՆՉՈՒՏՆ. Более близко к оригиналу чтение магистра Месропа в первом издании: ՉԱՅԳԻՆ Ի ՄԻՋՆԱՇԻՆԻՆ ՋՐԻՆ ՉՏՆ ԽԱՉ ԿՈՊԱՎԱՆԻՑՍ

Ի ՄԻՋԻՆ, ՉՔՈՒՐԴԵԻԱՆՆ, ՉԱԲԱՍԱՉՈՐ, ՉՏԱՆՉՈՒՏՆ. Во втором издании он отошел от этого чтения и допускает грубые искажения.

Никто из издателей не обратил внимания на то, что после слов ՉՏՆ ԽԱՉ ԿՈՊ имеются следы лигатуры и еще какие-то параллельные черточки в таком виде: Ա = Ա и дальше — ԱՆԻՑՍ Ի ՄԻՋԻՆ. Мы думаем, что в данном случае мы имеем плохо переданную резчиком лигатуру Ա, как это он делает в других случаях. Если наше предположение правильно, указанную строку следует восстановить в следующем виде: ...ՉՏՆ ԽԱՉ ԿՈՊԱ ՎԱՆԻՑՍ Ի ՄԻՋԻՆ. Вообще следует сказать, что в этом месте резчиком допущена ошибка. Мы находим, что резчик вместо ՄԻՋՆԱՇԻՆԻՆ по ошибке вырезал ՄԻՋԻՆ, что и затрудняет правильное чтение текста в этой части надписи. В подтверждение нашего предположения мы имеем свидетельство историка Киракоса Гандзакеци. Он сообщает о постройке церкви св. Григория и говорит о пожалованных ей объектах, в частности о винограднике в Миджнашэне (այդի մի ի Միչնաշինին).[3] Это свидетельство историка дает нам право думать, что в надписи действительно ՄԻՋԻՆ является искажением ՄԻՋՆԱՇԻՆԻՆ. Руководствуясь этим, мы и предлагаем чтение ՄԻՋ[նաշին]ին. Соответственно вся фраза будет читаться: ...զՏ[եառ]ն խաչ՝ կոպար վանիցս ի Միչ[նաշին]ին. Иное чтение не допускается, так как в этом месте надпись читается ясно.

Следующие затем названия читаются очень ясно: ՉՔՈՒՐԴԵԻԱՆՆ ՉԱԲԱՍԱՉՈՐ ՉՏԱՆՉՈՒՏՆ.

Последующие строки надписи опять прочтены с искажениями. Десятую строку все читали правильно, только Бархударянц взамен ԽԱՉԻՆ читал ԽԱՉՆ. Ясно начертанное в начале одиннадцатой строки слово ԻՒՐ Джалалянц и Бархударянц читали ՅԻՒՐ, а магистр Месроп читал ԱՒՐ. Он же взамен ՈՐՔ читал ՈՅՔ. В двенадцатой и тринадцатой строках Джалалянц и Бархударянц вместо ՈՐԴՈՎՔ ԵՒ ԱՉԳԱՒ оригинала читали: ՈՐԴԻՈՎՔ ԵՒ ԱՉԳԱՅՆՈՎՔ.

Все издатели исказили название местности ՎԱՐՉԷՈ. Джалалянц и Бархударянц читали ՎԱՐՉԷ, магистр Месроп ՎՐԱՉԷՈ.

В четырнадцатой строке Джалалянц и Бархударянц ՀԱՅՐԱՊԵՏԱՑՆ и ԿԵՆԱՑՍ оригинала читали ՀԱՅՐԱՊԵՏԱՑ и ԿԵՆԱՑ. Следующее за ним слово в конце строки с первого взгляда читается ԱՍՆ, но должно быть ԱՍՆ=ՄԱՍՆ, как и читал магистр Месроп, в то время как Джалалянц и Бархударянц читали ԱՄԷՆ и этим кончали текст надписи, совершенно не считаясь с тем, что после этого слова надпись не кончается и имеется еще четыре строки.

Эти последние строки приводит магистр Месроп в первом издании, но в пятнадцатой строке ՍԱՏԱՆԱՒ оригинала читает ՍԱՏԱՆԱՅԻ.

Последние три стоки вырезаны на правой плите в нижней части, левая часть которой отломана, но это не мешает правильному восстановлению текста. В этой части шестнадцатая строка начинается двумя коротенькими параллельными линиями, после чего читается ԽԱՉԱՏՈՒՐ ՎԴ ԵՒ ՍԻՔԻԱՄՆ Ժ; после этого прослеживается лишь левая часть буквы Ա и правая оконечность буквы Մ. В целом вся строка восстанавливается следующим образом: ԽԱՉԱՏՈՒՐ ՎԴ ԵՒ Ս[Ո]ՒՔԻԱՆ ԺԱՄ. Магистр Месроп последние два слова читал: ՍՈՒՔԻԱՍ ՆԺ, что неправильно. Часть начального слова последующей строки падает на то место, кото-

[3] Вардапет Киракос Гандзакеци. История Армении (Կիրակոսի վարդապետի Գանձակեցւոյ Պատմութիւն Հայոց). 1913, стр. 199.

рое в настоящее время отломано, но, судя по последующей части ԱՍՑԵՆ, там должны были быть буквы ՍՐ; таким образом, восстанавливается чтение ՍՐՍԱՑԵՆ.

Магистр Месроп заканчивает чтение надписи словом ՀՀՈՎՈՒԱՂՈՒՍՑՆ, на самом же деле после этого слова следует плохо сохранившееся ՀԱԼԵԼՈՅ. Эта строка еле помещается на краю камня, и буквы не имеют той строгости и красоты в начертании, которую мы видим в предыдущих строках. Наконец, семнадцатую строку составляет только одно слово ԵՅՒՐՔՍ, написанное мелкими буквами с еле заметным титлом.

Заканчивая разбор надписи, приводим ее восстановленный текст.

[1] Ի ՈՂՔ Թուիս ՀԱՅոց Ի ԹԱԳԱՒՈՐՈՒԹԵՆՆ ԱԲԽԱԶ
[2] ԱՀ ԳԵՈՐԳԵԱ Ի ՀԱՅՐԱՊԵՏՈՒԹԵՆՆ ՀԱՅոց ՏՆ ԳՐ
[3] ԽՂՈՐՈՒՄ ԵՍ ԽԱԶԱՏՈՒՐ ՎԱՐԴԱՊԵՏ ԵՒ ՍՈՒՔԻԱՍ[Ս]Ս
[4] ՆՈՐՈՒԵՑԱՔ ԶՍԲ ԳՐԻԳՈՐՍ ՀՐԱՄԱՆԱՒ ԹԱԳԱՒՈՐ
[5] ՒՆ ԵՒ ԻՒՐ Մ[Ե]ԾԱՄԵԾ ԽՀԱՆԱՅՆ ՍԱՀՄԱ ԱՄԻՐ ՔՐ
[6] ԴԻՆ ԱՆՏՈՆԻ ՀՅՈՒՆՏԵԼԻՆ ԵՒՍԵԿԻՆ ԵՒ ԹԱԳԱՒՈՐՆ
[7] ՉԱՒՆ Է ՉՆՈՐ ԿԱՋՄՈՒԹԻՍ ԴՐՈՒ ԵՑ Ի ՍԲ ԳՐԻԳՈՐՍ
[8] ՉԱՀՑԻՆ Ի Մ[Ե]ԶՆԱՇԽԻՆ ՉՐԻՆ ՉՏՆ ԽԱՉ ԿՈՊԱՐՎԱՆ
[9] ԲՅՍ Ի Մ[Ե]ԶԻՆ ՉՔՈՒՐԴԵՒԱՆՆ ՉՄՈՄԱՌՐ ՉՏԱՆՉ
[10] ՈՒՏՉ ԵՒ ՀՐԱՄԱԲԱՑ ԹԱԳԱՒՈՐՆ ՉՍԲ ԽԱՉԻՆ ՏԱՒՆՆ
[11] ԻՒՐ ՅԱՐՏԱՍԱՒ ԿԱՑԱԼԻ ԱՐՔ ՐՔ ՀԱՒՈՒԱՑ ԿԱՆ ԵՒ
[12] ՀԱՒԼԻ ՉԱՆԱՆ ՔԱԼԵՍՑԻՆ ՏԱՐԲՔ ԵՒ ՐՔՈՎՔ ԵՒ Ա
[13] ՉՔԱ ԵՒ ՆՉՈՒԱՑԻՆ Ի ՎԱՉԵՒ ՅՈՒՆՈՒՆՆ ԵՒ:ՅՃՀ:Հ
[14] ԱՅՐԱՊԵՏԱՑՆ ԵՒ ՉՆՉԵՑԻՆ ՅԱՅՍՄ ԿԵՆԱՑՍ ԱՄՆ
[15] ԵՒ ԲՊՉԻՆ ՆՈՑԱ ՀՆՔ ՅՈՒԴԱՒ ԵՒ ՀՆՔ ՍԱՏԱՆԱՒ ԱՅՑ
[16] -ՒԱՀԱՑՈՒՐ ՎԻ ԵՒ Մ[Ո]ՒԹԱՒՈՆ ԺԱՄ
[17] [ԱՐ]ԱՅՑԻՆ ՉՀՈՎՈՒԱՂՈՒՍՑՆ ՉԱԼԵԼՈՅ (Sic!)
[18] ԵՅՒՐՔՍ

После раскрытия титлов и расшифровки лигатур текст предстает перед нами в следующем виде:

Ի ՈՂՔ Թուիս Հայոց, ի Թագաւորութ[ե]ան Աբխազաց Գեորգեա, ի հայրապետութ[ե]ան Հայոց ած[ե]ան Գր[իգորի]ս, ես Խաչատուր վարդապետ եւ Սուքիաս[ի] նորոգեցաք զ[ուր]ք Գրիգորս հրամանաւ թագաւոր[ի]ն եւ իւր մեծամեծ իշխանացն՝ Սարգսի, Ամիր Գր[իգ]ին, Անտոնի շղթանաւ[ի]ն, ելբեկին:

Եւ թագաւոր[ն] զ[ի]ն եւ զնոր կազմութի[ւ]նս գրով եառ ի ս[ուր]ք Գրիգորս՝ զայգին ի Մ[ե]ԶՆԱՇԽԻՆ Ջրին, զՏ[եառ]ն խաչ՝ կոպար վան/իցս ի Մ[ե]ԶՆԱՇ[Խ]ին, զՓուրդեվանն, զՍ.բասաձոր, զՏանձուտն եւ հրամայ[ե]ցաք թագաւորն զ[ուր]ք խաչին տաւնն/ իւր յիշատակ կատարել:

Այլ որք հակառակ կան եւ/ հանել չանան՝ քակեսցին տամբք եւ որդովք եւ ազգաւ, եւ նզովեսցին ի Վարձէո Ա[ստուա]ծածնէն եւ ՅԺՀ հայրապետացն եւ չնչեսցին յայսմ կենացս. մանն եւ բաժին նոցա ընդ Յուդա[յ]ի եւ ընդ սատանա[յ]ի լիցի/:

Խաչատուր վ[ար]դ[ապետին] եւ Մ[ո]ւքիասին ժամ/ [ար]ասցեն զՀոգեպատուհան զամէնա[յ]ին (Sic!) ե[կեղե]ցիքս.

Попытаемся передать этот текст в русском переводе.

„В 633 год армянского (летосчисления), в царствование (царя) абхазов Георгия, в патриаршество (католикоса) армянского — владыки Григориса, я, вардапет Хачатур и (я) Сукиас восстановили (церковь) святого Григория велением царя и его великих ишханов — Саргиса, Амир-Курда, Антона Чхоиндели, Элбека.

„И царь, старое и новое достояние (монастыря) грамотой передал (церкви) святого Григория: фруктовый сад у (речки) Миджнашэни-Джур, Теари-Хач — межу обителей, отделяющую их от Миджн[ашэн]а, (селения) Курдеван, Абасадзор, Тандзут.

„И повелел царь в праздник Святого Креста отслужить [обедню] в его память.

„И все те, которые воспротивятся и постараются изъять (это решение), да будут искоренены всем домом и поколениями и (всем) родом, и да будут прокляты Вардзийской Богоматерью и 318 отцами (церкви), и да будут уничтожены в этой жизни, и доля их да будет уделом Иуды и Сатаны.

„Да отслужат обедню вардапету Хачатуру и Сукиасу все церкви в день Сошествия Святого Духа".

Восстановление текста надписи позволяет выяснить упоминаемых в ней лиц и локализировать местности, в ней обозначенные.

Монастырь Агарцин принадлежал к числу обителей Армении, разрушенных и разоренных в период нашествий турок-сельджуков во второй половине XI столетия. Со второй половины XII в., когда в северной Армении возродилась политическая жизнь армянских феодалов под эгидой грузинских Багратидов, разоренная страна стала быстро восстанавливаться. Конечно, в первую очередь восстанавливались монастыри как учреждения, призванные увековечить идеологически реставрируемые в стране феодальные порядки, существовавшие в досельджукское время.

В надписи ктиторами церкви св. Григория выступают вардапет Хачатур и Сукиас. Первый из них хорошо известен армянским историкам. Историк Киракос Гандзакеци (1201—1271), говоря о постройке монастыря Нор-Гетик, сообщает, что в 1191 г. на торжествах по случаю завершения строительства соборной церкви „присутствовал также святой вардапет Хачатур Таронаци (Таронский), настоятель святой обители, называемой Агарцин, муж святой и добродетельный и известный своими познаниями, особенно в области музыкального искусства".[4] По словам историка, до прибытия в этот край Хачатура Таронаци монастырь Агарцин „находился в запустении и в темноте"; он, прибыв сюда, „оживил святую обитель, настоятелем которой он являлся".[5] Публикуемая надпись и сообщает о восстановлении им и Сукиасом монастыря Агарцин, в частности главной соборной церкви, посвященной св. Григорию, „Просветителю Армении". Хачатур Таронаци пользовался большим авторитетом при грузинском дворе. Историк Киракос Гандзакеци сообщает, что „ему (Хачатуру Таронаци) оказывал большие почести грузинский царь

---

[4] Եր ի ժամանակս[ն]եանս ևիվղևցւոյն և սուրբ վարդապետն Խաչատուր Տարօնացի, առաքնորդ սուրբ ուխտին որ կոչի Հաղարծին, այր սուրբ և առաքինի, և գիտուքեամբ հռչակեալ, մանաւանդ երաժշտական արուեստիւ: — Կիրակոսի վարդապետի Գանձակեցւոյ Պատմութիւն Հայոց: Թիֆլիս, 1913, էջ 199.

[5] ամայի էր և խամրացեալ... պայծառացոյց զսուրբ ուխտն՝ որում առաքնորդն էր ինքն. (Там же).

Георгий, отец Тамары",[6] по велению которого, согласно надписи, он совместно с Сукиасом, возобновил церковь св. Григория.

Надпись высечена в последние месяцы жизни Георгия III, когда страной уже правила Тамара. Только после смерти Георгия III при грузинском дворе произошли значительные изменения, когда Тамара покончила с засильем кипчакской знати в государственном аппарате и восстановила в своих должностях представителей грузинской и армянской вельможной знати — „дидебулов". Согласно надписи, вардапет Хачатур Таронаци и некий Сукиас построили церковь св. Григория в патриаршество армянского католикоса Григориса, под которым подразумевается католикос Григорий IV Отрок (1173—1193), в царствование „царя абхазов" Георгия III, по повелению последнего и его „великих ишханов", т. е. „дидебулов": Саргиса, Амир-Курда, Антона Чкоиндели и Элбека. Упомянутый Саргис, популярная в ту эпоху личность, — Саргис „Великий". Грузины называли его „Мхаргрдзели", т. е. Долгорукий, и вскоре (в 1185 г.) он стал военным министром и верховным главнокомандующим — „амирспасаларом армян и грузин". В надписи он фигурирует еще как скромный владетель замка Хожорни. Но после опалы и уничтожения дома Орбели в 1179 г. от положения „азнаура" — подвассальной знати он перешел уже на положение „дидебулов" — вельможной знати. Только после Саргиса Мхаргрдзели упоминается Амир-Курд, который на очень короткое время в 1179 г. получил от царя округ Кайен, в котором находился монастырь Агарцин.

Очень своеобразно сложилась судьба этой интересной и яркой фигуры данной эпохи. Ему и его дому посвящена издаваемая на армянском языке наша монографическая работа „Арцруниды Махканаберда", о нем обстоятельно говорится в нашей статье на русском языке — „Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам",[7] здесь на нем остановимся только в связи с анализом надписи. Новейшие данные показывают, что Амир-Курд Арцруни, оказавший Георгию III неоценимые услуги в подавлении заговора феодалов, возглавляемого амирспасаларом и мандатурт-ухуцесом Иване Орбели в 1177—1179 гг., на короткое время сделал большую политическую карьеру.

Георгий III сломил своевольных „дидебулов" тем, что он снова приблизил ко двору кипчакскую военную знать, на которую он опирался в последние годы своей жизни. Наиболее ответственные должности по управлению государством царь передал военачальникам дворцовой гвардии — предводителям кипчакских (половецких) войск. После опалы феодального рода Орбели должность амирспасалара получил наиболее преданный царю слуга — кипчак Хубасар, но должность мандатурт-ухуцеса вместе с округом Кайен получил Амир-Курд, имевший не меньшие, чем он, заслуги. Но в этой должности, по-видимому, он был очень короткое время. Георгий III после ликвидации мятежа был поглощен вопросами укрепления царской власти. Все свои надежды он возлагал на кипчакскую военную знать, которая сделалась его верной опорой и с помощью которой он укрепил пошатнувшийся было трон. Несмотря на большие заслуги, Георгий III лишил Амир-Курда должности мандатурт-ухуцеса и передал ее тому же Хубасару вместе со всем достоянием уничтоженного дома Орбели. Другой кипчакский военачальник Апридон получил должность министра двора — мсахурт-ухуцеса, а кип-

[6] *Զսա պատուէր մեծապէս թագաւորն վրաց Գիորգի, հայր Թամարին.* (Там же).

[7] Научные труды Ереванск. гос. унив., т. XXIII, 1946, стр. 389—421.

чак Кутлу-Арслан — должность министра финансов — мечурчлет-ухуцеса и, вероятно, должность градоначальника столицы и правителя ее области — „амира амиров Тбилиси и Картлии". Обиженный Амир-Курд покинул грузинский двор и отправился в другие свои владения, которые находились в пределах сельджукского эмирства области города Карин (ныне Эрзерум). Только после этих мероприятий Георгий III мог провозгласить единственным законным наследником престола свою дочь Тамару, которая была помазана на царство в 1180 г.

Воцарившись еще при жизни отца, царица Тамара начала вести политику сближения с грузинской и армянской вельможной знатью, что вызывало недовольство „неродовитой" кипчакской знати.

В интересующей нас надписи фигурируют именно наиболее влиятельные представители этой знати: упомянутый выше Саргис Мхаргрдзели и останавливающий наше внимание Амир-Курд Арцруни. Судя по надписи, последний был вновь возвращен из Карина и смог восстановить свои владетельные права пока только на наследственное достояние: он снова сделался „патроном" Махканаберда и Ахпата, а округ Кайен, где находился монастырь Агарцин, так и не получил.

После Амир-Курда в надписи упоминается „Антон Чхоиндели", о котором в свое время высказывался проф. Л. М. Меликсет-бек: „Под *ճղունտելի* вернее *ճղոնտելի* resp. *ճղոյնդելի*, вне всякого сомнения, разумеется вульгарная разновидность ჭყოინდელი титула ჭყონდიდელი".[8] Таким образом, в лице „Антона Чхоиндели" в надписи фигурирует председатель Государственного совета „дарбази" — „везир везиров, мцигнобарт-ухуцеси, чхондидели" Антон Глонистависдзе, который был в этой должности в 1179—1184 гг.

Совершенно не случайно упоминание „Антона Чхоиндели". В период, когда возобновлялся монастырь Агарцин, округ Кайен (ныне Иджеванский район Армянской ССР) относился к числу земель царского домена и, согласно грузинскому феодальному праву, находился в непосредственном ведении мцигнобарт-ухуцеси-чхондидели. Под контролем последнего и происходило светское и церковное строительство на царских землях.[9]

Таким образом, косвенные данные указывают на то, что после опалы Амир-Курда округ Кайен был конфискован казной и находился в непосредственном ведении первого везира мцигнобарт-ухуцеса Антона Чкондидели. Этим следует объяснить и тот факт, что, согласно надписи, вопросами возобновления монастыря Агарцин занимался сам царь, приказы которого осуществлял первый везир и чкондидский епископ Антон Чкондидели. Исполнителями воли царя были вардапет Хачатур Таронаци и некий Сукиас, которые в надписи сообщают, что они „восстановили (церковь) святого Григория велением царя".

После Антона Чкондидели в надписи упоминается неизвестное для нас лицо Элбек, который, судя по имени, должен был быть представителем кипчакской знати. В тюрко-татарских языках, к которому принадлежал также кипчакский (половецкий) язык, Эл-бек буквально означает „предводитель кочевого племени" или „предводитель военной дружины кочевого племени (или вообще племени)". Так мог называться амир-

[8] Л. Меликсет-Беков, ук. соч., стр. 197.

[9] См.: И. А. Джавахишвили. История грузинского права, кн. II, вып. 1 (ივ. ჯავახიშვილი. ქართული სამართლის ისტორია, წიგნი მეორე, ნაკვეთი პირველი). Тбилиси, 1928, стр. 124—140.

спасалар и мандатурт-ухуцес и одновременно начальник придворной гвардии Хубасар, бывший в то время продводителем кипчакских военных дружин, т. е. эл-беком в буквальном смысле. Может быть, это был наследственный титул Хубасара, под которым он был известен среди своих соплеменников. Вопрос этот очень интересен и требует дополнительных материалов для такого утверждения.

Разбор имен показывает, что интересующая нас надпись может быть датирована при всех случаях лишь 1184 г., что и правильно указано в ней. В следующем, 1185 г. уже не было в живых царя Георгия III, а Саргис Мхаргрдзели и Амир-Курд были удостоены царицей наивысших должностей и почестей. Антон Чкондидели временно сошел со сцены, его должность присвоил грузинский католикос Микаэл. Элбек, если это действительно Хубасар, навсегда отошел от политической жизни и вскоре умер. Округ Кайен, в котором находился монастырь Агарцин, в 1185 г. был пожалован мсахурт-ухуцесу Вардану Дадиани, но после его опалы, как участника заговора Юрия Андреевича Боголюбского, эти земли были переданы сыну Саргиса Мхаргрдзели, Иване Мхаргрдзели, облеченному должностью мсахурт-ухуцеса.[10]

После упоминания лиц, имевших отношение к возобновлению церкви святого Григория, в надписи перечисляются пожалования, которые получила упомянутая церковь и монастырь Агарцин в целом. Согласно надписи, „царь старое и новое достояние (монастыря) передал (церкви) святого Григория". Затем следует перечисление этих владений: „виноградник у (речки) Миджнашэни-джур, Теарн-хач — межу обителей, отделяющих их от Миджн[ашэн]а, (селения) Курдеван, Абасадзор, Тандзут". Эти сведения надписи в сокращенном виде приводит также Киракос Гандзакеци. Он сообщает, что возобновленной церкви св. Григория царь Георгий III „грамотой с собственноручной подписью передал два селения — Абасадзор и Тандзут и один виноградник в Миджнашэне".[11] Хотя историк не все местности упоминает, но видно, что он об этом говорит на основании виденной им надписи.

Отмеченные в надписи местности должны быть локализированы в районе нынешнего Дилижана. Упомянутый виноградник находился около речки Миджнашэни-Джур и межи (арм. *копар*), отделяющей монастырский комплекс Агарцина от сел. Миджнашэн хачкаром или каменным крестом, называемым в тексте „Теарн-хач", что буквально означает „господний крест". Эта межа, по всей вероятности, находилась там, где на р. Агарцин (в надписи называемой, „Миджнашэни-джур") в настоящее время перекинут мост, через который и поддерживает Агарцин сношения с внешним миром и по сей день, так как речка очень бурная и глубокая.

С левой стороны от этой речки, в глухом лесу, у дороги, ведущей в монастырь, в настоящее время находятся развалины селения, поросшие вековыми деревьями лиственного леса. Это место и должно быть сел. Миджнашэн, что вполне соответствует его названию, означающему в переводе „Срединный поселок". Миджнашэн находился в середине между монастырем Агарцин и сел. Джар-Хэч (древний Шар-Хач), откуда ответвляется дорога от главной магистрали — шоссейной дороги Тбилиси—Дилижан—Ереван.

[10] С. Т. Еремян. Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках. Научные труды Ереванск. гос. унив., т. XXIII, 1946, стр. 414.
[11] Вардапет Киракос Гандзакеци, ук. соч., стр. 199.

Сравнительно легко поддаются локализации последующие три селения. Курдеван существует в настоящее время и недавно переименовано в Енокаван. Селение это находится недалеко от районного центра Иджеван и от места предполагаемых развалин крепости Кайен.

Сел. Абасадзор было известно своими разработками медных руд. Так, например, когда в 1191 г. был закончен строительством монастырь Нор-Гетик, братья Захария и Иване Долгорукие в числе других пожалований, согласно Киракосу Гандзакеци, „принесли в дар церкви... один бов в Абасадзоре".[12] Эти разработки медных руд должны были существовать там, где в последние годы геологами были открыты заброшенные еще в средние века шахты. Часть доходов, получаемых с медных рудников сел. Абасадзор, и шла в пользу Агарцина. Следующий пункт, упоминаемый в надписи, — сел. Тандзут, которое находилось у речки Тандзута-Дзор, впадавшей в р. Гетик, правый приток р. Агстев. Недалеко от сел. Тандзут и был построен Мхитаром Гошем монастырь Нор-Гетик, которым и определяется местоположение этого селения.

Закончив перечисление пожалованных объектов, благочестивый царь Георгий III взамен этих богоугодных дел требует лишь, чтобы отслужили „в праздник Святого Креста обедню в его память". Далее надпись обрушивается грозными проклятиями на всех, кто осмелится нарушить это установление. В данном месте интересна одна деталь, на которую до сих пор не обращали внимания и даже не поняли прежние издатели надписи. Нарушителям установления царь угрожает проклятием от имени Вардзийской Богоматери (*ի Վարձէո Ա[ստուա]ծածնէն*). Знаменитый пещерный монастырь Вардзиа в Месхети в тот период хранил священную реликвию — икону Вардзийской Богоматери, которая считалась покровительницей грузинских Багратидов. Историки царицы Тамары неоднократно упоминают ее. Ни один военный поход не мог совершиться без благословения войск от ее имени.[13]

Разбираемая надпись кончается просьбой, чтобы все церкви монастыря отслужили обедню строителям церкви вардапету Хачатуру (Таронаци) и Сукиасу „в день Сошествия Святого Духа".

Закончив восстановление и анализ текста агарцинской надписи 1184 г., мы приходим к выводу, что она представляет собой важнейший документ эпохи и выясняет ряд интересных моментов в истории сотрудничества двух братских стран — домонгольской Армении и Грузии.

[12] Там же.
[13] Эта икона дошла до нас, хотя и с поздними переделками и подновлениями. См.: Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства. М., 1950, стр. 230, табл. 131 и 132.

А. А. Иессен

ПЯТЬ ЧАШ ИЗ БАЙЛАКАНА

Среди разнообразных и многочисленных материалов, добытых раскопками последних лет на городище Орен-Кала в Азербайджане, значительный интерес представляет небольшая серия поливных чаш с изображениями всадников и пеших охотников.

Начатые в 1953 г. работы совместной экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Института истории Академии наук Азербайджанской ССР окончательно разрешили вопрос о тождестве Орен-Калы с развалинами средневекового Байлакана, а раскопки на городище подтвердили и ранее высказывавшееся мнение о значительном развитии в Байлакане гончарного производства — простой бытовой и художественной керамики.

К категории поливной художественной керамики местного, по всем признакам, производства относятся и интересующие нас в данной связи чаши. Их всего пять. Найдены они в 1953 и 1954 гг. в той части Байлакана, которая в XI—XIII вв. была укреплена и представляла собой центральную, наиболее богатую часть города (раскоп I).[1]

Из числа этих чаш одна относится к IX—X вв., а четыре — к XII—началу XIII в. Приводим краткое описание этих чаш.

1. Чаша, сохранившаяся в виде нескольких обломков, составляющих около половины всего сосуда (полевая опись ОК-54-I, № 2440; рис. 1). Принадлежит к ранней группе полихромной расписной керамики.[2] Относится к IX—X вв. На чаше изображен всадник на богато убранном коне, обращенный вправо. Верхняя часть фигуры всадника и голова его коня не сохранились. Впереди всадника — изображение зверя, по-видимому хищника, от которого остались только ноги и часть хвоста. Под ногами коня изображена собака, нападающая сзади на лисицу с длинным пушистым хвостом и держащую в пасти ветку или цветы.

[1] См.: Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) экспедиции, т. I (= Материалы и исследования по археологии СССР, № 67, 1959). Статьи: А. А. Иессен. Городище Орен-Кала; А. Л. Якобсон. Раскопки на городище Орен-Кала в 1953—1955 гг. (Раскоп I); А. Л. Якобсон. Художественная керамика Байлакана (Орен-Калы). В последней статье дается классификация поливной керамики по группам, на которые мы ссылаемся при описании наших чаш.

[2] А. Л. Якобсон. Художественная керамика..., стр. 342, табл. V, *1* (группа 3Б). Диаметр чаши 31.8 см, высота 10 см, диаметр дна 12.2 см.

Свободные участки фона заполнены условными изображениями цветов и растительными разводами.

Всадник сидит в седле с высокой передней и задней лукой, снабженном длинным, спускающимся ниже ступни всадника чепраком. Нога всадника изображена с опущенным вниз носком, что позволяет думать об отсутствии стремян. Подгрудный и хвостовой ремни украшены сплошным рядом круглых подвесок.

Сам всадник изображен очень схематично. На нем узкая прилегающая одежда и, по-видимому, ноговицы и башмаки с каблуком. Выше ноговиц одежда орнаментирована желтыми кружками.

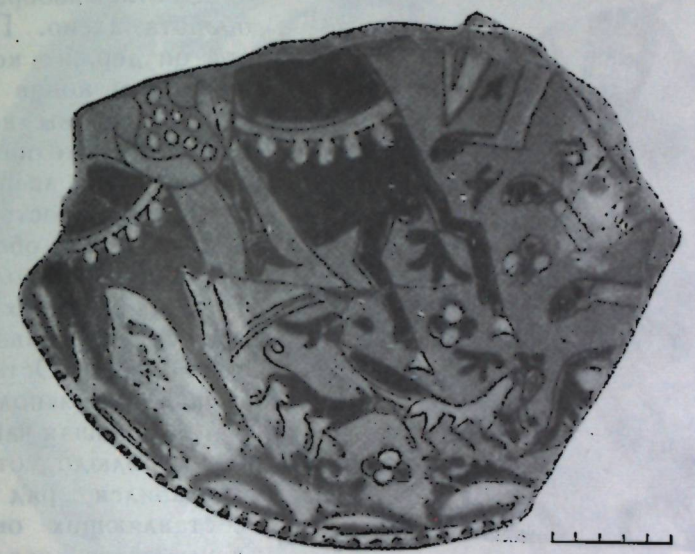


Рис. 1. Чаша с изображением всадника на охоте (№ 2440/54). IX—X вв.

Роспись дана условно желтой и зеленой красками по красному черепку и покрыта прозрачной поливой, придающей фону лиловатый оттенок.

Рисунок грубый, примитивный, пропорции соблюдены плохо: конь массивный, тяжелый; фигура всадника, наоборот, мала и очень тонка.

Для убора коня ближайшую аналогию дает конь бронзовой курильницы, найденной в бывш. Нахичеванском уезде в 1901 г.[3] Здесь ремни убора украшены такими же, как на нашем изображении, шаровидными, очевидно металлическими, подвесками. Всадник на курильнице изображен с прямо опущенной ногой, без стремени, как и на нашей чаше.

2. Чаша, сохранившаяся в виде двух крупных обломков, содержащих основную часть композиции (полевая опись ОК-54-I, № 361; рис. 2). Принадлежит к группе полихромной керамики, расписанной по ангобу (зеленовато-белому) после предварительной гравировки рисунка.[4]

[3] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 83; A Survey of Persian Art (далее SPA), IV, London—New York, 1938, табл. 240-A.

[4] А. Л. Якобсон. Художественная керамика..., стр. 270, табл. XXXI, *4* (группа 7В). Размеры фрагмента 17 × 21 см, диаметр дна 12 см.

Роспись коричневая и зеленая; чаша покрыта прозрачной глазурью. Датируется, как и все следующие, XII—началом XIII в.

На чаше изображен пеший бородатый охотник в длинной одежде типа халата или черкески, с узкими рукавами, по-видимому в мягкой обуви и ноговицах. На голове высокая шапка типа тиары, верхний край которой не сохранился.

На левом плече охотник держит копье или дротик (изображение сохранилось неполностью). Из-за спины виден конец длинной косы (?) или неопределимого предмета.[5]

Рис. 2. Чаша с изображением пешего охотника с гепардом (№ 361/54). XII—начало XIII в.

Охотник изображен в полуоборота влево. Правой рукой он держит конец цепи, на другом конце которой, с левой стороны композиции, изображен охотничий гепард, напавший на зверя, судя по пушистому хвосту, — лисицу. Изображения обоих зверей сохранились неполностью.

В двух местах видны участки орнаментального обрамления чаши. Остальной фон оставлен незаполненным.

3. Большая чаша или глубокое блюдо, от которого сохранился ряд обломков, составляющих около половины всего сосуда (полевая опись 1953 г., №№ 1754, 1788, 1906, 2114, 2186, 2249, 4444 и 5517; рис. 3). Относится к группе полихромной расписной керамики с предварительной тонкой гравировкой по белому ангобу. Роспись зеленой и желтой (местами нанесенной густо и дающей коричневатый тон) красками, с растекающимися мазками.[6] Рисунок внутри чаши обрамлен растительными разводами.

На чаше изображен всадник на скачущем влево коне. Показаны детали седловки, стремена. Позади всадника на крупе коня отдельный чепрак для охотничьего гепарда, от которого сохранились только передние ноги и хвост. Хвост коня подвязан, грива развевается, что передано потеками коричневой краски. Фигура всадника частично закрыта этими потеками. Непропорционально большая голова в высокой шапке-тиаре повернута к зрителю. Перед нами, таким образом, изображение охотника. Было ли впереди коня еще изображение преследуемого животного, сказать невозможно, так как эта часть чаши не сохранилась. Также нельзя сказать, было ли изображено оружие в руках всадника.

[5] В связи с этой деталью стоит, может быть, вспомнить, что албанский историк именует северокавказских хазар VII в. „косоносцами“: Моисей Каганкатваци. История агван. Пер. К. Патканьяна, СПб., 1861, стр. 110.

[6] А. Л. Якобсон. Художественная керамика..., стр. 254, табл. VI (группа б). Диаметр чаши 40 см, высота 13 см, диаметр дна 13 см.

Особенно интересно отметить, что как на этой, так и на предыдущей чаше мы видим изображения гепардов, широко использовавшихся в средние века для охоты. Изображение набросившегося на добычу, но не спущенного с цепи гепарда на чаше № 2, насколько мне известно, уникально. Вполне вероятно, что здесь совмещены в одном изображении

Рис. 3. Чаша с изображением всадника с гепардом (№ 1754/54). XII—начало XIII в.

два последовательных момента охоты. Что же касается изображения гепарда на коне, т. е. до его спуска, то аналогии ему известны.[7]

4. Чаша, склеенная из обломков, неполная (полевая опись ОК-54-I, №№ 388, 1586, 1900; рис. 4). Принадлежит к группе поливной кера-

[7] Н. И. Веселовский. Гератский бронзовый котелок 559 года гиджры. Матер. по археол. России, вып. 33, СПб., 1910, стр. 12, табл. VIII, сцена 4; A. de Longpérier. Notice sur une coupe arabe etc. Oeuvres, I, Paris, 1889, стр. 350, табл. VI, 1 и 2 (бронзовая чаша XIII в. из Фано в Италии). Сводку 10 подобных изображений XIII—XIV вв. на бронзовых сосудах и подсвечниках, часть которых происходит из Азербайджана, дал недавно Д. Райс [D. S. Rice. The Seasons and the Labors of the Months in Islamia Art. Ars Orientalis, I, Baltimore, 1954, рис. 7 (стр. 25) и рис. 13—21 (стр. 39)]. Обычай помещать гепарда позади седла, за спиной охотника, был широко распространен. Достаточно привести несколько свидетельств. Так в книге XI в. „Кабус-наме“ (Пер. Е. П. Бертельса, 2-изд., М., 1058, стр. 119) мы читаем: „... если охотишься с барсом (следует читать: с гепардом, — *А. И.*), то никоим образом барса позади себя на коня не бери, ибо неприятно царю держать (самому) барса, а кроме того, и неразумно сажать дикого зверя себе за спину, особенно царям и го-

мики XII—XIII вв., относившейся в литературе к одному из производственных центров южного Азербайджана (Зенджан, Агканд).[8] Работы на Орен-Кале показали, что эту группу, если не целиком, то в значительной части, следует относить к местному производству Байлакана. Во

Рис. 4. Чаша мастера Насира с изображением всадника — игрока в поло (№ 388/54). XII—начало XIII в.

всяком случае ряд стилистических черт этой группы (орнаментация краев чаш и др.) не характерен для керамики других городов Азербайджана, где подобные образцы встречаются очень редко, тогда

сударям". Рубрук сообщает о своем пребывании в Каракоруме в 1254 г.: „Я видел также послов одного Индийского султана, которые привели 8 леопардов и 10 борзых собак, наученных сидеть на заду лошади, как сидят леопарды" (Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Пер. А. И. Маленна, М., 1957, стр. 179). Этот же обычай в эпоху крестовых походов распространился и в Западной Европе. Так, например, император Фридрих II (1212—1250) в одном из своих писем дает следующее распоряжение некоему Риналъдино ди Панормо, приведенное в упомянутой работе Лонгперье: „. . . выбери трех лучших из порученных твоей заботе леопардов и наилучше обученных и трех других, не обученных, лучших, которые, однако, приучены ездить на коне и пригодны для обучения" (стр. 349). Даже император Леопольд I (1658—1705) еще часто охотился с гепардом на крупе коня (A. Schwarpach. Die Entwickelung der Jagd. Der Mensch und die Erde, I, Berlin—Leipzig, 1906, стр. 354).

[8] А. Л. Якобсон. Художественная керамика. . ., стр. 270, табл. X (группа 7В). Диаметр 21 см, высота 9.5 см, диаметр дна 8 см.

как на Орен-Кале они представлены массовым материалом. О характере распространения подобной керамики южнее Аракса, в Иранском Азербайджане, пока судить преждевременно. Имеющиеся оттуда экземпляры, по крайней мере опубликованные, не имеют точных данных о месте находки и куплены у торговцев древностями.[9]

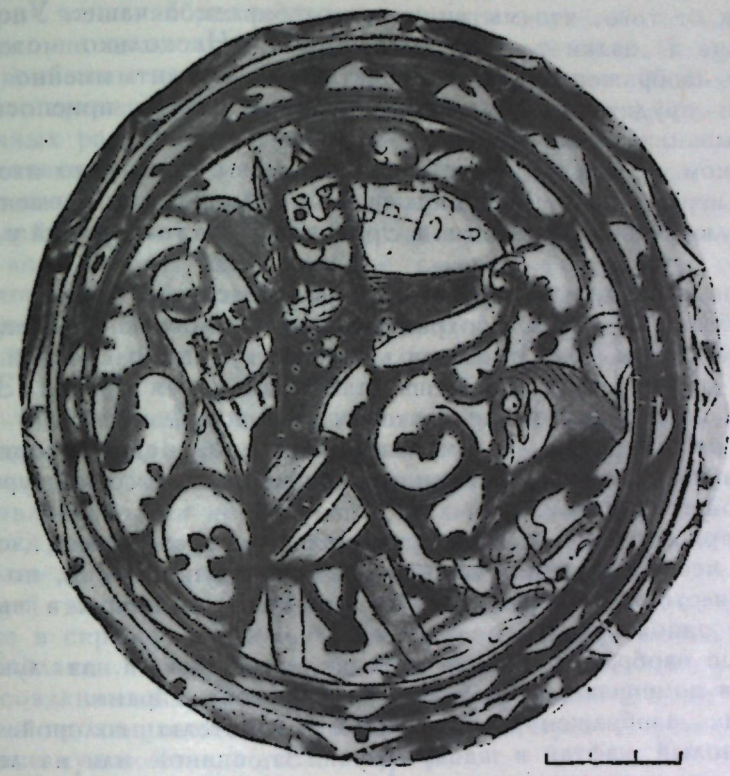


Рис. 5. Чаша мастера Насира с изображением пешего охотника — стрелка (№ 2/54). XII—начало XIII в.

Чаша расписана по белому, слегка зеленоватому ангобу желтой (коричневой) и зеленой красками. Роспись покрыта прозрачной глазурью. Предварительная гравировка очень четкая; роспись совпадает с ее контурами. Все изображение отличается ясностью и умелой компановкой.

На чаше изображен всадник на скачущем вправо коне. Хвост коня подвязан и, по-видимому, украшен лентой с развевающимися концами. Всадник сидит в седле с высокой задней лукой (передняя не видна), снабженном стременами. Под седлом виден чепрак. Одет всадник в кафтан, по-видимому короткий.

Голова всадника не сохранилась. Имеется только часть верхнего края головного убора.

Правой рукой всадник держит на плече палку с загнутым на 3/4 окружности верхним концом. Мы здесь, несомненно, имеем изображение

[9] A. U. Pope. The Ceramic Art in Islamic Times. SPA, II, стр. 1526—1529, табл. 607—611.

участника конной игры в мяч типа поло, в которой применялись орудия, подобные изображенному на нашей чаше.

Недавно А. И. Робакидзе обстоятельно разобрал сведения об этих орудиях.[10] Из них клюшки с молоткообразной головкой явно не подходят к нашему изображению,[11] клюшки с ложкообразной головкой, вариацией которых являются плетеные ракетки,[12] также, по-видимому, отличаются от того, что мы видим на разбираемой чаше. Упоминаются автором еще и „палки с загнутым концом".[13] Насколько можно судить по нашему изображению, здесь представлен вариант именно этой разновидности орудия конной игры в мяч — човгана, приспособленного к подбрасыванию мяча.

Во всяком случае на нашей чаше мы имеем еще одно изображение участника игры в поло, напоминающее о близком по времени изображении на люстровой вазе XII в. в Эрмитаже,[14] не упомянутой у А. И. Робакидзе.

Чаша подписная, изготовлена мастером Насиром.[15]

5. Небольшая чаша, сохранившаяся полностью (полевая опись ОК-54-I, № 2; рис. 5). Относится к той же группе расписной поливной керамики, что и предыдущая чаша (так называемая группа Зенджан—Агканд), и подписана тем же мастером Насиром.[16]

Чаша расписана по белому ангобу зеленой, светло-коричневой и темно-коричневой красками. Роспись точно совпадает с контурами предварительной гравировки.

Благодаря заполнению фона растительными разводами изображение выступает несколько менее ясно, чем у предыдущей чаши, но общий их характер настолько близок, что не вызывает сомнения в выполнении обеих чаш одной рукой.

На чаше изображен пеший охотник, стреляющий из лука вправо, очевидно в помещенного по краю композиции джейрана.

Охотник изображен с повернутой к зрителю головой. Одет он в длинополый кафтан и шапку-треух. За спиной или на левом боку у него колчан с тремя стрелами. Лук, с прямой, не натянутой тетивой и наложенной стрелой, еще не готов к выстрелу.

Описанными экземплярами пока исчерпываются изобразительные сюжеты с участием человеческих фигур на поливной керамике Байлакана.

---

[10] А. И. Робакидзе. Цхен-бурти (Опыт восстановления грузинской конно-спортивной игры). Вопр. этнографии Кавказа, Тбилиси, 1953, стр. 219—255.

[11] Там же, стр. 220—224.

[12] Там же, стр. 225—226, 233 и сл.

[13] Там же, стр. 220—221. Подобные орудия рассмотрены также в работе: R. Ghirshman. Les mosaïques sassanides. Fouilles de Châpour, Bîchâpour, II, Paris, 1956, стр. 71—74. Особенно близки изображения на табл. IX, *1* и XIII, *4* (мозаика из Бишапура) и на стр. 73, рис. 10 (медальон на крестильнице конца XIII в. в Лувре). См. также у Д. Райса: D. S. Rice, ук. соч., стр. 30, рис. 19 (бронзовый подсвечник азербайджанского типа).

[14] А. Якубовский. Ваза с изображением музыкантов и игры в поло. Сб. „Памятники эпохи Руставели", Л., 1938, стр. 201—208, табл. 22—22; ср.: SPA, V, табл. 701.

[15] Л. Т. Гюзальян. Надписи на местной керамике из Орен-Калы. МИА, № 67, стр. 335—336.

[16] А. Л. Якобсон. Художественная керамика..., стр. 262, табл. IX (группа 7Б). Диаметр 16.8 см, высота 6.3 см, диаметр дна 6.2 см. О надписи см.: Л. Т. Гюзальян, ук. соч.

Если, однако, учесть, что все пять перечисленных чаш найдены на одном небольшом (около 1000 м²) раскопе и что исследование Байлакана—Орен-Калы только начато, мы неизбежно придем к выводу, что подобные изображения не были случайными исключениями, а свидетельствуют о довольно широком их распространении. Нет сомнения, что дальнейшие раскопки значительно увеличат их число.

Вся серия этих изображений представляет исключительный интерес прежде всего по сюжетам и по характеру их трактовки. Подобные изображения необычны для поливной керамики Ближнего Востока интересующего нас времени. Мы их не знаем в массовом материале, добытом путем научных раскопок, а также поступившем в музеи и частные собрания с антикварного рынка. Нет, в частности, подобных изображений в керамике Грузии,[17] Двина,[18] Ани,[19] Ирана.[20] Хотя еще преждевременно делать из этого обстоятельства категорические выводы, все же создается впечатление, что подобные сюжеты характерны специально для территории Азербайджана, а может быть, и более узко, — для территории приараксинских областей древнего Аррана, так как и в других азербайджанских городах пока аналогичных изображений не встречено.[21]

Между тем как тематически (всадники, сцены охоты), так и особенно по характеру компановки изображений и по помещению их с внутренней стороны неглубоких чаш наша группа прежде всего напрашивается на сопоставление с так называемым „сасанидским металлом".

Конечно, дошедшие до нас многочисленные „сасанидские" блюда из драгоценного металла изготовлялись для обихода царского двора и господствующей знати Сасанидского государства и зависимых от него стран, а не в скромном небольшом городском центре, каким был средневековый Байлакан. Отсюда и основное различие между „сасанидскими" блюдами, созданными лучшими мастерами — торевтами — своего времени, и изделиями провинциальных художников — гончаров Байлакана: различие в уровне художественного мастерства.

Однако и в этом отношении достижения байлаканских мастеров нельзя оценивать слишком низко. Если единственная ранняя чаша IX—X вв. (№ 1) отличается примитивностью рисунка, отсутствием органической связи отдельных фигур, совершенно условной расцветкой,[22] то более поздние чаши во всех этих отношениях стоят значительно выше. Мастера лучше овладели своим материалом, дают связную сюжетную композицию. Особенно интересно отметить динамичность рисунка на чаше № 3, умело усиленную применением параллельных по-

---

[17] В. Джапаридзе. Керамическая промышленность Грузии XI—XIII вв. Тбилиси, 1956 (на груз. языке); З. Майсурадзе. Грузинская художественная керамика XI—XIII вв. Тбилиси, 1954.

[18] К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки, I. Ереван, 1952 (на арм. языке); Б. Шелковников. Керамика и стекло из раскопок гор. Двина. Труды Гос. ист. музея АН Арм. ССР, т. IV, Ереван, 1952.

[19] Б. А. Шелковников. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957.

[20] A. U. Pope. The Ceramic Art in Islamic Times. A. History. SPA, II, стр. 1446—1664; V (таблицы).

[21] В. Н. Левиатов. 1) О типах глазурованной керамики Азербайджана в VIII—XV вв. Изв. АН Азерб. ССР, 1946, № 7; 2) Керамика Старой Ганджи, Баку, 1940.

[22] Условность расцветки неизбежна в изделиях из металла (серебро с позолотой; золото с инкрустацией).

теков цветной глазури, т. е. использованием возможностей, предоставляемых специфичным материалом и техникой производства поливной керамики.

Конечно, и в этих лучших образцах мы видим несоблюдение пропорций (особенно это заметно в преувеличенных размерах головы всадника на чаше № 3), но в целом они как по четкости рисунка, так и по умению изобразить на плоскости пространственную композицию приближаются к уровню серебряных блюд сасанидской эпохи.

Вряд ли возможно думать, что в байлаканских чашах и их изображениях мы имеем дело с совершенно новым явлением, возникшим самостоятельно вне зависимости от художественной традиции, связанной с так называемым „сасанидским" искусством. Есть все основания полагать, что мастера, изготовлявшие эти чаши, знали какие-то более ранние образцы, сюжетные композиции которых питались теми же представлениями, что и композиции дошедших до нас сасанидских блюд. Были ли это серебряные блюда или сосуды из бронзы, сейчас сказать трудно. Однако зависимость наших чаш от традиций, сложившихся в технике обработки металла, нам кажется очевидной.

При всем различии между байлаканскими чашами и изделиями сасанидской эпохи, при наличии между ними хронологического разрыва, достигающего нескольких столетий, мы все же и здесь и там видим много общего как в формальном отношении, так и в сюжетах.

Сюжеты изображений на сасанидском металле отразили представления о могучих царях-охотниках и о царственных животных, образы которых, несомненно, жили и в героическом эпосе, собранном и обобщенном впоследствии в „Шах-наме" Фирдоуси.

Можно ли видеть в изображениях байлаканских чаш, созданных в Азербайджане в условиях феодального общества IX—XIII вв., непосредственное отражение быта современной знати, или же мы и здесь имеем дело с образами эпическими, заимствованными из поэм Фирдоуси или Низами, пока остается неясным. Слишком мал круг изображений, слишком они лаконичны и обобщены. Нам лично кажется, что вполне возможно второе предположение. Можно было бы привести целый ряд эпизодов из „Шах-наме", из „Искендер-наме" из „Хосрова и Ширин", иллюстрациями к которым могли бы служить наши изображения.

Так или иначе, но в сюжетах наших чаш традиция, идущая от сасанидского искусства, нашла свое выражение.

То же самое нужно сказать, если обратиться к формальной, композиционной и стилистической стороне этих изображений. В отличие от многочисленных изображений всадников, воинов, охотников на других группах изделий, как например на иранском фаянсе XII—XIII вв. с люстровой росписью, ничего общего не имеющих с образами сасанидского искусства, мы на наших чашах явно ощущаем преемственную с ними связь.

На наличие такой связи уже неоднократно обращалось внимание. Так, например, А. Поп в своем обзоре иранской средневековой керамики подчеркивает особенно сильную „сасанидскую струю в керамическом производстве Азербайджана, в частности в так называемой группе Зенджан-Агканд".[23]

[23] A. U. Pope, ук. соч., стр. 1527.

Все же в материалах, которые были известны А. Поопу, не было памятников, столь ярко подтверждающих его мысль, как наши чаши №№ 4 и 5, безусловно относящиеся к этой же керамической группе.

Ту же мысль о живой „сасанидской" традиции в применении к изделиям из металла и камня неоднократно подчеркивал И. А. Орбели, особенное внимание уделивший так называемым дагестанским котлам и кубачинским рельефам XII—XIII вв.[24] Он подчеркивал особую живучесть традиций сасанидского искусства в среде восточного Закавказья, в пределах древней Албании.

Эта точка зрения, основанная на изучении материалов, происходящих с территории южного Дагестана и отчасти Азербайджана, в полной мере подтверждается и относящимися к тому же времени поливными чашами из Байлакана.

Таким образом, рассмотренные чаши имеют не только индивидуальное значение как интересные по сюжетам изображений памятники средневекового керамического производства Азербайджана. Они позволяют сделать и некоторые более общие выводы.

1. Как в IX—X, так и в XII—XIII вв. в среде мастеров, обслуживавших феодальную знать района Байлакана, еще живы были традиции, идущие от сасанидского искусства III—VII вв. с его любовью к изображению охотничьих сцен и эпизодов из быта этой знати.

2. К области, где сохранялись эти традиции, наряду с намеченной И. А. Орбели территорией древней Албании, главным образом ее северных районов, ныне составляющих южную часть Дагестана, следует отнести также и приараксинские низменные районы Азербайджана, древний Арран. Смежные территории Грузии и Армении и сейчас, как и в 1938 г., когда появилось исследование И. А. Орбели, не дают столь ярких свидетельств подобного рода.

Следовательно, мы можем утверждать, что раскопки древнего Байлакана уже сейчас, на первых этапах, дали хотя и небольшой, но яркий материал, подтверждающий высказанные И. А. Орбели взгляды на переживание традиций сасанидского искусства в феодальной среде Азербайджана сельджукской эпохи.

Как всякая правильная научная концепция, основанная на глубоком изучении небольшого круга источников, эта мысль И. А. Орбели будет по мере роста наших знаний и фактических данных находить все новые и новые подтверждения и дополнения. Одним из таких дополнений и служит приведенный нами небольшой материал.

[24] И. А. Орбели. 1) Проблема Сельджукского искусства. „Иранское искусство и археология". III Междунар. конгресс, 1935, М.—Л., 1939, стр. 153; 2) Албанские рельефы и бронзовые котлы. Сб. „Памятники эпохи Руставели", Л., 1938, стр. 323 сл.; J. Orbeli. Sasanian and Early Islamic Metalwork. SPA, I, стр. 760 и 767; И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., стр. XXV—XXVI.

Р. В. Кинжалов

РЕЗНОЙ СЕРДОЛИК ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

(К ВОПРОСУ ОБ ОНОМАСТИКЕ ЗАКАВКАЗЬЯ III—IV вв. н. э.)

Тщательное исследование топонимических и ономастических данных является в настоящее время одним из неотъемлемых условий при любой научной работе в области древней истории народов Востока. К сожалению, очень часто (в особенности для древнейшего периода) исследователь имеет названия местностей и собственные имена не в передаче данного народа, а вынужден черпать их из источников по истории соседних народов, написанных на других языках. Вследствие этого изучаемые слова доходят до исследователя в неточной, искаженной форме, приспособленные к чуждой им фонетике и системе письма, что затрудняет их истолкование и понимание. В таком случае задача исследователя, уже сама по себе в достаточной степени нелегкая, становится еще более сложной и трудной.

В одной своей ранней работе, посвященной античному городу Диоскуриаде и загадочному племени хениохов, И. А. Орбели дал блестящий образец истолкования нескольких топонимических и этнонимических терминов древней Западной Грузии, переданных греческими и римскими историками.[1] Эта его работа была продолжена целым рядом других исследователей. К сожалению, имеющийся материал в данной области крайне ограничен и существенного увеличения его пока еще не предвидится. Поэтому каждый, даже крайне незначительный по размеру неизвестный письменный источник может дать что-то интересное и новое для исследования. Определенную пользу в этом случае могут принести и памятники материальной культуры, если на них имеются (пусть и очень краткие) надписи.

К числу подобных памятников бесспорно следует отнести один резной камень из собрания Государственного Эрмитажа (рис. 1), не служивший до настоящего времени объектом специальной публикации, хотя он, несомненно, представляет значительный интерес для исследователей истории и культуры народов Закавказья античного периода.[2]

[1] И. А. Орбели. Город близнецов ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΣ и племя возниц ΗΝΙΟΧΟΙ. Журнал Министерства народного просвещения, нов. сер., ч. 33, 1911, Отдел класс. филологии, стр. 195—215.

[2] Камень упоминается при перечислении резных камней Эрмитажа (см.: М. И. Максимова. Античные резные камни Эрмитажа. Л., 1926, стр. 87, с. III, 2, № 13): „. . . сердолик в античной золотой оправе. Три портрета очень поздней эпохи, вероятно V в. Надписи с именами восточного характера".

Публикуемый резной камень (Отдел Востока, инв. № ω=1170) поступил в Отдел древностей Эрмитажа в 1888 г. от В. М. Шервашидзе.[3] Хотя точное место и обстоятельства находки его неизвестны, однако на основании архивных данных[4] можно с известной уверенностью предполагать, что он был найден где-то в районе впадения р. Келасури в Черное море, т. е. недалеко от Сухуми.[5]

Публикуемый памятник представляет собой плоский, овальной формы (высота 2.5 см, ширина 3.4 см) камень из породы халцедонов, так называемый сердолик оранжево-красного цвета[6] в древней золотой оправе. На камне вырезано вглубь (техника инталии) три погрудных человеческих изображения (рис. 2). В центре находится бюст молодого человека с короткими курчавыми (или завитыми) волосами; голова с крупным прямым носом, большими глазами и маленьким ртом слегка обращена вправо; над ней помещена сдвинутая вправо (по отпечатку) надпись греческим алфавитом: OYHZ. Справа от этого центрального бюста находится погрудное изображение мужчины средних лет, также с короткими курчавыми волосами, прямым крупным носом, небольшой бородкой и короткими, окаймляющими рот усами. Голова мужчины повернута в профиль и обращена к центру камня; справа от бюста, за его головой, помещена идущая сверху вниз надпись: ANHC. Слева от центрального бюста находится погрудное изображение молодой женщины; волнистые волосы сзади падают до середины шеи. Голова ее с крупным прямым носом, большими глазами и маленьким ртом также повернута в профиль и обращена к центру камня. Слева от женщины, за ее головой, помещена идущая снизу вверх надпись: NINAC. Одежда

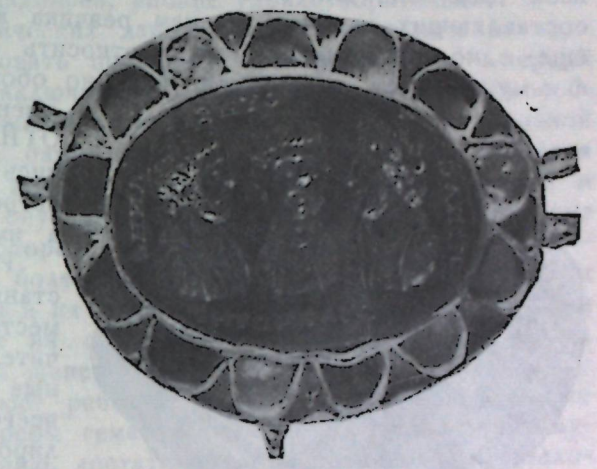


Рис. 1. Резной камень из собрания Государственного Эрмитажа.

[3] Вместе с публикуемым предметом от В. М. Шервашидзе был приобретен также золотой ажурный перстень с ладонкой, украшенный сардониксом и сердоликами. В настоящее время этот перстень хранится в Отделе истории культуры и искусства античного мира, инв. № Д-172. Диаметр его 3.3 см, вес 9.06 г. Изображений на камнях не имеется.

[4] Архив Гос. Эрмитажа, оп. V, 1888 г., д. № 15, л. 11—13.

[5] А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году. Изв. Археол. комиссии, вып. 33, СПб., 1909, стр. 75. О других археологических памятниках античного периода в той же местности см.: К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э.—IV в. н. э.). М.—Л., 1953, стр. 101, прим. 2.

[6] Сохранилось любопытное свидетельство Теофраста (De lapid., 1, 30) о том, что различные оттенки цвета этого камня по-разному употреблялись в украшениях, предназначенных для мужчин и женщин. Исходя из этого указания, можно было бы предполагать, что первоначально эрмитажная инталия предназначалась для женщин. См.: A. Furtwängler. Die Antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst im klassischen Altertum, t. III. Leipzig—Berlin, стр. 385.

всех трех персонажей состоит из хитона и надетого поверх него какого-то второго одеяния с толстыми верхними бортами. Заштрихованная поверхность на них, возможно, передает меховую опушку на краях одежды. Под бюстами, в свободном поле, находится несколько сдвинутая вправо надпись: ΟΥΛΡΗΟΥΗС.

Слова, помещенные непосредственно около голов, являются, по всей видимости, именами изображенных на инталии персонажей, четвертое слово — ΟΥΛΡΗΟΥΗС — является или общим (родовым?) именем всех трех лиц, или (что менее вероятно, исходя из величины букв, составляющих надпись) именем резчика камня. Возможно, конечно, и еще одно толкование: можно относить слово ΟΥΗΖ не к юноше, а к мужчине (т. е. считать, что оно обозначает первую половину его имени). Тогда имя мужчины будет ΟΥΗΖΑΝΗС (вклинивание в надпись части изображения иногда встречается на резных камнях), а имя юноши ΟΥΛΡΗΟΥΗС.

Рис. 2. Пластилиновый отпечаток эрмитажной инталии.

Изображения вырезаны на станке; четкая, тщательная резьба местами достигает довольно значительной глубины. Фон и отдельные части изображений (прежде всего лица) имеют блестящую полировку. Во всей работе в целом чувствуется уверенная и опытная рука резчика. Поскольку данная публикация преследует совершенно определенную узкую цель, мы не останавливаемся здесь на анализе художественных достоинств памятника. Следует отметить в этой связи лишь одно немаловажное обстоятельство: мастер, резавший инталию, хотя, несомненно, был хорошо знаком с античными резными камнями, в своем произведении, однако, следовал какой-то иной (не античной, не парфянской и не сасанидской) художественной традиции.

Камень вставлен в древнюю оправу овальной формы (3.9 × 5.15 см), сделанную из тонкого золотого листа (вес вместе с камнем 15.72 г); лицевая сторона ее украшена 26 гнездами, заполненными вперемежку красного цвета стеклышками и серо-зеленоватой пастой. Возможно, что паста имела в древности более интенсивный зеленый цвет, с течением времени утерянный. Гнезда, в которых закреплены паста и стекло, оформлены по типу перегородчатой эмали. На обороте оправа плоская и совершенно гладкая, без каких-либо украшений. С боков и в нижней части оправы имеются ушки, указывающие, что камень был только составной частью какого-то украшения или ожерелья. С подобным употреблением инталий, предназначенных первоначально, конечно, для использования в виде печатей, мы встречаемся в позднеантичный период на территории Грузии неоднократно. Достаточно, например, вспомнить пастовую инталию из могильника в сел. Бори[7] или некоторые резные

[7] М. Придик. Новые кавказские клады. Матер. по археол. России, № 34, Пгр., 1914, стр. 97, табл. II, № 15—15 а.

камни из Мцхета. В собраниях Отдела Востока Государственного Эрмитажа хранится очень интересная, но, к сожалению, до сих пор не опубликованная сердоликовая инталия, закрепленная подобным же образом в золотой пряжке пояса.

Камень разбит на две неравные по величине части (линия раскола проходит по лицу женщины); оправа в нескольких местах слегка помята и поцарапана. В ряде гнезд паста выкрошилась и видны только остатки какого-то белого вещества, с помощью которого вставка закреплялась в гнезде. За исключением этих повреждений сохранность вещи, в частности изображений и надписей, вполне удовлетворительная.

Исходя из чисто стилистических данных, эрмитажную инталию следовало бы, думается, датировать последней четвертью III в. — первой четвертью IV в. К такому заключению приводит прежде всего своеобразная группировка изображенных на печати персонажей. Близкой параллелью к эрмитажному памятнику в этом отношении является замечательная халцедоновая инталия с изображением отца, матери и ребенка.[8] А. Фуртвенглер, опубликовавший данный камень, относит его создание к концу III в. Вторая параллельная инталия — сердолик — может быть датирована еще более точно, так как на ней изображены император Филипп, Отацилия и их сын Филипп Младший.[9] На третьем аналогичном камне — аметист из собрания Метрополитенского музея в Нью-Йорке — мы видим два женских бюста, обращенных друг к другу в профиль, между ними — бюст ребенка в фас.[10] Эти камни, а также опубликованный Х. Б. Уолтерсом гематит из собрания Британского музея[11] дают, по нашему мнению, достаточное обоснование для предложенной выше датировки эрмитажного памятника. При рассмотрении такого типа группировки персонажей следует, впрочем, иметь в виду, что он имел в своем развитии определенные этапы: первоначально появляются два профиля встречно, а затем уже третий бюст между ними (иногда вместо последнего помещается какое-либо другое изображение или надпись).[12] Подобная группировка изображений встречается не только на резных камнях, ее можно увидеть и на монетах начиная со времени императора Аврелиана.[13]

Подтверждают предлагаемую датировку и характерная форма бюстов изображенных персонажей, а также трактовка их лиц, одежды и при-

[8] A. Furtwängler. Die Antiken Gemmen, т. I, табл. 48, № 32; т. II, стр. 231.

[9] Там же, т. I, табл. 48, № 31; т. II, стр. 231.

[10] Gisela M. A. Richter. Catalogue of engraved gems of the classical style. The Metropolitan Museum of Art, New York, 1920, стр. 186, № 395, табл. 80.

[11] H. B. Walters. Catalogue of the engraved gems and cameos, greek, etruscan and roman in the British Museum. London, 1926, стр. 215, № 2056, табл. XXVI.

[12] См., например: G. Richter. Catalogue of engraved gems..., стр. 185, №№ 393—394, табл. 80; H. B. Walters. Catalogue of the engraved gems and cameos..., стр. 212, № 2023, табл. XXV (время Септимия Севера), стр. 213, № 2031, табл. XXV (время императора Карина), стр. 215, № 2057; A. Furtwängler. Die Antiken Gemmen, т. I, табл. 48, № 30; т. II, стр. 231 (императоры Бальбин, Пупиен и Гордиан Пий); A. Furtwängler, Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium, Berlin, 1896, стр. 66, № 993, табл. 12; стр. 110, № 2342. Подобная же группировка на монетах: Fr. Gnecchi. I Medaglioni Romani, t. III. Milano, 1912, табл. 143, № 5 (эпизодическое появление, вновь появляется только со времени Септимия Севера); табл. 152, №№ 6, 8; табл. 153, №№ 4—9, 17, 19—20; табл. 154, №№ 1—2, 9—10, 12; табл. 155, №№ 9, 11—12; добав. табл. 3; т. I, табл. 3, № 7; табл. 24, № 8, 11; табл. 27, №№ 8, 10 и др.

[13] H. Cohen. Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain, t. IV. Paris, 1886, стр. 180, № 34.

чесок. Близкие в этом отношении черты можно заметить, например, на халцедоновой инталии (в древней золотой оправе) с изображениями императоров Диоклетиана и Максимина Геркулия,[14] особенно многочисленные аналогии дают изображения на монетах.[15] На это же время указывает и характерная золотая оправа эрмитажного памятника, близкая по типу к позднеантичным ювелирным изделиям из Сирии и Месопотамии, в особенности же к золотым украшениям того же периода из раскопок в Армази, Кдеети, Уреки[16] и др. Технические особенности резьбы, равно как и сам материал инталии, не противоречат данному хронологическому определению, а по нашему мнению, скорее подтверждают его. Известно, например, что в различные исторические периоды одни разновидности драгоценных и полудрагоценных камней были излюбленными, другие, наоборот, редко или почти не употребляемыми. Данные о сердолике, приводимые в книге немецкого исследователя Г. Гебхарта,[17] говорят в пользу высказанного выше предположения. Наконец, в пользу предлагаемой датировки неоспоримо свидетельствуют и эпиграфические особенности надписей на исследуемом памятнике.

Наиболее интересным и важным вопросом является, конечно, установление, в какой из стран древнего мира был изготовлен эрмитажный камень и представители какого народа на нем изображены. Выше уже отмечалось, что стилистический анализ, к сожалению, не может дать в этом случае каких-то решающих выводов. Уместно, правда, попутно отметить, что в первой половине IV в. наблюдается определенный новый подъем глиптического искусства после упадка во II—III вв., причем подавляющее большинство наиболее художественно выполненных резных камней этого периода найдено на территории Малой Азии.[18] Последнее обстоятельство, по всей видимости, указывает на наличие там в IV в. местных центров глиптического искусства, что представляет особый интерес в связи с возможным происхождением публикуемого резного камня из Закавказья. Однако подобного рода общие наблюдения еще не дают исследователю права на какое-то конкретное заключение. Поэтому разрешение поставленного выше вопроса находится, по нашему мнению, в определении этнической принадлежности вырезанных на эрмитажном памятнике имен.

Первое из них — NINAC — сразу же приводит к мысли о его возможном древнегрузинском происхождении. Однако при таком истолковании возникают некоторые затруднения. Так, например, не совсем понятно наличие в этом имени конечной сигмы. Возникающее на первый взгляд заманчивое сопоставление с древневосточным именем Νίνος, за-

---

[14] Gisela M. A. Richter. Catalogue of Greek and Roman antiquities in the Dumbarton Oaks Collection, Gambridge, 1956, № 11, стр. 15—19, табл. VI.

[15] Fr. Gnecchi, ук. соч., т. I, табл. 4, №№ 9—13; табл. 5, №№ 1—3, 5—10; табл. 6, № 1; табл. 7, №№ 1—10, 16—17; табл. 8, №№ 1—12 (мужские и женские прически); т. II, табл. 5, № 1—2, 9; табл. 6, № 2; табл. 8, №№ 12—15; табл. 10, № 4; т. III, табл. 158, №№ 8—9 (одежда) и др.

[16] См., например: А. М. Апакидзе. Археологические памятники позднеантичного периода из Уреки. Вестн. Гос. музея Грузии, т. XIV-B, Тбилиси, 1947, стр. 120, 123; Мцхета. Итоги археологических исследований, т. I, Тбилиси; М. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Археологические памятники Армазисхеви. По раскопкам 1937—1946 гг. Изд. АН ГрузССР, Тбилиси, 1955 (на груз. яз), табл. 1 bis, №№ 4—7. При желании число примеров может быть легко увеличено.

[17] H. Gebhart. Gemmen und Kameen. Berlin, 1925, стр. 109,

[18] G. Richter. Catalogue of engraved gems. . ., стр. 167.

свидетельствованным как многочисленными античными историками (Геродот, Диодор Сицилийский, Иосиф Флавий, Арриан и др.), так и папирусными отрывками древнегреческого романа о царевиче Нине, при более критическом рассмотрении немедленно же отпадает.[19] Насколько мне известно, древнейшая форма рассматриваемого имени в грузинском языке звучит как „Нуне“ или „Нино“ и не имеет сигматического окончания. Видеть в данном звуке показатель родительного падежа вряд ли целесообразно, так как на печатях имя около изображения обычно пишется в именительном (встречающиеся случаи употребления родительного объясняются тем, что тогда рядом подразумевается слово „печать такого-то“). Но и эти отклонения, как правило, наличествуют лишь тогда, когда на печати изображается не сам владелец, а что-либо другое. Возможно, конечно, что мы имеем здесь дело с образованием из древнегрузинского имени параллельной формы по греческому образцу, типа, например, Μαινάς, Δρυάς (присоединение греческих окончаний к туземным именам — явление в достаточной степени нередкое). Однако и это объяснение по целому ряду причин (прежде всего по значимости этого окончания в греческом) не может считаться вполне убедительным.

К сожалению, три других имени (в условной передаче, учитывая йотатизацию того времени, юноша — Виз, мужчина — Анис и общая надпись внизу — Улривис) являются еще более не ясными. Предварительные поиски этих имен среди греческой, коптской, иранской,[20] семитической[21] и северопричерноморской ономастики[22] не дали никаких положительных результатов. Уже это обстоятельство заставляет серьезно задуматься о возможном закавказском происхождении рассматриваемого камня. Решающее слово поэтому в данном вопросе принадлежит специалистам в области древнекавказской филологии. С целью обратить их внимание на этот интересный памятник и написана данная публикация.

Наличие имени „Нина“ на эрмитажной инталии, думается, все же позволяет предполагать, что издаваемый памятник каким-то образом связан с культурой древних народов Грузии. Это предположение может быть подкреплено также фактом находки на территории Грузии инталий, близких по типу к издаваемой, как например печать с изображениями Карпак и Зевахиса (Мцхетский некрополь).[23] На этой последней мы

---

[19] Ср. загадочное женское имя Νίνει: Corpus Inscriptionum Graecarum, № 4003, в. стр. 266; т. IX, 1882, стр. 96; т. X, 1883, стр. 165; ср.: Ferd. Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, стр. 16) и Wis (Wēs) (Ferd. Justi, ук. соч., стр. 371), несмотря на кажущуюся близость, на самом деле не имеют ничего общего с рассматриваемыми нами именами.

[20] Иранские имена Anisades (Zeitschrift für Numismatik, т. IV, Berlin, 1877,

[21] Приношу свою глубокую благодарность И. М. Дьяконову и П. В. Ериштедту за любезные консультации по вопросам семитической, иранской и коптской ономастики.

[22] См., например: Ladislav Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung. Praha, 1955.

[23] Мцхета. Итоги археологических исследований, т. I, стр. 27, рис. 6, табл. XV, № 3; Т. С. Каухчишвили. Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951, стр. 261 (на груз. яз.); Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в древнегрузинской столице Мцхета. Изд. АН ГрузССР, Тбилиси, 1955, стр. 72, табл. 16. Ср.: И. И. Толстой. Из области боспорской ономастики. ВДИ, 1955, № 1, стр. 14. Интересно отметить, что мцхетская инталия также была использована впоследствии как вставка в одну из блях, украшавших пояс. (Мцхета. Итоги археологических исследований, т. I, стр. 26, рис. 5, табл. XXXVII, №№ 2—11; табл. XXXVIII, №№ 3—12).

имеем, в сущности, аналогичную композицию, с той лишь разницей, что центральный персонаж эрмитажной инталии, по всей вероятности сын изображенных супругов, здесь отсутствует. Эта мцхетская инталия имеет и определенные стилистические переклички с публикуемым резным камнем. Думается, что мы вправе рассматривать печать с изображением Карпак и Зевахиса (учитывая, конечно, разницу во времени изготовления, так как она несколько старше нашей инталии) как первоначальную ступень того типа печатей, к которому принадлежит и рассматриваемый нами памятник. Если такое наше толкование эрмитажного памятника правильно, то публикуемая вещь увеличивает пока еще сравнительно небольшое число известных нам имен жителей древней Грузии, переданных греческим письмом.[24] Уже это обстоятельство придает эрмитажной инталии значительный интерес для исследователей истории и культуры народов Закавказья античного периода.

[24] О применении в странах Закавказья греческого алфавита для передачи местных языков см.: К. В. Тревер, ук. соч., стр. 99—103. Все известные памятники подобного рода, происходящие с территории Грузии, перечислены в указанной выше работе Т. С. Каухчишвили, а также в ее статье „Эпиграфические новости из Грузии" (ВДИ, 1958, № 4, стр. 129—133).

И. К. Кусикьян

СЛОВАРЬ РАФАЭЛЯ ПАТКАНЬЯНА

Имя Р. Патканьяна, крупного представителя армянской литературы XIX в., было известно русскому читателю еще в прошлом веке. Стихотворения поэта печатались в периодической прессе и отдельными изданиями в переводах видных русских поэтов, и это обстоятельство особенно содействовало популяризации его имени. Менее известен русскому читателю Р. Патканьян как прозаик, автор сатирических повестей, исторических очерков, и как публицист. До нашего времени Р. Патканьян почти совершенно не был известен как лексикограф не только в русской, но и в армянской науке.

Впервые широкие круги армянских читателей узнали о работе Р. Патканьяна в словарной области благодаря статье Г. Гаспаряна.[1] Совершенно справедливо автор статьи отмечает, что лексикографическая работа Р. Патканьяна занимает значительное место во всей его литературной деятельности. Своим словарем Р. Патканьян существенно содействовал развитию современного литературного армянского языка (ашхарабара), на котором с середины XIX в. стала быстро развиваться новая армянская литература.

Интерес Р. Патканьяна к лексикографической работе возник в связи с его писательской, а затем и педагогической деятельностью, начавшейся в 1850 г. Это был период окончательной победы живого литературного армянского языка (ашхарабара) над мертвым (грабаром), когда вопросы грамматики и лексики живого языка находились в центре внимания армянских писателей. Р. Патканьян, писавший не только оригинальные художественные произведения, но и занимавшийся переводами, стал тщательно изучать армянскую лексику. Для обогащения нового литературного армянского языка, очищения его от ненужных заимствований он изучал словарные материалы древнего, средневекового армянского языка и его живых диалектов. Занимался он также русской лексикографией.

Интересна история создания Р. Патканьяном русско-армянского словаря. Как пишет сам поэт, над словарем он работал в течение тридцати лет и закончил его в 1881 г. Для издания он послал его в Тифлис

[1] Г. Гаспарян. Р. Патканьян — лексикограф. Изв. АН АрмССР, 1945, № 5.

редактору-издателю еженедельника „Ардзаганк“ (Эхо) Абгару Иоаннисяну. Последний, продержав труд Р. Патканьяна три с половиной года, возвратил рукопись автору.

Рьяный защитник интересов армянской церкви, Абгар Иоаннисян защищал и мертвый древнеармянский язык как обиходный язык церкви. Словарь Р. Патканьяна не соответствовал его реакционным взглядам. Кроме того, как верноподданный царского режима Абгар Иоаннисян был противником поэта-демократа.

Как сообщает Г. Гаспарян, в Литературном музее Армении хранятся три рукописи русско-армянского словаря Р. Патканьяна: две незаконченные, одна — полная рукопись. Однако экземпляра, посланного А. Иоаннисяну, там не оказалось. Он находился в архиве К. Б. Кусикьяна, бывшего преподавателя Лазаревского института восточных языков, умершего в 1915 г. Небезынтересна судьба рукописи после смерти Р. Патканьяна. Ее держал у себя один из сыновей поэта — Иван Рафаилович, который сделал ряд безуспешных попыток издать словарь. В 1916 г. пишущий настоящие строки предложил словарь вниманию известного арменоведа, профессора Лазаревского института восточных языков К. О. Костанянца, который хотел издать словарь в серии „Эминских этнографических сборников“, выпускавшихся Лазаревским институтом. Однако обстоятельства первой мировой войны помешали осуществлению этого намерения.

Подготовленный к печати словарь представляет собой рукопись в переплете, на кожаном корешке которого сохранилось тиснение „Патканьян. Русско-армянский словарь“. Словарь содержит 562 страницы и около 20 тысяч слов. Он очень тщательно, мелким и четким почерком переписан самим автором. На титульной странице по-армянски написано: *Համառօտ Բառա-Հայ Բառարան. Աշխատասիրեալ Րափայէլ Պատկանեան.* Несколько ниже написано по-русски: Краткий Русско-Армянский словарь. Составил Рафаэль Патканьян. На форзаце: Дозволено цензурой. 9 Апр. 1882. СПб. К. Патканов и гербовая печать С.-Петербургского цензурного комитета. Надпись сделана рукой профессора С.-Петербургского университета К. П. Патканова, исполнявшего тогда обязанности цензора. Двоюродный брат поэта проф. К. П. Патканов заинтересован был в публикации этого труда как арменист, много занимавшийся вопросами истории армянского языка и армянской диалектологией.

Словарь составлялся в наиболее сложный период развития современного литературного армянского языка. Поскольку сам автор был в числе тех передовых писателей, которые боролись за внедрение живой речи в письменный язык, необходимо было решить, в какой мере лексика древнеармянского языка могла найти место в современном литературном языке. Следовало решить и другой вопрос. Писатели 50—70-х годов XIX в., следуя за основоположником новой армянской литературы Хачатуром Абовяном, порой чрезмерно перегружали свои произведения лексикой армянских живых диалектов, в чем был отчасти повинен и сам Р. Патканьян. На это как на явление, препятствующее установлению единства словаря нового языка, указывал в своих критических статьях революционный демократ Микаэл Налбандян. Ввиду такого сложного положения в области лексики Р. Патканьян с чрезвычайным вниманием и с большой осторожностью собирал материал для своего словаря. Хотя у него и были предшественники по составлению русско-армянских словарей, но эти словари не удовлетворяли Р. Патканьяна

в научном отношении, в которых к тому же преобладала лексика древнеармянского языка.

Писатель был убежден, как это видно из его переписки по поводу словаря, что его труд сыграет большую роль как в изучении русского языка среди армян, так и в обогащении лексики армянского литературного языка. Армянин, слабо владевший русским языком, мог найти в словаре Р. Патканьяна все наиболее часто встречавшиеся в письменной и устной речи слова, снабженные грамматическими пометами. Заметно бросается в глаза стремление довести до минимума диалектную лексику. Последняя имеет место лишь в тех случаях, когда необходимо пояснить малоупотребительные слова древнеармянского языка.

Р. Патканьян учел недостатки предшествующих русско-армянских словарей, в особенности многочисленные недочеты в его время широко известного словаря Г. Ирицпухова, напечатанного в Тифлисе в 1854 г. Словарь Г. Ирицпухова играл положительную роль в течение двух-трех десятилетий. Однако он очень быстро старел. В нем было чрезвычайно много архаизмов. Г. Ирицпухов был выразителем тех кругов армянской интеллигенции, которые все еще не признавали необходимости полностью перейти на новый письменный язык, выросший на базе живой общеармянской речи.

В противоположность Г. Ирицпухову писатель и педагог Р. Патканьян в своем словаре проводит принцип наибольшего приближения материала словаря к лексике живого языка. Правда, это не всегда ему удается. Совсем отрешиться от лексики древнеармянского языка в тот период было невозможно, так как она употреблялась в письменной речи. Самой существенной особенностью словаря Р. Патканьяна является то, что в нем преобладает лексика живого языка. Если бы его словарь вышел в свет в 80-х годах прошлого века, то без преувеличения можно сказать, что был бы первым подлинным словарем новолитературного армянского языка, ибо в нем отражена лексика армянской литературы 50—70-х годов. Словарь Р. Патканьяна — единственный в своем роде памятник лексикологии, в котором как бы подведены итоги развития лексики современного ему армянского литературного языка.

И. В. Мегрелидзе

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВАРИАНТ ЛЕГЕНДЫ О ВЕЛИКОМ ПОТОПЕ И НЕКОТОРЫЕ СКАЗАНИЯ О ВЕРШИНЕ БРУТСАБДЗЕЛА

На территории Шида Картли (нынешняя Юго-Осетинская автономная область в составе Грузинской ССР) находится гора Брутсабдзела. Замечательная по красоте вершина хорошо видна на всем протяжении ущелья р. Большой Лиахви (по-осетински — Левахи). Народные легенды, предания и поверья создали ей славу таинственной и почти недоступной человеку твердыни.

Проживающие в этом ущелье грузины и осетины еще два-три десятилетия тому назад считали вершину Брутсабдзела неприступной, полагая, что злые духи не пускают туда никого.

Согласно старинным народным поверьям, вершиной Брутсабдзела, как холмом Табакона в Имерети[1] и (как нам напоминает Т. Б. Гониашвили) вершиной горного массива Гарца-Броккена в Германии, владеют ведьмы и другие злые духи. Они забрасывают путника камнями или поднимают бурю и ослепляют его, либо насылают туманы. Путник сбивается с дороги, падает со скалы и неминуемо погибает.

Некоторые легенды гласят, что на Брутсабдзела обретается и божество погоды.

В 1924 г. этнограф Г. Ф. Чурсин со студентами пытался подняться на Брутсабдзела, но местные жители его задержали, объяснив это тем, что на горе живет божество погоды, которое губит всех идущих к нему и насылает порчу на жителей, живущих у подножья горы.

Но другие предания заманивали человека на вершину Брутсабдзела, так как, по ним, на горе накрыт стол и лишь тот, кто до него доберется, найдет на нем все, чего ни пожелает. Другие же рассказывали, что на Брутсабдзела стоит церковь грузинской царицы Тамары (XII в.).

Конечно, теперь советские альпинисты, совершая восхождения на Брутсабдзела, рассеяли мифы о ее неприступности, но древние легенды и сказания еще бытуют в народе.

[1] Часть Западной Грузии. Упоминание легенды о Табакона см.: Толковый словарь грузинского языка, т. I, Тбилиси, 1950, стр. 1143, под словом „Брут-сабдзела“ (на груз. яз.).

Итак, пытавшегося добраться до вершины Брутсабдзела считали обреченным на ослепление. Поэтому народная этимология осмысляет само название этой горы как Брут-сабдзели ‘Овин слепого’ (груз. *сабдзели* или *сабзели* ‘саманник‘, ‘овин’; *брут-иани — бруц-иани* ‘косоглазый’, ‘подслеповатый’, ‘слепой’; по-осетински — Бур-самзели).

Грузинский лексикограф Сулхан-Саба Орбелиани (1658—1725) отмечает, что Брутсабдзела в форме Мруд сабдзели — ‘Кривосаманник’;[2] некоторые это слово понимают как Мруд-сабзери — ‘Кривовидная вершина’. Известны также названия Семиглавая гора[3] или Гуд-гора.

Из многочисленных легенд о Брутсабдзела отметим три темы: всемирный потоп, Прометей (Амиран) и грузинская царица Тамара.

Библейская легенда о всемирном потопе в разных вариантах имеет хождение почти у всех народов мира. Исследование Г. Фрезера[4] наводит нас на мысль, что едва ли можно было бы найти даже самый маленький народ, устная словесность которого не знала бы об этом потопе.

На Кавказе, особенно в Армении, все легенды и сказания о великом потопе соответствуют рассказу Библии, т. е. связаны с вершиной Арарата и с Ноевым ковчегом. Исключение представляет легенда, насколько нам известно, до сих пор в литературе не отмеченная, в которой Ноев ковчег заменен двумя буйволами, а кроме Арарата, названа еще и вершина Брутсабдзела.

Эту своеобразную и красивую легенду в трех вариантах мы записали со слов жителей Кусирети (Кусрети, село близ г. Сталинири, столицы Юго-Осетии): осетина Пирузе Бетеева (в 1953 г. ему было 90 лет, неграмотный) и Малхаза Тигиева (75 лет), а также грузин-стариков с. Карелети (Горийский район Грузинской ССР). Легенда повествует: лучше всех животных плавает буйвол. Во время великого потопа вода поднялась и затопила все. Видна была лишь вершина горы Брутсабдзела. Некие юноша и девушка, чтобы спастись, сели на буйволов. Они доплыли до вершины, но там оказалось так тесно, что уместился лишь один буйвол, с девушкой на спине. Повернувшись, второй буйвол, на котором спасался юноша, внезапно увидел вершину Арарата, поплыл и остановился на ней. Когда вода спала, спасенные юноша и девушка поженились, и от них-то вновь и пошло население мира.

Легенда об Амиране (Прометее)[5] рассказывает, что Амиран (осет. Амран) прикован к вершине Брутсабдзела и злые духи сторожат его, чтобы никто не мог помочь ему освободиться от цепей. Там кружатся лишь орлы и вороны, клюющие сердце прикованного героя.

Нам известен такой вариант легенды: один отважный охотник по имени Цуанон поднялся на Брутсабдзела, но вместо ожидаемого пения из близлежащей церкви услышал ужасающий стон и крик. Не доходя до церкви, охотник увидел пещеру и в ней героя с вырван-

[2] См. „Грузинский словарь“ С. Орбелиани под словом „мокуаеба“.

[3] В смысле седьмой вершины Кавказского хребта.

[4] Г. Фрезер. Фольклор в Ветхом завете. Пер. с англ. Д. Волина, М.—Л., 1931.

[5] См. специальную монографию: М. Чиковани. Прикованный Амирани. Тбилиси, 1947 (на груз. яз. с резюме на русск. и англ. языках); Амирани. Грузинская мифологическая поэма. Реставрировал и перевел Ш. Нуцубидзе, Тбилиси, 1946; Амран. Осетинский эпос. Перевод, обработка и комментарии Дзахо Гатуева, предисловие и редакция акад. Н. Я. Марра, М., 1932.

ным из груди сердцем, которое клевал орел. Цуанон решил принести сюда меч знаменитого Султан-хана[6] и разрубить цепи, но бог погоды Вачила сбросил охотника со скалы, и он погиб.[7] Имя прикованного героя не названо, но нетрудно понять, что речь идет об Амиране.

В Лиахвском ущелье известны и другие варианты легенды, по которым Амиран прикован не к Брутсабдзела, а к вершине другой неприступной горы Ушба (в Сванети) или же к иным недосягаемым вершинам Кавказского хребта.

Легенды и предания о царице Тамаре многочисленны. Но далеко не все они носят исторический характер. Часто образ ее носит в себе черты мифических божеств. Тамара как бы олицетворяет собой стихии. Такова легенда „Тамара и Каспий", где сказано, что „лучом кротким озаряла она Грузию, тучею грозною надвинулась на восток, гневом божьим разразилась над неверными".

Из легенд и преданий, связанных с вершиной Брутсабдзела, интересно припомнить легенду, в двух вариантах изданную на грузинском языке в 1887 и 1892 гг.[8]

Предание гласит: На одной из вершин Кавказского хребта, Брутсабдзела, находится дворец царицы Тамары, где она часто живала. Многие пытались добраться до дворца, но им мешали нечистые духи, которые бросали в путников камни. Однако один священник, осеняя себя крестом и творя молитвы, достиг вершины. Около дворца Тамары была построена церковь. Осмотрев дворец, священник вошел в церковь и принес благодарственную молитву. Удивляясь могуществу Тамары, дарованному ей богом, он выходит из церкви и вдруг слышит жалобный голос и видит серебряный шарик, висящий у церковных дверей. Из шарика исходит голос, шарик говорит: „Я была воспитательницею царицы Тамары. Однажды она поймала утреннюю звезду и спрятала ее в девять ящиков, вложенных один в другой. От этой звезды зависели снег и хорошая погода. Но с тех пор как ею овладела Тамара, перемена погоды зависела уже от нее. И вот Тамара избавила свою страну от сильных морозов. Мне она звезды не показывала. Однажды, отправляясь осматривать царство, царица поручила ящик со звездою мне, но сказала, что если я его раскрою, она жестоко накажет меня.

Не совладав с любопытством, я все же его раскрыла и, дойдя до девятого ящика, выпустила утреннюю звезду. Сейчас же она послала на землю небывалый снег. Увидя это, я впала в отчаяние, но ничего не могла поделать. Вернувшись и увидев снег, Тамара огорчилась, догадавшись, что я выпустила звезду. Немедленно Тамара отправилась во дворец. Много мучений перенесла она пока добралась до дворца, так как ей мешал глубокий снег. Увидев меня, она гневно спросила: „Почему ты не исполнила моего приказания?" — Я начала просить прощения, но Тамара прокляла меня, сказав: „Да будешь ты проклята богом! Да обратишься ты в духа на вечные мучения!"

[6] Очевидно, Сулкалмаха — грузинского мифологического героя — охотника, отца Амирана.

[7] Ср.: газ. „Дроэба", 1883, № 77; М. Чиковани, ук. соч., стр. 390—395, 417—418.

[8] Сведения о них см.: И. Мегрелидзе. Предания о Руставели. Сталинири, 1954, стр. 125—128. Варианты предания в других записях хранятся в Гос. музее Грузии (рукописи Н № 2453, л. 26, № 29 и л. 36, № 39); ср.: „Описание рукописей", т. V, Тбилиси, 1949, стр. 300, 14.

Я сейчас же обратилась в духа и вот нахожусь в этом шарике, вечно страдая".

Вариант этого предания таков: Тамара была бездетна. Жила она на горе Брутсабдзела. Однажды она отправилась в Имерети и велела служанке: „Никому не отдавай ключей (дворца)". Но служанка не устояла, отворила двери — из комнаты вылетела утренняя звезда и села на небо. После того небо заволокло тучами и начал валить снег. Увидев это, Тамара вернулась обратно и достигнув Они,[9] увидела, что снег был уже выше лопаток ее коня. (Поэтому и называется эта местность Они[10]). Оттуда она поехала к Кудару,[11] и там конь ее пал.[12] Прибыв же в Брутсабдзела, она стала бранить служанку.

Однажды из щелей солнечный луч упал на Тамару, и она забеременела. Родился мальчик, которого, чтобы не срамить Тамару, отнесли в лес.

Здесь мальчика вскармливала лань. Однажды охотник прицелился в эту лань, но, увидев под нею мальчика, не выстрелил. Лань убежала, а ребенка охотник принес в свое жилище. Когда мальчик вырос, то стал пасти овец. Как-то раз, возвращаясь с охоты домой, он увидел сороку, которая предсказала, что к нему прибудут двенадцать каких-то всадников. Мальчик поведал об этом охотнику, и тот выдал ему доспехи. Действительно, всадники приехали, взяли юношу в Тбилиси и там сосватали ему дочь мелика.[13]

Как правильно замечает А. Хаханашвили,[14] многие из легенд о Тамаре имеют в виду скорее древние мифы, нежели историческую личность Тамары.

Что же касается впервые нами публикуемого варианта легенды о великом потопе, то мы не сомневаемся, что он может представить безусловный интерес для исследователей.

[9] Городок к северо-востоку от г. Кутаиси.

[10] Осет. *уан* 'лопата' (плечи). Это — позднейшее осетинское осмысление названия местности, ныне городка Они.

[11] Кударо — северо-западная часть Юго-Осетии.

[12] Название Кударо предание передает в значении *кодари* 'мертвый', но это слова различного происхождения.

[13] И. Мегрелидзе, ук. соч., стр. 127; ср.: Вс. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, М., 1887, стр. 174—176.

[14] Ал. Хаханашвили. История грузинской словесности, I. М., 1895, стр. 384.

Л. М. Меликсет-Бек

ХАЗАРЫ ПО ДРЕВНЕАРМЯНСКИМ ИСТОЧНИКАМ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ МОИСЕЯ ХОРЕНСКОГО

Хазары этнически, как известно, не имеют никакого отношения не только к евреям, но и к семитам вообще.

Тем не менее о хазарах обычно трактуют в увязке с еврейским миром, очевидно потому, что с определенного момента, предположительно с конца VIII в., социальные верхушки их, как царская династия и военно-дружинная знать каганата, по мотивам, которые пока еще точно не выяснены, примкнули к иудаизму.

О хазарах вообще написано много, особенно в русской научной литературе, как в досоветский период, так и за советское время (Куник, Хвольсон, Гаркави, Малышевский, Голубовский, Сегаль, Коковцов, Артамонов, Горянов и др., не считая, конечно, тех или иных высказываний в исторических очерках, курсах, учебниках общего характера); некоторые из них на сегодняшний день устарели, а порой и с ошибочными установками, но одновременно с этим все без надлежащего учета древнеармянских источников.

При таком положении вещей, конечно, вполне понятно, почему составители вузовского учебника по „Истории СССР" (под редакцией акад. Б. Д. Грекова) вполне резонно заявляют, что „источники для изучения истории хазар отрывочны и недостаточны", признавая при этом, что „о хазарах с VII в. византийские, арабские, грузинские и армянские источники сообщают очень разнообразные известия, но связного рассказа о судьбе Хазарии в них нет" (т. I, гл. V, § 2, 2-е изд., М., 1948, стр. 44).

Хазары, по древнеармянским источникам, синхроничным византийским, — это специальная тема, проработка которой не лишена специального интереса и для истории Византии, поскольку хазарский каганат как союзник Византии в раннее средневековье играл по отношению к кавказским народам — грузинам, армянам и албанам — точно такую роль, какую в XIX столетии осуществлял имамат, союзник суннитской Турции, по отношению к тем же народам.

С другой стороны, нельзя скрыть, что проработка хазарской проблемы по древнеармянским источникам упирается в злополучную проблему армянской историографии, касающуюся датировки Моисея Хоренского (Movsesa Xorenaci) и его „Истории Армении".

Армянская историография начального периода, укладывающаяся в рамки IV—VII вв., если не считать М. Хоренского, абсолютно не знает ни хазар (resp. хазиров), ни Хазарии (resp. Хазирии; по-армянски Xazirk, Хазирк).

Агафангел (Агат'ангег'ос), Фауст Византийский (П'австос Бузанд), Корюн, Лазарь П'арбский (Г'азар П'арбеци), Зиновий Глак (Зеноб Глак), Елисей (Ег'ише), равно как сборники эпистолярных документов и догматико-полемических трактатов, вроде „Книги посланий" — Liber epistolarum („Гирк' т'хт'оц) и „Печать веры" — Sigillum fidei („Ник' havato"), бесспорно начала VII в., не содержат в себе упоминаний о хазарах.

Что хазары, т. е. племя под названием хазар, не были известны в V в., между прочим, подтверждается свидетельством историка V в. Фауста („История Армении", III, 7), содержащим перечисление кавказских горских, в частности северокавказских, племен и народов без упоминания хазар в следующем контексте: „гунны, п'охцы (= п'хо[в]ы), т'васпары, hеч'матаки, ижмахи, готы, глуары, гугары, шучбы, ч'улбы, баласч'и, егер-сваны (мегрело-сваны, вернее сваны Егерии)".[1]

Но характерно, что хазар (resp. хазиров) и басилов одинаково знают, с одной стороны, Ананий Ширакский (Анания Ширакаци), автор армянской „Географии" бесспорно VII в.,[2] и, с другой — Моисей Хоренский, автор „Истории Армении", время написания которой все еще не уточнено.[3]

---

[1] Л. Меликсет-Бек. Вопросы этнографии Грузии в древнеармянских источниках. Вопр. этнографии Кавказа, Тбилиси, 1952, стр. 329; Г. А. Капанцян. О взаимоотношении армянского и лазо-мегрельского языков. Ереван, 1952, стр. 4.

[2] Вопреки положениям, высказанным акад. Я. А. Манандяном (см. след. прим.), особенно в статье „Когда и кем была составлена «Армянская география», приписываемая Моисею Хоренскому" [Византийский временник, I (XXVI), 1947, стр. 127—143].

[3] Пользуясь случаем, отмечаем специальную литературу по данному вопросу за последние 30 лет, преимущественно советскую: Mlaker. 1) Zur Geschichte des Ps. Moses Chorenathsi. Armeniaca, II, 1927; 2) Die Datierung der Geschichte des Ps. Moses Xorenac'i. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenländer", Bd. XLII, 3 Heft, Wien, 1935, стр. 267—286; N. Akinian. Moses Khorenatzi. Die Abfassungszeit der „Geschichte Armeniens" und Persönlichkeit des Geschichtsschreibers in neuen Lichte betrachtet. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenländer", Bd. XXXVII, 1930, стр. 204—217; Н. Акинян. Иерей Гевонд и Моисей Хоренский. Вена, 1930 (на арм. яз.); J. Markwart. Die Genealogie der Bagratiden und das Zeitalter des Mar Abas und Ps. Moses Xorenathsi. Caucasica, Fasc. 6, Teil 2, Leipzig, 1930; Я. А. Манандян. 1) Разрешение проблемы Хоренского. Ереван, 1934 (на арм. яз., с русск. и нем. резюме); 2) Когда и кем была составлена „Армянская география", приписываемая Моисею Хоренскому. Византийский временник, I (XXVI), 1947, стр. 127—143; N. Adontz. Sur la date de l'Histoire de l'Arménie de Moise de Chorène. Byzantion, t. XI, Bruxelles, 1936, стр. 97—100; С. Н. Джанашия. К критике Моисея Хоренского. Матер. по истории Грузии и Кавказа, вып. VI, Тбилиси, 1937, стр. 471—503; С. С. Малхасянц. 1) О Моисее Хоренском. Изв. Арм. ФАН СССР, 1940, № 1—2, стр. 213—219 (на арм. яз.); 2) К проблеме Моисея Хоренского. Ереван, 1940 (на арм. яз., с русск. резюме); 3) Моисей Хоренский. История Армении. Перевод (на новоармянский язык), введение и примечания С. Малхасянца, Ереван, 1940 [ср. рецензию Р. Ачаряна на это издание, опубликованную в „Известиях Армянского филиала АН СССР" (1941, № 8, стр. 89—90)]; 4) М. Хоренский был халкедонитом. Изв. АН Арм. ССР, 1941, № 3—4, стр. 27—56 (на арм. яз., с русск. резюме); 5) Хронологические вопросы в древнеармянской литературе. Изв. АН Арм. ССР, 1944, № 6—7, стр. 7—24 (на арм. яз., с русск. резюме); Л. М. Меликсет-Бек. 1) История древнеармянской литературы. Учебник для [грузинских] вузов. Тбилиси, 1941, стр. 80—86 (на груз. яз.); 2) История креста Нины (К проб-

Ананий Ширакский в своей „Географии“ в главе, посвященной описанию Азиатской Сарматии, пишет: „В Сарматии находятся горы... и много рек, в том числе Атыль в 70 рукавов, где укрепилось племя басилов“; „В Сарматии обитает и множество племен, каковы — хазиры (хазирк'), бухы, барсилы, апшилы, абхазы, царские сарматы“.[4]

Моисей Хоренский (История Армении, II, 65) упоминает хазар в царствование в Армении Вагаршака (II в.), причем его сообщение в последующие века повторяют почти дословно: историк конца X и начала XI в. Стефан Таронский (Степанос Таронеци) по прозвищу Асохик (Всеобщая история, I, 5); несколько парафразируя и с вариациями в воспроизведении собственных имен — историк X в. Ухтанес Урхайский или Эдесский (История Армении, гл. 46); сокращенно же — историк X в. Фома Арцруни (История Арцрунидов, гл. 1, 8) и историк XIII в. Вардан (Всеобщая история, гл. 17).

Вот и соответствующий эксцерпт из „Истории“ М. Хоренского, заключающий в себе упоминание хазар (и басилов):

„Во дни его (Вагаршака) массы горцев, — я разумею хазар и басилов, — соединившись, прошли через врата Чора (т. е. Дербентский проход) под предводительством царя своего Внасеп Сурхапа и, пройдя через реку Куру, разбрелись [по сторонам]. Им навстречу вышел Вагаршак со своим полчищем и храбрыми мужами и рассеял полчища [врага] по своему полю, которое усеял их трупами; затем, преследуя их, прошел через Чорский (т. е. Дербентский) проход. Тогда враг снова собрался и создал фронт, против которого выступили армянские удальцы и обратили [вражеские силы] в бегство. Однако Вагаршак пал от руки мощных стрелков“.[5]

По сравнению с М. Хоренским последующие историки дают разночтения в упоминании хазар и басилов: по Ф. Арцруни — „hазиры“, по С. Таронскому — „хазиры“ и „барсилы“, по Вардану — „булгары“ и „хазиры“. Показания же Ухтанеса вполне совпадают с таковыми же М. Хоренского.

Таким образом, по М. Хоренскому и зависимым от него армянским историкам X—XIII вв., хазары, как воинственное племя, известны были якобы задолго до VII в., в царствование Вагаршака, жившего во II в.

леме Моисея Хоренского). Изв. Арм. ФАН СССР, 1941, № 9, стр. 59—66; 3) Публикации письменных источников по истории Грузии. Каталог, I, Тбилиси, 1949, стр. 230—234 (на груз. яз., с предисловием и оглавлением на русск. яз.); Е. Тер-Минасян. К легенде о халкедонитстве Моисея Хоренского. „Изв. Арм. ФАН СССР“, 1943, № 2, стр. 55—80 (на арм. яз).; М. Абег'ян. 1) История древнеармянской литературы, кн. I, Ереван, 1944, стр. 249—291 (на арм. яз.); 2) История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948, стр. 198—241; Илья Абуладзе. Грузино-армянские литературные связи в IX—X вв. Исследование и тексты. Тбилиси, 1944, стр. 077—079, 0207 (на груз. яз.); История армянской литературы. Книга первая. Учебник для VIII класса средней школы, 3-е изд., Ереван, 1954, стр. 50—58 (на арм. языке).

[4] Проф. А. Абрамян. Научные труды армянского ученого VII века Анания Ширакаци. Ереван, 1944, стр. 347 (на арм. языке); Армянская география VII века по Р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). Текст и перевод с присовокуплением карт и объяснительных примечаний издал К. П. Патканов, СПб., 1877, стр. 35—37; ср. Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée. Texte arménien, traduit en français par le P. Arsène Soukry. Venise, 1881, стр. 36; арм. текст, стр. 26.

[5] „История Армении“ Моисея Хоренского. Нов. пер. Н. Эмина, М., 1893, стр. 113; ср.: Г. Халатьянц. Армянские Аршакиды в „Истории Армении“ Моисея Хоренского, М., 1903, стр. 102.

Себеос, историк VII в., писавший безусловно после М. Хоренского, не знает хазар, зато он называет хакана как великого государя или царя эфталитов[6] (История, гл. 8, стр. 26).

Более подробно о хазарах говорит другой историк VII в. — Моисей Каланкатуйский (Мовсес Каг'анкатваци), автор первых двух книг сводной „Истории Албании“, сложившейся в X в.,[7] причем упоминает этих хазар в пяти пассажах.

Эти пассажи отражают:

1) поход многочисленного полчища хазар, прошедших через врата Ч'ог'а (т. е. Дербентский проход), в царствование Сасанида Шапуха II [310—379], сына Ормузда II (История Албании, II, 1);

2) покорение страны Албанской хазарами в царствование Сасанида Хосрова I Ануширвана [531—579] (там же);

3) нашествие хазар на Албанию в царствование византийского императора Ираклия [610—641] (там же, II, 11).

4) вторжение войска сына Ормузда IV Хосроя II Парвиза [590—628] в Хазарию (там же, II, 15);

5) вторжение хазар в Албанию в правление князя Джеваншира [638—670] (таж же, II, 23).

Трактовки исторических событий подчас сопровождаются описанием некоторых характерных эпизодов или деталей, достойных кисти художника.

Один эпизод — это комическое зрелище с „карикатурой“ на хазарского хакана Зибеля (Джебу) после неудачной осады хазарами в союзе с византийцами (под предводительством императора Ираклия) Тбилиси.[8] Очевидец зрелища пишет: „Принесли огромную тыкву, нарисовали на ней портрет царя гуннов (хазар, — *Л. М.-Б.*), длиною в локоть и шириною в локоть; по месту ресниц провели тонкую черту, чтобы никто не мог заметить; место бороды оставили безобразно голым; место ноздрей носа шириною в пядь; волосы вместо усов наперечет. Они (тбилисцы) положили это на [городской] стене против осаждавших и, обращаясь к войску, кричали: «Вот царь, государь ваш; вернитесь, поклонитесь ему; вот он — Зибель (Джебу) хакан»; и, взяв в руки колья, на виду их кололи тыкву, уподобляемую изображению его (царя)“ (История Албании, II, 11).[9]

Этот эпизод историк XIII в. Кириак (Киракос) Гандзакский описывает так: „Жители города Тбилиси издевались над хаканом. Взяв тыкву, они нарисовали на ней портрет хакана слепым, ибо глаза его были узки и маленькие. И, положив тыкву на [городскую] стену против него (хакана), начали стрелять в нее. А он, заметив это, сильно

---

[6] Об эфталитах см.: К. В. Тревер. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. Сов. Археол., XXI, 1954, стр. 131—147.

[7] Ср.: Agop Manandian. Beiträge zur albanischen Geschichte. Leipzig, 1897; Л. Меликсет-Бек. 1) История древнеармянской литературы. Тбилиси, 1941, стр. 87 (на груз. языке); 2) Публикации письменных источников по истории Грузии. Каталог, I, Тбилиси, 1949, стр. 239—240 (на груз. языке).

[8] Ср.: Я. А. Манандян. Маршруты персидских походов императора Ираклия. „Византийский временник“, III, 1950, стр. 148.

[9] По тбилисскому изданию 1912 г., стр. 158—159; ср.: Н. Марр. По поводу русского слова „сало“ в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в. Тексты и разыскания по кавказской филологии, I, Л., 1925, стр. 76 (см. также: Н. Марр, Избр. работы, V, Л., 1935, стр. 74—75).

рассердился; однако поскольку время было зимнее, ничем не мог отомстить".[10]

Другой эпизод — это трапеза или пир (resp. вакханалия) в окрестностях албанской столицы Партав (Барда = Бердаа), куда хазары попали после разорения Тбилиси. Очевидец события — это албанский католикос Виро, явившийся на поклон к хазарскому царевичу. „Там мы видели, — говорит Виро, — восседания их (хазар), склонившихся на коленях подобно каравану тяжеломощных верблюдов, каждого с миской, полной мяса от нечистых животных; при мисках и чаши с соленой водой, куда макали куски, когда они ели; также кубки и сосуды для питья с резьбою, целиком [отделанные] золотом, которые принесены были ими из тбилисской добычи; вместе с тем и громадные сосуды для хлебания, роговые и тыквообразные деревянные, которыми они лакали взвар. С той же неотмытой грязью жира-сала на губах они по два и по три [пили] из одного и того же кубка и без чувства [меры] наполняли сверх краев ненасытные свои чрева цельным вином или молоком верблюдиц и кобыл, как вздутые бурдюки. Ни виночерпиев не было перед ними по ритуалу, ни слуг за их спинами, даже у царевича [Шата], а были только воины с чащею пик, чутко охранявших дверь сомкнутыми в круг щитами" (там же, II, 14).[11]

Сравнительно подробно и более конкретно упоминает хазар историк VIII в. Леонтий (Гевонд).

По одному указанию Леонтия (История халифов, I, 4), „северное племя, называемое хазирами (хазирк'), в войне с Арменией убило князя Григория [строителя Аруч'а] (VII в.) и многих из нахараров и князей Грузии и Албании". И это сообщение повторяют в той или иной перефразировке историки: Иоанн Драсханакертский (X в.), Стефан Таронский Асохик (X—XI вв.), Кириак (Киракос) Гандзакский (XIII в.) и Вардан (XIII в.).

Другое указание Леонтия (там же, I,5) — это женитьба императора Юстиниана II (685—695) на дочери хазарского хакана, что повторяет и Кириак.

Далее указываются, например, такие моменты: „хазарского царя называют хаканом" (там же, I, 12, 18); „царь северян называется хаканом" (там же, I, 31); упоминаются „войска гуннов и хазар" (там же, I, 39); и пр.

Историк X—XI вв. Стефан Таронский Асохик, помимо всего того, что передает со слов М. Хоренского (История, I, 5), сообщает также сведения о контакте византийцев с хазарами на рубеже VII—VIII вв. (там же, II, 6): о том, как „с помощью хазарского войска Юстиниан II вернулся в царственный град Константинополь", как „в царствование [того же] Юстиниана... северное племя, которое называется хазирами (хазирк'), покорило Армению, Грузию и Албанию".

Вне всякого сомнения, что этот именно момент покорения хазарами в союзе с византийцами Армении, Грузии и Албании, т. е. почти всего

[10] Киракос Гандзакский. История Армении. Тифлис, 1909, стр. 51; ср.: Киракос Гандзакеци. История. Пер. с древнеармянского Т. Тер-Григорьяна, Баку, 1946, стр. 35. Этот эпизод использован одним из грузинских театроведов в „Истории грузинского театра" как материал для специальной главы „Грузинский кукольный театр в седьмом веке". См.: Д. Джанелидзе. Материалы по истории грузинского театра, т. I. Народные истоки грузинского театра. Тбилиси, 1948, стр. 480—481 и прим. (на груз. яз.).

[11] По тбилисскому изданию 1912 г., стр. 158—159; ср.: Н. Марр, ук. соч., стр. 73—74 (см. также: Н. Марр, Избр. работы, V, стр. 72—73).

южного Кавказа, и подхвачен автором начальной части грузинских летописей, историком XI в. Леонтием Руисским (Леонтий Мровели), когда он в главе II сочинения „История грузинских царей и первых этнархов и племен" повествует о нашествии хазар на Картлию (Восточную Грузию), притом в таком контексте, как будто с этого нашествия и начинается история родного края, поскольку рассказ об этом нашествии и вообще о хазарах он помещает до повествования о легендарном вторжении Александра Македонского в Картлию.[12]

Но в рассказе Леонтия Руисского особенно ценно указание на то, как после хазарского нашествия „в Картлии говорили на шести языках: армянском (сомхури), грузинском (к'арт'ули), хазарском (хазарули), ассирийском (асурули), еврейском (эбраули) и греческом (бердзнули)".[13]

Кириак Гандзакский (Киракос Гандзакеци), историк XIII в., повторяющий сведения М. Каланкатуйского и Леонтия (Гевонда) касательно хазар, фиксирует последних в числе следующих племен: „монголы (мугал), татары, хазиры, гунны, [ча]гатайцы, анкитаны" (История, § 2).

Стефан Орбелян Сюниец, историк XIII в., также фиксирует хазар в числе тех или иных племенных единиц, идентифицируя их то с кипчаками (История Сюнии, гл. 64[65]), то с сисаками (там же), то упоминает их рядом с гуннами, по смежности со страной халандрийцев (там же, гл. 65[66]), то считает их составной частью полчища „персов и хазиров, хоразмийцев и арабов, а также скифов-туркестанцев" (там же), в перечне стран „хазиров и суталийцев, русов, черкесов и булгар" (там же) или, наконец, в составе племен „хазиров, аланов, осов и кипчаков" (там же, гл. 69[70]).

Итак, армянские историки бесспорно V в.: Агафангел, Фауст Византийский (П'австос Бузанд), Лазарь П'арбский (Г'азар П'арбеци), Зиновий Глак (Зеноб Глак), Елисей (Ег'ише) — вовсе не знают хазар. Зато этих же хазар (resp. хазиров) упоминают, не считая Моисея Хоренского, армянские историки и вообще писатели VII и позднейших веков, вплоть до XIII—XIV: Ананий Ширакский, Себеос, Моисей Каланкатуйский (Мовсес Каг'анкатваци), Леонтий (Г'евонд), Ухтанес, Фома Арцруни, Стефан Таронский по прозвищу Асохик, Кириак (Киракос) Гандзакский, Вардан и Стефан Орбелян Сюниец.

В связи с этим напрашивается вопрос: не звучит ли анахронизмом упоминание хазар у Моисея Хоренского, историка, по традиционной датировке, V в.?

Думается, что мы действительно стоим перед альтернативой.

1. Приняв Моисея Хоренского за автора V в. и его „Историю Армении" за произведение того же V в., мы неизбежно должны eo ipse признать, что хазары существовали во II в. (что, однако, не находит подтверждения в иных источниках).

2. Согласившись с установившимся положением относительно появления хазар на сцену истории не ранее VI—VII вв., мы должны склониться „отодвинуть" Моисея Хоренского к несколько более поздним, чем V в., хронологическим рамкам, скажем к VI—VII вв., притом рам-

[12] Ср.: Н. Марр, ук. соч., стр. 103—104 (см. также: Н. Марр, Избр. работы, V, стр. 96).

[13] Картлис Цховреба (История Грузии). Список царицы Анны. Под ред. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1942, стр. 11; см. также: Картлис-Цховреба, т. I, Тбилиси, 1955, стр. 16.

кам как ante quem non (что, однако, встречает возражения и противодействие со стороны историков Армении — „традиционалистов").

При этом, конечно, не исключается и возможность „компромиссного" решения вопроса, а именно: Моисей Хоренский — автор V в. (или даже V—VI вв.), а пассаж о хазарах, точно так же, как и прочие многочисленные анахронизмы и неполадки текста в наличных редакциях и списках его „Истории" (так же, как и данных Моисея Каланкатуйского в „Истории Албании", II, I, дважды) — интерполяции со стороны позднейших переписчиков или редакторов.

Из сказанного очевидно, насколько тесно переплетены между собой проблема о времени появления хазар на сцену истории и проблема датировки Моисея Хоренского, автора „Истории Армении".

Б. Б. Пиотровский

БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ С НАДПИСЯМИ САРДУРИ II ИЗ РАСКОПОК НА КАРМИР-БЛУРЕ

При раскопках урартского города Тейшебаини, развалины цитадели которого находятся на холме Кармир-блур, около Еревана, обнаружено большое количество бронзовых предметов с вычеканенными на них клинообразными надписями, содержащими имя царя Сардури, сына Аргишти, вступившего на урартский престол в середине VIII в. до н. э.

К таким предметам, имеющим посвятительные надписи, относятся: пять щитов, один из которых украшен великолепно выгравированными фигурами львов и быков,[1] три шлема с изображением божеств около священных деревьев, всадников и колесниц[2] и два колчана с подобными же изображениями всадников и боевых колесниц.[3] 86 бронзовых чаш также имеют надписи, указывающие на то, что они происходят из крепости (или из сокровищницы) Сардури. Короткие надписи, упоминающие имя и отчество царя, вычеканены на трех наконечниках стрел и на многочисленных предметах конского убора (налобниках, нащечных пластинах, псалиях, умбонах и на колокольчике).

Первая половина царствования Сардури, сына Аргишти, относится к периоду наивысшего могущества Урартского государства, успешно боровшегося со своим вековым соперником — Ассирией. Летописи Сардури рассказывают о походах против Ассирии и победе над царем Ашурнирари.

Сардури продолжал политику своего отца Аргишти I по упрочению власти в Закавказье и расширению урартских земель на севере, за р. Аракс. В Закавказье урартскими административно-хозяйственными центрами оставались прежние крепости: Аргиштихинили (Армавирский холм) и Еребуни (Арин-Берд). В этих местах были открыты клинообразные надписи Сардури, рассказывающие о строительных работах.

Исключительно важное значение для истории Урартского государства середины VIII в. до н. э. имеет летопись Сардури, сына Аргишти, начертанная на громадной стеле, раскопанной И. А. Орбели

[1] Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур III. Ереван, 1955, стр. 29 и 30, табл. I, X, XI.
[2] Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур I. Ереван, 1950, стр. 63—67.
[3] Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур III, стр. 37.

в 1916 г. на северной стороне Ванской скалы.[4] Летопись сохранила 265 строк клинописи, являясь наряду с Хорхорской летописью Аргишти, сына Менуа, самым крупным из памятников урартской эпиграфики. Текст летописи рассказывает о постоянных походах в страны Закавказья, о победе над правителями местных племен, захвате богатой добычи, угоне большого количества пленных и скота. Подобные

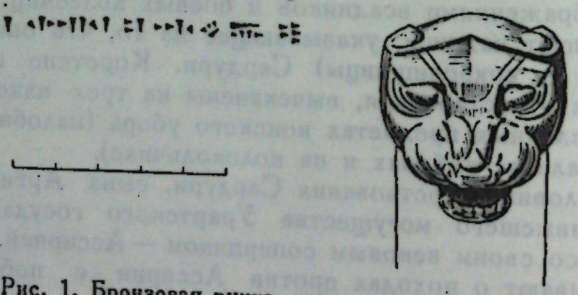


Рис. 1. Бронзовая ручка котла с надписью Сардури. Кармир-Блур, VIII в. до н. э.

надписи Сардури II находятся также на скалах, отмечая наиболее крайние урартские завоевания. В Севанском районе такие надписи были обнаружены на юго-западном побережье озера у сел. Атамхан и на крайнем восточном пункте южного побережья, у сел. Цовак (Загалу). Самая северная из урартских надписей, высеченная на скале южного побережья оз. Чалдыр, также принадлежит Сардури II. Лишь после вступления на ассирийский престол Тиглатпаласара III положение дел в Передней Азии изменилось, и Урарту после поражения в северной Сирии

[4] Н. Я. Марр, И. А. Орбели. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пгр., 1922.

в 743 г. до н. э. и ассирийского похода 735 г. до н. э. в центр Урарту снова уступило свое место Ассирии.

Но несмотря на тяжелую обстановку, последние годы правления Сардури, сына Аргишти, так же как и царствование его отца Аргишти, были временем наивысшего расцвета урартской культуры. Об этом говорят и археологические памятники, открытые при раскопках Кармир-Блура. Наиболее высокими по своим художественным качествам являются именно памятники искусства, носящие надписи Сардури. Может быть, это и случайно, но изображения на шлеме и щите из Кармир-Блура, датированные клинописью Сардури, отличаются наибольшей тонкостью гравировки и совершенством форм. Недаром фигурки львов, быков, всадников, колесниц и богов у деревьев жизни особенно привлекают внимание художников.

В настоящей небольшой заметке я хочу ознакомить читателей с двумя новыми, найденными в 1957 г. бронзовыми предметами, имеющими надписи Сардури. Оба они были обнаружены среди бронзовых предметов и обломков в кладовой для вина № XIV, расположенной в северо-западной части цитадели. Первая вещь — это ручка котла, изогнутая почти до полукруга, завершающаяся превосходно моделированной оскаленной головой льва. В средней части, сверху вниз, ручка украшена орнаментом из бутонов, весьма характерным для урартского искусства, встречающимся и в росписях Еребуни (Арин-Берда).

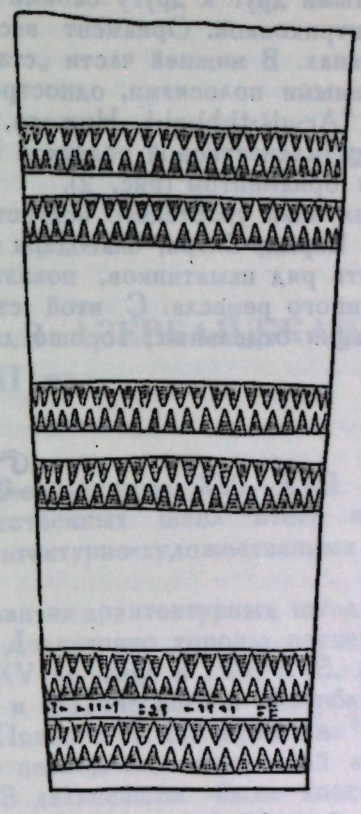


Рис. 2. Бронзовый предмет с надписью Сардури. Кармир-Блур, VIII в. до н. э.

Под головой, ниже гривы, в двух графленых строках вычеканено имя царя: ^{m}SAR-du-ri-i | ^{m}Ar-giš-ti-ḫi-ni-i (надпись сильно потерта). Предмет этот принадлежал котлу, украшенному головками львов, как бы засматривающими во внутреннюю часть котла (рис. 1).

Второй предмет имеет форму стакана, расширяющегося в верхней части, на боковой части заметен шов, получившийся от склепывания

листа бронзы в холодном виде, что говорит против определения назначения этого предмета как посуды для питья. Скорее всего это навершие на ножку табурета. Предмет украшен шестью полосами с зигзагообразным орнаментом, образованным треугольниками, обращенными друг к другу своими вершинами. Треугольники эти заполнены штриховкой. Орнамент весьма близок к помещенному на шлеме и колчанах. В нижней части „стакана", между двумя последними орнаментальными полосками, однострочная клинообразная надпись: ^{m}SAR-du-ri-i ^{m}Ar-giš-ti-ḫi-ni-i. Нижняя, дисковидная часть предмета украшена двенадцатилепестковой розеткой и ободком с уже знакомым зигзагообразным орнаментом (рис. 2).

Памятники урартского искусства, ежегодно открываемые при раскопках Кармир-Блура, благодаря датирующим их клинописям позволяют выделить ряд памятников, показывающих развитие урартского художественного ремесла. С этой стороны определенный интерес имеет публикация отдельных, хорошо датированных бронзовых урартских изделий.

А. В. Саламзаде

О ШКОЛАХ ЗОДЧЕСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ XVI—XVII вв.

Развитие архитектурных школ в Азербайджане XVI—XVII вв. неразрывно связано с развитием художественных школ этого периода в целом, а также с развитием архитектурно-художественных школ XII—XV вв.

До настоящего времени вопрос развития архитектурных школ XVI—XVII вв. не был предметом изучения. Достаточно хорошо изучены такие школы только в отношении XII—XV вв. Еще в 1936 г. Е. А. Пахомов[1] выдвинул гипотезу о развитии в средние века в Азербайджане нахичеванской архитектурной школы. Позднее П. П. Фридолин[2] поставил вопрос о существовании в тот же период так называемой апшерono-ширванской архитектурной школы. В дальнейшем было констатировано развитие архитектурной школы в Тавризе.

Вопросам развития архитектурных школ XII—XV вв. ряд работ посвятил Л. С. Бретаницкий,[3] который исследовал различные проблемы, связанные с развитием указанных школ архитектуры.

Как правило, центрами художественной деятельности, иногда весьма разносторонней, являлись крупные города. Но вместе с тем нередко какой-либо город занимал в той или иной области искусства ведущее положение. Однако это не исключало, а способствовало развитию и других видов искусств. Это явление особенно характерно для XVI—XVII вв., когда в одном и том же городе процветали различные виды искусств, которые не только развивались, так сказать, параллельно, а в ряде случаев одно и то же лицо соединяло в себе различные формы художественного творчества. В этот период нередки поэт-музыкант, поэт-художник, художник-зодчий и т. д. Характерным в этом отношении является личность поэта-художника, теоретика искусства Садыкбека Афшара. Он жил в XVI в. и известен не только как крупный

---

[1] Е. А. Пахомов. Башни-мавзолеи в Барде и их надписи. Труды Азерб. ФАН СССР, т. XXV, серия истор., Баку, 1936, стр. 89.

[2] П. П. Фридолин. К вопросу об изучении памятников Азербайджанской эпохи Низами. Сб. „Низами", вып. II, Баку, 1940, стр. 120.

[3] Л. С. Бретаницкий. Архитектурные школы средневекового Азербайджана (XII—XV вв.). Искусство Азербайджана, т. II, Баку, 1949.

поэт, подписывавший свои стихи псевдонимом Садыги, не только как историк литературы, но и как крупнейший художник-миниатюрист своего времени.[4] Он же является автором трактата, в котором рассмотрены вопросы изобразительного искусства. Этот трактат свидетельствует, что Садык-бек Афшар был не только художником-миниатюристом, но и художником-орнаменталистом, понимавшим основы трудного орнаментального искусства. Его трактат, называемый „Ганун ас Сувар", написан в стихах и весьма труден для понимания. До настоящего времени не имеется научно-критического текста этого небольшого трактата, а также не проведено научное комментирование этой работы.[5] Однако и сейчас можно утверждать, что Садык-бек Афшар не только изложил то, что ему было известно из его практической художественной деятельности, но в этом трактате в какой-то степени суммировал взгляды своей эпохи на изобразительные искусства.

Тавриз в XV в. был крупным центром художественной многоцветной архитектурной керамики, развитие которой в XIV и XV вв., особенно в отношении полихромии и орнаментальных украшений, во многом было обязано миниатюре с ее характерной многоцветной декоративностью.[6] Развитие в Тавризе XIV в. и почти на всем протяжении XV в. различных искусств объясняется также тем обстоятельством, что именно в этот период Тавриз последовательно становится столицей крупных государственных образований Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. Именно в XV в. была построена знаменитая Голубая мечеть в Тавризе зодчим Ниматулла сыном Мухаммеда-ал бавваба.[7] Вообще XV в. был периодом наибольшей активности зодчих из Тавриза, работавших в Мешхеде, Брусе, Герате, Самарканде и т. д. В XV в. тавризские мастера были привлечены для выполнения глазурованной облицовки знаменитой Ешиль Джаме в Брусе.[8]

Естественно, что архитектурные школы XVI—XVII вв. теснее всего были связаны с изобразительным и прикладным искусством. Изучение миниатюры и каллиграфии представляет выдающийся интерес, как и другие виды прикладного искусства, не меньшее внимания следует уделить монументальным памятникам материальной культуры — архитектуре.

Тавриз в XVI в. оставался наиболее крупным художественным и культурным центром. Наряду с миниатюрой в Тавризе были высоко развиты поэзия, музыкальное искусство, прикладные искусства, особенно ковровое. Архитектурная школа Тавриза имела, несомненно, главенствующее значение в развитии азербайджанского зодчества того времени. Прекрасным подтверждением этого является факт работы в Баку — большом архитектурном центре — мастера Амиршаха из-под Тавриза, который строил Восточные ворота ансамбля дворца ширваншахов в Баку.[9]

[4] 1925, محمد علی تربیت — دا نشمندان آذر بایجان، طهران

[5] Рукопись этого трактата находится у А. А. Алескерзаде, любезно сообщившего нам публикуемые сведения. Взгляды Садык-бека Афшара на орнаментальное искусство разъяснены художником-орнаменталистом Л. Г. Керимовым.

[6] Л. С. Бретаницкий и А. В. Саламзаде. Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового Азербайджана. Изв. АН Азерб. ССР, 1954, № 10.

[7] Jean Sauvaget. Notes „Ars Islamica", 1938, стр. 106.

[8] Fr. Taeschner. Beiträge zur frühosmanischen Epigraphik und Archäologie. Der Islam, Bd. 20, Heft 2, Berlin, 1932.

[9] См.: А. Саламзаде. Архитектурный комплекс в Ардебиле и некоторые вопросы средневекового зодчества Азербайджана. Искусство Азербайджана, т. V, Баку, 1956, стр. 166.

Немаловажным центром развития архитектуры в XVI—XVII вв. был и Ардебиль. Роль его в этот период возвысилась благодаря тому, что здесь, в династической святыне Сефевидов, началось строительство большого культового ансамбля. Надписи этого комплекса называют имя мастера из Ардебиля. Свое значение крупного центра паломничества и, возможно, строительства Ардебиль сохранил до конца падения династии Сефевидов. Но сейчас трудно установить, сложилась ли в Ардебиле новая архитектурная школа или же строительство там осуществлялось в основном силами зодчих из других городов. Исходя из некоторых стилистических признаков культового комплекса в Ардебиле, можно говорить об участии в его создании мастеров из Ширвана и, весьма вероятно, из Тавриза. На возросшее значение Ардебиля как очага искусства указывают и данные о развитии в нем коврового искусства.

Свое значение крупного архитектурного центра сохраняет город Шемаха. Хотя от его сооружений до нас ничего не дошло, известное представление о творчестве шемахинских зодчих дают сведения о их деятельности за пределами своего родного города. До нас дошло имя мастера Шамсаддина, построившего мавзолей шейха Мезида в Ахсу и один из мавзолеев в некрополе близ сел. Хазра Куткашенского района. Значительными произведениями мастеров из Шемахи следует признать группу мавзолеев в сел. Калахана, неподалеку от Шемахи. Хотя на этих мавзолеях и нет надписей с указанием на происхождение мастеров из Шемахи, но близкое расположение этого селения к Шемахе и характер архитектуры не оставляют сомнений в принадлежности строителей этих мавзолеев к шемахинской школе.

Как известно, развитие архитектуры в Шемахе, Баку и на Апшероне объединялось понятием так называемой ширвано-апшеронской архитектурной школы. Однако нам кажется, что в отношении XVI—XVIII вв. уже нельзя говорить о наличии единой архитектурной школы. В этот период уже не существовало Ширванского государства, наличие которого являлось в прошлом предпосылкой единообразного развития зодчества на территории, объединявшейся этим государством. После распада его произошло выделение локальных школ на территории, непосредственно примыкавшей к Шемахе, как и на Апшероне. На это указывают сохранившиеся до наших дней памятники Апшерона. На возросшее значение апшеронской архитектуры, вернее на становление ее самостоятельности, указывают упоминания мастеров из отдельных селений Апшерона. При наличии объединяющего единого центра трудно было бы объяснить указания в надписях „нисб" местных мастеров. Надписи с именами мастеров сохранились в Нардаране, Маштагах, Бузовнах, Балаханах и других городах Апшерона; правда, не во всех случаях указаны места происхождения этих мастеров, но сам характер зданий, особенно XVII в., указывает исключительно на местные традиции, выражающиеся в характерных для Апшерона приемах строительства и типах сооружений. Все это дает нам основание говорить о возросшем значении апшеронской школы и о ее выделении из общей ширвано-апшеронской школы. Мастеров из Шемахи в этот период, по всей вероятности, уже более не приглашали для работы на Апшероне. С другой стороны, несмотря на свое обособление от Шемахи и на большую самостоятельность, бакинская или апшеронская школа этого периода не приобрела значения в масштабе всей страны. Несмотря на все свое своеобразие, на высокое мастерство, бакинская школа этого пе-

риода осталась местной школой. В конечном счете это обусловливалось положением Баку в этот период — положением второстепенного города.

В XVI—XVII вв. продолжала существовать и нахичеванская архитектурная школа, являвшаяся в предшествующий период одной из крупнейших архитектурных школ Азербайджана. Однако для характеристики ее у нас недостаточно данных. Путешественники, посетившие Нахичевань в XVII в., сообщают о довольно значительном количестве сооружений в городе. Но нет сведений о строительстве в XVI—XVII вв. зодчими из Нахичевани каких-либо сооружений вне своего родного города. По-видимому, начиная с XV в. Нахичевань свое значение крупного архитектурного центра уступает Тавризу. Все же следует отметить роль нахичеванской архитектурной школы: ее наиболее значительные произведения, созданные в Нахичеване до XV в. и не утратившие своего великолепия еще в XVII в., не могли не оказывать воздействия на приезжавших в этот город мастеров из других городов. Э. Диц считает, что определенное влияние на творчество крупнейшего турецкого зодчего XVI в. Синана оказали сооружения Мараги и Нахичевани. Это он усматривает в архитектуре возведенного Синаном в Стамбуле мавзолея Хосров-паши. По его мнению, Синан мог видеть сооружения Нахичевани и Мараги во время участия в походах янычар в Иран и Азербайджан[10] в качестве армейского строителя.

Выше говорилось о росте значения ряда локальных местных школ в XVII—XVIII вв. Процесс этот стал особенно заметным со второй половины XVIII в., когда образование в процессе дробления страны ряда мелких ханств в какой-то степени вызывало развитие местного строительства в таких районах, как Апшерон, Карабахское ханство и др. Следует отметить, что формирование локальных архитектурных школ в значительной степени было связано с народным зодчеством. Вероятно, что в ряде случаев зодчие, строившие до того главным образом в сельских местностях, перенесли свою деятельность (частью или целиком) в центры ханств. Это явление было весьма плодотворным для дальнейшего развития архитектуры жилища. Оно особенно сильно проявилось после присоединения Азербайджана к России в начале XIX в. Пожалуй, будет правильным сказать, что именно сельские мастера, ставшие городскими строителями, дали толчок к развитию в XIX в. новых более прогрессивных типов сельских жилых домов, а в дальнейшем и домов полугородского типа.[11]

Резюмируя сказанное, можно в качестве главных центров архитектурной деятельности XVI—XVII вв. назвать Тавриз, Баку, Шемаху и ряд крупных селений Апшерона. Каковы особенности развития этих архитектурных центров и связь между ними?

В XVI—XVII вв. весьма устойчива была апшеронская школа, но сфера ее влияния значительно сузилась в сравнении, например, с XV в. Мастера из Баку уже не строили в Дербенте. Зато на территории Ширвана ощущается преобладающее влияние тавризской школы. Мы выше приводили факт строительства мастером из Тавриза Восточных ворот в Баку. Несомненно, произведениями мастеров с юга страны следует признать мавзолеи близ сел. Агбиль Кубинского района (XVI в.), сочетающие в себе строительные приемы и материалы,[12] характерные для Ширвана и для южных областей страны. Но, с другой стороны, несомненен также факт влияния ширвано-апшеронской архитектурной школы на строительство юга. Это явственно ощущается в портальных композициях ардебильского комплекса,[13] весьма близких к типам порталов комплекса дворца ширваншахов в Баку.[14]

[10] Ernst Diez. Türk Sanato. Istanbul, 1946, стр. 163.

[11] А. Саламзаде. Прогрессивное значение присоединения Азербайджана к России для развития его архитектуры в XIX в. Искусство Азербайджана, т. V, Баку, 1956, стр. 261.

Все характерные стилевые особенности ширвано-апшеронской архитектуры XII—XV вв. можно подметить и в сооружениях XVI—XVII вв. Таким образом, в стилистическом отношении ширвано-апшеронская архитектура, несмотря на отмеченные локальные особенности, проявляет большую устойчивость. В ряде случаев даже затруднительно отделить произведения XV и XVII вв. Мы не случайно сравниваем XV в. с XVII в., минуя XVI в., когда южные школы оказывали определенное влияние на развитие архитектурных школ севера страны. В XVII в. мастера как бы вновь обращаются к традициям XV в. После этого влияния южных архитектурных школ становится менее ощутимым.

Мастера Апшерона XVII в., пользуясь типами сооружений XV в. и традиционными приемами строительства, создают произведения, представляющие самостоятельный интерес, но сохраняющие непосредственную связь с памятниками прошлого. В этом отношении особенно характерны такие здания, как мечеть XVII в. в Нардаране, мечеть в Кишлах того же времени. Сравнивая их с постройками XV в., можно заключить, что устойчивости архитектурных традиций прошлого, с одной стороны, содействовала традиционность строительных материалов, а с другой — целесообразность выработанных в предшествующий период типов сооружений. Необходимые изменения были связаны в первую очередь с масштабами зданий. Так как большинство построенных в этот период зданий предназначалось для небольших населенных пунктов, то перед зодчими стояла задача приспособить прежние архитектурные типы к новым условиям. Небольшие объемы этих зданий, определяемые недостаточностью местных материальных ресурсов, приводили к очень целесообразным решениям. Небольшие масштабы зданий XVII в. диктовали необходимость изменения некоторых форм, и в ряде типов зданий местные мастера находили удачные решения. Отточенность форм, большое внимание к каждой детали, иногда единственной во всем сооружении, характеризуют мастеров Апшерона XVII в.

Южные же архитектурные школы страны строили в условиях значительно больших материальных возможностей, поэтому для них в целом характерно решение задачи чисто объемными средствами. Широко применяются аркады или глубокие арочные ниши с лопатками. Все это дает основание для разграничения южных и северных школ Азербайджана при всей их стилистической общности.

Так в настоящее время вырисовываются основные проблемы развития архитектурных и художественных школ Азербайджана в XVI—XVII вв.

[12] А. В. Саламзаде. Мавзолеи Азербайджана XVI—XIX вв. Изв. АН Азерб. ССР, 1951, № 3.

[13] См.: А. Саламзаде. Архитектурный комплекс в Ардебиле. Искусство Азербайджана, т. V, Баку, 1956.

[14] С. А. Дадашев и М. А. Усейнов. Ансамбль дворца ширваншахов в Баку. М., 1956.

Ю. А. Солодухо

К ВОПРОСУ ОБ АРМЯНО-ИРАКСКИХ ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ В IV в.

В экономике Ирака III—V вв. значительное место занимали виноделие и виноторговля. Об этом вполне определенно говорят обширные материалы еврейского литературного памятника времени Сасанидов — „Вавилонская Гемара". Мы находим в них, например, многочисленные данные о наличии в Ираке того времени больших земельных площадей под виноградными лозами, о сдаче таких земельных угодий в аренду и издольщину, о крупных сделках по купле-продаже вина, о сделках по предварительной продаже будущей винной продукции, о больших доходах владельцев виноградников от своих угодий, о наличии многочисленных посредников по купле-продаже вина, специальных перевозчиков и переносчиков вина, о различных формах и способах его перевозки и переноски и т. д. Вино имело характер товара, являлось предметом торговли, пользовалось большим спросом не только на местных рынках для внутреннего употребления, но служило также одним из основных предметов вывоза в другие районы Сасанидского государства и за его пределы, очень высоко ценилось землевладельцами.

Центром виноторговли в Ираке являлся город Сикра (סכרא), который был расположен на правом, западном берегу Тигра и находился на восемь персидских фарсахов (около 48 км) ниже города Бех-Ардашира,[1] что напротив Ктесифона.

Товарооборот виноторговли в Сикре был весьма значительным. Вино прибывало в Сикру и отправлялось оттуда по Тигру. Для погрузки вина на суда и челны и для его выгрузки в Сикре имелись многочисленные грузчики и носильщики. Р. Хия бар-Иосеф из Сикры счел необходимым издать специальное постановление, регулировавшее вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах грузчики и носильщики ответственны за сохранность и целостность переносившегося ими вина и когда в случае аварии обязаны покрывать причиненный ими владельцу вина убыток. Такое постановление оказалось необходимым ввиду частых споров между грузчиками и носильщиками и нанимавшими их на работу по разгрузке и переноске вина при аварийных случаях.

[1] Jacob Obermeyer. Die Landschaft Babylonien zur Zeit des Talmud und Gaonats. Frankfurt am Main, 1929, стр. 188.

В нижеприведенных двух цитатах из „Вавилонской Гемары" упоминается еще один крупный центр виноторговли. Судя по контексту, — это гораздо более значительный в экономическом отношении центр. Название города, сообщаемое этим литературным памятником, в одном случае Wwlšpṭ (וולשפט), в другом — Zwlšpṭ (זולשפט).[2] Однако можно с полной уверенностью сказать, что под этими двумя названиями фигурирует один и тот же город. Различие в начертании его названия легко может быть объяснено погрешностью переписчика списка, послужившего оригиналом для печатного текста памятника; в одном из начертаний названия города он перепутал две графически схожие между собой буквы еврейского алфавита: вав (w — ו) и заин (z — ז). Вместо буквы вав (w — ו), что было бы, как увидим далее, более правильно, он написал букву заин (z — ז).

Приведем эти два отрывка.

„Равва (ум. в 352 г.) постановил: если кто-нибудь взялся (в качестве компаньона) доставить (чье-либо) вино на пристань Wwlšpṭ, а до его прибытия туда оно подешевело, — закон, что он (владелец вина) берет (убыток) на себя".[3]

Второй отрывок гласит: „Р. Хама постановил: если кто-либо дал ближнему своему деньги, чтобы купить ему вино, а тот по вине своей не купил, он уплачивает ему (в случае вздорожания вина) по цене, существующей на пристани Wwlšpṭ".[4]

Для понимания смысла процитированных нами отрывков считаем необходимым указать на практиковавшиеся в Ираке рассматриваемого периода некоторые своеобразные формы торговых сделок и торгового посредничества.

В Ираке играли важную роль погонщики ослов и верблюдов; они представляли собой как бы торгово-посредническую корпорацию, выступая иногда в качестве владельцев ослов или верблюдов, которых предоставляли в распоряжение тех, кто их нанимал для перевозки товаров; кроме того, они же нанимались в качестве непосредственных погонщиков вьючных животных, а также выполняли другие работы, связанные с продажей перевозившихся ими товаров. Они выступали то в качестве посредников по продаже порученных им для перевозки товаров, то в качестве непосредственных покупателей этих товаров, с условием уплаты товаровладельцу стоимости товаров после их продажи по цене, существующей в момент получения ими товаров от товаровладельца.

Чаще погонщики выступали в качестве компаньонов товаровладельцев на следующих условиях: определив стоимость товаров по существующей в данный момент цене, они обязывались доставить их в выгодное для продажи место с тем, чтобы вырученную сумму, за вычетом первоначальной стоимости товара, делить с товаровладельцем поровну. В таких случаях ответственность за сохранность и целостность товара, за возможные убытки от падения цен и так далее несли наряду с товаровладельцем и погонщики.

Аналогичные торговые взаимоотношения широко были распространены в Ираке не только между товаровладельцами и погонщиками, но также и между товаровладельцами и посредниками вообще.

[2] Bāba m^{e}ṣi'a, 83-a (в дальнейшем: BM); см.: Bāba ḳamma, 93-a, 98-a.
[3] BM, 83-a.
[4] BM, 73-в.

Смысл, содержащийся в приведенных выше постановлениях Раввы и Хамы, можно, следовательно, определить так. В первом постановлении говорится о данном Раввой толковании вопроса о взаимной ответственности товаровладельца и выступавших в качестве компаньонов погонщиков или посредников вообще: последние несут одинаковую с товаровладельцем ответственность при падении цен товара только в том случае, когда владелец товара предоставлял им полную свободу действия в отношении выбора места продажи товара; если же товаровладелец при заключении сделки указывал им определенное место, куда они обязаны доставить товар для продажи, вне которого они не имеют права его продавать, то в случае падения цен компаньоны не несут никакой ответственности, так как они были связаны предварительным условием товаровладельца и были лишены возможности реализовать товар своевременно, до наступления снижения цен.

Во втором постановлении речь идет о том, что погонщик или посредник вообще, которому кто-либо поручил купить для него какой-нибудь товар, в случае невыполнения им данного ему поручения до того, как вздорожал соответствующий товар, должен уплатить тому, кто дал ему это поручение, разницу между ценой, существовавшей к моменту их договоренности, и ценой, установившейся после вздорожания. Причем Р. Хама уточняет способ исчисления суммы полагающейся компенсации за причиненный убыток.

Оба вышеизложенных постановления относятся в одинаковой степени к купле-продаже любого товара, тем не менее в качестве примера предмета купли-продажи берется неизменно вино, что опять-таки может служить доказательством того большого места, которое вино занимало в экономике и товарообороте Ирака.

Какой же город подразумевался под названием Wwlšpṭ или Zwlšpṭ и где он был расположен? Исследователи и комментаторы указанного литературного памятника неизменно искали этот город в самом Ираке. Произвольно внося в начертание и чтение слова Wwlšpṭ различные изменения и исправления, они делали всевозможные догадки и предположения насчет месторасположения этого города.[5]

Не останавливаясь на разборе всех высказанных в соответствующей литературе соображений и догадок, укажу только на одну из последних по времени догадок такого рода и ее несостоятельность.

Яков Обермейер отождествляет Wwlšpṭ с иракским городом Сабāт, называвшимся персами Балас-Абад и находившимся на правом берегу Тигра, на расстоянии одного фарсаха ниже Бех-Ардашира.[6]

Законоположение первого из приведенных выше отрывков исходит из предположения, что с момента заключения договора о компаньонстве между товаровладельцами и погонщиком или посредником до прибытия последних в город Wwlšpṭ вино подешевело. Равва, автор этого законоположения, являлся главой талмудической академии в Махозе, где он и жил. Махоза была расположена к югу от Бех-Ардашира и находилась в непосредственной близости к нему, являлась как бы его предместьем. Поэтому было бы более чем странно предполагать возможность падения цен вина в столь короткий промежуток времени, который требовался для достижения Балас-Абада, находившегося от

[5] См., например: Adolphe Neubauer. La Géographie du Talmud. Paris, 1868, стр. 392, прим. 5.

[6] Jacob Obermeyer, ук. соч.

Махозы, как и от Бех-Ардашира, на расстоянии всего около 6 км. Странно было бы также предположить, чтобы в небольшом городе, находившемся в такой непосредственной близости к ряду крупных городов, как Бех-Ардашир, Ктесифон и Махоза, могли бы устанавливаться свои цены на вино и чтобы эти цены являлись конъюктурными для других городов. Совершенно непонятно было бы, почему Равва называл для примера малоизвестный город, а не Сикру, являвшуюся, как было указано выше, известным всем центром виноторговли и находившуюся в 8 фарсахах (около 48 км) от Махозы, резиденции Раввы.

Все поиски Wwlšpṭ в самом Ираке фактически не увенчались успехом. Иначе и не могло быть, ибо в действительности этот город находился за пределами Ирака. На это указал в свое время А. Берлинер в однострочном замечании в „Дополнениях и улучшениях" к своей монографии „География и этнография Вавилонии в Талмуде и Мидрашах".[7] Он довольствуется одним кратким замечанием: „Может быть это Valaschapat в Армении", не высказывая при этом никаких соображений по поводу своего предположения и не приводя никаких доказательств в его подтверждение и оправдание. Под Valaschapat А. Берлинер подразумевает армянский город Вагаршапат, называвшийся также Кайнеполем (Kaine polis), или „Новый город". Он был построен на месте старого поселения Вардгесавана сыном Санатрука Вагаршем, царствовавшим в Армении в эпоху римского императора Адриана (117—138 г.), и являлся столицей Армении приблизительно от 163 по 364—367 гг.[8]

Более чем через тридцать лет в пользу гипотезы А. Берлинера высказался А. Каминка в опубликованной им в 1902 г. заметке под заглавием „Виноторговля в Вавилонии и город Эчмиадзин в Талмуде".[9]

Высказанные нами выше соображения против предлагаемого Я. Обермейером отождествления Wwlšpṭ с иракским городом Сабāт могут служить доводами в пользу отождествления Wwlšpṭ с указанным городом Вагаршапат. Но главным неоспоримым доказательством этого служит, по нашему мнению, полное совпадение и тождественность названий Wwlšpṭ и Вагаршапат, так как форма Wwlšpṭ для передачи названия Вагаршапат вполне закономерна; те немногие изменения в произношении и начертании названия Вагаршапат еврейским алфавитом в еврейском литературном памятнике соответствуют звукопередаче как еврейским, так и армянским алфавитами.

Звук „г" в слове Вагаршапат обозначен по-армянски буквой (ղ), произносимой как арабская ġ, и транскрибируется через gh, ġ или l. Армянский звук, обозначаемый буквой ղ, передается на других языках буквой „л", точно так же звук „л" из других языков передается по-армянски буквой ղ. Так, например, звук „л" в словах: Александр, Албания, Соломон, Лазарь, Иерусалим, Псалмы и так далее — по-армянски передается буквой ղ. Звук „р" в слове Вагаршапат был в передаче еврейско-иракского памятника для легкости чтения опущен. Графические изменения в начертании названия Вагаршапата указанным источником могут быть объяснены также следующим образом: необычный для авторов источника армянский звук ղ был опущен, а „р" перешел

[7] A. Berliner. Beiträge zur Geographie und Ethnographie Babyloniens im Talmud und Midraschim. Nachträge und Verbesserungen, Berlin, 1884, стр. 66.

[8] См.: Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.—XV в. н. э.). Эривань, 1930, стр. 92, 93.

[9] A. Kaminka. מסחר היין בבבל והעיר אשמיאדין בתלמוד. „Ha-Šilōaḥ" (השלוח), VIII, 1902, 479.

в „л“ — вполне обычное явление в еврейском языке, где буквы „л“ и „р“ часто заменяют друг друга. Такое явление мы находим также в арамейско-талмудическом диалекте, особенно при передаче из других языков. Например, персидское звание اَرْكَپَت (вице-король) варьирует в „Вавилонской Гемаре“ то в форме 'alḳapṭa, то в форме 'arḳapṭa.

Таким же путем мы можем найти объяснение сохранившегося в еврейско-арамейском лексиконе Натана Римского 'Aruk варианта Lwlšpṭ“,[10] первое „л“ вместо армянского ղ, второе „л“ вместо „р“, начальное „в“ было во избежание двух „л“ подряд перемещено после первого л“. Что же касается варианта Zwlšpṭ во втором из приведенных выше отрывков, то мы уже указали, что он является вероятнее всего результатом ошибки переписчика списка, который послужил оригиналом для печатного издания еврейского памятника. Правильность этого нашего предположения вполне подтверждается тем, что в Мюнхенской рукописи „Вавилонской Гемары“ и во втором отрывке написано Wwlšpṭ, а не ղwlšpṭ.[11]

С отождествлением Wwlšpṭ еврейского литературного памятника с армянским городом Вагаршапат приведенные выше данные приобретают значительную ценность для истории экономики Армении первых веков нашей эры. Мы находим в них двойное свидетельство оживленных торговых связей между Арменией и Ираком. Первый отрывок говорит вполне определенно о том, что из Ирака возили в Вагаршапат вино для продажи, что Вагаршапат являлся центром виноторговли; второй отрывок свидетельствует как о близких армяно-иракских отношениях, так и о том, что Вагаршапат являлся столь важным международным центром по купле-продаже вина, что устанавливавшиеся там цены на вино являлись конъюктурными далеко за пределами этого города, даже для сравнительно далекого Ирака.

Армения имела свое собственное вино и не нуждалась в привозном, экспортируемом извне. Следовательно, ввозившееся из Ирака в Вагаршапат вино шло не на потребление местного населения, а отправлялось через Черное море дальше в направлении северо-запада. Вагаршапат являлся, таким образом, крупным перевалочным пунктом, посредником в международном масштабе между юго-востоком и северо-западом.

Все это полностью согласуется с историческими данными как об экономическом развитии Армении в рассматриваемое нами время, ее роли в международном товарообороте, так и о возникновении Вагаршапата и его значимости.

„Во время завоевательных походов Траяна (в 115—117 гг.), — говорит Я. А. Манандян, — были разрушены, как известно, южные торговые центры — Селевкия на Тигре, Низибин и Эдесса. С разрушением этих торговых городов должны были, несомненно, усилиться торговые сношения на северной магистрали через Экбатан—Арташат. Таким образом, благодаря временному перемещению южных торговых путей Армения приобретала в международной сухопутной торговле первостепенное место. Естественно поэтому, что эпоха, непосредственно следовавшая за Траяном, была благоприятна как для экономического роста Армении, так и для возникновения в ней городов. Мне кажется, этим именно обстоятельством и можно объяснить возникновение Вагаршапата, ставшего позднее столицей Армении“.[12]

[10] Alexander Kohut. Aruch comletum, V. Viennae, 1878—1892 (в 8 томах).
[11] Raphail-Natan Rabinowitz. Dikduḳe sopherim (traktat BM, 73-b), т. XIII, München, 1883, стр. 206.
[12] Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 94.

А. Тер-Гевондян

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ДВИНСКОГО ЭМИРАТА В АРМЕНИИ

В период арабского владычества три страны Закавказья — Армения, Картли и Арран (Албания) — были объединены в одну административную единицу — „Арминия“.[1] Эта провинция получила такое название не случайно. Арабы в первую очередь узнали Армению, которая для них имела большое стратегическое значение, особенно в борьбе против хазар. Себеос, армянский историк VII в., сообщает, что при халифе ʿOсмāне, согласно договору 652 г. между спарапетом Армении Теодоросом Рштуни и представителем халифата Муʿāвией, для обеспечения совместной борьбы стран Закавказья с хазарами под власть князя Рштуни были переданы „Армения, Картли, Арран, Сюник до Капкоха (Кавказские горы) и Чора Пахака (Дербент)“.[2] Эта борьба против хазар продолжалась и при другом князе Армении — Григоре Мамиконяне (661—682), который сам погиб в этой войне.

Однако власть халифов окончательно установилась в Закавказье только при ʿАбд ал-Малике (685—705), когда его брат Муҳаммад ибн Мрвāн подчинил Армению, Картли и Арран, и с этого времени арабские эмиры, или правители, которые армянскими историками называются остиканами, уже имели своей постоянной резиденцией Двин. В самом начале VIII в. в Двине уже существовал монетный двор, о котором говорят сохранившиеся дирхемы двинского чекана с обозначением „Армīнийа“ и „Дабīл“ (Двин).[3]

Кроме этого, город был восстановлен при правителе ʿАбд ал-ʿАзīзе (706—709). Историк VIII в. Гевонд (Леонтий) сообщает, что „он (ʿАбд ал-ʿАзīз) вновь построил город Двин сильнее и обширнее по величине, чем он был раньше, укрепив его воротами и запорами, окружил городские стены вырытым рвом и наполнил его водой для защиты крепости“.[4]

Кроме Двина, в Арминии особое значение имели еще города Барда и Тбилиси, где находились представители двинского остикана.

[1] По арабским источникам, Арминия была разделена на четыре части: Аррāн, Джурзāн, т. е. Картли, Восточная Армения, т. е. Двин, Васпуракан и Западная Армения.
[2] История епископа Себеоса. Ереван, 1939, стр. 146 (на древнеарм. языке).
[3] В. Тизенгаузен. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873, стр. 323—324, 328.
[4] Гевонд. История. СПб., 1887, стр. 36 (на древнеарм. языке).

Следует отметить, что многие исследователи, изучавшие историю Армении арабского периода, считали только Двин столицей Арминии до конца арабского владычества в Закавказье. Исходя из этого, Тизенгаузен относит все арабские монеты с неясным обозначением Арминии только к двинскому чекану.

Однако более тщательное изучение периода арабского владычества в Закавказье привело к выводу, что вопрос о столице Арминии стоит иначе. У армянских историков — Гевонда (VIII в.) и Моисея Каланкатваци — есть косвенные упоминания о том, что при Аббасидах, начиная со второй половины VIII в., эмиры Арминии[5] имели резиденцию еще и в Барде, которая приобрела в это время большое значение.

Благодаря борьбе против хазар,[6] которая еще более обострилась во второй половине VIII в., роль Барды возросла. С этого времени, вероятно, начинается и чеканка монет в Барде, ибо самая ранняя из дошедших до нас монет, выпущенных монетным двором Барды, датируется 142 г. хиджры (759/60).[7] Л. Ташчьян, специально занимавшаяся историей Барды, считает, что уже в первой половине VIII в. Барда являлась большой крепостью-городом и одной из крупных военно-политических баз халифата, и добавляет, что наместники халифа отсюда предпринимали походы против хазар.[8]

Важно отметить, что если исследователи в прошлом считали Двин единственной резиденцией эмира Арминии до конца арабского владычества, то в последнее время в историографии возникла мысль, что Двин в последнее десятилетие VIII в. и в IX в. окончательно перестал быть резиденцией и что эмиры Арминии имели резиденцию только в Барде.[9] Здесь следует подчеркнуть два важных момента. Во-первых, нужно отметить, что превращение Барды в резиденцию правителей не произошло внезапно, а постепенно, в течение второй половины VIII в., и, во-вторых, при Аббасидах Двин не терял своего значения и никогда не был городом, где находились бы заместители эмира Арминии. Начиная со второй половины VIII в. и до последней четверти IX в. Двин и Барда одновременно являлись двумя резиденциями наместников халифа.

Трудно установить точное время превращения Барды в резиденцию правителя Арминии. У Гевонда есть сведения о том, что после подавления восстания армян 774—775 гг. против халифата эмир Арминии Сулайман (788—790) поселился в Партаве (т. е. в Барде).[10] Наверно, с этого же времени Барда уже стала резиденцией правителя Арминии.

Из сведений Гевонда и Моисея Каланкатваци[11] был сделан неправильный вывод о том, что Двин не только перестал быть резиденцией наместника халифа, но даже там был образован местный эмират, который в IX в. приобрел самостоятельность.[12]

[5] Об остиканах Арминии периода Аббасидов см: R. Vasmer. Chronologie der arabischen Statthalter von Armenien unter den Abbasiden. Wien, 1931.

[6] R. Grousset. Histoire de l'Arménie. Paris, 1947, стр. 336—338, 339—340.

[7] Е. А. Пахомов. Монеты Барды. Изв. АзФАН СССР, вып. 4, 1944, стр. 68.

[8] Л. Ташчьян. Средневековая Барда в период расцвета. Изв. АН Аз.ССР, вып. 9, 1946, стр. 53.

[9] См.: История СССР, ч. IV, М., 1939, гл. 2; История армянского народа. Ереван, 1956, стр. 173 (на арм. языке); История Азербайджана. Баку, 1958, стр. 109.

[10] Гевонд, ук. соч., стр. 166. А. Шахназарян, составивший исторический очерк Двина, не дает ясного ответа на этот вопрос. Временем превращения Барды в резиденцию он считает приблизительно начало IX в. (Двин. Ереван, 1940, стр. 102—107).

[11] Моисей Каланкатваци. История Албании. Тбилиси, 1912, стр. 372—373 (на древнеарм. языке).

[12] История армянского народа, стр. 179.

Дело в том, что в первой половине IX в. некоторые эмиры Армении стремились к захвату Двина и к образованию там местного эмирата. Эти стремления являлись частью движения мутагаллибов[13] в Закавказье — восставших эмиров против представителей власти халифа.

Во время восстания Бабека (816—837) в Атрпатакане восстали также и эмиры рода Джаххафа,[14] укрепившиеся в конце VIII в. на юго-западе Армении. Первый из них — Джаххаф — был женат ни сестре Мушега Мамиконяна, главы восстания 774—775 гг. Историк XIII в. Вардан сообщает, что благодаря этому браку Джаххаф хотел установить свою власть не только над обширными владениями Мамиконянов, но и над всей Арменией.[15] Однако не сумев завладеть владениями ослабевших Мамиконянов, которые уже захватили князья Багратуни, Джаххаф вместе со своим сыном ʿАбд ал-Маликом в 813 г. занял Двин. Восставшие даже осадили Барду, но новый эмир Арминии Сулайман ал-Хашими отстоял город и затем с помощью князей Багратуни подавил восстание Джаххафа и его сына ʿАбд ал-Малика, который был убит самими горожанами Двина. Борьбу Джаххафа за овладение новыми областями продолжили его внук Савада ибн ʿАбд ал-Хамид[16] и сын последнего Джаххаф.[17] Однако ни одному из них не удалось захватить Двин или же прочно укрепиться в какой-нибудь из областей Армении, и, наконец, Джаххафиды потерпели сильное поражение от князей Багратуни и эмиров Арминии.

Предположение о том, что в Двине к середине IX в. был образован местный эмират, не соответствует действительности, ибо тогда были бы известны хотя бы имена этих местных эмиров. Армянские источники неоднократно упоминают о том, что в IX в. остиканы (эмиры Арминии) пребывали в Двине, так как в этот период вместе с Бардой Двин также являлся резиденцией представителей халифа. Тома (Фома) Арцруни, армянский историк X в., в составленной им истории рода Арцруни рисует ясную картину тогдашнего положения Двина. Вот его рассказ о том, как остикан Арминии ʿИса ибн аш-Шайх (870—878) оставил в Партаве (Барде) своего заместителя и сам покинул страну: „Но сын Шейха, вступив в Партав, оставил там градоправителем одного из преданных ему людей, некоего Яманика. А тот вышел из покорности своему государю вместе с главарями города. И Иса (сын Шейха, — *А. Т.*) год вел войну против города со всеми армянскими нахарарами и, уловив случай, возвратился в Сирию. И это произошло дважды. Яманик думал напасть на армян, желая захватить страну армян. Поняв его гадкие намерения, армянские князья с общего согласия пишут ко двору и просят назначить Ахмата сына Халта (в качестве остикана, — *А. Т.*). Ибо Яманик письма и посланцев одного за другим к князьям нашей страны посылал, предлагая себя правителем армян, утаивая свое предательское намерение истребить всех армянских князей, особенно первенствующего над всеми князя князей Ашота. Но вождь арабов (халиф, — *А. Т.*), принимая во внимание желание армян, посылает к ним вышеупомянутого

[13] См.: П. К. Жузе. Мутагаллибы в Закавказье в IX—X веках. Матер. по ист. Грузии и Кавказа, вып. III, Тбилиси, 1937, стр. 169—183.

[14] Markwart. Südarmenien und die Tigrisquellen. Wien, 1930, стр. 501—504.

[15] Вардан. Всеобщая история. М. 1861, стр. 105—107 (на древнеарм. языке).

[16] Иоаннес Католикос Драсханакертци. История. Ерусалим, 1867, стр. 144—145 (на древнеарм. языке).

[17] Асогик Степаннос Таронеци. Всеобщая история. СПб., 1885, стр. 110 (на древнеарм. языке).

Ахмата сына Халта. И когда он вошел в селение Датуан, которое считалось их родовой вотчиной, поднялись князья армян со своих мест, пошли ему навстречу — Дераник, государь Гагик, государь Григор и также государь Григор князь Васпуракана, Ашот Куропалат князь армян, Мушег князь Мокса, Шапух, брат князя князей, и Аплбар (Абу-л-Вард, — *А. Т.*) Кайсик, властитель Апахуника, и некоторые другие. Все они поехали вооруженные в доспехах и со многими щедрыми подарками, дабы сопровождая его, ввести в город Двин. Но Яманик, Ахмат и Аплбар и другие из мусульман совместно обдумали это же в своих злых целях.

„И пишет (Ахмат, — *А. Т.*) письмо к Яманику: «Как я войду в город Двин и царские налоги возьму, то не стану внушать недоверие армянским князьям, с тем, чтобы они приехали ко мне. А ты, притворяясь, что нападаешь на меня, собирай войско и нападай на меня, и мы вместе наложим руку на них и уберем их из владений Армении»".[18]

Если бы в 878 г., когда происходили эти события, в Двине уже был местный эмир, то как бы он мог остаться безразличным ко всему происшедшему? Тома довольно подробно рассказывает об этих событиях, но не упоминает никакого эмира Двина. Он должен был бы упомянуть его хотя бы тогда, когда он перечислял всех принимавших участие в встрече нового остикана, который направился именно в Двин, особенно тогда, когда описывает, как новый остикан (Аḥмад) вошел в Двин и начал там строить козни против Ашота Багратуни.

Сразу же после убийства Халифа Мутаваккила (861 г.) Арминия приобрела самостоятельность. Ашот Багратуни в 862 г. был назначен князем князей[19] и стал независимым правителем. В 886 г. Халиф Му'тамид (870—892) прислал ему царскую корону,[20] хотя Арминия и продолжала платить дань халифату.

В первой половине IX в. Двин постепенно подпадает под влияние рода Багратуни, и при Ашоте I он уже совсем перешел под их власть. Об этом свидетельствует арабский географ X в. Ибн Ḥауḳал:[21] „Был город (Дабил) в давние времена в руках Синба̄та ибн Ашӯта, царя армян и его предков".[22] Однако Ашот I не стремился сделать Двин столицей своего нового царства, предпочитая иметь столицу в своих центральных владениях — в Багаране.[23] Таким образом, в конце 80-х годов Двин перестал быть столицей Армении. Там больше не было представителей халифа, и в то же время этот город не являлся резиденцией нового царя. Это новое положение Двина способствовало тому, что в нем получили развитие и новые устремления, направленные на образование в нем независимого эмирата.

При Смбате I, когда обострились отношения между ним и Афшйном Саджидом, братья Муḥаммад и Умаййа (неизвестного рода), правители Двина закрыли перед царем городские ворота, когда он приблизился к ним, и тем самым подняли против царя восстание. По всей вероятности, их власть была установлена после того, как Двин окончательно перестал быть столицей, даже можно сказать, что в период междоусобицы между Смбатом и его дядей Абасом. Муḥаммад и Умаййа считались вассалами Смбата Багратуни, между ними и царем было заключено особое соглашение о их вассальном подчинении армянскому царю. Историк Иоаннес пишет, что Смбат был возмущен тем, что, „согласно прежде установленному порядку, он не нашел их единодушными в подчинении ему".[24]

Смбат не хотел примириться с этим, он покорил город и взял в плен обоих братьев. Но после длительной борьбы между Смбатом и эмирами Атрпатакана, которая продолжалась до конца правления преемника Смбата — Ашота II (914—928), Двин вошел в состав владений эмиров Атрпатакана, и до Гагика I (990—1020) царям Багратуни не удалось восстановить свою власть над городом.

Со времени взятия Двина Афшйном Саджидом начинается период эмирата в Двине. Почти весь X в. Двин управлялся главным образом представителями Саджидов, Саларидов и других эмиров Атрпатакана.

Образование других эмиратов в Закавказье происходило иным образом, нежели в Двине. Например, в Картли на основе бывшей арабской области Джурза̄н (в провинции Арминии) образовался наследственный эмират с центром в городе Тбилиси. Такими же были Ширванский и Дербентский эмираты.[25]

Кроме того, эти эмираты принадлежали к местной династии независимых (или полузависимых) эмиров, которые передавали свою власть по наследству, как например эмиры рода Банӯ Джа'фар в Тбилиси, которые даже чеканили свою монету,[26] и Кайситы в Апахунике (Маназкерт).

В отличие от этого Двинский эмират образовался не на основе какой-либо бывшей области провинции Арминии, а просто был создан Саджидами и служил в руках Саджидов и затем Саларидов опорой в борьбе против царей Багратуни.

Саджиды ловко использовали противоречия между двумя сильнейшими нахарарскими родами Армении IX—X вв. — Багратуни и Арцруни. Именно благодаря этой противоположности интересов и разделению единого царства Смбата I на две части Саджидам удалось овладеть той частью долины Аракса, в которую входят города Нахчаван и Двин.

Эта противоположность интересов ясно обнаруживается в свидетельствах двух историков начала X в. — Иоаннеса Католикоса и Томы (Фомы) Арцруни. Первый из них — католикос и сторонник Багратуни, а второй — сторонник Арцруни. Тома, говоря о попытке Йӯсуфа Саджида овладеть Арменией, которая происходила при Смбате I и для чего использовались тщеславные устремления Гагика Арцруни, не только оправдывает предательство Гагика, но еще и обвиняет Смбата, царя Армении, в том, что он не хотел пойти путем мира.[27]

Когда же Йӯсуф для ослабления страны венчает на царство в Армении также Гагика, Тома считает это справедливым, ибо, по его мнению, Гагик — единственный человек, способный управлять Арменией. Говоря о царе Армении Абасе (928—953), Тома называет его лишь „Абасом сыном Смбата", когда же речь заходит о Гагике Арцруни, то его он называет „Великим царем армян".

---

[18] Тома Арцруни. История рода Арцруни, стр. 352—353 (на древнеарм. языке).
[19] Иоаннес, стр. 169.
[20] Там же, стр. 174—176.
[21] Opus Geographicum auctore Ibn Haukal, II, ed. Kramers, Lugd. Bat., 1939, стр. 343.
[22] Без сомнения, он имеет в виду Ашота I.
[23] Иоаннес, стр. 181.
[24] Там же, стр. 202.
[25] Очерки по истории Азербайджана. Изв. АН Аз. ССР, 1946, № 1, стр. 58
[26] Д. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 49.
[27] Тома Арцруни, ук. соч., стр. 65—66.

Иоаннес в свою очередь говорит о Гагике презрительно, называет его „поставленный на царство".[28]

Поскольку Двинский эмират не был образован по инициативе местных эмиров, то ясно, что не могло быть и речи о наследственном владении им. В X в. Двином правили эмиры из различных княжеских родов. Иоаннес упоминает следующих представителей Саджидов: Дйвдāда (сына Афшūна), Наср а и Башūра.

К сожалению, нам неизвестны имена местных правителей при Саларидах, власть которых с перерывами распространялась на Двин с 941/42 по 80-е годы.[29] С 948 по 954 г., когда эмир Атрпатакана Саллāр Марзубāн был в плену, Двином завладели Фадл ибн-Джа'сфар ал-Ҳамдāни, Ибрāхūм ибн-ад-Дāбби,[30] Дайсам (во второй раз)[31] и, наконец, Муҳаммад ибн-Шаддāд (951—954). Царь Армении Ашот III (953—977) тоже пытался овладеть Двином, но безуспешно.[32]

В 982 г. Абӯ-л-Хайджā (последний Саларид в Двине) захватил Двин, который затем перешел в руки Абӯ-Дулафа, владетеля Голтна.[33] Они были последними мусульманскими владетелями Двина в X в., потому что в 90-х годах X в. город вошел в состав владений Гагика I Багратида (990—1020), когда тот присоединил к своему царству все армянские земли, находившиеся на севере от Аракса.

Судьба Двина в X в. тесно связана с общим положением в Закавказье.

После ослабления халифата в разных областях арабской империи возникли независимые государства. В Закавказье в IX в. и в особенности в X в. сложились следующие государства: в Арране и в находящихся к северу от Аракса прикаспийских областях — эмираты Ширвана, Ганджи, Дербента и Албанское царство (Шакй); в Грузии — царства Багратидов и Абхазия, а также княжество Кахетии и Тбилисский эмират; в Армении (после разгрома могущественного царства Смбата I) возникли царства Багратидов (Анийское, Карсское и Ташир — Дзорагетское), Арцруни (Васпуракана), Сюника и княжество Таронских Багратуни, эмират Кайситов (и затем Марванидов) в Маназкерте, эмират в Голтне и др.

Во всей этой мозаике маленьких царств, княжеств и эмиратов выделялось два крупных города, которые играли большую роль в торговле Среднего и Ближнего Востока, — Двин[34] и Барда. В этих городах не возникли и не могли возникнуть местные наследственные эмираты, хотя к этому и было сделано много попыток. Эти города были бывшими столицами провинции Арминии, и со времени ликвидации этой провинции к концу X в. и до 90-х годов X в. (приблизительно) они принадлежали эмирам Атрпатакана (Саджидам, Саларидам и др.). В бардинском монетном дворе чеканились монеты[35] Саджидов, их преемника Муфлиҳа

[28] Иоаннес, стр. 266.
[29] См.: Minorsky. 1) Studies in Caucasian History, стр. 110—124; 2) Musafirids (Enc. of Isl.); Касравӣ. شهریاران گم نام, т. I. Тегеран, 1928, стр. 89—117.
[30] Ибн Мискавайх, II. ed. Amedroz, 1920, 149.
[31] В первый раз Дайсам овладел Двином в 30-х годах X в. См.: А. А. Быков. Дайсам ибн Ибрāхūм ал-Курдӣ и его монеты. Эпиграфика Востока, X, 1955, стр. 29.
[32] Minorsky. Studies... (араб. текст), стр. 5.
[33] А. Тер-Гевондян. Двин при Саларидах. Изв. АН Арм. ССР, общ. науки, 1956, № 12, стр. 87—88 (на арм. языке).
[34] А. Манандян. О торговле и городах Армении. Ереван, 1954, стр. 233—253.
[35] Е. А. Пахомов, ук. соч., стр. 68—69.

и Саларидов. Из двинских монет, опубликованных в печати, известны монеты Саджидов[36] и одна монета Дайсама.[37]

К концу X в. усилились Багратуни в Армении (при Гагике I) и затем (после смерти Гагика I) Шаддадиды в Арране. Гагик I занял Двин, а Барду, переживавшую период упадка, — Шаддадиды. После смерти Гагика I Двин тоже был занят Шаддадидами.

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Со времени правления Аббасидов усилился Партав (Барда), а после неудачного восстания армян 774—775 гг. город стал административным и военным центром Арминии. Двин остался в основном второй столицей Арминии. Там не мог бы существовать такой местный правитель, как например тбилисский эмир.

2. Эмиру Джахапу (Джаҳҳāф) не удалось вместе со своим сыном ʿАбд ал-Маликом захватить Двин и сделать его своим владением. Город постепенно подпадал под власть Багратидов. Последняя попытка образовать в Двине самостоятельный эмират (IX в.) была сделана братьями Умаййей и Муҳаммадом, но безуспешно.

3. После разгрома могущества Смбата I Багратуни под давлением Саджидов в 890-х годах в Двине был создан эмират, который не был наследуемым. Двин и Нахчаван в Армении были для Саджидов и Саларидов такими же опорными пунктами, какими были для них Барда и Байлакан в Арране.

4. Ослабление Атрпатакана при Раввадидах и усиление армянского царства при Гагике I положили этому конец, и все армянские земли севернее Аракса были объединены.[38] В это время торговым центром Армении стал город Ани — столица Армянского царства, заменившая Двин.

5. Только после смерти Гагика I Шаддадид Фадл I (985—1031) смог овладеть Двином. В Двине был установлен первый наследственный эмират (с 1022 г. приблизительно по 1130 г., с перерывом), во главе которого стояла двинская ветвь Шаддадидов (Абу-л-Асвāр, Абӯ Наср).

В 1130 г. Двин был взят эмиром Битлиса Куртом. В 1162 г. эмиры Атрпатакана (Иранского Азербайджана) — Ильдегизиды вновь превратили город в опорный пункт для проникновения в Закавказье. В 1203 г. армяно-грузинские войска заняли Двин, который стал владением Иванэ Атабека. Город сильно пострадал от нашествия Джалāл ад-Дūна (1225 г.) и, наконец, в 1236 г., во время нашествия монголов, был сильно разрушен.

[36] Р. Фасмер. О монетах Саджидов. Изв. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, 1927, № 5.
[37] См.: А. А. Быков, ук. соч., стр. 14—19.
[38] Это положение очень ясно показано в Атласе истории армянского народа С. Еремяна (Ереван, 1952). См.: А. Тер-Гевондян. Хронология города Двина в IX—XI вв. Изв. АН Арм. ССР, общ. науки, 1957, № 10, стр. 96 (на арм. языке).

А. Г. Шанидзе

НАЗВАНИЯ „ОРЛА“ В ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Древнелитературным грузинским названием царя птиц, как это видно из текста Евангелия, переведенного на грузинский язык, видимо, еще в IV в., является ორბი (orb-i). Правда, до нас не дошло древних списков этого памятника, но есть датированные рукописи IX, X и последующих веков, равно как фрагменты из более древних списков (V—VIII вв.).

Хотя в поздних списках многое исправлено, изменено или заменено, но, по-видимому, название „орла“ осталось нетронутым. В одном месте читаем: სადაც იყოს მძორი, მუნცა შეკრბეს ორბები ‘где падаль, там и соберутся орлы’ (Мф., 24, 28). Та же мысль выражена и в другом месте: სადაც კორცნი, მუნცა ორბები შეკრბეს ‘где труп, там и соберутся орлы’ (Лук., 17, 37).

К первым переводным грузинским книгам относится и Псалтырь. Здесь читается фраза, часто цитируемая в христианской литературе: განახლდეს ვითარცა ორბისა სიჭაბუკე შენი ‘обновится юность твоя, как у орла’ (Пс., 102, 5).

Другие древнегрузинские тексты также для обозначения „орла“ знают только ორბი (orb-i). Так, например, в уцелевших частях книг Ветхого Завета по Ошкской рукописи 978 г., хранящейся в Иверском монастыре на Афоне, в качестве названия царя птиц фигурирует только ორბი (orb-i) (см.: Исх., 19, 14; Лев., 11, 13; II Цар., I, 23; Иов., 9, 26; Пр., 23, 5; 24, 24; 30, 17; 19; Ис., 40, 3; Иер., 4, 13; 49, 16; Иез., 1, 10; 17, 3; Дан., 7, 4; Ос., 8, 1; Авд., 1, 4; Мих., 1, 16; Авв., 1, 8).

Кроме того, ორბი (orb-i) встречается и в других памятниках X в., каковы „Поучения отцов“, один из списков которого изготовлен до 943 г.,[1] в некоторых статьях „Шатбердского сборника“, переписанного около 970 г., в „Физиологе“,[2] в „Толковании Песни песней“ Ипполита,[3] в статье „О драгоценных камнях“ Епифания Кипрского[4] и др.

[1] Поучения отцов по рукописям X и XI веков. Издал Илья Абуладзе (= Памятники древнегрузинского языка, 8). Тбилиси, 1955, стр. 151, 27; 199, 12 (на груз. языке).

[2] В главе 9-й и 22-й. См.: Изд. Н. Марра. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, VI, СПб., 1904, стр. 11—13 и 29.

[3] См.: Изд Н. Марра. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, III, СПб., 1901, стр. 30 груз. текста, 8, 81.

[4] Epiphanius. De gemmis. Ed. by R. P. Blake and Henry de Vis (= Studies and Documents, II). London, 1934, стр. 17, 18, 46, 47, 53.

С X в. в значении „орла“ появляется уже другое слово — არწივი (arçiv-i), которое постепенно вытесняет слово ორბი из литературного языка. Одним из первых, кто ввел новое название „орла“ в литературную практику, был Евфимий Афонский, скончавшийся в 1028 г. В переведенном им с греческого на грузинский язык „Апокалипсисе“ Иоанна Богослова[5] название „орел“ дважды обозначено словом არწივი (arçiv-i). Приведем примеры: და მეოთხე ცხოველი მსგავსი არწივისა მფრინველსა ‘и четвертое животное, подобное летающему орлу’ (Апок., 4, 7); და მიეცნეს დედაკაცსა მას ორნი ფრთენი არწივისანი ‘и даны были той женщине два крыла орла’ (Апок., 12, 14).

В дальнейшем არწივი (arçiv-i) становится все более и более употребительным в литературе, проникая даже в библейские книги, подвергшиеся ревизии или новому переводу в XII в. Так, არწივი видим в следующих местах Пророков по Московскому изданию 1743 г., а отсюда и в Тбилисском издании 1884 г.: Ис., 40, 31; Иер., 4, 13; 17, 3; 27, 40; 49, 16; Плач, 4, 19; Иез., 1, 10; Дан., 7, 4; Ос., 8, 1; Авд., 1, 4; Мих., 1, 16.

Интересно сопоставить несколько мест старых переводов ветхозаветных книг по рукописи 978 г. (= A) с теми же местами по переводам (resp. заново отредактированным книгам) XII в., наличным в Московском издании (M) грузинской Библии 1743 г. [а отсюда и в Тбилисском издании (T) 1884 г.]. Для ясности понимания в русском переводе удерживаем соответствующие грузинские названия „орла“:

A	MT
უმჯობს ორბთა ცხენნი მისნი ‘быстрее орбов их кони’ (Иер., 4, 13)	უსუბუქესნი არწივთასა ცხენნი მათნი ‘легче арцивов их кони’
და ფრთენი ესხნეს ვითარცა ორბისანი ‘а крылья ее (львицы) были как орбские’ (Дан., 7, 4)	და ფრთენი ვითარცა არწივისანი ‘а крылья как арцивские’
ვითარცა ორბი სახლსა ზედა უფლისასა ‘как орб над домом господа’	ვითარცა არწივი სახლსა ზედა უფლისასა ‘как арцив над домом господа’
და ფრინვიდენ ვითარცა ორბნი გულს-მოდგინედ ჭამად ‘и будут летать старательно, чтобы есть, как орбы’ (Аввак., 1, 8)	და ფრინვიდენ ვითარცა არწივი გულს-მოდგინე ჭამად ‘и будут летать, как старательный арцив, чтобы есть’

Отсюда видно, что слово არწივი (arçiv-i) вытесняет равнозначное ему слово ორბი (orb-i) в Библии, но не везде (см., например: Исх., 19, 4; Лев., 11, 13; Второзак., 14, 13; II Цар., 1, 23; Пр., 30, 19 и др.).

В своей записи к Тбетскому четвероглаву заказчик его Павел Мтбевари (Тбетский), сравнивая царя Георгия III (1156—1184) по могуществу со львом, а по быстроте с орлом, употребляет не ორბი (orb-i), а არწივი (arçiv-i) (და მიანიჭა ღმერთმან ძუსა მათსა გიორგის მეფობა, ლომთა უმჯნესსა და არ-

[5] До нас дошел один список этого памятника, датированный 978 г.; см.: К. Кекелидзе. История древнегрузинской литературы, I. Тбилиси, 1951, стр. 170 (на груз. языке).

წივთა უმაღლესსა 'и даровал бог царствование его[6] (Димитрия) сыну Георгию, кто могущественнее львов и быстрее орлов'.[7]

Историк царицы Тамары Басили Эзосмодзгвари в своем историческом труде, написанном в 1211—1213 гг.,[8] стремительность грузинских войск сравнивает дважды с быстротой орлов и оба раза употребляет არწივი (arçiv-i) (ვითარ არწივთა მიმართეს და ვითარ ვეფხთა ეკუეთნეს '[грузинские войска] наступили как орлы, и атаковали, как тигры';[9] ვითარ არწივთა კაკაბნი, ეგრეთ დანაბნიან ყოველნი წინააღმდგომნი — 'подобно тому, как орлы куропаток, так и они заставляли всех противников притаить дыхание и не шевелиться)'.[10]

Тем не менее название „орла", как ორბი (orb-i), продолжает еще существовать в светской литературе. В поэме Руставели „Витязь в тигровой шкуре" царь птиц упомянут два раза, но назван разными именами: в одном стихе стоит არწივი (arçiv-i), а в другом — ორბი (orb-i). Когда Автандил в первый раз подъехал к пещере, где находилась оставленная Тариелем Фатма, та выбежала к нему навстречу, полагая, что вернулся Тариель, но, не узнав во всаднике Тариеля, ужаснулась и поспешила обратно с криком. Автандил же спешился, догнал и, схватив ее, остановил. Но Фатма

მას ყმასა თავი არ მისცა, ჭვრეტადცა ებილწებოდა,
ვითა კაკაბი არწივსა ქუეშე მი და მო ძრწებოდა
ტარიელს ვისმე ეძახდა მწედ, თუცა არ ემწებოდა (232, 1—3)

'не сдалась рыцарю; ей противно было даже смотреть на него, билась туда и сюда, как куропатка под орлом [არწივი (arçiv-i)], и звала на помощь какого-то Тариеля, хотя от него помощи не было'.

В другом месте читаем:

მათ ლაშქართა ყოლბსა შუა ორბი სითმე
გაღმოფრინდა (980, 1).

'Посреди круга тех войск откуда-то пролетел орел' [ორბი (orb-i)].

В грузинском стихотворном переводе персидского национального эпоса „Шах-намэ" Фирдоуси слово ორბი (orb-i) встречается чаще (строфы 865, 4; 1374, 2; 2036, 4; 2283, 1; 2643, 1), чем არწივი (arçiv-i) (строфы 523, 1; 1608, 3; 2468, 1). Едва ли позволительно думать, что эти названия употреблены здесь в разных значениях, хотя нельзя не отметить, что издатель первого тома этого перевода, известный руставелист проф. Ю. Абуладзе и думает, что ორბი (orb-i) — это есть (მომცრო არწივი მცოცებელი ფრინველია როგორც ძერა) 'малый орел, хищная птица, как коршун'.[11]

Не оспаривая вообще возможности дифференциации значений слов ორბი (orb-i) и არწივი (arçiv-i), я сомневаюсь только, чтобы в указанных строфах они имели разные значения.

---

[6] В оригинале стоит მათსა ძესა 'их сыну' (вместо მისსა ძესა), что является вежливой формой (pluralis majestatis).

[7] Е. Такайшвили. Тбетское четвероевангелие XII в. Матер. по археол. Кавказа, XII, 1909, стр. 154 (текст) и стр. 155, рис. 102 (фотокопия рукописи).

[8] Басили. Жизнь царя царей Тамары. Тбилиси, 1944. Предисловие И. Джавахишвили, стр. 5 (на груз. языке).

[9] Там же, стр. 21.

[10] Там же, стр. 23.

[11] შაჰნამეს ანუ მეფეთა წიგნის ქართული ვერსიები (Грузинские версии Шах-намэ, или Книги царей), т. I. Тифлис, 1916, стр. 821.

Важно проследить употребление и значение каждого из этих названий по более поздним письменным памятникам (XVII—XVIII вв.), а также в современных диалектах грузинского языка. Ограничусь примером из поэмы Ильи Чавчавадзе (1837—1907) „Гандегили" („Отшельник"), где говорится:

სადაც დიდებულს მთასა მკინვარსა
ორბნი, არწივნი ვერ შეჰხებიან,
სად წვიმა-თოვლნი, ყინულად ქმნილნი
მზისგან არიდეს არა ღნებიან.

'Там, где величественной горы Мкинвари (Казбек) не могут коснуться орбы, арциви; там, где дождь и снег, обращаясь в лед, никогда не тают от солнца'.

В данном случае трудно судить, употребляет ли поэт эти слова синонимически или в разных значениях. Нам известно только, что из двух слов, обозначающих „орла", одно является грузинским [ორბი (orb-i)], а другое — заимствованным [არწივი (arçiv-i)].

Грузинскому ორბი (orb-i) в мегрельском соответствует ობრი (obr-i 'орел, кондор'[12]), где налична перестановка плавного რ (r), как это имеет место и в других случаях, ср. ჰერტე (ṗerṭe) ← ჰეტრე (ṗeṭre 'Петр'); ორქო (orko) ← ოქრო (okro 'золото'); ერტი (erṭi) ← ეტლი (eṭli 'зодиак, судьба') и т. п. Что же касается сванского,[13] то в нем имеем ჭერბ (ɥerb 'орел'), отсюда ჭერბიშ (ɥerbiš 'орла, орлиный'), где дифтонг ჭე (ɥe) умлаутного происхождения. Восстановив первоначальную форму, получим ორბ (orb), что вполне совпадает с грузинским ორბ-ი (orb-i). Поскольку составные звуки этого слова в данном положении (o-r-b) в картвельских языках не дают других соответствий, то слово можно считать общекартвельским, хотя и не исключена возможность заимствования каким-либо из этих языков из другого (например, сванским из грузинского).

Что же касается არწივი (arçiv-i), то оно взято из армянского: др.-арм. *արծուի* (arçui), средне- и новоарм. *արծիւ* (arçiw), *արծիվ* (arçiv 'орел').

Связь этого слова прослеживается в названиях „орла" в индоиранских языках.[14]

---

[12] И. А. Кипшидзе. Грамматика мингрельского языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1914, стр. 292.

[13] И. И. Нижарадзе. Русско-сванский словарь. 1910, стр. 283.

[14] H. Hübschmann. Armenische Grammatik, I. Leipzig, 1895, стр. 424—425; Р. Ачарян. Этимологический коренной словарь армянского языка. Ереван, 1927, стр. 691—694 (на арм. языке).

А. Л. Якобсон

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗОДЧЕСТВА

(ГАНДЗАСАРСКИЙ МОНАСТЫРЬ XIII в.)

В центральной части древнеармянской области Арцах (ныне Нагорный Карабах) в конце XII в., после распада соседнего Сюнийского царства, выдвинулось маленькое феодальное княжество Хачен. Оно просуществовало дольше других армянских княжеств, чему способствовал труднодоступный горный и лесистый характер страны, затруднявший овладение ею степняками-завоевателями. Сопротивление монголо-татарским захватчикам и борьба с ними заполняет всю историю независимого Хаченского княжества.

Первая половина XIII в. была, по-видимому, временем его подъема. Именно тогда здесь были созданы выдающиеся произведения искусства, составившие замечательное художественное наследство. Они сосредоточены в Гандзасарском монастыре, служившем родовой усыпальницей хаченских владетелей и являвшемся вплоть до XIX в. кафедрой албанского католикоса. На протяжении многих веков Гандзасар был культурным центром страны. Здесь уцелела жемчужина армянского зодчества — храм и гавит (притвор). Им и посвящена наша небольшая статья, имеющая целью ввести в научный оборот этот исключительный памятник средневековой архитектуры и монументальной пластинки.

Собор начат постройкой хаченским князем Асаном Джалалом в 1216 г. и окончен в 1238 г., освещен в 1240 г.[1] Гавит собора построила, согласно сообщению армянского историка Кириака, жена Асана Мамкан (по строительной надписи — Мамкан, Асан и их сын Атабег); но год постройки остается неизвестен;[2] во всяком случае она осуществлена еще при жизни Асана, т. е. до 1261 г.

Архитектура собора воспроизводит без существенных отклонений крестовокупольную композицию храма, выработанную уже в X в.,[3] исходя

[1] И. А. Орбели. hАсан Джалал, князь Хаченский. Изв. Акад. наук, серия VI, 1909, № 6, стр. 412—413.

[2] Дата 1266 г., как показал И. А. Орбели (ук. соч., стр. 414), не может быть принята. Старую ошибку повторяет: С. Х. Мнацаканян. Архитектура армянских притворов. Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1952, стр. 81.

[3] См.: Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, стр. 179—182; А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв. М.—Л., 1950, стр. 87, 126—127.

из „купольной залы", и представленную такими памятниками, как соборы в Ахпате (967—991 гг.), Санаине (967—972 гг., возобновлен в 1084 г.), Кечаруке (1033 г.). Культовое зодчество XII—XIII вв. полностью следовало этой композиции; напомним столь характерные образцы, как храм в Ариче (1201 г.), Ованнаванке (1217 г.), Гегарде (1215 г.). Развитие заключалось лишь в сужении боковых ветвей креста и повышении их пропорций; благодаря этому еще сильнее выделилось подкупольное пространство, увенчанное высоко поднятым куполом, который господствует над всем зданием. Эти черты в полной мере свойственны и Гандзасарскому собору (рис. 1 и 3, *а*). Здесь также к центральному широкому подкупольному пространству примыкают узкие северная и восточная ветви креста, с восточной стороны — полукруглая апсида (без вимы). Углы здания (между ветвями креста) заняты в два этажа удлиненными хоранами; на верхние хораны ведут крутые консольные лестницы (вдоль северной и южной стены западной ветви креста — в 11 ступеней и вдоль центральной апсиды — в 6 ступеней).[4]

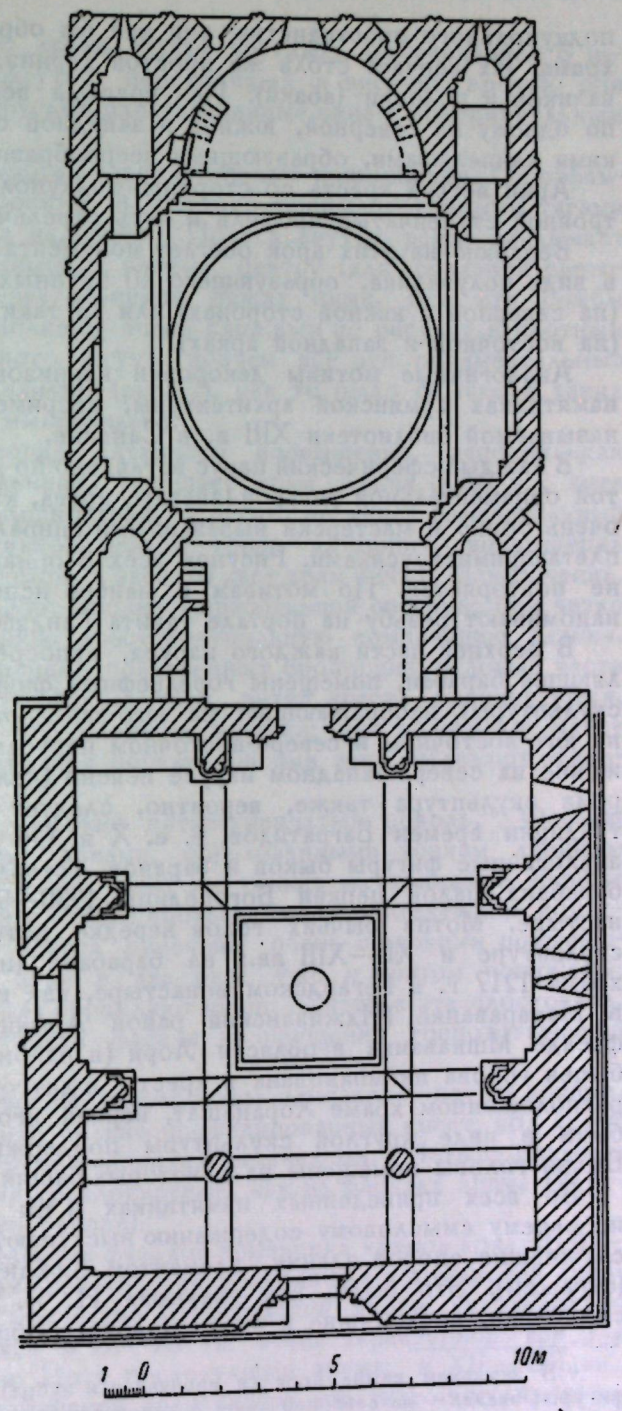


Рис. 1. План собора и гавита (обмер автора).

Особенность и своеобразие зданию придает исключительно богатая архитектурно-декоративная разработка внутри и снаружи здания.

Внутри по старой классической армянской традиции целыми пучками вертикальных тяг — простых и монументальных — подчеркнуты углы

[4] С нижней стороны ступени обработаны крупными сталактитами.

подкупольного пространства; они как бы обрамляют центральную часть храма. Их венчает столь же простой карниз, состоящий из двух полуваликов и полочки (абаки). Полукруглый верх узких окон (имеющихся по одному на северной, южной и западной сторонах) обработан глубокими каннелюрами, образующими веерообразное завершение окон.

Арки ветвей креста со стороны подкупольного пространства имеют тройной ступенчатый профиль и чуть стрельчатый контур.

Верхнюю из этих арок обегает монументальный декоративный карниз в виде полувалика, образующего 10 крупных, чуть нависающих зубцов (на северной и южной сторонах) или 13 таких же крупных полуарочек (на восточной и западной арках).[5]

Аналогичные мотивы декоровки карнизов встречаются и в других памятниках армянской архитектуры, например на наличниках ниш так называемой библиотеки XIII в. в Санаине.

В каждый сферический парус вставлено по две резных плиты с замкнутой орнаментальной фигурой (звезды, круга, квадрата и пр.), заполненной очень тонко и мастерски вырезанными спиралями и пальметками с переплетающимися усиками. Рисунок всех 8 орнаментальных фигур ни разу не повторяется. По мотивам и манере исполнения эти фигуры очень напоминают резьбу на портале гавита Гандзасара, о чем ниже.

В верхней части каждого паруса, непосредственно под тягой, отделяющей барабан, помещены горельефные фигуры (в виде почти круглой скульптуры), изображающие: на юго-западном парусе — голову барана, на юго-восточном и северо-восточном парусах — головы быков; изображение на северо-западном парусе неясно (человеческое лицо?). Такого рода скульптура также, вероятно, следует армянской архитектурной традиции времен Багратидов, т. е. X в. Об этом позволяют говорить аналогичные фигуры быков и баранов, вставленных также в основание барабана малой церкви Богородицы (930—945 гг.) в Санаинском монастыре. Мотив бычьих голов нередко встречается в монументальной скульптуре и XII—XIII вв.: на барабане (но не внутри, а снаружи) храма 1217 г. в Гегардском монастыре, как и храма самого Гандзасара, в Макараванке (Идживанский район Армянской ССР), на восточном фасаде Мшкаванка в области Лори (в районе Ахпата и Санаина), где бычья голова вкомпанована в крест;[6] в другом сравнительно неподалеку расположенном храме Хоранашат, верней его притворе, также XIII в., быки в виде круглой скульптуры поддерживают перекрытие входа.[7] Бычьи головы помещены на некоторых башнях анийских городских стен.

Во всех приведенных памятниках и им подобных быки и бараны по своему смысловому содержанию выступают как священные животные, служившие опорой здания, элементом зиждительным или его óберегом (стражем). Это были, как указывал Н. Я. Марр, образы феодальной символики, восходящие к эпохе родового общества.[8]

[5] В замковом камне арок (в арочках и в зубце) помещены рельефные резные фигуры: звезда — на северной арке, 4 виноградных грозди на плетеной орнаментальной ветке — на южной арке; на восточной стене под каждой арочкой карниза посажены различные (неповторяющиеся) рельефные фигуры в виде звезды или плода на плетеной ветви или овала с заострением и т. д.

[6] См.: А. Л. Якобсон. Из истории армянского средневекового зодчества (V. Армянские монастыри XIII в. — Хоракерт и Мшкаванк). Сов. археология, XIV, 1950, стр. 260—261. Здание относится, вероятно, к 40-м годам XIII в.

[7] Там же, стр. 261, рис. 13.

[8] Н. Я. Марр. Ани. Л., 1934, стр. 52—53. Ср.: Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов. Вишапы. Л., 1931, стр. 93—94.

Барабан Гандзасарского храма внутри круглый; он расчленен 8 парами тонких полуколонок-жгутов, переходящих в висячие арочки; они поочередно опираются в круглые или удлиненные окна с полуциркульным верхом.

Особенно богато декорирован торец алтарного возвышения. Он обрамлен со всех сторон широкими и глубоко профилированными тягами (верхняя из них заполнена надписью). Полоса внутри рамы заключает 8 ромбов, слегка углубленных к своему центру (для создания светотени) и слегка впалых треугольников между ними. Все эти ромбы и треугольники сплошь заполнены очень сложным по рисунку и плотным густым плетением из двойного жгута, причем все эти орнаментальные заполнения совершенно различны (рис. 2), как то было обычно в таких случаях. Часть их сильно выветрилась.

Аналогичная резьба торца алтарного возвышения, заполняющая такие же ромбы и треугольники, украшает храм Арича (1201 г.), хотя резьба там сравнительно плоскостная.[9] Другой, не менее замечательный пример сплошной декоративной резьбы торца алтарного возвышения (правда, она заполняет не ромбы, а звезды) дает храм 1241 г. Макараванка.

Наружные объемы следуют вполне выработанной системе: они четко и ясно передают внутреннюю крестовокупольную композицию здания. Ветви креста выделены щипцами повышенных пропорций; угловые части немного понижены (рис. 3). Кроме того, ветви креста фланкируются, как обычно, неглубокими треугольными нишами; они облегчают массу здания и вместе с тем благодаря образуемой ими тени выделяют основные части фасада.

Здание поставлено на высокий пятиступенчатый цоколь.[10] Фасады храма расчленены плоскими арками, образованными тонким двойным полуваликом, опирающимися на такие же тонкие жгутовидные парные полуколонки. Расчленение это строго соответствует архитектурной композиции: ветви внутреннего креста отмечены очень широкими повышенными арками, остальные арки в два раза у́же и притом понижены; две из них на каждом фасаде обрамляют ниши. Аркатура эта плоскостна, она не нарушает монолитности фасада и ощущения господствующей глади стены.

Северный и южный фасады разработаны одинаково пятью арками. Над средней из них помещен сильно профилированный крест; под аркой на обоих фасадах — узкое окно с широким наличником.[11] Четыре боковые арки имеют особенность: они трехлопастные, как на фасадах храма 1217 г. Ованнаванка (Аштаракского района).[12]

Надо сказать, что разработка фасадов армянских храмов аркатурой — черта глубоко традиционная, генетически восходящая к армянской архитектурной классике VII в. Зодчество Багратидской эпохи унаследовало аркатуру, которая оставалась в IX—XI вв. очень характерной как для Армении, так и для Грузии. Но в последующее время, в XII—XIII вв., декоративная аркатура в армянской архитектуре утратила популярность; в архитектуре же соседней Грузии она оставалась почти что обяза-

[9] Н. М. Токарский, ук. соч., табл. 82.

[10] Высота ступеней, считая снизу, 36, 46, 37 и 32 см.

[11] На южном фасаде наличник окна состоит из многорядной сельджукской цепи; над ним — розетка с зубчатым краем. На северном фасаде над таким же наличником — сегнерово колесо.

[12] См.: К. Кафадарян. Ованнаванк и его надписи. Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1948 (на арм. языке), рис. 23 и 24; Н. М. Токарский, ук. соч., табл. 95.

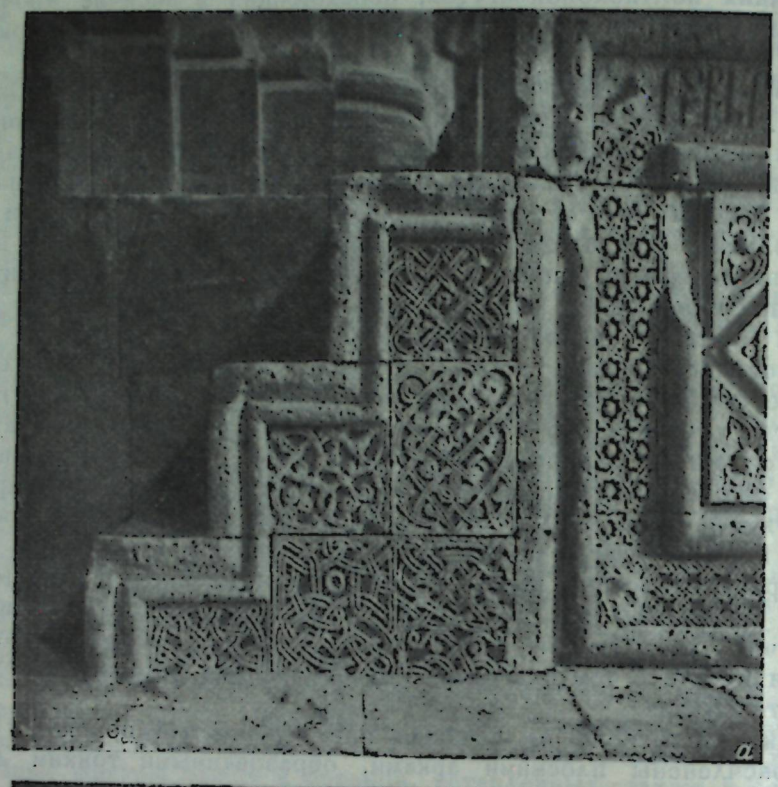
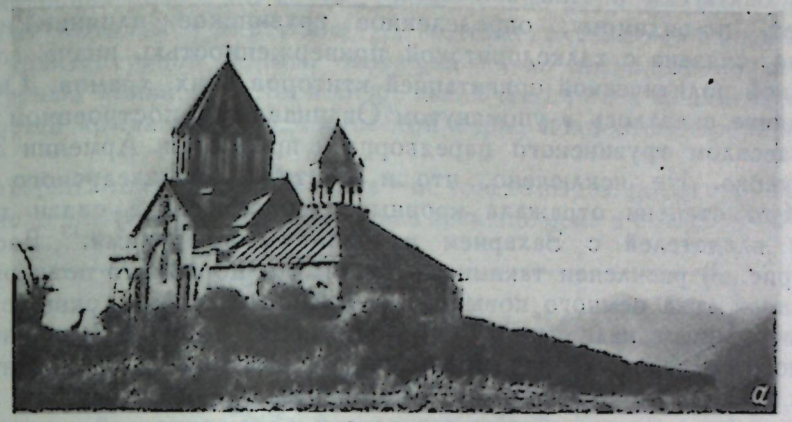


Рис. 2.

а, б — резьба торца алтарного возвышения.



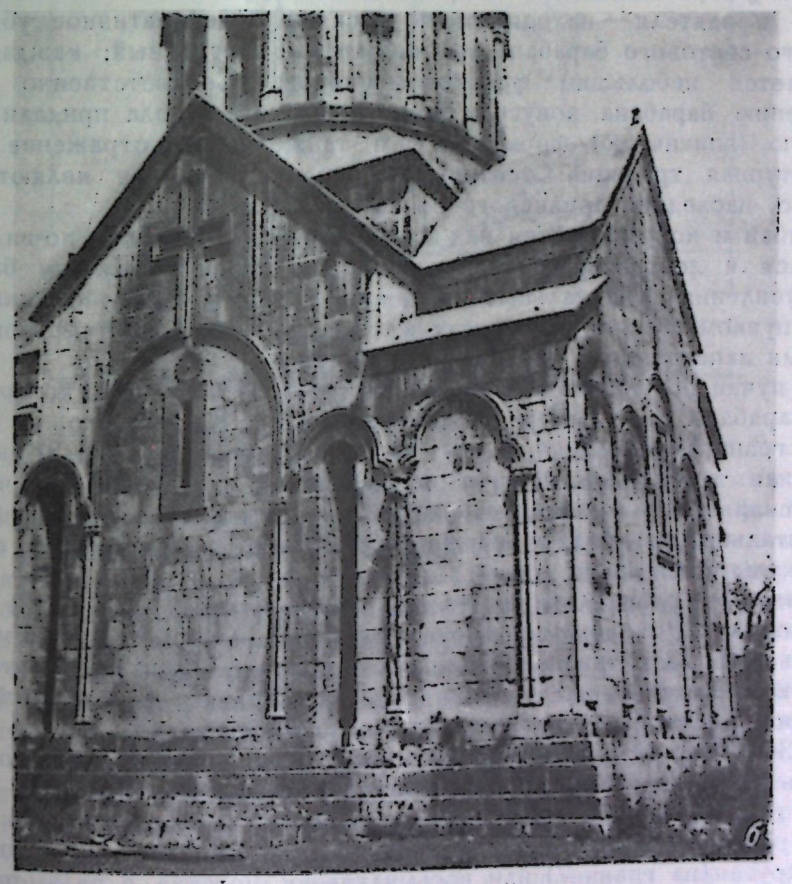


Рис. 3.

а — общий вид монастыря с северо-западной стороны; *б* — южный и восточный фасады храма.

тельной чертой. Такая перемена, возможно, стояла в связи с антихалкедонитской тенденцией в армянской церковной жизни того времени. Аркатура таких армянских храмов XIII в., как Тиграна Оненца · 1215 г. и рода Бахтагеки в Ани или храма Григория 1237 г. в Нор-Гетике, отражает, по-видимому, определенное грузинское влияние и была, вероятно, связана с халкедонитской приверженностью, иначе говоря — грузинской политической ориентацией ктиторов этих храмов. Особенно это влияние сказалось в упомянутом Ованнаванке, построенном князем Ваче, вассалом грузинского царедворца и правителя Армении Захария Долгорукого. Не исключено, что и аркатура Гандзасарского собора в какой-то степени отражала кровные и политические связи дома хаченских владетелей с Захарием и Иванэ Долгорукими.[13] Восточный фасад (рис. 3) расчленен такими же арочками, но только полукруглыми; центральная арка немного повышена и заключает узкое окно с сильно профилированным наличником. Полуциркульный верх треугольных ниш восточного фасада украшен широким наличником с орнаментальной резьбой и ажурным подзором со свисающими пальметками.[14]

Но в центре внимания ктиторов здания и исполнителей их желаний — зодчего и ваятеля — находились не фасады, а декоративное убранство широкого светового барабана храма. Барабан 16-гранный; каждая грань завершается небольшим фронтоном-щипцом. Соответственно такому завершению барабана конусовидному покрытию купола придали веерообразную (зонтичную) форму, в чем также нашла отражение старая архитектурная традиция: зонтичные покрытия куполов являются, как известно, наследием армянского зодчества XI в.[15]

Барабан и конус высятся над всем зданием. Но зодчий, по-видимому, стремился и декоративными средствами подчеркнуть высоту барабана путем усиления вертикальных членений: каждая грань фланкируется целым пучком сильно выступающих трех полуколонок, завершенных простыми капителями в виде абака и подушки.

Эти пучки полуколонок создают светотень, благодаря которой членение барабана еще издали бросается в глаза. Кроме того, на каждой четной грани (грани 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16; рис. 4 и 5) вырезана неглубокая треугольная ниша с полуколонкой в глубине ее, что еще более усиливает расчлененность барабана. Каждая колонка, покрытая орнаментальной резьбой, завершается скульптурой, помещенной в нише. Но о скульптуре — речь ниже.

Остальные грани плоские. Из них четыре (грани 1, 5, 9 и 13) заняты узкими окнами с широким прямоугольным наличником, покрытым сложной резьбой — геометрическим или сложнорастительным орнаментом; над наличником — различного рисунка розетки. Только на западной грани (9-й), кроме того, имеются скульптурные изображения. Другие четыре грани (3-я, 7-я, 11-я и 15-я) прорезаны маленьким круглым оконцем со столь же широким и глубоко профилированным наличником, заключенным в квадратное поле со спускающейся от него полуколонкой, покрытой резьбой (грани 3 и 7); над квадратом — шишка в широком плетеном круге (на грани 7) или восьмилучевая розетка с пальметкой на конце каждого луча (на грани 15). Лишь на грани 11 круглого окна

[13] И. А. Орбели, ук. соч., стр. 406—407.

[14] Аналогичные украшения имеют ниши храма Ованнаванка (К. Кафадарян, ук. соч., рис. 16) и многих других армянских храмов XIII в.

[15] Напомним храмы Мармашена и Анберда. См.: Н. М. Токарский, ук. соч., стр. 167.

нет; его место занимает четырехлопастное панно, заполненное тончайшей ажурной резьбой. Такая же ажурная и мелкая резьба, словно ковер, покрывает и тимпан щипцов, завершающих грани барабана.

Великолепная резьба по камню, поразительно разнообразная по орнаментальным мотивам и виртуозная по технике, служит как бы ювелирной оправой архитектурной формы, обогащая ее, но нисколько не затемняя архитектурные линии. В этом вообще заключается одна из замечательных особенностей армянского зодчества той поры, полностью проявившаяся и здесь.

Но барабан Гандзасарского храма — не только выдающееся произведение орнаментальной резьбы. Его декоровка преисполнена и смыслового содер-

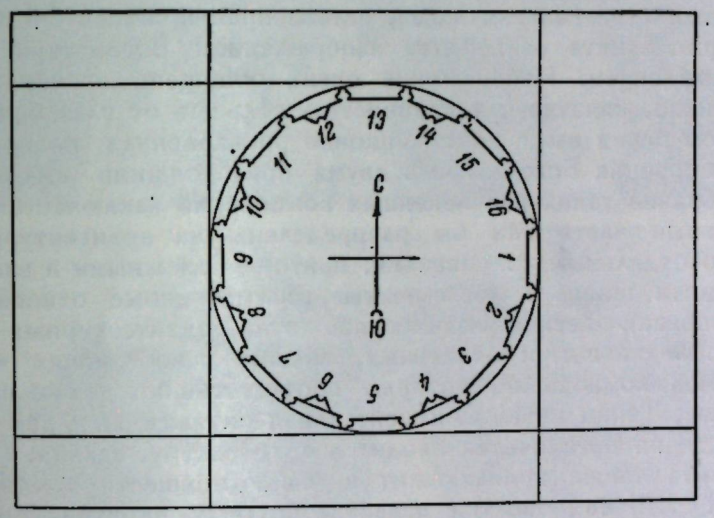


Рис. 4. Схема барабана храма и нумерация граней барабана.

жания, которое ей придают скульптурные изображения. В первую очередь это относится к двум изображениям ктиторов, симметрично занимающих ниши двух западных граней (грани 8 и 10). Обе фигуры мужские и почти одинаковы (рис. 5, *б*, *в*). Оба ктитора изображены в фас, они сидят по-восточному, поджав ноги. Одежда напоминает халат. Лицо бородатое, с длинными усами. Руки ктиторов подняты и держат на голове нечто вроде доски, на которую поставлена модель храма, причем обе модели воспроизводят различные архитектурные формы: на грани 8 — обычный храм крестовокупольного типа; на грани 10 (рис. 5, *б*), — по-видимому, центрическую постройку типа ротонды, напоминающую такие здания, как храм Спасителя в Ани; перекрытие купола зонтичное.

Один из двух приторов — это, очевидно, сам Хаченский владетель Асан Джалал, строитель Гандзасарского храма. Другой ктитор — это, возможно, его сын, Вахтанг, упомянутый в ктиторской надписи храма.

Какой именно храм имел в виду зодчий, воспроизводя формы ротонды, сказать затруднительно.

Ктиторские группы XII—XIII вв. известны в Армении и по другим памятникам (например, в привлекавшемся Ариче), но композиция их в Гандзасаре не только своеобразна и совершенно оригинальна, но и уникальна: ни одного другого подобного памятника на почве Армении мы указать не можем.

На промежуточной грани 9 помещены иного рода изображения: под щипцом грани (в ее тимпане) — погрудный рельеф Христа на фоне сплошной орнаментальной резьбы, а на самой грани, над широким наличником окна, — фигуры Адама и Евы, что пояснено и соответствующими надписями. Изображение Христа как бы объединяет обе симметрично расположенные фигуры ктиторов в единую композицию.

Вторая группа изображений занимает три южных грани (4-ю, 5-ю и 6-ю). На двух крайних из них (4-й и 6-й) также в нишах помещены обращенные друг к другу коленопреклоненные фигуры (рис. 5, *а*); руки их протянуты вперед, головы в нимбе. Их осеняют сирины (?) распростертые крылья которых следуют очертаниям полукруглых ниш, обрамляя их. Головы птиц — в нимбах.

А верхняя треугольная плита, вставленная в тимпан 5-й грани, также под щипцом, занята рельефным изображением Богоматери с запеленованным младенцем. Изображение очень обобщено и схематизировано, что, очевидно, связано с удаленностью рельефа от глаз зрителя.

В целом перед нами композиционно расчлененная, но единая по замыслу композиция Богоматери с двумя предстоящими апостолами.

Своеобразие таких расчлененных композиций заключается в том, что их отдельные части как бы распределены на архитектурном фасаде между его отдельными элементами, притом — смежными и взаимосвязанными (тимпан щипца и две смежные, симметричные относительно его ниши барабана). Тесная взаимосвязь этих архитектурных элементов ведет к объединению и отдельных, внешне разобщенных частей изобразительной композиции, которые соответственно также приобретают взаимосвязь. Таким путем монументальная скульптура и вся скульптурная композиция органически входит в архитектуру здания.

Эта черта также принадлежит к числу новшеств армянского зодчества XII—XIII вв.; она уже известна по ряду памятников, в которых изобразительные рельефы, составляющие части одной композиции, также размещены на симметричных архитектурных плоскостях (или колоннах);[16] весь сюжет изображения как бы последовательно читается и потому воспринимается как единое целое.

Наконец, на двух гранях барабана (2-й и 16-й) повторяются головы быков (аналогичные которым мы уже видели внутри барабана), а на 12-й грани помещен горельеф орла с распростертыми крыльями — столь же распространенный образ стража-охранителя.

Пристроенный с западной стороны гавит заслонил еще одну скульптурную композицию — Распятие, помещенную на западном фасаде храма под его щипцом. Композиция состоит из широкого креста, в нижнюю часть которого (начиная от средокрестья) вписана фигура распятого Христа; по сторонам головы его, над протянутыми руками, помещены серафимы. По сторонам Христа — две коленопреклоненные фигуры; лица их в фас, головы — в заостренном головном уборе (клобуке), руки протянуты к фигуре Христа. По рисунку и обобщенности изображения эти фигуры напоминают ктиторов на барабане здания.

В заключение нашего обзора Гандзасарского храма отметим изображение птицы на северном фасаде, в западном углу щипца; изображение это очень архаично, сохраняет черты раннесредневековой пластики санидского круга. Края коньков кровли ветвей креста увенчаны неболь-

[16] Примером могут служить изображения на колоннах ротонды, завершавшей двухэтажный храм 1339 г. в Нораванке. См.: Матер. по археол. Кавказа, XIII, 1916, рис. 101, 104, 105 (стр. 186—189).

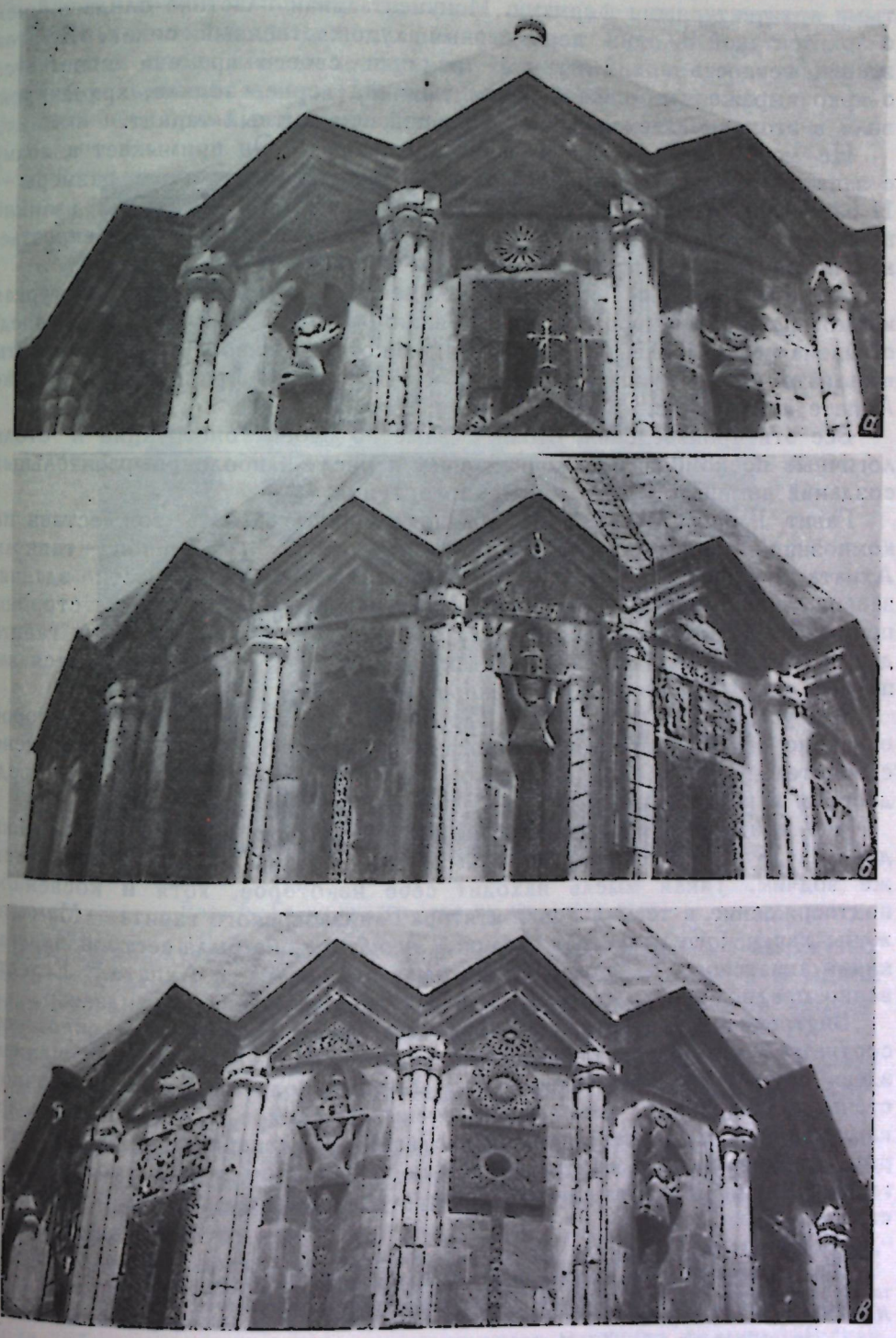


Рис. 5. Скульптура на барабане храма.

а — южная часть барабана; *б* — северо-западная часть барабана; *в* — юго-западная часть барабана.

шими моделями гранного барабана храма. На южном фасаде, в его центральной части, врезной линией изображены скачущие лошади.[17]

Таков храм Гандзасарского монастыря со своими ясными и развитыми архитектурными формами. Монументальная пластика слилась в нем с архитектурой в один неразрывный художественный сплав. В этом здании верность архитектурной традиции своего времени сочетается с ярко выраженным своеобразием: зо́дчий, вернее зодчие, храма проявили в этом произведении свой большой самобытный талант.

Не менее замечателен и гавит монастыря. Он примыкает к храму с западной стороны и представляет большой (внутренние размеры — 11.62—11.80 × 3.15—3.25 м) бесстолбный зал с двумя парами взаимно перекрещивающихся арок-нервюр со сталактитовым сводом в перекрестье, над которым возвышается легкая восьмигранная ротонда (рис. 6).

Эта своеобразная и нигде вне Армении неизвестная архитектурная композиция, сформировавшаяся, по-видимому, уже в конце XII в., представлена целой серией произведений, из которых назовем хотя бы гавиты в Ахпате и Мшкаванке, Хоракерте и Айсаси или трапезные в том же Ахпате и Агарцине.[18]

Все эти произведения, столь смелые по своей конструкции и столь логичные по композиции, принадлежат к числу наиболее выразительных созданий армянского художественного гения.

Гавит Гандзасара особенно близок, можно сказать тождествен по композиции первым двум из названных выше памятников — гавитам Ахпата и Мшкаванка. Как и там, здесь к основной части здания, завершенной взаимно перекрещивающимися арками, с западной стороны примыкает узкое пространство, отделенное от основной части гавита двумя 16-гранными массивными колоннами, на которые опираются западные концы продольных арок-нервюр.

Это усложнение отнюдь не дробит пространство гавита, которое охвачено высоко взлетающими арками-нервюрами; оно только дополнено сравнительно низкой и полутемной частью, являющейся как бы предверием в парадный гавит.

Все три гавита (Ахпат, Мшкаванк и Гандзасар) настолько похожи друг на друга,[19] что возникает мысль, не созданы ли они одним и тем же зодчим. Такая мысль находит себе некоторое, хотя и косвенное подтверждение в тесной связи ктитора Гандзасарского гавита — Мамкан, жены хаченского владетеля Асана, с Ахпатом: она была сестрой Зарега, князя ахпатского, и впоследствии была погребена в Ахпате.[20] Естественно предположить, что оттуда и был вызван зодчий в Гандзасар.

Внутренняя архитектурная разработка гавита сравнительно скромная, соответственно полусветскому назначению здания. Основным украшением здесь служат крупные сталактиты, идущие полосой вдоль восточной стены под карнизом, отделяющим стены от сводов и прерываемые арками-нервюрами, и частично переходящие на северную и южную стороны. Такие же сталактиты помещены в западном узком пространстве гавита, вдоль двух поперечных арок, соединяющих колонны с западной стеной.

[17] Ср. наличник окна на восточном фасаде храма Сагмосаванка 1215 г.; рисунок также выполнен врезной линией. Издан: Ежегодник Института истории искусств АН СССР, 1952, стр. 337.

[18] Подробнее см.: С. Х. Мнацаканян, ук. соч., стр. 76—93.

[19] Другие такие гавиты с дополнительной западной частью в Армении неизвестны.

[20] И. А. Орбели, ук. соч., стр. 416.

Вход из гавита в храм обрамлен простым порталом с полукруглой аркой, наличник которой заполнен мелкой плетенкой, а тимпан арки занят наборными звездами с фигурными (в виде ромбов) промежутками. Обработка такими наборными звездами составляет также характерное явление в армянском монументальном искусстве XII—XIII вв.

На спаде свода между восточными концами арок-нервюр помещен широкий рельефный крест. Плоскость арки (над входом) между продольными нервюрами украшена в шахматном порядке розетками и элементом „сельджукской цепи“ в виде двух перекрещенных вытянутых шестиугольников. Два ряда таких же фигур украшают арку в западном узком пространстве. Другая его арка (в юго-западном угловом компартименте) украшена рельефными ромбами, образующими кресты.

Рис. 6. Гавит внутри (вид из западного угла).

Монументальности арок-нервюр соответствует и массивность двух приземистых колонн, отделяющих западное пространство и их не менее монументальные базы и капители.

Прямоугольный наружный массив гавита, простой и ясный, завершен высокой четырехскатной кровлей, покрытой каменной черепицей, и увенчан в центре (над сталактитовым сводом в средокрестье) восьмигранной легкой ажурной ротондой.

Снаружи господствует суровая гладь стены, основанной на высоком трехступенчатом цоколе, завершенном монументальным полуваликом.[21] На северном фасаде этот полувалик переходит в обрамление низкого входа, образуя его наличник, верхние углы которого фланкируют два

[21] Общая высота цоколя 1.45 м; ширина полувалика 0.37 м.

вставных рельефа пантер или барсов, обращенных друг к другу, изображенных в движении и с поднятыми хвостами.

Образ этих полуфантастических зверей — могучих стражей — в X—XIII вв. был, можно сказать, излюбленным в монументальном и прикладном искусстве всего Ближнего Востока: в Закавказье, Малой Азии, Месопотамии; ареал его охватил и Крым (как это показывают рельефы из Херсонеса) и Византию (рельефные пантеры — обычный мотив на поливных чашах и блюдах), как и Грецию (где монументальные рельефы с такими изображениями известны уже в большом количестве).[22] В Армении этот образ был очень популярен, в чем убеждает множество памятников архитектуры со вставными плитами, аналогичными гандзасарским.[23]

Южный фасад почти совсем гладкий. Только круглое оконце в юго-восточном компартименте (ныне заложенное) обрамлено наличником четырехлопастной формы (ныне почти выветрившимся); да над двойным южным окном протянуты бровки с полупальметками на краях.

На фоне скромного убранства фасадов гавита особенно выделяется исключительный по своему богатству западный портал, которому зодчий, по-видимому, придавал особенное значение: портал доминирует в декоровке всего здания и является как бы его декоративным центром.

Благодаря сильной профилировке своих членений и создаваемой ею глубокой светотени западный портал гавита резко выступает на глади стены и сразу бросается в глаза.

Массивный полукруглый валик (шириной 37 см), завершающий цоколь, огибает портал, образуя его рельефное обрамление. Рельефная гладь этого полувалика-жгута прерывается врезными круглыми и поочередно квадратными панно, заполненными сплошной ажурной, словно кружево, орнаментальной резьбой, совершенно неповторяющейся (рис. 7,*б*). Эта мелкая и очень тонкая, виртуозно выполненная резьба, воспринимаемая как ювелирные вставки, контрастирует с монументальным обрамлением портала.

В эту прямоугольную раму вставлено другое обрамление портала, глубоко врезанное в стену; оно имеет уступчатый верх, заключающий небольшое прямоугольное окно. В плане это обрамление имеет форму гуська; плоскость его украшена сердцевидными фигурами и сплошной орнаментальной резьбой в виде спиралей с ответвлениями и пальметок. В верхних углах, образуемых уступами этого обрамления, помещены фигуры птиц, обращенных друг к другу, облик которых напоминает старое, еще раннесредневековое искусство Ближнего Востока, условно обозначаемое термином сасанидский;[24] традиции этого искусства держались здесь на протяжении почти всего средневековья. Птицы на портале гавита Гандзасара — живой тому пример. Птицы как бы фланкируют окно; такая композиция довольно часто наблюдается в армянском зодчестве XII—XIII вв.[25]

---

[22] В Фивах, Арте и других местах. См.: Α. Ορλάνδος. Ἀρχεῖον τῶν βυζαντινῶν μνημείων τῆς Ἑλλάδος. II, 2, Ἀθῆναι, 1936, стр. 159 (рис. 10, 11); V, 2, Ἀθῆναι, 1939—1940, стр. 130, 143 (рис. 11, 24); VIII, 1, Ἀθῆναι, 1955—1956, стр. 65.

[23] Напомним барсов на воротах и на башне в Ани, на портале анийской гостиницы и на фасадах храма Тиграна Онеца 1215 г. (См.: Н. Я. Марр, ук. соч., табл. XXXV, XXXIX и XLIII), в пещерной церкви Гегарда (XIII в.), где барсы служат основой феодального герба, и других зданиях.

[24] Особенно это сказывается в рисунке хвостового оперения.

[25] Примером может служить наличник окна на восточном фасаде Сагмосаванка.

Рис. 7. *а*, *б* — резьба на западном портале гавита.

Это внутреннее обрамление портала имеет крутой срез вовнутрь, плоскость которого покрыта сплошной тонкой резьбой в виде слегка рельефных шестиконечных звезд на таком же резном фоне (рис. 7, *а*). Звезды, несомненно, имитируют наборные фигуры, но они вырезаны на одном камне, что представляет собой вторичное звено в развитии декоровки каменными вставными плитками, первоначально составленными из различного цвета камня.[26] Живописное начало уступило место игре светотени, обычно сочетающейся с тончайшей резьбой; такая декоровка также представлена целой серией памятников.[27]

Сам вход фланкируется двумя пучковыми полуколонками с базой и капителью в виде гранной подушки. На полуколонки опирается арка с витым валиком по краю. Прямоугольный проем входа обрамлен со всех трех сторон резной орнаментальной полосой в виде рельефных пальметок в сплетенных овалах.

Наконец, тимпан арки входа воспроизводит еще одну особенность монументального декоративного искусства средневековой Армении, о которой только что шла речь — использование цветного камня с целью создать полихромную поверхность. Здесь в основной красный камень, служащий фоном, инкрустированы круги и полукружия из желтоватого камня. Желая избежать перегрузки резьбой, зодчий Гандзасарского гавита использовал, таким образом, прием живописной декоровки, декоровки цветом.

Таковы храм и гавит Гандзасарского монастыря — два замечательных архитектурных памятника, воплотивших в себе все лучшие достижения армянских зодчих XIII в.

Создавая эти здания, они использовали огромный, накопленный веками арсенал технических и художественных средств — архитектурных и декоративных, — которыми творцы Гандзасара в совершенстве владели. Они претворили эти средства в произведения, которые мы с полным правом можем назвать энциклопедией армянского зодчества XIII столетия.

[26] См.: И. А. Орбели. Мусульманские изразцы. Пб., 1920, стр. 20.

[27] В качестве характерных примеров можно назвать портал гавита Сагмосаванка (первая половина XIII в.), внутренний портал гавита соседнего Ованнаванка, портал церкви Григория в Нор-Гетике (1237 г.) и замечательный хачкар там же (1271 г.), резьбу на торце алтарного возвышения храма в Ариче (1201) г.).

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Л. Н. Гумилев

ТАЛАССКАЯ БИТВА 36 г. ДО Н. Э.

С 59 г. до н. э. междоусобица разрывала державу Хунну. К 49 г. до н. э. положение наконец прояснилось: вождь побежденной партии Хуханьешаньюй заключил мир с Китаем и благодаря этому овладел всей страной, победитель Чжи-чжи-шаньюй откочевал за западную границу, чтобы найти там безопасное убежище для себя и своих соратников. Усуни и другие племена встретили его крайне враждебно, но Чжи-чжи усуней разбил, а угйе, хагасов и динлинов покорил. Однако преимущество было на стороне его соперника из-за мощной поддержки Китая. В 48 г. до н. э. к Чжи-чжи из Китая был направлен посол, очевидно лазутчик. Неизвестно как, но этот посол был убит хуннами. После этого мир с Китаем стал невозможен.

Опасаясь Хуханье, Чжи-чжи принял предложение кангюйского владетеля перейти к нему для совместного похода на Усунь. В случае удачи Чжи-чжи должен был получить усуньские земли для поселения. Хунны потянулись на запад через холмистую равнину Караганды. По пути их застала пурга и морозы. Много людей померзло, и только 3000 хуннских воинов привел Чжи-чжи в Кангюй.[1] С такими силами о покорении Усуни нечего было и думать (46—45 гг. до н. э.).

Этот переход хуннов на запад обратил на себя внимание многих исследователей. Хирт именно отсюда выводил европейских хуннов,[2] но на невозможность этого указали К. А. Иностранцев[3] и Отто Мэнхен-Хелфен.[4] А. Н. Бернштам счел возможным предположить, что это было „первое массовое проникновение гуннов в Среднюю Азию".[5]

---

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 93.

[2] F. Hirth. Uber Wolga-Hunnen und Hiung-nu. Sitz. d. philos. philol. und histor. Klasse der K. bayer Acad. d. Wiss, 1899, Bd. II, Heft II, München, 1900.

[3] К. А. Иностранцев. Хунну и гунны. Л., 1926.

[4] Otto Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu. Byzantion, XVII, Baltimor, 1945.

[5] А. Н. Бернштам. 1) Кенкольский могильник. Археол. эксп. Гос. Эрмитажа, вып. II, Л., 1940, стр. 31; 2) Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 102—117; 3) Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 61—72.

Против этого мнения высказался С. С. Сорокин,[6] но так как мнение Бернштама успело распространиться, вопрос повис в воздухе. Еще более затемнило проблему произвольное толкование термина „Кангюй", под которым понимался то Хорезм, то Согд. В обоих случаях интерпретация похода Чжи-чжи становилась совершенно фантастической, а вопросы исторической географии и палеоэтнологии неразрешимыми. Но, к счастью, в научный оборот введено достаточно материала, чтобы уяснить значение похода хуннов Чжи-чжи на запад и юг. Для этого необходимо подробно описать сам поход, не получивший еще должной интерпретации.

Без уточнения содержания термина „Кангюй" невозможно понять историю Серединной и Средней Азии, но оба наших информатора — Геродот и Чжан Кян — в Кангюе не были и описывают его по слухам и в разное время. Современные авторы скорее затемнили, чем прояснили вопрос. Затем встает еще проблема: О Кангюе не могли не знать персы, так почему они о нем ничего не сообщают?

Попробуем разобраться.

В середине I в. до н. э. Кангюй описан как „кочевое владение, лежащее от Давани, т. е. Ферганской долины, на 2000 ли",[7] т. е. около 900 км. Значит, Кангюй находился в холмистой степи Восточного Казахстана, между оз. Балхаш и Иртышом. От Средней Азии, или Турана, его отделяли бесплодная степь Бет-Пак-Дала и пески Муюн-Кум. На востоке он примыкал к Тарбагатаю, на западе граничил с государством Яньцай, т. е. аланами.[8] На китайских картах Западного края указаны границы Кангюя: восточная у оз. Алакуль, южная у хребта Киргизского, причем, по историческим сведениям, Таласская долина была окраиной Кангюя, западная у р. Сары-Су, а северо-западная у оз. Тенгиз, где Кангюй граничил с Уи-бэй-го, т. е. Северным Уи, название в котором нетрудно усмотреть этноним угры. По данным археологии, они именно там и обитали.[9]

„История старшей Хань" сообщает, что Кангюй имел 5 вассальных владений. На карте они помечены на северном берегу р. Чу. Расстояния между ними: максимальное от Ян-гуань (крепость недалеко от Дуньхуана) — 8555, минимальное — 7525 ли, т. е. между ними расстояние около 500 км. Это как раз протяжение р. Чу от Чу-Илийского хребта до Сыр-Дарьи, около Кзыл-Орды. Китайские названия владений — Сусйе, Фуму, Юни, Ги и Юегянь[10] — ничего не дают для идентификации их с местными или известными из Страбона. Эти небольшие лимитрофные княжества заслоняли Кангюй от культурного Согда, Ирана и Греко-Бактрии, а позднее Кушана. Зато с парфянами кангюйцы сталкивались, так как по левому берегу Сыр-Дарьи ниже Кзыл-Орды сохранились развалины античных городов,[11] а согласно Страбону, на восточном берегу Аральского моря жили да'и, основное парфянское племя.[12]

[6] С. С. Сорокин. 1) Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. Сов. археология, XXVI, 1956; 2) О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, вып. 64, 1956 (см. здесь же литературу вопроса).

[7] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., т. II, стр. 150.

[8] Там же, стр. 229. Владение Яньцай переименовано в Аланья.

[9] Сб. „По следам древних культур", т. II. М., 1954, стр. 191.

[10] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., т. II, стр. 186.

[11] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, карта.

[12] Там же, стр. 124.

Населен Кангюй был, по-видимому, редко, так как Чжан Кян указывает число войска в 90 тыс. человек, т. е. взрослых мужчин, что обычно составляет 20% населения. Следовательно, кангюйцев было около 400 тысяч. Эта цифра немалая для тех времен. Почти столько же было персов в эпоху Кира и лишь вдвое больше греков. В „Истории старшей Хань" сказано, что западный сосед Кангюя — Яньцай от него независим,[13] в „Истории младшей Хань" от Кангюя зависимы и Яньцай, и его северный сосед Янь.[14] Значит, завоевание совершилось в I—II в., но Волгу кангюйцы не переступили. В обоих случаях подчеркивается однообразность культуры Кангюя и Яньцая, т. е. мы можем очертить степной ареал единой культуры от Алтая до Волги, а на основании археологических параллелей между искусством Пазырыка и царских курганов Скифии продлить его на запад до Карпат. Но это не Согд и не Хорезм.

Кангюйский царь радушно принял хуннского шаньюя. Он дал ему в жены свою дочь и сам женился на дочери Чжи-чжи. Даже странно, почему 3 тыс. хуннов могли иметь такое значение для страны, которая могла выставить 90 тыс. всадников. Последнее число, вероятно как и все китайские цифровые данные свыше 10 тыс., преувеличено.[15] Кроме того, эти всадники были разбросаны на пространстве от Волги до Тарбагатая, и надо думать, под рукой у кангюйского владыки больших сил не было. Поэтому небольшой, но сплоченный и боеспособный отряд Чжи-чжи представлял в Средней Азии солидную силу.

Первый удар союзники обрушили на усуней, совершенно неподготовленных к активной войне на западном фронте. Чжи-чжи показал себя блестящим кавалерийским генералом и мастером хуннского способа ведения войны. На Усунь обрушилось бесчисленное число нападений, причем в 42 г. до н. э. хунны разгромили их столицу — Чигу, т. е. Город Красной Долины, расположенный в верховьях Нарына.[16]

Усуням пришлось бросить свои западные кочевья и увести население на восток. Отступление спасло их от полного поражения. Другим объектом хуннских набегов оказалась Ферганская долина, но, видимо, Чжи-чжи ограничился ограблением ее, так как осада крепостей была хуннам не под силу.[17]

Накопленная добыча требовала места для хранения. В долине р. Талас Чжи-чжи выстроил для себя и своего отряда крепость. 500 рабочих строили ее 2 года.[18] Она была окружена земляным валом и двойным частоколом со сторожевыми башнями, что показывает на влияние не греческой или парфянской, а римской фортификации.[19] В числе гарнизона этой крепости было свыше 100 пехотинцев, которых считают римлянами.[20] Предполагается, что это были легионеры Красса, сдавшиеся парфянам и направленные ими служить на восточной границе.[21] Но почему они попали к Чжи-чжи?

[13] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений..., т. II, стр. 186.

[14] Там же, стр. 229.

[15] А. Н. Гумилев. История Серединной Азии, т. I. (В печати).

[16] Mc. Govern. The Early Empires of Central Asia. London, 1939, стр. 191.

[17] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Тун-цзян Гань-му за 36 г. (Рукопись). Архив ИВАН, ф. 7, ед. хр. 1—15.

[18] Mc. Govern, ук. соч., стр. 191.

[19] Г. Г. Дебс. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами. ВДИ, 1946, № 2, стр. 45—50.

[20] Там же.

[21] Там же, стр. 47.

В донесениях китайской разведки о деятельности Чжи-чжи содержатся сведения о том, что он лелеял планы завоевания юэчжей и парфян.[22] Тут несомненная путаница, так как юэчжи и парфяне были врагами и Чжи-чжи всегда мог иметь одну из этих держав своим союзником. По-видимому, он подружился с парфянами и получил от них помощь в виде центурии римских легионеров, которые и помогли ему построить укрепленный лагерь. Возможно, именно этот союз повлек для хуннского шаньюя разрыв с кангюйским царем. По необъясненным причинам последний чем-то оскорбил Чжи-чжи, а тот в свою очередь убил свою жену, кангюйскую царевну и несколько сот знатных кангюйцев, причем тела последних были изрублены на мелкие кусочки и брошены в реку.

Казалось бы после этого кангюйцы должны были стереть в порошок маленький хуннский отряд, но этого не случилось. Наоборот, когда вскоре после этого прибыло китайское посольство, его приняли с полным, даже оскорбительным неуважением. Надо полагать, что в Кангюе шла внутренняя борьба и Чжи-чжи просто поддержал и привел к власти одну из партий, чем лишь укрепил свое положение.

Несмотря на то, что Китайский двор негодовал по поводу поступков Чжи-чжи и горел местью за убийство посла, бросить войска в такую даль правительство не решалось. Так бы и сидел Чжи-чжи в своей крепости, если бы не целая цепь случайностей. Некий способный и образованный чиновник Чэнь Тан за что-то попал в тюрьму. Он просил заменить ему заключение службой на границе, что тогда практиковалось, и был направлен в Западный край в должности младшего офицера. Там ему не понравилось, и он решил во что бы то ни стало добиться реабилитации. Средством для осуществления своей цели он избрал Чжи-чжи, решив его головой купить себе право на ту жизнь, которая его устроила бы. Так как наместник Западного края не поддался на увещевания опального офицера организовать поход на запад, Чэнь Тан, воспользовавшись болезнью наместника, подделал приказ и собрал солидное войско из китайцев и местных жителей. Наместник, увидев такую инициативу, велел распустить солдат, но Чень Тан, выхватив меч, приказал ему не мешать. Испуганный наместник сам присоединился к армии. Войско выступило в поход, и логика событий вступила в силу. Вплоть до берега Евфрата не было никого, кто мог бы остановить наступление регулярной армии.

Чтобы облегчить продвижение, Чэнь Тан прошел через дружественную территорию усуней; и, только вступив в Чуйскую долину, он столкнулся с кангюйской конницей. Нечаянным нападением кангюйцы отбили обоз китайской армии. Но Чэнь Тан настиг их и разбил, отобрав обратно добычу. Китайцы успеха не развивали, так как победа над кангюйцами была им не нужна. Вместо военных действий они применили дипломатию и привлекли на свою сторону противников хуннского шаньюя. Нетрудно догадаться, что это были сородичи изрубленных хуннами кангюйских вельмож. Разделение кангюйцев дало возможность китайской армии совершить марш до Таласской долины без всяких помех.

Хуннский шаньюй не был застигнут врасплох. Он даже попытался вступить в переговоры. Возникает естественно вопрос: почему он не отступил перед превосходящими силами противника? Некуда было ему

[22] Mc. Govern, ук. соч., стр. 191.

отступать и не с чем. Хунны отступали тогда, когда они могли заранее угнать свой четвероногий провиант в глубокий тыл, а здесь провиант лежал на складах и в тылу был враждебный, уже ограбленный Согд. Выбор был один: сдаваться или драться. Чжи-чжи отказался идти в Китай в цепях, и осада началась. Сначала хунны и их союзники попробовали отбросить врага от стен крепости, на башне которой развевалось пятицветное знамя.[23] Пехотинцы, построенные „подобно рыбьей чешуе", прикрывали двое ворот. По-видимому, это были римляне. Но китайцы, пустив в ход свои тугие самострелы, отогнали противника в крепость. Град стрел парализовал защитников стен и башен. Сам Чжи-чжи был ранен и удалился во дворец. Его отсутствие вызвало панику: первыми потеряли присутствие духа кангюйцы, последними — хуннские женщины, сражавшиеся на стенах; они были перебиты. Чтобы овладеть подступами к крепости, т. е. двойным частоколом, китайцы натаскали хворосту и подожгли его. Деревянные столбы загорелись, и оборона этой линии стала невозможной.[24] Попытки защитников крепости стрельбой остановить наступление врага были безуспешны из-за неравенства оружия. Град стрел арбалетчиков, неуязвимых из-за дальности для хуннских лучников, решил судьбу битвы. После полуночи хунны покинули палисады и ушли за земляной вал. Тем временем китайцы успели загатить ров и подготовиться к штурму.

Ночью кангюйская конница пыталась напасть с тыла на китайский лагерь, но была отогнана арбалетчиками. Так же была отбита вылазка из крепости. В предутреннем тумане под звон цимбал и бой барабанов китайцы пошли на приступ одновременно со всех сторон. Им удалось прорваться внутрь вала, но хунны не сдавались, пока не вспыхнул дворец шаньюя. Сквозь дым и пламя китайские ударники ворвались во дворец, где лежал раненый шаньюй; ему отрубили голову, и только после этого остатки защитников крепости сложили оружие.[25]

Битва кончилась, началась расправа. Были обезглавлены жена Чжи-чжи, его старший сын и 1518 человек, по-видимому хуннов.[26] 145 человек были захвачены живыми и более тысячи сдалось на милость победителя.

Китайцы не стали закрепляться в Кангюе. Чэнь Тану не нужны были территориальные приобретения. Он хотел вернуться в Китай.

Как только нарочный привез голову шаньюя и рапорт полководца в столицу, в Императорском совете по этому поводу возникли два противоположных мнения. Одни указывали на самовольство Чэнь Тана, называли поход авантюрой и требовали наказания обоих предводителей. Другие утверждали, что это блестящая инициатива, говорили о престиже Китая, о мести за жизнь посла и предлагали наградить и наместника, и Чэнь Тана. В конце концов победило второе мнение: Чэнь Тан добился того, чего хотел.

Больше всех выиграл на этом Хуханье, оставшийся единственным владыкой хуннов; Китай получил только моральное удовлетворение,

[23] Там же, стр. 194.
[24] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Тун-цзян Гань-му за 36 г.
[25] J. J. L. Duyvendak. An illustrated Battle — account in the history of the former Han dinasty. T'oung Pao, XXXIV, 4, 1939, стр. 260—261. Дайвендайк считает Кангюй Согдианой и везде смешивает сведения о них, но вышеприведенное исследование о границах Кангюя исключает подобное понимание.
[26] Г. Г. Дебс, ук. соч., стр. 50.

а на западе Средней Азии восстановилось положение, бывшее до прихода туда хуннов.

Итак, мы вправе констатировать, что попытки связать западное или юго-западное проникновение хуннов с походом Чжи-чжи-шаньюя ставят исследователей на ложный путь. Зато и имеем возможность проследить политические отношения в Азии в I в. до н. э. и действительное соотношение сил, определившее создание порядка, который можно назвать Pax Sinica.

Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЛКОВАНИИ ПЕНДЖИКЕНТСКОЙ РОСПИСИ

Раскопки пенджикентского городища, замечательного раннесредневекового памятника, начатые А. Ю. Якубовским в 1947 г., дали большой и разнообразный материал исключительной ценности, среди которого особое место занимает стенная роспись.

Археологами вскрыты архитектурные комплексы, сохранившие остатки живописи и позволившие исследователям в свете других фактов поставить вопрос о зодческой и живописной традиции Согда предисламского периода. В настоящее время по этим вопросам имеется немало исследований.

В области живописи обобщающей работой является сборник „Живопись древнего Пенджикента“[1] с многочисленными воспроизведениями стенных росписей, выполненными по копиям и прорисовкам Л. П. Гремяченской. В статьях А. Ю. Якубовского, А. М. Беленицкого, М. М. Дьяконова и П. И. Кострова всесторонне рассматриваются вопросы, связанные с живописной традицией Средней Азии, нашедшей свое отражение в пенджикентских росписях. Известное развитие затронутые вопросы получили в последующих работах А. М. Беленицкого.

Здания с монументальной росписью, открытые на пенджикентском городище, делятся исследователями в соответствии с их назначением, планировкой, местонахождением и внутренним оформлением на две основные группы: культовые постройки (два храмовых комплекса) и постройки светские (дворцы, жилища знати).

Настенная живопись подразделяется исследователями на культовую (храмовую) и светскую (дворцовую). Большинство росписей сильно повреждено и фрагментировано, так что зачастую приходится угадывать контуры и формы изображенного. Кроме того, как по форме, так и по содержанию росписи почти не имеют аналогий.

Якубовский, характеризуя живопись Пенджикента, усматривает в ней „начало процесса созданий условных канонов красоты и стилизации изображенных предметов окружающего мира“ и приходит к выводу,

[1] Сб. „Живопись древнего Пенджикента“, М., 1954 (в дальнейшем: Живопись).

что „эти начала каноничности, условности и стилизации нашли свое наиболее яркое выражение в миниатюрах XIV—XVI вв.“.[2]

Особое значение как в познавательном, так и в эстетическом аспектах Якубовский придавал той группе росписей, которая относилась им к „светской“. Этот круг памятников он связывал с эпической традицией, в частности с той традицией, которая нашла свое завершенное отражение в поэме „Шах-наме“.[3]

Говоря о категории росписей, относимых им к „культовым“ как по месту обнаружения, так и по тематике, Якубовский считал возможным в известной степени связать живописные традиции Пенджикента с манихейством, учитывая широкое, по его мнению, распространение этой религии в Средней Азии. „Едва ли мы ошибемся — пишет он, — если эту богатую традицию припишем манихеям, у которых живопись пользовалась большой любовью, а живописное мастерство передавалось от самого Мани через его учеников из поколения в поколение“.[4] Вместе с тем он указывает, что и в храмовых росписях основными сюжетами являются мифологические сцены, и поэтому „переход от храмовой живописи к светской не имеет ярко выраженных границ“.[5]

Рассматривая оба эти жанра в тесной связи по их идейному содержанию, Якубовский считает, что одной из предпосылок для правильного понимания пенджикентских росписей является изучение доисламских культов Согда, среди которых особое значение имеют местные, пенджикентские, а также выяснение характера и особенностей среднеазиатского зороастризма. Взгляды Якубовского по этому вопросу разделял его ученик и преемник М. М. Дьяконов.[6]

Определеннее высказывается А. М. Беленицкий, который полагает, что в Средней Азии в VII—VIII вв. не зороастризм, а манихейство являлось господствующей религией. Придя к такому выводу, он не только связывает живописную традицию Согда с манихейством, но и разъясняет сюжеты и изображения на стенах храмов как изображения манихейских или связанных с манихейством митраистских божеств и культовых сцен, толкуя их как манихейские иконы. Нимб, окружающий головы некоторых персонажей, рассматривается им как „несомненный признак божественности“.[7] Что касается зороастризма, то, по мнению Беленицкого, эта религия не играла сколько-нибудь значительной роли в Средней Азии, в частности в Согде; отсутствие же согдийских письменных памятников зороастрийского содержания является еще одним доказательством тому.

Вопрос о религиях предысламской Средней Азии чрезвычайно сложен, и вряд ли можно категорически утверждать, что господствующей религией явилось именно манихейство. О широком распространении зороастризма (точнее местной его формы, особенности которой не могут быть еще четко определены) свидетельствуют не только топонимика Средней Азии, но и этнография и письменные источники. Так, мусульманские авторы повествуют об уничтожении арабами в Средней Азии

[2] А. Ю. Якубовский. Вопросы изучения пенджикентской живописи. Живопись..., стр. 20.
[3] Там же, стр. 18—19.
[4] Там же, стр. 12.
[5] Там же, стр. 21.
[6] А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пенджикентских храмов. Живопись..., стр. 85—158.
[7] Там же, стр. 27—82.

зороастрийских священных книг и литературы, что скорее является доказательством значения этой религии и ее догматики как силы, противостоящей исламу. Именно этим можно объяснить и уничтожение согдийских письменных памятников зороастрийского содержания. Напомним и то, что такой автор, как Бируни, прекрасно осведомленный в отношении Средней Азии, подробно рассказывает о книге магов Согда, называемой *'pwsth (بوستة, !*), т. е. „Авеста“?, и приводит согдийские формы терминов, связанных с культом и ритуалом Авесты,[8] а в мугских документах из архива Пенджикентского афшина Диваштича первой четверти VIII в. упоминается зороастрийский старший жрец — букв. „глава магов“ — mγwpt.[9] Также нет необходимости толковать нимб, окружающий головы некоторых пенджикентских изображений, обязательно как „признак божественности“, а нимбированные фигуры как „изображения божеств“.[10] Нимб отчетливо связывается с зороастрийской художественной традицией, в которой он является одной из форм изображения божественного фара (благодати), присущей как законным царям и князьям (фарри кайан), так и жрецам (фарри асравăн).[11] В этой связи естественно рассматривать нимб не как атрибут божества, а как передачу фара изобразительными средствами. Едва ли можно согласиться с толкованием фигуры в лучистой нимбе на южной стене второго объекта как солнечного божества — Митры[12] — еще и потому, что Митра всегда мужское божество, а в пенджикентской росписи изображена женщина. Нет необходимости четырехрукость этого персонажа связывать с манихейством, а не с древнейшими мифологическими представлениями Средней Азии и может быть Индии, связь с которыми все отчетливее вырисовывается по мере того, как обнаруживаются новые памятники доисламской культуры этих земель.

Вряд ли может быть оправдано разграничение живописи на светскую, связанную с эпосом, и культовую, в основе которой лежат мифологические сюжеты.

Мифологические и историко-эпические представления народов Средней Азии нашли свое отражение как в литературной (устной и письменной) традиции, так и в ее изобразительном искусстве. О том, к какой глубокой древности восходит изобразительное искусство Средней Азии, можно судить по сведениям, приведенным Харесом Мителенским, рассказывающим, что среднеазиатские варвары, живущие по ту сторону Танаиса, изображают на стенах своих храмов, дворцов и частных жилищ сцены из древних сказаний, причем одним из самых любимых ими сюжетов был роман Зариадра и Одатиды, получивший дальнейшее развитие в „Шах-наме“ Фирдоуси, где те же герои выступают под другими именами.[13] Таким образом, обычай украшать здания росписями эпического содержания засвидетельствован в Средней Азии

[8] В тексте نو بوستة, что можно также понять как nwpwsth 'девятикнижье'. Birunis Picture of the World, edited by Zeki Validi Togan. Memoirs of the Archaeological Survey of India, № 52, стр. 89.
[9] Мугская коллекция Собрания ИВ АН СССР, док. 26 А5, строка 18.
[10] А. М. Беленицкий, ук. соч., стр. 68—69.
[11] H. W. Bailey. Zoroastrian problem in the ninth-century books. Oxford, 1943, стр. 1—78.
[12] А. М. Беленицкий, ук. соч., стр. 69.
[13] В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса. Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XXII, Пгр., 1915, стр. 259—260.

более чем за 500 лет до возникновения манихейства. Рассказы о декоративной живописи в Средней Азии мы находим также в письменных источниках раннего средневековья. Так, достаточно хорошо известны данные китайской исторической хроники, современной пенджикентским памятникам, о здании в Кушании, на стенах которого были изображены цари четырех сторон света.[14] О росписях зданий постоянно упоминают и мусульманские авторы; в ряде случаев они говорят о тематике и сюжетах этих росписей. Некоторые исследователи указывали на сходство трактовки художественных образов в литературе и изобразительном искусстве.

В. В. Бартольд высказал замечательную мысль о том, что Фирдоуси своей поэмой „Шах-наме" подвел итог эпическому творчеству Ирана, в котором теснейшим образом переплелись исторические предания, эпос и мифология.[15] И естественно, что эта поэма может явиться важнейшим источником не только для изучения иранского эпоса и мифологии, выраженных средством слова, но и для понимания памятников изобразительного искусства, в которых в свою очередь нашли отражение те же предания. Следовательно, вполне закономерно рассматривать пенджикентские росписи как памятники, трактующие тот же круг живущих в народе представлений и преданий прошлого.

Как было отмечено выше, исследователи живописи Пенджикента указывали на возможную сюжетную связь открытых росписей и „Шах-наме", но конкретный материал поэмы не сопоставлялся с определенными композициями, персонажами и сюжетами росписей. Не были в полной мере использованы и содержащиеся в поэме Фирдоуси сведения, рассказывающие непосредственно о монументальной живописи, ее содержании, характере и назначении.

В многочисленных сценах торжественных приемов, пиршеств и празднеств Фирдоуси постоянно описывает, иногда довольно подробно, помещения, в которых эти сцены разыгрываются. Особое место принадлежит здесь айвану — специальному парадному помещению (зачастую открытому с одной стороны). В айванах происходят обычно все торжественные приемы, пиры, военные советы. Упоминаются айваны различного назначения ایوان سور 'праздничный айван', ایوان بزم 'пиршественный айван'. Айваны строились, по-видимому, не только при дворцах, но и при зороастрийских храмах. Так, например, герой молится в храме:

В задумчивости пошел он в храм огня,
Как это бывает с озабоченными людьми.
Сначала восхвалял огонь,
Славословил Творца вселенной,
Свершив это, открыл сокровенную тайну,
Все виденное им рассказал царям.
Тогда цари сели на коней
И уехали от айвана Азаргушаспа.

(IV, 202; 2332).[16]

[14] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 315.
[15] В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 282.
[16] Все цитаты из персо- или арабоязычных памятников даны в переводах авторов настоящей статьи. Из „Шах-наме" по изд.: Le Livre des Rois par Abou'l Kasim Firdousi, publié et commenté par J. Mohl. Paris, 1838—1878.

Айван священного огня Азаргушаспа упоминается в поэме еще раз:

Все, кто происходил из племени Зороастра,
Явились в айван (храма) Азаргушаспа.

(IV, 210, 2441).

В дни празднеств и пиршеств айваны украшались роскошными тканями, золотыми и серебряными сосудами и другими драгоценными и редкостными предметами:

В айванах поставил золотые престолы и
Расставил по царскому обычаю чаши.
На стол поставил сверкающее блюдо,
Положил на него вареных ягнят и птицу.
Все чаши из горного хрусталя —
Золотые подносы и золотистая пища.

(VI, 66, 735).

Изукрасил парчей праздничный айван.

(V, 46, 501).

Особый интерес представляют те из подобных описаний, в которых говорится об украшении айванов стенной жипописью. Таких мест в поэме имеется немало. Чаще всего говорится просто, что айван блистал яркими красками (т. е., что он был расписан), но в ряде стихов Фирдоуси пишет именно о сюжетной живописи и рассказывает ее содержание. Так, служанка — наперсница Рудабе, восхваляя красоту своей госпожи, обращается к ней со словами:

Весь мир от края до края полон молвы о тебе.
На айванах изображение твоего лица.

(I, 258, 481).

Описывая красоту царевича Кей-Кауса, Фирдоуси говорит:

Не видывали на айванах образа подобного ему (по красоте),
С ним возродился царский фар.

(II, 418, 9627).

Описывая дворец Рудабе, Фирдоуси рассказывает, что:

Был (у Рудабе) павильон — словно весна в цвету,
На его стенах изображения вельмож.

(I, 262, 627).

Наряду с изображениями красавиц и вельмож упоминаются также изображения богатырей и их подвигов:

Во всей вселенной никто из витязей-богатырей
Не отважится пойти по стопам Заль-Зара.
На айванах ты не увидишь изображений
(Рук), подобных его руке, и (узды), подобной узде (его коня).

(I, 248, 437).

Дворец, построенный Гуштаспом, Фирдоуси описывает так:

Сорок локтей в высоту и сорок в ширину —
Не из воды и глины сделал фундамент его,
(А) построил его в виде айвана из чистого золота.
Внутри его все серебро, а пыль в нем — амбра.
В нем написан (портрет) Джемшида,

Служащего Солнцу и Луне.
Приказал в этом месте (также) написать
Феридуна с палицей, с навершием в виде (головы) быка.
Нарисовали здесь всех вельмож. —
Смотри, какою властью он обладал!

(I, 347).

Когда был устроен этот замечательный золотой дворец,

На стены его он укрепил драгоценные камни.

(IV, 364, 369).

Когда же Сиавуш строил свою резиденцию — Сиавушгирд, то он:

Украсил город высоким дворцом,
Славными садами и рощами,
В айване написал всякие картины
Про царей, пиры и битвы.
На главном месте изображение Шаха Кауса,
Написанного в венце, в ожерелье и с палицей.
Слонотелый Рустам перед престолом его,
А также Заль, Гударз и двор (царя).
На другой же стороне Афрасиаб с дружиной,
С такими (богатырями), как Пиран и воинственный Герсиваз.

(II, 350, 1833).

Приведенных отрывков поэмы достаточно, чтобы составить себе представление о круге сюжетов, обычных для стенных росписей: это портреты красавиц, царей и вельмож, богатырей — героев и изображение их подвигов и деяний. Те же отрывки позволяют также судить и о композиции с главной фигурой в центре.[17] Живопись каждого помещения представляла определенный сюжетный цикл.

Тот же круг сюжетов стенной живописи сохранялся и в более поздние времена, о чем можно судить хотя бы по упоминаниям в „Хафт Пайкер" Низами. Описывая легендарный замок царевича Бахрам Гура — Хаварнак, поэт говорит о великолепных росписях, которыми были украшены его стены по приказу наставника царевича Мунзира; семь портретов красавиц, давшие название поэме, были написаны на стенах одного из павильонов Хаварнака. И здесь стенная живопись использовалась для прославления и увековеченья подвигов царя и его приближенных. Согласно поэме, после того как Бахрам мастерским выстрелом поразил сразу онагра и напавшего на него льва,

Сказал Мунзир распорядителям работ,
Чтобы циркуль живописцев
Золотом начертал в Хаварнаке
Внизу — изображение онагра, над ним — льва.

[17] Последнее еще очевиднее из арабского перевода ал-Бундари, приведенного в статье отрывка „Шах-наме" (каирское издание, ч. I, 1933, стр. 176), где соответствующие места Фирдоуси передаются так:

و عمل ايوانا عظيا و أمر فصوّروا فى أحد جانبيه صورة كيكاوس قاعدا على تخته
و بين يديه رستم و جودرز و غيرهم من الاكابر و على الجانب الآخر أفراسياب
و كرسيوز و بيران

'И смастерил он айван большой и приказал, чтобы написали на одной его стороне изображение Кай-Кауса, сидящего на своем престоле, а перед ним Рустема и Джударза (Гударза) и других из великих, а на другой стороне Афрасиаба и Герсиваза и Пирана'.

Царевич пустил стрелу, и она, пронзя этих двух зверей,
Ушла в землю по оперенье.
Когда живописцы написали эту картину,
Каждый, кто видел эти (изображения), принимал их за живых.
Говорил: От десницы царя вселенной.
Слава творцу вселенной.

(VI, 81,9).

Приведенные примеры не исчерпывают, конечно, всех известий о живописи, имеющихся в письменных источниках, но вполне достаточны, чтобы показать, что с древнейших времен эпос являлся излюбленным сюжетом для монументальной живописи. Преимущественно к тем же эпическим сюжетам обращалась и миниатюрная живопись средневековья. Наиболее часто и богато иллюстрировались именно эпические и героические произведения как в стихах, так и в прозе. Среди них одно из первых мест принадлежит опять-таки „Шах-наме" Фирдоуси, иллюстрированные списки которого, насчитывающие иногда более ста миниатюр, имеются в каждом более или менее значительном собрании рукописей. Естественно было предположить, что привлечение этих иллюстраций для понимания сюжетов стенных росписей, в частности пенджикентских, может оказаться небезынтересным. Между тем в этом плане миниатюры еще никак не рассматривались.

Одной из первых и наиболее интересных росписей, открытых в Пенджикенте, является многофигурная композиция из „Второго объекта", вошедшая в науку под названием „Сцена оплакивания".[18] Мнения большинства исследователей, писавших об этом памятнике, сошлись на том, что она представляет эпизод из легенды о Сиавуше (смерть Сиавуша), культ которого был распространен в доисламской Средней Азии. Расшифровка отдельных деталей композиции вызвала много догадок и недоумений, разрешить которые оказалось особенно трудным еще и потому, что эта роспись, как и вообще вся живопись „Второго объекта", дошла до нас крайне поврежденной.

Сохранившиеся части упомянутой сцены представляют многофигурную композицию, центральное место которой, вверху, как бы в глубине ее, занимает архитектурное сооружение — павильон или айван, перекрытый ребристым куполом, опирающимся спереди на три арки. Арочками такой же формы, но меньшего размера, разделен высокий цоколь здания. Под сенью этого айвана головой вправо лежит фигура юноши (или молодой женщины?). Удлиненной формы лицо с несколько схематично переданными строгими чертами обращено в три четверти к зрителям. Длинные рыжеватые волнистые волосы крупными прядями лежат на плечах и груди. На голове желтый (золотой) убор сложной формы, напоминающий венец или шлем; на шее ожерелье с подвесками; руки в длинных облегающих рукавах, заканчивающихся желтыми (золотыми) нарукавьями или запястьями, положены на колени, левая рука слегка согнута в локте. Длинное, гладкое, без складок и орнамента красное платье скрывает все остальное тело. По одной в каждой из трех поддерживающих кровлю арочек над лежащим склоняются три женские фигуры — плакальщицы, рвущие в отчаянии свои длинные распущенные волосы. Две левые обращены в три четверти направо, правая — в три четверти налево. Ниже этой группы сохранилось три ряда фигур. В верхнем ряду их четыре: первая и третья слева держат коричневые витые жезлы (факелы?), заканчивающиеся подобием цветка лотоса

[18] Живопись. . ., табл. XIX и XX.

тоже коричневого цвета. Фигура между ними несет кувшин без ручек, с яйцевидным туловом и высоким узким горлышком. Последняя, четвертая фигура позой и жестом правой руки напоминает двух первых, но плохая сохранность живописи не позволяет как-либо истолковать этот жест. Эти четыре фигуры, судя по длинным распущенным волосам, разделенным прямым пробором, — женщины. В середине следующего ряда — женщина, почти точно повторяющая позу и жест плакальщиц в аркаде. Остальные четыре стоящие по сторонам фигуры (по две с каждой стороны), — мужчины с телом кирпично-красного цвета, черными, доходящими до плеч и подстриженными челкой над лбом волосами и тонкими усами в виде слегка опущенных к углам губ черточек. Правая рука и половина груди их обнажены, левая скрыта под одеждой бурого цвета. Они режут мочки своих ушей небольшими тонкими ножами. В третьем, нижнем ряду, насколько можно судить по остаткам сильно разрушенной живописи, частично сохранились две женские фигуры, также поражающие себя ножами. Правее павильона с плакальщицами видна часть крепостной стены, увенчанной зубцами, и вертикальная полоса с орнаментом из цветных зигзагообразных линий, над которыми помещается диск или колесо с четырьмя широкими спицами. Левее этой композиции с плакальщицами видны три фигуры очень плохой сохранности и значительно (в полтора-два раза) большего масштаба, чем плакальщики описанной выше композиции.

Главное место среди этих трех фигур занимает стоящая четырехрукая женщина. Сохранились часть ее левой щеки, подбородок и кусок окружавшего голову лучистого нимба; одна из правых рук, согнутая в локте, поднята вверх (сохранилась лишь до середины предплечья), другая — тоже согнутая — держит перед грудью какой-то предмет красного цвета (сосуд, ларец?). Длинные рыжеватые волосы четырьмя крупными волнистыми прядями ложатся на грудь и плечи. На шее ожерелье, на руках браслеты. Другая, сходная с описанной, но двурукая фигура стоит на коленях. Черты лица неразличимы, угадывается сложный убор на голове. Голова окружена лучистым нимбом. Длинные волнистые пряди рыжеватых волос падают на плечи и грудь. В правой, опущенной вниз руке пылающий факел. Кажется, она зажигает этим факелом что-то лежащее на земле. Третья фигура этой группы вдвое меньше двух предыдущих и лишена нимба; можно различить ее общее очертание, длинные распущенные волосы, руки, украшенные запястьями: правая — перед грудью, левая — над головой. Правее — участок почти полностью осыпавшейся росписи. Здесь видны небольшого масштаба фигурки людей, падающие вниз головой, и какие-то прямоугольные предметы (кирпичи?).

Выше говорилось, что большинство исследователей Пенджикента сочли наиболее правильным толковать эту сцену как оплакивание Сиавуша.

А. М. Беленицкий, исходя из предпосылки о господстве в Пенджикенте манихейства, на основании приводимых Фихристом ан-Надима сведений о заупокойных верованиях манихеев высказывает предположение о том, что в „Сцене оплакивания“ изображено приготовление к сожжению трупа.[19] Три фигуры крупного масштаба объясняются М. М. Дьяконовым как изображения божеств, сопровождающих душу

[19] А. М. Беленицкий, ук. соч., 82.

в ее загробном странствовании, а фигуры, падающие вниз головой, как души осужденных грешников, падающие с моста Чинават.[20]

В подтверждение этой мысли Беленицкий приводит, в частности, место из ат-Табари, описывающее погребение тюркского хакана Курсула, а также отрывок из „Шах-наме“, описывающий погребение Сохраба, сына Рустама, предполагая, что и в том и в другом тексте речь идет о „ритуале сожжения трупа в палатке“. Однако в обоих случаях допущены неточности. В отрывке у ат-Табари говорится не о сожжении трупа в каком-то „сооружении (в смысле здания)“, а о сожжении шатров и, быть может, части имущества покойного, связанной с погребальными обрядами Центральной Азии.[21] Точно так же и Фирдоуси рассказывает о сожжении не трупа, а только ставки и сокровищ покойного. Окончив описание этого погребального обряда, Фирдоуси, как обычно, делает довольно значительное отступление о непрочности человеческого счастья и неизбежности смерти, и лишь в следующей главе мы узнаем о том, как был погребен Сохраб:

Затем (Рустам) направился в Забулистан.
Когда весть о нем дошла до Дастана,
Весь Систан вышел ему навстречу,
Со скорбью, печалью шли и с горем...
Когда Дастан Самов увидел гроб,
Спешился с коня золотостремянного...
Сильнотелый пеший шел впереди,
Разорвав все одежды, истерзав сердце.
Все витязи до единого сняли пояса,
Повергнись головами во прах перед гробом...
Когда сильнотелый пришел в свой айван,
Зарыдал и поставил гроб впереди...
Вырвали гвозди из него и крышку сняли —
Сорвал (Рустам) перед отцом саван (с Сохраба),
Показал знатным (людям) его тело,
— Ты скажешь небосвод застлало дымом...
Князья мира растерзали свои одежды, —
Пыль и прах взвились к тучам,
Весь дворец превратился в гроб —
Заснул лев в домовине.
Ты сказал бы — это Сам с его (могучими) шеей и плечами,
Утомленный битвой погрузился в сон.
Снова одели его золотой парчой,
Накрепко забили крышку тесного гроба.
Говорил (Рустам): „Если я сделаю золотую дахму,
Умащу ее черным мускусом,
(То ведь) когда уйду, она не сохранится,
А то не было бы у меня иного решения.
И соорудил для него дахму из копыт верблюдов.
Мир ослеп от слез“.

(I, 184—186, 1347—1386).

Здесь „Шах-наме“ описывает различные моменты погребального обряда: сожжение ставки и части имущества умершего, оплакивание покойного в айване родного дома и, наконец, перенос и погребение остан-

[20] М. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 113.

[21] Ат-Табари (Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Ed. M. J. de Goeje), сер. III, т. II, стр. 1691 (в статье стр. 1694): فلما قال قتل كورصول الترک جاؤوا بابنيته فحرقوها و قطعوا آذانهم — „Сказал: и когда Курсул был убит, то тюрки привезли его шатры и сожгли их и порезали уши свои“ (ср. А. М. Беленицкий, ук. соч., стр. 81, строки 6—3 снизу).

ков в дахме — в соответствии с религиозными ритуалами зороастризма.

Тот же обряд сожжения имущества покойного описывается и в другом месте „Шах-наме", связанном с легендой о Сиавуше и местью за него (смертью сына Сиавуша — Фируда).

Но в этом эпизоде сожжение имущества происходит при иных обстоятельствах. В тексте речь идет о взятии иранскими войсками под предводительством Бижана замка, где умер раненный в бою Фируд:

Лишь отошел из этого мира, не достигнув желанного,
Несчастный, бесталанный Фируд, сын Сиавуша,
Слуги поднялись на врата замка
И все побросались оттуда вниз.
Джарире разожгла огонь,
Все сокровища сожгла в огне.
Затем взяла в руки меч,
Заперла ворота конюшни арабских коней.
Вспорола им животы и посекла ноги.
Все время лицо ее орошалось кровью и потом.
Подошла к изголовью благородного Фируда,
Был у нее (в руке) сверкающий кинжал.
Она прижалась щеками к лицу сына,
Рассекла себе чрево, отдала душу из груди своей.

(II. 656, 908—914).

Трагический конец Фируда довольно часто изображается в миниатюрах; так, из двадцати одной иллюстрированной рукописи ленинградских собраний, описанных Л. Т. Гюзальяном и И. М. Дьяконовым, картина плача близких над телом Фируда в момент взятия крепости иранцами имеется в четырех из них. Особый интерес представляет иллюстрация к этому сюжету в рукописи Института востоковедения АН СССР Д 184, датированной 5-ым мухаррама 931 г. (3 XI 1524) л. 179в; (рис. 1).

Впервые публикуемая миниатюра (размером 15 × 20 см) хорошей работы, но довольно сильно повреждена: многие лица (все женские и одно мужское) умышленно стерты.

Центральное место вверху, как бы в глубине композиции, занимает павильон или айван, кровля которого опирается на четыре тонких колонки на невысоком кирпичном цоколе. Под сенью этого здания лежит головой вправо тело Фируда. Лицо в три четверти обращено к зрителям. На голове Фируда шлем, одет он в облегающую тело одежду с узкими до запястий рукавами. Видна только покоящаяся на колене левая рука, слегка согнутая в локте.

Позади тела царевича, обняв его и припав щекой к его лицу (как это описано в поэме), лежит его мать Джарире, в руке ее кинжал, которым она себя убила (также в полном соответствии с текстом). По сторонам и ниже этой центральной группы расположились оплакивающие царевича.

В верхнем ряду слева от айвана — стоящий юноша с бритой обнаженной головой, разрывающий одежду на груди, и две сидящие женщины, рвущие свою одежду и распущенные волосы. Справа от айвана сидят женщина, бородатый мужчина и двое юношей. Женщина простоволосая, рвет на себе одежду. Бритые головы мужчины и юношей обнажены. Один из юношей ударяет себя кулаком в грудь, другой рыдает, закрыв лицо обеими руками. Мужчина держит в правой руке на-

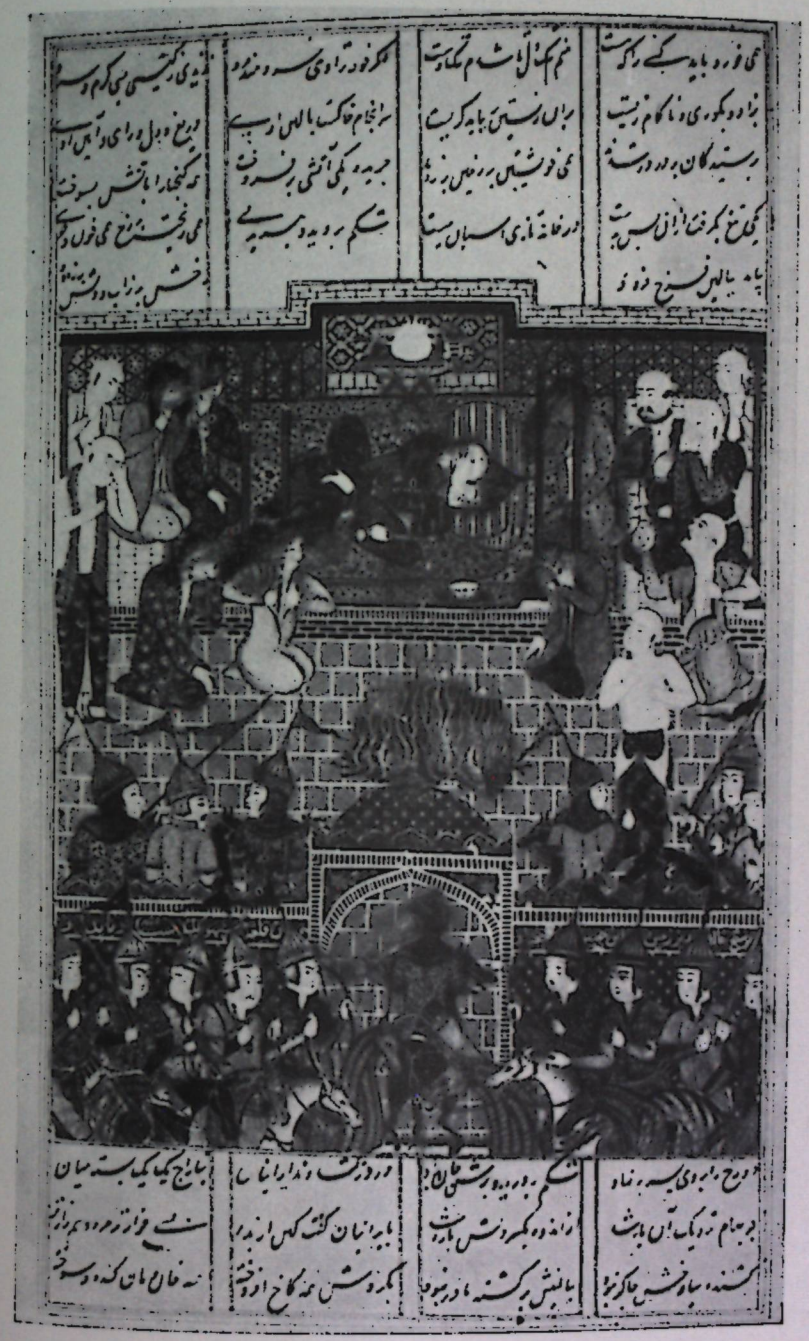


Рис. 1.

правленный в живот кинжал, левой срывает пояс. Ниже слева, перед айваном, на выложенном кирпичом дворе стоит юноша. Голова и верхняя половина его тела обнажены; размотанная чалма висит на шее; он плачет, прикрыв глаза ладонью левой руки. Далее две коленопреклоненные женщины с распущенными волосами: одна плачет, закрыв лицо левой ладонью, другая обеими руками разрывает одежду на груди. Справа — женщина, склонив лицо, вытирает слезы левой рукой. У края миниатюры — сидящий юноша. Левой рукой он разрывает одежду, правая, поднятая вровень с головой, держит камень(?), которым, по-видимому, бьет себя плакальщик. Его лицо, обращенное в профиль и приподнятое вверх, выражает отчаяние и боль: брови сдвинуты, открытый рот искажен плачем. Ниже стоит обнаженный до пояса юноша, обеими руками терзающий свою грудь. В середине двора пылает костер, в пламени которого сгорают составленные пирамидой сундуки и ларцы с сокровищами умершего.

Нижняя часть композиции занята изображением зубчатой стены замка с воротами, украшенными куполом. Снаружи стены и за ней, во дворе замка, расположились двумя рядами конные воины-иранцы. Один из воинов (Бижан?), данный в очень смелом ракурсе, въезжает в ворота.

Эта миниатюра иллюстрирует конкретную сцену поэмы и точно передает описанное вплоть до таких деталей, как поза Джарире, прижавшейся щекой к лицу сына, и кинжал в ее руке; однако существуют и некоторые отклонения от изложения Фирдоуси. События, изложенные в поэме в хронологической последовательности: смерть героя, сожжение его сокровищ, оплакивание, самоубийство Джарире — на миниатюре объединены в одной композиции и происходят одновременно — прием, характерный для средневековой живописи вообще. Это обусловлено, конечно, и особенностью средств изобразительного искусства, неспособного показать развитие действия во времени, и, несомненно, тем обстоятельством, которое было отмечено уже Гюзальяном и Дьяконовым. „Отклонения от текста, — пишут они, — встречаются..., пожалуй, не столько благодаря полету фантазии художника, сколько благодаря тому, что эти сюжеты были ходячими и художник знал их помимо Шах-наме".[22]

Ряд черт чрезвычайно тесно связывает пенджикентскую „Сцену оплакивания" с вышеописанной миниатюрой первой четверти XVI в.: сходная композиция, положение тела покойного, лежащего в павильоне или айване, размещение и позы фигур оплакивающих, элементы архитектуры и формы этой архитектуры. Конечно, восемь столетий, отделяющих один памятник от другого, разница материала и техника исполнения, связь миниатюры с конкретным, известным нам текстовым материалом определили иную трактовку человеческих фигур и некоторых деталей. Но едва ли мы ошибемся, если скажем, что в основе обеих сцен лежит один и тот же мотив, разработанный и получивший каноническое художественное воплощение уже ко времени создания Пенджикента.

Как указывали Гюзальян и Дьяконов, в миниатюрах „Шах-наме" и исторических сочинениях для иллюстрации сходных сцен и положений зачастую использовалась одна и та же композиция, копировавшаяся

---

[22] Л. Т. Гюзальян и М. М. Дьяконов. Рукописи Шах-наме Фирдоуси ленинградских собраний. Л., 1934, стр. XIII.

без каких-либо существенных изменений.[23] Поэтому, казалось бы, сходство между миниатюрой, изображающей оплакивание Фируди, и описанной выше пенджикентской росписью должно бы подтвердить высказанное некоторыми исследователями предположение, что последняя изображает оплакивание отца Фируда — Сиавуша, но, согласно версии сказания о Сиавуше, использованной Фирдоуси, и во всех других известных версиях Сиавуш после своей трагической смерти был вообще лишен честного погребения. Об этом текст поэмы говорит очень подробно и неоднократно. Так, увидев зловещий сон и поняв его значение, Сиавуш сам предсказывает себе конец и, прощаясь с женой своей Ферингис, говорит:

После этого Афрасиабова приказа
Мое счастье заснуло.
Отсекут неповинную главу мою,
Наденут на меня венец из крови печени (моей).
Не обрету я ни гроба, ни могилы, ни савана,
Не оплачет меня никто из народа.
Останусь я лежать во прахе словно бродяга,
Голова моя будет отсечена мечом от тела.

(II, 390, 23107).

Когда убийство произошло, предсказание исполнилось:

Геруи поставил золотой таз,
Отвел в сторону его лицо, как овцам (перед закланьем),
Отделил от серебряного кипариса главу его:
Кровь полилась из шеи его в таз.
Таз с кровью в назначенное место
Геруйи Заре отнес и опрокинул.
Тотчас из крови появилось растение
На том месте, где был опрокинут таз.
Я укажу сейчас тебе это растение,
Ты зовешь его — „Кровь Сиавуша".

(II, 408, 2516).

Сцена убийства и надругания над телом Сиавуша имеется во многих рукописях.[24] Сцена же погребения его никогда не изображается, так как, согласно легенде, такового и не было. Об этом же говорят строки Фирдоуси, описывающие один из эпизодов мести Рустема за смерть Сиавуша:

Тогда посмотрел слоноте́лый на Сорхе.
Был он кипарисом на лужайке...
Приказал затем отвезти его в степь,
(Захватив) с собой кинжал, таз и стражу.
Приказал связать ему руки арканом,
Повалить наземь словно овцу (для закланья),
Как то было с Сиавушем, отсечь голову от тела,
И коршуны пусть наденут ему саван...

(II, 448, 184).

Вряд ли в Согде могла существовать иная версия легенды о Сиавуше, отличная от хорасанской традиции, которой непосредственно следовал Фирдоуси. Во всех случаях, которые мы можем проверить, мы убеждаемся не в отличии, а в чрезвычайной близости и зачастую в тождестве этих традиций как в области литературы, так и в области

[23] Там же, стр. XII—XIII.

[24] См. рукописи ИВ АН: С 50, л. 123[б] и Д377, л. 124[б]; а также рукопись Государственной Публичной библиотеки, персидская нов. серия 90, л. 207[б].

изобразительного искусства. Кроме того, всем известно то место из китайских источников, где говорится о весеннем празднике, во время которого „собирали части тела божественного отрока". Именно это место толкуется исследователями как обряд, связанный с культом Сиавуша, — умирающего и воскресающего бога природы.[25]

В этой связи представляется маловероятным, что в росписи изображены похороны Сиавуша.

Вышеописанная миниатюра из Шах-наме является иллюстрацией к драматической картине смерти Фируда, сына Сиавуша, сопровождающейся сожжением его сокровищ, уничтожением его богаств, самоубийством слуг, бросившихся с высоты замка вниз, и самоубийством матери, заколовшей себя около трупа сына. Отдельные моменты этого отрывка поэмы могут быть сопоставлены с росписью, представляющей такую же драматическую сцену, где так же изображен плач над телом умершего (убитого?), разжигание костра, фигуры людей, падающие головой вниз. Отметим, что на той же стене, в правой ее части, очень сильно разрушенной и еще не отреставрированной, все же достаточно отчетливо видны фигуры воинов в доспехах.

Конечно, пенджикентская сцена оплакивания не является непосредственной иллюстрацией к приведенному выше тексту Фирдоуси (точнее использованной им версии эпоса), но несомненно, что она изображает эпизод из цикла сказаний, связанных с Сиавушем и смертью его сына, того же самого цикла, который лег в основу версии Фирдоуси. В том, что этот цикл был распространен и чрезвычайно популярен, сомнений быть не может.

В „Шах-наме" нашли отражение древнейшие сказания народов Ирана, известные нам, в частности, по рассказам Хареса Митиленского (III в. до н. э.). Поэтому представляется вполне закономерным привлечение материалов именно этого памятника, отделенного всего лишь двумя веками от пенджикентской живописи.

Добавим, что если действительно роспись „Сцену оплакивания" следует воспринимать как драму, разыгравшуюся в туранской крепости, то сюжетом ее является не отправление погребального обряда (оплакивание умершего), а определенный драматический эпизод эпоса, по всей вероятности тематически связанного с остальной росписью помещения. Окажется понятным и подчеркнутое своеобразие этнического типа большинства оплакивающих.

В сопоставлении с определенным кругом миниатюр чрезвычайно интересен и другой фрагмент росписи Пенджикента, открытый летом 1950 г. Это сцены сражения всадника, одетого в одежду из шкуры барса, с чудовищем-змеей. И снова нам приходится для истолкования стенных росписей Пенджикента обратиться к замечательной поэме Фирдоуси и ее художественной интерпретации в книжной миниатюре.

О том, что пенджикентский змееборец есть Рустам, можно судить прежде всего по одежде всадника, сшитой из шкуры барса, что было уже отмечено А. М. Беленицким.

Сцены битвы с драконом и другими чудовищами являются излюбленнейшими и в миниатюрной живописи. Они могут быть названы десятками, а может быть сотнями. Изображают они не одного лишь Рустама.

[25] Ed. Chavannes. Documents sur les Tou-Kiue (turcs) occidentaux. Сб. трудов Орхонской экспедиции, VI, СПб., 1903, стр. 133, прим. 5.

Сражаются с драконами Бахрам Гур, Гуштасп, Исфендиар, Бахрам Чубин, Кей-Хосрав, Искандер, Гершасп, Бурзин, Ардашир.

В упомянутой пенджикентской росписи сцены сражения с чудовищами являются эпизодами из целой живописной повести, развернутой на стенах большого зала, где одна сцена следует за другой, иногда сливаясь между собой. Узловым и наиболее интересным для нас моментом является само сражение. Всадник на коне борется с чудовищем, имеющем верхнюю половину тела отвратительной старухи-ведьмы, нижнюю — змеи. Из ран на теле чудовища вместо крови брызжет пламя. Всадник одет в кафтан и шаровары, сшитые из шкуры барса. Эта одежда

Рис. 2.

засвидетельствована для Рустама на большом количестве миниатюр (однако на миниатюрах Рустам бывает одет также в тигровую полосатую шкуру).[26]

Сцены сражения с драконом — один из наиболее излюбленных „бродячих" сюжетов. Об этом говорят чрезвычайная каноничность и в общем однообразие подобных миниатюр; в этом плане последние также интересно сопоставить с пенджикентским „Змееборцем". Здесь, как и в „Сцене оплакивания", при несомненном отличии в ряде частных моментов, столь же несомненно единство художественной и мифологической традиций, легших в основу всех этих памятников. Небезынтересен, в частности, даже такой на первый взгляд случайный момент, как то, что в подавляющем большинстве случаев герой изображен в правой, а нападающий на него дракон в левой стороне композиции, точно также, как на пенджикентской росписи.

Змееборцы на миниатюрах бывают то пешими, то конными. Так, в рукописи ИВ С 822 (л. 67б) (рис. 2) пеший Рустам, одетый в традиционный кафтан из тигровой шкуры и шлем-шишак, рассекает изогнутым мечом голову налетающему на него слева дракону, в спину которого вцепился зубами Рахш — конь Рустама, помогающий своему господину. Здесь живописец строго следует тексту и рисует событие, как оно описано Фирдоуси. Но вот та же сцена в рукописи Д 377 (л. 68б) (рис. 3) изображает героя скачущим на коне Рахше и поражающим чудовище. В основе этой второй миниатюры лежит, по-видимому, каноническая схема битвы с драконом, о чем можно судить, если сравнить ее с битвой Бахрама Чубине с драконом в рукописи С 52 (л. 93б) (рис. 4).

[26] Л. Т. Гюзальян и М. М. Дьяконов, ук. соч., стр. XIII.

Изображение драконов в миниатюре не связано с иконографией старухи-змеи Пенджикента, восходящей, по-видимому, к каким-то местным

Рис. 3.

прототипам или, что весьма возможно, к индийским мифологическим образам. В миниатюре, во всяком случае после монгольского времени, господствует китайская иконография этого фантастического существа — в виде ящера с четырьмя когтистыми лапами. Признаком огненной природы его остаются подымающиеся от плеч и бедер отростки, имеющие вид и цвет языков пламени (рис. 2—4), а иногда извергаемый из пасти огонь (рис. 5), который изображен совершенно так же, как огонь, брызжущий из ран пенджикентской змеи, переданный в виде извивающихся лент.

Мы узнаем язык тех самых канонов, которые господствуют в миниатюрной живописи XV—XVI вв., и в условных приемах передачи элементов пейзажа, которыми пользуется мастер пенджикентского „Змееборца".

Едва ли возникли бы споры относительно того, что изображено на пенджикентской росписи — скалы или облака, если бы эти скалы были сопоставлены с изображением гор и скал в миниатюрной живописи „Шах-наме". Чрезвычайно сходным условным приемом переданы в рукописи С 1654 (л. 48б) (рис. 6) камни над входом в пещеру, в которой борется Рустам с Белым Дивом, и горы, в которых находит свою смерть Пиран (л. 185б) (рис. 7). Интересно отметить в этом же пенджикентском памятнике изображение второстепенных или пассивных участников происходящего события как бы выглядывающими (обычно

по пояс или по плечи) из-за скал или гребня холма[27] — прием, широко использованный позднее в миниатюре.

Выше говорилось, что у Фирдоуси можно найти некоторые указания на композицию декоративных росписей с главной фигурой в центре как на обычную. Росписи Пенджикента дают нам примеры такого же построения (объект III, помещение 7 — центральная часть росписи; объект VI, помещение 1). Часто встречающееся перенесение частей изображений, не уместившихся на данной стене, за ее угол и заполнение оставшегося свободным на стене пространства другой композицией можно объяснить применением припорохов, как это имело место в центральноазиатской буддийской стенной живописи. О применении в живописном мастерстве таких инструментов, как например циркуль, рассказывает приведенный выше отрывок из поэмы Низами „Семь красавиц", а также и то место в „Шах-наме", где Ферудин приказывает выковать палицу, точное изображение которой он наносит циркулем перед мастерами на земле.[28]

Рис. 4.

Сопоставление пенджикентских росписей с книжными миниатюрами „Шах-наме" позволяет говорить о том, что как те, так и другие представляют различные этапы легендарно-эпического жанра живописи, связанной с кругом преданий, вошедших в „Шах-наме".

Повествовательные, эпические сюжеты пенджикентских росписей являются иллюстрациями к легендам этого круга, быть может согдийским вариантам их, не всегда известным нам. Едва ли оправданы мо-

[27] Л. Т. Гюзальян и М. М. Дьяконов. Иранские миниатюры в рукописях Шах-наме ленинградских собраний. М.—Л., 1935, табл. IX, XII.

[28]
И взял водитель поспешно циркуль,
Показал им форму палицы.
Нарисовал перед ними на земле
Точное изображение бычьей головы.
(I, 487).

гут быть попытки толковать хотя бы некоторые из этих росписей как культовые, т. е. священные иконы или символы манихейства, тем более, что факт господства или гегемонии последнего по сути дела не под-

Рис. 5.

Рис. 6.

тверждается ни нарративными источниками, ни памятниками материальной культуры и искусства.

Несомненно, манихейство, а еще в большей мере буддизм, являясь культами, почитавшими и создававшими священные изображения, были благодарной почвой для развития изобразительного искусства, особенно

живописи, и играли серьезную роль в истории ее развития на территории Средней и Центральной Азии. Однако значение буддизма было здесь неизмеримо больше, чем манихейства. Даже в таком археологическом комплексе, как Идикут-Шари, где существование манихейства подтверждается как изобразительным материалом, так и письменными источниками, памятниками манихейской религии и манихейского искусства насчитываются единицами рядом с тысячами буддийских.

Рис. 7.

Кроме того, обе эти религии, особенно манихейство, возникшее лишь в III в., проникали и в Среднюю, и в Центральную Азию, когда там уже существовали свои религии и вполне сложившиеся формы искусства. Проникшие сюда культы должны были широко использовать многовековое художественное наследие народов Средней Азии в своей иконографии. В отношении буддизма это подтверждается весьма обширным материалом. Несомненно, что древнее искусство Центральной и Средней Азии подвергалось влиянием и претерпевало изменения в зависимости от приспособления его к требованиям этих новых культов. Также несомненно и то, что идейная и эстетическая основы его сложились гораздо раньше.

Разгадку содержания пенджикентских росписей следует искать в иранском эпосе и в индоиранской мифологии, из которой сложились еще, по-видимому, в середине I тысячелетия до н. э. у обитателей Средней Азии представления о прошлом их народов, о происхождении человечества и человеческой культуры. Особенно существенным является поэтому установление для Средней Азии непрерывной художественной традиции, появляющейся в основных своих чертах в трактовке определенных сюжетов, в приемах стилизации и условностей в доисламское время.

Это подтверждается как данными письменных источников, так и несомненной преемственной связью иллюстраций к героическому эпосу с пенджикентскими росписями. Исследование их именно в этом направлении стоит на очереди.

В. М. Жирмунский

ЛЕГЕНДА О ПРИЗВАНИИ ПЕВЦА

С именем Кэдмона (Caedmon), первого англосаксонского поэта, упоминающегося в истории английской литературы, связана биографическая легенда, о которой рассказывает Беда Достопочтенный (Beda Venerabilis, 673—735) в своей написанной на латинском языке „Церковной истории англов“ (Historia ecclesiastica gentis Anglorum, кн. IV, гл. 24; закончена в 731 г.).

Согласно Беде, Кэдмон был монахом монастыря Streoneshalh (ныне Whitby, в Нортумбрии) во времена аббатиссы Хильды (657—680). Он был прославлен песенным искусством, которому научился не от людей, но приобрел этот дар от бога, с помощью божественного покровительства. Когда Кэдмон был еще мирянином (уже преклонного возраста), он не умел петь. Во время пира, когда гостей обходила арфа и очередь петь доходила до него, он вставал с места и удалялся, стыдясь своей неспособности. Однажды ночью, покинув таким образом пиршество, он заснул в хлеву, который должен был сторожить. Во сне ему явился некий муж, который приветствовал его и сказал: „Кэдмон, спой мне что-нибудь“. Кэдмон отвечал: „Я не умею петь“. Но муж повторил свое приказание и велел Кэдмону воспеть сотворение мира. Кэдмон запел, и когда на утро проснулся, он помнил песню, сложенную во сне, и сообщил о происшествии аббатиссе. Аббатисса собрала людей ученых, чтобы спросить, откуда явился Кэдмону этот дар. Они решили, что от бога, и с той поры Кэдмона стали обучать в монастыре божественному писанию, а он все, что ему рассказывали днем, на следующее утро перелегал в прекрасные песни. По совету аббатиссы Кэдмон постригся в монахи и постепенно, со слов людей ученых, переложил в песни все события, о которых рассказывает писание, — от сотворения мира до воскресения Христа и страшного суда.

Монастырь Streoneshalh, основанный нортумбрийской королевной Хильдой в 657 г., был первым рассадником христианского просвещения в стране англов, только недавно обращенных в христианство. Монастырь вел широкую пропаганду новой веры среди обращенных в христианство англов. К числу мирян, находившихся под духовной опекой этого монастыря, принадлежал, по всей вероятности, и Кэдмон.[1] Гимн Кэдмона,

[1] Alois Brandl. Die angelsächsishce Literatur. Grundriß der germanischen Philologie, herausg. v. H. Paul, Bd. II, 1908, стр. 1027 сл.; ср. также: История английской литературы, т. I, вып. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1943, стр. 33 сл.

прославляющий бога как творца вселенной, сохранился на англосаксонском языке в одной из старейших рукописей „Истории“ Беды (737 г.). Он открывает собой целую серию христианских эпических поэм на темы Ветхого и Нового Завета и житий святых. Написанные в традиционной форме и стиле англосаксонского героического эпоса, поэмы эти принадлежат различным авторам VIII—X вв., из которых многие (подобно другому известному нам поэту этой группы — Кюневульфу) были, вероятно, первоначально дружинными певцами англосаксонских конунгов и сменили старый репертуар языческого героического эпоса на новые темы, подсказанные церковной пропагандой. Бытовой случай такого рода рассказан в житии святого Лиудгера (Vita Liudgeri), который обратил в христианство слепого фризского певца Бернлефа.[2] Прежде Бернлеф „умел воспевать, по обычаю своего народа, деяния предков и подвиги королей“. После обращения он стал слагать христианские гимны.

Легенда о Кэдмоне сохранила в христианизированной форме более древнее, дохристианское представление о чудесном внушении, или наитии, как источнике поэтического дара сказителя. Первичная языческая форма этой легенды не сохранилась на средневековом Западе в связи с ранней христианизацией западных народов и систематической борьбой церкви против остатков языческих верований. Единственную, более отдаленную скандинавскую параллель приводит А. Н. Веселовский в своей „Исторической поэтике“: рассказ древнеисландской саги о скальде Хальбиорне (Hallbjörn), пастухе, как и Кэдмон, который получил песенный дар во время чудесного сна, посетившего его на могиле скальда Торлейфа (Thorleifr). „Снится ему однажды, что из холма вышел муж, высокий ростом, хорошо одетый, и говорит: «Лежишь ты здесь, Хальбиорн, и затеял нечто, на что ты не способен: сложить песню в мою хвалу. Одно из двух: или этот дар явится и дастся тебе больше, чем многим другим, на что я и надеюсь; либо — оставь напрасный труд». Он коснулся его языка и произнес четверостишие; если, проснувшись, Хальбиорн его запомнит, из него выйдет толк. И Хальбиорн стал скальдом“.[3]

Представления, лежащие в основе этой легенды, имели широкое распространение на определенной ступени развития общества и общественной идеологии. Поэтому легенда о призвании сказителя встречается в исходной форме у многих народов, не связанных между собой какими-либо культурными взаимодействиями и „влияниями“. Современный фольклорный и этнографический материал, собранный у народов Востока, дает нам и в этом случае ключ к истолкованию очень неполных указаний древних письменных источников.

Так, по сообщению узбекских фольклористов,[4] многие старые узбекские народные сказители (так называемые „бахши“) рассказывают о своем чудесном „призвании“ в чертах, удивительно сходных с англосаксонской легендой. Будущий сказитель, большей частью, как и Кэдмон, простой пастух, уснул где-нибудь на открытом воздухе, под деревом, во сне ему явился незнакомец (чаще всего какой-нибудь мусульманский

[2] R. Koegel. Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgange des Mittelalters, Bd. I, Teil 1, 1894, стр. 141.

[3] А. Н. Веселовский. Три главы из исторической поэтики. „Историческая поэтика“, 1940, стр. 339—340.

[4] В. Жирмунский и Х. Зарифов. Узбекский народный героический эпос. М., 1947, стр. 26.

святой), который подал ему домбру и велел петь, сказав: „Ты будешь бахши!“. Певец во сне заиграл и запел. Проснувшись, он увидел, что рядом с ним никого нет, но с этого времени он получил песенный дар и стал бахши.

Отметим, что узбекские народные сказители проходили в прежнее время через своего рода профессиональное обучение в школе какого-нибудь знаменитого бахши, прославленного мастера эпического искусства. Нередко, как в семье одного из крупнейших сказителей недавнего времени — Эргаша Джуманбульбуль-оглы (ум. в 1938 г.), песенный дар в ряде поколений передавался от отца к сыну. Тем не менее свое „посвящение“ старые певцы по установившейся издавна традиции неизменно возводили к чудесному видению указанного типа.

Киргизские „манасчи“, хранители и распространители грандиозной по своим размерам древней эпопеи „Манас“, также ссылаются на подобного рода „внушение“ свыше, как о том свидетельствуют известные нам биографии крупнейших народных сказителей.[5] Будущего манасчи призывает к пению сам Манас, который является ему в сновидении в сопровождении своих сорока дружинников. Сновидение это является непосредственным источником песенного дара. Если избранник Манаса отказывается выполнить его наказ, Манас грозит ему болезнями и бедами, которые преследуют ослушника, покуда он не покорится призванию.

О таких же последствиях ослушания рассказывают и узбекские бахши.

У казахов встречается другой вариант этого сказания, ближе напоминающий рассказ древнеисландской саги о скальде Хальбиорне. Будущего певца во сне посещает дух знаменитого акына старых времен, из того же рода и местности, который дает ему домбру, со словами: „Сын мой, возьми эту домбру!“. Тогда песенный дар нисходит на спящего, и он становится акыном (сообщение Е. Исмаилова).

В туркменском народном романе „Неджеп-оглан“ обучение у певца учителя также сочетается с мотивом чудесного наития. Герой, будущий бахши, засыпает в степи за тяжелой работой. „Во сне ему являются таинственные «сорок мужей», и каждый подносит ему по чаше вина, под конец чашу дает ему и сам Ашык-айдын (его учитель). Мальчик просыпается и видит, что стал прекрасным бахши“.[6]

Аналогичные легенды, с чертами еще более архаическими, записал акад. Б. Я. Владимирцов у монгол-ойратов. Об одном знаменитом ойратском певце героических эпопей Этен-Гончике из племени баитов Владимирцов сообщает следующее предание: „Будучи маленьким мальчиком, Этен-Гончик пас, по обычаю, баранов в степи. Однажды летом увидел он, что подъезжает к нему великан верхом на драконе. Мальчик впоследствии никак не мог объяснить, видел ли он это видение наяву или во сне. Великан подъехал к оторопелому Этен-Гончику и спросил, хочет ли он стать певцом эпопей, хочет ли он научиться петь богатырские эпопеи. Мальчик ответил, что он давно уже сильно желает научиться петь былины. Тогда великан заявил, что научит мальчика

[5] Мухтар Ауэзов. Киргизский героический эпос „Манас“. См.: Мухтар Ауэзов. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1959, стр. 486; Калим Рахматуллин. Манасчылар. Фрунзе, 1942.

[6] Е. Э. Бертельс. Неджеф-оглан, туркменский роман о поэте. „Белек“, сб. посвященный С. Е. Малову, Фрунзе, 1946, стр. 27; Ср.: Шабенде. Неджеп оглан. Ашхабад, 1943.

петь разные эпопеи, если тот отдаст ему большого «посвященного» царю драконов козла. Мальчик с радостью согласился. Великан тогда ударил Гончика по плечу и скрылся. Через некоторое время мальчик пришел в себя, осмотрелся: кругом никого, нет никакого великана, но невдалеке волк пожирает задавленного им большого козла, как раз того, на которого только что указывал в видении великан. С этого времени Этен-Гончик почувствовал в себе способности петь героические эпопеи, стал знаменитейшим рапсодом и признавал, что дар этот получил от самого царя драконов, являвшегося к нему под видом великана".[7]

По словам Владимирцова, монголы-ойраты считают, что певцы героического эпоса — „тульчи" — „облюбованы сверхъестественными силами, чтобы поддерживать и хранить предания славного прошлого".[8] Во время пения „ойратский певец делается точно одержимым, забывает все вокруг себя и весь отдается процессу творчества". Ойраты считают, „что разные сверхъестественные силы, духи внушают певцам во время экстаза эти образы, картины, эти звучные строфы, даруют им силы выдержать страшное напряжение".[9]

Подобные представления о божественном „призвании" певца в условиях феодального общества сохраняются лишь как пережиток древности, получая новое переосмысление в духе господствующей религии — христианства (Кэдмон) или мусульманства (узбекские или туркменские бахши дореволюционного времени). Более глубокий генезис этих представлений на ранних ступенях развития общества раскрывается лишь в результате дальнейшего привлечения материала сравнительной этнографии и фольклора.

В первобытном обществе народная поэзия, возникшая из трудовой песни, теснейшим образом связана с магическим обрядом, которым родовой коллектив стремится обеспечить себе благополучие в войне, охоте или коллективных трудовых процессах. Отсюда вера в волшебную силу песни, которую пережиточно сохранили сюжеты многих народных сказаний, песен и сказок: такой чудесной силой обладают, например, песни Орфея, которому, по греческой легенде, послушны были звери, деревья и скалы; рыцаря-певца Хоранта, выступающего в роли свата в средневековом немецком эпосе „Гудруна" (около 1210 г.); гусляра Садко — в русской былине; особенно же старого мудрого Вейнемейнена, этого „вековечного заклинателя", — в рунах „Калевалы" и др.[10] Вера эта связана с обычным на ранних ступенях общественного развития совмещением профессии певца и прорицателя-шамана, предшествующем окончательному выделению эпической поэзии из связи с обрядовой. Там, где эта связь еще существует, возникает и получает широко распространенное представление о поэтическом „вдохновении как о чудесном пророческом даре, порождаемом наитием — вдохновением" свыше. Легенда о Кэдмоне и сродные с ней в конечном счете восходят к представлению о „наитии" как об обязательном условии „посвящения" шамана.

Вопрос о „посвящении" шамана исследован проф. Л. Я. Штернбергом на обширном материале шаманистских обрядов и верований на-

[7] Монголо-ойратский героический эпос. Перевод и вступительная статья Б. Я. Владимирцова. Изд. „Всемирная литература", 1923, стр. 38.
[8] Там же, стр. 25.
[9] Там же, стр. 38.
[10] А. Н. Веселовский, ук. соч., стр. 333 сл.

родов Сибири, среди которых до недавнего времени шаманизм был широко распространенным бытовым явлением.

„Не в воле человека стать шаманом, — пишет Л. Я. Штернберг. — Дар шамана приобретается не по желанию последнего, обычно, наоборот, против его желания, и высокий дар этот принимается как тяжкое бремя, которое человек приемлет как неизбежное, покоряясь ему с тяжелым сердцем обреченного. Не шаман избирает духа-покровителя, а дух избирает шамана. Для получения дара шаману необходим особый момент призывания.

„Внезапно — обыкновенно это бывает в так называемый переходный возраст, в период наступления половой зрелости — будущий шаман подвергается острому нервному заболеванию, которое сопровождается истерическими припадками, обмороками, галлюцинациями и тому подобными явлениями и которое мучит его иногда в течение многих недель, и столь же внезапно во время одного из припадков или во сне является к нему его дух-покровитель, объявляющий ему об его избрании, приказывающий ему стать шаманом, предлагая ему свое руководство и помощь...

„Бывают случаи, когда призванный сначала отказывается от возлагаемого на него бремени, упорствует, колеблется, но, в конце концов, измученный угрозами или соблазненный посулами избравшего духа покоряется и вступает в союз со своим покровителем; обычно после этого припадки исчезают и больной выздоравливает. С этого момента начинается шаманское служение".[11]

У народов, сохранявших в недавнем прошлом более или менее значительные пережитки шаманистских верований, древняя связь между сказителем и шаманом еще выступает достаточно отчетливо. Об этом свидетельствуют, например, интересные сообщения проф. Г. Д. Санжеева о бурятском эпосе.[12] Пение „улигера" (эпической поэмы типа богатырской сказки) имело у бурят обрядовый характер. Бурятские сказители говорили, что „в артели без хорошего певца невозможна удачная охота; так же обстоит дело и у алтайских тюрков. Выезжая на таежную охоту, буряты должны одеваться в свои лучшие одеяния, ибо они выезжали не бить зверей, а гостить у них и просить их, чтобы они сами подбежали к охотникам. По прибытии на место охоты буряты совершали некоторые обряды, имевшие целью ублаготворить духов зверей и лесов, от которых зависит тот или иной исход охоты. Затем, вечером, перед сном, певец расстилал в шалаше белый войлок (не запачканный конским потом), на нем ставил зажженные ветки можжевельника, чашку с вином или молоком, втыкал в него стрелу и пр. И всю ночь, до первых проблесков утренней зари, протяжно распевал он свою эпопею: без этой церемонии охота, по убеждению бурят, не могла быть удачной. Смысл распевания охотниками улигеров (эпопей) заключался, по словам шаманов, в том, что этим самым доставляется удовольствие духу-хозяину тайги".[13]

[11] Л. Я. Штернберг. Избранничество в религии. Этнография, 1927, № 1, стр. 5. Ср. также: Н. П. Дыренкова. Получение шаманского дара по воззрениям тюркских племен. Сб. Музея антропол. и этнограф. АН СССР, т. IX, 1930, стр. 267—291.
[12] Г. Д. Санжеев. Эпос северных бурят. В кн.: Аламжи-мерген. Бурятский эпос. Изд. „Academia", 1936.
[13] Там же, стр. IX—X.

Представления бурят об „избранничестве“ эпического певца, сказителя улигеров, по рассказу Санжеева, очень близки к шаманским и позволяют нам восстановить связь между этими последними и легендой о Кэдмоне. В старину, как сообщает Санжеев, сказитель считал себя „избранником духа или духов“, поэтому он обязан был сделаться певцом улигеров, иначе духи, его избравшие, могли подвергнуть непокорного избранника тяжким наказаниям. „Будущий рапсод обычно уже с юных лет начинал вести себя как одержимый духами — он часто видит сны, уединяется в лесу и вообще проявляет признаки нервного расстройства; иногда он даже хворал, терял свою обычную бодрость, впадал в апатию. То есть с рапсодом происходит то же самое, что и с будущими шаманами, с той только разницей, что болезненный процесс нервного расстройства у последних проявлялся и выражался в гораздо более острой форме. Юный рапсод, убедившись в том, что избравшие его «музы» все равно не оставят его в покое, начинал учиться песнопению у старых рапсодов, запоминать слышанные им эпопеи. Помогали ему учиться и те «музы», которые избрали его; обычно эта помощь проявлялась в том, что рапсод во сне слышал пение духов, являвшихся к нему и уводивших его к себе на небо; иногда несчастный маниак слышал пение «невидимого голоса» или, как говорят, буряты, «пение без рта». За плохое пение рапсоду доставалось не только от слушателей, награждавших его презрением и невниманием, но и главным образом от избравших его духов и тех героев, подвиги которых он пытался воспеть в своей эпопее“.[14]

Узбекские и киргизские сказители героического эпоса представляют гораздо более позднюю ступень развития народного эпического искусства, в основном уже далеко отошедшую от первоначальной связи с магическим обрядом. Однако о существовании такой связи в прошлом свидетельствует самое название узбекского сказителя — бахши. Слово „бахши“ имело в узбекском языке двоякое применение. С одной стороны, оно означало знахаря, колдуна, народного лекаря — шамана, магической песней и игрой на бубне, домбре, кобузе (двухструнная скрипка с полым резонатором) и других народных инструментах изгонявшего из больного злых духов (джиннов); с другой стороны, оно применялось к эпическому певцу, профессиональному народному сказителю. Оба значения данного слова встречаются раздельно у других тюркоязычных народов Средней Азии. У туркмен „бахши“ — профессиональный певец-музыкант, народный сказитель; у казахов „баксы“ и у киргизов „бакши“ — только шаман, колдун, знахарь.[15] Для сказителя казахи употребляют слово „акын“ или „жырши“, „жырау“ от слова „жыр“ — песня.[16]

Современные известные нам узбекские сказители-бахши и их ближайшие учителя ни в настоящее время, ни в прошлом не совмещали

[14] Там же, стр. XVIII. Ср. аналогичное указание Б. Я. Владимирцова: „Вообще же, по понятиям современных ойратов, как-либо искажать эпопею — большой грех, за который можно понести кару от гениев-хранителей и от самих богатырей, которых воспевают в той или другой эпопее“ (см: Монголо-ойратский героический эпос, стр. 40). То же сообщает об алтайцах А. Коптелов (Н. У. Улагашев. Алтай Бучай. Редакция и вступительная статья А. Коптелова. Новосибирск, 1941, стр. 46—47).

[15] А. Н. Самойлович. Очерки по истории туркменской литературы. Сб. „Туркмения“, т. I, Изд. АН СССР, 1929, стр. 131. О казахских шаманах-баксы ср.: А. Диваев. Из области киргизских верований. Баксы как. лекарь и колдун. Этнограф. обозрение, 1907, № 4; И. А. Чеканинский. Баксылык, следы древних верований казахов. Зап. Семипалатинск. отдела Общ. изучения Казахстана, т. I, 1929, с библиографией.

[16] Ср: Е. Исмаилов. Акыны. Алма-Ата, 1957, стр. 43—56.

исполнения эпических песен с профессией знахаря-шамана. Однако старые певцы сохранили воспоминание об отдельных подобных случаях совмещения обеих профессий в прошлые времена, и это заставляет думать, что когда-то у узбеков, как и у других народов, искусству певца приписывалась магическая сила и что профессия сказителя эпических песен лишь постепенно дифференцировалась из первоначальной связи с народным обрядом.

У киргизов до недавнего времени сказители „Манаса“ при случае выполняли функции лекарей. Их приглашали петь „Манаса“ при болезнях людей и скота, для облегчения родов и т. п. Фольклорист Калим Рахматуллин сообщает любопытное предание о Кельдибеке, одном из крупнейших манасчи XIX в. „У Манапа Осмона, из рода Эсенкул, не было детей, и он пригласил Кельдибека исполнить «Манаса», после чего, как гласит народная молва, жена Осмона забеременела и родила сына“. О том же Кельдибеке Мухтар Ауэзов сообщает другое предание, в котором ярко отразилось представление о чудесной силе песни: „Говорят, что когда пел Кельдибек, то дрожала юрта, в которой он сидел, силой своего пения он потрясал стихии, на аул как будто неожиданно налетал ураган и среди этой бушующей стихии наезжали неведомые всадники“ (Манас и его дружинники), „и от топота их копыт содрогалась земля“.[17]

В свете подобных примеров можно высказать предположение, что исполнение перед боем народным сказителем или дружинным певцом героической песни о боевых деяниях предков первоначально не только имело целью воодушевить воинов на ратные подвиги, но носило характер магического обряда, подобного воинским и охотничьим песням-пляскам диких народов. Иллюстрацией сказанного может служить следующий рассказ, записанный Б. Я. Владимирцовым о знаменитом ойратском сказителе „тульчи“ Парчене.

„Когда в 1912 г. у монголов началась война с Китаем за независимость, Парчен отправился в поход вместе с ойратским ополчением под Кобдо, занимал важную воинскую должность и участвовал в штурме крепости. Говорят, однажды, во время осады, затянувшейся довольно долго, какой-то дэрбэт стал петь в лагере героическую эпопею «Бум-Ердени», пел плохо, без прикрас, многое перевирал. Услыхав такое исполнение любимой былины, Парчен, придя в сильное возбуждение, выхватил у певца его балалайку, настроил и запел ту же эпопею «Бум-Ердени». Монгольские воины, которых собралось там много, сразу поняли, кого они видят перед собой. Парчену удалось не только показать свое искусство, развернуть красу монгольской эпопеи, но и воодушевить своих слушателей, поднять их боевой пыл. Говорят, все бывшие тогда в лагере ойратские воины пережили момент сильнейшего одушевления, готовы были тотчас же идти на штурм крепости и клялись разметать китайские гнезда. „Невольно, слушая рассказ об этом эпизоде, вспоминается легенда о том, как певец возбудил воинский пыл норманнов при Гастингсе исполнением Песни о Роланде“.[18]

Письменные записи средневекового тюркского эпоса сохранили нам в поэтической идеализации древний образ певца, еще объединяющего

[17] Калим Рахматуллин, ук. соч., стр. 56; Мухтар Ауэзов, ук. соч., стр. 482.

[18] Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 34. Певец, о котором вспоминает Владимирцов, — Тайефер, жонглер и добрый воин, который ехал впереди герцога и всего норманнского войска, распевая песню „о Карле, Роланде и Оливье и о вассалах, погибших при Ронсевале“ (Wace. Roman de Rou, 8035—8040).

в одном лице сказителя эпоса и шамана. „Книга моего деда Коркута“ („Китаби Коркут“), сохранившаяся в турецкой рукописи XVI в., представляет цикл богатырских песен тюркского народа огузов, в своей основе сложившийся еще в ту пору, когда огузы кочевали в низовьях Сыр-Дарьи и приаральских степях (X в.), но получивший окончательное оформление в период XII—XV вв. в Закавказье и Анатолии, куда часть огузов проникла в XI в. под предводительством султанов Сельджукской династии.[19] Через весь цикл эпических сказаний огузов проходит объединяющая фигура мудрого старца Коркута, вещего певца, сложившего песни об огузских богатырях, прикрепленные к его легендарному имени.

„Отец Коркут“ (Коркут-ата) — мудрый патриарх племени. Все трудные дела огузские богатыри решают по его совету. „Среди огузов он был первым человеком, — сообщает предисловие к „Книге Коркута“, — он знал всё; всё, что он говорил, сбывалось. Коркут-ата разрешал затруднения народа огузов. Какое бы дело ни слушалось, не спросив совета у Коркут-ата, его не решали. Всё, что он приказывал, принимали, его слова держали, по его слову всё исполняли“.

Коркут нарекает имя будущему герою, дает ему коня, благословляет его меч и отправляется за него в трудное сватовство. И он же, сопровождая себя игрой на кобузе, воспевает в эпической песне подвиг, совершенный героем. Слава богатыря зависит от песни певца. „С кобзой в руке, от народа к народу, от бека к беку, идет певец. Кто из мужей отважен, кто негоден, знает певец“.

Коркуту приписываются пословицы, изречения народной мудрости, объединяемые в серии формулой: „Еще говорил дед Коркут“. Предисловие к „Книге Коркута“ содержит собрание таких пословиц; другое подобное собрание сохранилось отдельно в турецкой рукописи, озаглавленной „Слова предков“ („Аталар сёзю“). И здесь Коркут выступает, по словам В. В. Бартольда, как „наставник народа, хранитель заветов старины и родового строя, предсказывающий всё хорошее и дурное, что случится с народом“.

Местные среднеазиатские предания о Коркуте, восходящие к огузской традиции глубокой древности, отражены с другой стороны в „Родословной туркмен“ хивинского хана Абульгази (около 1660 г.), основанной частью на древних письменных источниках, частью на фольклорных традициях туркмен, потомков среднеазиатских огузов.[20] Коркут-ата, согласно „Родословной“, — мудрый везир пяти огузских ханов, старец, доживший до 95 лет. Он пользуется среди огузов большим почетом. Хан Туман, например, говорит Коркуту: „Ты — лучший из всего огузского иля, везир моего отца, и мой дед, и я согласен с твоими словами“. Как в эпосе, Коркут дает ханскому сыну „доброе“ (т. е. счастливое) имя. Абульгази относит время его жизни к X в. („300 лет спустя после нашего пророка“). Хронология эта вполне соответствует времени, когда огузы кочевали в низовьях Сыр-Дарьи и когда, по всей вероятности, сложился эпический цикл, связанный с именем Коркута.[21]

---

[19] Деде Коркут. Пер. акад. В. В. Бартольда. Баку, 1950.

[20] А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.—Л., 1958.

[21] Источником глав о Коркуте в „Родословной туркмен“ является сочинение Рашид-ад-Дина „История Огуза и тюрок и владычества их над миром“. См.: Orhan Šaik Gökyay. Dede Korkut. Istanbul, 1938, стр. XVIII—XXI. Тем самым эта форма легенды о Коркуте засвидетельствована уже в начале XIV в.

В то же время память о Коркуте сохранилась и в живой фольклорной традиции среднеазиатских народов: туркмен, казахов и узбеков.[22] У казахов Коркут-ата — первый баксы (шаман), научивший их играть на кобузе. Его имя упоминается в магических заклинаниях казахских баксы. Существует легенда о том, что Коркут игрой на кобузе спасался от смерти на ковре-самоплаве по середине Сыр-Дарьи; но когда сон одолел его, „смерть в образе небольшой змеи вползла на ковер и ужалила Коркута“. Существует, по-видимому, и другое предание, согласно которому Коркуту удалось спастись от смерти („Назову его мертвым — он не мертв, назову его живым — он не жив, святой Коркут“). С этим преданием, вероятно, связана поговорка: „Не рой могилу Коркуту“. С другой стороны, легендарная могила „святого Коркута“ сохранилась на берегу Сыр-Дарьи, недалеко от Джусалы (железнодорожная станция Хорхут), и служила предметом культа у мусульманского населения. Бартольд предполагает, что начало этого культа относится к очень древнему времени, „так как в легенде о Коркуте как о мусульманском святом, сохранились следы домусульманских верований“. „Если культ Коркута унаследован от огузов, то этот культ имеет на Сыр-Дарье уже тысячелетнюю давность; единственным, насколько известно, периодом, когда местность по нижнему течению Сыр-Дарьи имела центральное значение в жизни огузов, был X век“.[23]

Патриарх племени, прорицатель и шаман, в то же время создатель и хранитель народного эпического предания, Коркут носит яркие следы того древнего синкретического типа народного певца, из которого в дальнейшем дифференцируется профессиональный сказитель богатырского эпоса.

Типичность этой фигуры подтверждается сходным образом вещего певца в ногайско-казахской эпической поэме об Едигее,[24] происхождение которой относится ко времени, непосредственно следующему за описанными в ней событиями из жизни известного правителя Золотой Орды, победителя Тохтамыша и союзника Тимура, — к началу XV в. После бегства Едигея к Тимуру (Са-Темиру), рассказывает эпос, рассерженный Тохтамыш по совету своих вельмож призывает ко двору мудрого старца, прорицателя и певца Суп-Джирау (или Сабра-жирау), который прожил 180 лет и знал всех золотоордынских властителей со времен Чингис-хана. За старым певцом снаряжают посольство, его привозят в совет с великим почетом, подвязывают его беззубую челюсть, подстилают под него дорогие одежды. В вещей песне он предсказывает своему повелителю будущее крушение его царства под ударами мятежного Едигея и Са-Темира.

Интересно отметить в этой связи легендарную родословную современного акына, 82-летнего Мурын-жырау из Мангишлака (на восточном берегу Каспийского моря), от которого в 1942 г. казахскими фольклористами

---

[22] В. Бартольд. Турецкий эпос и Кавказ. Сб. „Язык и литература“, т. V, Л., 1930, стр. 14 сл.

[23] Из рукописного предисловия акад. В. В. Бартольда к его переводу „Китаби Коркут“. Архив АН СССР, 68, I, 183.

[24] Из многочисленных вариантов этого сказания ср. казахскую версию, переведенную Ч. Валихановым (Сочинения Ч. Ч. Валиханова, Зап. Русск. географ. общ. по отделу этнографии, т. XXIX, 1904, стр. 233—264), и посвященное ей исследование проф. П. М. Мелиоранского „Сказание о Едигее и Токтамыше“ (Приложение к т. XXIX „Записок Русского географического общества“, 1905). Изложение содержания „Едигея“ дает также акад. А. С. Орлов в книге „Казахский героический эпос“ (М.—Л., 1945, стр. 134—144).

был впервые записан обширный генеалогической цикл казахского героического эпоса — „Сорок богатырей". Мурын-жырау возводит свою родословную сказителя через ряд звеньев (вначале исторических, потом легендарных) к певцу Тохтамыша Сыпыра-жырау.[25]

Легенда о призвании певца-сказителя входит в литературу как сюжет вместе с развитием индивидуального поэтического творчества и его эмансипацией от фольклорной традиции. На грани двух эпох в истории поэзии, между народным певцом и книжным поэтом нового типа, стоит в Средней Азии туркменский поэт Махтум-Кули, основоположник классической туркменской литературы (родился в 1730-х годах, умер в конце XVIII в.). В стихотворении „Откровение" Махтум-Кули описывает свое посвящение в поэты в освященной традицией форме „призвания". Свой поэтический дар он получил, по его рассказу, в вещем сновидении от самого пророка Мухаммеда, посланника Аллаха, и его спутников, четырех „благословенных" халифов — Абубекра, Омара, Османа и Али-Шахимардана, к которым его приводят Бехауддин и Зенгибаба, мусульманские мистики и святые, покровители поэта (его „пи́ры"). Чаша, которую ему дают испить, сообщает дар поэтического вдохновения, как и в других легендах этого типа, уменье петь нередко сообщается чудесным напитком (ср. „кубок Bragi" — дар бога Одина скандинавским скальдам):[26]

. . . Сказал пророк: „Он жаждой обуян.
Подайте чашу, о Шахимардан,
И Абу-Бекр, Омар и ты, Осман!".
И мне мужи: „Не проливай!" — сказали.

И плоть мою на муки обрекли.
Я выпил всё, что в чаше принесли;
Сгорел мой разум, я лежал в пыли. . .
„Мир пред тобой. Иди, взирай!" — сказали.

Тогда я в жилы недр земных проник
И, вихрем встав, седьмых небес достиг.
И мне: „Теперь ты властен в краткий миг
Окинуть взором звездный рай!" — сказали.

Открылись мне далекие края
И тайные движения бытия.
Так я лежал, дыханье затая.
И, плюнув мне в лицо: „Вставай!" — сказали.
. . . . . .
Открыл глаза и встал Махтум-Кули.
Какие думы чередою шли!
Потоки пены с губ моих текли.
„Теперь блуждай из края в край!" — сказали.[27]

По своему основному образному содержанию, если отвлечься от специфически мусульманского оформления, стихотворение Махтум-Кули необыкновенно напоминает „Пророка" Пушкина. И это не случайно: Пушкин, как известно, использовал в своем стихотворении мотивы

[25] Е. Исмаилов, ук. соч., стр. 47, 330.
[26] См.: А. Н. Веселовский, ук. соч., стр. 331.
[27] Махтум-Кули (Фраги), „Избранные стихи", ГИХЛ, М., 1949, стр. 27—29 (пер. А. Тарковского). Анализ всего цикла приписываемых Махтум-Кули стихотворений о „призвании" поэта см.: Е. Э. Бертельс. Махтум-Кули о художественном творчестве. Совет Эдебиети, Ашхабад, 1944, № 7, стр. 128—138.

библейской легенды о призвании пророка.[28] См. книгу пророка Исайи (гл. VI, ст. 1—9): „. . . вокруг его стояли серафимы; у каждого из них по шести крыл. . . Тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника. И коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен. И услышал я голос господа, говорящего: кого мне послать? и кто пойдет для нас? И я сказал: вот я, пошли меня. И сказал он: пойди. . .". Между тем библейская легенда, как и сходный рассказ Корана о призвании поэта Мухаммеда,[29] сами являются легендами того же типа, как и разобранные выше.[30]

Новоевропейская поэзия в период Ренессанса и классицизма XVII—XVIII вв. унаследовала сходный комплекс образов и представлений от поэзии античной. Музы и Аполлон „вдохновляют" поэта, т. е. чудесным образом сообщают ему творческий „дар", „призывая" его к своему служению („Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон. . ."). Соответственно этому двойной смысл имеют и самые слова „призвание" (ср. франц. vocation, нем. Ruf, Beruf, англ. call и т. п.) и поэтический „дар" (франц. don, нем. Gabe, англ. gift и т. п.). В приписываемой Гесиоду „Феогонии" (VIII—VII вв. до н. э.) рассказ о призвании поэта музами имеет еще типичные черты древней легенды о призвании народного певца-сказителя. Музы обучили пастуха Гесиода своим дивным песням „в те времена, как овец под святым он пас Геликоном". Они вручили ему жезл, вырезанный из пышного лавра (лавр посвящен Аполлону, а жезл — знак отличия греческого рапсода), и они „вдохнули" в него „голос" (ἐνέπνευσαν δέ μοι αὐδήν).[31] В дальнейшем в эллинистической и в латинской поэзии, как и в новоевропейской, это „посвящение" и „дар" становятся традиционной метафорой индивидуального поэтического дарования и высокого общественного служения.

[28] А. С. Пушкин, Собр. соч., т. IV, Изд. С. А. Венгерова, стр. I—VIII, (примечания к стихотворениям 1826 г.).
[29] Н. И. Черняев. Пророк Пушкина в связи с его же Подражанием Корану. М., 1898.
[30] И. И. Виннников. Легенда о призвании Мухаммеда в свете этнографии. Сб. посв. С. Ф. Ольденбургу, Изд. АН СССР, 1934, стр. 124—146.
[31] Otto Falter. Der Dichter und sein Gott bei den Griechen und Römern. Würzburg, 1934, § 23, стр. 79—88.

С. Н. Иванов

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В ПРИЧАСТИЯХ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Вопрос о категории залога в причастиях[1] — один из наиболее спорных вопросов в области изучения атрибутивного употребления формы на *-ган* в тюркских языках. В тюркологической литературе признана связь категории залога с системой так называемых второобразных глаголов. Залог рассматривается обычно как форма словообразования,[2] как лексико-семантическая категория.[3] При общей изученности второобразных глаголов в морфологическом аспекте многие вопросы синтаксического их использования не получили еще всестороннего освещения. В частности, не вполне ясна и общая картина функционирования второобразных глаголов в определительных причастных конструкциях. Особый интерес представляет соотношение действительного и страдательного залогов в причастиях.

Специфическую особенность узбекских причастий составляет то их свойство, что причастие с нулевым показателем залога может быть определением как при имени, обозначающем субъект действия (*ўқиган одам* 'читавший человек'), так и при имени с объектным по отношению к причастию значением (*ўқиган китоб* 'прочитанная книга'). С другой стороны, в последнем случае при определенных условиях может быть употреблено и причастие с аффиксом страдательного залога *-(и)л* || *-(и)н* (*ўқилган китоб* 'прочитанная книга').

Тюркология советского времени, стремясь объяснить указанное своеобразие залоговых отношений в причастиях, следовала в основном за В. В. Радловым, полагавшим, что якутские причастия совмещают

[1] В статье рассматриваются причастия в атрибутивной функции, т. е. формы на *-ган*, *-ётган* и *-диган*, четкая и последовательная соотносительность которых наблюдается только в позиции определения. Вопрос о различии их значения здесь не затрагивается. Залоговые же различия, которые составляют предмет статьи, характерны для всех трех форм в равной степени.

[2] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 179 сл.

[3] Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология, ч. 1 (части речи и словообразование). М., 1952, стр. 333 сл.; А. Н. Кононов (Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 138—144) рассматривает второобразные глаголы в плане словообразования и термином „залог" не пользуется, хотя при характеристике значений этих глаголов перечисляет, в сущности, залоговые оттенки значений.

в себе активное и пассивное значение.[4] Однако в концепциях сторонников этого направления залоговое значение причастия выводится из значения определяемого, тогда как анализу подвергаются не все типы причастных оборотов, отличающиеся друг от друга значением определяемого. Кроме того, при такой трактовке проблемы залогов совершенно не рассматривается вопрос о конкретных условиях функционирования морфологически различающихся залоговых вариантов причастия.

Неправомерность выведения залогового значения причастия из значения определяемого подтверждается анализом возможных типов определяемого. В современном узбекском языке определяемое по отношению к причастию может обозначать: субъект действия (*ўқиган одам* 'читавший человек'), объект действия (*ўқиган китобим* || *мен ўқиган китоб* 'книга, которую я прочитал'; *кирган эшигим* || *мен кирган эшик* 'дверь, в которую я вошел' и т. д.), место действия (*ўқиган мактабим* || *мен ўқиган мактаб* 'школа, в которой я учился'), время действия (*ўқиган вақтим* || *мен ўқиган вақт* 'время, когда я учился'). Наконец, причастие может быть связано с определяемым опосредствованно (*отаси кетган бола* 'ребенок, отце которого уехал'). Совершенно ясно, что такой диапазон возможных при причастии определяемых представляет собой своеобразие причастных словосочетаний узбекского языка, которое никак нельзя упускать из виду при решении вопроса о категории залога в причастиях. Связь причастного определения с определяемым в узбекском языке осуществляется на более широкой, чем категория залога, основе. Залоговые отношения составляют важное звено этой основы, но не покрывают ее полностью.[5] Тот факт, что при каждом из названных типов определяемого причастие может быть определением, не принимая никаких залоговых показателей, и что в некоторых типах определительных словосочетаний значение залога в причастии вообще не может быть установлено, если исходить из значения определяемого, доказывает, что выбор того или иного залогового варианта причастий зависит не от значения определяемого, а от каких-то других причин.

Вместе с тем употребление причастий с аффиксом страдательного залога представляет собой реальный факт языка. Несомненность морфологических залоговых различий в причастиях ставит перед изучающим категорию залога в причастиях задачу — выяснить фактические условия употребления морфологически различающихся залоговых вариантов причастия. В последующей части статьи предпринимается попытка установить конкретные условия функционирования причастий с формально выраженными залоговыми различиями.

Синтаксические функции двух морфологически различающихся по линии категории залога вариантов причастий — с аффиксом страдательного залога и без него — в современном узбекском языке разграничены достаточно четко, хотя в употреблении страдательных причастий и наблюдается некоторая двойственность.

[4] W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. St. Pétersb., 1908, стр. 47; Н. К. Дмитриев, ук. соч., стр. 190—193, 250; Н. А. Баскаков, ук. соч., стр. 333, 346—347; И. А. Батманов. 1) Части речи в киргизском языке. Вопр. языкознания, 1955, № 2, стр. 70; 2) Принципы построения описательной грамматики киргизского языка. Труды Инст. языка и литературы АН Кирг. ССР, вып. VI, Фрунзе, 1956, стр. 73. Ср.: А. К. Боровков. Учебник уйгурского языка. Л., 1935, стр. 134—135; Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. 1 Простое предложение. М.—Л., 1950, стр. 198.

[5] С. Н. Иванов. Категория залога в определительных сочетаниях с формой на *-ган* в узбекском языке. Вопр. языкознания, 1957, № 2, стр. 103—107.

Независимо от значения определяемого употребляется действительное причастие во всех тех случаях, когда субъект действия, обозначенного причастием, не совпадает с подлежащим того предложения, в составе которого находится причастный оборот, и, следовательно, выражен отдельно (родительным падежом имени существительного или местоимения и одновременно аффиксом принадлежности при определяемом, только аффиксом принадлежности или же, наконец, основным падежом имени существительного или местоимения в составе самого оборота). Например: а) определяемое обозначает объект действия, выраженного причастием: *...менинг энг аввал айтган назмим шу бўлади* (С. Айний) '...самым первым стихотворением, которое я создал (досл. сказал), является (именно) это'; *...қирғоқнинг тошлари ... биз қурадиган тўғондан ҳам мустаҳкам* (Ш. Рашидов) '... камни на берегу ... прочнее, чем плотина, которую мы строим'; б) определяемое обозначает место действия, выраженного причастием: *Унинг булоқ томон юрган йўли ... янги тикилган палакни эслатарди* (Ш. Рашидов) 'Путь, по которому он шел к роднику, ... напоминал недавно вышитую шелковую ткань'; *Бунчалик тезфаҳмликни биз ўқиган эски мактаблардан кутиш қийин эди* (Ғ. Ғулом) 'Такой быстрой сообразительности трудно было ожидать от (учащихся) старых школ, в которых мы учились'; в) определяемое обозначает время действия, выраженного причастием: *Жалилнинг ишдан келадиган вақти ўтиб кетган эди* (А. Мухтор) 'Время, когда Джалил (обычно) уходил с работы, уже (давно) прошло'; *... иш жуда қизғин бораётган бир вақтда Ўрмонжон келди* (А. Қаҳҳор) '... в то время, когда работа шла очень энергично, пришел Урманджан';[6] г) определяемое непосредственно не соотнесено с причастием: *Сочларига оқ майин толалар илашган, кўзлари бахтдан, қувончдан ёнган қизлар ҳосилдор кўркам далага ёйилган эдилар* (М. Ойбек) 'Девушки, у которых в волосы были вплетены белые нежные волокна (хлопка), а глаза горели от счастья и радости, рассыпались по большому плодородному полю'.

Употребление страдательного причастия в этих типах оборотов, включая и тот тип, у которого определяемое обозначает объект действия, выраженного причастием, невозможно. Наоборот, употребление страдательного причастия обязательно во всех тех случаях, когда субъект действия, выраженного причастием, не указан в данном предложении.[7] Как и в конструкциях с действительным причастием, здесь определяемое может обозначать: а) объект действия, выраженного причастием: *Бир марта ўқилган байт иккинчи марта ўқилмайди* (С. Айний) 'Бейт, прочитанный один раз, во второй раз читать нельзя'; б) место действия, выраженного причастием: *Китоб тохланган токчанинг юқорисига ёпиштирилган ... суратга тикилиб қолди...* (П. Турсун) 'Он стал пристально смотреть на портрет, прикрепленный поверх полки, на которой были сложены книги...'; в) время действия, выраженного причастием: *Эшик очилган пайтда мудирнинг кўзи болаларга тушди...* (П. Турсун) 'В то время, когда дверь была открыта, взгляд директора упал на ребят'.

Тот факт, что при страдательном причастии возможны те же типы определяемых, что и при действительном, также свидетельствует о независимости залога в причастии от значения определяемого. Таким образом, если причастие действительного залога всегда должно быть соотнесено с субъектом действия, то страдательное причастие выражает, в сущности, неопределенно-личное действие. Как известно, неопределенно-личное значение является одним из значений страдательного залога и в конечных формах глагола.[8] Но в конечных формах глагола страдательный залог может иметь и собственно страдательное значение. Эта двойственность значения страдательного залога находит отражение и в сфере причастных конструкций: в тех случаях, когда субъект действия, выраженного причастием, не обозначен ни одним из указанных выше способов, но известен из контекста, т. е. либо совпадает с подлежащим предложения, в которое включен причастный оборот, либо выражен в более широком контексте, при определяемом со значением объекта по отношению к причастию возможно употребление и действительного и страдательного причастия от переходных глаголов, например: *Султанпошша кампирдан эшитган эртакларга ўзидан баъзи гаплар қўшиб, айтиб бериб, хотин-қиз ва болаларни қўрқитишга интиларди* (С. Айний) 'Султанпашша добавляла от себя некоторые слова к сказкам, которые (она) слышала от старухи, (и), рассказывая (их), старалась запугать женщин, девушек и детей'; *Бу ерда Араббой эшик тирқишидан эшитилган гапларни бошқаларга етказиш билан овора эди* (П. Турсун) 'Здесь Араббай был занят тем, что передавал другим слова, слышанные (им) через дверную щель'.

В общем виде правила употребления действительного и страдательного причастий при определяемом, обозначающем объект действия, выраженного причастием, выглядят следующим образом.

1. Если субъект действия, выраженного причастием, неизвестен, употребляется только страдательное причастие, например: *Ўқилган китобни иккинчи марта ўқиш ҳам мумкин* 'Прочитанную книгу можно прочитать и второй раз'.

2. Если субъект действия, выраженного причастием, специально обозначен в составе определительного словосочетания, употребляется только действительное причастие, например: *Мен ўқиган китобни [(Менинг) ўқиган китобимни] акам ҳам ўқиди* 'Книгу, которую я прочитал, прочел также и мой брат'.

3. Если субъект действия, выраженного причастием, специально не обозначен в составе определительного словосочетания, но известен из контекста, могут быть употреблены оба залоговых варианта причастия — действительный и страдательный, например: *Мен ўқиган (ўқилган) китобни акамга бердим* 'Я отдал брату прочитанную (мною) книгу'.

Факультативность употребления действительного или страдательного причастия в последнем из указанных случаев является следствием двойственного значения форм страдательного залога: поскольку страдательный залог имеет неопределенно-личное значение, постольку в тех случаях, когда субъект действия известен из контекста, употребляется действительное причастие; поскольку страдательный залог имеет и собственно страдательное значение, постольку при контекстуально выраженном субъекте может быть употреблено и страдательное причастие.

Есть основания полагать, что исторически в форме страдательного залога преобладало непределенно-личное значение. Еще П. М. Мели-

[6] Естественно, что действительное причастие употребляется также при определяемом со значением субъекта действия (тип: *ўқиган одам* 'читавший человек'), причем в этом случае субъект действия, выраженного причастием, и подлежащее могут совпадать.

[7] Ср.: Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 50, 194.

[8] А. Н. Кононов, ук. соч., стр. 143, 248.

оранский указывал, что в „Бабур-намэ“ употребляется винительный падеж объекта при глаголах в страдательном залоге.[9] В сочетаниях подобного рода страдательный залог может быть понят лишь как форма, выражающая неопределенно-личное действие. В современном литературном языке такие обороты употребляются редко, хотя и возможны еще в разговорном языке.[10]

Возрастание собственно страдательного значения в страдательном по форме причастии связано, по-видимому, с развитием описательного способа выражения субъекта действия в оборотах, где определяемое имеет объектное по отношению к страдательному причастию значение. В современном языке в конструкциях указанного типа существует грамматикализованный способ обозначения субъекта действия при помощи служебного слова *томонидан* (*томон* ‘сторона’+аффикс принадлежности 3-го лица+*-дан* — аффикс исходного падежа), например: *... Бу шу ердаги баъзи бировлар томонидан тўқилган гап* (П. Турсун) ‘... Это слова, выдуманные некоторыми здешними (людьми)’. Устранение неопределенности субъекта действия здесь представляет собой ту основу, на которой развивается в страдательном по форме причастии собственно страдательное значение. Тем самым устанавливается четкое противопоставление активных и пассивных причастных оборотов, т. е. двух их типов: того, у которого определяемое обозначает субъект действия, выраженного причастием, а само причастие имеет форму действительного залога, и того, у которого определяемое обозначает объект действия, выраженного причастием, а само причастие имеет форму страдательного залога. Ср.: *дафтар олган ўқитувчи* ‘учитель, взявший тетрадь’ и *ўқитувчи томонидан олинган дафтар* ‘тетрадь, взятая учителем’.

Таким образом, в системе причастных оборотов отчетливо видны две линии противопоставления действительного и страдательного причастий. С одной стороны, они противостоят друг другу как атрибутивные формы, выражающие соответственно определенно-личное и неопределенно-личное действие. С другой стороны, они соотнесены друг с другом как причастия действительного и страдательного залогов в собственном смысле этих названий, т. е. как глагольные образования, формирующие активные и пассивные обороты. „Трудно сомневаться, — пишет В. В. Виноградов, — в том, что соотношение и противопоставление активных и пассивных оборотов — историческое зерно категории залога“.[11]

Поскольку действительное и страдательное по форме причастия соотнесены друг с другом как атрибутивные глагольные образования, обозначающие определенно-личное и неопределенно-личное действия, постольку категория залога выражает отношение действия к субъекту, наличному (действительное причастие) или устраненному из высказывания (страдательное причастие), и к объекту, причем к последнему только через отсутствие субъекта, так как при обозначенном субъекте отношение к объекту выражается лишь лексически — основой переходного глагола (например: *ўқиган китобим* ‘книга, которую я прочитал’). В двух соотносительных типах оборотов — активном и пассивном — категория залога

[9] П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. Зап. Восточн. отд. Русск. археол. общ., т. XII, вып. 1, СПб., 1899, стр. 102.
[10] А. F. Fуломов. Феъл. Тошкент, 1954, стр. 59.
[11] В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 639.

выражает отношение действия к субъекту (активные обороты) или к объекту (пассивные обороты).

Первая линия залоговых противопоставлений показывает, что залог причастия не зависит от значения определяемого и характера отношения его к причастию. Поэтому способ синтаксической связи причастия с определяемым должен быть квалифицирован как примыкание. Об элементах согласования причастия с определяемым по линии категории залога можно говорить лишь применительно к соотносительным типам активных и пассивных конструкций, так как только в них противопоставление залоговых значений затрагивает сферу определяемого.

Строго действующие закономерности употребления действительного и страдательного вариантов причастий свидетельствуют не об отсутствии „четкой разницы между формами действительного и страдательного залогов“,[12] а о специфике, об оригинальной грамматичности системы залоговых отношений в сфере причастных оборотов.

[12] Н. К. Дмитриев, ук. соч., стр. 191.

А. Н. Кононов

К ИСТОРИИ РУССКОЙ ТЮРКОЛОГИИ (ДО XIX в.)

На Руси тюркские языки практически были известны давно. Еще до татарского нашествия в русский язык вошли многие тюркские слова (вспомним, например, тюркские элементы в лексике „Слова о полку Игореве"), в орнаменте и архитектуре встречаются восточные мотивы, в быту используется восточная посуда. Все это объясняется наличием известных древних связей Руси со своими восточными соседями.[1]

Торговые сношения древней Руси с Востоком отмечены не только письменными источниками, но и подкрепляются также многочисленными кладами восточных монет (VIII — XI вв.), найденными на территории России вплоть до Балтийского побережья.[2] В русских письменных источниках сохранились многочисленные сведения о мирных и враждебных отношениях русских с тюрками. „У первых киевских князей Игоря, Святослава, Владимира «бе (с печенегами) ... рать велика бесперестани»".[3] В 915 г. печенеги ищут мира с Игорем, а в 944 г. они как наемное войско участвуют в походе русов на Византию.[4] В X в. устанавливаются тесные культурные взаимоотношения волжских булгар с Русью, и „вместе с тем этот период наполнен борьбой между русскими и булгарскими князьями за включение племен Поволжья в свою феодальную систему".[5]

Русско-хазарские отношения отчетливо прослеживаются с IX—X вв.[6] Уже в первой половине IX в. князья русов включили в свою титулатуру слово *каган* — титул хазарских царей.[7] Первый набег древних

[1] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 258; В. В. Бартольд. 1) Восток и русская наука. Русская мысль, кн. VIII, 1915, стр. 1; 2) История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 166 сл.; Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 346—350 (гл. „Тюркские элементы в древнерусском литературном языке").

[2] В. В. Бартольд. История изучения Востока..., стр. 168.

[3] Д. А. Расовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. Seminarium Kondakovianum, т. VI, Прага, 1933, стр. 3.

[4] П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 69.

[5] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 3.

[6] А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. III, № 5, 1946, стр. 461—472.

[7] Л. П. Якубинский, ук. соч., стр. 347—348; В. В. Бартольд. История изучения Востока..., стр. 165.

русов на южное побережье Каспийского моря был совершен в 913—914 гг.[8] Торки в „Повести временных лет" впервые упоминаются под 985 г. в связи с походом Владимира Святославича против волжских булгар. В состав войска Владимира входили и торки. Торки и берендеи оказывали Руси помощь в отражении печенегов, несколько позднее печенеги наряду с торками и берендеями под руководством Руси отражают натиски половцев (XI—начало XIII в.).[9] Русские и половцы совместно выступают против татар в битве на р. Калке (1223 г.).[10]

В XI в. на Руси появляются поселения тюркоязычных племен. Первые достоверные сведения о поселении торков на Руси относятся к 1080 г.;[11] а в 1097 г. упоминаются вместе с торками и первые поселения на Руси берендеев и печенегов.[12] Все эти поселившиеся на Руси тюркоязычные племена носили собирательное имя черных клобуков,[13] которые впоследствии входили в состав Киевского государства на правах его граждан.[14]

Очень важно для нашей темы указание Б. Д. Грекова на то, что, говоря „о старых связях Киевской земли с соседями неславянами, ... надо иметь в виду не варягов, а болгар, хозар, Крым, Кавказ, Византию".[15]

Многовековое непосредственное общение русских с тюрками способствовало обстоятельному ознакомлению русских с языками, обычаями, нравами и культурой тюркоязычных народов.

В русских летописях содержится немало убедительных доказательств того, что практическое значение тюркских языков на Руси было давно и широко распространено. Так, например, в Лаврентьевском списке под 968 г. при описании осады Киева печенегами находим следующее важное для нас сообщение: „... един отрок ... изиде из града с уздою, и ристалище сквозе Печенеги, глаголя: «не виде ли коня никтоже?» бе бо умея Печенежьски, и мняхуть и своего"[16] (разрядка моя, — *А. К.*).

В „Поучении Владимира Мономаха" говорится, что Всеволод Ярославич (1078—1093 гг.) „дома седя, изумеяше пять язык"; предполагают, что среди них был и язык „половецкий, по ближайшему соседству и непрерывному сношению".[17]

Плано Карпини (1246 г.) застал у Батыя сына князя Ярослава, „который имел при себе одного воина из Руссии, по имени Сангор (а);

[8] А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 465; ср.: Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875, стр. 1—91, 495—519; В. Ф. Минорский. Русь в Закавказье (новые данные). Acta Orientalia Hungarica, III, кн. 3, 1953, стр. 207.

[9] Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 344—347, 465.

[10] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 201.

[11] Д. А. Расовский, ук. соч., стр. 10.

[12] Там же, стр. 11.

[13] Там же, стр. 16.

[14] Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 466.

[15] Там же, стр. 440.

[16] Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. Археограф. комиссии, СПб., 1872, стр. 64. Указанием на этот источник я обязан любезности проф. А. И. Попова, которому приношу свою благодарность.

[17] М. И. Сухомлинов. О языкознании в древней России. Уч. зап. второго отд. Акад. наук, кн. 1, СПб., 1854, стр. 200; В. В. Бартольд (История изучения Востока ..., стр. 170—171) полагает, что „слова «Поучения» („дома седя, изумеяше пять язык") ясно показывают, что речь идет о книжных занятиях, предметом которых в России того времени едва ли могли быть языки Востока". Думается, что именно восточными языками, конкретно половецким, в ту пору можно было заниматься „дома седя".

он родом Коман, но теперь христианин, как и другой Русский, бывший нашим толмачем у Батыя, из земли Суздальской. У императора Татар мы нашли князя Ярослава, там умершего, и его воина, по имени Темера, бывшего нашим толмачем у Куйюккана"[18] (разрядка моя, — *А. К.*).

Плано Карпини, по его собственным словам, получил ряд ценных сведений о татарах „через многих Русских и Венгров, знающих по-латыни и по-французски, через русских клириков и других, бывших с ними, причем некоторые пребывали тридцать лет на войне и при других деяниях Татар и знали все их деяния, так как знали язык и неотлучно пребывали с ними некоторые двадцать, некоторые десять лет, некоторые больше, некоторые меньше"[19] (разрядка моя, — *А. К.*).

Свидетельством большого значения русского языка в ту пору (XIII в.) является сообщение Плано Карпини о том, что послание папы римского в ставке Батыя он и его спутники при помощи толмачей „переложили ... на письмена русские и саррацинские и на письмена Татар".[20] Когда же готовился ответ Батыя, у Плано Карпини спросили, есть ли у папы лица, понимающие „грамоту Русских или Саррацинов, или также Татар".[21]

Все эти факты свидетельствуют о глубоком знании русскими „татарского" языка и о большом значении русского языка, русской культуры для соседних народов.

Софийская вторая летопись 1395 г. тоже свидетельствует о знании русскими тюркских языков: „...перекова себе железом ногу свою перебитую, такою нужею хромаше; то ради прозван бысть Темир Аксак, Темир бо зовется железо, а Аксак хромець; тако бо толмачет Половецьким языком, яко таковую виною прозван бысть Темир Аксак, еж протолкуется железный хромець".[22]

В старинных рукописях иногда встречаются списки иноязычных слов, а также отдельные фразы, диалоги с кратким толкованием их на русском языке. По разысканиям М. И. Сухомлинова, „словарные опыты возникают у нас или наших соплеменников — ранее XI столетия".[23] К числу таких словарных опытов относится список татарских слов „Се татарский язык", содержащийся в рукописи XV—XVI вв.[24] В рукописи Макарьевских Четьих-Миней XVI в. есть небольшой раздел, носящий название „Толк языка половецкого", где приведено примерно четыре десятка отдельных слов и несколько фраз на „половецком" языке.[25]

---

18 Иоанн де Плано Карпини. История монгалов. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 58, 61.
19 Там же, стр. 57—58.
20 Там же, стр. 49.
21 Там же, стр. 58.
22 Полное собрание русских летописей, т. VI, СПб., 1853, стр. 124.
23 М. И. Сухомлинов, ук. соч., стр. 181.
24 П. К. Симони. Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV—XVII столетий. Изв. Отд. русск. языка и словесности Акад. наук, т. XIII, 1908, стр. 179—185.
25 П. К. Симони, ук. соч., стр. 185—189; по мнению Ф. Е. Корша, изложенному в этой статье Симони, „половецкие слова, приведенные в настоящей рукописи, — не половецкие, а татарские, именно, судя по сумме признаков, крымские из местностей около Бахчисарая или Симферополя, вообще не из степей и не с южного берега" (стр. 189). Ср.: А. Е. Кримський. Тюрки, їх мови та літератури. Київ, 1930, вып. II, стр. 160. См. еще: W. Bang. Zu der Moskauer Polowzischen Wörterliste. Bull. de l'Acad. Royale de Belgique, 1911, стр. 91—103.

Рано на Руси появляются „алфавиты иностранных речей" и „азбуковники", которые являлись словарями чужих и малопонятных слов.[26] В этих „словарях" отмечались иногда и тюркские слова; так, „Алфавит книга премудрая имея в себе 24 языка" отмечает и татарские слова.[27]

Позднее, уже в Московской Руси, знание тюркских языков не было утрачено. Оживленная дипломатическая переписка Ивана III и Василия III в конце XV—начале XVI в. с Казанским и Крымским ханствами[28] свидетельствуют о том, что в Москве на государственной службе были знатоки Востока, а также лица, свободно владевшие казанско-татарским и крымско-татарским языками. Из посольских записей известно, что „грамоты в Крым 6 сентября и 29 октября 1489 г. и в апреле 1490 г. писаны были «татарским письмом» (писал Обляз Бакшей)".[29]

При Иване III (1453—1505 гг.) снова, после освобождения от татарского ига, начались сношения России с переднеазиатскими государствами по Волге и Каспийскому морю.[30] В конце XV в. устанавливаются регулярные политические сношения России с Турцией.[31] Хорошо знали тюркские языки, в том числе турецкий, донские казаки; архивы сохранили память о том, что в начале XVI в. в Азове был „русский дьяк, знавший турецкий язык".[32]

Во второй половине XVI в., после того как было завоевано Казанское (1552 г.) и Астраханское (1554 г.) ханства, начались сношения России со среднеазиатскими ханствами.[33]

Хорошо знали Восток и восточные языки паломники, ходившие в Палестину, и торговые люди, торговавшие с Востоком.[34] Среди последних особо следует отметить Афанасия Никитина, побывавшего в Индии (в 1469—1472 гг.). Афанасий Никитин практически знал, видимо, несколько восточных языков, в том числе один из тюркских языков. Из практиков-востоковедов набирались служащие соответствующих государственных учреждений, в которых они получали своеобразную

---

26 И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л. 1950, стр. 15—16.
27 М. И. Сухомлинов, ук. соч., стр. 184; А. Карпов. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1878 (на стр. 174—175 упоминаются азбуковники, содержащие объяснения татарских и турецких слов).
В XVII в. азбуковники превратились в своеобразные энциклопедии, в которых приводились, между прочим, и сведения о некоторых странах, в том числе и о Турции; см.: А. Карпов, ук. соч., стр. 234, 236—237; Н. И. Баталин. Древнерусские азбуковники. Филол. записки, вып. III, Воронеж, 1873, стр. 1—34; Об источниках сведений по разным наукам в древние времена России. Православный собеседник, ч. 1. Казань, 1860, стр. 181—236.
28 И. И. Смирнов. Восточная политика Василия III. Истор. записки, № 27, 1948; С. А. Белокуров. О посольском приказе. М., 1906, стр. 9. Указанием на эту работу я обязан любезности Н. П. Шастиной.
29 С. А. Белокуров, ук. соч., стр. 34
30 В. В. Бартольд. История изучения Востока ..., стр. 172—173.
31 С. А. Белокуров, ук. соч., стр. 9.
32 Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I. М., 1946, стр. 87.
33 В. В. Бартольд. История изучения Востока ..., стр. 176.
34 И. Ю. Крачковский. Очерки ..., стр. 16 сл.; В. В. Бартольд. История изучения Востока ..., стр. 169 сл.; Б. М. Данциг. Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси. Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953, стр. 184—231.

школу. В XVII в. в штате Посольского приказа в Москве были переводчики с татарского и турецкого языков.[35]

Петр I, преобразователь Российского национального государства, рано понял настоятельную необходимость просветительных преобразований, создания условий для развития наук и искусств на Руси. Ко времени Петра I русская наука имела уже длительную историю своего развития, уходящую глубокими корнями в блестящую культуру Киевской Руси.

Петр был первым, кто понял, что всестороннее изучение Востока является для России предприятием первостепенной важности и что для глубокого изучения Востока необходимо создать прежде всего кадры специалистов-востоковедов. С этой целью Петр I издает ряд распоряжений об обучении русских людей восточным языкам. Указом Петра от 18 июня 1700 г. (первое официальное мероприятие по подготовке востоковедов) предполагалось отобрать и послать к сибирскому митрополиту в Тобольск „добрых и ученых непрестарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научитись".[36] 16 апреля 1702 г. было дано распоряжение прислать из Сибирского приказа в Артиллерийский „японского государства иноземца Денбея [которому] поручалось для обучения русскому языку и грамоте, и как он, Денбей русскому языку и грамоте изучится, и ему Денбею учить своему японскому языку и грамоте робят человек четырех или пяти".[37] О деятельности Денбея никаких сведений не сохранилось. В связи с известным развитием ближневосточной политики, проводимой Петром I, особенно после Прутского похода 1711 г., выявилась настоятельная необходимость планомерной подготовки знатоков Ближнего Востока.

Переводчики и толмачи Коллегии иностранных дел, заменившей в 1720 г. старый Посольский приказ, не могли полностью обеспечить выполнение новых задач. В новых условиях были нужны не только и не столько переводчики и толмачи (они в недостаточном, может быть, количестве, но были),[38] сколько настоящие знатоки Востока, Ближнего

[35] С. А. Белокуров, ук. соч., стр. 54, 55; М. И. Сухомлинов, ук. соч., стр. 194. В 1689 г. в штате Посольского приказа числились переводчики с „турского и татарского (языков) Петр Татаринов" и с „турского и татарского и арапского (языков) Дмитрий Сеитов"; кроме них, еще было два переводчика только с татарского языка (С. А. Белокуров, ук. соч., стр. 132, 138).

[36] Полное собрание законов Российской империи, т. IV, № 1800.

[37] В. В. Бартольд. История изучения Востока ..., стр. 200. О Денбее, Санме, Созе, Гонзе см.: И. Н. Кобленц. Андрей Иванович Богданов (1692—1766). М., 1958, стр 16—17, 20, 21, 34.

[38] Свидетельством того, что в 30-х годах XVIII в. в Коллегии иностранных дел были знатоки турецкого языка, являются данные, приводимые Г. Я. Кером в записке к проекту „Академии, или Общества восточных наук и языков в империи Российской" (1733 г.). Г. Я. Кер пишет, что при Коллегии иностранных дел есть знающие „азиатские языки секретари, переводчики и толмачи, как-то:

„а) для турецкого и татарского языка: секретарь Суда, весьма знающий турецкий язык; переводчик Синевич, отлично говорящий по-турецки; Мустафа-Ахмед, знающий письменно и устно турецко-татарский язык; Муртаза Тевкелев;

„б) для персидского и турецкого языка: Бикри Христофор, которому турецкий и персидский язык природные;

„в) для арабского, персидского, турецкого, сирско-халдейского, самаританско-пунического, эфиопско-абиссинского, греческого и латинского языков: Георгий Яков Кер, императорский профессор восточных языков" (П. С. Савельев. Предположения об учреждении Восточной Академии в С.-Петербурге, 1733 и 1810 гг. Журнал Министерства народного просвещения, ч. XXXIX, отд. III, 1856, февраль, стр. 7—8).

Востока в первую очередь. Наилучшим и наибыстрейшим способом подготовки знатоков Ближнего Востока, ближневосточных языков (турецкого, персидского, арабского), знатоков законов, нравов и обычаев этих стран являлась, конечно, посылка достаточно подготовленных молодых людей на Ближний Восток. Именно по этому пути пошел Петр I. С этой целью 18 января 1716 г. издается Сенатский указ: „На Москве из Латинских школ выбрать из учеников робят добрых, молодых пять человек, таких, которые по меньшей мере Грамматику выучили, для посылки в Персиду при Посланнике Господине Волынском для учения языкам Турецкому, Арабскому и Персидскому, а выбрав, отдать их в Посольский приказ".[39] На основании этого указа отобрали „из Монастырского приказа школьников Гавриила Ангельца, из Посольского приказа толмача Зота Чегодарева, из греческой школы Алексея Куприянова, из Посольского приказа Федора Сенюкова, из Монастырского приказа подъячего Лаврентьева Власова".[40]

Мысль о необходимости подготовить специалистов по Ближнему Востоку и ближневосточным языкам в пределах восточной страны не покидает Петра I. В 1724 г. в Турцию направляется миссия „брегадира и гвардии маэора Румянцева"; в связи с этим 28 августа 1724 г. издается распоряжение, из которого мы узнаем, что Петр I повелел „для посылки в Царь-град ради обучения Турецкого языка выбрать ему, брегадиру Румянцеву, из учеников Московской Академии четырех человек".[41] К сожалению, нам ничего неизвестно о результатах этих мероприятий.

По инициативе Петра I, по его прямому распоряжению для ознакомления с „турецкой" верой в 1716 г. в Петербурге был напечатан первый полный перевод Корана, сделанный Петром Посниковым на основе первого французского перевода Дю Рие (1647 г.).[42] Советником Петра I по турецким делам был его приближенный, бывший молдавский господарь Дмитрий Кантемир (1673—1723 гг.), отец известного русского сатирика. Дм. Кантемир знание Турции и турецкого языка приобрел в результате длительного пребывания в Константинополе. Стремясь создать научные труды, необходимые для узучения Турции, ее языка, истории и идеологии, Петр I поощряет Дм. Кантемира на создание труда, посвященного Турции и исламу.[43]

Петр I использует все возможности для насаждения в России практического и научного востоковедения; так, например, отправляясь по Волге в персидский поход (1722 г.), он отдает распоряжение о снятии копий и о переводе надгробных арабских, татарских и армянских надписей, найденных среди развалин Булгара на Волге. Этой же цели служит распоряжение Петра I о заключении в 1716 г. контракта с Д. Г. Мессершмидтом (1685—1735 гг.) для описания Сибири; среди

[39] Полное собрание законов Российской империи, т. V, № 2978.

[40] В. И. Лебедев. Посольство Артемия Волынского в Персию. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. V, № 6, 1948, стр. 532.

[41] П. Иванов. Дополнительные сведения о распоряжениях Петра Великого для обучения русских восточным языкам. Вести. русск. географ. общ., ч. 8, 1853, стр. 170—171; кроме того: Журнал Министерства народного просвещения, 1853, октябрь, стр. 28—29.

[42] И. Ю. Крачковский. Очерки..., стр. 43.

[43] В латинском оригинале он назывался „De religione et statu Imperii Turcici"; в русском переводе И. Ильминского был озаглавлен „Книга и система или состояния мухаммеданской религии" (СПб., 1772). См.: И. Ю. Крачковский. Очерки..., стр. 42.

лингвистических материалов, собранных Мессершмидтом в Сибири (1721—1728 гг.), значительное место занимают татарские записи, изданные В. В. Радловым в книге „Сибирские древности“ (1888 г.).

Можно привести немало веских доказательств глубокого изучения русскими в петровское время Востока и восточных народов. Особое внимание обращалось на изучение Турции.[44] Выдающийся русский ученый конца XVII—начала XVIII в. Семен Ульянович Ремезов в дошедших до нас отрывках „Описания народов Сибири“, которые приводятся в так называемой Черепановской летописи, сообщает „о татарских законах“, о калмыках, красноярских татарах, тунгусах, даурах, маньчжурах и других народах.[45] Ремезов доставил первые сведения о древнетюркских памятниках рунической письменности.[46]

После создания Академии наук (1725 г.) изучение восточных окраин тогдашней России приобретает плановый характер. Академия наук снаряжает экпедиции, которым в числе других заданий „в данных от академии инструкциях всех чюжих языков пробы собирать велено“.[47] В этой связи следует упомянуть о материалах по татарским языкам Сибири, доставленных Г. Ф. Миллером и И. Э. Фишером.[48]

В составе „первого призыва“ академиков Академии наук был молодой историк-энциклопедист З. Т. Байер (1694—1738 гг.), знавший ряд восточных языков.[49]

Крупным знатоком восточных языков, в том числе и тюркских, был Георгий Яков Кер (1692—1740 гг.), прибывший в Петербург в январе 1732 г. по приглашению вице-канцлера графа Андрея Остермана. В марте того же года с ним „был заключен контракт, по которому он поступил переводчиком арабского, персидского и турецкого языков при Коллегии иностранных дел, с обязательством обучать также этим языкам русских юношей... В конце 1732 г. из Московской славяно-греко-латинской школы, по требованию Коллегии иностранных дел, в Петербург прибыли для изучения ориентальных языков у проф. Кера шесть учеников“.[50] Керу удалось подготовить пять „знатоков ориентальных языков“, которые использовались на русской государственной службе в Турции и Персии.

Г. Я. Кер в 1733 г. составил очень интересный и важный проект „Академии или Общества восточных наук и языков в империи Российской“.[51]

---

[44] Б. М. Даницг. Из истории изучения Ближнего Востока в России в первой четверти XVIII в. Очерки по истории русского востоковедения, Сб. 2, М., 1956, стр. 381—414.

[45] А. И. Андреев. Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири XVII—XVIII вв. Пробл. источниковедения I, III, 1940, стр. 95.

[46] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 11; А. И. Андреев, ук. соч., стр. 117.

[47] Материалы по истории Академии наук, т. II, СПб., 1886, стр. 407.

[48] П. Пекарский. История Имп. Академии наук, т. I. СПб., 1870, стр. 308—430, 617—636; Fr. Adelung. Catherinens der grossen Verdienste und die vergleichende Sprachenkunde. СПб., 1815.

[49] И. Ю. Крачковский. Очерки..., стр. 45—46; Franz Babinger. Gottlieb Siegfried Bayer (1694—1738). Ein Beitrag zur Geschichte der morgenländischen Studien in 18 Jahrhundert. München, 1915.

[50] М. П. Шувалов. Очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера. Сб. Московск. главн. архива Мин. иностр. дел, вып. 5, М., 1893, стр. 96.

[51] Там же, стр. 99; П. С. Савельев. Предположения о учреждении..., стр. 27—36; И. Ю. Крачковский. Очерки..., стр. 46—48.

Он перевел с „чагатайского“ языка „Родословную тюрок“ Абу-л-Гази и прочитал в конференции Академии наук латинский перевод астрономических таблиц Улугбека.[52]

Некоторые сведения о монголах, татарах, узбеках, туркменах, каракалпаках и других народах приводятся в труде пленного шведского офицера Ф. И. Страленберга.[53]

В сороковых годах XVIII в. та слабая востоковедческая струя, которая иногда давала себя знать в общем течении дел Академии наук, замирает. По регламенту (уставу) 1747 г. в Академии наук оставались только естественные и физико-математические науки; отдел „гуманиора“ отошел к университету при Академии наук. Собирание и накопление материалов в Академии наук по филологии, этнографии и истории тюркских и других восточных народов тем не менее не прекращается; эту работу проводят натуралисты.

Участник „Второй академической экспедиции“ (1769—1774 гг.) ботаник Петр-Симон Паллас (1741—1811 гг.), путешествовавший по Сибири и Средней Азии, уделял много внимания собиранию исторического и этнографического материала.

Участник экспедиции акад. И. И. Лепехин, посетивший в 1767—1771 гг. восточную часть европейской России и Западную Сибирь, издал сделанный при Петре I перевод арабских, татарских и армянских надписей, найденных среди развалин г. Булгара на Волге. Участник экспедиции И. А. Гильденштедт, путешествовавший (1770—1773 гг.) по южной России, Кавказу и Грузии, собрал лексический материал для изучения языков Кавказа.[54] И. П. Фальк собрал материалы по казанско-татарскому, киргизскому, „бухарскому“ (таджикскому) и калмыцкому языкам,[55] другими участниками экспедиции также были собраны „пробы“ многих языков. С. Г. Гмелин за время своего путешествия по России (1768—1774 гг.)[56] составил Русско-турецко-персидско-гилянский глоссарий (196 слов).

Лексические материалы второй академической экспедиции вместе с материалами Л. И. Бакмейстера легли в основу крупнейшего лингвистического предприятия того времени — „Сравнительные словари всех языков и наречий...“ [ч. I, СПб., 1787: ч. II, 1789; переработанное четырехтомное издание вышло в 1790—1791 гг., в котором помещены слова 200 языков (во 2-м издании было уже 279 языков)], среди которых представлены все известные тогда восточные языки. Главным ре-

---

[52] П. Пекарский. История Имп. Академии наук, стр. 314; И. Ф. Токмаков (Сборник и указатель документов и рукописей, относящихся к Казанской губернии и хранящихся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел и его библиотеке. Казань, 1890, стр. 16) указывает, что в названном архиве хранится 3-я часть „Генеалогическо-политической истории татар Абульгази-Багадур-хана“ в переводе Г. Я. Кера. Рукопись этого перевода хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. См.: B. Dorn. Das Asiatische Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. СПб., 1846, стр. 121, № 61; Н. П. Журавлев и А. М. Мугинов. Краткий обзор архивных материалов, хранящихся в Секторе восточных рукописей ИВ АН СССР. Уч. зап. Инст. востоковедения, т. VI, 1953, стр. 41, № 29.

[53] F. Stralenberg. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stokholm, 1730; Н. Ф. Катанов. Швед Филипп-Иоганн Страленберг и труды его по России и Сибири (начало XVIII века). Изв. Общ. археол., истории и этногр., т. XI, Казань, 1903, стр. 170—174.

[54] С. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб., 1904, стр. 427; В. В. Бартольд. История изучения Востока..., стр. 227.

[55] С. Булич, ук. соч., стр. 427.

[56] В. В. Бартольд. История изучения Востока..., стр. 226—227; ср.: С. Булич, ук. соч., стр. 507.

дактором словаря был назначен Паллас. Из востоковедов в составлении словаря принимал участие И. Г. Бакмейстер (ум. в 1788 г.), библиотекарь и хранитель Кунсткамеры, однофамилец Л. И. Бакмейстера (1730—1806 гг.), инициатора создания „Сравнительного словаря".[57] Идея создания „Сравнительного словаря" для России того времени была далеко не нова.

Пионером сравнительного языкознания в России, инициатором и активным участником составления ряда различных словарей был Василий Никитич Татищев (1686—1750 гг.), русский просветитель, известный государственный деятель[58] и крупнейший ученый, много сделавший для развития в России горного дела, истории, географии, этнографии и филологии.[59] Трудно переоценить то громадное значение, которое имела для развития языкознания в России ученая деятельность М. В. Ломоносова, автора „Российской грамматики", развившего идеи сравнительного изучения языков путем сопоставления не только лексики, но и грамматики. Под влиянием идей и опыта В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова стал собирать лексические материалы Бакмейстер;[60] под воздействием тех же идей Екатерина II поручила капеллану английской фактории в Петербурге, почетному члену Академии наук (с 1762 г.) Даниилу Дюмареску (Dumaresque; ум. в 1805 г.) составить „Сравнительный словарь восточных языков", который упоминается под двумя заглавиями: французским (Vocabulaire comparatif des langues orientales) и английским (Comparative Vocabulary of the Eastern Languages); словарь Дюмареска до нас не дошел.[61]

Работа над составлением „Сравнительного словаря всех языков и наречий...", которой был придан характер государственного предприятия, вызвала на местах интерес к собиранию лексического материала по различным, в том числе и восточным, языкам. В 1785 г. под наблюдением епископа Дамаскина (до монашества Димитрий Руднев, получивший образование в Геттингенском университете) был составлен оставшийся в рукописи „Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно Россиян, Татар, Чувашей, Мордвы и Черемис". Словарь снабжен кратким историко-этнографическим и статистическим введением.[62]

В том же 1785 г. закончен составлением (или перепиской) Русско-татарский словарь (около 20 000 слов) Сагита Хальфина, оставшийся в рукописи,[63] и анонимный рукописный „Словарь языка чувашского" (около 30 000 слов).[64] В связи с „Сравнительным словарем", видимо, находится и объемистый рукописный „Русско-киргизский словарь" Скалона (1774 г.).[65] В лингвистической коллекции Бакмейстера, перешедшей впоследствии к Ф. П. Аделунгу, был не дошедший до нас большой башкирский словарь.[66]

57 В. В. Бартольд. История изучения Востока..., стр. 230; И. Ю. Крачковский. Очерки..., стр. 59, 68; С. Булич, ук. соч., стр. 231; И. С. Вдовин. История изучения палеоазиатских языков. М.—Л., 1954, стр. 54.

58 „В управление свое Оренбургским краем (1737—1739) он (Татищев) основал в Самаре татарско-калмыцкую школу, при которой, по его указаниям, начали переводить книги с восточных языков на русский и даже составлять татарско-калмыцкий словарь" (С. Булич, ук. соч., стр. 405).

59 И. С. Вдовин, ук. соч., стр. 17—39.

60 Там же, стр. 39.

61 С. Булич, ук. соч., стр. 222; В. В. Бартольд. История изучения Востока..., стр. 230.

62 С. Булич, ук. соч., стр. 420.

63 Там же, стр. 426—427; А. Н. Кононов. Из истории отечественной тюркологии. Уч. зап. Инст. востоковедения, т. VI, 1953, стр. 269—273.

64 С. Булич, ук. соч., стр. 427.

В середине XVIII в. для более глубокого „освоения" восточных окраин России выявилась настоятельная необходимость в планомерной подготовке квалифицированных переводчиков с татарского языка. В связи с этим принимаются меры к введению в программу общеобразовательных школ татарского языка. Первым учебным заведением, в котором с 1764 г. началось преподавание татарского языка, была школа для солдатских детей в Астрахани,[67] вторым — Казанская гимназия. 1-я казанская гимназия, указ об учреждении которой был подписан Елизаветой Петровной 21 июля 1758 г., была призвана способствовать „размножению наук и обучению дворян и разночинцев"; в соответствии с указом в Казани одновременно учреждались две гимназии: одна для дворян, другая для разночинцев. Занятия в гимназии для дворян начались 25 января 1759 г.,[68] а в гимназии для разночинцев 10 мая 1759 г. Ровно через десять лет, 12 мая 1769 г., в казанских гимназиях „для охотников" вводится преподавание татарского языка.[69]

Именным указом Екатерины II преподавание татарского языка в казанских гимназиях было поручено казанскому татарину Сагиту Хальфину, который является первым официальным преподавателем тюркских языков в России (начал преподавание 5 октября 1769 г.) и родоначальником целой „династии" преподавателей татарского языка: преемниками и продолжателями его дела были его сын и внук Исхак и Ибрагим Хальфины.[70]

1769 г. знаменателен для истории русской тюркологии еще и тем, что в этом году была издана в Москве первая грамматика чувашского языка, носившая несколько неожиданное название — „Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка", которая является первым печатным пособием в России по одному из тюркских языков.[71]

Первым печатным пособием по казанско-татарскому языку является „Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов, сочинения Казанских гимназий учителем и Адмиралтейской конторы переводчиком Сагитом Хальфиным, и татарских в Казане слобод мул-

65 Там же, стр. 434.

66 Там же, стр. 435.

67 И. Ю. Крачковский. Очерки..., стр. 51.

68 Днем открытия гимназии указывается также 21 января 1759 г.; в этот день состоялось только торжественное молебствие, а занятия начались в понедельник, 25 января. См.: В. Владимиров. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. XVIII столетие. Казань, 1867, стр. 23, 33; А. Д. Нагуевский. К столетию Имп. Казанского университета, 1804—1904. Уч. зап. Имп. Казанск. унив., XVI, кн. 10, стр. 159—160.

69 В. Владимиров, ук. соч., стр. 45; А. Д. Нагуевский, ук. соч., стр. 165; Н. И. Весселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879, стр. 23.

70 В. Владимиров, ук. соч., стр. 46; П. С. Савельев. О жизни и ученых трудах Френа. Тр. Восточн. отд. Археол. общ., ч. II, 1858, стр. 28. На эту статью Савельева краткой библиографической заметкой отозвался Н. Г. Чернышевский (Современник, 1855, № 5, а также: Полн. собор. соч., т. I, Пгр., 1918, стр. 411—412).

71 В. Г. Егоров. Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г. Тюркол. сб., I, М.—Л., 1951, стр. 85—92; Д. Д. Шамрай. К истории появления первой грамматики чувашского языка. Уч. зап. Н.-иссл. инст. языка, литературы и истории, вып. XII, Чебоксары, 1955.

лами в оных гимназиях рассмотренная и одобренная. Печатана при Императорском Московском Университете, 1778 год" (52 стр., 8°).[72]

В 1783 г. преподавание татарского, чувашского и мордовского языков вводится в Нижегородской духовной семинарии; в том же году было начато преподавание татарского языка в Тобольской семинарии. Маньчжурский и татарский языки преподавались в „Омской азиатской школе для приготовления переводчиков по пограничному управлению Сибирской линии", основанной в 1789 г. и просуществовавшей до 1836 г.[73]

В конце XVIII в. татарский язык был введен в программу Главного народного училища в Тобольске, где преподавал Иосиф Гиганов,[74] первый крупный русский тюрколог, автор ряда трудов по татарскому языку.

„Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная. В Санкт-Петербурге, при имп. Академии Наук, 1801" (187 стр., 4°) является первой грамматикой татарского языка. И. Гиганов знал также и турецкий язык; это видно из того, что в названной грамматике в некоторых случаях приводятся параллели из турецкого языка. Глубина и обстоятельность изложения грамматики татарского языка дает основание видеть в И. Гиганове талантливого исследователя, хорошо подготовленного тюрколога. „К чести отца Гиганова, — писал В. В. Григорьев, — в особенности должно заметить, что, не зная о существовании изданных уже в Европе пособий для изучения оттоманского наречия (т. е. турецкого языка, — *А. К.*) и первый занимаясь изложением грамматических правил языка, по духу своему нисколько не похожего на русский и древние классические, он сразу понял в чем дело и представил его в настоящем виде, нисколько не натянув законов тюркской этимологии на латинскую норму, как делали это первые западные ученые, писавшие грамматики восточных языков".[75]

Вторым крупным знатоком татарского языка и автором пособий для изучения этого языка был Александр Троянский, „владевший татарским языком как родным и выучившийся ему с малолетства".[76]

Казань с конца XVIII—начала XIX в. становится центром русской тюркологии, изучавшей преимущественно татарский язык, чему способствовало в первую очередь особое в ту пору положение Казани как центра управления „инородцами", в частности как миссионерского центра. В 1800 г. при Казанской духовной академии был открыт класс татарского языка, в котором учительствовал известный уже нам А. Троянский.[77]

Во второй половине XVIII в. под влиянием политических событий на Ближнем Востоке, в России появляется первое учебное пособие по

[72] О татарских грамматиках см.: М. З. Закирова. Исторический обзор грамматик татарского языка. Автореф. канд. дисс., Казань, 1951, 20 стр.

[73] С. Булич, ук. соч., стр. 382, 419—421.

[74] Там же, стр. 420.

[75] СПб. ведомости, 1847, № 84.

[76] Н. Ильминский. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. Казань, 1862, стр. 15; краткий обзор пособий по татарскому и турецкому языкам см.: Bérésine. Recherches sur les dialectes musulmans. 1. Système des dialectes turcs. Казань, 1848, стр. 85—95.

[77] И. Покровский. К столетию кафедры татарского языка в духовно-учебных заведениях г. Казани (1800—1900). Православный собеседник, 1900, май, стр. 7 (отд. оттиск).

турецкому языку — „Турецкая грамматика, или краткий и легчайший способ к изучению турецкого языка, с собранием имян, глаголов, нужнейших к познанию речей, и многих дружеских разговоров. Переведено с французского в СПб., 1776. При Арт. и инженерном шляхетском кадетском корпусе" [288 (7) стр.]. Год спустя в Москве появляется новое издание, на этот раз с указанием имени переводчика — „Турецкая грамматика, или краткий и легкой способ к обучению турецкого языка, с собранием имен, глаголов и нужнейших к сведению речей, также переведенная с французского языка Императорского Московского Университета студентом Рейнголдом Габлицлем. В Москве, при Имп. Университете. 1777 год". Оригиналом для обоих переводов[78] послужила грамматика французского миссионера И. Б. Хольдермана (1694—1730) [(H. Holdermann). Grammaire turque ou methode courte et facile pour apprendre la langue turque avec un recueil des noms, des verbes et des manier de parler les plus neccessaires a scavoir avec plusieurs dialogues familiers. A Constantinople. 1730 (14), 194(9)].

Грамматика Хольдермана, основывающаяся на известном труде Ф. Менинского (1623—1689 гг.), была отпечатана в Константинополе в 1730 г. в типографии турецкого первопечатника Ибрахима Мутафаррика.[79]

Появление переводов (или перевода) грамматики Хольдермана связано, видимо, с тем, что некоторое время (в 1777 г.) в Московском университете преподавался турецкий язык.[80]

Свидетельством внимания к турецкому языку является и то, что турецкие слова (под № 88) наряду со словами некоторых других тюркских языков зафиксированы в таком издании, как „Сравнительные словари всех языков и наречий... Отделение перьвое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть перьвая. СПб., 1787".[81]

Крупным памятником глубокого научного знания турецкого языка в России в конце XVIII в. является „Турецкий лексикон", анонимный рукописный турецко-русский словарь, законченный составлением, вероятнее — переписной, 29 августа 1793 г., который хранится теперь в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР. Этот первый турецко-русский словарь (около 30 000 слов), содержащий богатый фразеологический материал, по качеству своему не уступает аналогичным зарубежным изданиям. Автором этого словаря был, по всей вероятности, один из штатных переводчиков Коллегии иностранных дел.[82]

В конце XVIII в. Коллегия иностранных дел предпринимает попытку планомерной подготовки востоковедов-практиков. С 1798 г. упомянутая Коллегия ежегодно ассигнует 3000 руб. „для обучения студентов язы-

[78] Поскольку оба перевода разнятся друг от друга только титульным листом и предисловием, акад. И. Ю. Крачковский высказал предположение, что напечатанное в Петербурге издание получило лишь новую обложку (И. Ю. Крачковский. Турецкий первопечатник Ибрагим Мутафарика и его работы по географии. Тюркол. сб., 1, М.—Л., 1951, стр. 125).

[79] Там же, стр. 125.

[80] И. Ю. Крачковский. Очерки..., стр. 52.

[81] Об истории словаря и его издания см.: Fr. Adelung. Catherinens der Grossen Verdienste um die Vergleichende Sprachenkunde. СПб., 1815.

[82] А. Н. Кононов, ук. соч., стр. 273—274.

кам китайскому, маньчжурскому, персидскому, турецкому и татарскому".[83]

Из этого краткого и далеко не полного изложения некоторых основных линий истории изучения тюркских языков в России можно сделать следующий вполне обоснованный вывод: XVIII в. в истории русской тюркологии был периодом собирания необходимых материалов, накопления опыта преподавания тюркских языков, приобретения опыта в составлении словарей и грамматик, без которых были бы невозможны успехи русской тюркологии в XIX—XX вв.

[83] Н. И. Веселовский. Сведения..., стр. 37. Коллегия иностранных дел была преобразована в Министерство иностранных дел в 1802 г.

Р. Г. Мукминова

ИЗ ИСТОРИИ ВАКУФНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В XVI в.

В рукописном фонде Института востоковедения Академии наук УзССР хранится интересная рукопись — „Вакф-намэ-и хазрат Шейбани-хан".[1] Эта вакуфная грамота, как явствует из текста рукописи, была составлена около 1520 г. по желанию невестки Шейбани-хана — Михр-Султан-ханум для передачи ее недвижимых имуществ в пользу двух самаркандских медресе Мухаммеда Шейбани-хана. В отличие от других известных нам документов „Вакф-намэ-и хазрат Шейбани-хан" составлен в форме рукописной книги в переплете. Другой известный нам экземпляр рассматриваемой вакуфной грамоты хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР и тоже представляет собой рукописную книгу в переплете.[2] Ленинградская рукопись написана в XVI в. и, видимо, является черновым экземпляром грамоты, составленным при жизни самой Михр-Султан-ханум.

На ценность этой рукописи в свое время указали В. Л. Вяткин, Фитрат и П. П. Иванов.[3] А между тем стоит отметить, что в изданных томах каталога „Собрания восточных рукописей АН УзССР" данная вакуфная книга не упоминается, так же как и не упоминается ни в одном из изданных указателей и ленинградский список „Вакф-намэ", написанный в первой четверти XVI в.

По содержанию „Вакф-намэ-и хазрат Шейбани-хан" можно разделить на три части.

Первая часть посвящена истории строительства медресе. Из этой части мы узнаем, что в г. Самарканде, в Чор-Су, было построено здание медресе Алия и рядом с ним возведено другое медресе — смежные, известные позже как медресе Шейбани-хана, основателя одного из этих медресе.

[1] Ркп. ИВ АН УзССР, № 5905.
[2] Ркп. Лен. отд. ИВ АН СССР, В-670.
[3] Самария, описание древностей и мусульманских святынь Самарканда, соч. Абу Тахир-ходжи. Пер. В. Л. Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области, 1898, вып. VI, Самарканд, 1899; В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902; П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.—Л., 1954, стр. 24.

Во второй части грамоты перечисляется имущество, жертвуемое Михр-Султан-ханум в пользу этих двух самаркандских медресе. Из этой части грамоты мы узнаем, какое огромное богатство сосредоточили в своих руках за короткий срок первые Шейбаниды.

Михр-Сулхан-ханум завещает в вакф двум упомянутым медресе свыше 40 дуканов (термин „дукан" обозначает лавку и ремесленную мастерскую), а также базарчики, баню, дворы с постройками, мастерские по выделке бумаги, мельницы. Кроме всего этого, она передает в пользу медресе 7 деревень с пахотными землями и около 200 земельных участков.

Это огромное богатство, принадлежавшее Михр-Султан-ханум, было приобретено за сравнительно короткий срок (не более 20 лет) не только благодаря эксплуатации местного населения, но и путем конфискации земель, принадлежавших ранее феодальной знати, служившей династии Тимуридов. Так, в числе завещанных земель упоминаются земли видного тимуридского сановника Бакы-тархана, а также часть земель, принадлежавших ранее известному духовному феодалу, главе дервишеского ордена накшбендиев Ходжа Ахрару.

В упомянутых двух частях „Вакф-намэ-и хазрат Шейбани-хан" заключаются интересные фактические данные по истории Средней Азии XVI в. Но наиболее ценный материал по социально-экономической истории Узбекистана XVI в. заключается в третьей части вакуфной книги, где перечисляются условия вакуфозавещателя о порядке пользования данного вакуфного учреждения имуществом и расходовании доходов с него.

Дальше мы остановимся на некоторых моментах из этой части вакуфной записи.

Из текста вакуфной грамоты видно следующее.

Земли, завещанные Михр-Султан-ханум в пользу двух упомянутых медресе, не обрабатывались самим вакуфным учреждением, а сдавались в аренду.

Завещанное имущество могло быть предоставлено в пользование или в *иджара*, или в *муқати'а*, или в *музари'а*.[4]

К сожалению, текст грамоты не дает сведений о том, в чем заключалась разница между этими терминами и на каких именно условиях предоставлялась земля арендаторам. Однако ясно, что здесь имеются в виду три отличные друг от друга формы использования земель данного вакуфного учреждения путем предоставления их в аренду или на откуп. Каждый из этих терминов в XVI в. отражал разновидности аграрных отношений. По-видимому, под термином *иджара* понималось предоставление в аренду за деньги дуканов (лавок-мастерских), переданных в вакуф двух медресе. Термином *музари'а* обозначалось предоставление пахотных земель в аренду под посевы из доли урожая. Под термином *муқати'а* можно предположить предоставление земель под откуп.

По условиям, выставленным вакуфодателем, земли данного вакуфного учреждения могли сдаваться в аренду на различные сроки от одного месяца до трех лет. Более трех лет арендуемое имущество не могло находиться в одних руках. Это было обусловлено тем, что, по шариату, лицо, обрабатывающее земли более трех лет, могло считать эти земли своими.

[4] Ркп. В-670, л. 82а; ркп. № 5905, л. 64б.

Но, судя по данным нашей вакуфной книги, арендуемая земля могла быть присвоена крупными феодалами и путем простого насилия. Это видно из того места нашего документа, где вакуфозавещательница оговаривает, что мутаваллий не должен отдавать вакуфные земли на возделывание (زراعت نکند) и предоставлять вакуфное имущество в аренду (باجاره ندهند) различным высокопоставленным лицам, приближенным эмиров, султанов и самим султанам, если есть опасение, что названные лица могут присвоить эти вакуфные земли и превратить их в собственные феодальные владения, и если из рук тех знатных лиц уже нельзя будет изъять эти земли.[5]

Не случайно, конечно, что при перечислении условий пользования завещанными вакуфными имуществами приведенное выше условие о запрещении предоставлять земли в аренду высшей феодальной знати повторяется в „Вакф-намэ" неоднократно.

Отсюда можно заключить, что в рассматриваемый период арендаторами вакуфных земель наряду с крестьянами являлись также и крупнейшие землевладельцы — держатели суюргалов, обладатели высоких степеней, эмиры, султаны и их приближенные, т. е. высшая феодальная знать. Из текста грамоты явствует, что эти лица из высших слоев феодального класса, пользуясь своей властью или близостью к правителю, под видом аренды вакуфных земель захватывали их и превращали в собственные или просто не вносили в диван вакфа арендную плату.

Можно предположить, что крупные феодалы не заводили на этих землях собственного крупного хозяйства, а от себя предоставляли эти земли в держание непосредственным производителям — крестьянам-издольщикам.

Вакуфное учреждение в пользу двух упомянутых медресе является наследственным вакуфом — вакф-и-авлад. По условиям, выставленным при учреждении вакуфа, мутаваллию из потомков вакуфозавещателя полагалось получать $\frac{1}{5}$ часть всех сумм доходов данного вакуфного учреждения. Однако в случае пресечения линии потомков вакуфозавещателя предусматривалось право назначать мутаваллия из лиц других семейств, рекомендованных самаркандским ханом. При этом мутаваллий, происходящий не из потомков вакуфозавещателя, должен был получать половину $\frac{1}{10}$ доли всех доходов вакуфного учреждения.[6]

Из текста рассматриваемой вакуфной грамоты явствует, что имущество, отчужденное в вакуф в пользу двух самаркандских медресе, оставалось фактически в полном пожизненном владении учредительницы вакуфа — Михр-Султан-ханум. По условиям, выставленным ею в грамоте, она оставляла за собою право использовать по своему усмотрению доходы вакуфа, изменять указанный в данной грамоте способ расходования их, назначать и сменять мутаваллиев и служащих медресе, изменять размер их жалованья, увольнять и повышать их в должности. Еще более интересно, что предусматривалась даже возможность продажи некоторых из пожертвованных в вакуф имуществ, правда, оговоренная интересами вакуфа. „А другое условие таково, — сообщается в „Вакф-намэ", — если эта вакуфозавещательница пожелает *продать*

[5] Ркп. В-670, лл. 82а, 82б; ркп. № 5905, лл. 64б, 65а.
[6] В ркп. В-670 этот лист отсутствует; ркп. № 5905, л. 69а.

(курсив наш, — *Р. М.*) некоторые из этих упомянутых завещанных имуществ и истратить стоимость их на что-либо другое, в чем будет заключаться добро и благо вакуфа, и заменить этим [проданное] вакуфное [имущество], то пусть она сделает это... и никто не должен препятствовать [этому]".[7]

Отсюда видно, что и после завещания своего имущества в вакуф Михр-Султан-ханум оставалась фактическим пожизненным владельцем жертвуемых ею богатств. Иначе говоря, вакуф, завещанный в пользу двух упомянутых самаркандских медресе, являлся вакуфом с правом распоряжения им в течение всей жизни учредителя вакуфа. Среди известных нам по литературе документов рассматриваемая нами вакуфная грамота является единственной, свидетельствующей о практике в Узбекистане XVI в. передачи имущества в категорию вакф-и-авлад с правом пожизненного распоряжения.[8]

Эти данные, как и упомянутое выше условие о запрещении сдавать вакуфные земли данного учреждения в аренду представителям феодальной знати, свидетельствуют о том, что Михр-Султан-ханум обратила свое имущество в вакуф в основном с целью оградить его от посягательства представителей светской власти и сохранить его за собой и своими потомками.

Из содержания рассматриваемой грамоты становится ясным, что пожертвование недвижимого имущества в пользу религиозного учреждения диктовалось необходимостью защиты интересов самого вакуфодателя и его потомков.

Перечисленные выше данные, извлеченные из вакуфной книги, не исчерпывают всех интересных сведений из указанного нами документа. Однако и этих данных, на наш взгляд, достаточно для того, чтобы указать на важность этой вакуфной книги при разработке истории Узбекистана и на необходимость подготовки критического текста и перевода на русский язык данной рукописи.[9]

---

7 Ркп. В-670, л. 88а; ркп. № 5905, лл. 69б, 70а.

8 Пример продажи построек и насаждений (сукнийат) на вакуфной земле и обмен вакуфных земель, но не продажи самой земли или другого имущества см.: Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. I. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович. Ташкент, 1955, стр. 176, 204, №№ 37 и 47.

9 В настоящее время нами готовится к изданию критический текст „Вакф-намэ-и хазрат Шейбани-хан" и перевод его на русский язык.

А. А. Росляков

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ТУРКМЕНСКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ XVIII—XIX вв.

Туркмены Средней Азии издавна вели полуоседлый образ жизни. Туркменское население делилось на две части: „чомур", оседлых земледельцев, постоянно проживавших в оазисах и лишь весной отправлявшихся частично в пески для участия в стрижке овец и других работах, связанных со скотоводческим хозяйством, и „чарва", скотоводов, ведущих кочевой образ жизни. Обе эти части населения были теснейшим образом связаны между собой: порой в одной и той же семье были и чомуры, и чарва. Довольно распространенное представление о туркменах как о кочевниках по преимуществу верно только по отношению к туркменам, жившим вдоль восточного берега Каспийского моря; в прикопетдагской полосе, Мургабском оазисе и в заселенной туркменами части долины Аму-Дарьи оседлое население значительно преобладало над кочевым. Некоторые туркменские племена — мехинли, мурчали, анаули, алили и другие — были сплошь оседлыми.

Естественно, что если кочевая часть туркмен в качестве основного жилища сохраняла разборную войлочную юрту (кара-ой), то у оседлого туркменского населения существовали различные постоянные постройки — дома (там), укрепленные усадьбы (ховлы), мечети, мазары и т. д. Туркменское народное зодчество внимательно изучается советскими этнографами и архитекторами.[1]

Менее изучена туркменская фортификация, хотя в свое время, в период завоевания Средней Азии царской Россией, туркменские крепости вызывали немалый, чисто практический интерес у русских офицеров, особенно военных инженеров. В первую очередь это относится к крепости Геок-Тепе, под стенами которой царские войска летом 1879 г. потерпели серьезное поражение. Осада Геок-Тепе зимой 1880—1881 г. явилась одной из наиболее сложных и трудных операций, проведенных царскими войсками в процессе завоевания Средней Азии. Архивные

---

1 П. П. Иванов. От кочевого к оседлому. Туркменоведение, 1930, № 12; В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища. Тр. Южно-Туркменской археол. комплексной экспед., т. III, М., 1953; Г. П. Васильева. Туркмены-иохурли. Среднеазиатский этнограф. сб., Изд. АН СССР, М., 1953.

документы и печать того времени сохранили нам не только описания отдельных укреплений, но и специальные исследования о туркменских крепостях.[2] Описывались главным образом текинские крепости прикопетдагской полосы.

Большие археолого-этнографические работы, развернувшиеся на территории Туркменской ССР в послевоенные годы, значительно обогатили наши сведения о туркменской фортификации и позволяют внести некоторые коррективы в ранее сложившиеся представления и дать более общее и разностороннее описание основ туркменской, а не только текинской фортификации.

Археологические памятники XV—XVII вв. в Туркменистане изучены слабо, поэтому выделить из всей массы развалин крепостей, замков и укрепленных деревень этой поры собственно туркменские пока не представляется возможным. Для Туркменистана этого времени характерны наряду с укрепленными городами (Чарджуй, Ниса, Мерв, Везир и другие) большие укрепленные села с возвышавшимся в центре замком феодала.

Туркменские укрепления XVIII—XIX вв. сохранились в большом числе и сравнительно легко отличаются исследователями от персидских и курдских крепостей и укрепленных сел. Более того, можно отличить друг от друга крепости, принадлежавшие различным туркменским племенам. Так, возведенные в основном из сырцового кирпича крепости коренных южнотуркменских племен (алили, мехинли, емрели, анаули), тесно связанных в прошлом с населением Хорасана, во многом непохожи на пахсовые,[3] с низкими башнями крепости теке, иомутов и эрсари, на строительных и фортификационных приемах которых сильнее сказалось влияние Хорезма. Крепости туркмен-нохурли довольно близко напоминают курдские. В то же время все туркменские крепости и укрепленные усадьбы имеют много общих черт, позволяющих почти безошибочно отличать их от узбекских и персидских крепостей, курганчей и укрепленных сел.

Основой общественной организации туркмен в XVIII—XIX вв. был „оба́“ — аул, населенный представителями одного какого-либо туркменского рода или нескольких родов. Население аула составляло сельскую общину, совместно владевшую землей и водой. Каждый член общины имел право на земельный надел, определенное количество воды и обязан был с оружием в руках отстаивать права и интересы аула. Внутри общины не было равенства; богатые туркмены владели тысячами голов скота, эксплуатировали рабов и обедневших сородичей. Но основную массу населения составляли свободные полноправные общинники. Туркмены славились своим свободолюбием и воинственностью.

Основным оружием туркменских воинов в XVIII в. были луки и стрелы, а также сабли. В XIX в. луки и стрелы были окончательно вытеснены ружьями: фитильными, кремневыми, а в середине XIX в. — ударными. Копья и палицы употреблялись реже. Кинжалы и ножи имели все туркмены, но это оружие имело второстепенное значение. Пистолеты, а также оборонительное вооружение были мало распространены. Пушки и фальконеты встречались очень редко. Туркменское войско состояло из конницы и пеших стрелков-мергенов.

[2] Житков. Текинско-персидские укрепления. Инженерный журн., 1883, № 5; А. Гребнер. Осады и штурмы среднеазиатских крепостей. СПб., 1897.

[3] Пахса — кладка из уложенной слоями плотно утрамбованной мокрой глины. Пахсовые стены отличаются особенной прочностью; разрушение их оказывалось затруднительным даже для русской полевой артиллерии 70—80-х годов XIX в.

Фортификационные сооружения туркмен были довольно разнообразны. Это были, во-первых, укрепленные села и даже целые городки; во-вторых, в Южном Туркменистане имелось очень большое число родовых крепостей-убежищ, куда население одного из родов, проживавшее совместно в каком-либо ауле, укрывалось в случае нападения врага; в-третьих, укрепленные усадьбы (ховлы), особенно многочисленные в приамударьинских районах — от Келифа до Дарьялыка; в-четвертых, отдельные башни. Наконец, в 50—70-х годах XIX в. туркмены-текинцы начали строительство огромных крепостей-убежищ в Серахсе, Мары и Ахале; каждая из таких крепостей могла укрыть в своих стенах население целого оазиса — десятки тысяч людей с имуществом и даже со скотом.

Туркменская, как и вся средневосточная, фортификация вплоть до середины XIX в. сохраняла те же основные принципы, которые господствовали в европейской фортификации до второй половины XVI в., т. е. до усовершенствования и широкого распространения порохострельной осадной артиллерии. Роль основного препятствия играла стена, которую стремились поэтому строить возможно круче и выше; ров являлся лишь одним из вспомогательных препятствий. Большое значение для обороны крепости, как правило, имели башни — сомкнутые укрепления, узлы обороны, на которых размещались основные огневые средства.

Одним из наиболее типичных и широко распространенных видов туркменской крепости (кала) является небольшая родовая крепость-убежище. Развалины десятков таких крепостей разбросаны по всему Южному Туркменистану, особенно в прикопетдагской полосе (Ахал и Атек).

Обычно эти крепости имеют в плане форму квадрата 35×35 или 70×70 м. По углам обязательно возвышаются круглые боевые башни с 4 бойницами каждая. Как правило, две такие башни стоят также у входа, представляющего узкий проем в одной из стен, через который едва проходил человек. В случае нападения врагов такой вход было легко завалить камнями. В более крупных крепостях (размером 70×70) добавлялось еще три башни — в середине каждой из трех остальных стен; таким образом, число башен доходило до девяти. Стена крепости служила только препятствием, бойниц в ней никогда не делалось. Стрелки размещались в башнях на особом помосте, устроенном примерно на 1.5 м ниже гребня стены башни, так что, помимо бойниц, можно было стрелять прямо через стену. Система обстрела основывалась на фланкирующем, косоприцельном и перекрестном ружейном огне из башен. В обороне каждого фаса могло принять участие не менее 4 ружей, а если имелись еще башни в середине стен — вдвое больше. Вход защищался огнем не менее 8 ружей.

Стены и башни текинских крепостей всегда сложены из пахсы. Каждый слой пахсы слегка надрезался примерно через 1 м; по линиям надреза шло обычно растрескивание глины по мере ее высыхания. Чаще всего эти линии проводились вертикально и пахсовая кладка как бы распадалась на крупные блоки с вертикальной перевязкой.[4]

[4] Это, видимо, и ввело в заблуждение Житкова, который пишет, что текинцы строят крепости из гигантских „кирпичей“, размером в кубический аршин (Инженерный журн., 1883, № 5, стр. 40—41).

Изредка нарезка производилась косыми линиями (Куле-Кала в Кеши, Хингам-Кала севернее Каахка и др.). Небезынтересно отметить, что крепости с косоугольной нарезкой, судя по осмотру их автором данной статьи, лучше других перенесли землетрясение 1948 г. Толщина стен и башен у земли доходит до 2 м, высота — до 4.5—5 м. Крепости туркменских племен алили, емрели и анаули сооружались из квадратного сырцового кирпича, обычного в Хорасане, крепости туркмен-нохурли и курдов — из дикого камня и глины. Характерной чертой текинских крепостей является небольшая высота башен, обычно поднимающихся над стеной всего на 20—30 см, в то время как курды и нохурли строили крепости с очень высокими башнями, по крайней мере в полтора раза превышающими высоту стен.

Большинство крепостей окружено неглубоким рвом; вряд ли, впрочем, он специально сооружался в качестве препятствия, скорее это углубление просто образовалось при выемке земли для постройки стены. Искусственным препятствием служили невысокие глинобитные стенки, окружавшие крепость (например, крепости Дев-Кала и Яраджи-Кала в Бахарденском районе). В средние века такой вид препятствия, называвшийся „фасиль", применялся в крепостях Хорасана очень широко. В туркменских крепостях он сооружался редко, и самый термин этот, видимо, давно уже был забыт.

По внешнему виду и устройству крепостной ограды к крепостям-убежищам очень близки укрепленные усадьбы (ховлы), которые особенно распространены в туркменских районах Хорезма и приамударьинских туркмен, но встречаются в Ахале и очень редко в Атеке.

Некоторые ховлы Ахала отличаются от родовых крепостей-убежищ только наличием внутри ограды жилых строений (например, Ак-Кала в Кеши). Но во многих ховлы имеется всего по 1—2 боевых башни, а иногда башен и вовсе нет. Следует отметить, что очень часто такие укрепленные усадьбы строились владельцами мельниц. Вообще же в Ахале все наиболее крупные ханы и сердары имели свои ховлы. Так, сохранились развалины ховлы Нурберды-хана (в Ак-Депе), Тыкма-сердара (в Беурме) и многих других видных представителей текинской знати. Сохранились, правда в небольшом количестве, развалины укрепленных усадеб XVII—XVIII вв.

Очень интересны многочисленные эрсаринские ховлы Чарджоуской области, особенно в Карабекаульском районе. Они сохранили в качестве чисто декоративных элементов многие детали средневековых замков и крепостей. Эрсаринские ховлы этого района — замок в миниатюре. Жилой дом и хозяйственные постройки примыкают изнутри к высокой пахсовой ограде, оставляя незастроенной центральную часть двора.[5] Верх стены украшен декоративными зубцами, по углам возведены декоративные башенки с куполообразной верхушкой. Такие же башенки стоят по сторонам широких двухстворчатых ворот, а иногда и в середине стен. Башенки довольно значительно возвышаются над стеной. Над воротами в шахматном порядке размещаются два ряда густо расположенных бойниц в виде узких щелей высотой до полуметра и более. В последнее время эти бойницы носили чисто декоративный характер, так как ни помоста, ни чего-либо подобного за ними не было.

[5] Как это было в селениях античного и раннесредневекового Дахистана (например, в Кайрахи 1) и в персидских укрепленных селениях (см.: А. З. Розенфельд. Qala (kala) — тип укрепленного иранского поселения. Сов. этнография, 1951, № 1).

Своеобразным элементом эрсаринских ховлы (причем не только в районе Карабекаула) являются навесные декоративные башенки, которые обычно размещаются попарно над воротами или около калиток в ограде (иногда около декоративных, ложных выходов). Это, несомненно, пережиток „мушараби", навесных боевых башенок, широко применявшихся в средневековом военном зодчестве, в частности в Западной Европе.[6] Судя по эрсаринским ховлы, подобные боевые башенки были обязательной принадлежностью средневековых замков Средней Азии, особенно Хорезма, с которым связаны истоки эрсаринской архитектуры. Впрочем, почти не подлежит сомнению использование эрсаринцами навыков и традиций, сложившихся у древнего оседлого населения долины Аму-Дарьи, жившего в районах Чарджоу и Керки до переселения туда туркмен. Помимо декоративных „мушараби", в эрсаринских ховлы (особенно в Халачском районе) очень часто встречаются декоративные „козырьки" над бойницами.[7] Изредка по углам ховлы возвышаются не декоративные, а боевые башни с помостом для стрелков, бойницами и легкой полусферической кровлей.[8] В одном случае — в ховлах известного эрсаринского феодально-племенного вождя Солтаннияз-бека (первая половина XIX в.)[9] — башни отсутствуют, но по верху стены проделаны ружейные бойницы; стрелки размещались на деревянном помосте, устроенном вдоль всей стены на высоте 5—6 м над землей.

Интересно, что эрсаринцы называют боевые башни своих ховлы „топхана" („топ" — пушка и „хана" — помещение). Это связано с обычаем позднесредневекового среднеазиатского военного зодчества — размещать пушки исключительно на башнях. У текинцев и других туркменских племен слово „топхана" в смысле „башня" не употребляется.

Ховлы хорезмских туркмен отличаются от эрсаринских только декоративными деталями и устройством внутренних помещений. Зато на Мургабе, в Атеке и Ахале до прихода текинцев имел место совершенно иной вид укрепленной усадьбы, где главным фортификационным сооружением являлась не ограда, а многоэтажная боевая башня, в которую в случае нападения врага укрывалась семья владельца с наиболее ценным имуществом. Развалины подобных башен, порой очень хорошо сохранившихся, разбросаны в большом количестве в окрестностях городища Мехин-Кала (Бахарденский район), Анау, Абиверда, Байрам-Али и во многих других районах Южного Туркменистана. Башни эти весьма разнообразны по устройству. Иногда они имеют мощный пахсовый цоколь, иногда целиком построены из пахсы, но чаще всего в качестве основного строительного материала для них служил сырцовый кирпич. Эти башни имеют обычно квадратную, круглую, а иногда и восьмиугольную форму, узкие щелевидные бойницы в верхних этажах, узкий тесный вход, который было легко завалить камнями. Иногда у них было купольное перекрытие. В настоящее время жилые и хозяйственные постройки этих усадеб почти совершенно развалились, и гораздо более прочные башни возвышаются как бы в полном одиночестве. Это вводило в заблуждение многих наблюдателей, не понимавших цели постройки такого множества „одиночных" башен. Оно усиливалось благодаря рас-

[6] В. Яковлев. Эволюция долговременной фортификации. М., 1931, стр. 32.
[7] В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, ук. соч., стр. 31.
[8] Например, на развалинах богатой усадьбы южнее Чарваг-Депе (Сакарский район).
[9] Развалины этого ховлы размером 70 × 70 м находятся севернее аула Ламбе-Карабекаульского района.

сказам стариков-туркмен (особенно текинцев), которые обычно уверяют что это — сторожевые башни, построенные для наблюдения за вражескими аламанщиками (грабителями). Несомненно, что текинцы в XIX в. использовали многие старинные башни в этих целях, а некоторые башни (например, отдельная башня южнее аула Мурча) действительно могли сооружаться специально для этого. Но строить на протяжении 400—500 м десяток „наблюдательных" башен было бы, конечно, совершенной нелепостью. Не выдерживает критики и предположение Житкова, считавшего, что эти „отдельные башни" строились для того, чтобы в них могли укрываться работающие на полях крестьяне, застигнутые внезапным нападением аламанщиков,[10] хотя подобные случаи использования старых башен также могли иметь место. В действительности, при внимательном осмотре почти всегда можно заметить у подножья боевой башни остатки усадьбы, разрушенной и почти смытой весенними дождями. Тип усадьбы с боевой башней не встречается совершенно в северном и восточном Туркменистане и почти полностью исчез в Мургабской долине и прикопетдагской полосе после прихода сюда текинцев. Однако, судя по облику некоторых сельских поселений парфянского времени в прикопетдагской полосе, небольшие укрепленные усадьбы с мощными боевыми башнями появились здесь уже тогда, не позже начала нашей эры. От окончательных выводов, однако, следует воздержаться до осуществления раскопок поселений подобного рода (например, кургана Ходжа-Мазари в Ашхабадском районе группы курганов в районе Старого Куртлы, северо-западнее Ашхабада и т. д.).

От родовых крепостей-убежищ и укрепленных усадеб зажиточных туркменских семей резко отличаются своими размерами, а обычно и системой обороны укрепленные туркменские поселения. Таковы ранние крепости текинцев Ахала (Куня-Ахал, севернее Геок-Тепе, Куня-Кала в Кеши и некоторые другие), родовые крепости эрсаринцев (Ходжа-Идат-Кала, Аджи-Кала, Ак-Тери-Кала и другие), Абиверд — город туркмен-алили, большие крепости хорезмских иомутов, старинные городки емрели и мехинли в Ахале и т. д.

Большинство этих крепостей не имеет правильного начертания в плане в отличие от крепостей-убежищ. Эрсаринские крепости и Абиверд построены на древних городищах, так же как и Шахрабат-Кала — емрелинская крепость XVII—XVIII вв. Остатки стен средневековой или античной крепости в данном случае приспосабливаются для обороны, усиливаются возведением новых фортификационных сооружений. В других случаях древнее городище использовалось лишь в качестве наблюдательного пункта, а стена самого поселения строилась заново (Куня-Кала в Кеши, Кырмыз-Кала в Анау).

Наиболее важной особенностью укрепленных поселений, отличавшей их от родовых крепостей-убежищ и укрепленных усадеб, являлась совершенно иная система огня. Если в родовых крепостях и укрепленных усадьбах оборона основывалась на фланкирующем и косоприцельном огне стрелков, помещавшихся в башнях, что позволяло оборонять крепость сравнительно небольшому числу бойцов, то основу обороны укрепленных поселений составлял фронтальный огонь многих десятков и даже сотен стрелков, размещенных вдоль всей линии стен. В связи с этим стена являлась не только препятствием, но и стрелковой позицией, снабжалась валгангом и многочисленными бойницами, прорезанными

[10] Житков, ук. соч., стр. 40—41.

на интервале 1—1.5 м одна от другой. Башни не являются обязательными элементами ограды укрепленных туркменских селений: их нет ни в Абиверде, ни в большинстве эрсаринских крепостей, ни даже в некоторых текинских крепостях, например в Кырмыз-Кала (южнее Анау). Лишь немногие укрепленные поселения, в частности Куня-Ахал и некоторые крепости хорезмских иомутов, близки по своей основной идее к описанным выше родовым крепостям-убежищам и отличаются от них лишь более крупными размерами и наличием сплошной застройки внутри крепостной ограды.

В некоторых эрсаринских крепостях стена имеет в плане волнистое начертание. Это зависит от конфигурации старого городища, лежащего в основе крепости; но в то же время волнистые начертания ограды позволяли местами организовать фланкирующий и косоприцельный огонь, что было использовано строителями крепости. Так, в крепости Ходжа-Идат-Кала (Карабекаульский район) стена образует подобие кремальерного фронта, причем на кремальерах размещены не только ружейные, но и фальконетные бойницы, позволяющие фланкировать значительную часть стены. В крепости Чишлен-Кала (в том же районе) естественно создалось тенальное начертание северного фаса, позволяющее организовать косоприцельный огонь. Вообще косоприцельный огонь применялся в туркменских крепостях этого рода довольно широко; с этой целью там, где стена образовывала прямую линию, делалось много косых бойниц.

Цитаделей туркменские укрепленные селения, как правило, не имели, исключение составляли Кизыл-Арват[11] и Беурме. Некоторые эрсаринские крепости, например только что названные Ходжа-Идат-Кала и Чишлен-Кала, включали в свою ограду цитадели древних городищ; эрсаринские военные зодчие разумно использовали массивы этих цитаделей для размещения пушек,[12] с этой целью на старых цитаделях были построены специальные небольшие башни с пушечными бойницами. Оборона ворот в общем была очень примитивной, хотя иногда устраивалось нечто вроде предвратного лабиринта или узкого корридора, который легко было бы держать под обстрелом. Рвы иногда сооружались, но были узкими и неглубокими: очевидно, большого значения им не придавали.

С точки зрения развития туркменской фортификации очень интересны немногочисленные, но огромные по размерам текинские крепости второй половины XIX в.: Коушутхан-Кала в Серахсе (50-е годы), Коушутхан-Кала в Мары (70-е годы) и ахалтекинская крепость Геок-Тепе, построенная в конце 70-х годов.

Длина ограды каждой из этих крепостей превышает 2 км. Они были построены с расчетом размещения в них во время войны многих тысяч семейств с наиболее ценным имуществом. В мирное время они оставались пустыми.

Ограда этих крепостей, в отличие от всех других туркменских укреплений, состоит из мощного земляного вала, одетого снаружи толстым

[11] О Кизыл-Арвате см: И. И. Стебницкий. Заметки о Туркмении. Зап. Кавк. отд. Русск. геогр. общ., кн. 8, 1873.

[12] Туркмены неоднократно захватывали пушки в качестве трофеев. Так, текинцы захватили 32 пушки у иранцев во время неудачи последних под Мары в 1861 г. Медная пушка (сары-топ) была захвачена текинцами в 1858 г. в битве с иранцами у Карры-Кала. В руки эрсаринцев попали, вероятно, пушки, зарытые в Бурдалыке иранским отрядом, отступавшим из Бухары в 1747 г. после смерти Надир-шаха. Известны и другие подобные случаи.

слоем пахсы и увенчанного пахсовой стенкой с многочисленными бойницами. В сооружении вала принимало участие все население оазиса, включая женщин и детей. По мере насыпания вала он тщательно утрамбовывался ногами людей и лошадей; каждый род и аул текинцев получал определенный участок, на котором и должен был своими силами возводить вал. Ров создавался естественно по мере выемки земли. Особенно глубок ров крепости Геок-Тепе. Ворот в этих крепостях сделано несколько, причем никаких особых мер для их защиты не принималось. Оборона крепости основывалась на фронтальном и отчасти косоприцельном огне массы стрелков, никаких элементов фланкирования стен и рвов обнаружить не удалось.

Создание подобных крепостей было совершенно новым делом для текинцев, причем их большие крепости очень отличались от старых иранских, хорезмских и южнотуркменских крепостей. Внешне по сравнению с эффектными зубчатыми стенами и высокими башнями феодальных городов приземистые валы Геок-Тепе кажутся грубыми и примитивными. Но на деле профиль ограды больших текинских крепостей оказался очень удачным. Толстый невысокий вал, одетый пахсой, был для середины XIX в. лучшим вариантом крепостной ограды, чем высокая стена, легко уязвимая для орудийного огня, что и доказала оборона Геок-Тепе в 1880—1881 гг. Организация огня была, несомненно, слишком примитивна; но следует учесть, что при крайне ограниченном количестве артиллерийских орудий и скорострельных ружей нельзя было рассчитывать на сколько-нибудь надежное фланкирование стен и рвов с башен. До создания же бастионного фронта туркменская фортификация еще не дошла. Во всяком случае создание таких больших и оборо-носпособных крепостей было крупным шагом вперед в военном искусстве туркмен, обеспечившим им ряд побед в борьбе против среднеазиатских феодальных армий и даже против русских войск, направленных царизмом для завоевания туркменских земель.

Э. В. Севортян

О ГЛАГОЛООБРАЗУЮЩЕМ АФФИКСЕ *-СА-//-СЫ-//-СЫН-* В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Строго говоря, в нашем заголовке три аффикса: *-са-*, *-сы-* и *-сын-*, представляющих собой более развитую форму аффикса *-сы-*. Однако различие в значениях всех трех аффиксов было утрачено, по-видимому, еще в историческое время, они смешались, превратившись (особенно *-са-* и *-сы-*) в формальные, хотя и не всегда регулярные параллели. Поэтому можно было бы рассмотреть все эти формы в качестве разновидностей единого форматива, имеющего несколько значений, как это и делается в большинстве работ, относящихся к тюркским языкам. Например, проф. Ж. Дени в своей грамматике турецкого языка аффиксы *-са-* и *-сы-* рассматривает как единый показатель с определенным составом значений, которые автор перечисляет в трех пунктах. Разновидностью названного аффикса Ж. Дени считает форму -(i)*mse* -(i)*msi*).[1] Единым формативом считают аффиксы *-са-* и *-сы-* Ж. Дени, А. Н. Кононов[2] и Н. А. Баскаков.[3]

Другие авторы проявляют более осторожное отношение к вопросу о генетических связях между описываемыми аффиксами. Так, например, Г. Рамстедт ни разу, кажется, не отождествлял аффиксы *-са-* и *-сы-*. Как в своей первой работе, посвященной структуре глагольных основ в монгольских и тюркских языках, так и в последнем своем труде об алтайских языках он отдельно рассматривал оба аффикса. Первый из них *-са-* со значением 'желать' или 'любить'[4] Рамстедт возводил к самостоятельному тунгусскому глаголу *sa-*, который означает 'говорить', 'думать', 'делать', представляя собой своего рода универсальный глагол в более широком смысле, чем немецкое *tun-* или английское *to do*.[5] В другой работе Рамстедт еще более уточнял значение глагола *sa-* 'на-

[1] J. Deny. Grammaire de la langue turque. Paris, 1920, § 844; см. также: J. Nemeth. Türkische Grammatik. Berlin und Leipzig, 1917, стр. 94.
[2] А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941, § 235.
[3] Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, ч. 1, М., 1952, стр. 321—322.
[4] G. J. Ramstedt. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. Journal de la Société Finno-Ougrienne, t. 28, 1912, § 91
[5] G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. Formenlehre, Helsinki, 1952, стр. 188.

мереваться, желать, хотеть, говорить, делать',[6] к которому возводил, между прочим, и показатель условного наклонения *-са-*.[7] Второй аффикс *-сы-* в обеих работах Рамстедт не этимологизировал, но он правильно, как нам кажется, ставил его в связь с показателем подобия *-сы-*, известным абсолютно во всех языках тюркской группы в многообразном употреблении (в составе существительных, прилагательных, наречий, глаголов), из области которого он привел лишь „модифицирующие значения цветов"[8] на *-sy — mal*, *-sy — man*, *-sy — mak*, *-sy — l* и *-sü*.[9] Устанавливая такую связь между значениями глаголообразующего аффикса и уподобительным аффиксом *-сы*, Рамстедт не забыл и своих предшественников, которые в „Грамматике алтайского языка" первые предложили сравнение аффикса *-сы-* (в форме производного *-мзра-* из **-мсыра-* > **-мзыра-* > *-мзра-*) с аффиксами *-су* (где „у долгое или сложное") и *-сыман*, означающими „ослабление или уменьшение качества".[10]

Раздельно рассматривают аффиксы *-са-* и *-сы-* также А. фон Габен[11] и Бесим Аталай.[12]

В. Банг возводил аффикс *-сы-* к аффиксу *-са-*, допуская ослабление *-а-* „вследствие его постоянной безударности",[13] т. е. решая вопрос чисто фонетически, как и в ряде других явлений морфологического порядка.

Фонетическое объяснение Банга тем более неприемлемо, что в противоречии с ним он признавал уподобительное значение аффикса *-сы-*. „Все глаголы, образованные при его помощи, — писал Банг, — означают быть похожим, подобным именной основе, быть таким, как именная основа".[14]

Следует заметить, что и среди наших специалистов в некоторых случаях наблюдается более осторожное отношение к вопросу о связях между аффиксами *-са-*, *-сы-* и *-сын-*. Н. П. Дыренкова рассматривает раздельно даже аффиксы *-сын-* и *-сыра-*, оба восходящие к *-сы-*, однако имеющие разные значения.[15]

А. Г. Гулямов в своей работе об узбекском глаголе также рассматривает в качестве отдельных аффиксов формы *-сира-* и *-са-*, хотя по своим значениям они могут в известных случаях и сойтись.[16]

---

[6] G. J. Ramstedt. Zum türkischen Konditional. Finnisch-Ugrische Forschungen, Bd. XXIX, Heft 1—3, Helsinki, 1946, стр. 120—126.

[7] Там же.

[8] G. J. Ramstedt. Zur Verbstammbildungslehre..., § 95; см. также: А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка, § 236.

[9] G. J. Ramstedt. Zur Verbstammbildungslehre..., § 95; см. также: G. J. Ramstedt, Einführung..., стр. 198.

[10] Грамматика алтайского языка. Составлена членами алтайской миссии. Казань, 1869, §§ 78 и 31.

[11] A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. 2 bearbeitete Auflage, Leipzig, 1950, §§ 97, 98, 100.

[12] B. Atalay. Türkçede kelime yapma yolları. Istambul, 1946, стр. 131—133. Автор специально предостерегает от смешения обоих аффиксов, правильно указывая на то, что они имеют разные значения и разное происхождение, хотя с этимологиями автора, заимствованными им у Махмуда Кашгарского (*-са-* < *са-* 'считать', *-сы-* < *сы-* 'ломать'), едва ли можно согласиться.

[13] W. Bang. Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen. SPAW, Jahrgang XXII, 1916, стр. 917.

[14] W. Bang. Türkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut. Siebenter Brief, Ungarische Jahrbücher, Bd. XIV, Heft 3, 1934, стр. 216.

[15] Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 143, 144.

[16] А. Г. Гуломов. Фе'л. Тошкент, 1954, стр. 71.

Для правильного решения вопроса об историческом соотношении наших аффиксов, особенно двух основных из них — *-са-* и *-сы-*, — полезно обратиться к памятникам тюркских языков, наиболее авторитетным из которых является „Диван" Махмуда Кашгарского.

Об аффиксе *-са-* Махмуд Кашгарский говорит: „س появляется при глаголах, чтобы передать желательность исполнения какого-либо действия, как например سُوشْ اِجْسَدِي *suw içsedi*, которое значит 'он захотел выпить воды', آش ييسَدى *aş yeysedi* 'он захотел поесть' ... Буква س иногда появляется при глаголе, чтобы представить действие как бы совершающимся, хотя в действительности его и нет, как например в выражении اُلْ مندين يَرْماقْ اَلمِسِندِي *ol mendin yarmak alımsındı* 'он сделал вид, что берет у меня деньги'".[17] На стр. 235 и 279 в повторно излагаемом правиле Махмуд Кашгарский приводит примеры: اَرْ اَتْسادِي *er etsedi* 'человек захотел поесть мяса'; اَرْ اجغْسادِي *er açıġsadı* 'человеку захотелось кислого' (М. К., I, 279); اُلْ يا اَتْسادِي *ol ya atsadı*, 'он захотел метнуть стрелу'; اَرْ يُكْ كتُرْسادِي *er yük kötürsedi* 'человек захотел понести ношу' (М. К., I, 280). Затем автор продолжает: „Если в частице سا изменить الف на ى, меняется и смысл, и она (в этом случае) означает состояние или природу приписываемого (действию) предмета, показывает переход из состояния, в котором (предмет) находится, в другое состояние, например سُجِكْ سُڤْسِيدِي *sücik suwsıdı* и اُزُمْ اَحِغْسِيدِي *üzüm açıgsıdı*, которые означают 'вино стало жидким' и 'виноград прокис'" (М. К., I, 282).

Из наблюдений Махмуда Кашгарского следует, во-первых, что оба аффикса различны по значениям и, по-видимому, восходят к разным источникам.[18]

Во-вторых, аффиксы *-са-* и *-сы-* образовали глаголы от грамматически различных типов основ: аффикс *-са-* мог образовать глаголы как от именных основ, так и от глагольных, в то время как аффикс *-сы-* — лишь от именных основ. Отсюда ясно, что по своему типу первый аффикс был более архаическим, тогда как второй аффикс был ближе к современным, поскольку он мог образовать лишь отыменные глаголы.

---

[17] Mahmut Kaşgarî. Divanü Lûgat-it Türk tercemesi, c. I. Çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939, стр. 20 (в дальнейшем: М. К.) Об аффиксе *-са-* см.: C. Brockelmann. Mahmūd al-Kāšgarīs Darstellung des türkischen Verbalbaus. KSz, t. XVIII, r. 1—3, Budapest, 1918/1919, стр. 46—47; 'Alī' s Qissai Jūsuf, § 41.

[18] Нам представляется вероятной гипотеза Рамстедта о происхождении аффикса *-са-* из глагола типа тунгусского *sa-*, о котором говорилось выше. Для аффикса *-сы-* с его уподобительным значением мог бы быть намечен в качестве источника глагол *си-* 'уподоблять', который встречается в „Сельджукских стихах" (привожу в радловской транскрипции):

гӧркіў jӱзі кімсӓjӓ hӓч бӓңзӓмӓз,
тӓңрі ḳатында бӓңі бірӓ сімӓз.
'Его красивое лицо не похоже ни на кого,
Оно не похоже ни на одного из вечно (живущих) в раю'

(дословно: 'у бога') (Über alttürkische Dialekte, I. Seldschukische Versen im Rebâb Nâmeh. Mélanges Asiatiques, t. X, I, St. Pétersb., 1890, стр. 80).

Это различие в значениях и употреблении того и другого аффикса довольно строго прослеживается по примерам в словаре Махмуда Кашгарского (например: М. К., III, стр. 284—306).

К примерам Махмуда Кашгарского можно присоединить также некоторые иллюстрации из современных языков, в частности глаголы с показателем *-са-/-сы-*, образованные от глагольных основ: гагауз. *јенсе-* 'одолеть', 'победить' от *јен-* 'победить'; казах. *тепсин-* 'топать', 'бить ногами'; узбек. *депсин-* '1. притоптывать; 2. топтаться' от *теп-//деп-* 'лягаться', 'брыкаться', *бұрси-* 'ежиться', 'горбиться' от *бұр-* '1. съеживаться, скручиваться; 2. суживаться, сморщиться'; азерб. *умсунмаг* 'обмануться в надежде', 'разочароваться' от *уммаг* 'ожидать', 'быть в надежде', ср. Радлов: *умсан-* 'иметь надежду', 'полагаться', 'ожидать', *умсун-* 'надеяться' (Радл., Сл., I, стр. 1797); казах. *умсын-* 'обмануться в надеждах'; *долухсунмаг* 'прочувствоваться', 'растрогаться', 'быть готовым заплакать' (т. е. иметь желание заплакать) от глагола *долухмаг* с тем же значением. В этих примерах уже нет ясно выраженного желательного или уподобительного значения, за исключением глагола *долухсунмаг* с более или менее ясным значением желания и глагола *тепсин-//депсин-* с ослабленным уподобительным значением.

Как показывает материал Махмуда Кашгарского, у нас нет оснований отождествлять аффиксы *-са-* и *-сы-*, поскольку условия применения и значения этих аффиксов различны.

Вместе с тем уже во времена Махмуда Кашгарского образование глаголов на *-са-* от глагольных основ, по всей вероятности, шло на убыль и, наоборот, использование именных основ становилось главным способом образования глаголов с дезидеративным значением. Об этом можно судить по распространенности образований на *-ығса-* и *-игсе-*,[19] в которых элементы *-ығ-* и *-иг-* являются показателями глагольных имен со значением названий действия. Ср. глаголы *körügse-* 'хотеть видеть', *barığsa-* 'хотеть пойти', *alığsa-* 'хотеть взять' (М. К., I, стр. 281) и др.

В современных языках не сохранилось строгого разграничения в формах и значениях дезидеративного и уподобительного аффиксов *-са-* и *-сы-*. Очень часто аффикс *-сы-* приобретает желательное, а аффикс *-са-* уподобительное значения, в некоторых же случаях обе формы употребляются параллельно. Исследователи отмечают в современных языках оба значения.[20]

Обратимся к материалу.

а. Аффиксы *-са-//-сы-* с дезидеративным значением:

азерб. *сусамаг* '1. жаждать, испытывать жажду, хотеть пить; 2. поддаваться соблазну, соблазняться чем' от существительного *су* 'вода'; ср. узбек. *сувсамок*, казах., татар. *суса-*, хакас. *суға-*; узбек. *ўкси-//ўксин-* '1. чувствовать себя одиноким; 2. печалиться, грустить; 3. сострадать, жалеть, сожалеть' от утерянного в узбекском корня **ўк < *ög* 'мать',[21] с которым связано первое значение глагола; второе значение связано с первым причинным отношением;

киргиз. *жерси-* 'скучать по родине'; 'стремиться на родину' от существительного *жер* 'земля', 'место';

казах. *өгейси-* 'испытывать отсутствие родительского отношения к себе'; 'скучать по родным' от *өгей* 'мачеха'; ср. *өгейсин-* 'относиться как к неродному (о мачехе, отчиме)'.

Из приведенных примеров можно заметить, что в современных языках в аффиксе *-са-* выработалось вторичное значение 'чувствовать (себя)', 'испытывать', которое связано с первым (желательным) значением аффикса причинной связью, т. е. оно является причиной или следствием желания, например 'желать', 'стремиться к матери' (глагол *ўкси-*) и потому 'чувствовать себя одиноким'.

То же наблюдается в глаголе *өгейси-*. Поэтому в обоих случаях глаголы образованы от основ, которые означают не то, к чему стремится говорящий, а то, от чего он испытывает определенное состояние.

б. Аффиксы *-са-//-сы-* с уподобительным значением:

турецк. *bönsemek* 'впадать в детство'; 'стать слабоумным' от *bön* 'глупец', 'идиот', 'глупый', 'слабоумный'; *gürüksemek* 'клохтать' от существительного *gürük* 'наседка';

казах. *саңраусы-* притворяться глухим от прилагательного *саңрау* 'глухой';

киргиз. *азгансы-* 'иметь вид блуждающего' от причастия *азган* 'сбившийся с пути', 'заблудившийся' и многие другие.

Как показывают примеры, значение уподобления в глаголе приобретает более конкретную семантику подражания и притворства.

Другой конкретизацией уподобительного значения, а возможно и его развитием, является значение оценки, которое можно передать словами „считать за, рассматривать в качестве, выдавать за".

Примеры:

турецк. *çoksamak//çoksımak//çoğumsamak* '1. считать, признать (излишним); 2. копить, откладывать; завидовать' от *çok* 'много';

казах. *құдайсы-* 'ставить себя выше других'; 'важничать' от существительного *құдай* 'бог'; ср. с киргиз. *кудайсы-* 'важничать свыше меры';

киргиз. *баатырсы-* 'считать себя богатырем'; 'изображать из себя героя' от существительного *баатыр* 'герой', 'богатырь'.

Значение уподобления, подражания и притворства, а также предыдущее значение в современных южных языках выражаются еще производной формой *-(ы)мса-* или *-(ы)мсы-*, состоящей из показателя глагольного имени *-(ы)м* со значением порции, доли (ср. *тутам* 'горсть', *юдум* 'глоток', *ичим* 'глоток', *атым* 'на один заряд' и т. п.) и глаголообразующего аффикса *-са-//-сы-* в обоих случаях с уподобительным значением, например: азерб. *құлумсəмək* 'улыбаться', 'усмехаться', 'ухмыляться' от *құл-* 'смеяться', так же в турецком и гагаузском; турецк. *ağlamsamak* 'притворно плакать', 'притвориться плачущим'; 'хныкать' от *ağlamak* 'плакать'; *azımsamak* '1. находить или считать малым, недостаточным, преуменьшать; 2. быть недовольным, не удовлетворяться, не довольствоваться чем-либо; 3. пренебрегать' от прилагательного *az* 'малый'; киргиз. *кишимси-//кишимсин-* 'считать человеком'; 'обращаться как с человеком' от существительного *киши* 'человек'.

В двух последних примерах глаголы образованы не от глагольных, а чисто именных основ *аз* и *киши*. Отсюда следует, что аффикс *-(ы)мса-*

[19] J. Deny, ук. соч., § 844; Addenda, стр. 1117; A. von Gabain, ук. соч., § 154, со значением „хотеть что-то сделать".

[20] Ср.: J. Deny, ук. соч., § 844; А. Н. Кононов. 1) Грамматика турецкого языка, § 235; 2) Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, § 260; А. Г. Гулямов, ук. соч., стр. 71; Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948, стр. 68; Н. А. Баскаков, ук. соч. стр. 321; A. von Gabain, ук. соч., § 97.

[21] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности (в дальнейшем: М.). М.—Л., 1951, стр. 405.

для современных языков должен рассматриваться как показатель отыменных глаголов по аналогии с другими господствующими глаголообразующими формами, при помощи которых создаются лишь отыменные глаголы.

Уподобительное значение наших примеров, число которых можно увеличить, имеет в данном случае и количественную характеристику: значения глаголов *күлүмсәмәк* и подобных ему выражают не только имитацию или притворство (та же имитация!), но одновременно и ослабленную или, как говорят некоторые исследователи, уменьшенную степень основного действия, выраженного глагольным корнем.[22]

В целом ряде случаев аффриксы *-са-* и *-сы-* лишаются рассмотренных значений и семантически уподобляются аффиксам *-ла-* или *-а-*.

Примеры:

мәнимсәмәк '1. усвоить, изучить, освоить, понять; 2. присвоить' от родительного падежа личного местоимения *мән* 'я';

турецк. *çiğsemek* 'ложиться (о росе, о тумане)'; 'моросить' от существительного *çiğ* 'роса';

узбек. *гарангсимоқ* 'растеряться (прийти в замешательство)' от прилагательного *гаранг* 'попавший в затруднительное положение'; 'не знающий, что предпринять';

казах. *салақсы-* 'становиться неряхой', 'быть неаккуратным' от *салақ* 'неряха'; 'неряшливый'; 'безалаберный';

киргиз. *арсарсы-* 'быть в сомнении, недоумении, в нерешительности' от прилагательного *арсар* 'растерявшийся', 'находящийся в нерешительности, в сомнении';

татар. *коргаксы-* 'засыхать', 'рассыхаться' от *коргак* 'сушь'; 'сухой';

хакас. *аарсы-* '1. чувствовать усталость и хотеть спать; 2. чувствовать тяжесть' от прилагательного *аар* 'тяжелый';

ал-Замахш. *čičüksedi andin* 'пристрастился от того к сладкому' (101).

Дальнейшим морфологическим развитием аффикса *-сы-* явилась, как на то мы указывали, форма *-сын-//-сан-*.

Наряду с формой *-сын-* в кыпчакских языках встречается форма *-сыт-*, означающая действие, совершаемое в отношении другого лица, тогда как форма *-сын-* означает действие, совершаемое для говорящего.[23] Сам факт оформления непереходной и переходной формы аффикса *-сы-* знаменателен, так как он характеризует его древность.

Обратимся к примерам глаголов с аффиксом *-сын-* и *-сыт-*:

а. Со значением уподобления: 'считать за', 'рассматривать как':

[22] Ср.: J. Deny, ук. соч., § 844, прим. 1; A. von Gabain, ук. соч., § 157. Кононов более точно характеризует значение аффикса *-(ы)мса-*, обозначая его как притворство или сходство (Грамматика турецкого языка, § 236).

[23] В своей ранней работе о глагольных основах Рамстедт отмечал лишь одно значение аффикса *-сын-* 'считать себя за', рассматривая его в качестве возвратной формы аффикса *-сы-*. Форму *-сын-* Рамстедт относил к продуктивным (Zur Verbstammbildungslehre, § 94). В „Грамматике алтайского языка" также отмечается одно значение аффикса *сын-*: „приставка *зын* производит от имени глаголы, означающие считать или признавать каким" (§ 76). В обеих формулировках, между которыми имеется преемственная связь, значения аффикса *-сын-* слишком суженны.

А. Н. Кононов более полно определяет состав значений показателя *-сын-*, указывая наряду с оценочным значением ('считать за') и желательное значение (Грамматика узбекского языка, § 260).

Возвратная форма *-сын-* приводится и другими авторами (Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка, стр. 143 и сл.).

узбек. *арзонсинмоқ* 'считать что-либо дешевым' от прилагательного *арзон* 'дешевый';

казах. *адамсын-* 'считать что-либо поганым, нечистым' от прилагательного *арам* 'поганый', 'нечистый' (арабского происхождения); ср. киргиз. *арамсынт-* в том же значении;

киргиз. *арамсын-* 'считать себя человеком' от *адам* 'человек';

татар. *азсын-* 'считать маловатым', 'считать недостаточным' от прилагательного *аз* 'малый';

үзсен- 'считать своим близким, родственным', 'поступать с кем-нибудь за панибрата' от местоимения *үз* 'сам'; 'свой';

хакас. *миніксін-* 'считать что-либо своим', 'присваивать что-либо себе' от притяжательного местоимения *мінікі* 'мой' и многие другие.

б. Со значением уподобления: подражания, притворства:

киргиз. *адалсын-* 'святошествовать' от прилагательного *адал* 'чистый' (арабского происхождения);

акылдуусун- 'изображать из себя умника'; 'умничать' от прилагательного *акылдуу* 'умный' с основой *акыл* 'ум' (арабского происхождения).

Значение подражания и притворства в форме *-сын-* не получило, как и остальные вторичные формы с аффиксом *-сы-*, развития в современных языках. Однако в эпоху составления „Дивана" она была вполне продуктивной, о чем можно судить не только по ряду примеров (см., в частности, т. II стр. 259—263), но и по правилу, которое приводит Махмуд Кашгарский для образования глаголов с этим значением. Глаголы с уподобительным значением в „Диване" образуются в форме *-(ɑ)мсын-*, и *-(ɑ)мсан-*, т. е. в принципе тем же способом, что и в языках огузского типа.

в. Со значением желания:

татар. *юксын-* 'чувствовать потерю чего', 'тосковать (об отсутствующем)' от *юк** 'отсутствие';[24]

хакас. *тамахсына-* 'скучать по домашней пище' от существительного *тамах* 'пища' (арабского происхождения). Здесь *-сын-* имеет наращение аффиксом *-а-*.

г. Со значением других глаголообразующих аффиксов:

азерб. *диксинмәк* 'вздрогнуть', 'испугаться' от прилагательного *дик* 'прямой', 'вертикальный'; 'торчком';

ағрықсын- 'занемогать', 'чувствовать боль' от существительного *ағрык* 'боль';[25] ср. татар. *авырыксын-* 'недомогать';

казах. *мойынсун-* 'послушаться', 'беспрекословно подчиняться' от существительного *мойын* 'шея';

киргиз. *ажапсын-* 'удивляться' от *ажап* 'удивительно' (арабского происхождения);

татар. *җиксен-* 'измаяться', 'измучиться' от *җик*, которое имеется в составе аналитического глагола *җик күр-* в том же значении, и многие другие.

[24] Семасиологически едва ли можно сближать *юк* в глаголе *юк-сен-* как и в других образованиях (ср., например, *йокла* 'искать' и пр. в ряде языков) с существительным „вершина, верх" древнетюркских языков (V. Thomsen. Turcica. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXXVII, Helsingfors, 1916, стр. 75).

[25] В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I. СПб., 1893, стр. 175.

Аналогичные примеры иногда встречаются у Махмуда Кашгарского, например: *ersin-* 'возмужать'; *ogul ersindi* 'ребенок возмужал' (М. К., I, 253).

Нам остается отметить еще довольно распространенную в кыпчакских языках форму *-сыра-*, которая известна и в туркменском языке.[26]

Состав значений и их количественные соотношения в аффиксе *-сыра-* в общем те же, что и в рассматривавшихся формах данной группы. Центральным значением и в этом показателе является уподобительное (подражение, приворство, 'считать за', 'рассматривать как').[27] Второе место занимает значение, дублирующее семантику других аффиксов. Менее всего распространено значение желательности, как и в остальных показателях.

Советские исследователи правильно выделяют основные значения аффикса *-сыра-*: желательное и уподобительное (оценочное: 'считать чем, кем').[28] В некоторых тюркских языках превалирует количественная сторона уподобительного значения, т. е. значение ослабленности действия.[29]

Примеры:

külsirdi 'он показался улыбающимся' (M. Kaşgarı, II, 196). Глагол образован здесьот глагольной же основы. Аффикс имеет усеченную форму *-сыр-* без конечного *-а-*;

туркм. *нәзиксиремек* 'нежничать' от прилагательного *нәзик* 'нежный';

узбек. *анқовсирамоқ* 'прикидываться простоватым, недогадливым или недалеким' от прилагательного *анқов* 'простоватый', 'недогадливый', 'недалекий (про человека)' и др.

Глаголы с показателем *-сыра-* занимают довольно заметное место в ряде кыпчакских языков, однако форма их непродуктивна.

Более развитую форму показателя *-сыра-* образует аффикс *-(ы)мсыра-*, являющийся кыпчакской параллелью к рассмотренной ранее форме *-(ы)мса-*. Как и последняя форма, *-(ы)мсыра-* имеет узкое уподобительное значение имитации или притворства, а в количественном смысле — значение ослабленности ('уменьшительности'),[30] совпадая в этом отношении с аффиксом *-(ы)мса-*.

Примеры:

туркм. *догумсырамак* 'казаться смелым' от прилагательного *догум* 'смелый';

[26] Основываясь на туркменском материале советских исследователей, И. Бенцинг верно называет показатель *-сыра-* „чистым словообразовательным элементом" (Über die Verbformen Türkmenischen. Mitteilungen der Ausland-Hochschule an Universität Berlin, Jhrg. XLII, Zweite Abteilung, Westasiatische Studien, Berlin, 1939).

Аффикс *-сыра-* отмечается также Дени (§ 851, Addenda, стр. 1121).

[27] Г. Рамстедт отмечает лишь одно значение аффикса *-сыра-*: 'чувствовать себя чем' (Zur Verbstammbildungslehre . . ., § 94).

[28] А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка, § 258; А. Ғ. Ғуломов. Фе'л, стр. 71.

[29] Аффикс *-сыра-* „ослабляет действие глагола" (N. K. Dmitrijev. Morfologia della lingua turca dei cumucchi (Caucaso). Rivista degli Studi Orientali, vol. XV, *fasc.* I, II, Roma, 1934; см. также „Грамматика кумыкского языка" (М.—Л., 1940, стр. 130): аффикс *-сыра-* „имеет приативное значение, т. е. отрицает или ограничивает полноту проявления действия".

[30] Как отмечалось это значение в „Грамматике алтайского языка" (§ 78, стр. 48) и позднее у других авторов, в частности у Г. Рамстедта (Zur Verbstammbildungslehre. . ., § 77); см, также: Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка, § 94. В своей „Грамматике башкирского языка" Н. К. Дмитриев называет аффикс *-(ы)мсыра-* „формой ослабленности действия" и выделяет для него вместе с другими формами количественной характеристики действия специальный раздел (стр. 185).

казах. *өлімсіре-* „1. быть полуживым, слабым; 2. казаться крайне жалким, ничтожным" от глагола *өл-* 'умирать';

татар. *еламсыра-* 'прослезиться' от глагола *ела-* 'плакать';

хакас. *уйғумзыра-* 'дремать', 'быть в полусонном состоянии' от существительного *уйғу* 'сон';

Разновидностью показателя *-(ы)мсыра-* является *-(ы)мҗыра-*, *-(ы)нҗыра-* и *-җыра-* в туркменском. Ср.:

агламҗырамак- 'притворяться плачущим', 'притворно плакать', 'хныкать' от глагола *агламак* 'плакать';

геринҗиремек 'потягиваться искусственно' от глагола *гермек* 'натягивать', 'распяливать';

тисгинҗиремек 'вздрагивать' от глагола *тисгинмек* с тем же значением.

Желательное значение аффикса *-сыра-*, по нашим наблюдениям, заметно уступает в количественном отношении уподобительному значению или значениям других аффиксов.

Глаголы в форме *-сыра-* в древних, а в некоторых случаях и в современных языках, имеют приативное значение. Выводить его из описанных выше весьма затруднительно. Можно было бы на первый взгляд связать это значение с семантикой ослабленности действия. Но едва ли можно отсюда вывести значение лишения или отсутствия, так как при любых градациях ослабленности действия последнее все же налицо в глаголе с аффиксом *-сыра-*, между тем как в глаголах с приативным значением имеется в виду устранение предмета, о котором говорится в основе. Значение последней составляет вторую трудность в попытке связать приативный аффикс *-сыра-* с омоморфным показателем, имеющим уподобительно-оценочное значение.

Приативные значения все образованы от имен, уподобительно-оценочные значения глаголов с аффиксом *-сыра-* все образованы от глаголов. Таким образом, как значения, так и условия образования глаголов с этими омоморфными аффиксами различны. В силу этих обстоятельств нам представляется вполне приемлемым анализ приативного аффикса, который был предложен В. В. Радловым, и согласно которому *-сыра-* состоит из словообразовательного именного аффикса **-сыр-* = *-сыз* с отрицательным приативным значением и глаголообразующего аффикса *-а-*.

Примеры:

казах. *қансыра-* 'истекать кровью', 'быть обескровленным' от существительного *қан* 'кровь'.

элсіре- 'ослабеть', 'лишиться сил', 'становиться немощным' от существительного *эл* 'сила', 'мощь' (арабского происхождения); ср. тот же глагол в киргизском (*алсыра-*) со значением 'изнемогать' и в татарском (*элсерә-*) со значением 'изнуряться', 'утомляться', 'изнемогать', 'выбиваться из сил', 'измаяться';

ögsirä-tynsyra- 'лишаться чувств' (М., 406) — корни *ög* 'мысль' (М., 405) и *tyn* 'дыхание' (М., 436), *qayansyra-* 'лишаться кагана' (М., 410) — именная основа *qayan* 'хан (главный)' (М., 409) и некоторые другие.[31]

Как показывает материал, в период, в течение которого существовали аффиксы *-са-*, *-сы-* и вторичные формы на положении продук-

[31] О приативном аффиксе *-сыра-* см.: А. von Gabain, ук. соч., § 99. В анализе аффикса Габен следует В. В. Радлову.

тивных средств глаголообразования, аффикс *-са-* показал весьма слабую производительность, хотя он был еще продуктивным в эпоху Махмуда Кашгарского, т. е. в XI в., когда письменность уже насчитывала у отдельных тюркских народов много столетий. Не случайно поэтому, что среди имеющихся у нас примеров, общее число которых доходит до ста, количество глаголов с аффиксом *-са-* (мы учитываем лишь примеры из современных языков) немногим превышает десять слов, а все остальные глаголы, составляющие $^{9}/_{10}$ общего количества примеров, образованы при помощи аффикса *-сы-* и его производных. Среди глаголов с аффиксом *-са-* имеется один глагол, образованный из заимствованной арабской основы (глагол *гәрибсемәк*), в то время как среди другой части имеются глаголы с основами иранского или арабского происхождения (*гәрибсимәк*, образованный параллельно *гәрибсәмәк*, *арсы-*, *мұсәпірсі-*, *қамқорсы-*, *антқорсу-*, *тамаһсымаг*).

Для положения формы *-са-* можно считать характерной также незначительную распространенность дезидеративного значения. Число глаголов с желательным значением в наших материалах не достигает и десяти. Господствующим значением является уподобительное во всех его конкретных проявлениях (подражания, притворства, оценки со значением „чувствовать себя кем, чем", со значением ослабленности действия). Оно охватывает более половины глаголов. На втором месте — глаголы, в которых значения аффиксов *-сы-* и т. д. дублируют семантику других глаголообразующих аффиксов.

Указанное соотношение говорит, по нашему мнению, о том, что даже в эпоху своей продуктивности аффикс *-са-* был скорее грамматической, более конкретно — модальной формой глагола, нежели словообразовательной категорией. Примеры Махмуда Кашгарского также подтверждают высказанную мысль: в большинстве случаев глаголы на *-са-* образованы от глагольных основ. Поэтому мы можем считать форму на *-са-* в качестве одного из промежуточных этапов в процессе исторического развития категории со значением желательности, окончательное оформление которой в виде особого наклонения со свойственной ему формой сделало излишним существование специального словообразовательного показателя.

А. А. Семенов

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АЛИШЕРА НАВОИ И СУЛТАНА ХУСЕЙН-МИРЗЫ*

Взаимоотношения знаменитого поэта, литератора и мецената Алишера Навои и последнего тимурида султана Хусейн-Мирзы за последние годы привлекли внимание писавших об Алишере в связи с тем, что он признан основоположником узбекской литературы. Едва ли не первый толчок к разрешению вопроса о взаимоотношениях этих лиц был дан акад. В. В. Бартольдом.[1] Основываясь на концепциях, изложенных им в главе V „Годы немилости и упадка влияния (1487—1494)", отчасти поддаваясь стремлению к модернизации — видеть в великом человеке революционера, некоторые, писавшие об Алишере, хотели представить его взаимоотношения с султаном как взаимоотношения „царя и поэта" (аналогия: Николай I и Пушкин). Представляли так: Алишер — пламенный обличитель порочной жизни и тирании султана Хусейн-Мирзы и потому гонимый и преследуемый султаном, а последний — деспот, проводивший время в пьяных оргиях, пытавшийся отравить поэта,[2] „с каждым днем терявший интерес к стремлениям и желаниям Навои". Поэтому, „чувствуя отвращение к дворцовым интригам, во главе которых стоял Хусейн Байкара, Навои в 1476 г. оставляет свою должность; после этого он 11 лет не принимает участия в государственных делах".[3] Навои представляется гонимым и преследуемым, а султан Хусейн и его окружение — невежественными, тупыми, злыми и жестокими преследователями, потому что Алишер изобличал их тиранию, корыстолюбие, попрание народных интересов и прочие пороки и нравственное уродство правящей клики. Приводят в качестве примеров отрывки поэтических и прозаических произведений Навои, в которых поэт обращается к правителю, судье и другим правящим лицам с поуче-

* Ввиду безвременной кончины автора статья не была окончательно им отредактирована.

[1] В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Сб. „Мир-Али-Шир", АН СССР, Л., 1928, стр. 100—164.

[2] А. Боровков. Изучение жизни и творчества Алишера Навои. Сб. „Родоначальник узбекской литературы", Ташкент, 1940, стр. 25—27.

[3] А. Шарафутдинов. Алишер Навои. Биографический очерк. Ташкент, 1939, стр. 27.

ниями и наставлениями, призывая их быть честными и благородными, справедливыми к народу и указывая, какими побуждениями и чувствами должны они руководствоваться. По существу, это тот род назидательной и поучительной литературы, который в абстрактной форме был свойствен персам и туркам с отдаленных (доисламских) времен. Поэтому документальным материалом для подтверждения вышеназванных положений эти извлечения ни в какой мере служить не могут.

Взгляд на Алишера Навои как на пламенного революционера и народного трибуна широко распространен. Яркий пример тому — сценарий кинофильма о Навои, последняя сцена которого заканчивалась появлением Навои из растворившихся ворот дворца с возгласом к толпам народа: „К оружию, народ, свергнем тирана!“. Так попиралась историческая правда.

В настоящей статье я привлекаю некоторые материалы мемуарного и документального характера, относящиеся к личности Навои и к его взаимоотношениям с султаном Хусейном-Мирзой. Этот исторический материал, освещающий личность знаменитого писателя и государственного человека, а также отношения к нему его государя, до сего времени не был никем использован.

Алишер происходил из уйгурских бахшей, как свидетельствует Мирза Хайдар-дуглат,[4] т. е. из секретарей и письмоводителей-уйгуров, писавших по традиции и при тимуридах на уйгурском языке некоторые официальные бумаги. По рождению он принадлежал не к родовой знати, не к „знатной служилой аристократии“, как говорит Бартольд,[5] а к потомственным канцелярским чиновникам. Поэтому понятны слова Бабура, что „он не был бекского достоинства“ (اول بیکی ایماس ایدی),[6] а если его отец, Кичкине-бахадур, бывший, по словам Мирзы Хайдара, „достойным мужем“, был в свое время правителем (беком) Себзевара, то это было лишь случайным эпизодом в его биографии, ни в какой степени не позволяющим причислить Навои к родовой аристократии. Но, будучи школьным товарищем султана Хусейн-Мирзы, он с детства вращался в придворном кругу. „Алишер с малолетства был дружен с мирзой султан Хусейном“, — отмечает Мирза Хайдар.[7] Он был его приятелем, — говорит Бабур, — и в детстве они были школьными товарищами, дружба (у них) была большая“.[8] Этим дружеским отношениям не помешала и долголетняя разлука. Когда султан Хусейн в 1469 г. овладел Гератом, то Алишер поспешил к нему в Герат, где нашел весьма радушный прием. „Когда мирза стал государем, — пишет Мирза Хайдар, — Алишер стал безотлучно находиться при нем. Мирза оказывал ему безграничное покровительство, а Алишер покровительствовал даровитым людям, так что все талантливое и бесподобное, появившееся в то время в человеческой среде, в подавляющем большинстве обязано его стараниям“.[9]

Через четыре года (в 1472—1473 г.) Алишер был возведен в высокое звание эмира, и эпитет „великий эмир“ (эмир-и-кебир; сокращенно — мир) остался за ним навсегда.

[4] Мирза Хайдар. Тарих-и Рашиди. Ркп. Инст. востоковедения АН УзССР, № 1430, л. 121б (в дальнейшем: Тарих-и Рашиди).
[5] В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 113.
[6] Baber Nameh. Изд. Н. Ильминского, Казань, 1857, стр. 213.
[7] Тарих-и Рашиди, л. 121б.
[8] Baber Nameh, стр. 213.
[9] Тарих-и Рашиди, л. 121б.

Судя по словам Мирзы Хайдара, звание эмира, несомненно, было связано с должностным положением, с выполнением определенных служебных обязанностей. В ведении Алишера за время нахождения его у власти эмира были: лица, состоящие на государственной службе, свитские особы, монетный двор и государственные конюшни со всеми государственными постройками.[10]

Алишер „проявил рачительность и скопил такие богатства, что его ежедневный доход с его собственных земель выражался в сумме 18 тысяч шахрохи“.[11]

Если считать, что стоимость одной монеты шахрохи равнялась кёпекскому динару со стоимостью, по Бартольду, 50 коп.,[12] то ежедневный доход „великого эмира“ составлял 9000 руб. золотом или 270 тыс. рублей в месяц, что при чрезвычайной дешевизне тогда в Хорасане, о чем свидетельствует современник Алишера Исфизари, составлял колоссальную сумму. Сосредоточение в руках Алишера столь огромных материальных средств можно объяснить лишь тем обстоятельством, что в государстве Тимуридов, в частности в империи султана Хусейна, определенной штатно-окладной системы жалованья служащим не было, а существовала та же система „кормления“ административных лиц за счет населения, которая была свойственна всем тюркским государствам Средней Азии XV в. Нельзя признать правильным мнение Бартольда, что „не на свои личные средства Мир Али-Шир мог бы проявлять ту обширную меценатскую и строительную деятельность, о которой говорит источник, что широкое строительство Алишера производилось за счет государственных средств и было одной из причин тех затруднений, которые испытывала в то время казна султана Хусейна и которыми была вызвана временная опала самого Мир-Али-Шира“.[13] Также отпадает и категорическое утверждение современного биографа Алишера, что „доставшееся после отца богатое наследство и доходы от него он тратил на постройку медресе, бань, больниц и ремонт старых зданий“,[14] тем более, что это не подкреплено никакими ссылками на источники.

Спрашивается, почему же Алишер до конца жизни сохранил свои огромные богатства. Ответ, несомненно, может быть один: в силу того „безграничного покровительства“ (رعایت بیحدّ) или „безграничного доброго отношения“ (слово رعایت имеет и то, и другое значение), которое питал к Алишеру султан Хусейн-Мирза, о чем столь определенно говорит Мирза Хайдар и что подтверждает его двоюродный брат султан Бабур. Не менее важно отметить и то, что Алишер, по-видимому, платил государю „безграничною“ преданностью до конца своей жизни, хотя сам он — при уме очень тонком и проницательном — отличался тяжелым и весьма неприятным характером.

[10] Там же. اسباب امارت خودرا از خدم و حشم و ضرابخانه و اسصبل مع بیوتات پادشاهانه رالغ, — говорится в тексте Мирзы Хайдара.
[11] Там же. در زمان امارت اهتمام نمود بلکه اسباب سامان کرد چنانکه هر روزه (حاصل املاک او هژده هزار شاهرخی بود).
[12] Указание, что шахрохи равнялся английскому шиллингу, я нашел в книге: Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. 1869, стр. 663.
[13] В. В. Бартольд, ук. соч., 140, 141.
[14] А. Шарафутдинов, ук. соч., стр. 29.

„Он был человеком в высокой степени тонкого ума и прекрасного воспитания, — характеризует Алишера Мирза Хайдар, — он требовал, чтобы все люди были такого же рода и воспитания, и потому ему трудно было ладить с людьми, вследствие чего возникали (для него и для других) многие неприятности. У Мир Алишера, кроме высокомерия и вспыльчивости, других недостатков не находили".[15]

Совершенно так же говорит и Бабур о манере Алишера держать себя с людьми: „Характер Алишер-бека был известен, как высокомерный (نازی بیلة). Люди воображали, что его высокомерие происходит от гордости своим положением, но это не так: это качество у него было врожденное, и в бытность свою в Самарканде он также держал себя высокомерно".[16] И портрет-миниатюра Алишера работы известного художника конца XV в. Махмуда „Музаххиба", составляющий собственность Иранского правительства, вполне подтверждает эти отзывы. Несмотря на условность письма, этот портрет все же остро передает внутреннюю сущность Алишера на склоне его жизни: высокая интеллектуальность, тонкий скептицизм с едва заметной сардонической усмешкой, сознание собственного достоинства и высокомерие, — все это отражено в этом столь выразительно переданном лице.[17]

Алишер посвящал многие свои произведения султан Хусейну со всеми приличествующими государю эпитетатами и высокими титулами и даже отдельными хвалебными одами. По заказу султан Хусейна произведения Алишера переписывались для его библиотеки знаменитейшими каллиграфами, как это мы можем усмотреть из „Дивана юности" (نوادر الشباب) в чудесном лицевом списке „царя каллиграфов" султана Али-йи Мешхеди, исполнившем рукопись „для сокровищницы султан Хусейн-Мирзы" (ИВ АН УзССР, № 1995).

Подносившиеся султану великим поэтом произведения, оформленные непревзойденными гератскими мастерами художественной рукописи, можно думать, принимались им более, чем благосклонно. Так, в 889/1484 г. законченная составлением „Пятерица" (Хамса) была преподнесена Алишером султан Хусейну с надлежащим посвящением, но тут произошел следующий любопытный эпизод, который рассказывает Васифи. Султан, приняв рукопись поэмы, сказал автору: „Вот уже долгое время между нами и вами лежит все случившееся в нашей жизни,

[15] Тарих-и Рашиди, л. 121б (بمیر علی شیر غیر نازکی وزود[ا] رنجیدن عیب دیگر نمی یابند).

[16] Baber Nameh, стр. 213. К этому следует сделать необходимое пояснение. И Мирза Хайдар, и султан Бабур, говоря о высокомерии Алишера, употребляют слова نازک, نزاکت (Бабур) и نازکی (Мирза Хайдар). Основное значение таджикско-персидского слова *назок* (*нозук*) 'изящный, элегантный', 'тонкий'; его арабизированная форма *назакат* означает 'изящество', 'вежливость'; 'тяжелый'. Так же как и слово *назоки* означает 'надменность', 'гордость', 'высокомерие', вполне соответствующее арабскому *таджаббур*, что мы находим в словаре Вуллерса. Последний переводит его как superbia arrogantia и ссылается в подкрепление этого на следующий стих из „Бустана" Са'ди

که‌این گردن از نازکی بر کشد * بگفتار خوش و آن سر اندر کشد

[Потому что от гордости вытягивает он шею, (т. е. высоко держит голову), а при приятных льстивых словах втягивает голову (в плечи), т. е. выражает скромность]. См.: J. A. Vullers. Lexicon Pers.-Latinum, t. II, Bonnae ad Rhenum, 1864, стр. 1277.

[17] А. А. Семенов. Портреты эпохи Навои. Ташкент, 1940, стр. 8—9.

и сегодня самое подходящее время, чтобы все это получило свое наглядное утверждение и признание". Султан разумел под случившимся те хорошие отношения и то расположение, которое он питал к Алишеру, называя его своим пир'ом. „Боже мой, боже мой! — воскликнул Алишер. — К чему эти слова?! Я — ученик, а вы мой пир". Себя он называл мюридом. Султан потребовал объяснить, кто такой пир и мюрид.

„Мюрид тот, — отвечал Алишер, — для которого существует только одно — исполнять все желания своего пира".

„Совершенно верно", — заметил султан и приказал привести своего серого коня, который был столь быстроходен, что чернота ночи и белизна дня в нем составляли неразлучную пару, скакуна, подобного которому никто в мире не видел.

Султан сказал Алишеру: „Так как вы стали (теперь) моим мюридом, а я пиром, то мое желание таково, чтобы вы сели на этого коня, а мы последуем около вас пешком".

Алишеру ничего не оставалось сделать, как сесть на подведенного коня, но едва он вложил ногу в стремя, как скакун, никогда никого, кроме султана, не имевший всадником, рванулся и кинулся вскачь, но султан крикнул ему, и конь остановился, пока Алишер не сел на него. Но как только Алишер увидел, что султан бежит сбоку, он упал в обморок, так что его вынуждены были подхватить и снять с коня.[18]

Чтобы понять некоторую специфичность всего происшедшего, следует сказать, что Алишер за семь лет до этого вступил в дервишеский орден „накшбендия", но склонность к суфизму, к обрядовой его стороне он питал, по-видимому, и до этого. Бабур, говоря о Кемал ад-дин-Хусейне Газергахи, замечает: „Хоть он не был суфием, но был примкнувшим к суфиям (متصوّف); у Алишера-бека такие примкнувшие к суфиям собирались и устраивали экстатические радения (وجد) и сима (дервишескую музыку),[19] так что султан Хусейн имел известные основания, хотя бы и в иронически-дружественном тоне, называть Алишера пир'ом в суфийском смысле.

Предположение Бартольда о „годах немилости и упадка влияния" основываются главным образом на том, что „султан Хусейн хотел вернуть к власти Маджд-ад-Дина (сановника, бывшего заместителем государя в диване), но этого не допускал Мир Али-Шир, поэтому султан начал с того, что предложил Алишеру занять должность хакима в Астрабаде. После долгих отказов последний был вынужден согласиться и уехать. Причины, побудившие султана так действовать, объяснены у Бабура, на которого ссылается Бартольд и мастерски пересказывает текст Бабура. Он сообщает, при каких обстоятельствах произошло возвышение Маджд-ад-Дина, как он привел в цветущий вид государство и финансы, как им все были довольны, но что Маджд-ад-дин держал себя враждебно со „всеми беками и должностными лицами с Мир-Али-Широм во главе; их стараниями и усилиями он был низложен и подвергнут заключению".[20] Обо всем этом рассказывает Бабур, но у него нет ни слова, чтобы за эти интриги против Маджд-ад-дина Алишеру было предложено занять пост правителя Астрабада. То, что султан дей-

[18] Васифи, Бадаи'ал-вакаи'. Ркп. Инст. востоковедения АН УзССР, № 2129, л. 315.

[19] Baber Nameh, стр. 221.

[20] В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 142.

ствовал так, чтобы избавиться от Алишера, — это заключение принадлежит Бартольду.

По словам Хондемира, „в зиму 892/1486—1487, когда высокостепенный государь расположился зимовать в Мерве, владыке мира, его мироукрасительная мысль признала необходимым призвать из Джурджана на службу при высочайшем пороге эмира Могола — бывшего правителем Джурджана после смерти эмира Вели-бека, а приближенного его султанского величества, эмира Низамуддин-Али-Шира, возвеличить предложением ему правления «страною победы» (дар-ал-фатх), Астрабадскою областью. Когда (Мирза) открыл рассудительному эмиру тайное (своего) светозарного сердца, то тот вследствие избытка любви благоуханного (своего) чувства (к Мирзе) по отсутствию ручательства (в выполнении) важнейших государственных дел и по великому значению к (мистическому) пути ради получения божественного благорасположения сначала отказался от этого предложения, но после убедительной просьбы и настаивания (Мирзы) он согласился и отправился туда".[21]

Как следует из точного смысла этих слов историка и близкого к Алишеру лица, в них нет ни слова о том, что это была опала Алишера или немилость к нему за его интриги или борьбу против Маджд-ад-дина и что предложение „великому эмиру" отправиться в Астрабад будто бы было своего рода ссылкой в далекую глухую провинцию[22] не подтверждается никакими источниками. Надо знать, что́ представлял собой Астрабад в эпоху султан Хусейна, чтобы отказаться от представления, что это была глухая провинция или какой-то „отдаленный городок". Современник Алишера, Исфизари, в своем труде, существующем, к сожалению, в редких рукописях, посвященном (судя по заглавию) описанию города Герата, а в действительности рисующем экономическое состояние империи султана Хусейн-Мирзы, сообщает об Астрабадской провинции чрезвычайно интересные данные. Он отмечает, что по своей приятности и прелести Астрабад бесподобен. Бо́льшая часть зеленого покрова Астрабада состоит из фиалок и нарциссов при необычайном обилии разных душистых трав. Чрезвычайно широко развитое шелководство составляло важнейшую статью торговли этой области. Астрабадский шелк купцы вывозили в разные страны света. Такого количества золота (в смысле наличных денег), которое поступало из этой области в казну султана, не давал весь Хорасан, так что одни лишь зака̄тные сборы по Астрабаду за год выражались в сумме 70 кёпекских туманов, т. е. примерно 350 тыс. рублей в нормальной (быть может, даже золотой) валюте.[23] Ежегодно отсюда в казну султана поступало харадж ных сборов на 500 тыс. дирхемов (около 250 тыс. рублей). „Всякий, совершивший путешествие в эту область, — говорит Исфизари, — в большинстве случаев становится богатым, почему область эта благословенная". „И действительно, украшение и убранство Герата зависит от совершенных и привлекательных провенансов этой области, потому что со всех сторон света купцы, торгующие мануфактурными изделиями и дорогими товарами, привозят их в Астрабад ради (местного) шелка, а отсюда все это идет в Герат. Апельсины, лимоны и померанцы, служащие украшением гератских базаров, — из этой области. Готовые деревянные изделия из корня, тростника и бука получаются оттуда во множестве". Таким образом, Астрабад с прилегающими к нему районами, именуемыми Табаристаном, составлял ту богатейшую пограничную область империи султан Хусейна, через которую шли оживленные сношения не только с Кавказом, но и с Западной Европой, куда сбывалась бо́льшая часть главнейшего продукта края — шелк, в обмен на который поступали всевозможные товары Запада. Это была богатейшая область с широко развитым ремесленным производством. Земледелие же, судя по скромной цифре харадж ной подати, не имело особого значения. И, если султан Хусейн называл Астрабад „дар алфатх", т. е. „обителью победы", как говорит Исфизари, то потому, что из Астрабада начались его военные выступления, доставившие ему обладание престолом Герата,[24] то совершенно понятно, почему Астрабадская область считалась „благословенною", почему она давалась в управление наследникам престола или особо доверенным лицам султана, почему сам султан при возникновении там беспорядков спешил туда с войсками, чтобы удержать эту жемчужину царства в своих руках. Поэтому и назначение Алишера правителем Астрабада едва ли было изгнанием, почетной ссылкой в отдаленную глухую провинцию. Приведенные слова Хондемира ни в какой мере не подтверждают этого, а мотивы отказа Алишера занять это место и вовсе противоположны такому утверждению. Тем более, что за 10 лет до этого (881/1476—1477 г.) Алишер, как упомянуто выше, вступил в орден „накшбендия" и „добровольно отказался от всякого блеска и почестей и вступил на путь (мистической) бедности и отказа от своей личности".[25] В силу этого разрыва с мирским его отказ от поста астрабадского правителя вполне оправдан, хотя на первый план им был выставлен „избыток любви" к султану, не позволявший ему покинуть государя.

Переходя затем к эпизоду о предполагаемом отравлении Алишера в Астрабаде, мы остановимся на главном действующем лице этого эпизода — двоюродном брате Алишера, которого последний послал в Герат с докладом по ряду важных вопросов.

Знаменитый историк, знавший лично Хайдара, характеризует его, употребляя образные выражения, как человека совершенно безумного: „Так как эмир Хайдар имел полную долю в напитке безумия и в то время, когда он удвоил порцию этого напитка, он доложил султан Хусейну, что Алишер услышал, как приближенные султана побуждали заведующего кухней (Какули — „бакаула") подмешать яд к пище Алишера и потому, естественно, что последний «имеет большое подозрение» (на самого султана) и потому решил восстать против султана". „Взволнованный этими словами, — говорит Хондемир, — султан отправил в Астрабад посланца, быстрого как молния и ветер, и (с ним) послал письмо с августейшим шифром (нишан) в целях снискания благоволения высокостепенного эмира. В этом письме султан клятвенно уверял (Алишера), что никогда подобное намерение не проникало в его благороднейшие высочайшие мысли, а то, что достигло до его (Алишера) благо-

[21] Хондемир. Хабиб ас-сийар, т. 3, ч. III. Тегеран, 1271, стр. 263.
[22] А. Шарафутдинов, ук. соч., стр. 46; А. Боровков, ук. соч., стр. 25.
[23] Считая закятный сбор в 2.5% со стоимости товара; 350 тыс. руб. составляют этот процент от общей стоимости товаров в 14 млн руб. Вес кёпекского динара и его стоимость в копейках здесь даются по В. В. Бартольду (ук. соч., стр. 116).

[24] ал-Исфизари. Раузат ал-джаннат фи-ауса̄р мадинат ал-Хера̄т. Ркп. Инст. востоковедения АН УзССР (по-видимому, начала XVI в.), № 788, л. 73а, 75б; А. А. Семенов. Некоторые данные по экономике империи султана Хусейн-Мирзы (1469—1506). Изв. АН Тадж. ССР, общ. науки, т. 4, 1953, стр. 79—80.
[25] В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 137.

родного слуха, абсолютно никогда не происходило".[26] Получив это послание султана, Алишер „упал в море изумления", по выражению Хондемира, „потому что ни о чем подобном он никогда не слыхал". Алишер немедленно поспешил отправиться в Герат, где при личном докладе султану заявил, что все доложенное ему эмиром Хайдаром „есть чистейшая ложь и явный вымысел" (كذب محض و بهتان صريحست). Хайдар был заключен в тюрьму, затем освобожден и изгнан со службы.

Вчитываясь в изложение этого эпизода Хондемиром, нельзя не прийти к заключению, что нужно было быть действительным безумцем, круглым идиотом, совершенно аморальным человеком, чтобы совершить то, что сделал эмир Хайдар. Во-первых, он сделал донос на собственного двоюродного брата, весьма благоволившего к нему, обвиняя его в тягчайшем преступлении — в государственной измене; во-вторых, он заявил своему государю и государю своего брата, что его ближайшие придворные побуждали подмешать в пищу Алишера яд, а так как на Востоке ближайшие слуги государей являются исполнителями их воли, то получалось, что это делалось с санкции султана. Если бы не было более чем дружественных отношений между Алишером и султаном Хусейном, то, несомненно, вся эта история могла бы окончиться весьма печально для Алишера и для его двоюродного брата. Естественно, что после этого случая „эмир Алишер", по словам историка, „с еще большей настойчивостью стал просить об увольнении его от управления Астрабадом и от ответственности за свои эмирские функции, выведя свою убедительную просьбу за границы умеренности". Султан Хусейн внял этим мольбам, и „приближенный его султанского величества в полном душевном покое поселился на дорогой родине, в отведенном доме. Вследствие же оставления им должности, соединенной с властью начальника, его высокое положение, достоинство, уважение к нему и почет изо дня в день увеличивались, пока не достигли того, что победоносный хакан стал писать ему письма, титулуя в них его так: «господину убежищу направления на истинный путь, сосредоточию высоких доблестей, квинтэссенции владык веры государства, образцу господ царства и религиозной общины, основоположнику добрых дел, споспешествующему делам благотворения, столпу государственной власти, опоре царства, помощнику хаканской державы, приближенному султанского величества, Низам-ал-хакк уа л-хакикат-уа д-дину, эмиру Алишеру, да умножит Аллах (ему) свою помощь!»".[27]

Из сказанного нельзя сделать заключения об опале и немилости со стороны султана Хусейн-Мирзы к великому поэту.

Дальнейшая судьба безумца эмира Хайдара была такова. Оставшись не у дел, он оделся в платье дервиша, собрал вокруг себя большую толпу дервишей и поселился в здании у „Источника рыб" (سرچشمهٔ ماهیان), что вблизи Айдгаха Герата (т. е. места, где справлялись религиозно-общественные праздники). Новоявленный дервиш обходил гератские базары и собирал множество золота и других подарков от малых и великих по положению людей. Все это он проживал со своими дервишами и приятелями. Затем эмир Хайдар направился в Балх, где правил сын султан Хусейна Ибрахим Хусейн-Мирза, который очень хорошо принял Хайдара. Последний поселился у „высочайшего царственного порога", т. е. у мнимой гробницы Алия, близ Балха, и скоро стал „заправлять всеми важнейшими делами этого мазара".[28] В это время некий дервиш Вели, пользовавшийся большим расположением Ибрахим Хусейн-Мирзы, пришел к гробнице Алия совершить ритуальное обхождение, не повидавшись с Хайдаром и не доложив ему об этом. Это показалось Хайдару обидным, и он приказал служителям мазара дать дервишу Вели двести палок по пяткам и задержать его для прислуживания на кухне. Узнав об этом, Ибрахим Хусейн-Мирза решил наказать Хайдара. Ему пришлось бежать в Кундуз к Хосров-шаху, находившемуся во враждебных отношениях с султан Хусейном. Хосров-шах оказал Хайдару почет и уважение. В 1499 г. Хосров-шах вторгся во владения султан Хусейна и осадил Балх. Султан выступил на помощь сыну, Ибрахим Хусейну. Хосров-шах, узнав о приближении султан Хусейна, снял осаду Балха и ушел к себе в Кундуз, откуда послал к султану для переговоров эмира Хайдара, или, как его называет Хондемир, Хайдара-каландара. Султану доложили, что Хайдар постоянно поносил в собраниях Хосров-шаха приближенных „убежища вселенной", а самого Хосров-шаха побуждал к враждебным действиям против султана. Хайдар не был допущен в ставку султана: его заковали в цепи и затем убили. Алишер, получив в Герате известие об этом, был чрезвычайно огорчен и потрясен; он послал за телом брата человека, который доставил его в Герат к „Источнику рыб", где труп и был предан земле. „Детям и близким лицам (Хайдара Алишер) в мере возможности оказал покровительство", — заключает Хондемир свое повествование обо всем этом.[29]

Этот эпизод не нарушил близких отношений между Алишером и султан Хусейном, как не нарушались они и из-за недостойного поведения родного брата Алишера, Дервиш Алия. Личность эта была совершенно беспринципная и во всех отношениях „полупочтенная". Будучи беком, он был уличен в подлоге — подделке указа султан Хусейна о вызове в Герат Балхского правителя, принца Ибрахим Хусейна; получив благодаря отъезду принца свободу действий в Балхе, о вступил в сношения с враждебным султану хисарским правителем, султан Махмудом. Во время восстания против султан Хусейна был взят в плен, сидел некоторое время в Балхской крепости, после того несколько раз терял и вновь приобретал расположение султана, совершил паломничество в Мекку, откуда вернулся и опять стал близким к султан Хусейну лицом. После смерти брата вышел в отставку и жил в окрестностях Балха, в сел. Фейзабад. При появлении узбеков во время похода Шейбани-хана на Балх в 1503 г. он присоединился к Шейбани, настолько вошел к нему в доверие, что по его поручению ездил в Балх уговари-

[26] Хондемир. Хабиб ас-сийар. Бомбей, т. III, ч. 3, стр. 265.
[27] Там же, стр. 246.

[28] Там же, стр. 282. Следует исправить фразу у В. В. Бартольда (ук. соч., стр. 156), что „в Балхе Хайдар поселился в обители Сияхийе (может быть Сипахийе), приняв на себя все расходы по ее содержанию". В тексте: و امیر حیدر در آستانهٔ علیهٔ شامیه متوطن شده وجمیع مهمّات آن بقعه رااز پیش خود گرفت т. е. все эти эпитеты „высочайший царственный порог", употребляемые и теперь, относятся к мавзолею Алия, лежавшему километрах в 12 от Балха (современный Мазар-и Шериф), слово же مهمّات с поставленным за ним глаголом означает только „важные дела" и управление ими. Роскошное здание мазара и мечети при нем было построено султан Хусейном, а содержание всего этого бук'а или рауза было обеспечено большими вакфами.

[29] Хондемир, ук. соч., стр. 282.

вать начальствующих лиц города открыть ворота Шейбани-хану; присутствовал на чрезвычайном военном совете балхских военачальников, где были отвергнуты мирные условия вождя узбеков.[30]

После гибели Шейбани-хана Дервиш Али как ни в чем не бывало прибыл в Кундуз к султану Бабуру, „на которого, — по словам Бартольда, — произвел самое невыгодное впечатление".[31] По отзыву Бабура, „был он пустой и шалый человек, далекий от дарования, свойственного бекскому достоинству, и лишенный внутренней честности. По всей видимости, ему оказано было столько покровительства ради Алишер-бека".[32]

В том же 1499 г., несколько раньше того, как погиб Хайдар-каландар, султан Хусейн отправился походом в Мерв против своего мятежного сына Абу-л-Мухсина. Алишер, воспользовавшись отсутствием государя, решил осуществить свое давнишнее намерение — отправиться на поклонение святыням Мекки и Медины. По словам Хондемира, всякий раз как Алишер заводил об этом речь перед султаном, прося его разрешения отправиться в это паломничество, „победоносный государь вследствие полноты своих симпатий к благородному общению с этим владыкою благородства не соизволял отпустить его".

С многочисленной свитой „великий эмир" выехал из Герата в Мешхед, послав в то же время врача Абд ал-хаййя под Мерв, к Султан Хусейну с просьбой разрешить ему, Алишеру, выехать на богомолье к святым местам Аравии. В Мешхеде, откуда Алишер, видимо, намеревался прямо ехать к Хиджаз, он пробыл несколько дней, ожидая возвращения Абд ал-хаййя. В Мешхед вернулись бежавшие из-под Абиверда разбитые другим мятежным сыном султана, Хайдар Мухаммед-Мирзой (третий сын султана) и шейхом Ахмедом Сухейли. Алишер для снискания к себе расположения названных лиц послал им скакунов благородных кровей и „открыл двери своих милостей и любезности перед другими участниками этой войны". В это время вернулся из Мерва врач Абд ал-хаййи и привез Алишеру письмо от султан Хусейна. Его содержание вкратце (самую лишь сущность) приводит Хондемир в своем „Друге биографий",[33] но полностью дает его в своей биографии — панегирике Алишера „Макарим ал-ахлак", которая известна по единственной рукописи Британского музея[34] (фотокопия с нее имеется в музее Навои, а копия в Институте востоковедения АН УзССР). Полностью она приведена также в труде Джелал ад-дина Юсуфа Мир Зайн ал-Хавафия „Зийа ал-улум" (Свет наук), составленном в 988/1581 г. и представленном, по-видимому, уникальной рукописью Института востоковедения АН УзССР № 2943, вероятно XVII в. Письмо это весьма интересно для характеристики взаимоотношений султана и Алишера. Не напрасно в труде Джелал ад-дина Юсуфа это письмо султана приведено под названием „Письмо, написанное покойным Мирзой султан Хусейном и подтверждающее и объясняющее отношения (существовавшие между) мирзою и Мир Алишером". Я позволю себе привести это любопытное письмо в русском переводе по рукописи „Зийа ал-улум", где оно занимает лл. 101а—102. С консультационными целями я пользовался также копией „Макарим ал-ахлак", сделанной покойным научным сотрудником Адиловым с лондонской фотокопии. Там это письмо помещено на стр. 80—84. Оба списка письма имеют разночтения.

[30] Там же, стр. 313; В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 139—140.
[31] В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 140.
[32] Baber Nameh, стр. 216.
[33] Хондемир, ук. соч., стр. 280—281.
[34] Ch. Rieu. Catalogue of the Persian Mss in the Brit. Museum, vol. I. London, 1879, стр. 367.

В переводе я позволил себе сделать обращение султан Хусейна к Алишеру во втором лице множественного числа для удобочитаемости, ибо в оригинале султан, как и полагается мусульманским владыкам, называет себя в первом лице множественного числа, а Алишера — в третьем лице того же числа.

„Господину опоре правления, поддержке царства, квинтэссенции обладателей власти и веры, основоположнику добрых дел и человеколюбия, споспешествующему делам благотворения, помощи (нашему) Хаканскому государству, приближенному (нашего) султанского величества, порядку церкви, мира и веры (Низам ал-миллет уа-д-дунья уа-д-дину) Алишеру, да увеличит Аллах всевышний его счастье своею помощью!

„Посылая смешанные с благорасположением и любовью (к вам) разного рода призывы и приветствия, (сообщаем), что (наше) желание встретиться (с вами), обилующим благословениями, превыше всякого описания и объяснения. А после сего отображение светозарных мыслей (ваших) таково: в пятницу одиннадцатого числа месяца Раджаба[35] прибыл великий господин, мавлана Абд ал-хайи, и доставил нам (известие о вашем) благородном здоровье, благополучии, благоденствии и телесной крепости. Весть об этом преисполнила (нас) безграничной радостью. Еще до прибытия его (Абд ал-хайиа) широко распространилась молва о вашем намерении отправиться в Хиджаз, каковое де намерение в (вашем) светозарном сердце непоколебимо. Но когда (подобное) не слышишь от заслуживающего доверия лица, то ему и не доверяешь, пока, наконец, не было заключено из содержания (вашего) письма, отправленного с вышеназванным лицом и написанного на имя величайшего из распорядителей порядками государства и халифата, Ходжи Афзал ад-дина Мухаммеда, что в настоящее время это намерение у Вас возобновилось и укрепилось и мысль о нем приняла (у Вас) окончательное решение.

„Наш ответ Вам на это такой. Всем, даже всему миру и человечеству, будет ли ясно, до какой степени соблюдалась и соблюдается нами ненарушимость связующих нас с Вами от колыбели до могилы уз единения и единодушия, душевной привязанности и интимной дружбы... Во все времена и при всех обстоятельствах мы признавали (своим) хаджжем, стоящим превыше (наших собственных) претензий и желаний, расположение (к нам) Вашего благородного сердца. И это самое мы считали и считаем одним из аргументов в пользу (нашего) бесподобного счастья. И действительно, бесполезно подробно перечислять проявленные и ныне проявляемые Вами знаки доброжелательного (к нам) отношения, искренней привязанности и благонамеренности, ибо они яснее солнца. Вы сами знаете, что никогда между нами не было стеснения (تكلّف) и какого-либо взвешивания (معايرتى) того, как высказаться, а всегда (наши) слова так лились, что все, что приходило на ум Вам, столпу государства, по чувству благожелательства (к нам), Вы не ждали очередного дозволения высказать это. И у нас то же все, что приходило на мысль, мы по чувству расположения к Вам всегда высказывали (вам это). И теперь, несмотря на то, что Вы приняли твердое решение покинуть родину (ради хаджжа), это для нас настолько тяжело,

[35] 22 февраля 1499 г.

что и вообразить невозможно, но поскольку Ваше расположение мы предпочитаем собственным интересам, мы не возражаем против того, чтобы позволить и разрешить (вам совершить хаджж). Однако то, что лежит (у нас) на сердце, от чего Вас нужно предостеречь, будет (сейчас) открыто.

„В Вашем путешествии главным условием является безопасность, между тем, в данное время в Ираке и Багдаде, лежащих на пути (в Хиджаз), царят расстройство (порядка) и неустойчивость (власти); в пределах Египта и Сирии тоже, слышно, происходят разные настроения. В предании о пророке сказано: «если охрана пути такова, что человек беспричинно может посягать на жизнь другого, то поездка (на богомолье) не обязательна». Если же в данное время страх перед дорогою не занимал бы Вашего сердца, то как могло случиться, что Вы распорядились, ввиду небезопасности путей, заготовить оружие, и если будет необходимость (в нем) и придется достичь какого-либо опасного места, то чтобы каждый из безотлучно находящихся при Вас людях имел бы при себе что-либо из этого оружия. А другое и то, что продолжительность этого путешествия очевидна, а на длительность жизни полагаться не приходится. Если бы Вы раз-другой соблаговолили свидеться (с нами), то можно было бы (непосредственно) проститься с Вами и сказать: «да будет (вам) благо (на вашем пути)».

„Однако эти два изложенных обстоятельства, о которых я хотел Вас предварить,[36] исключают возможность вызвать в Вас смущение. Да не будет того, чтобы на Вашем благородном сердце осел прах (огорчения) и Вы бы вообразили, что у нас есть намерение воспретить Вам осуществить Ваше решение... Так как Вы всегда по доброжелательству (к нам) высказывали без церемонии все то, что приходило (вам) на мысль, и нам также нужно было при данных обстоятельствах уведомить (вас) о всем том, что пришло (нам) на ум, а впрочем решение это представляется (вашему) безошибочному суждению. Все, что будет соединено с благом этого мира и будущей жизни, (будет вам) предоставлено и да будет безотлучно пребывающим (при нас) счастье обоих миров! Привет".[37]

По получении этого письма, как сообщает Хондемир, Алишер собрал мешхедских сеййидов и знать города, ознакомил их с письмом султан Хусейна и просил их совета в настоящем положении. Все они единодушно сошлись на том, что ради блага веры и государства он должен отправиться в лагерь государя и предпринять нечто такое, что способствовало бы примерению султана с его сыном Абд ал-Мухсином. Через несколько дней, в начале весны того же 1499 г., Алишер выехал из Мешхеда в Мерв.[38]

Не излагая дальнейших событий жизни двух замечательных людей Востока второй половины XV в., я позволю себе остановиться на приведенном письме султан Хусейна. Если оно и писано было, как это подобало тогда, личным секретарем султана, то все его содержание, вся характеристика близости султана к адресату письма, вся несомненная искренность тона последнего была вложена самим султаном. Была ли

[36] Т. е. тяжесть разлуки султана с Алишером и опасности, угрожающие последнему во время длительного пути в Аравию.

[37] См. также русский перевод этого письма в статье: М. Салье. Книга благородных качеств и ее автор. Сб. „Родоначальник узбекской литературы", Ташкент, 1940, стр. 196—197.

[38] Хондемир, ук. соч., стр. 280—281.

им дана секретарю общая канва письма или оно потом было им проредактировано, неизвестно. Во всяком случае по теплоте чувства и по своей задушевности оно принадлежит к лучшим образцам восточной эпистолярной прозы. Из него мы узнаем, казалось бы, совершенно невероятное в условиях восточной деспотии бесцеремонное, без всяких стеснений высказывание Алишером государю всего того, что он хотел высказать ему, независимо от того, понравится ли это или не понравится государю. Так же был откровенен с Алишером и сам султан. И все это было на почве какой-то необычайной близости этих двух людей, которая столь тесно связывала их, несмотря на некоторые взаимные огорчения, столь естественные в человеческих взаимоотношениях. Они прошли друзьями свой долгий жизненный путь. Когда смерть похитила великого поэта и мецената, то султан Хусейн провел трое суток в трауре в доме своего друга, с которым он, по его собственным словам, был связан узами тесной дружбы „от колыбели до могилы" (من المهد الى اللحد), а на седьмой день устроил за городом грандиозные поминки, закончившиеся речью султана, в которой он призывал народ к терпеливости и твердости в постигшей всех утрате.

Все эти факты сообщались современниками той эпохи и свидетелями событий. Имеем ли мы право утверждать противоположное этим фактам, делать из них выводы и строить домыслы совершенно иного порядка?! Правда, примеры такого расположения султана к своим подданным едва ли найдутся в истории Востока. Тем более такой феномен в блестящей гератской эпохе должен быть отмечен и понят более объективно, чем это делалось до сих пор.

Д. И. Тихонов

ТЕРМИНЫ *ЭЛЬ* И *БУДУН* В ДРЕВНИХ УЙГУРСКИХ ДОКУМЕНТАХ

При рассмотрении экономической и социальной жизни уйгурского общества возникают трудности не только из-за недостатка данных, но вследствие неполной ясности терминов. К таким терминам относятся *эль* и *будун*. Правда, следует оговориться, что оба термина здесь рассматриваются лишь в социальном значении. Размер статьи не позволяет выходить за пределы этой задачи и дать филологический разбор. Конечно, филологическое исследование будет дополнять исторические построения, но эта линия является самостоятельной, и будем надеяться, что филологи дополнят ее своими соображениями.

В советской литературе этот вопрос затрагивался не раз. С. П. Толстов в „Тирании Абруя", рассматривая термины *эль* и *будун*, считает, что термин *эль* представляется наиболее адекватным термину „государство в античном понимании этого слова в политическом, а отнюдь не в территориальном значении. Точнее, гражданская община или, по прекрасному определению Маркса, община активных граждан... С термином *äl* соотносителен термин *budun* народ, также наиболее адекватно переводимый латинским термином *populus*".[1] Следовательно, Толстов не считает возможным терминами *эль* и *будун* обозначать территориальную, сельскую общину, поскольку они содержат более широкое понятие.

Более определенно пишет А. Н. Бернштам: „Под термином *budun*, по-моему, и выступает община. Во всяком случае, под этим термином фигурирует община в уйгурских документах".[2] Правда, он не дает анализа как самих терминов, так и документов, в которых они встречаются, а без этого утверждение может казаться неубедительным, тем более, что в „Кутадгу-Билике" — памятнике XI в. — слово *будун* в значении „община" не встречается.

А. А. Валитова в своей диссертации „Юсуф Баласагунский и его Кутадгу-Билик", обращаясь к термину *эль* и *будун*, приходит к выводу, что

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 259.
[2] А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. М.—Л., 1946, стр. 111.

в XI в. автор „Кутадгу-Билик" эти термины употребляет как собирательное понятие. В феодальном караханидском государстве *эль* означал народ вообще и государство, удел феодального властителя, а *будун* — „все население удела".[3] Выходит, что Юсуф Баласагунский слова *эль* и *будун* не встречал в значении „общины". В сочинении, которое содержит довольно много различных терминов с указанием их содержания, эти термины отсутствуют.

Обратимся теперь к документам и попытаемся рассмотреть, в каком значении в них встречаются термины *эль* и *будун*. Анализ текстов показывает, что оба они употребляются для обозначения одного понятия. Обратимся к следующему примеру: „Я писец Барча Турмыш записал, трижды точно сказанное эльга будунга. Эльга польза есть".[4] Из приведенного отрывка видно, что *эль* адекватен *будун*.

Правда, подобное заключение было бы неубедительным на основании одного примера. Но прежде чем обращаться к другим случаям, рассмотрим подробно первый документ. Из него мы узнаем, что между Эль-ходжой[5] и какой-то группой людей существуют определенные отношения, которые обусловлены не только обычаем, но и законом. Упомянутая группа людей называется в документе *эль* или же *эль-будун*, она обязана из своих членов выделять по очереди одного виноградаря для возделывания виноградника Эль-ходже. Выделяя своего члена, *эль-будун* берет обязательство платить все налоги, причитающиеся с выделенного виноградаря. Из документа ясно видно, что терминами *эль* и *будун* обозначается определенная и организованная часть общества. Такой единицей, видимо, и является община, обладающая административными правами. Если допустить мысль, что общность людей, выделявшая своего члена, не имела административных прав, то она не могла бы послать намеченного человека, когда он стал бы отказываться. Соглашение подписано свидетелями, уполномоченными *эль* и *будун*.

В рассмотренном случае *эль* и *будун* употреблены в более узком значении, чем народ или племя. Каждый термин в отдельности и оба вместе обозначают одно понятие — общину. Всякое иное толкование будет далеко уводить от конкретного содержания самой сделки между Эль-ходжой с одной стороны и *эль-будун* с другой.

Обратимся теперь к другим документам. В них *эль* и *будун* имеют то же значение. В предписании, судя по содержанию документа, сказано: „Мы Бак-Бука, Ярук-Кыпчак, Бай-Бука наше слово главам эль и будун".[6] Далее говорится, что у Тойын Кулы есть расписка на землю, а у Туры ее нет, надлежит взять расписку Туры у Сойара и доставить в Кочо Кызыл. В данном случае очень важное значение имеет фраза: „... мужам Ямкун и Иосумут, соединенным во главе Сояр Бекима". Поскольку речь идет о земле близ Кочо, то, мне кажется, Ямкун и Иосумут будут общины, а не другие объединения людей. Следовательно, *эль* и *будун*, как в первом случае, так и во втором, имеют одно и то же самое зна-

[3] А. А. Валитова. Юсуф Баласагунский и его Кутадгу-Билик. Канд. дисс. (рукопись), стр. 227—228, 239.
[4] W. Radloff. Uigurische sprachdenkmäler. L., 1928. док. 14 (в дальнейшем: Радлов).
[5] В. В. Радлов считает, что Эль-ходжа является верховным лицом мусульманского духовенства. Трудно с этим согласиться. Вероятно, Эль-ходжа (Ель-Коча) — имя одного из феодалов, перед которым члены общины несли повинность в порядке инджу.
[6] Радлов, 17.

чение. Оба документа относятся к одному месту, поскольку имена повторяются.

Выше приводились примеры, когда *эль* и *будун* встречаются вместе. Теперь остановимся на случаях, когда термины даны раздельно. „Мое Ара Тимура слово к Туры Бакшы, твой виноградник эль силой присоединила к Ынал-Куча. Я с будун встретившись...".[7] В данном документе *эль* и *будун* даны раздельно, но имеют одно значение. *Эль* силой передала виноградник Ынал-Куча. Здесь мы вновь встречаемся с решением, имеющим законную силу для члена коллектива. Подобное решение могло принять общество, сельская община. Племя этого не могло сделать.

Каждый новый пример усиливает доводы в пользу того, что *эль* и *будун* в уйгурских документах значили общину. Например, в одном из документов говорится о семи *эль*, с которых надлежит собрать кäбäз.[8] О семи народах нельзя сказать, в равной мере не будет убедительным, если иметь в виду семь родов или племен. Ведь речь идет о сборе налога с хлопчатника, значит, эти семь *эль* занимаются земледелием и культивируют техническую культуру, что заставляет предполагать более высокую ступень агрикультуры, чем первые попытки посева зерновых культур для собственных нужд.

Термин *эль* встречается в документе о найме пастуха, где говорится, что в „год тигра, пятого месяца, десятого дня Баш-Кара переданы коровы, овцы. Он будет охранять стадо эль в осеннее время".

Едва ли можно сомневаться в том, что пастуха нанимала община. Племя — слишком большое объединение, и трудно допустить мысль о найме им пастуха, притом одного. Следует сослаться еще на один очень важный документ, который я условно называю „Обязательство общины". В нем *будун* употребляется несколько раз. Значение этого термина здесь то же, но как будто имеется несколько иной оттенок, чем в ранее рассмотренных документах. „Чигай каланчи будунлярга... Узадын бару Чиртынынг тарык таги ерын будун тарынып".[9] Несомненно одно, что речь идет о людях. „Бедные каланчи людям (возможно общинам) от Уза до Чыртына посевные земли люди засеят (обработают)". Если здесь *будун* может означать людей и общину, то нет ошибки, когда в прежних примерах под *будун* понималась община, а термин *эль* употреблялся в адекватном значении, следовательно, им также обозначалась община.

В силу своеобразных климатических и географических условий Турфана дело сложилось так, что в общине передел пахотной земли не производился, а это положение неизбежно привело в довольно ранний период к узаконению права отчуждать в пользу других лиц не только дома и дворы, но и пахотный участок, земли, виноградники.

До наших дней дошло значительное число подобных примеров, но и приведенных вполне достаточно для того, чтобы подтвердить мнение о наличии общины в Уйгурском государстве в X—XIV вв., обозначавшейся как термином *будун*, так и сочетанием *эль* и *будун*,[10] хотя этими же терминами обозначалось понятие „народ", „люди". Если С. П. Толстов в Хорезме проследил термин *эль* в значении государства в античном понимании, то в Уйгурском государстве в этом значении *эль* не встречается.

[7] Там же, 24.
[8] Там же, 53/2.
[9] Там же, 77.
[10] Там же, 78, 88, 95, 97.

Роль общины в Уйгурском государстве прослеживается в том же направлении, в каком показана Марксом и Энгельсом для Западной Европы. Этот общественный институт сохранялся даже в период расцвета феодализма и показал свою устойчивость и жизненную силу. Он сохранился не как пережиток в силу каких-то условностей, а в роли важного экономического средства сопротивления феодалу. Именно община, по определению Ф. Энгельса, являлась для крестьян средством к сопротивлению в борьбе с феодалами.

„Марка, — писал Энгельс, — сохранилась на протяжении всех средних веков в тяжелой беспрестанной борьбе с землевладельческим дворянством".[11] Следовательно, община была важным орудием борьбы крестьянства с феодалами за экономическую и юридическую независимость. Именно в силу того, что община в тяжелой беспрерывной борьбе с феодалами выжила, сохранилась, землевладельцы пошли по другому пути, который обеспечивал им господство над крестьянином при сохранении прежних форм старых институтов, в том числе и общины. Подобный же процесс происходил и в Западной Европе, о чем писали основоположники марксизма.

Ф. Энгельс, рассматривая судьбу марки, когда уже получило широкое распространение надельная система, писал: „И все же старая община — марка продолжала свое существование, хотя и под господской опекой".[12] А что мы видим в Центральной Азии? Феодал, получив земли и крестьян в инджу, не разрушает общину и прежней системы землепользования. Система внеэкономического принуждения строится так, чтобы основным средством здесь выступала община. Рассмотренные документы о системе феодальной эксплуатации раскрыли нам порядок взаимоотношения феодала с зависимым крестьянином. Не вся община отбывает повинность одновременно, а отдельные ее члены. Причем сам феодал не вступает непосредственно в отношения с крестьянами, здесь выступает посредником община. Она в целом или же лица, получившие полномочия ее, устанавливают очередность отбывания трудовой повинности господину. Одновременно решается и другой весьма важный вопрос — порядок несения тех налоговых и натуральных повинностей, которые лежали на выделенном члене общины.

Община, как показывают данные, играла очень важную роль в жизни крестьянина и в самой сообщности таких же сограждан. Когда пожилые бедные люди не в состоянии обработать свои земли и нести за них все повинности, то это делает община.[13] Она распоряжается пастбищами, водоемами, лесами и другими угодьями, находящимися в общем пользовании, на которых выпасается общинный скот. Анализируя приведенные случаи, мы приходим к выводу, что для решения всех вопросов, возникших в жизни общины, требовались определенные права, без таких прав ее решения не могли бы иметь силы для ее членов. Хотя в ряде документов имеется оговорка — по существующему обычаю; все же права общины нельзя определять только нормами обычного права, оно было шире и полнее его, как можно сделать заключение из некоторых фактов. Права общины складывались как из обычного права, так в равной степени и из прав, присущих небольшой адми-

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, 1935, стр. 638.
[12] Там же, стр. 639.
[13] Радлов, 77.

стративно-фискальной и земледельческой единице.[14] Если бы этих прав не было, то община не могла бы решать вопросы, связанные с порядком выплаты государственных налогов и тем более освобождать на время одних плательщиков и перекладывать их долю на других.

Следует учитывать также, что законов, которые регулировали бы отношения людей между собой в каждом отдельном случае, конечно, не было, поэтому обычаи и обычное право играли исключительно большую роль. Обычаи часто использовались феодалами для закрепощения крестьян.

Попытаемся в этой связи рассмотреть более подробно „Обязательство общины". Прежде всего обращает на себя внимание оговорка, что „каланную землю нам не уменьшат".[15] Дело, оказывается, в том, что община несет ответственность за всю сумму государственного налога. Если кто-либо из членов общины не может обрабатывать свою землю, то остальные члены общины обрабатывают ее и платят налог. При такой системе налогообложения община заинтересована в обработке всей земли, пригодной к посеву. Из документа ясно видно, какие большие права имела община. Ее решения имели обязательную силу для всех членов. Нарушивший или отступивший от решения подвергался наказанию, которое определяла община.

Община решала все вопросы внутренней жизни. Она ведала угодьями, выпасом скота, следила за обработкой всей земли, за своевременной уплатой налогов и несением трудовой повинности, чтобы никто из членов общины не ушел. Обычное право определялось общиной, она следила и за исполнением его.

Из многих документов мы узнаем о существовании особой общинной администрации, которая играла очень большую роль в жизни общинника. Государственные чиновники проводили в жизнь законы, распоряжения и осуществляли контроль над действиями общинников через администрацию общины. Общинная администрация так близко стояла к частной жизни общинника, что вникала даже в чисто семейные дела. Так, например, в одном из документов о завещании наследства сыну указано, что это завещание должно храниться у представителей администрации общины.[16]

Государство как бы узаконивало существование общины, превратив ее в фискально-административную единицу. Землю крестьянам распределяли через общину, распределение и сбор налогов происходило через общину, трудовая повинность выполнялась также через общину, в ней велось чередование поставок людей, лошадей, продовольствия, провианта и т. д. Те виды повинностей, которые накладывались не на каждого человека или хозяйство, распределялись на общину, и она одна несла ответственность за выполнение их.

Высшим органом в общине был сход ее членов, он решал все вопросы, и решение схода являлось обязательным для каждого члена общины. На сходе разбирались споры и тяжбы общины с другой общиной, между отдельными членами данной общины, как например о потраве.

Весь распорядок жизни общины устанавливался на сходе: использование общинных выгонов и лесов, порядок выпаса скота, выделение уполномоченных лиц для решения того или иного вопроса, а также

[14] Там же, 68.
[15] Там же, 77.
[16] Там же, 78.

для представления интересов общины. Старшины, стоявшие во главе сельских общин, должны были выбираться, но свидетельств об этом нет, и можно высказать лишь предположение о выборности их.

В рассматриваемый период сельская община не является однородной. Мы видим из ряда документов, что она расслаивается, часть ее членов богатеет, скупает земли, занимается ростовщичеством, торговлей, а другие беднеют. Процесс расслоения захватывает уже не отдельные хозяйства, и попытки общины в какой-то степени противостоять этому оказываются бессильными. Малоземелье, стихийные бедствия, войны и ряд других причин ускоряют процесс разорения одних и обогащения других общинников. Рента продуктами, как писал Маркс, должна была способствовать расслоению: „Вместе с этой формой появятся более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере является возможность этого и даже возможность того, что этот непосредственный производитель приобретает средства для того, чтобы, в свою очередь, прямо эксплуатировать чужой труд".[17] Некоторые хозяйства нанимают людей для работы в саду, на хлопковых полях, что дает возможность расширить посев или сады.

И все же каким бы воздействиям не подвергалась община, она сохранилась с давних пор до последнего времени. Живучесть общины поддерживалась государственной властью, превратившей этот общественный институт в административную единицу.

[17] К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1949, стр. 808—809.

К. В. Тревер

НОВОЕ „САСАНИДСКОЕ“ БЛЮДЦЕ ЭРМИТАЖА

(ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ)

В 1951 г. в Государственный Эрмитаж поступило серебряное блюдце, которое, по первому впечатлению, можно было отнести к группе так называемой сасанидской торевтики. Предмет этот был обнаружен в Ямало-Ненецком национальном округе и хранился у местного старика, но данных о месте и обстоятельствах находки Н. А. Свешникову, доставившему это блюдце в Эрмитаж, выяснить не удалось (рис. 1).

Отличительной особенностью этого предмета являются его исключительно малые размеры: диаметр 10.3 см (тогда как известные нам сасанидские блюда имеют в диаметре от 17.5 до 28.7 см); глубина (или высота) около 2 см, вес 158 г. Блюдце в полной сохранности; черные пятна патины, покрывавшие центральную часть изображения, частично удалось удалить.

Под утолщенным краем блюдца, имеющем вид округлого валика, идет бордюр из шишечек и двух резных линий, образующих обрамление многофигурного изображения, выполненного в плоском рельефе. Блюдце могло быть отлито в форму и затем доработано, но возможно и другое — рисунок мог быть нанесен по мягкому еще блюду штампом или чеканом наподобие изготовления монет. Но ввиду многофигурности изображения более вероятным представляется применение техники „углубления фона“ (champ levé), т. е. более сложной, скульптурной техники: следы ее усматриваются на лицевой стороне, где около фигур львов имеются следы скобления под позолотой, и на оборотной стороне видны вмятины от ударов, которые могли быть нанесены при ковке и чеканке, хотя следы эти и незначительны. Рельеф пройден чеканом, резцом и пунсонами; фон — покрыт позолотой; позолочены были и отдельные детали рельефа; глаза центральной фигуры инкрустированы чернью.

На нижней, оборотной стороне блюдца имеются бегло нацарапанные так называемые „чудские“ изображения — четыре птицы типа чаек (рис. 2).[1] Кольцевая ножка, обычная для сасанидских блюд, в данном случае отсутствует: блюдце задумано как плоская чашечка на округлом дне, и

[1] Эти рисунки нанесены на блюдце позднее, во время бытования предмета в другой этнической среде — в Западной Сибири или Приуралье.

Рис. 1.

Рис. 2.

эта ее особенность отличает ее тоже от известных нам сасанидских сосудов.

В маленький круг умело вписана очень сложная композиция, равномерно заполняющая все пространство. В середине — трон на ножках в виде львов; с трона свисает узорчатый округлый ковер, сзади — вальковая подушка (мутака) в чехле из узорной ткани с поперечными полосами на концах. На троне восседает, поджав ноги, безбородая мужская фигура. На голове сидящего — широкая корона с двумя крыльями; от короны по сторонам спадают ленты, из которых левая поднимается вверх, образуя пышный конец и заполняя пустое пространство около нимба (справа для такого конца ленты места не было); две маленькие ленточки отходят также от шарика под полумесяцем на короне. Нимб повторяет очертания короны.

Кафтан и шальвары царя — из мягкой складчатой ткани (шелка?). Кафтан на груди распахнут, образуя двойные отвороты. На шее — ожерелье из крупных бус (?); богатый двойной пояс стягивает стан и свисает от пряжки спереди длинными концами. Полы кафтана образуют пять одинаковых схематизованных складок с расширяющимися книзу концами. Широкие шальвары тоже образуют пышные складки. Ступни в мягкой обуви свисают вниз (очертания их не вполне понятны). В правой руке — скипетр или булава с навершием в виде обращенной влево не то человеческой, не то львиной головы. Согнутая левая рука покоится на бедре.

По сторонам царя — две обращенные к нему фигуры в таких же, доходящих до колен кафтанах из тонкой ткани, складки которой как бы колеблются от движения воздуха; и тут широко распахнутые отвороты открывают грудь; на шее — гривна (?); вокруг талии — подпояска; облегающие шальвары и невысокие сапоги с фестончатым краем дополняют их одеяние. Совершенно необычны их головные уборы — шляпы или шапки из мягкого материала с округлой тульей, поднятыми вверх полями, концы которых, вытянутые в стороны, образуют как бы два изогнутых острых рога. У одной из стоящих фигур в руках шестилепестковый цветок на высоком стебле типа нарцисса, у другой в правой — кубок, в левой — кувшин. Головы этих двух фигур тоже обнесены нимбом, что вместе со шляпами говорит об их привилегированном положении; о том, что это — не слуги говорит и тот непонятный предмет (судя по складкам — нечто в виде подушки), который находится под их ногами и придает им статуарный вид.[2]

Кувшин и кубок, блюдо с пирамидальной горкой плодов на мутаке, цветок в руках приближенного — все это говорит о пиршественной сцене, носящей официальный характер, судя по торжественной позе всех трех фигур. Подобные композиции нам хорошо известны, например, по сюжету на серебряном большом блюде Эрмитажа (рис. 3):[3] сходен трон на львиных фигурах, узорчатый ковер, подушки, фронтальная поза царя и тип его короны; вместо булавы в руках у него плоская чаша, которую он держит за кольцевую ножку; окружают его четыре простоволосые фигуры, в данном случае — слуги и музыканты.

На издаваемом новом блюде мы имеем дело с каноническим характером изображения придворной пиршественной сцены, судя по аналогичной

[2] Непонятна дощечка, покрывающая этот мягкий предмет сверху.

[3] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XXXV, № 64; И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 18.

композиции на золотом и серебряном медальонах, которые недавно изданы М. Бахрами.[4] Это — двусторонние медали, на одной стороне которых имеется изображение всадника на охоте, на другой — пиршественная сцена. Эти медали, как мне кажется, могли служить подарками, которые раздавались на память участникам царской охоты и пира. Золотую медаль в Вашингтоне (рис. 4) А. У. Поп считает сасанидской,[5] тогда как М. Бахрами относит ее к X в., основываясь на

Рис. 3.

сходстве лица царя с буидским правителем Адуд ал-Давла, портрет которого с указанием в надписи его имени имеется на золотой медали в частном собрании в Тегеране.[6] Изображенная на вашингтонской медали сцена пира в общих чертах совпадает с композицией на нашем блюдце, но корона царя и покрой одежды, а также стилистические особенности говорят о другой культурной среде, о другом, по-видимому более позднем времени.

Более близкой аналогией является сцена, изображенная на серебряном медальоне, найденном в Нишапуре и хранившемся в собрании

[4] Mehdi Bahrami. A gold medal in the Freer Gallery of art. Archaeologica Orientalia in memoriam Ernst Herzfeld, New York, 1952, стр. 5—20, табл. I, рис. 1[a] и 4[a].

[5] A. U. Pope. Masterpieces of Persian art. New York, 1945, стр. 51, табл. 31,[c—d].

[6] M. Bahrami, ук. соч., табл. I, рис. 2,[a—b].

Бахрами (рис. 5).[7] Владелец датировал эту медаль на основании того, что она была найдена вместе с саманидской поливной керамикой IX в., хотя серебряная вещь могла бы быть и старше керамики. На этом медальоне царь изображен в такой же позе, как на нашем блюдце, со скипетром в правой руке, в крылатой короне, в таком же кафтане с отворотами; трон его тоже поддерживают два льва, расположенные головами врозь. В такие же кафтаны облачены обе предстоящие фигуры, на головах — такие же шляпы с поднятыми полями и вытянутыми вверх концами. Единственным отличием является отсутствие нимбов у всех трех фигур. Единственной и полной аналогией сюжету на нашем блюдце и является

Рис. 4.

Рис. 5.

этот серебряный медальон, в крохотном кругу которого (диаметр 4.5 см) воспроизведена та же сцена, с теми же своеобразными деталями, а найден этот медальон, повторяю, в Нишапуре, т. е. в Хорасане, а не на территории собственной Персии. Но этот нишапурский медальон не может помочь нам в выяснении вопроса, кто именно изображен на нашем блюдце. Сопоставление короны этого властителя с индивидуальными коронами сасанидских царей приводит к заключению, что близкую по типу корону носил царь Пероз (457—484), причем отличительными ее признаками являются примыкающие к самой диадеме надо лбом крылья и находящиеся между ними полумесяц на ножке и большой шар над ним.[8] При сравнении короны Пероза с короной царя на нашем блюдце выясняется их большое сходство, отсутствует только большой шар над месяцем, для которого на блюдце, впрочем, и не хватает места. Этот факт говорит о том, что мастеру были известны основные формы короны Пероза и что, следовательно, дата изготовления блюдца должна быть отнесена ко времени не ранее второй половины V в., на что указывают и техника, и стилистические особенности. Но покрой кафтана, поза царя с поджатыми ногами,

[7] Там же, табл. I, рис. 4a—b.

[8] F. D. Paruck. Sasanian coins. Bombay, 1924, табл. XVI; ср.: A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1944, стр. 290, рис. 35.

отсутствие царской регалии, апезака, на груди царя, булава в руке и, наконец, его безбородость — все это говорит о том, что изображен не сасанидский властитель. О неперсидском происхождении царя и его приближенных говорит также их физический облик, их этнический тип, который резко отличается от внешнего образа сасанидских царей и их приближенных.

Определению этого безбородого царя в распахнутом кафтане помогает эфталитская монета, на которой изображен царь в аналогичной короне с полумесяцем на ножке и двумя отходящими от диадемы крыльями.[9] Эта монета снабжена тохарской, т. е. кушанской надписью, которую Р. Гиршман читает: НАПАТАА ŠAHO HIONO [Хаптал, царь хионит-(ский)].[10]

Присвоение себе эфталитским царем короны, близкой по типу к короне Пероза, могло иметь место в обстановке исторических событий, развернувшихся после 484 г., когда эфталитам удалось нанести Ирану то страшное поражение, после которого он, по словам современника — армянского историка Лазаря Парбского, — не скоро оправился:[11] Пероз в решающем сражении погиб, а сасанидские цари в продолжение 50 лет должны были выплачивать дань эфталитам.[12] Царь эфталитов после столь блестящей победы мог бы себе позволить изготовление и возложение на себя короны, сходной с короной поверженного им сасанида Пероза. Предположение это косвенно подтверждается нумизматическими данными: монетами Валарша, Кавада и Хосрова I, на которых имеются так называемые кушано-эфталитские надписи и которые чеканились, вероятно, специально для уплаты дани эфталитам. В этой связи особый интерес представляет одна монета в собрании Эрмитажа — серебряная драхма, на аверсе которой изображен бюст царя, окруженный пехлевийской легендой, содержащей имя Пероза.[13] К этой монете привлек внимание исследователей Р. Гиршман, указав на чрезвычайно интересную деталь, а именно на надчеканку тохарским (кушанским) письмом на гладкой кайме аверса внизу слова OKNO, т. е. AK(u)N.[14] Это имя „Акун" Р. Гиршман сопоставляет с именем эфталитского царевича Кунхаса и полагает, что перед нами одна из тех сасанидских монет Пероза, которыми Иран выплачивал дань хионитам-эфталитам,[15] — предположение, высказанное относительно этой группы монет еще в 1901 г. И. Марквартом.[16] Столь же интересна другая серебряная драхма (рис. 6) в нумизматиче-

[9] R. Ghirshman. Les Chionites-Hephtalites. Mémoires de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire, t. LXXX, 1948, стр. 11, рис. 8; табл. II, 3. Описывая эту монету, Р. Гиршман не упомянул изображенное резчиком правое крыло, хотя на таблице и особенно на рисунке оно отчетливо видно.

[10] Там же.

[11] Лазарь Парбский. История Армении. Тифлис, 1904, стр. 166 (на арм. языке); см.: К. В. Тревер. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам. Сов. археология, XXII, 1954, стр. 138.

[12] J. Marquart. Eranšahr. Berlin, 1901, стр. 63; A. Christensen, ук. соч., стр. 297, прим. 2.

[13] B. Dorn. Collection du feu... J. de Bartholomae. St. Pétersb. 1873, табл. XIV, 15; ср.: F. D. Paruck, ук. соч., табл. XIV, 15.

[14] R. Ghirshman, ук. соч., табл. II, 4; стр. 15, рис. 10. На эти монеты в свое время обратил внимание Друэн (E. Drouin), полагавший, что они предназначались для хождения в отдаленных районах государства, где население не было знакомо с пехлевийским письмом (Revue numismatique, 1890, стр. 1—8).

[15] R. Ghirshman, ук. соч., стр. 15; ср.: Прокопий Кесарийский. Персидские войны, кн. 1, гл. 4.

[16] J. Marquart, ук. соч., стр. 62—63.

ском собрании Среднеазиатского университета в Ташкенте, изданная впервые в 1927 г. Н. Э. Вундцеттелем[17] и переизданная в штриховом рисунке Р. Гиршманом.[18] Это — монета из состава большого клада (из собрания эмира Бухарского), состоящего из нескольких сот экземпляров монет Пероза различных типов чекана и разных монетных дворов. Среди этих монет внимание Н. Э. Вундцеттеля привлекла означенная серебряная драхма, чистого металла, полного веса сасанидского стандарта (4 г), но „битая варварскими мастерами по сасанидскому образцу" и снабженная на реверсе какими-то знаками или письменами, варьирующими, по его мнению, тамгу. На аверсе этой монеты имеется изображение (плохо сохранившееся) головы царя в короне, напоминающей корону Пероза;

Рис. 6.

Р. Гиршман обратил, между прочим, внимание и на развевающиеся над плечами ленты — особенность монет Пероза. На реверсе (о котором речь будет дальше) имеется надпись тохарским письмом, принятая Н. Э. Вундцеттелем за вариации тамги, а Р. Гиршманом прочитанная как AKVNA ŠAHO HIONO — „Акун шах хионит(ский)"; кроме того, на реверсе имеются еще три пехлевийских буквы — phl (Pahl — Балх), указывающие на место чекана.

Сопоставляя имя „Акун" на ташкентской монете с надчеканкой слова „Акун" на гладкой кайме драхмы Пероза в эрмитажном собрании, Р. Гиршман приходит к заключению, что ташкентская драхма является монетой эфталитской[19] и что на аверсе ее изображен царь или царевич Акун-Кунхас. У Приска Панийского, византийского историка V в., описывающего события своего времени, речь идет об этом, по-видимому, Кунхасе, которого он называет „юным противником Пероза".[20]

---

17 Н. Э. Вундцеттель. К нумизматике Сасанидов. Сб., посвященный В. В. Бартольду, Ташкент, 1927, стр. 229—230, рис. 11.

18 R. Ghirshman, ук. соч., стр. 12—14, рис. 9.

19 Об эфталитских монетах см.: H. F. Junker. Die Hephthalitischen Münzinschriften. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin, 1930, Bd. XXVII.

20 Fragmenta historicorum graecorum, т. IV, Paris, 1868, стр. 106, fr. 33.

Что касается слова Pahl, то оно имеется не только на этой монете, но и на вышеупомянутой эфталитской драхме (в собрании Р. Гиршмана) со словами „Хаптал царь хионит". В обоих случаях слово Pahl указывает на место чекана, и тем самым подтверждается правильное, как мне кажется, предположение, что столицей эфталитов являлся, быть может, Балх в Тохаристане.[21]

В связи с именем Хептал на названных монетах следует отметить, что у писавшего в VI в. Феофана Византийского противник Пероза назван Эфталан (т. е. Хептал), именем династическим,[22] тогда как личное его имя или имя его сына — царевича — было Кунхас.

Оставляя в стороне вопрос об имени эфталитского царя, нанесшего поражение Перозу (у Табари он назван Ахшунвар),[23] следует обратить внимание на возможность с помощью эфталитских монет определить изображенного на изучаемом блюдце царя как эфталитского владыку. В пользу этого предположения говорит имеющееся на реверсе (рис. 6) упомянутой ташкентской драхмы (с именем Акун) поясное изображение безбородого правителя:[24] его левая рука покоится на бедре, в поднятой правой он держит какой-то предмет; на нем — расстегнутый на груди кафтан с отворотами, талия его стянута поясом. Из этого описания видно, что воспроизведенная на монете фигура иконографически близка к лицу, изображенному в центре нашего блюдца. На монете, правда, отсутствует корона на голове вышеописанной фигуры, но она имеется на аверсе монеты, где голова царя изображена в профиль. Р. Гиршман усматривает в этой драхме образец эфталитского чекана, выпущенный, быть может, в ознаменование первой победы Акуна над Перозом.[25]

Перечисленные особенности (поза царя, его безбородость, покрой кафтана, булава) на памятниках подлинно сасанидских, как известно, отсутствуют. Наличие перечисленных моментов на эфталитской монете, снабженной к тому же тохарской надписью, содержащей имя хионитско-эфталитского царя, позволяет довольно уверенно говорить о том, что на новом блюдце Эрмитажа изображен именно царь эфталитский. Среднеазиатское происхождение этого памятника торевтики подтверждается и при сопоставлении его с позднекушанской серебряной полусферической чашей Эрмитажа,[26] на которой изображена не то свадебная сцена, не то венчание на царство безбородой мужской фигуры, сидящей на ковре (тоже округлых очертаний), поджав ноги и положив левую руку на пояс, в кафтане с отворотом, оставляющим верх груди открытым, и со стянутым в талии поясом. В правой руке его — кубок, по типу близкий к сосуду в руках одной из предстоящих фигур на нашем блюдце.

Все эти сопоставления позволяют говорить об очевидной каноничности позы правителя, изображенного во время какой-то официальной

---

21 К. В. Тревер. История народов Узбекистана, т. I. Ташкент, 1955, стр. 106; Т. Нёльдеке отмечает, что Ибн-Мукаффа (VIII в.), говоря об эфталитах, добавляет „в Балхе" (Th. Noeldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leyden, 1879, стр. 123, прим. 4).

22 Т. Нёльдеке (ук. соч., стр. 123, прим. 4) считает этот термин этническим.

23 Там же, стр. 123 сл.

24 Н. Э. Вундцеттель, ук. соч., стр. 230.

25 R. Ghirshman, ук. соч., стр. 12. В этой связи следует вспомнить, что в собрании А. Кэннингема имелись две медные эфталитские монеты с изображением царя в такой же своеобразной позе, как на блюдце Эрмитажа (A. Cunningham. Numismatic Chronicle, t. XIV. London, 1894, стр. 286, табл. IX, 13).

26 Чаша найдена в 1872 г. в Пермской губернии (Я. И. Смирнов, ук. соч., табл. XXXVIII, № 67; К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, табл. 18—21).

церемонии, о традиционном характере этого изображения, запечатленного уже на памятниках I в. до н. э. (монеты царя Аза)[27] и кончая XII в. (штуковый рельеф в Рее).[28]

Одной из интереснейших деталей изображения на нашем блюдце являются своеобразные головные уборы на двух предстоящих фигурах, на памятниках „сасанидской" торевтики встречающиеся впервые, но хорошо известные по кушанским монетам. Так, на золотых монетах Вимы Кадфиса[29] (I в. н. э.) он изображен сидящим в вышеописанной церемониальной позе с булавой в руке, в кафтане и мягких сапогах и в шляпе или шапке, поднятые вверх поля которой вытянуты в виде

Рис. 7.

Рис. 8.

рогов (рис. 7) (т. е. так, как на нашем блюдце), причем левый конец объемно показан торчащим в сторону, а правый дан графически на фоне тульи.[30] Этот своеобразный головной убор кушанские цари продолжали носить и в последующее время, судя по золотым монетам Хувишки[31] (середина II в.) (рис. 8). Наличие этого же убора на двух вельможах, прислуживающих во время торжественной церемонии эфталитскому царю на нашем блюдце, позволяет высказать предположение, что эти две фигуры могли бы являться подвластными царю лицами княжеского достоинства, быть может возводящими свой род к некогда правившим кушанским властителям. Об их высоком при дворе положении свидетельствуют не только нимбы, но и своеобразные „пьедесталы" в виде подушек под их ногами.

При сасанидском дворе, как известно, приближенное к царю положение выражалось в праве восседать в присутствии царя на подушке; такой же обычай существовал и в Армении, где особое придворное по-

[27] P. Gardner. The coins of the greek and scythic kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1886, табл. XIX, 1.
[28] Survey of Persian Art, V, London—New York, 1938, табл. 517.
[29] P. Gardner, ук. соч., табл. XXV, 7.
[30] Ср.: A. Cunningham. Coins of the Kushans or great Yue-ti. Numismatic Chronicle, т. XII, London, 1892, табл. XV, 2—4.
[31] P. Gardner, ук. соч., табл. XXVIII, 10. На этой монете оба конца шапки контурно показаны торчащими в разные стороны.

ложение вельможи определялось его правом на „б а р д з у п а т и в" (подушка и почетная повязка).[32] По-видимому, и при эфталитском дворе право пользоваться подушкой являлось прерогативой определенной группы приближенных царя.[33]

Обращает на себя внимание и нимб вокруг головы этих фигур — деталь, хорошо нам известная и по росписям в Варахше, где головы приближенных царя, восседающих в его присутствии у жертвенника, тоже окружены нимбами.[34]

В то время как нимб и подушка выражают привилегированное положение вельмож, находящиеся в их руках предметы говорят о их подчиненном по отношению к центральной фигуре положении. В обязанности одного из них входили, видимо, приготовление и подача царю вина, судя по кувшину и кубку, которые он держит в руках.

Подобный обычай существовал и в Армении, где, по словам Моисея Хоренского (начало VI в.), в круг основных при дворе обязанностей нахарарского рода Гнуни входила подача царю вина.[35]

Обращает на себя внимание форма кувшина с вытянутым носиком и высокой ручкой,[36] характерная для раннесредневековой торевтики и керамики народов Ирана, Средней Азии и Кавказа. Что касается формы кубка, имеющего вид расширяющегося кверху стаканчика, то она тоже засвидетельствована среди предметов керамики и стекла главным образом в Средней Азии.[37]

Второй вельможа держит в руках ветку с цветком — один из церемониальных пиршественных атрибутов этого времени,[38] восходящий к обычаям, принятым еще в кушанском придворном быту. Так, на золотых монетах Вимы Кадфиса (I в. н. э.) царь изображен восседающим в церемониальной позе на троне, держа в руках ветку (рис. 9);[39] ветку он держит в руках и тогда, когда на монетах дается только его погрудное изображение.[40] Ветка в руках царя и его приближенных никак не является случайным атрибутом. Письменные источники помогают нам понять значение этой детали. У Моисея Каланкатуйского, албанского историка VII в., мы читаем, что сасанидский царь Шапур II (409—479)

[32] Фавст Б у з а н д. История Армении, кн. III, гл. 9; кн. IV, гл. 2.
[33] Подобный обычай существовал и на западе: еще в XVII в. при дворе французских королей, но только в женском быту — в обиходе придворных дам, — из которых некоторые имели право сидеть на скамеечке во время церемониальных приемов. На Востоке этот обычай сохранялся и в начале XX в. в быту курдов. — J. O r b e l i. Sasanian and early islamic metalwork. Survey of Persian Art, I, London — New York, 1938, стр. 721.
[34] В. А. Ш и ш к и н. Варахша. Сов. археология, XXIII, 1955, стр. 111, рис. 6 (роспись восточного зала дворца).
[35] Моисей Х о р е н с к и й. История Армении, кн. II, гл. 7.
[36] Я. И. С м и р н о в, ук. соч., табл. XLIX, № 83; И. А. О р б е л и и К. В. Т р е в е р, ук. соч., табл. 1б, 48 и 61.
[37] М. М. Д ь я к о н о в. Работы Кафириганского отряда. Тр. Согдийско-Таджикской эксп., т. I, М.—Л. 1950, табл. 83, 3, 5, 7—9 (Гиссар, Туп-Хона); Л. И. А л ь б а у м. Некоторые данные по изучению анхорской группы археологических памятников. Тр. инст. истории и археол. АН УзбССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 119, рис. 1 (Зартепе).
[38] И. А. О р б е л и и К. В. Т р е в е р, ук. соч., табл. 1б (цветок в руках царя).
[39] P. Gardner, ук. соч., табл. XXV, 6; A. Cunningham, ук. соч., табл. XV, 1.
[40] P. Gardner, ук. соч., табл. XXV, 9; A. Cunningham, ук. соч., табл. XV, 5 [Оба автора в данном случае ошибочно называют ветку с цветком — палицей (club), хотя на тех же таблицах показаны монеты, где в руках царя действительно имеется палица в виде сучковатой дубинки].

„устроил великолепный пир для всех величайших нахараров из всех девяти родов персидской знати и каждого, в соответствии с занимаемым им (по рангу) местом, почтил кубком и ветвью".[41] Этот обычай упоминается и у Елише, армянского историка V в., рассказывающего о „венке и ветвях", которые жалуются от двора.[42] И в „Шах-наме" в описании пиршественных сцен во дворце Бахрам-Гура говорится не только о венке из роз на головах пирующих вельмож,[43] но и о стебельке нарцисса в руках некоторых из них.[44] Об этой пиршественной детали упоминает еще в конце XIII в. армянский историк Стефан Орбелян, когда вспоминает о том, как Шапур II, „устроив пир всем вельможам своим, нахарарам из всех родов персидской знати... оказывал по первенству в ранге первенство в почете, указывая каждому кубками и ветвями перед ними — первенство в величании".[45]

Рис. 9.

В этой связи могут получить объяснение те отдельные ветки и те вороха веток, которые фигурируют на пиршественных сценах, изображенных на сасанидских блюдах, и которые до сих пор объяснению не поддавались. Так, на блюде, найденном в Мазандеране (Британский музей),[46] в обстановке пиршественной сцены показаны приготовленные две ветки и груда цветов у ног царя. На другом блюде (Эрмитаж) со сценой пира[47] мы видим у ног царя несколько веток, по-видимому, подлежащих раздаче участникам предстоящего собрания. В этой связи нельзя не вспомнить и пиршественную сцену в росписях Пенджикента, где вельможи в венках сидят, поджав ноги и держа в руках чашу и цветущую ветку.[48] И в Иране, и в Средней Азии, и в Закавказье феодальный быт придерживался, как известно, сходных форм и обычаев, что лишний раз подтверждается приведенной деталью — пиршественным кубком и цветущей ветвью, нашедшими отражение в торевтике и в живописи народов Ирана и Средней Азии и засвидетельствованными в письменных источниках.

---

41 Моисей Каланкатуйский. История Албании, кн. II, гл. I (пер. И. А. Орбели).
42 Елише. О Вардане и армянской войне, гл. VI (пер. И. А. Орбели).
43 Ф. А. Розенберг. О вине и пирах в персидском национальном эпосе. Сб. Музея антропол. и этнограф. при Росс. Акад. наук, т. V, Пгр., 1918, стр. 386.
44 Там же.
45 Стефан Орбелян. История Сюника, гл. IX (пер. И. А. Орбели).
46 Я. И. Смирнов, ук. соч., табл. XXXVII, № 66; O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1926, табл. XXXIX, 211.
47 И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. 16.
48 Тр. Таджикской археол. эксп., т. II, Л., 1953, табл. IV и VI; ср.: Сб. „Живопись древнего Пенджикента", М., 1954, табл. IX, X, XII.

Что же касается именно эфталитской среды, с культурой которой следует сопоставлять издаваемое блюдце, то тут нельзя не согласиться с Р. Гиршманом, когда он говорит, что эфталитская цивилизация так насыщена сасанидскими элементами, что могло бы создаться впечатление, что эфталиты являются наследниками не кушанской, а сасанидской культуры.[49]

В китайских хрониках имеется ряд ценных данных, которые иллюстрируются теми или иными деталями сюжета, воспроизведенного на нашем блюдце. Так, в „Бейши" (VI в.) сообщается, что ряд среднеазиатских владетелей восседает на тронах, поддерживаемых фигурами животных: на троне с золотыми баранами сидят правители Хэ (Кушания), Унагэ (Мерв) и Бахань (Фергана);[50] на престоле, „представляющем верблюда", сидит владетель Ань (Бухара, Тохаристан).[51] Большой интерес представляют сведения о властителе Босы (Персия), который „носит на голове — золотой венец, на бороде для украшения — золотую цепь; сидит на золотом престоле, представляющем льва; одет в парчевый кафтан, а сверху — цепь из дорогих камней".[52] Это описание отражает довольно верно облик сасанидского царя, но мне кажется, что в данном случае речь идет не о владыке Персии, а о правителе ее среднеазиатских владений, поскольку говорится, что „владетель ее прозывается «кусахо», — наименование, которое едва ли могло означать «шаханшах», а являлось вероятно передачей титула «кушаншах». Дело в том, что «кушаншахом» назывался правитель Хорасана, а таковым до конца V в. являлся один из царевичей сасанидского царского дома, обычно — престолонаследник".[53]

Изображенный на нашем блюдце царь сходен с вышеприведенным описанием только наличием венца на нем и формой трона, поддерживаемого львами. На таких именно тронах имели обычай восседать и сасанидские и эфталитские цари: на блюде с изображением Хосрова Ануширвана (Эрмитаж) ножки трона-тахта имеют вид крылатых коней;[54] на блюде со сценой инвеституры (Британский музей) — крылатые грифоны поддерживают тахт.[55] Крылатые верблюды подпирают трон эфталитского владыки, изображенный в росписи „восточного зала" в Варахшинском дворце,[56] а львы служат подставками трона на нашем блюдце.

Упоминаемая в „Бейши" золотая цепь — перевязь бороды — у безбородых эфталитских царей естественно отсутствует, но она хорошо известна по изображениям сасанидских царей на монетах и на блюдах.[57] Интересно упоминание „цепи из дорогих камней" (арм. „апезак"[58]) у китайского автора VI в., в соответственной литературе до сих пор не использованное. Эта царская регалия в виде большого медальона на

---

49 R. Ghirshman. Begram. Le Caire, 1946, стр. 184.
50 Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнее время, т. II. М.—Л., 1950, стр. 275, 285.
51 Там же, стр. 282.
52 Там же, стр. 288.
53 К. В. Тревер. Резной аметист Государственного Эрмитажа. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 2.
54 И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. 13.
55 Я. И. Смирнов, ук. соч., табл. XVI, № 39; O. M. Dalton, ук. соч., табл. XXXVIII, 208.
56 В. А. Шишкин, ук. соч., стр. 110, рис. 5.
57 И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. 1—2, 5—6, 10.
58 Там же, табл. 5—7, 9, 11—15; См.: Фавст Бузанд, ук. соч., кн. V, гл. 38: „Апезак, который носят цари".

груди, прикрепленного с помощью отходящих от него на плечи и под руки ремней или лент, усыпанных тоже драгоценными камнями, изображается на сасанидских блюдах в тех случаях, когда дается портрет шаханшаха Ирана; эфталитские цари этого украшения не носили.

В „Бейши" имеется также упоминание своеобразного головного убора, обращавшего, по-видимому, на себя внимание, а именно камковой (т. е. шелковой) шляпы и колонковой (т. е. из меха колонка) шапки, которую носит владетель Хотана; он не показывает своих волос людям. Есть поговорка: „Если увидят волосы государя, то будет скудный год".[59] Но на нашем блюде у всех трех фигур волосы показаны: правда, не в виде пышных локонов Сасанидов, а свисающими на затылок и плечи прямыми прядями, следовательно, сопоставление этого свидетельства китайской хроники с нашим блюдцем отпадает.

Очень ценным является известное сообщение в „Бейши" о зависящих от эфталитского владетеля „до тридцати мелких владений" и о том, что „Иеда (так китайская хроника называет эфталитов) считается сильным государством".[60] Выше указывалось, что на нашем блюде, судя по типам лица, изображены, быть может, представители нескольких этнических групп; сопоставляя это наблюдение с вышеупомянутым указанием на тридцать подчиненных эфталитам народностей, хочется предположить, что предстоящие фигуры в нимбах являются главами каких-то двух „мелких владений". Китайские хроники позволяют нам несколько уточнить вопрос, о каких именно владетелях может идти речь. Дело в том, что в „Бейши" о ряде среднеазиатских владетелей, восседающих на троне с фигурами животных, добавляется, что они „из рода Канского владетеля". А про владетеля Кана (Согд с Самаркандом) в „Таншу", хронике X в. (повествующей о событиях VII—X вв.), говорится, что он „носит валяную [т. е. войлочную] шапку, украшенную золотом и дорогими каменьями".[61] Поскольку о головных уборах других правителей ничего не говорится, то можно полагать, что валяная мягкая шапка являлась характерным убором каких-то владетелей Согда, быть может, правителей тех „девяти владетельных колен", на которые впоследствии, в VII в., разделился Кан.[62]

Большой интерес представляет имеющееся в хронике „Тан-шу" сообщение о том, что в Тухоло, т. е. Тохаристане, „носят шелковые кафтаны нараспашку".[63] Слово „нараспашку", сопоставленное с закрытыми сасанидскими кафтанами и с распахнутыми на груди одеяниями на нашем блюде, подтверждает правильность отнесения последнего к кругу памятников среднеазиатских.[64] Такой же покрой кафтана с одним или двумя отворотами нам известен по росписям VI в. Балалык-Тепе[65] (Сурхан-Дарьинская область) и по фрескам Бамиана[66] (VI в.), т. е. тоже на территории Тохаристана.

[59] Н. Я. Бичурин, ук. соч., стр. 285.
[60] Там же, стр. 269.
[61] Там же, стр. 310.
[62] Там же, стр. 310.
[63] Там же, стр. 322.
[64] Тухоло-Тохаристан — территория древней Бактрии, в которую входило и правобережье Аму-Дарьи до Гиссарского хребта, т. е. Кобадиан, Хутталян и Сурхан-Дарьинская область.
[65] Л. И. Альбаум. Раскопки Балалык-Тепе в 1955 г. Краткие сообщ. ИИМК АН СССР, вып. 73, 1959, стр. 87, рис. 32.
[66] J. Hackin. Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan. Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan, t. III, Paris, 1933, табл. XXVIII, рис. 29; стр. 18.

По вопросу о хронологических рамках, внутри которых могло быть создано издаваемое блюдце Эрмитажа, следует вспомнить, что эфталитское государство, сложение которого началось в конце IV в. н. э., достигло своего расцвета в конце V в., а через сто лет, в 60-х годах VI в., тюркский каган в союзе с Ираном разрушил царство эфталитов и привел его в вассальную от себя зависимость. Как указывалось выше, корона царя говорит о том, что изготовление этого блюдца могло иметь место не ранее конца V в. (после 484 г.),[67] т. е., по-видимому, в VI в. К этому же времени нас приводит и техника изготовления нашего блюдца, если сопоставлять его с подлинно сасанидским серебром VI в.; но не исключена, конечно, возможность, что и в первой половине VII в. в Средней Азии продолжали придерживаться этой же техники.

Переходя к вопросу о стилистических особенностях изучаемого блюдца и сопоставляя его с подлинно персидскими предметами, можно было бы говорить о сасанидском характере композиции: сцена удивительно умело вписана в круг, без искажения при этом очертаний фигур или урезки деталей. Мастер стремился заполнить все пространство и поэтому над фигурой с кувшином появляется дополнительный орнамент в виде цветка или конца ленты, напоминающий стеклянные или серебряные погремушки (систр) в росписях Балалык-Тепе.[68]

Фигуры предстоящих на нашем блюдце изображены торсом в фас, ноги даны в профиль, а головы в три четверти оборота, т. е. так, как на ряде сасанидских памятников. Обращает на себя внимание, с одной стороны, мастерство в передаче позы, одежды и ряда деталей, а с другой — полная беспомощность в рисунке рук, пальцев, свисающих ступней ног царя и немотивированного движением расположения по схеме складок одеяний. Особенно примитивно изображены головы и гривы львов. Необычно переданы и нимбы, они не круглые, а похожи как бы на гладкую спинку кресла, поднимающуюся над головой. Отходящие от короны царя ленты переданы иначе, чем на памятниках сасанидских, что тоже отчетливо говорит об иной, не сасанидской культурной среде, в которой заказывалась и изготовлялась эта вещь. Поэтому, мне кажется, нет никаких оснований полагать, что блюдце это могло быть выполнено персидским мастером, изобразившим эфталитский сюжет. Оно создано, несомненно, мастерами Средней Азии, которые, между прочим, более точно изобразили ножки трона, чем мастера Ирана X в., которые передавали сходную композицию,[69] но у которых львы изображены как-то сами по себе, независимо от трона, тогда как на нашем блюдце очень ясно показано, как головы львов поддерживают ножки трона. Объясняется это, видимо, тем, что среднеазиатские мастера чеканили это блюдце в такое время, когда троны этого типа были еще в употреблении, когда они их могли сами видеть, тогда как в X в. эти тахты изображались уже весьма условно, суммарно, как бы понаслышке.

По вопросу о назначении нашего блюдца можно предполагать, что оно предназначалось для пиршественного стола: по традиции, сохранившейся в Передней и Средней Азии до наших дней, в таких чашечках, расставленных на столах около участников пира, бывают разложены изюм, миндаль, фисташки и тому подобное, вкушаемое в промежутках

[67] См. стр. 261 настоящей статьи.
[68] Л. И. Альбаум, ук. соч., рис. 32.
[69] См. стр. 259, рис. 3 (в настоящей статье).

между основными блюдами.[70] Но параллельно это блюдце могло иметь и второе назначение. Принимая во внимание его малые размеры, а также изображенный на нем сюжет — церемониальную пиршественную сцену, которая, как говорилось выше,[71] встречается на памятных золотых и серебряных медалях IX—X вв., — то не исключена возможность, что и эфталитские цари одаривали почетных гостей подарком со своего стола — блюдцами со своим портретом, следуя и в этом принятому при сасанидском дворе обычаю удостаивать гостей подарком в виде серебряного блюда с царским изображением на охоте или на пиру.

Изображенная на нашем блюдце сцена из придворного быта эфталитов очень хорошо сочетается с теми данными, которые имеются в рассказе буддийского паломника Си-ю-чи, в VI в. посетившего эфталитов: монаха поразил внешний облик женщин из окружения правителя, одетых в роскошные платья из дорогих тканей, со шлейфами в три и более футов, которые несли за ними специальные лица, своего рода пажи.[72]

Все сказанное позволяет, как мне кажется, говорить о среднеазиатском происхождении этого серебряного блюда[73] и относить его к VI—VII вв.

Отнесение того или иного так называемого сасанидского сосуда к культуре среднеазиатских народов[74] вызывает в ряде случаев обоснованные и справедливые сомнения и возражения. Но в данном случае наше маленькое блюдце является первым предметом бесспорно среднеазиатского происхождения — в этом его большое историко-культурное значение. Столь же велико его значение как первого нам известного памятника торевтики, дающего нам некоторое дополнительное представление как о придворном быте эфталитов, воспринявших многое из культуры Сасанидов, так и о формах взаимоотношения между представителями новой эфталитской династии и местными согдийскими и тохарскими правителями, продолжавшими придерживаться в своем внешнем обиходе некоторых древних кушанских традиций.

---

70 Ср. серебряную чашечку из Перещепинского клада (И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., стр. XVIII, табл. 36—38).

71 См. стр. 259—260 настоящей статьи.

72 Samuel Beal. Si-yu-či. Buddhist Records of the Western World. London, 1906, vol. 1, стр. XC—XCI; К. В. Тревер. История народов Узбекистана, стр. 112.

73 Так как рельеф блюдца выполнен вероятнее всего способом „удаления фона" (champ levé), то, принимая во внимание указание И. А. Орбели, что именно выполненные в этой технике рельефы больше всего напоминают резьбу в дереве (J. Orbeli. Sasanian..., стр. 752), напрашивается вопрос: не является ли в таком случае техника нашего блюдца своего рода параллелью к распространенной и до наших дней технике резьбы в дереве, в мягком камне и алебастровых плитах — технике, являющейся одной из характерных особенностей архитектурно-декоративного убранства у таджиков и узбеков.

74 К. В. Тревер. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках искусства. Сов. археология, XVI, 1952, стр. 285.

А. Л. Троицкая

ÇAḲĪRA В КОКАНДСКОМ ХАНСТВЕ (XIX в.)

Как известно, слово *çaḳīra* (араб. *çaḳīr* 'малый', 'малолетний', 'несовершеннолетний') употребляется в Средней Азии (таджиками и узбеками) в значении „сирота".

В архиве кокандских ханов XIX в., хранящемся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, встречается термин *çaḳīra*, означающий „сирота — воспитанник или выкормыш хана или бека". Такие „сироты-выкормыши" составляли особую группу придворной челяди.

Термин *çaḳīra* встречается в документах архива в виде приставки к собственным именам и в хозяйственной переписке, а именно в „памятях" (*патта*, *мусаввада*).[1] „Памяти" эти относятся преимущественно к Маргеланскому бекству конца шестидесятых—начала семидесятых годов, т. е. ко времени третьего правления Худаяр-хана (1866—1875 гг.), когда младший брат хана Султан Мурад был беком Маргелана.

Материалы архива о *çaḳīra*, несмотря на их однообразие и лаконичность, дают возможность попытаться установить, в каких условиях жили, воспитывались и эксплуатировались дворцовые *çaḳīra*.

В 1872—1873 гг. при дворце маргеланского бека было около пятидесяти *çaḳīra* в возрасте от десяти до двадцати лет.

Так, в „памяти", выданной бекским казначеем Минг Широм хазиначи управителю хозяйством бека Султан Мурада, сказано:

...جهة تمامیً صغیرهکان کلان خُرد از ده‌ساله تا بست‌ساله در این میانه کلان خرد
ارالش پنجاه یکته لازیمی‌قلمی‌و کرباس و پانزده موزهً قیش دفعةً دوزانیده در مابین
دو سه روز طیّارکُنانیده رسانیده بدهید که ضرورست ۱۲۸۹

Печать: مینک شیر خزینه‌چی[2]

(Папка „Сагира", № 21).

---

1 *патта* (тадж.-узб.), *мусаввада* (араб.); в документах архива эти термины имеют значение „записок на выдачу денег, одежды, продуктов и пр.". По форме и содержанию они соответствуют русским „памятям" и так будут называться в дальнейшем.

2 В текстах документов сохраняется орфография подлинника, дата и печать помечаются в том случае, когда они есть на документе, отсутствие их не оговаривается. Печати на „памятях" поставлены, как правило, на обороте.

. . . немедленно заказав сшить и изготовив в два-три дня, доставьте, так как это нужно для всех *çaγīра*, взрослых и маленьких, от десяти до двадцати лет и среди них всем большим и малым подряд, пятьдесят халатов без подкладки — *йактак*[3] и штанов — *лāзимī*[4] из пестряди — *ḳаламī*[5] и белой материи — *карбāс*,[6] пятнадцать сапог кашевых.[7]

Печать: Минг Шир хазиначи.

Те же пятьдесят *çaγīра* упоминаются в „памяти", выданной начальником бекской канцелярии Муллой ʿАбдуджалилем мирзабаши в 1288/1871—1872 г., на отпуск кладовщику[8] для *çaγīра* пятидесяти чашек для еды (папка „Сагира", № 5/38).

Одежда отпускалась, видимо, для *çaγīра* несколько раз в год по распоряжению бека или его управителя канцелярии. Выше приводилась „память" для выдачи одежды на всех *çaγīра*, наряду с ней сохранились распоряжения на отпуск одежды, обуви и головных уборов на группы *çaγīра* и на одиночек. Дополнительная выдача одежды особо оговаривалась.

اکای کرامی القدری قورباشی دادخواه معلوم کردد که جناب بیکم امر نمودند که از برای صغیره‌ها سی هفت عدد جامه تیک الاچه و سی هفت عدد یکته لازیمی کرباس کرفته بدهید کفته مهربانی کردند اکنون تا رفتن بیکم کلان خود کرده دوزانده طیّارکرده مانید زیاره السلام

Печать: ایشان دادخواه

(Папка „Сагира", № 28).

Уважаемому курбаши[9] Дадхох да будет известно, что господин бек мой, выказав милость, повелели: выдайте для *çaγīра* тридцать семь тиковых и алачевых[10] халатов — *джāма* и тридцать семь халатов-рубах — *йактак* и штанов — *лāзимī* из белой материи — *карбāс*. Сейчас, заказав сшить большие и малые, приготовьте до отъезда бека моего. Очень кланяюсь.

Печать: Ишан Дадхох.[11]

В данном случае одежда для *çaγīра* шилась к отъезду бека, которого они, видимо, должны были сопровождать, составляя часть его свиты.

Одежда для сирот-выкормышей шилась им по росту. В одной из „памятей" подчеркивается, что одежда должна быть по росту каждого (*ба ḳад-и хар кадāм лāйḳ*) (папка „Сагира", № 16).

Характерна следующая „память":

خوشوقت صغیره از جامه مانده بود در قطار بچه‌ها یکجامه پوشای کرفته بدهید که برهنه نکردد ۱۲۸۹

(Папка „Сагира", № 20).

3 *йакта*, *йактак* (тадж.) — халат-рубаха, надевался на голое тело, подпоясывался кушаком, *йактак* носили крестьяне, ремесленники и другой бедный люд.

4 *лāзимī* (тадж.) — нижние штаны.

5 *ḳаламī* (тадж.-араб.) — кустарная хлопчатобумажная ткань с красными и синими полосками по белому фону (см.: В. Наливкин и М. Наливкина. Русско-сартовский и сартовско-русский словарь. Казань, 1884, стр. 59 второй пагинации).

6 *карбāс* (тадж.) — кустарная белая хлопчатобумажная ткань.

7 *ḳāши* (тюрк.) — сорт кожи (сыромятной?), из которой выделывались в основном ремни.

8 Во дворце посуда хранилась у кладовщика и отпускалась им для употребления по предъявленным „памятям".

9 *кӯрбāшī* (узб.) — начальник городской ночной стражи в среднеазиатских ханствах.

10 *алāча* (узб.) — полосатая хлопчатобумажная или полушелковая ткань.

11 Ишан Дадхох в 1874—1875 гг. был сборщиком налогов в Ошском вилайете.

Хушвакт *çaγīра* остался без халата (был без халата). Взяв, выдайте (ему) носильный халат вместе с мальчиками, чтоб не ходил голым. 1289/1872—1873.

Здесь особо оговаривается дополнительная выдача халата Хушвакту и в то же время упоминается об общей экипировке мальчиков, по всей вероятности, сирот.

В списке жалованной одежды по Маргеланскому бекству в 1289/1872 г. наряду с именами должностных лиц и челядинцев имеется запись выдачи одежды 23 ученикам-*çaγīра* (*мактабхӯн*), их учителю и 11 малолетним *çaγīра* (*çaγīрахā-и çaγīр*), причем ученикам была выдана одежда разной стоимости по трем группам. Последнее, возможно, объясняется возрастом учащихся (см. свиток № 3-а, склейка 3).

Для *çaγīра* при бекском дворце была, видимо, отдельная школа. Сохранилась, например, следующая „память":

از برای جامه‌شوئ صغیره‌های مکتب‌خانه پنجاه پیسه صابون و یک تنکه پول بدهید ۱۲۸۹

Печать: میرزا محمد یوسف

(Папка „Сагира", № 1).

Выдайте для стирки белья *çaγīра* (учеников) школы пятьдесят пайса[12] мыла и одну танга[13] деньгами.

Печать: Мирза Мухаммед Йусуф.[14]

Подобные же отдельные школы были при дворце бека для мальчиков-рабов — *ғулāмбачча*.

جهة مکتب‌خانهٔ غلام‌بچه‌کان دو نمد قیرغیزی خوب کرفته بدهید ۱۲۸۸

Печать: ملا عبدجلیل میرزاباشی

(Папка „Рабы", № 2).

Для школы детей-рабов (гулямов), купив (взяв), выдайте две хороших киргизских кошмы. 1288/1871—1872.

Печать: Мирза ʿАбдуджалил мирзабаши.

В архиве не сохранилось никаких упоминаний о сиротах-девочках. Нужно думать, что на воспитание брали только мальчиков-сирот.

По материалам архива можно судить о разнообразных занятиях *çaγīра* при бекском дворе. Мальчики-*çaγīра*, например, прислуживали на женской половине дворца. Сохранилась „память" 1287/1870—1871 г. за печатью Султан Мурад-бека на выдачу одежды, обуви и головных уборов семи мальчикам-*çaγīра*, прислуживавшим в гареме (папка „Сагира", № 16). Встречаются упоминания о *çaγīра*, работавших при бекской казне (папка „Сагира", №№ 20, 31). Имеется „память" 1287/1870—1871 г. на выдачу сапог Даулату-*çaγīра*, работавшему при амбаре (папка „Сагира", № 18). Были *çaγīра* конюхи, табунщики. Сохранились „памяти" на выдачу сапог конюху-*çaγīра* и пяти пастухам табуна кобыл (папка „Сагира", №№ 10, 22).

12 *пайса* (хинд.-тадж.?) — мера веса, около 25,6 г.

13 *танга* (тюрк.) — серебряная монета достоинством 20 коп. (по курсу второй половины XIX в.).

14 Мирза Мухаммед Йусуф был казначеем бека Султан Мурада.

Çaṛūpa сопровождали бека во время его поездок, прислуживая ему, некоторые из них участвовали в бекских охотах в качестве егерей и сокольничих. В одной из „памятей“ требуется одежда и обувь для *çaṛūpa*, которые выедут на охоту с начальником егерей (сокольничих) — *мӣршикӣрбāшӣ* (папка „Сагира“, № 19). В поименном списке *çaṛūpa*, составленном для каких-то хозяйственных целей, упоминаются пять егерей (сокольничих) (папка „Сагира“, № 31).

Часть *çaṛūpa* работала в оружейных мастерских бека. В „памяти“, выданной начальником бекской канцелярии в 1288/1871—1872 г., сказано:

ستوده قدری عزیز خواجه ملتقباشی را آنکه از روی مهربانی مولایم بشما اعلام نمودیم که جهة صغیره‌ها شش موزهٔ نوغانی قیش و شش یکته و لازیمی کرباس شش دانه داکهٔ خوقند از بختی محمد قورباشی کیرانیده آورده بدهید و این خط را بدست قورباشی مذکور داده مانید در وقت حساب خواهد کذرانیدن باقی السلام علیکم باز یکداکه استنبولی کرفته بیارید ۱۲۸۸

Печать: ملا عبدجلیل میرزاباشی

(Папка „Сагира“, № 29).

Достопочтенному 'Авиз-ходже милтикбаши. Согласно милости господина моего объявляем вам: возьмите для *çaṛūpa* от Бахти Мухаммеда курбаши,[15] привезите и выдайте [им] шесть татарских кайшевых сапог, шесть *йактаков* и штанов из белой материи, шесть штук кокандской кисеи [на чалмы]. Письмо это, вручив помянутому курбаши, оставьте. Во время отчета он проведет [его как финансовый документ]. Затем мир вам. Еще привезите одну штуку стамбульской кисеи. 1288/1871—1872.

Печать: Мулла 'Абдуджалил мирзабаши.

Как видно из данной „памяти“, сироты-*çaṛūpa*, работавшие в оружейной мастерской, выделялись особо и продолжали находиться на содержании бека, который одевал их. Так же особо отмечались выдачи им денег на расходы.

جهة صغیره‌ها برای صرف روز شنبه پنج تنکه و روز یکشنبه پنج تنکه بدهید ۱۲۸۷

(Папка „Сагира“, № 3).

Для *çaṛūpa* выдайте на субботние расходы пять танга, на воскресны — пять танга. 1287/1870—1871.

В данном случае деньги были выданы, по всей вероятности, тем же *çaṛūpa*-оружейникам на покупку свечей, топлива, моркови и лука, как это практиковалось в Кокандском ханстве в отношении мастеров и рабочих.

В упоминавшемся выше списке *çaṛūpa*, составленном на семнадцать человек, перечислены восемь человек, находившихся в услужении у сыновей бека и его родственников, пять егерей-сокольничих, двое работавших при бекской казне, один прислуживавший в дворцовой чайной и один голубятник (папка „Сагира“, № 31).

По этому списку можно судить о разнообразной деятельности *çaṛūpa* при дворце бека; он же свидетельствует о том, что у сыновей Султан Мурада были свои *çaṛūpa*. Последнее подтверждается и другими документами архива. В одной из „памятей“ 1871—1872 гг., выданной Мавлан-беком, старшим сыном Султан Мурада, на отпуск одежды для

[15] Бахти Мухаммед курбаши был откупщиком правительственных обложений по г. Маргелану и управителем хозяйства Султан Мурад-бека.

Худай-берди, последний назван *çaṛūpa-и мā* (наш *çaṛūpa*), тот же Худай-берди помечен в цитировавшемся выше списке как *çaṛūpa* Мавлан-бека.

Когда *çaṛūpa* женились, они получали от бека приданое в виде свадебного подарка — *ṭӯйāна*. Подобный свадебный подарок отличался от подарков, вручавшихся другим челядинцам, так как в него входили (помимо обычной для таких подарков одежды, обуви и материи) кошмы, постельные принадлежности и все необходимое для семейной жизни.

بختی محمد قورباشی را نموده آنکه جهه طویانه دولت صغیره یکجوره شاهی و نه کز شالپَر و یکجفت کفش نوغی و یکرویمال داکه و باز پنج کز چیت پشتی و سه کورپهٔ چیت خوقندی و سه بالیشت یکجهک دو نمد و بخود دولت مذکور یکته لازیمی و یکموزهٔ اوفیکه نوغی زود کرفته بدهید ۱۲۸۹

Печать: محمد سلکان مراد بیک ابن شیر محمد علی خان

(Папка „Сагира“, № 12).

Бахти Мухаммеду курбаши указывается то, что, скорее купив (взяв), выдайте в свадебный подарок — *ṭӯйāна* Даулату-*çaṛūpa*: два парных куска шелка, девять *газ*[16] кумача, пару татарских кафшей,[17] платок (женский) кисейный, еще пять *газ* набойки پشتی,[18] три одеяла из кокандской набойки, три подушки, одну тесьму — *джийак*,[19] две кошмы; а самому помянутому Даулату — штаны, *йактак* и сапоги татарские опойковые. 1289/1872—1873.

Печать: Мухаммед Султан Мурад-бек ибн Шир Мухаммед 'Али-хан.

Умерших *çaṛūpa* хоронили за счет бека:

جهة تکفین تجهیز یکنفر صغیره متوفا دوازده تنکه بدهید ۱۲۸۹

Печать: میرزا محمد یوسف

(Папка „Сагира“, № 30).

Выдайте двенадцать танга для погребления (одевания в саван) умершего *çaṛūpa*.

Печать: Мирза Мухаммед Йусуф.

О *çaṛūpa* хана и других беков материалов в архиве сохранилось мало. В одной из „памятей“, выданной казначеем маргеланского бека, упоминаются ханские *çaṛūpa*, прибывшие, по всей вероятности, с ханской свитой во время посещения ханом Маргеланского бекства.

جهة صغیران خاصه‌کی چار عدد زین مکمّل بدارنده مسوده دفعة کرفته بدهید که ضرورست ۱۲۸۹

Печать: مینک شیر خزینه‌چی

(Папка „Сагира“, № 6).

Немедленно купив (взяв) четыре парадных (?)[20] седла, выдайте подателю „памяти“ для ханских *çaṛūpa*, так как (это) нужно. 1289/1872—1873.

Печать: Минг Шир хазиначи.

[16] *газ* (тадж.) — мера длины, равная приблизительно метру.
[17] *кафш* (тадж.-хинд.) — кожаные туфли-калоши.
[18] Термин неизвестен.
[19] *джийак*, *джихак* (тадж.) — плетеная пестрая тесьма, которой обшивались полы халатов, вороты мужских рубашек, вырезы женских рубашек.
[20] Термин *мукаммал* неясен.

В записях на выдачу корма для лошадей по селению Ер-масчит (селение особого назначения, земли которого были „удельными" — коронными землями Худаяр-хана) неоднократно встречаются отметки о выдаче люцерны и сорго для лошадей *çaγīра* хана и его сыновей. Там же упоминается отряд *çaγīра* Урман-бека[21] в 45 человек, прибывших с ним (см. свиток № 3, склейка № 1—5, 7; свиток № 5, склейка 1 и 3).

В одной из записей выдач зерна на довольствие ханским должностным лицам помещены мастер-*çaγīра* и мулла-*çaγīра* (свиток № 39, склейка 3).

На основании приведенных материалов можно установить, что при дворах кокандских ханов и беков воспитывались мальчики-сироты, называвшиеся *çaγīра*. Они находились на полном дворцовом содержании, их учили в школах, при которых они, по всей вероятности, жили. Все *çaγīра* работали, составляя особую группу придворной челяди. Возможно, что взрослые и семейные *çaγīра* использовались в качестве батраков и издольщиков на ханских и бекских землях. Кокандские ханы и беки, взяв на содержание сирот, приобретали в их лице даровую рабочую силу.

Подобная эксплуатация придворных *çaγīра* в Кокандском ханстве напоминает некоторым образом „монастырских детенышей" древней Руси. Об этом термине акад. Б. Д. Греков пишет: „В монастырских хозяйствах в момент расширения собственной запашки земель были использованы люди, с детства попавшие на иждивение монастырей. Отсюда появление термина «монастырский детеныш»... Функциями сельскохозяйственных работников обязанности детенышей не исчерпывались. Среди детенышей есть и ремесленники, и слуги, выполняющие различные поручения монастырской администрации".[22]

Взрослые, семейные сироты — „выкормыши" хана и беков — продолжали называться *çaγīра*, несмотря на занимаемые ими чины и должности, выделяться особо и пользоваться некоторыми привилегиями.

В архиве сохранился тарханный список (без начала и конца) лиц, освобожденных от денежного поземельного налога *танāбāна*, взимавшегося с земель, занятых огородными культурами, садами и люцерной. В этом списке наряду с ходжами, биями, сановниками, ханскими и бекскими конниками имеется раздел с именами девяти *çaγīра*, принадлежавших хану и его сыну Насрулле. Здесь среди *çaγīра* имеются два низших придворных чина — *маχрам*, конюший — *мāрāχўр*, десятник. У всех помеченных в списке *çaγīра* были свои участки земли, размеры которых не поддаются определению, так как в список были занесены размеры только тех участков, на которых была впервые засеяна люцерна (см. свиток № 73, склейка 4).

Цитированный выше список свидетельствует о том, что некоторые *çaγīра* занимали придворные должности и что среди сирот-выкормышей были землевладельцы.

Однако наряду с *çaγīра*-землевладельцами были *çaγīра*-батраки и издольщики, работавшие на „удельных" землях хана и беков. В одной

[21] Урман-бек — ласкательное прозвище младшего сына Худаяра, наманганского бека Насруллы.

[22] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1946, стр. 711.

из записей получения хараджа с ханских коронных земель приводится список издольщиков, сдавших солому и мякину. Среди них записан:

صغیرهٔ عبدولی اقسقال هشت بند فخال یک جوال توفان

(Свиток № 38, склейка 10).

Çaγīра 'Абдували аксакала (старосты) [сдал] восемь снопов соломы, мешок мякины.

В данном случае нужно понимать под *çaγīра* ханского издольщика, находившегося в ведении старосты — Абдували аксакала, так как обычно имена издольщиков на ханских землях не вносились в харадж-ные списки и назывались лишь старосты селений, которым они были подведомственны.

Правовое положение малолетних сирот в Средней Азии в ханский и колониальный периоды почти не изучено, остаются неизвестными права сирот на недвижимую собственность, унаследованную от родителей. Некоторые данные по этому вопросу можно найти в архиве джуйбарских шейхов XVI—XVII вв. Здесь в купчих встречаются акты продажи опекунами, родственниками несовершеннолетних сирот, недвижимой собственности последних. Опекуны свободно продавали имущество своих подопечных, заключая купчие на свое имя с указанием, что ими были проданы участки, принадлежавшие опекаемым ими сиротам.[23]

Несколько иначе было при продаже недвижимого имущества круглых сирот. В этом отношении интересна купчая из того же архива, составленная 15 числа месяца сафара 968 (6 ноября 1560 г.) на имя Мавлана Мухаммеда, опекуна круглых сирот, не имевших никаких родственников — Шах 'Али и Султан 'Али. На основании текста купчей устанавливается: 1) круглые сироты, не имевшие никаких родственников, находились первое время после смерти родителей на попечении местного казия; 2) казий назначал им опекуна; 3) опекун имел право продать имущество своих подопечных в том случае, если два свидетеля удостоверяли, что продажа эта необходима для содержания сирот.[24]

Возможно, что те же нормы шариата в отношении опекунства круглых сирот существовали в Кокандском ханстве во второй половине XIX в.[25] Не исключена возможность, что в ряде случаев казии назначали хана и беков опекунами сирот. Несомненно, что на дворцовое воспитание поступали преимущественно сироты, унаследовавшие от родителей недвижимое имущество, которое переходило во временное, а может быть и в постоянное, пользование их высокопоставленных опекунов. Если это было так, то становится понятным особый учет расходов, производившихся на содержание дворцовых *çaγīра*. Возможно, что все эти расходы учитывались, когда сирота подрастал и вставал вопрос о его недвижимой собственности, оставшейся после родителей. Этим же объясняется наличие у дворцовых *çaγīра* собственных участков земли.

[23] Из архива шейхов Джуйбари. М.—Л., 1938, стр. 60, 66, 92—93, 121—123, 136—137, 159—160 (тексты); П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.—Л., 1954, стр. 117—118, 120, 131, 146, 153, 166 (переводы).

[24] Из архива шейхов Джуйбари, стр. 438 (текст); П. П. Иванов, ук. соч., стр. 308 (перевод).

[25] По словам О. А. Сухаревой, в г. Бухаре в конце XIX—начале XX в. недвижимое имущество круглых сирот сдавалось на хранение старостам кварталов и сироты находились на их попечении.

По-видимому, содержание тех или других дворцовых *çaғāра* зависело от размеров полученного ими наследства от родителей, знатности и положения последних. Одних учили и постепенно выводили в придворные чины, других делали челядинцами и батраками. Несомненно, что *çaғāра* до конца жизни находились в зависимости от своих знатных благодетелей-опекунов.

В третье правление Худаяр-хана комплектование дворцовых *çaғāра* в значительной мере облегчалось тем обстоятельством, что все дела по наследованию были на учете как в ханской канцелярии, так и в бекских. Объяснялось это тем, что в Средней Азии раздел имущества между наследниками и ввод их во владение совершались казиями. В случае отсутствия завещания последние получали известные отчисления с наследства, называемые *тарика* или *тарака* (араб.). В третье правление Худаяр-хана эти отчисления были объявлены государственным обложением *тарикāна* (араб.-тадж.) и поступали в казну. Они, как и прочие правительственные обложения, сдавались на откуп.

Раздел наследства казиями и его помощниками обычно сопровождался всевозможными злоупотреблениями, взятками и пр. Это было настолько характерным явлением для Средней Азии, что нашло свое отражение в народном фольклоре, как например в народном фарсе Санчвозлик (раздел наследства), где зло высмеиваются как наследники, старающиеся обмануть друг друга, так и взяточник казий и его помощник.

Яркую картину беззастенчивого произвола в отношении малолетних сирот в Бухарском ханстве в предреволюционный период рисует Садреддин Айни в рассказе „Одина“.[26] По его словам, старосты селений так „умело“ организовывали раздел наследства и ввод в наследство сирот, что последние оказывались их неоплатными должниками и вынуждены были батрачить на них, отрабатывая долг.

Нужно думать, что в Кокандском ханстве при откупной системе на обложение — *тарикāна* злоупотреблений при разделе наследства и ввода в наследство было еще больше, так как в выгодном разделе имущества были материально заинтересованы откупщик, казий, хан или бек. Хан и беки зорко следили за разделами богатых имуществ. Обычно о смерти баев их своевременно извещали.

В этом отношении характерно письмо, написанное начальником канцелярии маргеланского бека Муллой ʿАбдуджалилем мирзабаши откупщику правительственных обложений по г. Маргелану и управителю бекским хозяйством Бахти Мухаммеду курбаши.

... بعد از رفع مراسلهٔ نموده میشود که برزوبای فوت یافته است اما بجناب بیکم معلوم کرده اینجا ملازم فرمودند زیراکه آن کرایش نمیکند خود شما دولتخواه هستید رفته خوب حقیقت کرده تریکه نمایید حق پادشاهی ضایع نشود از روی مردم بیهوده‌کوی برهم شود موافق شرع تریکه کرده معلوم کنید میشود و سلام

Печать: ملا عبد جلیل میرزا باشی

(Папка „Управитель бека“, № 5-а).

... после [приветственной части] письма да будет известно, что Барзу-бай скончался. Но господина бека моего [Султан Мурада] поставили в известность. Нарядили они сюда слугу. Так как тот проезда своего не окупит, сами вы, доброжелатель, поехав и хорошенько расследовав, назначьте *тарика*, чтоб не потерпела ущерба доля государева. От болтунов тоже огласка бывает. Произведя, согласно шариату, раздел наследства и получив *тарика*, известите. Сбудется. Привет.

Печать: Мулла ʿАбдуджалил мирзабаши.

[26] Садреддин Айни. Асарҳои мунтахаб. Сталинобод, 1949, стр. 277.

Это письмо лишний раз подтверждает: 1) что хана и беков своевременно извещали о предстоящем выгодном разделе наследства, 2) что откупщик обложения *тарикāна* и правители бекской или ханской канцелярий были заинтересованы в таких разделах не меньше, чем хан и беки. Наконец, характерны фразы в письме об огласке и о необходимости позаботиться также о государевой доле. Нужно думать, что при разделе богатых имуществ наживался не только хан или бек, но и их верные слуги. Несомненно, что злоупотребления эти были во много раз больше, когда наследниками оставались малолетние сироты, о которых в ханской и бекской урде тотчас узнавали.

Таким образом, можно предположить, что „богоугодное“ дело „призрения сирот“ давало кокандским ханам и его бекам немалую выгоду. Они получали даровую и, по всей вероятности, пожизненную рабочую силу, в случае если сирота был малоимущий. Если же у сироты было состояние, то хан и беки получали не только *тарикāна* с его имущества, а фактически само имущество, которое в значительной части переходило в собственность высокопоставленных опекунов, хотя и считалось, по-видимому, что оно находится у них на хранении — *амāнат*.

Были ли подобные *çaғāра* в Бухарском и Хивинском ханствах, остается пока неизвестным из-за отсутствия источников.

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Ш. Я. Амиранашвили

СЕРЕБРЯНАЯ ЧАША РАННЕСАСАНИДСКОЙ ЭПОХИ ИЗ РАСКОПОК В АРМАЗИСХЕВИ

В погребении № 2 Армазского некрополя, богатый инвентарь которого датируется III в., была найдена серебряная чаша, хранящаяся в настоящее время в Государственном музее Грузии имени академика С. Н. Джанашиа (рис. 1).[1] Чаша принадлежит к числу тех предметов древности, которые предназначались не для практического применения, а для подарков. Она представляет собой неглубокий круглый сосуд диаметром 23 см, высотой 3.5 см, глубиной 2.5 см. Круглая ножка (высотой 0.5 см) чаши припаяна отдельно. Чаша изготовлена из двойного серебряного листа; внутренняя сторона у края обрамлена валиком, образованным при помощи загиба краев внешнего металлического листа вовнутрь, с последующей запайкой и заделкой. На наружной стороне чаши по краю сохранилась надпись на языке парсик.[2] Вес чаши 850 г.

В центре чаши контурным рисунком изображен портрет вельможи (рис. 2). Его голова обращена вправо, густые волосы, разделенные на пряди, откинуты назад. Головной убор вельможи напоминает корону персидского предка Антиоха I Коммагена, изображенного на рельефе из Нимруд Дага.[3] Согласно древней традиции, бюст вельможи изображен в фас, а голова в профиль. Шея украшена ожерельем. Фактура шелковой ткани одежды передана с исключительным мастерством. Изображению, помещенному на этой чаше, несомненно, присущи элементы реалистической трактовки портрета. Выступающая надбровная дуга, большой прямой нос, четко очерченный глаз, выпуклый рот, большое, схематически данное и высоко посаженное ухо, густая вьющаяся борода, массивная прямая шея придают всему изображению портретность, выражают сосредоточенность и силу воли, а наличие своеобразного головного убора подчеркивает торжественность и официальность изображен-

---

[1] А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гедеванишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Археологические памятники Армазисхеви по раскопкам 1937—1946 гг. Мцхета. Итоги археологических исследований, т. I, Тбилиси, 1955, стр. 45—46, табл. XVII, 1, 2 (на груз. языке).

[2] Первое чтение этой надписи дано Г. В. Церетели (Эпиграфические находки в Мцхета. ВДИ, 1948, № 2, стр. 49—57).

[3] F. Sarre. Die Kunst des Alten Persien. Berlin, 1924, табл. 56.

ного на чаше лица. Стиль изображения указывает на то, что мастер старался подогнать портрет с его индивидуальными чертами под портрет царя — правителя страны. Бюст помещен как бы выходящим из двух широко раскрытых стилизованных аканфовых листьев, трактовка которых напоминает растительный декор по камню Таг-и-бустана.[4] Е. Герцфельд при реконструкции памятника Нарсе приводит образцы сасанидских бюстов, которые также выступают из стилизованных листьев.[5]

Рис. 1. Серебряная чаша из Армазисхеви. Общий вид.

В правой руке вельможа, изображенный на чаше, держит цветок, который подносит близко к лицу. Мотив изображения человеческой фигуры с цветком встречается еще на рельефах Персеполя, где должностные лица при дворе, а иногда сам царь изображались с бутоном, похожим на лотос.[6] Этот мотив встречается и значительно позднее на предметах прикладного искусства[7] и на монетах.[8] Известно, что главным божествам древнего Ирана был посвящен определенный цветок, имевший символическое значение.[9] Так, цветком Ахурамазды был красный жасмин, цветком Бахмана — белая лилия.

[4] E. Herzfeld. Am Tor von Asien. Berlin, 1920, табл. XXXIX, XL.
[5] E. Herzfeld. Paikuli, t. I. Monuments and Iscriptions of the Early History of the Sasanian Empire. Berlin, 1924, стр. 9.
[6] O. M. Dalton. The Threasure of the Oxus with other Examples of early oriental metal-work. London, 1926, табл. XXVII, рис. 10.
[7] Там же, табл. XIII, рис. 38; табл. XV, рис. 71, 74, 89, 93.
[8] E. Herzfeld. Archaeological History of Iran. London, 1935, стр. 72, рис. 9.

Изображение дано, как было отмечено, линейным рисунком, исполненным густыми насечками чекана, а не гравировкой. Валик по борту позолочен, чернь отсутствует. Четкость рисунка, тонкость трактовки

Рис. 2. Серебряная чаша из Армазисхеви. Деталь.

черт лица и бороды, изящество декоративно расходящихся листьев аканфа с красивым загибом, поразительное умение мастера вписать портрет в круг — все это говорит о высоком мастерстве, характерном для искусства Сасанидов эпохи правления Ардашира и Шапура I.

При сравнении нашего изображения с сасанидскими монетами, которые сами по себе представляют ценный материал для суждения об искусстве,[10] надо прежде всего отметить, что, согласно впервые выска-

[9] O. M. Dalton, ук. соч., табл. XXVII.
[10] К. В. Тревер. Художественное значение сасанидских монет. Труды Отд. Востока Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1939, стр. 255—285; E. Herzfeld. Paikuli, t. I, стр. 48, 141; F. Sarre, ук. соч., стр. 55.

занному Герцфельдом[11] наблюдению, положение головы на монетах для парфянского и сасанидского периодов определяет политическое значение властителя: голова, обращенная влево, изображает царя вассального, но имеющего право чеканить свою монету; голова, обращенная вправо, характеризует его полную независимость. Еще большее значение для уточнения датировки памятника имеет форма короны. Попытаемся, пользуясь обычным в отношении иранского искусства методом датировки памятников по форме корон царей, определить не только эпоху, в которую была создана чаша, но и кто именно на ней изображен. Головные уборы сасанидских царей хорошо известны нам из скальных рельефов, из памятников древней иранской торевтики, из резных камней, но основным материалом для решения вопроса служат сасанидские монеты. На монетах вычеканено имя царя и индивидуальная форма короны, которая в точности на монетах других царей не повторяется. Сравнительное изучение этого материала дало возможность Я. И. Смирнову[12] определить изображения царей на ряде сасанидских памятников торевтики, Ф. Сарре и Герцфельду определить и датировать скальные рельефы в Иране. Как указывала К. В. Тревер,[13] „монеты дали возможность Л. А. Моисееву определить блюдо из Перещепинского клада. Монеты же помогли И. А. Орбели связать изображение царя на блюде Эрмитажа, найденном в районе Кунгура, с Хосровом I и его сыном Ормиздом IV, впервые отметив сходство в чертах лица, а блюдо, происходящее из Турушева, с Шапуром II — и тем самым датировать своеобразные технические и стилистические приемы, характерные для этого памятника. Монеты же дали возможность Г. Н. Чубинашвили отнести замечательную серебряную чашу на ножке, принадлежащую музею Грузии, ко времени Варахрана II: в четырех медальонах на этом сосуде даны портретные изображения его жены и сына, хорошо знакомые по его семейным портретам на монетах".

Несмотря на то, что обильный нумизматический материал вполне четко отражает индивидуальные черты корон всех без исключения шаханшахов, все же в определении целого ряда венцов в литературе высказываются разные предположения, особенно по отношению к поздним эпохам. Здесь следует иметь в виду, что, по меткому замечанию Тревер, „о портретном сходстве на монетах можно говорить с уверенностью, но только оставаясь в пределах главным образом III—IV вв.; остальные монеты исполнены настолько схематично и условно, что говорить о портретном сходстве невозможно".[14]

Корона сасанидских царей, как известно, отличается от древней ахеменидской тиары, столь хорошо известной нам на рельефах из Персеполя. Хотя сасаниды и рассматривали себя восстановителями исконной государственности, разрушенной Александром Македонским, их корона не связана по своей форме ни с тиарой Дария и Ксеркса, ни с коронами Аршакидов, поскольку мы можем судить на основании нумизматического материала. Для решения вопроса о происхождении сасанидской короны прежде всего необходимо изучить головные уборы правителей Истахра, столицы Парса, — области, из которой, как известно, вышла династия Ардашира.

[11] E. Herzfeld. Kushano-Sasanian coins. Memoirs of the Archaeological Survey of India, № 38, Calcutta, 1930, стр. 4.
[12] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, стр. 6.
[13] К. В. Тревер, ук. соч., стр. 264.
[14] Там же, стр. 265—266.

Обычно для каждого царствования характерен определенный тип изображения короны на монетах. В этом отношении исключением являются монеты Ардашира I, которые распадаются в основном на пять типов аверсов:[15] Ардашир один в парфянском кулахе, в головном уборе с шаром, в короне с зубцами, Ардашир и Папак, Ардашир и Шапур. Сравнительный анализ монет, относящихся к Ардаширу I, его отцу Папаку и старшему брату Шапуру, показывает, что сасанидская корона представляет дальнейшее развитие головного убора династии древнего Парса. На монетах старшего брата Ардашира, Шапура, на одной стороне изображен он сам в парфянской тиаре, а на другой — его отец Папак в короне, напоминающей несколько вытянутый шар, которым украшена голова Ардашира I на поздних его монетах. На более ранних монетах Ардашира I, где он изображен со своим отцом Папаком,[16] профиль Папака, как и следовало ожидать, дан влево как вассала Артавана V. Ардашир же, восставший против своего сюзерена, на этой монете изображен в фас.[17] Оба они носят корону правителей Парса, напоминающую по форме головной убор аршакидских царей. На их короне изображены полумесяц и звезда. Лишь после победы, одержанной над Артаваном V, Ардашир, провозгласив себя шаханшахом Ирана, стал чеканить монеты, на которых его профиль дан вправо; на короне появляется изображение орла,[18] появляется зубчатая корона, но преимущество отдается короне, украшенной изображением солнца.[19] Последняя форма короны стала исходным образцом для короны остальных представителей династии Сасанидов.[20] Отмеченные изменения в форме короны основателя новой династии Ирана Ардашира I неразрывно связаны с историей прихода его к власти, подробно изложенной Е. Герцфельдом[21] и А. Христенсеном.[22]

Переходя к детальному разбору головного убора персонажа, представленного на армазской чаше, прежде всего нужно отметить, что верхняя часть его имеет наклон вперед; данная форма головного убора восходит к рельефам Нимруд Дага,[23] на которых изображен бог Митра и персидский предок Антиоха I в аналогичном головном уборе, усеянном звездами; на монетах сасанидских правителей Ирана указанная форма головного убора — короны — отсутствует; исключение составляют монеты Варахрана II (276—293), на которых царица имеет корону, украшенную головой вепря, в то время как царевич носит убор, верхушка которого имеет наклон вперед и украшена головой орла.[24]

[15] Основные типы монет Ардашира I в увеличенном размере опубликованы в работах: И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. I; К. В. Тревер, ук. соч., табл. I и II.
[16] К. В. Тревер, ук. соч., табл. II, 1.
[17] Там же, табл. II, 1.
[18] Там же, табл. II, 3.
[19] И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. I, 2-й ряд, рис. 3.
[20] О форме головного убора сасанидских царей подробные сведения даны в трудах: E. Herzfeld, Am Tor von Asien, стр. 60; А. Я. Борисов. К истолкованию изображений на Биянайманских оссуарных. Труды Отд. Востока Гос. Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 33—38; К. В. Тревер, ук. соч., стр. 260 и сл.
[21] E. Herzfeld. Paikuli, t. I, стр. 40—41.
[22] A. Christensen. L'Iran sous les sasanides, Deuxième édition, Copengague, 1944, стр. 85—90.
[23] E. Sarre, ук. соч., табл. 56, 57.
[24] И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. I, 4-й ряд, рис. 4, табл. II, 1-й ряд, рис. 2 и др.

В рассказе об осаде Амиды, переданном Аммианом Марцелином, Шапур II (309—379) „ехал впереди своих войск, имея на голове золотую диадему в форме бараньей головы, украшенную драгоценными камнями" (кн. XIX, гл. I, 3).

Образно описан головной убор грузинского царя Вахтанга Горгасала у историка его царствования Джуаншера:[25] „Царь Вахтанг носил золотой шлем (корону), с передней стороны на нем был изображен волк, с задней — лев; с какой стороны (враги) одолевали грузин, туда устремлялся он с войском своим и поражал войско персов, как лев онагров. С этого времени не могли персы держаться против строя его войск, запомнили его по изображению волка и льва и как только замечали Вахтанга, говорили «дур аз Горгасар», что означает «остерегайтесь головы волка» (т. е. носящего голову волка); благодаря чему дали царю Вахтангу прозвище «Горгасар» (Горгасал)".

Из приведенного текста летописца видно, что на шлеме-короне грузинского царя Вахтанга, прозванного Горгасаром, с передней стороны было изображение волка — племенного тотема грузинского народа, судя по археологическим и этнографическим данным, весьма древнего происхождения,[26] ему дано предпочтение перед изображением льва, которое было столь популярно почти у всех народов мира. Появление изображения животных на головных уборах сасанидских царей пока не изучено должным образом. Можно указать, что впервые на короне Ардашира I встречается изображение орла в геральдическом стиле,[27] затем уже голова орла увенчивает короны на монетах Варахрана II (276—293),[28] Хормизда II (302—309)[29] и Шапура I (241—272).[30]

Форма головного убора у персонажа на армазской чаше имеет прямую аналогию с головным убором Папака могупата (главы магов) города Хосрау-Шат-Охормизд, изображенного на резном сердолике из Эрмитажа.[31] Таким образом, сама форма головного убора, учитывая ее происхождение, как будто указывает на принадлежность ее лицу, занимавшему высший духовный ранг в зороастрийском жречестве.

Но лица этого духовного ранга носили головной убор и в виде аршакидской короны без закругленного наклона вперед, как видно на сердоликовой гемме Парижской национальной библиотеки, изображающей могупата города Ардашира — Хурраха, т. е. Фирузабада Ведшапура[32] и др.

На головном уборе персонажа армазской чаши изображен полумесяц со звездой; полумесяц со звездой изображается часто на фоне аршакидских и сасанидских монет, но на головном уборе в виде символического знака он встречается на ранних сасанидских монетах с изображением Ардашира I в фас[33] и на короне его отца Папака (оборот

[25] История Грузии, т. I, Тбилиси, 1955, стр. 180 (на груз. языке).
[26] Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства. М., 1950, стр. 42.
[27] И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. I, 1-й ряд, рис. 2.
[28] Там же, табл. I, 4-й ряд, рис. 3.
[29] Там же, табл. II, 2-й ряд, рис. 2.
[30] E. Herzfeld. Paikuli, t. I, стр. 37, рис. 14.
[31] Там же, стр. 79, № 5, т. II, табл. 140, № 4. Герцфельд датирует эту гемму 273/4 годом н. э. (см. стр. 186). На двух геммах, изданных Ф. Лаярдом (F. Lajard. Introduction à l'étude du culte public et des mystères de Mithra en Orient et en Occident. Paris, 1847, табл. LXVII, №№ 15—16), имеется аналогичный головной убор.
[32] E. Herzfeld. Paikuli, t. I, стр. 79, № 6; t. II, табл. 140, № 6; ср. стр. 80—81, №№ 8—10, 13, 15.
[33] К. В. Тревер, ук. соч., табл. II, рис. 1 и 2.

той же монеты). Очевидно, данный символический знак нужно считать родовым знаком Сасанидов. В сасанидском Иране было принято носить на головном уборе определенные знаки, обозначающие отдельные воинские подразделения для высших военных должностных лиц.[34]

Таким образом, на армазской чаше мы имеем изображение лица, занимавшего высший пост в государстве Сасанидов.

Для уточнения этого вопроса исключительное значение имеет сасанидско-пехлевийская надпись, расположенная на наружной стороне чаши; она местами сильно попорчена, особенно в средней части, но тем не менее при тщательном наблюдении читается почти полностью (рис. 3 и 4). Первое чтение этой надписи дано Г. В. Церетели: „... патиахш божественного Ардашира сын божественного (Папака?) питиахш страны(g)rgn (vrgn). В конце надписи указан вес чаши: 53 зузна (драхмы)".[35] Тщательное обследование надписи дает возможность восстановить неясные места надписи и тем самым уточнить ее содержание:

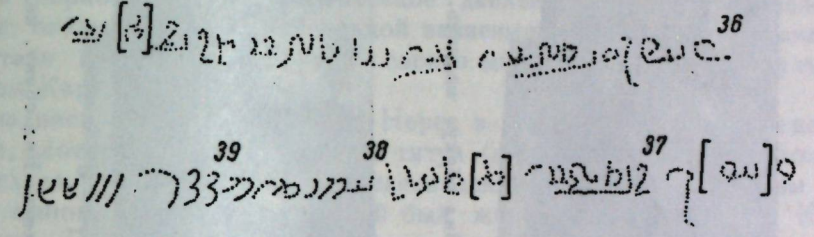


Рис. 5. Надпись на серебряной чаше из Армазисхеви (прорисовка).

Papake btxše bage Artxšatr barh bage Papake
Lbtxše (ma)t Grzn Arsmes d(a)d...
(Папак питиахш божественного Ардашира сына божественного Папака питиахшу страны Гурзан Арс(а)месу подарил).

Согласно этой надписи, питиахш Ардашира I, сына Папака (226—241), Папак подарил питиахшу Гурзан (Восточная Грузия) чашу, на которой изображен не Ардашир I, владыка Ирана, а сам Папак, несомненно принадлежавший к знатному роду. Обозначение Восточной Грузии термином „Гурзан" является наиболее ранним примером, относящимся к первой половине III в. До сих пор было известно, что Захарий Ритор, писавший около 518 г., в своей „Хронике" после описания „Гурзан"[40] указывал, что страна была подвластна персидскому царю.

[34] E. Herzfeld. 1) Archaeologische Mitteilungen aus Iran, IX. Berlin, 1938, стр. 107; 2) Iran in the Ancient East. London—New York, 1941, стр. 316; A. Christensen. L'Iran sous les sasanides, стр. 208.
[35] Г. В. Церетели, ук. соч., стр. 55.
[36] Первые две буквы начала надписи хотя и повреждены, но читаются вполне ясно.
[37] Знак, читающийся здесь как L, в данном случае применяется как префикс, указывающий на дательный падеж (E. Herzfeld, Paikuli, t. I, Glossary. стр. 211—212; W. Gesenius. Hebräisches und chaldäisches Handwörterbuch, L., 1834, col. 936).
[38] Собственное имя можно читать как Arsamas и как Asames; в первом случае мы имели бы повторение такого же сочетания знаков, как в начертании первых двух букв имени Artxšatr, во втором случае мы имели бы лигатуру двух букв a и s; первая форма собственного имени распространена была в Иране еще с эпохи Ахеменидов E. Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, стр. 29.
[39] Знак 33 по правильному толкованию Е. Герцфельда является сокращенным d(a)d (E. Herzfeld. Paikuli, t. I. Glossary, стр. 162).
[40] Л. М. Меликсет-Беков. Введение в историю государственных образований Юго-Кавказа. Тбилиси, 1924, стр. 70; В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви, т. I. СПб., 1907, стр. 195—196; В. Райт. Краткий очерк истории сирийской литературы. СПб., 1902, стр. 74.

Рис. 3. Серебряная чаша из Армазисхеви. Вид сбоку, надпись.

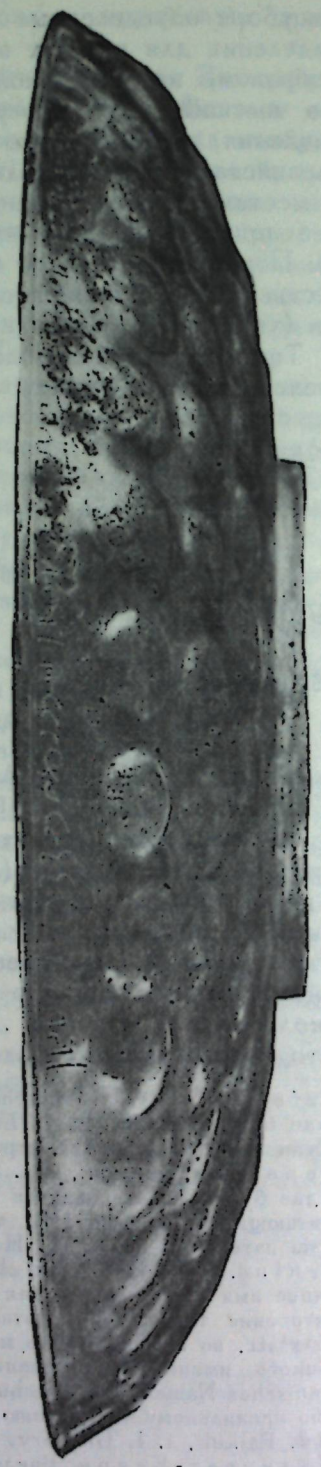


Рис. 4. Серебряная чаша из Армазисхеви. Вид сбоку, надпись.

Естественно возникает вопрос: кто был Папак питиахш царя Ардашира I, какое отношение он имел к Грузии? Прежде всего надо отметить, что институт питиахшей — правителей пограничных областей — был известен в Грузии, Армении и Иране еще в аршакидскую эпоху. В научной литературе считается установленным, что лица, занимавшие эту высокую должность в государстве, назначались из представителей высшей аристократии, находившейся иногда в родственной связи с царствующим домом.[41]

Грузинские письменные источники, а равно и надписи на художественных изделиях, обнаруженные во время археологических раскопок в древнейших центрах Грузии, свидетельствуют о том, что при дворе царей находились питиахши разных рангов („большие" и „малые"); они подчинялись грузинскому царю. Те питиахши, которые непосредственно подчинялись картлийскому царю, по своему рангу были приравнены к „эриставам" или „эрисмтаварам". Помимо этого института местных питиахшей, в период, когда политическое давление Ирана усиливалось и Картли оказывалась в вассальной зависимости от Ирана, сасанидские властители назначали в Грузию своего марзпана и называли его „питиахшом Картли".[42]

В надписи сасанидского царя Нерсе в Пайкули мы встречаем некоего Папака, который носит тот же титул (питиахш). По предположению Герцфельда,[43] он был, видимо, сасанидским принцем, тем самым Михраном, сыном Шапура I, который был женат на дочери царя Картли Аспагура. Герцфельду это кажется тем более вероятным, что Михран, — как известно, не собственное имя, а знатный род.

Основываясь на хронологии М. Броссе, повторившем хронологию Вахуштия, Герцфельд считает, что Папак царствовал в Грузии долго (265—342). Грузинская летопись сообщает, что после смерти царя Картли Аспагура эриставы Картли и спаспет (начальник войск) Маеджан обратился к Ардаширу Касру, шаханшаху Ирана, с просьбой женить своего сына на дочери грузинского царя, посадить его на грузинский престол с тем, чтобы тот держался бы религии грузин.[44] Ардашир согласился на эти условия, привез с собой семилетного сына, рожденного от наложницы, „которого по-персидски называли Михран, а по-грузински Мириан".[45] По словам летописца, в старости он принял христианство. Ардашир оставил малолетнего сына своего без матери, назначив при нем воспитателем правителя Мирваноза. В грузинской летописи фигурирует шаханшах Арташир Каср, т. е. Арташир I (226—241). Если Михран был действительно сыном этого царя, то выходит, что он прожил более столетия, ибо из той же хроники известно, что Грузия приняла при нем христианство, а это событие имело место в 40-х годах

[41] E. Herzfeld. Paikuli, t. I, стр. 155—156. Полная сводка литературы по данному вопросу с критическими замечаниями и с использованием грузинских и армянских источников дана Г. В. Церетели в монографии об Армазской билингве [Изв. Инст. языка, истории и матер. культуры имени акад. Н. Я. Марра, вып. XIII, 1943 (на груз. и англ. языках)].

[42] В Парижской национальной библиотеке хранится печать Ашуша питиахша ибе-ров и Гугарка (V в.) с греческой надписью (E. Herzfeld. Paikuli, t. I, стр. 78, № 3).

[43] E. Herzfeld. Paikuli, t. I. Glossary, стр. 229—230 (см. генеалогическую таблицу на стр. 51). Первым на это обстоятельство обратил внимание Ф. Юсти [Fr. Justi. 1) Iranisches Namenbuch, стр. 214; 2) Geschichtes Irans. Grundriss der Iranischen Philologie, 11, Strassburg, 1896—1904, стр. 519 (см. генеалогическую таблицу на стр. 514)].

[44] История Грузии, т. I, стр. 63—64.

[45] Там же, стр. 64.

IV столетия. Исходя из этого, Ф. Юсти и Е. Герцфельд считают Михрана сыном Шапура I (241—272). Но в таком случае на описываемой чаше изображен, видимо, не Папак питиахш, фигурирующий в надписи Пайкули, так как надпись на чаше указывает, что ее владелец был питиахшем Арташира I.

Таким образом, Герцфельд и Юсти совершенно правильно считали, что Михран — не собственное имя, а фамилия одного из древних знатных родов Ирана. Незаконный сын Шапура I носил родовое имя своей матери. Каково же было настоящее имя грузинского царя Михрана-Мириана, при котором Грузия официально объявила христианство государственной религией?

Известно, что в грузинской литературе существуют два основных диаметрально противоположных взгляда по вопросу о распространении в Грузии христианства. Прежде всего традиционный взгляд, основанный на грузинских и армянских письменных источниках, согласно которому первым христианским царем Картли был Мириан. Этой точки зрения придерживаются как летописи, так и церковная историческая литература. В замечательном исследовании об обращении Грузии в христианство, принадлежащем перу такого авторитетного знатока этого вопроса, как К. С. Кекелидзе, доказана правильность традиционного взгляда.[46] Критический анализ грузинских и армянских источников и всех высказанных в литературе основных взглядов по затронутому вопросу, исследованных И. А. Джавахишвили,[47] приводит к выводу, что наиболее достоверные сведения сохранились в житии Петра Ивера, написанном его учеником и сподвижником Захарием (грузин) на сирийском языке.[48] Согласно свидетельству этого источника, Петр Ивер был внуком по материнской линии царя Бакура Великого, при котором Грузия приняла христианство.

Для выяснения вопроса — когда и при каком царе Картли грузины приняли христианство — Джавахишвили большое значение придает свидетельству церковного историка Геласия Кесарийского.[49] Как выяснил А. Глас, данные об обращении иверов в христианство перевел с греческого текста Геласия Кесарийского на латинский известный церковный историк Руфин (410 г.). Греческий текст Геласия Кесарийского

[46] К. Кекелидзе. Основные историко-хронологические вопросы обращения Грузии в христианство. Обозреватель, I, Тбилиси, 1926, стр. 1—53.

[47] Подробный критический обзор научной литературы по вопросу обращения Грузии в христианство см.: И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, т. I. Тбилиси, 1928, стр. 162—215 (на груз. языке).

[48] Petrus der Iberer ein Charakterbild zur Kirchen und Sittengeschichte des fünften Jahrhundert. Syrische Übersetzung einer um das Jahr 500 verfassten griechischen Biographie, herausgegeben und übersetzt von Richard Raabe, Leipzig, 1895. Грузинский текст этого жития, опубликованный Н. Я. Марром (Православный палестинский сборник, т. XVI, вып. 2, СПб., 1896), представляет перевод с сирийского, выполненный в XIII в., но с другого оригинала. В грузинском тексте есть указание на то, что жизнеописание Петра Ивера, епископа Маиумского, составлено его учеником и сподвижником Захарием грузином (см.: И. А. Джавахишвили, ук. соч., стр. 198—200).

[49] С. Каухчишвили. Геласий Кесарийский об обращении Грузии в христианство. Обозреватель, I, Тбилиси, 1926, стр. 54—68 (на груз. языке); A. Glas. Die Kirchengeschichte des Gelasios von Kaisaria. Die Vorlage für die beiden letzten Bücher der Kirchengeschichte Rufiks. Leipzig—Berlin, 1914.

[50] В. В. Латышев. Scytica et Caucasica, II, 1. стр. 362—365, Руфин Бакура называет „царем" (В. В. Латышев, ук. соч., стр. 365), а Геласий Кесарийский считает его принадлежащим царскому роду иверов, но царем его не называет.

[51] Rauly-Wissova. Real Encyclopedie, VII, 1, col. 104.

сохранился в труде Геласия Кизикского и датируется 395 г. Из заключительной части греческого текста Геласия Кесарийского видно, что сведения об обращении иверов в христианство сообщил Бакур, который был царского рода,[50] занимал важный военный пост у римлян и погиб в 394 г. в бою.[51]

Как уже было сказано в житии Петра Ивера, царем Картли, при котором грузины приняли христианство, был „великий Бакур". Сопоставление сведений Геласия Кесарийского и жития Петра Ивера, произведеное И. Джавахишвили,[52] показывает, что в обоих случаях мы имеем дело с разными лицами, носящими одно и то же имя. К тому же Бакур, рассказавший Геласию Кесарийскому об обращении иверов в христианство, говорит о другом лице, а не о себе. Хронологически оба лица отделены друг от друга довольно значительным промежутком времени.

В житии Петра Ивера сказано, что когда Бакур (подразумевается первый) явился к персидскому шаху как к своему сюзерену и не поклонился солнцу, так как исповедовал христианство открыто, то он этим вызвал возмущение среди двора. Тогда шах повернулся к своим и сказал тайно: „Он Бакур, и нам нужен, что делать с ним".[53] Хотя рассказ об этом случае на этом и обрывается, из дальнейших слов автора жития видно, что Бакур был наказан.

Таким образом, нужно считать, что Бакур, при котором Картли приняла христианство, был связан с Ираном узами родства, принадлежал к знаменитому роду Михранов древнего Ирана; Бакур и Михран-Мириан грузинской летописи и жития Петра Ивера — одно и то же лицо. Тем самым вопрос о том, кто был первым христианским царем Картли, находит убедительное решение.

Где была изготовлена чаша с изображением питиахша Папака, ставленника Ардашира I, пока решить трудно из-за отсутствия документального сравнительного материала. Художественные достоинства памятника в целом, высокое мастерство исполнения, применение в украшении поверхности чаши декоративных выпуклин, имеющих аналогии только в римской торевтике и неизвестных пока в изделиях восточного происхождения, имеют большое значение для решения этого вопроса. Чаша могла быть изготовлена в местных мастерских Грузии или создана в эпоху правления Ардашира I по заказу питиахша Папака в самом Иране, где в первые годы правления основателя новой династии работали иноземные мастера, в большинстве случаев греки, выполнявшие разные заказы двора. Некоторое понижение художественного уровня иранского искусства, наблюдаемое после правления Ардашира I и его сына Шапура многие исследователи объясняют вытеснением греков и изгнанием их из пределов Сасанидской державы. Высокое мастерство исполнения портретного изображения, носящего индивидуальные черты, красноречиво говорит о расцвете и жизнеспособности изобразительного искусства эпохи становления новых социально-экономических отношений не только в Иране, но и в странах, находившихся в культурном общении с великой восточной державой.

[52] И. А. Джавахишвили, ук. соч.

[53] Petrus der Iberer..., стр. 17—18.

И. Р. Бабаянц

РУКОПИСЬ XV в. „КРАТКИЙ КУРС МОРЕВЕДЕНИЯ"

Арабские трактаты по мореходству представляют собой последнюю яркую страницу арабской географической литературы, которая, как обычно принято считать, уже в XIII в. прекратила свое самостоятельное развитие. Господствовавшее в науке мнение о том, что арабы всегда были сухопутным народом, подтверждалось отсутствием в научном обиходе каких бы то ни было источников по этой отрасли знания. Открытие в начале XIX в. трактата по мореходству „ал-Муҳит", составленного турецким адмиралом, писателем и поэтом Сиди ʿАлй Раʿйсом, по прозвищу Челеби, не изменило общего представления. „Ал-Муҳйт" до начала XX в. считался вполне самостоятельным трудом, хотя в нем и имеются указания на то, что его автор использовал 10 арабских произведений по мореходству: три более ранних — Муҳаммада ибн Шазāна, Лāйса ибн Кахлāна и Сāхля ибн Абāна, пять трактатов Сулаймана ал-Махри и два трактата Аҳмада ибн Мāджида.

Проникнув таким образом в европейскую науку, оба последних имени не вызвали к себе интереса и оставались незамеченными до начала XX в. В 1912 г. французские ученые Г. Ферран и М. Годфруа-Демомбин, в поисках сведений о мореходстве в средние века на Востоке неожиданно обнаружили в Парижской национальной библиотеке две арабские рукописи (№ 2292 и 2559). При тщательном изучении выяснилось, что это сборники арабских морских трактатов и лоций Сулаймана ал-Махри и Аҳмада ибн Мāджида, составленных в XV—XVI вв. и хронологически представляющих „последнее оригинальное течение арабской географической науки".[1]

Заинтересовавшись этой находкой, Г. Ферран предпринял серьезное исследование, сравнивая данные португальских историков — Барроша, Каштаньеда и Гоэша, о великих открытиях, со сведениями арабского автора Кутбаддина ан-Нахравали (1511—1582). Так было выяснено, что автором части этих произведений был Аҳмад ибн Мāджид, арабский лоцман португальского адмирала Васко да Гамы. Его полное имя — Шихабаддин Аҳмад ибн Мāджид ибн Муҳаммад ибн Му'аллак ас-Са'ди иби Абу-р-Ракāиб ан-Наджди.

[1] И. Ю. Крачковский. Морская география в XV—XVI вв. у арабов и турок. Избр. соч., т. IV, М.—Л., 1957, стр. 568.

Постоянно проверяя показания „рахнамаджей" по солнцу, движению облаков и звездам, Аҳмад ибн Мāджид за 40 лет плавания собрал огромный материал, как практический, так и теоретический, который целиком отразился в его сочинениях. Составляя свои лоции, Аҳмад ибн Мāджид использовал все известные ему „рахнамаджи", оставленные его предшественниками, хотя, согласно свидетельству Г. Феррана, их авторы зачастую сами не ходили по тем маршрутам, о которых они рассказывают, а лишь приводят сведения, собранные ими с чужих слов.

Неоднократное упоминание о том, что он „четвертый после трех", показывает, как высоко ценил Аҳмад ибн Мāджид трактаты своих предшественников, авторов XII в. — Лайса ибн Кахлāна, Муҳаммада ибн Шазāна и Сахла иби Абāна. Произведения эти не сохранились, и сочинения Аҳмада ибн Мāджида — хронологически первые арабские трактаты по мореходству, известные до настоящего времени.

Поиски аналогичных источников, предпринятые Г. Ферраном, не дали результатов. Казалось, что найденные рукописи — уникумы, и это обстоятельство очень затрудняло их исследование. Сложный текст, насыщенный неизвестными науке специальными морскими терминами и непонятными, уже канувшими в Лету географическими обозначениями, а также своеобразный стиль изложения, сильно тормозили подготовку текстов к изданию и их перевод. Лишь через 10 лет из сообщения Арабской Академии в Дамаске стало известно о существовании третьей рукописи трактатов Аҳмада ибн Мāджида, и Г. Ферран получил возможность сличить по ней тексты найденных им рукописей.

В 1921—1923 гг. Г. Ферран опубликовал первый том задуманного им издания; в 1925 г. вышел и второй том этой серии. Оба тома представляют собой прекрасно изданные фототипическим способом тексты двух рукописей Парижской национальной библиотеки (№№ 2292 и 2559), содержащих трактаты и лоции Аҳмада ибн Мāджида и Сулаймана ал-Māхри.

Смерть Г. Феррана в 1935 г. прервала его исследования, и задуманное им издание осталось незавершенным. После кончины Г. Феррана среди европейских ученых нашелся продолжатель его дела — морской офицер и знаток восточных языков Жан Соважэ (Jean Sauvaget), ныне уже покойный, но результаты его работы остались неизвестны науке.

Открытие Г. Ферраном неизвестной прежде оригинальной отрасли арабской литературы — морской географии — и опубликование им этих интереснейших материалов привлекли внимание ученых всего мира.

В Ленинграде глава советской арабистики акад. И. Ю. Крачковский обнаружил среди рукописей бывш. Азиатского музея смешанный сборник, содержащий еще три лоции Аҳмада ибн Мāджида. Рукопись эта — уникум и хранится в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (В-992).

Предпринятое под руководством И. Ю. Крачковского издание этой части рукописи было завершено уже после кончины И. Ю. Крачковского его учеником — Т. А. Шумовским в 1957 г.[2]

Таким образом, заслуга первого в мировой науке критического издания арабских морских трактатов — лоций принадлежит советской науке. Значительно облегчая дальнейшую работу над произведениями

[2] Т. А. Шумовский. Три неизвестные лоции Аҳмада ибн Мāджида, арабского лоцмана Васко да Гамы, в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957.

арабского лоцмана, это исследование еще раз подтвердило мнение, высказанное И. Ю. Крачковским в одной из его работ, посвященных арабской географии: „Открытие произведений Ибн Маджида и Сулеймана является выдающимся событием не только в аспекте непосредственно интересующей нас арабской географической литературы, где оно обнаружило неожиданно еще одну блестящую, к сожалению, уже последнюю хронологически страницу. Таково же значение этих памятников в общей истории человеческой культуры.

„Эти морские трактаты ярко рисуют нам состояние океанских сообщений во второй половине XV в. между восточным побережьем Африки, почти от мыса Доброй Надежды, и знаменитым портом Зейтун (Цюаньчжоу) в Китае, захватывая, таким образом, Красное море, Персидский залив, включая все острова Индийского океана и великого архипелага Азии, за исключением Филиппин и Японии. Морские трактаты представляют основной и важнейший источник сведений конца средних веков о южных морях".[3]

Первый том серии „Арабские и португальские морские лоции и дорожники XV—XVI веков" (Instruction nautiques et routiers arabes et portugais des XV et XVI siècles), изданный Г. Ферраном в 1921—1923 гг., содержит фототипически воспроизведенный текст хранящейся в Парижской национальной библиотеке вышеупомянутой рукописи № 2292. Рукопись состоит из 181 листа размером 27 × 18, по 19 строк на листе, содержит 19 лоций и морских трактатов Аҳмада ибн Мāджида, три из которых датированы.

1. Прозаический трактат „Полезные главы о правилах и основах морской науки" (كتاب الفوائد في اصول علم آلبحر و القوائد), с датой 895/1490 г.

2. Урджӯза „Краткие правила морской науки" (حاوية الاختصار في اصول علم البحار), с датой 866/1462 г.

3. Урджӯза о звездах Большой Медведицы, помеченная 900/1495 г.

Самая ранняя из них, сравнительно небольшая по объему урджӯза „Краткие правила морской науки", помещена на 60 листах вышеупомянутого фототипического издания (лл. 88—117) рукописи № 2292 (A^1). Аналогичный текст этой урджӯзы имеется и в двух других рукописях: во второй, открытой Г. Ферраном парижской рукописи № 2559 (рук. B), где она значится под № 8, и в параллельном дамасском списке, обозначенном как A^2.

Рукопись Дамаска (A^2) содержит 173 листа размером 287 × 98, по 23 строки на листе; в конце рукописи стоит дата переписки: „в 13-ый день месяца Раби 1, 1001" (18 декабря 1592 г.).

Начинаясь 23 строками прозы, урджӯза „Краткие правила морской науки" делится на одиннадцать глав, имеющих неравное количество стихов.

На л. 116 стихотворного текста имеется указание на то, что эта урджӯза содержит 1082 стиха и состоит из одиннадцати глав со следующим количеством стихов:

Глава	Число стихов	Глава	Число стихов
I	55	VII	185
II	60	VIII	70
III	40	IX	78
IV	190	X	70
V	133	XI	115
VI	109	Всего	1105

[3] И. Ю. Крачковский. Морская география..., стр. 568.

Следовательно, первоначальное число стихов урджӯзы не соответствует сумме стихов, указанных для каждой главы.

При сличении текста урджӯзы по трем известным рукописям Г. Ферраном были получены следующие результаты:

Количество стихов

Глава	Рукопись A^1	Рукопись A^2	Рукопись B
I	55	55	45
II	60	60	Нет
III	40	40	38
IV	167	18	167
V	132	133	130
VI	106	104	105
VII	183	183	148
VIII	68	68	69
IX	76	76	77
X	70	70	70
XI	114	114	114
Всего	1071	921	963

При сличении таблицы с текстом издания выявилось частичное несоответствие данных Г. Феррана фактическому количеству стихов в главах урджӯзы. Проверка этих данных и их сличение с текстом показали, что, согласно фототипическому тексту рукописи № 2292, главы урджӯзы содержат:

Глава	Число стихов	Глава	Число стихов
I	55	VII	69
II	60	VIII	69
III	39	IX	76
IV	168	X	70
V	133	XI	115
VI	107	Всего	1075

Полученные разноречивые данные позволяют сделать предположение, что при снятии копии с оригинала переписчики, по-видимому, добавляли к ним некоторое количество своих стихов.

Одиннадцать глав урджӯзы „Краткие правила морской науки", очень неравные по величине, весьма различны и по своему содержанию, о чем можно судить по их заглавиям:

Л. 89r, строки 6—7:

الفصل الاول الحمد و الثنا علي الاستذين و ذكر اشارات تحتاج اليها الربابين مما لايحمل فصل كالطين و الحشيش و البلد و المارزة و ما اشبه ذلك

Глава первая. Хвала и восхваление двух учителей, упоминание указаний, в которых нуждаются пилоты, из того, что не составляет раздела (не входит в какую-либо главу), как-то: ил, морские водоросли, лот, *māриза*[4] и подобное этому.

الفصل الثاني في المنازل و الاخنان و الحوي عليهم و مقابلاتهم و عدد اصابعهم في السما و هي اصابع غير الترفا و معرفة الترفا و ما يتعلق بذلك

[4] *māриза* — прибрежная скала с гнездом зимородка, признак близости суши.

л. 90v, строки 6—7:

Глава вторая. О стоянках (лунных станциях), Луны, румбах и том, что к ним относится, о соответствии между ними, количестве *исба'* на небе, а это *пальцы*, иные чем *тирфā*, понятие *тирфā* и сведения о нем и о том, что с ним связано.

л. 92r, строки 11—13:

الفصل الثالث في قواعد الباشيات و معرفت النيروز الغربي و السلطاني وَ السّنين العَربية و الرّومية و القِبطِيّة و الفارسية و استخراجهم بما وافق مِن الحسَاب

Глава третья. Об основаниях звездных кульминаций и сведениях о *нāрӯзе*, западном и султанском, о летосчислении — арабском, византийском, коптском и персидском, пересчитывании из одной эры в другую, с соответствующими расчетами.

л. 93r, строки 15—17:

الفصل الرابع في معرفت الباشيات و مَواسمها و شهورها و ثبوت قياسَها و زوالِه علي حِسَاب النيروز و ذكر ما يتعلق بصُعود الجاه و نزوله و صُعود الفراقد و نزولها و ما يتعلق بذلك

Глава четвертая. Относительно сведений о звездных кульминациях и (связанных с ними муссонах) их муссонах (периодах), месяцах (в которые они бывают), приемах их измерений и постоянном их употреблении для исчисления *нāрӯза*; упоминание того, что связано с восхождением Полярной звезды и ее нисхождением, восхождением и нисхождением двух звезд Малой Медведицы, с соответствующими расчетами.

л. 98r, строки 4—6:

الفصل الخامس في معرفة ديرة بَرّ العرب و الحجاز و السّنام و اخر بر السُواد وَ الكاتم مما صح عنه الاخبار و النقول و الخليج البربري وَ السُومال و المريم وَ الرمر و جزاير القُمر

Глава пятая. Относительно сведений о маршрутах вдоль арабского побережья, побережья Ḥиджаза, Сиама и оконечности побережья черных и ал-Кāтам, из того, что подтверждается в сообщениях о них и в устных преданиях (в устной передаче), и[з] (маршрутах) Берберийского залива, — Сомали и Мрима, ар-Рамара и островов ал-Ḳумр.

л. 101v, строки 6—8:

الفصل السادس في ابحث الزنج في معرفت ديرة العجم وَ الهند و الصّوليَان وَ النّاة و البتخ وَ السّيَام الي تحت الريح كبليطون وَ المهراج و الصّين و الغور بما صحت به الاخبار و بعد ذا أَشُرحُ بَرّ فَارِسُ و الهِند و السيَام للممارس

Глава шестая. Рассказы Зинджей относительно сведений о маршрутах к африканскому побережью Красного моря, в Индию, в Коромандель, ан-Нат, Бенгалию, Сиам до подветренных (областей), как (остров) Билитон, Ява, Китай и Тайвань, из того, что подтверждают известия; затем (следует) объяснение (маршрута) побережий Персии, Индии и Сиама, для опытных.

л. 104r, строка 19; л. 104v, строки 1—2:

الفصل السابع في معرفة دِير الجزر وَ مطالعِها و المَهْراج و شمطرة و الفَال وَ القُمر وَ اليَمن و سَوَاحل الحبشة و سُومال وَ اطواح و مكران و ما بينهم و ما يتعلق بهم مما صحت عنه الاخبار في علم البحر الزخار

Глава седьмая. Сведения о маршрутах к (?) островам и их (географическое) положение, (остров) Ява, Суматра, Лаккадивские острова, Мадагаскар, Иемен и побережье Абиссинии, Сомали, ал-Атвах и Мукран, и то, что между ними; о том, что с ними связано, из того, что подтверждают известия, относительно науки о море полноводном (об открытом море).

л. 108r bis, строки 15—17:

الفصل الثامِن في معرفة الحسَابات من بر العرب الي بر الهند جاه خمسة الي جاه اثني عشر و ذكر مسَافات علي اربعة روس و ذكر ازوامه و ما يتعلق بذلك و هم قيد يتعلم بهم جميع البحر و الله اعلم بالصّواب

Глава восьмая. Относительно сведений об астрономических показателях от земли арабской до земли индийской, от 5 до 12 (*исба'*) по Полярной звезде, упоминание дистанций по четырем точкам (стояния звезды), ее *зāмов* и того, что с этим связано, а это узлы, по которым узнается все море, а Аллах знает больше об истине.

л. 110r, строки 12—14:

الفصل التاسع في معرفة القياس الجاه وَ الفراقد و النعش عند استقلال الصرفة و هوَ القياس الأصلي علي جميع الروس المشهورة سواحل البحر المحيط الواغل للشمال و هو بحر الهند

Глава девятая. Сведения об измерении высоты (над горизонтом) Полярной звезды, двух звезд Малой Медведицы (β, γ) ан- На'ш (α, β, γ Большой Медведицы) при кульминации ас-Çарфа (β Льва), это основная высота для всех мысов, известных на побережьях Окружающего моря, простирающегося к северу, а это море Индии.

л. 112r, строки 14—16:

الفصل العاشر في معرفة تُغني عن الاستوايات و قطع الازوام و ذكر ما يتعلق بالربان كتفصيل القلع و معرفة جري الما في الباحة وَ البحر المحيط الواغل بين بر السّودان و الهِند و الصّين و معرفتها

Глава десятая. Сведения, которые избавляют от определения широт и *зāмов*, и упоминание о том, что имеет отношение к пилотам, как разделение парусов, знание течений воды в открытом море и Окружающем море, простирающемся между землями Судана, Индии и Китая, и сведения о них.

л. 114r, строки 11—13;

الفصل الحَادي عشر في تقويم يُعرف به السّاعَات وَ دُخولها وَ السّبعة السَيَارَة وأزوام الجَمة و القَمر و معرفة النّجم الزّوجي وَ دَلايل طُوفان بما وافق ذلك الحسَاب و الله اعلم بالصّواب

Глава одиннадцатая. О таблице, по которой узнают часы и вступление в эти (часы), семь планет и *зāмы* планеты... и Луны, сведения о парных звездах, признаки циклона с соответствующими расчетами, а Аллах лучше знает истину.

Названия глав являются кратким изложением каждого раздела и дают ясное представление о содержании урджӯзы, на основании чего можно заключить, что эта урджӯза представляет собой первую попытку Аḥмада ибн Мāджида дать краткое руководство по мореходству. Датированный в самом тексте 866/1462 г. (л. 116v, строка 3) трактат этот занимает в рукописи 60 листов и содержит 1075 стихов.

Обычные особенности, свойственные стихотворным произведениям, и вытекающие отсюда трудности работы над текстом усугубляются еще и тем, что автор урджӯзы не был филологом, писателем-профессионалом. Аҳмад ибн Мāджид — потомственный лоцман; его первое произведение — практическое руководство для кормчих. Неизбежные поэтические вольности урджӯзы носят подчас несколько необычный характер и дают неожиданные варианты изменения долготы и краткости слога, усечения окончаний и странного вида формы. Так, для существительных мужского рода единственного числа постоянно встречаются местоименные суффиксы женского рода во множественном числе и т. д.

Стремление сделать свое руководство возможно более кратким и понятным для мореходов заставляет автора пользоваться профессиональным языком лоцманов того времени. Пропуски в тексте вспомогательных частиц, глаголов, соединительных частиц, местоименных суффиксов, а также вкрапление в текст диалектальных форм местами придают тексту вид краткого конспекта, который может быть понят без усилий только лицами, близкими к автору по специальности.

Принимая во внимание условия создания этого литературного памятника и своеобразие литературного наследия предшественников, которое было использовано автором урджӯзы при ее составлении, нельзя не признать, что в целом язык рукописи довольно ясный, а процент вульгаризмов сравнительно невелик.

Составленный с логической последовательностью, текст урджӯзы выполнен четким насхом и дошел до нас в прекрасной сохранности. Единственный дефектный лист (л. 98) имеет незначительное повреждение, не мешающее пониманию контекста. Вероятно, из текста выпало одно из географических названий, что можно будет установить только после сличения текста рукописи с аналогичной, хранящейся в Дамаске.

Являясь сугубо практическим руководством, трактат абсолютно лишен неизбежного спутника „морской литературы“ — элемента легенды. За исключением славословий пророку Мухаммаду и восхвалений аллаха, составляющих небольшую часть текста и, может быть, частично являющихся более поздними вставками, каждая строка трактата представляется жизненно необходимой, логически связанной со всем текстом.

О чисто практической цели автора, его постоянной заботе о пользе, которую урджӯза должна принести мореходам, красноречиво говорят и концовки стихов. Автор все время помнит сам и напоминает читателю о цели своего труда: „Внимательно высчитай, мой дорогой, ведь море любит точность“, „Не будь исправляющим, о знающий“, „Слушай меня, друг, и не сомневайся“, „Не спорь со мной, о юноша, это расчет верный“, „Проверяй всегда, о любимый, а результат (итог) записывай“, „Высчитай и исправь, о осторожный“, „Не ленись проверить, о мудрый“. Иногда концовки стихов несколько меняются. Аҳмад ибн Мāджид убеждает своего читателя, что им проверены все показания предшественников, а в случае, если они противоречат его данным, автор добавляет: „Возьми это у меня, вот тебе истина“, и т. д.

Говоря о дополнительных сведениях, необходимых для лоцманов: признаках близости суши, распознавании морских течений, отмелей, рифов, водорослей и т. п., — в случаях, если перечисленные признаки вызывают у него хоть тень сомнения, Аҳмад ибн Мāджид вставляет фразу: „Люди об этом говорят по-разному, а Аллах знает лучше“.

Задуманная Аҳмадом ибн Мāджидом как практическое руководство для кормчих, урджӯза не дает никаких сведений о торговых отношениях

и природных богатствах стран; один единственный раз в тексте упоминается наличие золотых россыпей в Софале.

Если забыть, что перед нами литературный памятник XV в., то текст урджӯзы можно принять за современное сугубо деловое изложение.

В главах, посвященных астрономическим вычислениям, поражает точность, вызывающая восхищение читателя, особенно если принять во внимание, что все измерения производились чрезвычайно примитивным способом, предельно простыми приборами, восходящими к далекой древности. Так, определение звездных кульминаций — высоты стояния звезд над горизонтом — производилось при помощи дощечки — *хашаба*, а нередко и просто при помощи двух кистей рук лоцмана, сложенных особым образом, как говорится, „голыми руками“ в полном смысле слова. Сложенные вместе четыре пальца одной руки составляли определенную меру — *зубāн*, а каждый палец обозначал одно деление — *исба'*, что означает собственно „палец“.

Аҳмад ибн Мāджид — единственный арабский географ, не пользовавшийся в своих измерениях и расчетах Птолемеевской теорией деления экватора и меридиана на 360°. В измерениях Аҳмада ибн Мāджида принято полное число делений — 224 *исба'*, которое высчитывается двояко: между 32 румбами арабской розы ветров помещается по семь *исба'*, а между 28 лунными фазами (стоянками) — по 8 *исба'*. В сумме этих вычислений определяется, что один *исба'* равен 1°37′. Высчитанные таким способом данные Аҳмада ибн Мāджида лишь ненамного отклоняются от данных, вычисляемых современным способом.

Приводимые Аҳмадом ибн Мāджидом арабские названия звезд (урджӯза дает 86 названий) в некоторой своей части явно уходят корнями в доисламскую Аравию.

Арабы, скотоводы и кочевники, постоянно передвигаясь в ночное время, ориентировались по луне и наиболее заметным звездам. Дальнейшему накоплению астрономических наблюдений у арабов доисламского периода способствовало развитие торговли, требовавшее точного определения караванных путей.

Внимательно наблюдая движение луны, они установили 28 различных ее положений по отношению к последовательно сменяющимся созвездиям и назвали их „стоянками луны“. Каждая из этих стоянок получила чисто арабское название, окончательно закрепленное в древнеарабской доисламской поэзии.

Арабские названия звезд сохранились и до наших дней. Древнее их происхождение доказывается простым переводом: „выпуклость на груди лошади“, „отметка на шее верблюда“, „львиный нос“, „грива“, „амулет“, „счастье навесов“, „промежуток между распорками кожаного ведра“, „страусы“, „самец страуса“, „падающий орел“, „летящий орел“, „два осла“, „хищная птица“, „путник“, „стрела“ и др.

Большая начитанность в научной географической литературе в сочетании с огромным опытом позволили автору последовательно описать бассейны Индийского океана и Красного моря, Аравийское побережье, восточное побережье Африки от пролива Баб эль-Мандаб до южной оконечности восточноафриканского берега (страны зинджей), побережья острова Мадагаскар, затем архипелаги и отдельные острова на пути в Индию, побережья Индии и частично Китая, группу островов Малайского архипелага. Рукопись дает 370 названий портовых городов, якорных стоянок, мысов, бухт, заливов и островов.

Разделив все известные ему географические пункты по количеству „пальцев" над ними, т. е. по высоте стояния звезд над горизонтом (от двенадцати пальцев до одного), Аҳмад ибн Мāджид дал стройную систему расчета, проведя параллели между часто очень удаленными пунктами. Данные о звездных кульминациях сменяются расчетами расстояний в зāмах, или в узлах, что составляет 3 часа пути.

Упоминания признаков близости суши, приближающейся бури или штиля, способов определения погоды сменяются точными расчетами и измерениями.

Неравномерные по количеству стихов, одиннадцать глав урджӯзы весьма отличаются и по своему содержанию. Как уже можно судить по заглавиям, первая глава посвящена признакам близости суши и опасностей в пути. Сюда же относится промер глубин лотом. Вторая глава трактует о лунных фазах, румбах, „пальцах" и тирфе; третья глава посвящена различным системам летосчисления и переходам из одной системы в другую; четвертая глава — муссонам и их периодам; пятая, шестая и седьмая главы — маршрутам в Индийском океане; восьмая глава — расчетам пути по звездам; девятая — наблюдениям над звездами и расстоянию в замах от побережья земли арабов до земли Индии. Глава десятая наряду со сведениями о течениях и замах дает описание устройства оснастки арабских и индийских парусных судов того времени, подробно разбирает размеры и виды парусов, названия мачт и некоторых других частей оснастки. Наконец, одиннадцатая глава трактует о таблице, по которой узнают часы, и время вступления в них, упоминает семь основных планет и их *зāмы*, сообщает сведения о парных звездах, приводя в конце соответствующие измерения.

Трактат Аҳмада ибн Мāджида „Краткий курс мореведения" — хронологически первое дошедшее до нас произведение оригинального литературного жанра морской географии, в котором автор отразил синтез арабо-иранско-индийской культуры, созданный в течение ряда столетий. Влияние этого произведения простирается далеко на восток и на запад, а описание маршрутов в Индийском океане не превзойдено и теперь. Почти до наших дней среди моряков имели хождение „Маджиди-китоб", по которым они ориентировались в Индийском океане. Вплоть до наших дней моряки Востока наносят на приборы европейского происхождения румбы арабской розы ветров, по которой и производят свои вычисления.

Через посредство португальцев арабские мореходные термины проникли в европейскую науку, и некоторая часть их сохранилась до наших дней. Материал, приведенный в урджӯзе, впоследствии был дополнен автором при составлении им большого прозаического трактата по мореходству — громадного свода современных Аҳмаду ибн Мāджиду знаний „Книга польз", датированного 895/1490 г. (рукопись № 2292, № 1).

Оценивая значение этих двух работ, И. Ю. Крачковский писал: „Два этих произведения в прозе и стихах, «Китāб ал-фавā' ид» и «Хāвийат ал-иҳтисāр», являются крупнейшими по объему и теоретическому интересу среди известных до сих пор произведений Ибн Мāджида".[5]

Издание этого памятника позволит судить о состоянии арабского мореведения XV в., а также о развитии торговых и экономических отношений между странами побережий Индийского океана.

---

[5] И. Ю. Крачковский. Морская география ..., стр. 23.

Е. Э. Бертельс

ХАМАДАН

Центральным моментом празднования тысячелетия великого средневекового ученого Абу-Али Хусейна Ибн-Сины (Авиценны) в 1954 г. в Иране были торжества в Хамадане, городе, в котором скончался и был погребен Авиценна и где на месте разрушавшегося старого мазара его уже в 1950 г. был возведен роскошный мавзолей, а на площади имени Авиценны предполагалось открыть ему памятник.

Мы выехали из Тегерана 28 апреля в 6 час. утра на большом и весьма комфортабельном автобусе, специально предназначенном для междугороднего сообщения. Сначала путь шел по хорошо известной всем дороге через Кередж на Казвин. От Казвина дорога повернула на юго-запад и очень скоро вступила в предгорье, поднимаясь все выше и выше, пока, наконец, мы не добрались до перевала. Несмотря на весну, вокруг еще лежал глубокий снег и дул резкий, холодный ветер. Места были дикие и пустынные, дорога, трудная и опасная, то круто поднимавшаяся, то резко опускавшаяся, позволяла видеть вперед лишь на несколько сот метров. Только после перевала мы въехали, наконец, в небольшой горный аул, въезд в который был украшен трогательно примитивной и нищей триумфальной аркой.

Здесь, наконец, мы увидели людей, но вступить с ними в общение не удалось, так как все они персидского языка не знали, а говорили лишь на местном диалекте курдского языка. Постепенно дорога начала спускаться, и перед нами возникла мощная снеговая вершина горы Альванд, у подножия которой и лежит Хамадан. Перед выездом мы все получили в дар своего рода „Бедекер" по этому городу, названный его автором — Мухаммедом Таги Мустафави — „Хагматана", по древнему названию города. Это слово, напечатанное на обложке книги в форме هکمتانه, многие местные жители по простоте душевной пытались читать „Хикматāне" и дивились тому, что слово *хикмат* написано неграмотно — с *хāи хаввāз* вместо *хāи хуттӣ* вначале.

В город мы въехали по широкой и хорошо асфальтированной улице, своим внешним видом ничуть не уступающей лучшим бульварам Тегерана. Улица эта носит название Хиябани Экбатан (Экбатанский бульвар) и прорезает насквозь древнюю часть города, холм с остатками ахеменидского кремля. Миновав центр города — площадь Пехлеви, — мы попали на

другой такой же бульвар, но уже носивший название Хиябани Бу-Али. На пути к гостинице наше внимание сразу же привлекло вздымавшееся с правой стороны этого бульвара высоченное здание мавзолея.

Гостиница (михманхане-и Бу-Али), выстроенная специально для размещения гостей в дни юбилеев, по своему изяществу и абсолютно современному комфорту могла бы находиться и не в маленьком провинциальном иранском городке, а украсить собой любую западноевропейскую столицу. В нескольких метрах к юго-западу от гостиницы — площадь Бу-Али, на которой в 6 час. вечера того же дня и состоялось торжественное открытие памятника Авиценне. Это каменная статуя на высоком гранитном пьедестале. Статуя довольно значительных размеров, высота фигуры, созданной скульптором Абу-л-Хасаном Сиддики, 3.1 м, но ввиду огромности площади и сурового величия всего окружающего горного ландшафта она производит впечатление миниатюрной статуэтки. На пьедестале каменная плита с четверостишием:

دل گرچه در این بادیه بسیار شتافت
یک موی ندانست ولی موی شکافت
اندر دل من هزار خورشید بتافت
آخر بکمال ذرّه‌ای راه نیافت

(Сердце, хотя и много спешило по этой степи,
Но ни одного волоска не познало, хотя и расщепляло волос.
В сердце моем тысяча солнц засверкало,
Но пути (к познанию) совершенства и одного атома оно не нашло).

Четверостишие это приписывается Авиценне, но написано, вероятно, после XVI в. и в подражание Хайяму. Встречается оно только в рукописях, переписанных не ранее XVII в., и по настроению своему совершенно не подходит рационалисту Авиценне, твердо верившему в могущество человеческого разума, чисто логическим путем, помимо интуиции, способного постичь даже тайны божества.

Выбрано оно, я бы сказал, не очень удачно, ибо „тайна атома", о которой в нем говорится, в наши дни до известной степени разгадана.

29 апреля весь день был посвящен осмотру города и его древностей. Город невелик, его перерезают три прекрасных бульвара, скрещивающихся в центре и образующих широкую площадь Пехлеви. А в боковых улицах и проулках мостовая имеет облик, вероятно, мало чем отличающийся от того, который она имела во времена Ксеркса, о котором напоминает любопытнейший памятник-гробница Эсфири и Мардохея, героев „Книги Эсфири", входящей в состав Библии. Время сооружения этого мавзолея неизвестно, хотя местное еврейское население, высокочтимой святыней которого эта гробница является, и относит его чуть ли не к IX в. до н. э.; но, поскольку мавзолей снаружи имеет обычный вид мусульманского мазара, он, очевидно, много раз достраивался и перестраивался. О древности его можно судить лишь по входной двери, закрывающейся огромной плитой, состоящей из одного грубо отесанного камня с дырой в середине, заменяющей ручку. Вход настолько низок, что войти можно не только нагнувшись, а буквально сложившись и чуть не вползти во внутрь. Тем более поражает вползшего, что внутри в довольно высоком аванзале горит электричество, а в углу даже виднеется

вполне современный телефон, ничем не напоминающий библейские предания.

С левой стороны вход в самый мавзолей, где стоят два саркофага, покрытые деревянной резьбой совершенно изумительной тонкости. Один из них изготовлен в XV в., другой, заменяющий оригинальный саркофаг, сгоревший в начале XX в., сделан по старому образцу местным мастером ʿИнāйатуллāх Хазрат-қулй Тӯйсаркāнй. По преданию, мастер сделал его по обету. Он был совершенно слепым и, проведя ночь в мавзолее, будто бы прозрел и в благодарность и выполнил эту изумительную работу, требующую совершенно исключительного зрения. В мавзолее хранятся два свитка Торы огромного размера — выше человеческого роста: они отличаются прекрасной каллиграфией, но написаны не ранее, чем лет двести назад.

На юго-восточной окраине города находится один из замечательнейших памятников — знаменитый каменный лев (вернее вишап), как предполагают, сооруженный при аршакидах. Поблизости от него проходила аршакидская городская стена и были ворота, носившие название „львиных" (Бāб ал-асад). Лев представляет собой огромную веретенообразную каменную глыбу длиной более двух с половиной метров, высотой (в передней приподнятой части) в один метр. Предположительно он когда-то охранял городские ворота, но в 319/931 г. при взятии Хамадана буидами был сброшен с пьедестала и валялся почти тысячу лет, пока в 1909 г. иранский Комитет по охране памятников старины не установил его на особой площадке, где он эффектно покоится на фоне горного пейзажа, венчаемого грозным белоснежным Альвандом. В 1912 г. какие-то наивные кладоискатели, каких в Иране много, вообразив, что эта глыба набита внутри сокровищами, раскололи его, но, поскольку обе части остались ввиду колоссальной тяжести лежать на месте, их удалось вновь соединить цементом, и сейчас трещина почти незаметна.

Неподалеку от льва в горе Хурзан находится пещера, имеющая внутри коллонаду якобы ахеменидских времен. К сожалению, пещера эта труднодоступна и пока никем серьезно не обследована.

Одной из замечательных древностей Хамадана является и так называемая „Мечеть алидов" (гунбади ʿАлавийāн). Это небольшое здание, построенное из светлого хамаданского кирпича предположительно в конце XII в. н. э. Оно представляет собой прекрасный образец поздней сельджукской архитектуры и пленяет художественной резьбой по гечу внутри здания. В подземелье, под полом мечети, находятся усыпальница и два саркофага, отделанных голубыми изразцами. Чьи это могилы, пока так и не выяснено. Странно то, что вход в подземелье идет из михраба, что совершенно необычно. О назначении этого здания у населения сохранилось множество фантастических преданий, но достоверно пока ничего неизвестно.

Обозрение города завершилось посещением мазара поэта и мыслителя Бāбā Тāхира. Это совсем новое здание, недавно возведенное на месте старого, сильно разрушенного мазара. Бāбā Тāхир — автор всемирно-известных, замечательных четверостиший на одном из местных диалектов. Существует множество легенд о том, что он был нищим неграмотным дервишом, но недавно изданный покойным Вахидом Дастгирди сборник его арабских изречений доказывает (если он, конечно, действительно написан им), что это был высоко образованный человек. Четверостишия вместе с изречениями „Калимāт қисāр" вновь изданы в Тегеране в 1331/1953 г. К сожалению, издание это в точности пов-

торяет первое издание и дает лишь арабский, весьма малопонятный текст изречений, без существующих к ним комментариев. Издание „украшено" отменно пошлыми рисунками, которые отнюдь не могут заменить комментария. Основоположник изучения истории персидской литературы в России проф. В. А. Жуковский долгие годы собирал рукописи этих четверостиший и готовил критическое издание их текста. Окончить эту работу ему не было суждено, и завершением ее занимался много лет верный ученик В. А. Жуковского проф. А. А. Ромаскевич. Трагическая гибель его в блокированном Ленинграде в 1942 г. оборвала и его работу.

В северо-восточной части города находится прорезанный Экбатанским бульваром холм — акрополь древней Экбатаны или Хагматаны. Остатки древних сооружений видны на поверхности только со стороны северного склона холма, где из-под земли вырастают чудовищные циклопические стены акрополя. Остальная его территория густо застроена современными маленькими домишками, что и не позволяет вести там раскопки в достаточно широком масштабе. Несомненно, что раскопки дали бы неоценимые сокровища. Ведь именно здесь при закладке фундамента глиняного домика были найдены золотые таблетки с именами Аршамы и Ариарамны, предков Дария.

Эта часть города в значительной степени заселена армянами, почему там и находится новая, довольно красивая церковь св. Стефана.

В Аббасабадской долине на склонах Альванда находится так называемая „Гандж-нāме" — клинописные надписи Дария и Ксеркса. Добраться до них нам не удалось, так как весенние дожди сделали дорогу туда совершенно непроходимой даже и для вездеходных американских „джипов", которые, хотя и с трудом, но все же пробирались через лужи и ямы городских закоулков. При всем интересе, который вызывали к себе памятники древнеиранской старины, все же, конечно, по понятным причинам, наибольший интерес привлекал новый мавзолей, торжественное открытие которого состоялось 29 апреля в 9 час. утра при огромном стечении народа. Хамадан, вероятно, собрался весь, но думаю, что, помимо официальных гостей, и из других городов Ирана прибыло немало народа.

Новый мавзолей, построенный по планам архитектора Хушенга Сайхуна, покоится на искусственной площадке, в которую заложен мощный гранитный фундамент. На этой прочной базе стоит нижний этаж здания — айван, имеющий очертания древнегреческого храма. Фасад украшен торжественной колоннадой 4.1 м высоты. Крыша этого здания плоская, и на ней поднимается башня высотой 27 м, имеющая очертания всемирно-известной башни Кабуса в Гургане, но состоящая не из сплошных стен, а из двенадцати железобетонных столбов, увенчанных небольшим коническим куполом. Откровенно говоря, эти несколько „индустриальные" столбы в известной степени нарушают торжественный характер здания и придают ему какой-то технико-утилитарный вид. Впрочем, как говорит архитектор, эта сквозная архитектура вызвана не столько желанием осовременить внешний вид мавзолея, сколько климатическими условиями Хамадана, характерными для этого города свирепыми ураганами, которые столь высокую сплошную башню разрушили бы неминуемо.

Войдя в мавзолей со стороны бульвара Бу-Али, попадаешь в обширный зал: прямо против входа, под самым куполом, углубление, и в нем надгробие из желтовато-розоватого мрамора, покрытое искусно

вырезанными айатами Корана, а по верхнему краю имеющие надпись:

هذا قبر الجنت المكان فردوس آشیان سلطان الحکما
شیخ ابو علی سینا نوّر الله مرقده

(Это могила имеющего пребывание в райских кущах, гнездящегося в раю султана мудрецов Абу-Али Ибн Сина, да озарит Аллах место упокоения его).

Текст, с точки зрения арабской грамматики, далеко не безупречный, но именно в таком виде для иранского читателя, может быть, даже более понятный, чем если бы он был написан на чистейшем арабском языке, на каком писал большую часть своих трудов сам великий ученый. На западной стороне надгробия вырезано:

حرّره الحقیر عبد الصمد و عمل کربلائی عبد الخالق

(Писал это смиренный 'Абда̣ссамад, а работал (вероятно, вырезал) кербелāй 'Абдалхāлик̣).

Рядом дата 1294/1916 г.

У правой стены зала, ведущего к надгробию, стоит старое надгробие, лежавшее до перестройки на могиле с известной всему миру хронограммой:

حجت الحق ابو علی سینا — در شصج آمد از عدم بوجد
در شصا کرد کسب جمله علوم — در تکژ کرد انیجهان بدرود

(Утверждение Истины Абу-Али (Ибн) Сина
Пришел в бытие из небытия в „шин-джим-айн",
В „шин-сад-алиф" приобрел он все познания,
В „тā-кяф-зā" распростился с этим миром).

Это дает даты 373/983—4, 391/1000—01 и 427/1035—6. Тысячелетие высчитано по этим датам, ибо 1373 г. мусульманского летосчисления равняется 1953/54 г. н. э. Освещаемое падающим сверху лучами света надгробие под куполом дает совершенно особое настроение какого-то полного уединения и торжественной тишины. В старом мазаре, кроме Авиценны, был погребен также и верный друг его, в доме которого он скрывался последние дни своей жизни от преследований и на руках которого он и испустил дух. Строители мавзолея весьма разумно решили не разлучать верных друзей, и здесь и второе старое надгробие стоит у левой стены входного зала. На нем бронзовая плакетка с надписью: „Древнее надгробие Абу-Са'ида Дахдука".

По стенам зала и под куполом в виде бордюра идут квадратные плитки, на которых совершенно изумительным по красоте почерком написан весь текст знаменитой „айнийи" Авиценны, касыды, начинающийся бейтом:

هبطت من المحل الارفع — ورقاء ذات تعزّز و تمنّع

(Спустилась к тебе с высокого места
Голубица, обладающая величием и неприступностью. . .).

По обе стороны входного зала находятся два зала примерно по 45 кв. м каждый. Зал с южной стороны предназначен для приемов

и заседаний. Именно в этом зале шаханшах Мухаммед Риза-шах и его супруга принимали членов делегаций, прибывших на торжества. Зал с северной стороны — библиотека, уже в 1953 г. насчитывавшая более двух тысяч томов печатных книг и рукописей на арабском, персидском и европейских языках. При постройке этого мавзолея имелось в виду, что это здание в дальнейшем должно стать как бы своего рода научным центром, где будет сосредоточена вся работа по изучению наследия великого мыслителя. Мысль сама по себе весьма хорошая, но не учитывающая одного обстоятельства: Хамадан пока трудно досягаем. Он лежит в стороне от больших дорог, даже и оживленная трасса Багдад — Тегеран его не затрагивает. Едва ли поэтому удастся собирать там часто значительное число ученых, представителей разных стран и различнейших специальностей, какое необходимо для плодотворного изучения трудов этого универсального гения, возведшего на почве античной науки (задолго до Возрождения ее в Европе) свое собственное построение, окрашенное во все пестрые тона восточных традиций. М-ль А. М. Гуашон, автор столь замечательного словаря технических терминов Авиценны,[1] в своем докладе на Багдадском конгрессе 1952 г. убедительно показала, насколько ошибочно созданное еще Де-Буром и затем укрепившееся в науке представление об Авиценне как восточном перипатетике, лишь повторявшем и комментировавшем Аристотеля.[2]

Над наследием Авиценны предстоит еще долгая и трудная работа. Прежде всего нужно получить надежные тексты. Стыдно признать, что даже такой основополагающий труд его, как „аш-Шифā“, до сих пор по-настоящему не издан. Тегеранская литография (2 т.), которой все до сих пор пользуются, содержит лишь около трети этого огромного труда, да и то дает в каждом слове по нескольку ошибок. Даже и вышедшее в 1956 г. издание „Китāб ан-нафс“, выпущенное акад. Я. Бакошем,[3] не может быть признано удовлетворительным, так как оно покоится на малонадежных рукописях европейских библиотек и игнорирует лучшие и древнейшие рукописи Каира и Стамбула. Все надежды на Каирскую комиссию во главе с проф. И. Мадкуром, которая готовит критический текст, имея в распоряжении более ста рукописей.

Наследие этого изумительного представителя мировой науки мы должны изучать совершенно независимо от юбилейных дат и того, все еще не разрешенного вопроса об этнической его принадлежности — вопроса, которому склонны были придавать большое значение, хотя фактически он для анализа творчества Авиценны никакой роли не играет, ибо в XI в. н. э. ни национализма, ни шовинизма, ни расизма, принесших столько несчастий человечеству в XX в., еще не существовало и существовать не могло.

[1] A. M. Goichon. Lexique de la langue philosophique d'Ibn Sina. Paris, 1938.
[2] Millenaire d'Avicenne. Congrès de Bagdad 20—28 Mars 1952, Le Caire 1952, стр. 41—58.
[3] Psychologie d'Ibn Sina d'après son oeuvre aš-Šifa. Ed. par Jan Bakoš. Prague, 1956.

И. Н. Винников

КОРАНИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Коран, 96:1—2

Согласно мусульманской традиции, первые стихи 96-й сӯры (по мнению одних — первые пять стихов, по мнению других — лишь первые три стиха) являются древнейшей частью Корана. Этой точки зрения придерживаются также в науке. Понятен поэтому интерес, который всегда вызывали эти стихи. Нас здесь будут интересовать только первые два стиха 96-й сӯры и прежде всего не получивший до сего времени освещения вопрос о том, откуда почерпнута Мухаммедом эмбриологическая концепция, лежащая в их основе. Эти стихи гласят:

1 Возглашай во имя Господа твоего, который творит,
2 творит человека из сгустившейся крови.

Нет никаких оснований полагать, что в приведенных стихах нашло свое отражение древнеарабское представление о происхождении зачатка у человека. Подобные представления у арабов не засвидетельствованы. Их не было и у других семитских народов, в той или иной степени влиявших на взгляды Мухаммеда. Следовательно, истоки такого представления надо искать где-то в другом месте. И, действительно, у античных авторов, в первую очередь у Аристотеля, мы находим эмбриологическую концепцию, в полной мере объясняющую смысл первых коранических стихов.

В своем сочинении „О возникновении животных“ (кн. I, гл. XX) Аристотель сформулировал свою знаменитую теорию происхождения зародыша, которая прочно держалась в науке вплоть до второй четверти XVII в. По этой теории, в процессе оплодотворения мужчина сообщает форму и движущее начало (τε εἶδος καὶ τὴν ἀρχὴν τῆς κινήσεως), а женщина предоставляет тело и материю (τὸ σῶμα καὶ τὴν ὕλην). Эта материя — кровь (γάρ τὴν πρώτην ὕλην ἡ τῶν καταμηνίων φύσις) — под воздействием seminis virilis свертывается, сгущается „подобно тому, как при свертывании молока: молоко есть тело, а сок смоковницы, сычужина — то, что обладает свертывающим началом“,[1] и таким путем образуется зачаток.

[1] Aristotelis opera, edidit Academia Regia Borussica, vol. I, Berolini, 1831, стр. 729a.

Эта аристотелевская теория нашла свое отражение и в апокрифической литературе. Так, в апокрифе „Мудрость Соломона", составленном, по-видимому, в I в. до н. э., автор которого находился под сильным влиянием идей греческой философии, мы читаем (VII : 1—2):

> И я — смертный подобно всем,
> И потомок первозданного, из земли рожденного.
> И был я образован как плоть во чреве матери
> В десятимесячный срок, сгустившись в крови
> ἐκ σπέρματος ἀνδρὸς. . .[2]

Эту же теорию приводит и Плиний. В своей „Естественной истории" (кн. VII, гл. 15) он писал: „...haec [agitur de sanguine menstruali] est generando homini materia, germine e maribus coaguli modo hoc in sese glomerante, quod deinde tempore ipso animatur corporaturque".

Отзвуки этой концепции находим в „Leviticus Rabba" — мидраше, получившем свою окончательную форму около середины VII в. н. э. Так, в главе 14 читаем: „Uterus feminae plenus est sanguinis stagnantis, qui inde exit per menstrua. Dei autem voluntate seminis gutta dirigitur et in eum sanguinem devenit et statim fetus fit. Это напоминает молоко, которое находится в миске. Если опустить туда сычужину, молоко свертывается, сгущается; в противном случае оно остается жидким".[3]

Тема первых двух стихов 96-й сӯры Корана встречается и в некоторых других сӯрах мекканского периода,[4] но наибольшего развития она получила в 23-й сӯре. Мы там читаем:

> 12 Некогда мы сотворили человека из отборной земли;
> 13 потом мы образуем его из капли семени в месте надежном;
> 14 потом мы образуем этой каплей сгусток крови; затем этот сгусток крови претворяем в комок мяса; затем из этого комка мяса мы образуем кости; затем эти кости одеваем мясом.

В этой цитате представляет интерес для нас еще и то, что кости, оказывается, возникают раньше мягких частей. Такое воззрение находится в полном соответствии с учением гиппократиков. Так, например, автор книги „De Carnibus seu Principiis" в Гиппократовом сборнике утверждает, что раньше образуются кости, потом хрящи, сухожилия, а затем уже более мягкие части. В еврейских кругах, откуда Мухаммедом было столь много почерпнуто, существовала противоположная точка зрения; считали, что сначала образуются мягкие части, а потом уже кости, а то последние „распороли бы у женщины живот и вышли бы наружу".[5]

Мы можем теперь также сказать, что мусульманские филологи и теологи были очень близки к истине, когда они толковали встречающееся в сӯре 76:2 выражение nuṭfat^{un} amšāǧ^{un} — gutta seminis virilis cum semine feminae et sanguine mixta или же a drop consisting of mixtures of sperma genitale and blood.[6]

После изложенного имеются все основания полагать, что проникшие в Коран взгляды на образование и развитие зародыша у человека, о которых здесь была речь, своими корнями восходят к господствовавшим на этот счет идеям в древнем мире.

Надо сказать, что в свете аристотелевской эмбриологической теории становится также вполне понятным следующее место в „Книге Иова" (гл. X, стихи 9—11):

> Вспомни, что словно глину ты обработал меня и в прах обратишь меня!
> Ведь подобно молоку ты заставил течь меня, затем как творог сгустил меня;
> Кожей и плотью ты одел меня, из костей и жил сплел меня!

„Подобно молоку ты заставил течь меня" — agitur de sanguine menstruali; как мы видели выше, и у Аристотеля использован образ молока. „Как творог ты сгустил меня" — agitur de coagulatione sanguinis in utero feminae vi seminis virilis. Более удовлетворительное толкование этого стиха вряд ли возможно придумать.

Но рассмотренная здесь концепция не единственная в Коране. Гораздо чаще там приводится еще и другая точка зрения. Впервые мы встречаемся с ней в сӯре 86-й:

> 5 Да обратит человек взор на то, из чего творится он.
> 6 Он творится из влаги, изливающейся—

а затем по крайней мере еще десять раз. Так, в сӯрах 80:17—18; 53:46—47; 77:20; 56:58; 36:77; 25:56; 18:35; 32:6—7; 16:4; 35:12. Во всех указанных местах ничего не говорится о крови, а вся роль в создании человека отводится исключительно semini virili. Этот взгляд находится в прямой связи с талмудическим учением. Так, например, в трактате Abōt мы читаем (III:1): „Обрати взор на три вещи, и ты избежишь греха. Знай, откуда ты явился, куда ты уйдешь и кому ты должен будешь отдать отчет. Откуда ты явился? — из смердящей капли. Куда ты уйдешь? — Туда, где прах, тлен и червь. Кому ты должен будешь отдать отчет? — Царю царей, Всесвятому (благословен он)". См. еще: Yĕr. Sōṭā II, 18a; Derek 'ereṣ Rabba III; Leviticus Rabba, гл. 18, начало, и т. д.

Таким образом, мы видим, что в Коране содержатся собственно две эмбриологические концепции, которые восходят к двум различным источникам.

Коран 99:1—2

> 1 Когда земля будет потрясена своим потрясением;
> 2 когда извергнет земля ноши свои (aṯḳālahā).

Ср. Коран 84:3—4

> 3 Когда земля расступится,
> 4 извергнет то, что в ней есть, и опустеет.

Мне кажется, что одна параллель из палестинского памятника III—IV вв. н. э. может окончательно разъяснить значение слова

---

[2] The Old Testament in Greek, according to the Septuagint; edited by H. B. Swete, vol. II, Second edition, Cambridge, 1896, стр. 614—615.

[3] См. еще Genesis Rabba, гл. 14. Подобное представление о происхождении зачатка у человека существовало и в древней Индии. См.: Th. Nöldeke. Burzōes Einleitung zu dem Buche Kalila waDimna, Strassburg, 1912, стр. 22; J. Hertel. Das Pañcatantra, Leipzig und Berlin, 1914, стр. 367 сл.

[4] См., например, сӯры 75:37, 38; 40:69; 22:5.

[5] Genesis Rabba, гл. 14; Leviticus Rabba, гл. 14.

[6] Al-Buḫāri. Kitāb al-ǧāmi' aṣ-ṣaḥiḥ, vol. III, ed. L. Krehl, Leyde, 1868, стр. 368; Lisān al-'arab, III, стр. 191; G. W. Freytag. Lexicon Arabico-Latinum, IV, 1837, s. v.; E. W. Lane. Arabic-English Lexicon, VII, 1885, стр. 2717.

aṯḳālahā во втором стихе 99-й сӯры и смысл четвертого стиха 84-й сӯры. Так, Yĕr. Bĕr. V, 9b (то же Yĕr. Ta'ăn. I, 63d) толкуется 19-й стих 26-й главы „Книги Исаии", гласящий: „Мертвые твои оживут... Пробудитесь и ликуйте вы, лежащие во прахе ... и земля выкинет мертвецов" (wā'āreṣ rĕfā'īm tappīl). При этом последние три слова объясняются: wĕ'ar'ā tafḳidēhā tĕfallēṭ, т. е. и земля извергнет находящиеся в ней на хранении вклады. Слово aṯḳālahā поэтому лучше переводить „ноши (или сокровища), вложенные в нее на хранение". К такому толкованию склоняются и некоторые мусульманские филологи.[7]

Коран 53:7—10

7 И он находился на верхней части небосклона;
8 потом он приблизился и стал близким;
9 он был на расстоянии двух луков и даже ближе;
10 и он сообщил рабу своему то, что сообщил.

Единодушного понимания 9-го стиха до сих пор еще не достигнуто. В частности, не установлено, идет ли здесь речь о расстоянии двух луков или расстоянии двух выстрелов из лука. В первом случае расстояние равнялось бы приблизительно 4.7 м.,[8] во втором — приблизительно 140 м.[9] С традиционной точки зрения и то и другое одинаково возможно, но и филология не дает определенного ответа на этот вопрос. Мне кажется, что некоторую помощь может здесь оказать одно место в мидрашитской литературе, где повествуется об Агари и Исмаиле. Так, в „Genesis Rabba", гл. 53, слово kimĕṯaḥăwē в стихе 16 гл. 21 „Книги Бытия", гласящем: „И пошла (Агарь), села вдали, в расстоянии на выстрел из лука (kimĕṯaḥăwē ḳešet), потому что она сказала: не хочу видеть смерти отрока (т. е. Исмаила)" — толкуется как двойственное число, и стих этот понимается так, что Агарь села вдали, на расстоянии двух выстрелов из лука. Если мы допустим, что образ, использованный в 9-м стихе 53-й сӯры навеян приведенным сказанием об Агари и Исмаиле, — а это вполне возможно, особенно если вспомнить, что там же „воззвал Агарь ангел божий с неба", — нам станет ясным, как следует понимать интересующее нас выражение. Надо вообще заметить, что подобные контаминации встречаются в Коране часто.

[7] E. W. Lane, ук. соч., I, 1863, стр. 344.
[8] G. W. Freytag. Einleitung in das Studium der Arabischen Sprache. Bonn, 1861, стр. 258 („der ganze Bogen zwölf Spannen ist"); F. W. Schwarzlose. Die Waffen der alten Araber. Leipzig, 1886, стр. 260 („die ganze Länge beträgt drei Ellen und einen Finger oder eine Spanne").
[9] A. von Kremer. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, I. Wien, 1875, стр. 80 („die Schussweite eines guten Bogens wird auf 100 Ellen angegeben").

Л. Т. Гюзальян

ТРИ ИРАНСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГЛИНЯНЫХ СТОЛИКА

В ряде музейных и частных собраний мира имеются глиняные, иногда с ажурными деталями небольшие столики-подставки, либо покрытые, либо расписанные поливами. Форма их, к которой, по всей вероятности, восходят призматические деревянные столики-подставки, существующие и поныне в странах Ближнего Востока, допускает некоторые различия. Неизвестный пока вариант этой формы представляет хранящийся в Государственном Эрмитаже экземпляр, расписанный люстром, но, к сожалению, сильно дефектный (инв. № ИР-1425).

Это шестигранная призма (максимально сохранившаяся высота 15 см) на шестигранном же плоском основании (максимальная ширина 27 см), углы которого покоятся на фигурных ножках (высота 7.5 см) в виде сплющенных шаров (рис. 1). В верхней своей части призма расширяется, и ее грани образуют арки, под которыми стоят колонны, по одной с каждой стороны. Между каждыми стоящими близко одна к другой двумя колоннами, относящимися к двум соседним аркам, стоит еще одна колонна, которая, достигнув выступающего угла призмы, сращивается с ним и как бы продолжается вверх. Таким образом, у каждого угла основания призмы образуется группа из одной высокой и двух низких колонн. Они соединены между собой горизонтальным валиком равного им сечения. Были связаны одна с другой также стоящие под каждой аркой две колонны. На фотографии можно различить остатки соединявших их ажурных перегородок, о высоте которых можно судить по нижнему краю росписи в нишах.

В форме и в конструкции столика, если не говорить о его ножках, задача разрешена чисто архитектурно. Однако столик не является ни предварительным макетом здания, ни последующей его моделью. Он является образцом перенесения в глину сложившейся архитектурной формы и воспроизводит эту форму настолько точно, насколько позволяет это материал. Однако поскольку эта форма не свойственна глине, ложна и не устойчива в ней, для придачи ей большей устойчивости пришлось прибегнуть к дополнительным средствам. Так, рассмотренные выше колонны не только не являются опорой для якобы покоящихся на них частях сооружения (как это было бы в архитек-

туре), но настолько неустойчивы сами по себе, что пришлось прибегнуть к отмеченным уже горизонтальным валикам, связывающим их по три между собой. Такую же роль подкрепления несли отчасти и несохранившиеся ажурные перегородки.

Другой вариант этой же архитектурной формы представлен двумя столиками, воспроизведенными в „Обзоре персидского искусства".[1]

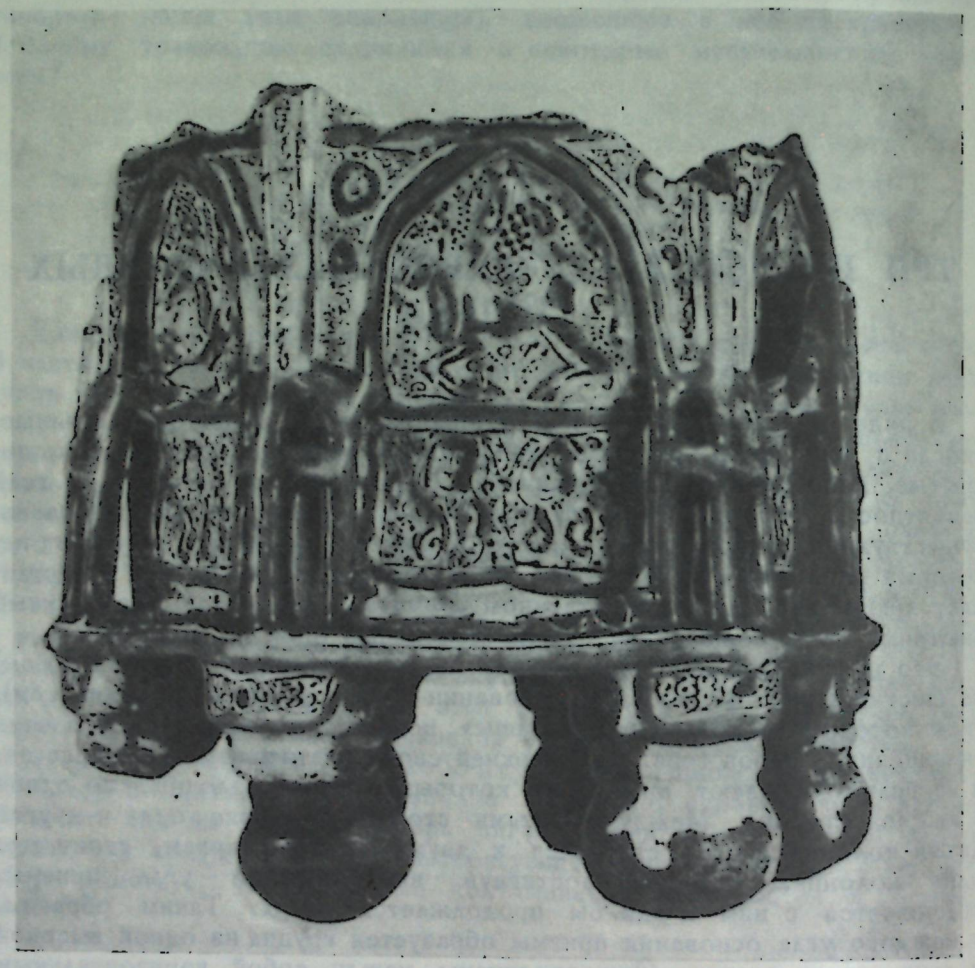


Рис. 1. Фрагментированный столик с люстровой росписью из собрания Эрмитажа (Инв. № иР-1425).

Один из них, покрытый одноцветной поливой, известен только по фотографии (рис. 2), так как, появившись когда-то на антикварном рынке в Париже, исчез потом из поля зрения специалистов. Он отличается от эрмитажного столика следующими признаками: вместо колонн у него пилястры, сильно выступающие вперед; тем самым сильнее углублены арочные ниши, по бокам которых образованы другие узкие ниши; низкие пилястры увенчаны капителями; как эти пилястры с капителями, так и ниши (узкие — только в верхней части)

[1] Survey of Persian Art (в дальнейшем: SPA), I—VI, Oxford, 1936—1939.

украшены ажурными орнаментами. В статье о художественной керамике Ирана в мусульманский период проф. А. У. Попп отмечает, что орнаменты в тимпанах арок этого столика воспроизводят узоры ажурной резьбы архитектурных панелей.[2]

О полном виде столиков можно судить по третьему образцу (рис. 3), расписанному люстром и принадлежащему коллекции Мак Ильхенни (Mc Jlhenny).[3] Этот столик связан с первым и вторым. В то

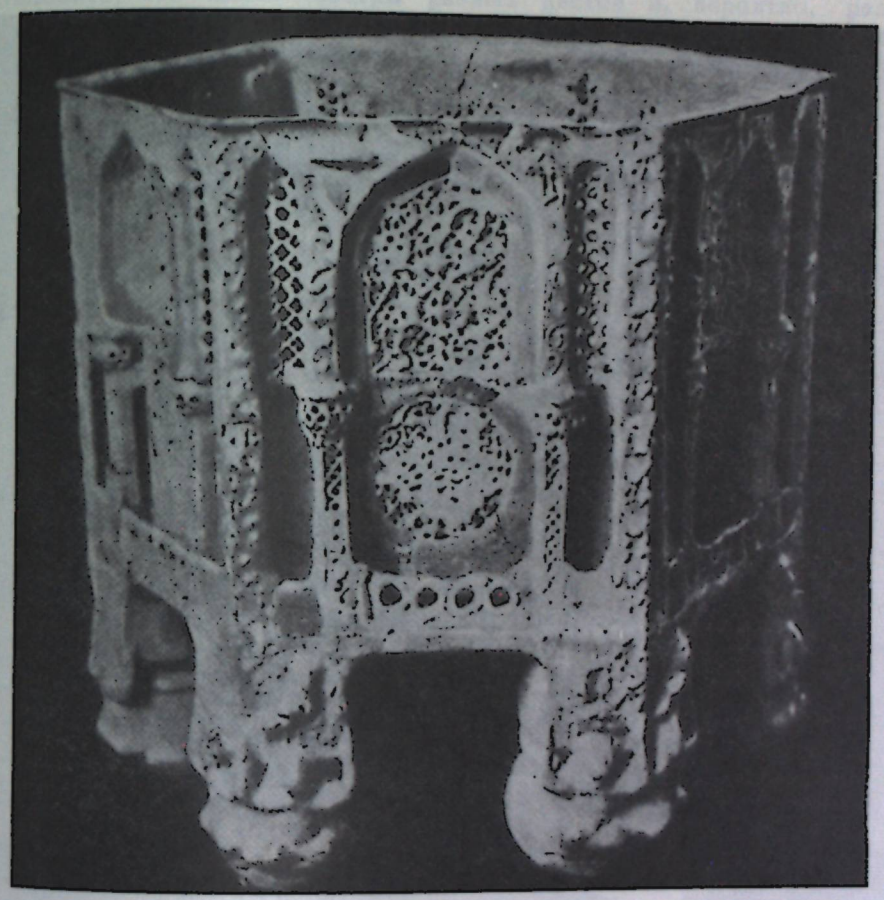


Рис. 2. Ажурный столик с одноцветной поливой. Местонахождение неизвестно.

время как подобно первому он представляет конструкцию с колоннами, его низкие колонны, как на втором, имеют капители.[4] Роспись на этих низких колоннах и капителях воспроизводит ажурные орнаменты, если не точно те, что украшают пилястры с капителями второго столика, то очень близкие к ним. В то время как высокие колонны третьего столика сращиваются, так же как на первом столике, с углами призмы, у самых этих углов по бокам арок выделяются узкие ниши, как на втором столике.

[2] Там же, II, стр. 1623; V, табл. 758A.
[3] Там же, V, табл. 702A.
[4] Предпочтение пилястрам перед колоннами могло быть отдано в данном случае из соображений придачи большей прочности форме с ажурными орнаментами.

Несмотря на такое смешение, между вторым и третьим столиками имеется больше общего, чем между ними и первым столиком. Так, второй и третий столики совпадают своими размерами — высотой 26 см, — так же как размерами и формами орнаментированных полей. Но в еще большей степени близость между ними сказывается в общем для них приеме декоровки, сочетающем в себе подражание со склонностью к нарядности. Между тем в росписи первого столика, которая

Рис. 3. Столик с люстровой росписью из коллекции Мак Ильхенни.

значительно менее нарядна, чувствуется желание подчеркнуть архитектурную форму. Так, сплошным люстровым покрытием выделены все конструктивные детали, сросшиеся с углами граней верхние части высоких колонн обведены люстром по краям. В тимпанах по сторонам арок скорее можно видеть хотя бы искаженное воспроизведение каменных рельефов, чем каких-либо других орнаментов. Наконец, некоторая небрежность в росписи, заметно отличающая ее от тщательной росписи третьего столика, тоже свидетельствует о том, что здесь главное внимание было уделено подчеркиванию формы.

Исходя из сказанного, можно сделать предположение, что, по-видимому, эрмитажный столик стоит ближе к воспроизводимой им архитектурной форме, чем остальные два столика к воспроизводимому ими

варианту той же формы. Это, однако, не дает основания пытаться рассматривать привлеченные столики в порядке их типологической последовательности. Помимо того, что здесь прослеживаются два варианта архитектурной формы, здесь явно выступают также две, хотя и близкие одна к другой, но разные художественно-производственные традиции. Для этого достаточно сличить росписи первого и третьего столиков, выполненные люстром. По одним лишь фотографиям легко установить, что здесь люстры разных цветов и, вероятно, разного химического состава. Еще более различаются росписи столиков по характеру и тематике изображений, по манере письма и, наконец, по полному отсутствию на первом столике приема работы сухой иглой по свежепокрытой люстром поверхности, что так широко использовано на третьем столике. Едва ли можно допустить, чтобы различные художественно-производственные традиции уживались в одном производственном центре. Поэтому при разрешении вопроса о месте производства рассматриваемых столиков первый столик должен быть отделен от двух остальных.

А. У. Попп не усмотрел связи между вторым и третьим столиками. Не найдя возможным определить место производства второго, он отнес третий к кашанскому производству.[5] Если это отнесение основательно, то к тому же производству должен быть отнесен и второй столик. Тем самым должна быть исключена возможность кашанского происхождения первого столика. Что же касается вопроса о том, где он мог быть сделан, то едва ли сейчас на это может быть дан решительный ответ.

Неясным остается и вопрос о причинах, вызвавших производство подобных столиков. В XII—XIII вв., когда персидская керамика достигла исключительного совершенства и мастерства, в ней воспроизводились многие формы, идущие от камня или металла. Объяснение этому легко найти в большей простоте, быстроте и дешевизне воспроизводства этих форм в глине, особенно когда эти формы идут от дорогих и труднодобываемых материалов. Но нельзя вовсе исключить и чисто профессиональный интерес, который мог бы побуждать мастеров-керамистов воспроизводить не свойственные глине и трудновыполнимые в ней формы. Это — общее явление и может встретиться в любой профессии.

Принимая во внимание сложность и трудность воспроизведения в глине формы наших столиков, не исключается возможность рассматривать их как такие попытки разрешения чисто профессиональных задач. Изображения подобных столиков ни в росписях на керамике, ни в миниатюрной живописи не встречаются, и это могло бы свидетельствовать о том, что столики такого типа не были широко распространены. Однако не исключается возможность и того, что возникновение формы этих столиков в глине было вызвано недостатком материала, с которого была заимствована их форма. Акад. И. А. Орбели указывает, что между архитектурными образцами и рассматриваемыми глиняными моделями должен был существовать промежуточный этап воспроизведения в дереве непосредственно заимствованной архитектурной формы. И действительно, трудно было бы объяснить, откуда могли быть взяты плоское (как дощатое с выступающими краями) покрытие столика и его ножки, как бы выточенные

[5] SPA, II, стр. 1584.

из дерева. Не лишне упомянуть, что в сохраняющей старые производственные традиции и безусловно обладающей хорошим чувством материала ремесленной среде широко известного дагестанского аула Кубачи, где долгое время хранился эрмитажный столик, его недостающие ножки были восполнены новыми, выточенными из дерева (см. левую на переднем плане, рис. 1).

Значительно проще, чем вопрос о месте производства привлеченных для сравнения столиков, может быть разрешен вопрос о времени их изготовления. Третий столик по своей росписи очень близок к ряду датированных 607—608/1210—1212 гг. люстровых изразцов[6] и на этом основании может быть отнесен к тому же или несколько более позднему времени — в пределах второго десятилетия XIII в. Второй столик безусловно должен предшествовать третьему. Помимо того, что типологически он старше последнего, в нем воспроизведены детали, характерные более для XII, чем для XIII в. К числу их относятся ажурные орнаменты как в тимпанах арок, так и под ними, а также рельефы на ножках, изображающие фигуры живых существ. Поэтому не было бы большой неосторожностью отнести его к рубежу XII и XIII вв., может быть даже к концу XII в. Тем же временем может быть датирован и первый столик. Главным основанием для этого служит отмеченное выше отсутствие в его росписи работы сухой иглой, которая широко применялась, как можно убедиться в этом по упомянутым выше датированным люстровым изразцам, уже на рубеже первого и второго десятилетий XIII в. Если же окажется, что этот прием вообще не применялся в том месте, где был сделан первый столик (что было бы большой неожиданностью), то дату последнего можно будет несколько передвинуть, но не более чем в первую четверть XIII в.

Возможность непосредственного ознакомления с первым столиком позволяет добавить сказанное о нем следующим. Столик этот не лепной работы. Если исключить колонны, скатанные от руки, то почти все остальные его части отштампованы каждая в отдельности (грани призмы, ножки, верхнее покрытие, вероятно также и основание) и потом в готовом виде примазаны одна к другой. Посередине основания имеется круглое отверстие, в которое свободно проходит рука. Это отверстие, очевидно, рассчитано не только на то, чтобы дать выход газам и пару при обжиге, но и на то, чтобы при сборке частей столика можно было действовать руками одновременно снаружи и изнутри.

Благодаря тонким стенкам (3—4 мм), полым ножкам и вырезу на основании столик не тяжел. Это вместе с художественной обработкой поверхности подобных столиков показывает, что они были предназначены для легких предметов.

Изображенные на первом и третьем столиках сценки не имеют к ним отношения. На третьем столике повторяется изображение распространенной сидящей мужской фигуры с винной чашей в руке. Повторяющаяся на первом столике сценка необычна: внизу сидят две женские фигуры с обращенными вверх взорами. Они, очевидно, следят за скачущим конем, на котором сидит фигура, закрытая с головой покрывалом. В мусульманской миниатюрной живописи более позднего времени (начиная с XV в.) встречается сцена вознесения пророка Мухаммеда верхом на коне. Однако в этой сцене лишь лицо Мухаммеда бывает покрыто пологом, у коня ноги неизменно вытянуты,

[6] SPA, V, табл. 722 A, C, E.

на небе изображаются светила и небесные духи. Поскольку все эти особенности отсутствуют в сценке на столике, то в ней скорее можно предположить изображение скачущей на коне женщины, которая, естественно, должна быть полностью скрыта от глаз посторонних. В таком случае здесь мог найти отражение какой-нибудь эпической или литературный мотив.

Есть ли, однако, возможность указать тот архитектурный тип, который мог послужить образцом для воспроизведения его в дереве и в глине в качестве столика?

В начале своей научной деятельности И. А. Орбели объяснил форму сельджукских мавзолеев как заимствование формы барабанов куполов современных им христианских храмов Армении отчасти и Грузии.[7] Больше всего к этим мавзолеям могли бы восходить рассмотренные нами столики, свидетельствуя тем самым о дальнейшей эволюции этого заимствования.

[7] Лекция (pro venia legendi), прочитанная И. А. Орбели на Факультете восточных языков Петербургского университета весной 1914 г.

И. М. Дьяконов и *В. А. Лившиц*

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПАРФЯНСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ „СТАРОЙ НИСЫ“

Из архива хозяйственных документов I в. до н. э.,[1] открытых в Нисе, в настоящее время, через 11 лет после первых находок, известно почти две с половиной тысячи текстов. Изучение архива еще не закончено, но уже сейчас можно систематизировать основные данные документов и сделать некоторые выводы.

Вопрос о языке архива вызвал, как известно, оживленную дискуссию, итоги которой еще не подведены. Наши первоначальные публикации определяли язык документов как парфянский с арамейскими гетерографическими написаниями.[2] Затем И. Н. Винников, базируясь на все еще сравнительно небольшом количестве документов, попытался доказать, что перед нами — арамейский язык.[3] В своей статье, содержащей ряд ценных наблюдений, он ссылался на то, что отклонения от нормального арамейского синтаксиса, наблюдаемые в текстах из Нисы, допустимы и для собственно арамейского языка, что лексика текстов — в основном арамейская, а наличные иранские слова могут считаться лексическими заимствованиями в арамейский из иранских языков, что отсутствие иранских морфологических показателей при арамейских словах (фонетических комплементов) исключает возможность рассматривать данные тексты как гетерографические. Поэтому Винников высказал предположение, что писцы, составлявшие документы из Нисы, могли быть не местными жителями, а происходить из таких областей Парфянского царства, где господствовал арамейский язык.[4]

[1] Датировка от 100 до 13 г. до н. э. Имеются сомнительные даты: 104? и 4? гг. до н. э.

[2] И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. 1) Документы из древней Нисы. Матер. ЮТАКЭ, вып. 2, 1951, стр. 21 сл.; 2) Парфянский архив из древней Нисы. ВДИ, 1953, № 4, стр. 114 сл.

[3] И. Н. Винников. О языке письменных памятников из Нисы. ВДИ, 1954, № 2, стр. 115 сл. (выводы на стр. 126 и сл.).

[4] „Эти надписи имели чрезвычайно ограниченную область бытования, предназначаясь всецело к использованию лицами, в ведении которых находились дворцовые винные погреба или ведавшими дворцовым хозяйством. Очень возможно, что этими же лицами, которые вполне могли происходить из какой-нибудь области Парфянского царства, где в той или иной степени господствовал арамейский язык, надписи и составлялись“ (И. Н. Винников, ук. соч., стр. 127 сл.). Имена писцов, однако, как мы увидим дальше, противоречат такому предположению.

Точка зрения Винникова приобрела некоторое число сторонников, хотя никто из них до сих пор не выступил с развернутой аргументацией своих взглядов, кроме Ф. Альтхейма.[5] Но поскольку Альтхейм базируется на довольно сомнительных чтениях парфянских текстов, постольку приходится ждать более основательного изложения дальнейших доводов сторонников взгляда на документы из Нисы как на арамейские; пока же аргументация, с которой приходится считаться, сводится к соображениям, которые изложены Винниковым.

Авторам настоящей статьи принадлежит публикация новых данных в пользу понимания документов из Нисы как парфянских.[6] Наши соображения в этой части вкратце сводятся к следующему: 1) редкие случаи отклонения от нормального синтаксиса, наблюдаемые в собственно арамейских текстах, на которые ссылается Винников, отчасти относятся к другому, гораздо более позднему арамейскому диалекту, отчасти сомнительны; 2) если при арамейских словах в текстах из Нисы не имеется иранских формантов, то это не противоречит принципам гетерографии, как видно из многочисленных примеров; 3) иранские слова, которые Винников рассматривает как лексические заимствования в арамейский язык, в текстах из Нисы не принимают арамейских формантов (что в предполагаемом нашим критиком случае было бы неизбежно), но зато имеют при себе иранские грамматические форманты падежа и числа; 4) помимо отмеченных Винниковым отклонений от правил арамейской грамматики, имеются и другие, причем весьма существенные, которых он не объяснил; 5) все отклонения от арамейской грамматики легко объяснимы, если предположить, что арамейские слова являются лишь гетерографической маской парфянского текста; 6) синтаксис текстов (за исключением случаев сохранения некоторых арамейских канцелярских формул полностью) вполне соответствует парфянскому синтаксису; 7) ряд орфографических особенностей связывает тексты из Нисы с надписями сасанидского времени на парфянском языке („пахлавик“); 8) имеется, наконец, ряд случаев, когда в одной и той же формуле или одном и том же обороте арамейские (гетерографические) написания заменяются парфянскими (фонетическими).

Еще до появления нашей последней статьи (см. прим. 6) документы, изданные нами и Винниковым, были переизданы М. Шницером, занявшим осторожную промежуточную позицию. Примыкая в большинстве случаев к Винникову в чтении отдельных слов там, где последний расходится с нами (число таких случаев невелико), Шницер не высказывается по существу вопроса о языке документов, характеризуя их письмо как „пред-пехлеви“.[7]

В 1957 г. аргументацию авторов настоящей статьи и Ф. Альтхейма подверг анализу Я. Харматта.[8] Последний высказывается против возможности рассматривать документы из Нисы как памятники живого арамейского языка, справедливо указывая на то, что ни одна форма в парфянских памятниках не выходит за пределы арамейского языка

[5] Fr. Altheim und R. Stiehl. Aramäisches aus Iran. Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx-Universität, Leipzig, V (1955/6), стр. 388.

[6] И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц. О языке документов из древней Нисы, ВДИ, 1956, № 4, стр. 100 сл.

[7] M. Sznycer. Ostraka d'époque parthe trouvés à Nisa. Semitica, V, 1955, стр. 65 сл.

[8] J. Harmatta. The Parthian Parchment from Dura-Europos. Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, V, 1—4, 1957, стр. 299—301.

ахеменидских канцелярий VI—IV вв. до н. э., но в то же время отказывается солидаризироваться и с нашей точкой зрения, так как отсутствие фонетических комплементов при арамейских словах в текстах из Нисы не позволяет отождествить письмо этих текстов с письмом „пахлавик" сасанидских надписей (парфянских версий).

Однако на это отличие письма документов из Нисы от более поздних парфянских надписей указывали и мы, хотя и подчеркивали черты орфографического сходства между ними.[9] По существу, Харматта согласен с нами в том, что письмо документов из Нисы является недостающим посредствующим звеном между чисто арамейским письмом документов ахеменидских канцелярий, лишь докладывавшихся чиновникам по-ирански,[10] и развитой „пехлевийской" письменностью с арамейскими идеограммами, всегда читавшейся только по-ирански. Мы полагаем, что все богатство имеющегося теперь в нашем распоряжении материала позволяет с уверенностью утверждать, что язык, на котором читались документы из Нисы, — парфянский и что арамейские слова и целые выражения, составляющие основую часть формуляров, следует рассматривать как гетерограммы.[11] Не повторяя здесь всех ранее приводившихся нами аргументов, остановимся на некоторых из основных положений.

1. Одни и те же слова и обороты пишутся и в арамейской форме, и по-ирански, например: KRM' ḤDT QRY = KRM' nwk QRY, что во всех случаях следует читать raz navak (или nōk) nām 'виноградник, называемый новым'; 'YTY (документ № 458) — 'st (№ 2120) = ast 'есть',[12] ḤLH = wytršpk 'скисшее (вино)', 'уксус', и др.

2. Имеется значительное число слов, выписываемых только по-ирански, в частности некоторые глагольные (причастные) формы: krtk 'сделанный' [ḤLH krtk 'сделанный (ставший) уксусом'], 'phšt, наряду с историческим написанием 'phršt-[13] (из др.-ир. *apahṛšta-, др.-инд. apāsṛṣṭa-, ср. авест. инфинитив apaŋharəštōe, от hṛz- 'оставлять', авест. harəz-, парф.-маних. hyrz-, 'bhyšt, ср. арм. заимствование из парфянского: apaharzan 'развод') в обороте 'ph(r)št ḫwrybr(n) 'оставлено (или 'влито'? ср. авест. upaŋharəz-) стольничим(и)'; ptšḥt (вар. ptšyḥt, ptšḥtk) 'L'ḤRN ḤWT' 'перелито в другой сосуд (хум)'. Ср. также незашифрованное написание предлога pty[14] в сочетании pty pntnk (... 'L prtry pty pntnk, № 1379).

[9] Матер. ЮТАКЭ, вып. 2, 1951, стр. 50 и др.

[10] Этот тезис, выдвинутый Шедером (см. дальше), по-видимому, может сейчас считаться общепринятым.

[11] Следует отметить, что если вопрос о характере языка и письма документов из Нисы имеет огромное значение для проблемы развития гетерографической письменности „пехлеви" и для лингвистики, то для исторического осмысления этих документов и в ряде случаев даже для их перевода вопрос этот имеет второстепенное значение. Арамейские слова текстов должны толковаться, исходя из арамейского словаря, безотносительно к тому, являются ли они графическими масками слов, произносившихся по-парфянски, или нет; точно также иранские слова должны объясняться, исходя из иранского словаря, независимо от того, являются ли они лексическими заимствованиями в арамейский или нет. Если могут быть разногласия в объяснении причин появления той или иной синтаксической конструкции, то в переводе этих конструкций, по-видимому, особых разногласий также нет. Различное толкование того или иного контекста зависит поэтому не от того, примем ли мы ту или другую точку зрения на язык и письмо документов, а лишь от конкретного анализа текста.

[12] Ср. Frahang i pahlavik, XXIV, 2: 'YTY = ast.

[13] О выпадении -r- в группе -ršt- уже в аршакидское время см: H. Hübschmann. Persische Studien. Strassburg, 1895, стр. 260 сл.

[14] Сохраняется и в парфянских версиях сасанидских надписей, — в отличие от версий „парсик", где, как и в книжно-пехлевийской письменности, предлог pat передается гетерограммой PWN.

Сложные имена существительные всегда пишутся по-ирански — очевидно, во избежание необходимости разлагать термин на два слова и переставлять порядок элементов (арамейский язык не знает словосложения). Поэтому 'писец' (dipīr) пишется по-арамейски SPR', но 'начальник писцов' dpyrpty (dipīrpati; ср. SPR', dpyrpty в парфянской версии надписи Шапура I на Ка'бе-и Зардушт, dpyw, dpywpt в версии парсик); 'виноградник' пишется по-арамейски KRM', но 'виноградарь' — rzpn, 'винодел' — rzkr.

3. Имена, выступающие в раскрытом (незашифрованном гетерограммой) написании, могут оформляться иранской флексией. Так, например, показатель -y, который может быть истолкован только как флексия косвенного падежа (= ē): MN Prypt(y)kny 'из (поместья) Friyapātikān', MN 'rtbnwkny 'из (поместья) Artabānukān' и т. д.,[15] встречается также флексия множественного числа -n(rzpn 'виноградарь', мн. ч. rzpnn; ḫwrybr, мн. ч. ḫwrybrn 'стольничий').

4. Напротив, флексия, характерная для арамейского языка, отпадает в тех случаях, когда понятие выражено не арамейским именем (т. е. гетерограммой), а иранским (именем в незашифрованном написании). Так, в очень часто встречающейся формуле 'в руке (такого-то должностного лица)' мы встречаем LYD PḤT' 'в руке сатрапа' ('принадлежащее сатрапу') с правильно употребленным арамейским постпозитивным определенным артиклем, но LYD ḫštrp (без артикля) в тех случаях, когда 'сатрап' пишется по-ирански; точно также LYD dyzpty 'в руке начальника крепости', LYD mrzwpn 'в руке марзпана'. Если бы перед нами был арамейский, а не частично зашифрованный гетерограммами иранский текст и иранские слова были бы лексическими заимствованиями в арамейский язык, то мы имели бы, очевидно, арамейский определенный артикль во всех случаях, где речь идет об определенном должностном лице.

5. Хотя при гетерографических написаниях во многих случаях арамейская флексия употреблена правильно, однако несомненно, что в рассматриваемое время уже терялось понимание ее значения. Поэтому арамейская форма сопряженного состояния имени может, вопреки правилам арамейской грамматики, употребляться без следующего за ним определения в родительном падеже, и, наоборот, форма определенного состояния (т. е. форма с постпозитивным артиклем) — перед таким определением: HN'Lt 'L GNZ' MLK' 'L ŠNT... 'внесено в казну царя на год такой-то' (-t — фонетический комплемент, показатель причастия), с определенным состоянием GNZ' вместо сопряженного *GNZ. Применение этих форм обусловлено уже не грамматикой, а наибольшей распространенностью той или иной формы в канцелярском употреблении. Форма, встречавшаяся в наиболее употребительных канцелярских оборотах, застывает в таком виде и применяется уже безотносительно к контексту; в таком виде она постепенно превращается в неизменяемую гетерограмму и в дальнейшем заносится в словарь гетерограмм — „Frahang i pahlavīk", известный нам для сасанидского времени (например, слово ŠNT 'год' — в форме сопряженного состояния, гетерограмма, известная для всех иранских письменностей на арамейской основе).

[15] Конечное -y в слове 'wzbry (в сочетании MN KRM' 'wzbry), как указал проф. В. Б. Хеннинг, является скорее всего не флексией косвенного падежа, а отражением древнего суффикса -ya ('wzbry = uzbari, др.-ир. uzbarya-).

Неправильное применение арамейской флексии при гетерограммах в книжно-пехлевийской письменности отмечалось неоднократно. „Frahang i pahlavīk“ содержит, в частности, помимо ошибочного употребления форм состояний арамейского имени, также и многочисленные примеры ошибочного применения арамейской флексии -у', в которых этот показатель не может быть истолкован ни как флексия множественного числа, ни как показатель притяжательного прилагательного („нисбы“): DWBŠY' = angamēn 'мед' (V, 3); 'RŠY' = gāh 'трон' (II, 4); ḤWBSY' = zēndān 'тюрьма' (XVII, 1); ḤLQY' = yōy 'канал' (III, 2); ŠMŠY' = xvar 'солнце' (I, 2) и др.[16] Э. Эбелинг справедливо указывал, что такое оформление арамейских гетерограмм могло возникнуть лишь в тот период, когда понимание грамматического строя арамейского языка было утрачено.[17] В таком положении, несомненно, находились уже и писцы парфянской канцелярии.

6. В текстах документов из Нисы засвидетельствован целый ряд случаев употребления глагольных гетерограмм с фонетическими комплементами (иранскими флективными показателями), например: YNTNt 'L NŠKN WS'RY 'YTY 'отдано под проценты, а остатки налицо' (№ 211); ср. ḤWTHZNH YNTNW 'L NŠKN 'этот хум отдали (пусть отдадут?) под проценты' (№ 605); ...WHQ'YMt 'L mdw[stn] '... установлен (возложен?) на винный склад' (№ 587, ср. Bmdwstn 'в винном складе' в ряде документов), где HQ'YM- — хорошо известная по парфянским версиям сасанидских надписей (Хаджиабадская надпись, надпись Шапура I на Ка'бе-и Зардушт) гетерограмма для основы прошедшего времени глагола со значением „класть“, „устанавливать“, соответствующая гетерограмме ḤNḤTWN = nihātan в версиях парсик; ср. Q'YMW 'L ŠNT 164 'установили на год 164' (№ 884) и др.

Документы из Нисы отражают тот период в развитии гетерографии, когда иранские глагольные формы могли передаваться тремя путями: а) чистая гетерограмма (HYTY 'доставил' и др.); б) гетерограмма с фонетическим комплементом; в) иранское написание всей формы (krtk, 'ph(r)št, ptš(y)ḥt(k), 'st).

Примечательно, что в парфянских версиях сасанидских надписей, в отличие от нисийских текстов, отмечены лишь единичные случаи иранского написания глагольных форм прошедшего времени,[18] т. е. написания, подобные нисийским 'ph(r)št, krtk, ptš(y)ḥt(k). Отсюда вытекает весьма парадоксальный на первый взгляд вывод: нисийские тексты в графическом обозначении глагольной лексики менее насыщены арамейскими гетерограммами, чем гораздо более поздние парфянские памятники. И в то же время в документах из Нисы мы встречаем сплошь зашифрованные гетерограммами формулы, мало характерные для более поздних парфянских текстов, а также написания глагольных форм без комплементов.[19] Такое положение должно объясняться прежде всего

[16] E. Ebeling. Das aramäisch-mittelpersische Glossar Frahang-i-Pahlavīk im Lichte der assyriologischen Forschung. Leipzig, 1941, стр. 100 сл.

[17] Там же, стр. 104. Все арамейские слова документов из Нисы принадлежат к так называемому „имперскому арамейскому“ диалекту, употреблявшемуся в ахеменидских канцеляриях, но вымершему ко II в. до н. э.

[18] Ср. sht в формуле датировки в парфянских надписях на стенах храма Зевса Мегиста в Дура-Эвропос; см.: W. B. Henning, Yale Classical Studies, XIV, 1955, стр. 144.

[19] И значительно позже, в III в. н. э. (пергамент № 12 из Дура-Эвропос), мы встречаем в парфянском тексте целые формулы-предложения, известные из арамейских документов ахеменидского времени. В. Хеннинг (Gnomon, 26, 1954, стр. 477) и Я. Харматта (ук. соч., стр. 300) справедливо указывают, что именно для стандартных формул и позже характерно отсутствие комплементов при арамейских словах. Ср. также довольно многочисленные случаи такого рода в сасанидских надписях (парсик), а также сохранение двух глагольных гетерограмм без комплементов в согдийской письменности.

меньшей нормированностью гетерографии в текстах из Нисы по сравнению с более поздними памятниками.

В том, что документы из Нисы прочитывались по-парфянски, а не по-арамейски, не может быть, с нашей точки зрения, никакого сомнения. Но, как установил Г. Г. Шедер,[20] и документы ахеменидского времени, написанные целиком на хорошем арамейском языке,[21] были предназначены для прочтения писцами высшим чиновникам по-ирански. Как бы ни рассматривать ход возникновения и развития среднеиранских письменностей с их арамейскими гетерограммами, несомненно и общепризнано, что этот вид письма возникает в связи с резким уменьшением в государственных канцеляриях послеахеменидского времени числа писцов, знающих арамейский язык; позднейшие писцы могли употреблять лишь определенный набор арамейских канцелярских формул, но уже не владели арамейским языком. Поэтому, исходя из изложенного, можно задать вопрос: считали ли сами писцы, что они пишут на иранском языке, или полагали, что когда они производят гетерографическую запись с последующим чтением документа по-ирански, то все же продолжают в традициях еще ахеменидской канцелярии писать по-арамейски?

Таково ли было положение в канцеляриях Нисы I в. до н. э., сказать трудно. Следует, однако, отметить одну аналогию, говорящую против этого. Как известно, аккадская (ассиро-вавилонская) система письма структурно аналогична иранской письменности на арамейской основе. Хотя любое аккадское слово может быть написано фонетически (правда, слоговым, а не алфавитным письмом), однако аккадские тексты насыщены шумерскими гетерограммами, с фонетическими комплементами и без них. В наиболее древних (староаккадских) текстах число гетерограмм составляет до 80—90%; шумерская флексия то употребляется (правильно или ошибочно), то опускается. Однако староаккадские писцы ясно понимали, что пишут не по-шумерски, а по-аккадски, что видно из наличия староаккадско-шумерских билингв и из других данных.

Арамейские написания в документах из Нисы в большинстве случаев, как уже указывалось, принадлежат к стандартным формулам, унаследованным, очевидно, от арамейских писцовых канцелярий ахеменидского времени. Но там, где писцу приходилось выразить что-либо, выпадающее из традиционных стандартных формул, он либо прибегал к чисто иранским написаниям ['ph(r)št ḫwrybrn и др.], либо нанизывал написанные по-арамейски слова, каждое в его привычной по стандартным оборотам форме, без всякого внимания к правилам арамейской грамматики, строя текст в целом лишь согласно синтаксису парфянского языка ('L GNZ' MLK' 'L ŠNT... 'в казну царя на год такой-то' вместо правильного по-арамейски 'L GNZ MLK' 'L ŠNT... или 'L GNZ' ZY MLK' 'L ŠNT...). Заметим, что все известные

[20] H. H. Schaeder. Iranische Beiträge, I. Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft, Geisteswissenschaftliche Klasse, 6. Jahrgang, Heft 5, 1930, стр. 6 сл.

[21] Однако не без влияния иранской разговорной речи, см.: E. Benveniste. Journal asiatique, CCXLII, стр. 305 сл.

писцы (SPR') нисийских документов носят иранские имена: Ḥšytk (Xšētak), Mtrynk (Mihrēnak), Prhynk (Frahēnak), Brzpdyk (Barzpādik) и др.

Документы из Нисы представляют собой брошенные за ненадобностью первичные документы на глиняных черепках (остраках) из винных складов (mdwstn) в Михрдаткирте (Mtrdtkrt) — так, судя по одному из текстов, называлась древняя центральная крепость (BYRT'),[22] обычно условно называемая „Старой Нисой". Подавляющее большинство текстов представляет собой документы, сопровождающие определенный сосуд с вином, и в этом отношении они действительно напоминают этикетки, как это предполагал И. Н. Винников. Однако, в противоположность мнению Винникова, они не являются этикетками в том смысле, что не содержат указаний на сорт вина. В них указывается, что в данном сосуде (ḤWTH или ḤWT' — ие < ḫābiṯā, как предполагал Винников, а арам. *ḫutā или *ḫuttā < акк. ḫuttu, ср. многочисленные аккадизмы в арамейском языке ахеменидских канцелярий и даже еще в „Frahang i pahlavīk") столько-то вина, которое поступило как взнос на такой-то год с такого-то имения и виноградника определенной фискальной категории и было доставлено таким-то чиновником. Далее имеются различные приписки, отражающие дальнейшее прохождение данного сосуда с вином на винном складе (mdwstn = maʾustān): долив, расход, скисание и т. п. Таким образом, это не просто этикетки, а учетные документы, род накладных при каждом данном сосуде вина, вероятно, служившие первичными документами для составления бухгалтерских ведомостей.[23] Документы регистрируют взыскание налоговых или каких-то иных сборов вином и другими продуктами виноградарства; ряд документов посвящен выдачам. Имелись также бухгалтерские предварительные раскладки, итоговые записки, этикетки, письма-записки, памятные записи писцов, а также учебные упражнения.

Вино взыскивалось с виноградника специально высланным на место чиновником: обычно 'доставщиком вина' (mdwbr), реже 'виноделом' (rzkr), 'писцом' (SPR' = dipīr). О том, что чиновник специально высылался в определенное „поместье" для взыскания вина, свидетельствует тот факт, что в документах, упоминающих поступления из двух „поместий", фигурируют обычно два имени мадубаров.

Земли, с которых производился побор вином, делились на две основные категории: „узбари" ('wzbry = uzbari) и „патбажик" (ptbzyk = patbāžik). Обе эти категории известны еще со времени Ахеменидов. „Патибаж" — сбор в пользу царя, взимавшийся натурой;[24] менее ясно,

[22] Ср.: BYR' (= staxr?) на монетах правителей Фарса (E. Herzfeld. Paikuli. Berlin, 1924, стр. 68); BYRT(') в парфянской версии надписи Шапура I на Каʿбе-и Зардушт, где BYRT(') 'крепость' противопоставляется гетерограмме MḤWZ (') 'город' (строка 5): W 'ḤDT pty LHw ḤD z'wr MN prwmyn ḫštr BYRT' W MḤWZ' 'nty MḤWZ' 'M prybr ḥmkwsy BYRT 'rwpn 'M prybr ḥmkwsy BYRT 'spwrkn 'M prybr ḥmkwsy šwr'y MḤWZ' 'M prybr ḥmkwsy... 'И (мы) захватили в этой одной войне у царства римлян крепости и города: Anaθa, город, вместе с округой; крепость Arūpān вместе с округой; крепость Aspurakān вместе с округой; Šūra, город, вместе с округой... (цит. по изд.: M. Sprengling. Third Century Iran. Chicago, 1953).

[23] Последние, судя по аналогии с персепольским архивом на эламском языке, по-видимому, составлялись на коже. Наметки или черновики таких ведомостей имеются, однако, и в составе архива Нисы на остраках.

[24] Афиней (XI, 503), излагая Динона, говорит, что ποτίβαζις называлось в Персидской державе ежедневное обязательное приношение царю хлеба, вина и венка. В Индии аналогичный сбор именовался pratibhāga-. PTBG упоминается также в Книге Даниила (XI, 26) (см.: ВДИ, 1953, № 4, стр. 118). Совершенно неубедительным представляется толкование PTBG как *pitubaga 'мясная диэта' (др.-ир. *piθvabaga-) и по-

что́ представляла собой категория земель „узбари" или „узбари царя".[25] С виноградников „патбажик" могли вносить взносы и отдельные виноградари (rzpn). Так, в одном из документов (№ 1874) указывается, что из двух виноградников „поместья" 'tykn (Atēkān) мадубар по имени Mihrēnak (Mtrynk) доставил 14 марисов вина (ḤMR mry 10 и Ḥm 4), а из виноградника „патбажик" (MN KRM' ptbzyk) виноградарем по имени Gōr (MN Gwr rzpn) внесен отдельный взнос (ḤMRmry 1 k 2). Имелись и другие виды поборов (ḤLP ptsyk, sygpr).

Существовали также добровольные взносы (MN NPŠH 'от себя'), возможно, на культовые цели. В числе лиц, вносивших вино „от себя", выступают нередко крупные чиновники: Tīr(i)dāt (Tyrydt) mzn 'sppty = mazan[26] asppati[27] 'главный начальник конницы', gznbr 'казначей' (носящий имя Pšyr) и другие, называемые иногда просто по имени.[28]

Некоторые данные можно получить об административном делении территории. Отдельные земельные участки („поместья") или отдельные виноградники были, по-видимому, специально выделены на содержание крупных сановников: они находились 'в руке' (LYD, в значении BYD) начальника крепости или селения вокруг крепости (dyzpty = dizpati), сатрапа (PḤT', ḫštrp = xšahrap, ср. арм. šahap) и марзпана (mrzwpn = marzʾpān). Первый часто называется по имени, так как крепостей-селений (diz, гетерограмма QRYT'), как показывают документы, было очень много. Тем не менее почти всегда указывается одно и то же имя — Mtrprn dyzpty (Mihrfarn dizpati), связываемое обычно с земельным участком Friyapātikān (Prypt(y)kn BN'), за счет которого Михрфарн, возможно, и содержался. В документах, упоминающих другие „поместья", имена dyzpty, как правило, не приводятся. Сатрап и марзпан названы по имени в очень немногих документах (сатрап Kwpyzt = Kōfēzāt? ср. Kōhzād; марзпан Mtrssnk = Mihrsāsānak); марзпан, в отличие от сатрапа и дизпата, упоминается сравнительно редко. Иерархический характер „лестницы" dyzpty → ḫštrp → mrzwpn кажется очевидным.

Отдельные чиновники канцелярии, находившейся в Михрдаткирте, обозначаются по территориальным единицам, из которых они были родом или к которым они были приписаны. (Следует, однако, отметить, что сбор почти никогда не производится чиновником в той территориальной единице, которая указывается после его имени). Эти приписки к именам чиновников, а также указания на место сбора позволяют установить, что низовой территориальной (вероятно, территориально-административной) единицей была либо крепость-селение — QRYT' = парф. diz[29] (этим термином обозначались, возможно, и поселения городского типа), либо „поместье" — более крупная единица, обозначаемая в армейском написании как BN'.

ςίβαζις < *pāitubājiš, предложенное Э. Херцфельдом (E. Herzfeld. Zoroaster and his World. Princeton, 1947, стр. 362, 830). Правильное объяснение восходит к де Лагарду.

[25] См.: ВДИ, 1956, № 4, стр. 110.

[26] Ср. авест. masan- 'большой', курд. məzьn 'большой', 'старший', белудж. mazan 'старший', 'начальник'.

[27] Ср. Pērōz asppat(i) при дворе Шапура I (пахл. Prgwz 'sppty, парс. Pwywzy ZY 'sppt).

[28] MN NPŠH Ssn 'от Sāsān'a', MN NPŠH Šrgr и др.

[29] Др.-ир. *dizā-, ср. древнеперс. didā-, новоперс. diž, diz (при сохранении собственно персидской формы слова в dīdbān, dīdvār). QRYT' (KLYT') выступает как гетерограмма для diz также в книжно-пехлевийской письменности; см., например: Kārnāmak i Artaxšēr i Pāpakān (изд. Ântiâ), XII, 17; Artak Vīrāz Nāmak (изд. Haug and Hoshang), I, 7.

По-арамейски BN' может означать различные формы от глагола 'делать', 'сооружать';[30] то же означает по-ирански kirt ('сделанный', ср.арм. -kert, -cert в названиях городских поселений, новоперс. -gird). Можно предположить, что в документах из Нисы BN' выступает как эквивалент более известного термина dastkirt (букв. 'сделанный рукой', в позднем книжно-пехлевийском написании YDkrt). Ир. dastkirt, арм. dastakert, dzeṛakert, арам.-талм. dasqirtā означало первоначально 'рабовладельческое поместье', в частности, 'царское поместье',[31] которое здесь, вероятно, и имеется в виду.

Как „крепости-селения" (QRYT' = diz), так и особенно „поместья" (BN') делились на отдельные виноградники и урочища, имевшие каждое свое имя.

Имена-названия местностей, встречающиеся в документах из Нисы, распадаются на две группы. В первую входят названия, образованные от имен божеств, царей и других (преимущественно зороастрийских) собственных имен, как правило, хорошо этимологизируемые.[32] К ним относится большинство названий „поместий".

Во вторую группу входят названия местностей, несомненно, гораздо более древние, чем названия первой группы, не содержащие имен зороастрийских божеств. Многие из названий второй группы, как это обычно для иранской топонимики, этимологизируются с трудом.

В документах установлены следующие „поместья":

1) Friyapātikān (Pryptykn, Pryptkn) — Фриапатиевское, по имени царя Фриапатия II, без подразделения на виноградники;

2) Artabānukāṇ ('rtbnwkn) — Артабановское, по имени царя Артабана II, с виноградниками: Artaxšahrakān ('rtẖštrkn) — Артаксерксовским (по имени легендарного предка Аршакидской династии, Артаксеркса II?); Spandšakan (Spntškn, Spndškn); Mihrēnak (Mtrynk) от имени Mihrēn;

3) Mihrdātakān (Mtrdtkn) — Митридатовское, по имени царя Митридата II, без подразделений на виноградники (до 160-х годов в составе имения Sygbyš);

4) Arpaδan или Arpaδanak ('pdn, 'pdnk) — Дворцовое, без подразделения на виноградники;

---

30 Ср. употребление форм от корня BN' как гетерограмм для глагола 'строить', 'сооружать' в версии пахлавик сасанидских надписей.

31 А. Г. Периханян. Рабовладение и землевладение в Парфии. ВДИ, 1952, № 4, стр. 18 сл. В этом значении данный термин встречается довольно часто. Ср. также в надписи Шапура I на Ка'бе-и Зардушт (пахлавик), строка 16: ... LN W'BYtr W ny'kn W ẖsynkn dstkrt YẖWt '... (где) были наши и (наших) отцов и дедов и предков поместья'; строка 17: ... WLQBLKD 'YK y'zt(?) LN MN ZK gwnk dstkrt 'BDWnt... '... и ввиду того, что боги нам таким образом создали поместья...'; строка 25: Dynkyh Myšn MLKTH dstkrt Šẖypwẖr 'Денаке, царица Месены, поместья Шапура' (в греческой версии dstkrt не переводится — ΔΑΣΤΙΚΙΡΤ, что указывает на терминологическое значение слова). М. Шпренглинг переводит dstkrt в этой надписи как 'foundations', 'handiwork', Р. Фрай (для строки 25) — 'patrimony'. О других значениях термина в сасанидских надписях и в памятниках книжно-пехлевийской письменности см.: E. Herzfeld. Paikuli, стр. 164—165; B. Geiger. Mittelpersische Wörter und Sachen, I. WZKM, Bd. 42, 1935, стр. 123—128.

32 В одном случае ('yzn Nnystnkn = āyazan Nanaistānakān — храм Нанайи) название содержит имя богини Нанайи, первоначально незороастрийской (вавилонской), но отождествленной с зороастрийской Анахитой (ср. согдийские имена с nny-, NANA на монетах кушан). Ср.: R. Ghirshman. Iran from the earliest times to the Islamic conquest. L., 1954, стр. 102—104, 269 сл.; E. Herzfeld. Paikuli, стр. 219.

5) Barzmēδan (Brzmytn) — 'высокая обитель' (авест. maēδana-),[33] с виноградниками: Barzmēδan, называемый 'Ṭ/TYQ или Kptnyš (Kaftanīč) 'старым'; Barzmēδan, называемый Navak (ḤDT, nwk) 'новым'; Frāδahak (Prdhk);

6) Sēγaβīč (чтение условное, Sygbyš), с виноградниками: Gōtarzakān (Gwtrzkn) — Готарзовским, по имени царя Готарза I?; Arpaδanak navak ('pdnk nwk) — дворцовым новым; Pardēz (Prdyz) — 'парком' (др.-ир. *paridaizā-, авест. pairi. daēzā-, новоперс. pālēz);

7) Kōzar (? Kwzr; до 160-х годов в составе имения Sygbyš), с виноградниками: Frāδahīčan (Prdhyšn) от имени Frāδah, ср. авест. frād-, daiŋhufrādah;[34] Nykyn; Sēmēn (? Symyn, вар. Symy);

8) Barzpašan (Brzpšn), без подразделения на виноградники;

9) Sakān (? Skn), без подразделения на виноградники;

10) Atī/ēkān ('tykn), с виноградниками Brdn, Wykrt (Vēkirt) и ḤDT || nwk (navak 'новый', только до 160-х годов);

11) Artōk или Artavak ('rtwk), без подразделения на виноградники;

12) Bōδīč (Bwdyš) — 'благоуханный' (ср. авест. baoδa-, baoδay-), без подразделения на виноградники;

13) Marγ (Mrg) — 'луг', без подразделения на виноградники;

14) Āyazan Nanaistānakān ('yzn Nnystnkn) или просто Āyazan — 'принадлежащее храму Нанайи' (ср. др.-перс. āyadana-), без подразделения на виноградники;

15) Fravaši (? Prwšy), без подразделения на виноградники;

16) Hampi (? Hmpy), без подразделения на виноградники;

17) Gōdēs (? Gwdys), без подразделения на виноградники.

Поместья, не делившиеся на отдельные виноградники, были, за исключением поместий Фриапатикан, Михрдатакан и Ап(п)аданак, по-видимому, значительно меньше по размерам и упоминаются редко.

В числе „крепостей-селений" к первой группе названий относятся:

1) Baγdāt, Baγdātak (Bgdt, Bgdtk), от имени собственного Baγdāt;

2) Baγdāt(a)stavanak или Baγdāt(a)stōnak (Bgdtstwnk), от того же имени собственного + топонимический термин, переданный у Исидора Харакского как Ἀστυήνη?;

3) Art(a)stavanak (или Art(a)stōnak, 'rtstwnk);

4) Rašnudātakān (Ršnwdtkn), от имени собственного Rašnudāt.

Более распространены названия второй группы; чтение их во многих случаях еще не уточнено;

5) Wrgstyš (Varγastīč, ср. н.-перс. varγast, varγašt, barγast — название травы);

6) Wrkpndk (Virkpandak 'путь волков');

7) Kmwr;

8) Ššyk (Čāčik?);

9) R'gn, Rgn (ср. Ῥαγαυη в Парфиене у Исидора Харакского?);

10) Wykrt (ср. виноградник с тем же названием);

11) Bz/nršt;

12) Kpwr;

13) 'rgkn (Arγakān, от arγ 'дорогой', 'ценный'?);

---

33 Ср. Урметан, Раметан в Согдиане, хот.-сакск. parmiha 'деревушка', новоперс. mēhan, широко представленное в иранской топонимике.

34 В нисийских документах Frāδah (Prdh) и Frāδahīč (Prdhyš) встречаются как имена собственные. Ср. также др.-перс. Frāda — имя собственное маргианца.

14) Bwdystn (Bōδistān 'сад', среднеперс. bwdyst'n, н.-перс. bōstān);
15) Krštn;
16) K'hk (Kāhk? Kaahk?);
17) Krkyšn (Karkīčan?);
18) Wrdtnk;
19) Kpwš;
20) Mrw (ср. авест. Mouru- 'Маргиана' в тексте Vd. I парфянского времени);
21) Nybpdn(k) [Nēβарраδan(ak)][35] — 'хороший дворец' и др.

Таким образом, хозяйственная канцелярия Михрдаткирта („Старой Нисы") охватывала своей деятельностью не менее 17 поместий и свыше 20 селений. Было бы существенно выяснить, сколь обширна в действительности была эта территория. Можно сделать попытку отождествить некоторые из топонимических названий изучаемых документов со средневековой и современной топонимикой. Конечно, пока сопоставление может быть лишь самым предварительным, так как необходимо в каждом отдельном случае проделать работу по выявлению истории термина. Поэтому мы пока ограничимся теми первичными сопоставлениями, которые могут быть сделаны предварительно для того, чтобы привлечь внимание к вопросу. При этом следует иметь в виду, что тождество топонимического термина не обязательно означает тождество самих населенных пунктов.

С этими оговорками можно сделать следующие сопоставления (располагая населенные пункты в географическом порядке — от Нисы к востоку): Artōk — совр. Артык, северо-западнее Кааха?; K'hk — совр. Кааха?; Ātī/ēkān — ср. средневековый и современный оазис Атек (между современными селениями Гяур и Душак)? Обычно это слово производят от тюрк. etek 'край хребта', 'подножие горы', однако В. В. Бартольд[36] указывает на средневековую персидскую форму Ātak, что не может быть возведено к etek; Barzmēδan — ср. современная Меана (<Mēhan<mēδan<др.-ир. maiδana-) между Душаком и Серахсом?;[37] Čāčik — современная Чаача, там же?; Barzpašan — ср. B/Pašan у Истахри,[38] название местности в районе Мерва?; Mrw — ср. Мерв? В этом случае, однако, дело идет, надо полагать, самое большее об омонимичном топонимическом термине. То же можно сказать о названии Karkīčan, если оно связывается с названием г. Керки на Аму-Дарье.

К этим топонимическим названиям следует прибавить также Rāγan, Baγdāt(a)stavanak и Art(a)stavanak, связываемые с упоминаемыми Исидором Харакским парфянскими топонимическими терминами Ῥαγαυη и Ἀστυήνη, а также Vēkirt, который нельзя не сопоставить с загадочной Vaēkərəta- (Vaikṛta-) первого фаргарда Видевдата, упомянутой в списке зороастрийских стран вместе со столь же загадочной Урвой, между Нисайей (Нисой?) и Ареей (долиной Теджена), с одной стороны, и

[35] Ср. согдийское топонимическое название Širfaδan у 'Якута (название селения в окрестностях Бухары) с тем же значением. В парфянском языке документов из Нисы засвидетельствовано (в собственном имени Šyr и топониме Nybpdn) как слово šir 'хороший' (<др.-ир. srira-), характерное для восточноиранских языков, так и слово nēβ 'хороший' (<др.-ир. naiba-), характерное для персидского (новоперс. nēk<naibaka-).

[36] EI, s. v. Atek.

[37] Макдиси упоминает Ribāṭ-Mehna в районе Абиверда; ср. также Kušmēhan в районе Нишапура.

[38] Истахри, 263.

Гирканией (долинами Сумбара и Атрека) — с другой. Парфии в целом в этом списке нет.

Создается впечатление, что район действия канцелярии Михрдаткирта простирался от Нисы на восток через все пространство северных предгорий Копет-Дага (древнейшей земледельческой области Средней Азии), по крайней мере до долины Теджена-Герируда, а может быть и до Мервского оазиса. Однако этот вопрос подлежит доследованию историками Средней Азии.

Канцелярия Михрдаткирта, по-видимому, ведала поступлениями с царских и общинных земель большого района, по всей вероятности целой сатрапии. Сатрап именно этой области, очевидно, упоминается (как правило, без имени) в наших документах.

Из других источников мы знаем, что в Селевкидском царстве территория делилась на сатрапии (составлявшие лишь части бывших ахеменидских сатрапий), сатрапия — на гипархии, гипархия — на епархии, епархия, возможно, — на статмы. Административная иерархия коренной Парфии была, очевидно, иной. Территория делилась на марзпанства, марзпанства — на сатрапии, сатрапии — на дизы. Вопрос этот также требует дальнейшего исследования и, в частности, привлечения данных аршакидской Армении, а также материалов из Дура-Эвропос, Авромана, надписи Шапура I на Ка'бе-и Зардушт и других, в том числе и более поздних источников, содержащих сведения о Парфии.[39]

Надо отметить, что — имея в виду обилие парфянской терминологии, унаследованной средневековой Арменией, — сопоставление данных, предоставляемых документами из Нисы, с материалами, которыми располагают арменисты, может оказаться чрезвычайно плодотворным для выяснения как парфянской лексики, так и исторических реалий.

Прямых указаний на связь деятельности царской канцелярии Михрдаткирта с культом не имеется,[40] однако следует учесть, что сам Михрдаткирт („Старая Ниса") был чем-то вроде культового заповедника, связанного, возможно, с гробницами аршакидских царей, которые, по Исидору Харакскому, находились в районе Нисы. Мы уже раньше высказывали предположение, что поместья и виноградники, названные по имени царя Фриапатия и его преемников, были предназначены на содержание заупокойного культа этих царей. Культовым характером сборов объясняется, быть может, и наличие взносов 'от себя' (MN NPŠH), т. е., вероятно, добровольных.

Для решения вопроса об официальных культах в Парфии исследуемые документы дают существенный материал.

Как известно, материальная культура Нисы I в. до н. э. носит в основном эллинистический или сильно эллинизованный характер. Так, здесь обнаружены изображения греческих богов; на культовых ритонах (найденных во множестве в помещении напротив того самого винного склада, где в забутовке и в виде подпорок к сосудам лежали изучаемые нами остраки) изображены греческие мифологические сюжеты.

[39] См., в частности, данные по истории аршакидской Парфии, извлеченные В. Ф. Минорским на основе анализа поэмы Фахраддина Гургани (XI в.) „Вис-у Рамин" (V. Minorsky. Vīs u Rāmīn. A Parthian Romance, Bull. of the School of Oriental and African Studies of the University of London, XI, 4, 1946; XII, 1, 1947).

[40] В одном фрагментированном тексте упомянут „маг" — в гетерографическом написании MGWŠH (Mtrdt MGWŠH 'Mihrdāt маг', № 2085), известном и для среднеперсидских книжных текстов.

Создается впечатление, что пора безраздельного господства зороастризма еще не наступила.

Совсем иную картину раскрывают нам документы архива. Из 200 с лишним пока зарегистрированных собственных имен (все они иранские) имеется свыше 100 теофорных, многие из которых образованы от имен специфически зороастрийских божеств или иным образом связаны с зороастрийскими верованиями.

Это — имена, связанные с Ахурамаздой ('hwrmzdyk), с зороастрийскими „святыми бессмертными" духами (Whwmn//Whwmnk, 'rtwhyštk//'rtwyhštk, Spndrmtk), с именами Сраша (Srwšyk, Srwšk, Srwšssnk), Дайна (Dynyš//Dynš), с культом огня ('trwmtrk), с именем древнего, еще индоиранского божества Веретрагны, включенного затем в зороастрийский пантеон (Wrtrgn//Wrtrgnk, Wrtrgnssn, Wrtrgnp/bt), с именами Тиштрьи — Тира (Tyrdtk, Tyrydt, Tyry, Tyrynk, Tyrymtrk) и Рашну (Ršnw,Ršnwmtr). С зороастрийскими или другими иранскими верованиями связаны и такие имена, как Hwmy//Hwmyk, Rmynk, Zyw (Zēv, ср. авест. zaoya-) и др.

Показательно большое число имен, связанных с культом Митры (Mtrbwḥt, Mtrbwzn, Mtrdt//Mtrdtk, Mtry, Mtryn//Mtrynk, Mtrprdtk, Mtrprn, Mtrssnk, 'rymtrk, 'trwmtrk, Brzmtrk, Prydt(y)mtr//Prydt(y)mtrk,Ršnwmtr, Tyrymtrk). Этот культ, как известно, получил особенно широкое распространение (в том числе в Малой Азии и Риме) именно в парфянское время.[41] Митре же посвящены, по-видимому, и нисийские имена со словом bag- (Bgdtk, Bgynk и др.), а также многие так называемые „усеченные" имена, в которых название божества подразумевается (Bwḥtk, ср. Mtrbwḥt; Bḥtk, ср. Bḥtdtk; Prḥwštk = Frax^{v}āštak 'требуемый', 'желаемый' от др.-ир. *xvād-, причастие парф. x^{v}āšt-, перс. x^{v}āst-).

Значительная часть учтенных нами теофорных имен возможна не только при господстве зороастризма, но и для незороастрийских иранских верований,[42] однако свыше 10% имен не могут вызвать ни малейшего сомнения в чисто зороастрийском их характере.[43]

Официальное распространение зороастризма подтверждается и календарем: в то время как подавляющее большинство текстов архива датировано только годом аршакидской эры, одна из категорий документов — списки выдач — датированы месяцем или днем и месяцем зороастрийского календаря (YRḤ' Hrwtt; YRḤ' Ḥštrywr YWM' Hmrtt).

Как известно, начало оформления канона Авесты приписывается традицией Валахшу (Valaxš i Aškanān), т. е. одному из четырех Вологезов, возможно Вологезу I, правившему в I в. н. э. Однако, как мы видим, уже в I в. до н. э. авестийский зороастризм должен был стать в Парфии официальным. Был ли это, однако, известный нам для сасанидского времени догматический зороастризм или культ более синкретического характера, типа распространенных в Малой Азии и

[41] См.: F. Cumont. The Mysteries of Mithra. Chicago, 1903; L. Patterson. Mithraism and Christianity, Cambridge, 1921.

[42] Ср., например, имена лиц, образованные от имени первоначально дозороастрийских божеств, а также имена с arta- ('rtwršt, 'rtpn, 'rtwz и др.), с farn- (Prnbg, Wšprn, Brzprn, Grprn), имя 'ryḥštrk и др.

[43] Сюда относятся прежде всего имена группы 'rtwhyštk, Whwmn(k), Spndrmtk, Srwš(y)k, Dyn(y)š и т. п.

Армении в последние столетия до христианской эры и в начале ее?[44] Это, несомненно, подлежит доследованию. В армянских источниках сасанидского времени имеются указания на то, что еще при Йездигерде II сохранялись различия между palhavik и parskaden — парфянской и персидской религиями.[45] Речь идет здесь, по-видимому, о различных школах магов в северных и южных районах сасанидского Ирана.[46] Для аршакидского времени эти различия должны были быть гораздо более значительными.

[44] Параллель сосуществованию в Нисе греческих культовых изображений с официальным зороастризмом представляет надпись из Арабиссона, посвященная браку зороастрийской веры (Dēn Mazdayasniš) с вавилонским верховным богом Белом (M. Lidzbarski. Ephemeris für semitische Epigraphik, I. Gießen, 1902, стр. 73—74).

[45] Eliše Vardapet, Patmut'iwn Vardananc'. 1892, стр. 131. (Пер. Langlois, Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, II, стр. 230).

[46] См.: R. Zaehner. Zurvan, Oxford, 1955, стр. 29.

И. В. Ерштедт

ОШИБОЧНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ СЛОВ В ТЕКСТЕ ГОМЕРА

Мнимый несложный глагол

В стихе 490 пятой рапсодии Одиссеи[1] читается глагол αὔω, единственный раз в греческих памятниках, если не считать среднего залога этого глагола у Арата 1035. Привожу стих 490 пятой рапсодии Одиссеи в его смысловом окружении.

ὡς δ' ὅτε τις δαλὸν σποδιῇ ἐνέκρυψε μελαίνῃ
ἀγροῦ ἐπ' ἐσχατιῆς, ᾧ μὴ πάρα γείτονες ἄλλοι,
σπέρμα πυρὸς σώζων, ἵνα μή ποθεν ἄλλοθεν αὔοι,
ὣς Ὀδυσεὺς φύλλοισι καλύψατο.

(Подобно тому, как кто-либо, у кого нет поблизости соседей, прячет головню в черной куче пепла на крайнем пределе поля, сохраняя источник огня, чтобы не пришлось добывать его в другом месте, — так Одиссей зарылся в листьях) (*перевод мой*).

Принимая во внимание, что в остальной греческой литературе со значением „разжигать (огонь), раздобывать (огонь)" встречается ἐναύω, следует считать, что в приведенном единственном древнем примере употребления глагола αὔω мы еще не имеем полноценного доказательства его употребительности в том же смысле, в каком позднее употреблялось ἐναύω. Дело в том, что следование формы αὔοι за слогом -θεν слова ἄλλοθεν оставляет место предположению, что в названном стихе звукосочетание ἐν- глагола ἐναύω стало жертвой аплологии, а разумелось

*... ἵνα μή ποθεν ἄλλοθεν ἐναύοι

Авторитет Гомера был настолько велик, что обнаружение где бы то ни было в греческой литературе глагола αὔω в одинаковом смысле с указанным местом Одиссеи еще не доказывало бы, что αὔω равнялось слову ἐναύω, где бы то ни было в греческом мире вне таких диссимиляционных условий, какие мы только что предположили. Подлинное наличие в языке греков глагола *αὔω со значением ἐναύω было бы доказуемо только при помощи такого древнейшего текста, к которому мысль о диссимиляционном устранении звуков [en] неприменима.

[1] Homeri Odyssea. Recensuit A. Ludwich, vol. I. Lipsiae, 1889.

Мнимые сложные имена

(ἐπιμάρτυρος 'свидетель' и ἐπιποιμήν 'пастух')

Известно, что в греческой лексикологии, относящейся к гомеровскому словарю, значится ряд единиц, возникших, согласно мнению ученых, по недоразумению: в связи с неумением эпигонов правильно разбираться в делении гомеровского текста на составляющие его слова. Достаточно напомнить о появлении слова ὀχρυόεις вместо χρυόεις 'кровавый' в таком стихе, как Илиада 9,63:[2]

ἀφρήτωρ ἀθέμιστος ἀνέστιός ἐστιν ἑκεῖνος, ὃς πολέμου ἔρατai ἐπιδημίου ὀχρυόεντος

вместо чтения

ὃς πολέμου ἔρατai ἐπιδημίοο χρυόεντος.

(Вне фратрий, вне законов, вне очага живет тот, кто стремится к войне, враждебной народу, кровавой) (*перевод мой*).

В другом случае источником ошибочного деления слов являлось незнакомство послеэпических греков с доклассическим употреблением тех наречий, которые в классическом употреблении встречались уже только как приставки или предлоги. Ошибка получалась тем путем, что наречие местного значения подлежало соединению со следующим существительным в сложное существительное.

В Одиссее 12, 131, о стадах Гелиоса читается:

οὐδέ ποτε φθινύθουσι, θεαὶ δ' ἐπιποίμενες εἰσίν.

(и они никогда не уменьшаются в числе, а богини являются пастушками над ними) (*перевод мой*).

Амеис и Гентце[3] в контекстно-смысловом отношении вполне убедительно поясняют „Hüterinnen darüber" и просят привлечь для сравнения Одиссею 1, 273:

μῦθον πέφραδε πᾶσι, θεοὶ δ' ἐπιμάρτυροι ἔστων

(сообщи всем твое слово, а боги будут (тому) свидетелями) (*перевод мой*).

Но как обстоит с этой аналогией? Привлеченный пример действительно является параллелью к Одиссее 12, 131, однако не в том смысле, в котором его привлекают издатели. Полная синонимия не получится потому, что „приставка" ἐπι- для значения небезразлична и даже является особым членом предложения. Непонятно, почему образование ἐπιμάρτυρος могло бы быть, если только оно существовало, синонимом слова μάρτυρος. К такому возражению были склонны уже Лидделл и Скотт, приводя в своем словаре,[4] кроме названного места, еще Илиаду 7, 76:

Ζεὺς δ' ἅμμ' ἐπιμάρτυρος ἔστω

Ср. их слова: „Если только не следует читать: ἐπὶ μάρτυροι". Неправы здесь они в том, что ограничиваются всего только взвешиванием возможности. В Одиссее 12, 131, читать следует, вне сомнения θεαὶ δ' ἐπὶ ποιμένες εἰσίν (богини же являются пастушками над ними), а в Илиаде 7, 76,

[2] Homeri Ilias... Ed. A. Nauck, pars I. Berolini, 1877.
[3] Homers Odyssee. Für den Schulgebrauch erklärt v. K. F. Ameis, 9-te berichtigte Auflage v. C. Hentze, Bd. I, Leipzig, 1893.
[4] H. G. Liddell a. R. Scott. Greek-English Lexicon. A new Edition revised... by H. S. Jones, Oxford. Reprint, 1948.

также „вне сомнения Ζεὺς δ' ἄμμ' ἐπὶ μάρτυρος ἔστω (да будет нам Зевс свидетелем при этом").

В обоих случаях мы имеем дело не с приставкой ἐπι-, а с отдельным словом, наречием, эквивалентом соответствующего предлога с личным местоимением, по типу французского y = à cela (ср. en = de cela), поскольку выбор наречия места связан с отсутствием личного местоимения.

Как известно, предлоги восходят к наречиям, и производное значение предлога не должно отражать историю значения самого предлога, а может восходить к производному значению наречия же, еще не становившегося предлогом. Поэтому закономерен прием подтверждения такого-то значения наречия путем ссылки на соответствующее ему значение предлога. В одном месте Менандра мы имеем предложное соответствие употреблению ἐπί в Одиссее 12, 131. Можно полагать, что автор слов комедии Менандра „Герой".[5] 82; [ἐπ' ἐμαυτὸν ἔλαβον ποιμέν' ὃς βληχώμενον (на меня самого я взял пастуха, который меня блеющего...)[6]] не читал в Одиссее θεαὶ δ' ἐπιποίμενές εἰσι, а читал: θεαὶ δ' ἐπὶ ποιμένες εἰσί. Этим я, разумеется, не хочу сказать, что Менандр подражал определенному месту Одиссеи. И тот, и другой поэт воспроизводил то, что уже было в языке того и другого времени.

[5] Menandrea ex papyris et membranis vetustissimis iterum edidit A. Körte. Editio maior, Lipsiae, 1912, стр. 6.

[6] На этих словах фрагмент обрывается. Мое понимание стиха отвечает пониманию проф. Ф. Ф. Зелинского, высказанного на диспуте, посвященном защите докторской диссертации профессора Г. Ф. Церетели „Новые комедии Менандра" (Юрьев, 1914).

А. А. Иванов

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ИРАНСКИХ „ПОДСВЕЧНИКОВ" XVI—XVII вв.

В научной литературе по истории материальной культуры Ирана почти нет работ, посвященных изучению медных и бронзовых (латунных?) изделий Ирана XVI—XVII вв. Поэтому изучение отдельных, точно датированных вещей этого периода имеет большой научный интерес и позволяет выяснить некоторые технические и стилистические особенности этих изделий, отличающие их от относящихся к XII—XIV вв.

Одной из интересных групп среди медных и бронзовых изделий XVI—XVII вв. являются так называемые „колонковые подсвечники"[1] (рис. 1). Это предметы в виде полого круглого стержня или призмы с расширяющейся нижней частью. Иногда средняя часть стержня бывает с витым рифлением. Небольшая часть этих „подсвечников" имеет вставляемые в верхнюю часть цилиндрические, полые и открытые с одного конца колпаки (верхушки), с горизонтальным выступом посередине, другой конец их имеет вид полусферы с отходящим от середины ее стержнем, оканчивающимся фестончатым венчиком, с маленькими отверстиями на нем. К середине этого венчика прикрепляется гнездо для установки свечи.

Публикации одного точно датированного предмета этой группы и выяснению его первоначального назначения и посвящена данная статья.

Описание предмета

Бронзовый (или латунный)[2] „подсвечник" (из собрания Государственного Эрмитажа, инв. № VC 785; рис. 1) поступил в Эрмитаж из Академии истории материальной культуры (колл. Бобринского). Высота стержня (основания) 32.5 см, высота колпака (верхушки) 17 см, высота всего предмета со вставленным колпаком 43.7 см.

[1] Survey of Persian Art, vol III, London—New York, 1939, стр. 2513, 2524 (в дальнейшем: SPA).

[2] Анализ состава металла не производился.

Гнездо для установки свечи отсутствует. Видны следы припая этой части. В центре венчика колпака — небольшое углубление. Сам венчик имел восемь лепестков в виде невысоких широких пальметок, между которыми были просверлены маленькие отверстия. Сохранился только один лепесток, остальные полностью или частично отломаны. На нижней стороне нанесены резцом четыре круга. Венчик отделен от самого колпака небольшим выступающим валиком.

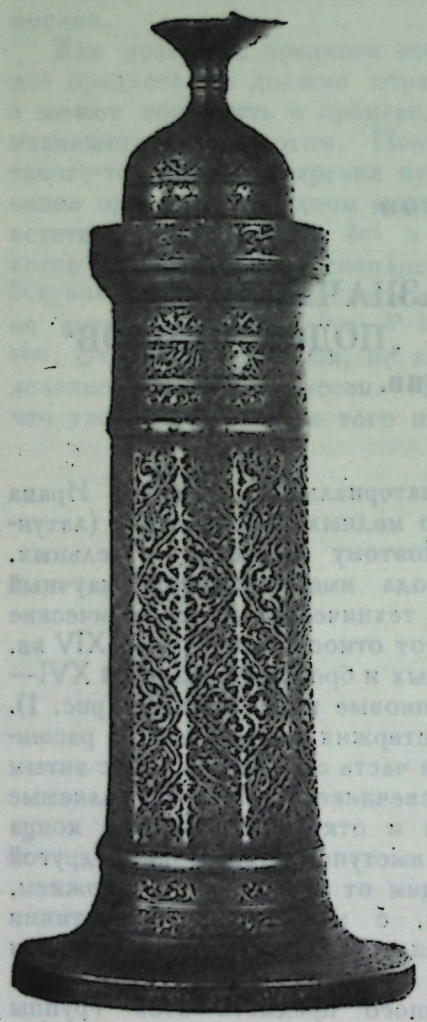


Рис. 1.

Убранство верхней сферической части колпака состоит из трех полос:

1) маленькие, намеченные только контуром, пальметки;

2) ряд медальонов, между которыми сверху и снизу находится по маленькой пальметке с двумя полуарабесками. Внутри медальонов стилизованный растительный орнамент;

3) ряд больших пальметок, намеченных только контуром.

На середине колпака находится небольшой выступ, посредством которого он держится на основании (высота выступа 1.8 см.). На верхней стороне этого выступа орнамента нет. На вертикальной, обращенной к зрителю, стороне находятся четыре картуша, разделенных небольшими четырехлопастными медальонами без орнамента. Внутри картушей — персидские стихи.[3]

На нижней части выступа орнамента тоже нет, только в одном месте расположен маленький картуш с именем владельца и датой (второй картуш с именем владельца и датой находится на утолщенном пояске верхнего края основания, см. рис. 2): صاحبه حاجی چلبی ۹۸۷ 'Владелец сего хаджи Челеби 987 г. х.' (1579/80 г. н. э.). Нисба „Челеби" была распространена в Иране, особенно в северо-западных областях. Фон этих надписей и на других частях предмета обработан совершенно одинаково, поэтому исключается возможность того, что картуши с именем владельца были нанесены позже.

Убранство нижней части колпака, входящей в основание, тоже состоит из трех полос:

1) орнамент такой же, как и на третьей полосе верхней части;

2) ряд медальонов, образованных небольшими пальметками, с цветками лотоса внутри;

3) два перевитых стебля — один с арабесками, другой — с пятилепестковыми цветами.

[3] Чтение и перевод надписей даны в конце статьи.

Край нижней части колпака слегка помят, в одном месте выломан небольшой кусочек и имеется трещина. Поврежден немного орнамент третьей полосы.

Внутри колпака сохранился остаток какого-то стержня высотой около 1 см.

Верхний край основания имеет небольшой утолщенный поясок, который снизу скошен и плавно переходит в верхнюю цилиндрическую часть основания. Этот поясок не покрыт орнаментом, только в одном месте здесь расположен небольшой картуш с именем владельца и датой (рис. 2).

Убранство основания в целом распадается на три части, разделенные двумя выступающими валиками.

Рис. 2.

Орнамент верхней цилиндрической части состоит из трех полос:

1) два перевитых стебля: один — с арабесками, другой — с трилистником;

2) четыре картуша, разделенные небольшими четырехлопастными медальонами без орнамента; в картушах персидские стихи.[4]

3) орнамент аналогичен орнаменту первой полосы, только форма трилистника несколько иная.

Средняя часть основания представляет собой двенадцатигранную призму, рисунок орнамента которой создается тремя изогнутыми полосами, разделенными пальметками на отдельные маленькие картуши с персидскими стихами.[4] Изгибы полос образуют сверху и снизу этой части, около выступающих поясков, треугольные фестончатые медальоны с орнаментом из пальметок и арабесок внутри каждого (только в центре одного медальона верхнего ряда находится цветок лотоса). Эти же полосы образуют между собой на середине „подсвечника" два ряда ромбовидных фестончатых медальонов, причем орнамент внутри них чередуется: в одном случае — арабески, пальметки и два цветка лотоса, в другом — только арабески и пальметки.

[4] Чтение и перевод этих стихов даны в конце статьи.

Орнамент нижней части основания состоит из пяти полос:

1) рисунок как и на первой полосе верхней части;

2) четыре картуша, разделенные маленькими четырехлопастными медальонами без орнамента. В картушах те же стихи, что и на выступе колпака;

3) два перевитых стебля: один — с арабесками, другой — с цветами лотоса;

4) ряд маленьких медальонов с пальметкой внутри;

5) эта полоса расположена на вертикально отогнутом крае нижней части основания. Орнамент как и на первой полосе этой части.

Внутри основания орнамента нет, на нижней части большие следы олова.

Техника изготовления

Основание рассматриваемого нами „подсвечника", как и большинства предметов этого типа, составлено из трех отдельных частей, изготовленных путем отливки. Местом соединения являются выступающие валики.[5] На одном основании „подсвечника", хранящемся в Эрмитаже, нижняя часть была плохо насажена и место соединения поэтому прекрасно видно.[6] Весьма возможно, что нижняя часть основания тоже изготовлялась из отдельных частей, которые потом были спаяны, так как на внутренней стороне нередко можно заметить значительные следы олова. Но обычно все места соединения на внутренней стороне основания заделаны очень тщательно и не видны.

Колпак тоже, очевидно, делался из отдельных литых частей, так как отковать такое фигурное изделие с толщиной стенки в 1.5—2 мм довольно затруднительно, тем более, что следов ковки не видно.

После отливки детали, а может быть и весь предмет в собранном виде, обтачивались, очевидно, на токарном станке[7] и потом покрывались орнаментом и надписями.

Среди так называемых иранских „подсвечников" XVI—XVII вв., так же как и среди медных и бронзовых (латунных) изделий этого же периода, не встречается предметов, инкрустированных золотом, серебром или красной медью. Техника нанесения орнаментов и надписей значительно упростилась: она состоит в гравировке контура надписи или орнамента и небольшом углублении фона, так что получается легкий рельеф. Сам фон обрабатывается очень мелкой сеткой[8] или тонким косым штрихом, чаще всего слева вниз направо.[9] Иногда фон покрыт вязким черным веществом (возможно битумом) и редко — какой-то красной пастой.[10]

[5] В более позднее время, может быть в самом конце XVII и XVIII вв., появляются предметы этого типа, основания которых сделаны из тонкого медного листа. Они, разумеется, выкованы, хотя выступающие пояски на них — литые. Очень редко встречаются основания, составленные из двух частей, в этом случае местом соединения тоже является выступающий поясок, расположенный по середине предмета. Это довольно тонкостенные предметы, они, возможно, выкованы из отдельных листов.

[6] См.: инв. № VC 776.

[7] Медники употребляли токарный станок для обточки своих изделий (Père Raphael du Mans. Estat de la Perse en 1660. Paris, 1890, стр. 196).

[8] См.: SPA, vol. VI, табл. 1384A.

[9] Специальная статья будет посвящена вопросу о датировке медных и бронзовых изделий XV—XVII вв. в зависимости от характера обработки фона. Косой штрих появляется в 90-х годах XVI в.

[10] Остатки этой пасты видны на основании „подсвечника" № VC 777 из собрания Эрмитажа.

Первоначальное назначение

В научной литературе примерно последних трех десятилетий предметы, подобные описанному выше, получили название „подсвечников". Насколько нам известно, одно из первых определений этих предметов как „подсвечников" содержится в приложении к книге Р. М. Смита „Персидское искусство",[11] хотя в тексте эти же вещи названы „подставками для ламп".[12]

Известный коллекционер и исследователь Ф. Р. Мартин называл эти вещи „подставками для ламп".[13] Но это определение не получило в дальнейшем признания. В более новой литературе они уже совершенно определенно называются „подсвечниками".[14]

Подобное мнение основано на первом впечатлении от осмотра некоторых предметов этой группы. Действительно, те из них, которые имеют колпаки, похожи на подсвечники. Но несколько более внимательный анализ заставляет отказаться от этого мнения.

Во-первых, странно, что подсвечник сделан из двух отдельных частей, тогда как обычно он представляет единый предмет.

Во-вторых, все сохранившиеся гнезда для установки свечи являются более поздними добавлениями. На одном из „подсвечников" Эрмитажа это гнездо сделано из красной меди, тогда как сама вещь из бронзы или латуни.[15] Поздними добавлениями являются и все ручки на основаниях, так как они прикреплены прямо на орнамент и надписи.

В-третьих, на выступах семи из девяти сохранившихся на предметах Эрмитажа колпаков имеются надписи. Кроме того, на нижних, входящих в основание частях двух колпаков есть еще и вторые надписи.[16] Таким образом, если все эти предметы первоначально использовались как подсвечники, то надписи на выступах колпаков оказывались перевернутыми, а на нижних частях и совсем не видными, тогда как на самом основании надписи расположены правильно. Такое несогласованное расположение надписей встречается только на тех предметах, которые подвергались переделке в более позднее время или использовались не по назначению.

Если перевернуть колпак так, чтобы гнездо для свечи входило внутрь подставки (рис. 3), то получится светильник, резервуаром которого будет колпак, причем и надписи на последнем примут нормальное положение (рис. 4). Внутри резервуара был стержень, на котором крепился фитиль, остатки этого стержня видны на некоторых предметах.[17]

В Иране в XV—XVII вв. пользовались для освещения светильниками разного типа. Одни из них приближаются по форме к светильникам

[11] R. M. Smith. Persian Art. London, 1876, стр. 87.

[12] Там же, стр. 61, 63, 64.

[13] F. R. Martin. Ältere Kupferarbeiten aus dem Orient. Stockholm, 1902, табл. 35—36 (в дальнейшем: Martin).

[14] SPA, vol. III, стр. 2512, 2513, 2524—2525; Путеводитель по залам Отдела Востока Гос. Эрмитажа, Л., 1939, стр. 193—194; M. S. Dimand. A Handbook of Muhammadan Art. New York, 1944, стр. 154—155; Mostra d'arte iranica. Roma. Palazzo Brancaccio. Giugno-agosto 1956; Catalogo. Milano, 1956, № 457, стр. 259.

[15] См.: инв. № VC 794; SPA, vol. VI, табл. 1382.

[16] См.: инв. №№ VC 783 и VC 794, а на нижней части колпака № VC 791 вырезано имя владельца.

[17] См. инв. № VC 785, № VC 794. Целый такой стержень немного виден в резервуаре светильника в каталоге: Г. И. Радде. Коллекции Кавказского музея, т. V. Тифлис, 1902, табл. XVI (в дальнейшем: Радде).

из мечети ходжа Ахмеда Ясеви,[18] светильникам, изображенным на Встречаются светильники и иной случае не интересна.

До сих пор нам не удалось обнаружить на иранских миниатюрах изображения светильников рассматриваемого типа. Это объясняется, пожалуй, тем, что на миниатюрах сравнительно редко изображались ночные сцены. К тому же- большинство сохранившихся миниатюр отражает жизнь высших слоев общества, а наши светильники предназначались скорее всего

Рис. 3.

но меньшего размера; другие подобны одной из миниатюр Реза Аббаси.[19] формы, которая для нас в данном

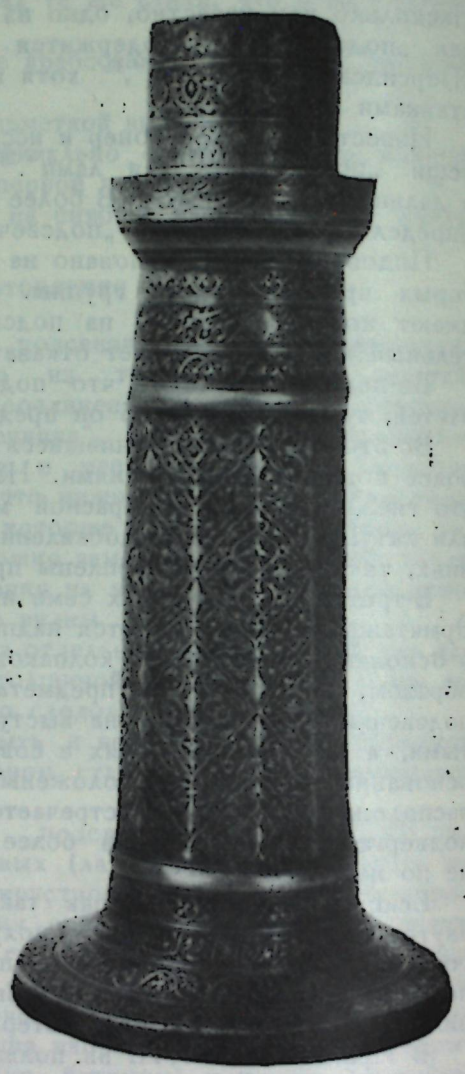


Рис. 4.

для средних слоев, что видно из встречающихся иногда на них имен владельцев без титулатуры, но светильники этого типа могли, конечно, употребляться в быту высших слоев. В описании Ирана, составленном Е. Кемпфером во второй половине XVII в., есть гравюра, изображаю-

[18] По нашему мнению, это светильники, а не подсвечники, как их обычно называют. Светильником является также предмет, воспроизведенный в SPA, (vol. VI, табл. 1374), только он, очевидно, составлен из двух частей: подсвечника раннего типа и резервуара светильника.

[19] T. W. Arnold. Painting in Islam. Oxford, 1928, табл. LXIVb; Б. Денике. Живопись Ирана. М., 1938, табл. 48.

щая коронацию шаха Сулеймана (1666—1694 гг.). Около трона стоят светильники почти такой же формы, как и рассматриваемые.[20]

Все это позволяет утверждать, что эти предметы первоначально использовались именно как светильники. Но вместе с тем их резервуары могли быть использованы отдельно от подставок в качестве факелов. Это подтверждается следующими соображениями.

Во-первых, все эти светильники состоят из двух частей, тогда как другие светильники того же времени представляют собой цельную вещь.

Во-вторых, нижняя округлая часть резервуара покрыта тоже орнаментом и не видна, когда резервуар стоит на подставке. Следовательно, можно предположить, что резевуар должен был использоваться отдельно от подставки, поскольку, как правило, те части предмета, которые не видны, орнаментом не покрывались.

В-третьих, не понятно, зачем к резервуарам прикреплялись венчики, которые совершенно не нужны, если эти предметы использовались только как светильники.

В-четвертых, в центре венчиков всех сохранившихся резервуаров, кроме двух, сделанных в более позднее время, виден след отлома какой-то части, представляющий собой окружность. Очевидно, была отломана трубка, в которую вставляли палку, чтобы носить факел.

Изображения факелов встречаются на миниатюрах XV—XVII вв., но конструкция их иная: они сделаны из отдельных металлических полос в виде корзинки, снизу имеют трубку, в которую вставляется палка. Под некоторыми из них имеется широкий выступ, напоминающий чашу или тарелку и служащий для защиты руки факельщика.[21]

Необходимо прибавить, что на венчиках резервуаров имеются маленькие отверстия. Возможно, что они служили для прикрепления с помощью цепочек или проволочек чаши, предохраняющей руку факельщика.

При дворе Сефевидов была даже особая должность „главы факельщиков" (مشعلدار باشی), в функции которого входило освещение и отопление дворца.[22] Во дворце употреблялись золотые, серебряные и медные факелы.[23] Конечно, при дворе могли быть отдельные факелы и светильники. Наши вещи — не придворного круга. Поэтому и можно предполагать, что эти предметы одновременно использовались и как факелы и как светильники, а в качестве подсвечников стали употребляться только в более позднее время.

Чтение и перевод надписей

Как мы видели, на рассматриваемом светильнике всего шесть стихотворных надписей, причем две из них повторяются два раза. Следовательно, разных по содержанию надписей только четыре.

1. Стихи на выступе резервуара светильника и на нижней част основания.[24]

[20] E. Kaempfer. Amoenitatum exoticarum.... Lemgoviae, 1712, стр. 36.

[21] См. упоминавшуюся миниатюру Реза Аббаси и гравюру в книге Е. Кемпфера. Описание такого факела есть у Шардена: J. Chardin. Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient, t. V, Paris, 1811, стр. 370.

[22] J. Chardin, ук. соч., стр. 369—371.

[23] Tadhkirat al-muluk. A manual of Safavid administration (circa 1137/1725) Translated und explained by V. Minorsky. Gibb Memorial, New series, XVI. London, 1943, стр. 68, § 4.

[24] Чтение этой и последующих надписей дается с учетом подобных же надписей на других светильниках, хранящихся в Эрмитаже. Данная надпись повторяется

Размер مجتث: —⏑⏑|—⏑—⏑|——⏑⏑|—⏑—⏑

شبی که ماهِ رخت شد چراغِ حلوتِ ما * گداخت شمع نیاورد تابِ صحبتِ ما
دمی که از رخِ چون مه نقاب بر فکنی * بُوَد برآمدنِ آفتابِ دولتِ ما

Той ночью, когда луна лика твоего стала светильником нашего уединения,
Расплавилась свеча, (ибо) не вынесла (она) жара нашего общения.
Тот миг, когда ты сбросишь покрывало с луноликого лица,
Будет восходом солнца нашего счастья.[25]

Автор этих строк нам не известен.

2. Стихи на верхней части основания.[26]

Размер متقارب: ⏑|——⏑|——⏑|——⏑

شبی یاد دارم که چشمم نخفت * شنیدم که پروانه با شمع گفت
که من عاشقم گر بسوزم رواست * ترا گریه و سوز باری چراست

Помню однажды ночью, когда глаза мои не спали,
Я услышал, как мотылек говорил свече:
Я влюблен, [и] если горение мне дозволено,
[То] тебе зачем плакать и сгорать?[27]

Как удалось установить, эти строки принадлежат великому персидскому поэту Са'ди и взяты из его произведения „Бустан" (конец третьей главы).[28] Стихотворный перевод этого отрывка был дан в „Путеводителе по залам Отдела Востока Государственного Эрмитажа" (Л., 1939, стр. 194), но автор не был указан. М. Диманд в одной из своих работ,[29] касаясь подобного светильника из Metropolitan Museum of Art, датированного 986 г. х. (1578/79 г. н. э.), писал, что стихи на этом предмете взяты из поэмы „Мотылек и свеча" (не указывая имени автора поэмы), между тем здесь три раза повторяется приведенное двустишие Са'ди, один раз встречается двустишие, которое находится на выступе колпака и нижней части основания рассматриваемого предмета, и двустишие, о котором пойдет речь ниже. Все эти три двустишия написаны разными размерами.

3. Стихи на первой и третьей изогнутой полосах средней части основания.[30]

на предметах: инв. №№ VC 68, VC 774, VC 776, VC 777, VC 790, VC 792, VC 794, а также на светильниках, опубликованных в следующих изданиях: Радде, т. V, табл. XVI; SPA, vol. VI, табл. 1384A; Exhibition of Persian Art and Curios. Collection formed by J. R. Preece, Esq., C. M. G., late H. B. M's Consul General at Ispahan, Persia. London, 1913, № 306, табл. 9 (в дальнейшем: Preece).

[25] Перевод автора статьи.

[26] Эти стихи встречаются на следующих светильниках из собрания Эрмитажа инв. №№ VC 63, VC 773, VC 776, VC 777, VC 783, VC 790, VC 791, VC 794, а также в изданиях: Радде, т. V, табл. XVI; SPA, vol. VI, табл. 1384A; Martin, табл. 36.

[27] Перевод автора статьи.

[28] شیخ سعدی. بوستان. طهران. ۱۳۰۷ ص. ۹۷

[29] M. S. Dimand, ук. соч., стр. 154—155.

[30] Встречаются на следующих светильниках из собрания Эрмитажа: инв. №№ VC 773, VC 779, VC 783, VC 791, VC 792, VC 794, VC 1033, а также в следующих изданиях: Martin, табл. 36; Preece, № 306, табл. 9.

Размер رمل: ——|——⏑⏑|——⏑⏑|——⏑—

[گه][31] دل از عشقِ بتان که جگرم میسوزد * عشق هر لحظه بداغِ دگرم میسوزد
همچو پروانه به شمع سرو کاراست[32] مرا * که اگر پیش روم بال [و][33] پرم میسوزد

Когда сердце [полно] любви к кумирам, тогда душа моя сгорает.
Любовь каждое мгновение клеймом иным меня сжигает.
Я в таком же положении, как бабочка в отношении свечи,
Ибо если я устремлюсь вперед, крылья и оперение мое сгорают.[34]

Эти стихи написаны поэтом мулла Хейрети, который родился в Туне, воспитывался в Мерве и прожил последнюю часть своей жизни в Кашане, где умер в 961 г. х. (1553/54).[35] Этими двумя строками начиналась газель, которую он поднес шаху Хумаюну, когда последний жил в Иране.[36]

4. Стихи на второй изогнутой части основания.[37]

Размер هزج: ⏑——⏑|——⏑|——⏑|——⏑

چراغِ اهلِ دل را روشن از روی تو میبینم *
همه صاحب دلان را روی دل سوی تو میبینم
توئی مقصودِ [عالم][38] کم مبادا از سرت موی *
که عالم را طفیلِ یک سرِ موی تو میبینم

Благодаря тебе я вижу освещенным светильник людей сердца [т. е. суфиев]
У всех суфиев я вижу сердце обращенным к тебе,
Ты есть устремление мира, да пусть не уменьшится волос на голове твоей,
Ибо я вижу мир прихлебателем на кончике твоего волоса.[39]

Автор этих строк нам неизвестен. Любопытно отметить, что все эти стихи пока что встретились нам только на светильниках. Персидские стихи на медных и бронзовых изделиях Ирана появляются, очевидно, с XV в. На более ранних изделиях они встречаются очень редко. Неизвестный нам автор, изготовивший рассмотренный светильник, знал стихи не только знаменитого Са'ди, но и стихи менее известного поэта муллы Хейрети. Это еще раз говорит о том, что среди персидских ремесленников XVI в. сохранялись культурные традиции и большой интерес к литературе.

[31] Восстанавливается по другим надписям на светильниках из Эрмитажа. Эти две строки приведены в книге: Muhammad 'Abdu'l Ghani. A History of Persian language and literature at the Mughal Court, with a brief survey of the growth of Urdu language, part II. Allahabad, 1930, стр. 24 (в дальнейшем: Muhammad' Abdu'l Ghani).

[32] В такой форме встречается на светильниках: инв. №№ VC 792 и VC 798, а также в книге: Muhammad' Abdu'l Ghani.

[33] В надписях на светильниках из Эрмитажа не встречается, есть только в книге: Muhammad 'Abdu'l Ghani.

[34] Перевод автора статьи.

[35] Краткие биографические сведения о нем см. Ch. Rieu. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum, vol. II. London, 1881, стр. 874—875.

[36] Muhammad 'Abdu'l Ghani, стр. 24.

[37] Встречаются на следующих светильниках из собрания Эрмитажа: инв. №№ VC 61, VC 64, VC 771, VC 772, VC 774, VC 780, VC 783, VC 788, VC 790, VC 791, VC 794, VC 1033, а также в следующих изданиях: Радде, т. V, табл. XVI; Martin, табл. 35; SPA, vol. VI, табл. 1381, 1383A, 1384A.

[38] Слово восстанавливается по другим надписям.

[39] Перевод автора статьи.

А. Ф. Искандеров

ПЕРВАЯ РЕЧЬ МУСТАФЫ КАМИЛЯ В АЛЕКСАНДРИИ

На протяжении XIX в. история Египта развивалась в обстановке острой борьбы двух западных держав — Англии и Франции — за овладение этой страной, имеющей богатые природные условия и важное стратегическое значение. Положение обострялось все еще продолжавшимся господством Порты над Египтом.

На агрессивные происки империалистических держав героический и свободолюбивый египетский народ ответил мощным национальным движением, в котором принимали активное участие самые широкие слои городского и сельского населения. Движение национального протеста в Египте против иноземных захватчиков и местных феодальных правителей приняло особый размах в 70-х годах прошлого века. Мощное народное восстание, возглавленное египетской армией под руководством Араби-паши, в 1882 г. потерпело поражение. В результате ряда объективных и субъективных факторов английским империалистам удалось потопить страну в крови сынов египетского народа, боровшихся за независимость своей родины, и в 1882 г. оккупировать Египет.

Укрепив свое господство в Египте, английские колонизаторы не пожалели сил и средств для беспощадной расправы с участниками освободительной борьбы. В отношении ведущих деятелей действовали полевые суды, широко применялись тюремные заключения, виселицы и высылки из пределов страны. Империалисты добились на короткий срок ослабления национального движения, расстроили его ряды и лишили народные массы руководства.

Английские империалисты установили свой контроль над всем государственным аппаратом и всю его экономику подчинили сырьевым потребностям промышленности метрополии. К царившей в стране феодальной эксплуатации прибавилась капиталистическая эксплуатация. В результате двойного гнета необычайно возросли нищета и возмущение среди населения, сильно обострились в стране классовые противоречия.

Затишье в национальном движении оказалось не очень длительным. В 90-х годах, т. е. спустя почти десятилетие после английской оккупации, в Египте начинают назревать элементы нового национального подъема, принявшего широкий размах в начале XX в. Первая русская

революция 1905—1907 гг. также оказала свое плодотворное влияние на развитие национального самосознания египетского народа.

Развернувшуюся в этот период национально-освободительную борьбу возглавил Мустафа Камил, чья общественно-политическая и публицистическая деятельность приобрела широкую известность. За 34 года своей жизни (1874—1908) он оставил яркий след в истории Египта, с которой связаны его имя и кипучая деятельность.

Рано вступив на политическое поприще, Мустафа Камил выдвинулся до роли лидера национального движения и основал наиболее в то время многочисленную, влиятельную национальную партию „Хызб ал-Ватани". Вокруг этой партии он сплотил основные прогрессивные силы страны на борьбу против английских оккупантов.

Мустафа Камил — сын инженера артиллерии Али эфенди Мухаммеда — родился 14 августа 1874 г. в Каире. Воспитанием мальчика, рано потерявшего отца (1885), занялся его дядя Хусейн Васыф-паша. Образование он получил не в традиционной мусульманской школе и не в духовной академии ал-Азхар. Он окончил Каирское правовое училище и в 1892 г. завершил свое юридическое образование во Франции. В 1894 г. он защитил в Тулузе диссертацию, принесшую ему диплом юриста. Все это наложило свой отпечаток на его будущую общественно-политическую и публицистическую деятельность.

Среда, в которой проходили ученические и студенческие годы Мустафы Камиля, очень рано возбудила в нем интерес к общественной жизни. Уже 15-летним юношей он состоял членом ряда научно-политических обществ Египта: „ал-И'тидал", „ал-Худа" и „ал-'Алам ал-Мисри".

Начав свою общественную деятельность с руководства движением учащейся молодежи, он переходит к работе среди египетской интеллигенции, привлекая к себе широкую симпатию. Вскоре его связи расширяются в передовых сферах интеллигенции, и его популярность быстро растет. Он активно выступает в печати, и в 1893 г. его первые статьи появляются на страницах ведущих газет и журналов Египта. Первое его публичное выступление имело место в Каире 8 января 1893 г. на хедивских торжествах, в котором он подверг резкой критике поведение египетского правительства. Свою речь он закончил призывом к египтянам добиться эвакуации английских войск из Египта.

В 1893 г. им был основан ежемесячный журнал „ал-Медресе", который через год прекратил свое существование ввиду отъезда редактора во Францию. Несмотря на кратковременное существование, этот орган сыграл определенную положительную роль.

Успехи, которых достиг Мустафа Камил к 1895 г., окрылили его. Этот год явился поворотным в его жизни. Общественно-политические события прочно втянули его в свою сферу, и с этих пор он стал лидером поднимающейся новой волны египетского национального движения. Политические взгляды Мустафы Камиля к этому времени обрели в известной степени зрелый характер: он уже выступает как самостоятельный деятель и выразитель интересов антибритански настроенной прогрессивной части египетского общества.

В 1895 г. Мустафа Камил выступает с многочисленными статьями, речами в Египте и в странах Западной Европы. В них он очень остро разоблачает колонизаторскую политику, лживые обещания англичан и всячески пропагандирует идею освобождения Египта от английской тирании. Талантливый оратор, Мустафа Камил выступает много раз

на митингах и собраниях, на которых присутствовавшие тысячи египтян с особым интересом слушали его речи. Он вновь выдвинул забытый национальный девиз 80-х годов: „Египет для египтян".

Мустафа Камил и его единомышленники были пленниками иллюзии возможности разрешить египетский вопрос путем использования противоречий между державами Запада. Особенно он верил республиканской Франции и возлагал на нее большие надежды. 4 июня 1895 г., будучи главой делегации из шести египтян, он обратился к Национальному собранию Франции с петицией об оказании помощи в деле освобождения Египта от английской оккупации. Последующими событиями надежды Мустафы Камиля в отношении французской помощи были в значительной мере ослаблены. Фашодский инцидент 1898 г. и соглашение 1904 г. между Англией и Францией о разделе сфер влияния в Египте и Марокко разоблачили перед Мустафой Камилем французских колонизаторов, которые мало чем отличались от английских.

За свою непродолжительную жизнь Мустафа Камил оставил богатое литературное наследие, значение которого для изучения истории борьбы египетского народа на грани двух веков огромно. Здесь достаточно упомянуть, что начиная с 1900 г. он выпускал и редактировал три ежедневные влиятельные газеты на арабском, французском и английском языках: „ал-Лива ал-Мисри", „L'étendard égyptien" и „Egyptian Standard". Под его редакцией выходил также журнал „ал-Лива ал-Мисри" на арабском языке. Его перу принадлежит большое число журнально-газетных статей, брошюр и отдельных монографий.

Несмотря на серьезные политические недочеты, которые в известной степени были отражением конкретной обстановки исторического развития Египта на том этапе, деятельность Мустафы Камиля, целиком связанная с национальной борьбой египетского народа, была явлением прогрессивным. Он сделал очень много для разоблачения колонизаторской политики английских империалистов, что, несомненно, развивало, усиливало сознание и решимость египетского народа бороться за свою независимость. Нельзя не отметить также особого влияния Мустафы Камиля на развитие египетской журналистики и публицистики, одним из передовых представителей которых был он сам.

Данный здесь краткий обзор многогранной деятельности выдающегося общественно-политического деятеля Мустафы Камиля отнюдь не претендует на полноту характеристики этой яркой личности египетского национального движения на современном ему этапе. Мы лишь преследуем цель ввести читателя в курс событий, с которыми была связана речь, произнесенная им впервые в Александрии 3 марта 1896 г., характерные выдержки из которой даны в конце статьи. Эту речь слушали 800 представителей египетской интеллигенции, а также группа иностранцев. Александрийская речь Мустафы Камиля носит программный характер. Положения, которые были в ней развиты, легли впоследствии в основу деятельности партии „Хызб ал-Ватани", организованной им в 1907 г.

После окончания речи Мустафа Камил поставил на голосование свое основное предложение — добиться эвакуации англичан из Египта, которое всеми присутствовавшими было поддержано единогласно. Эта речь Мустафы Камиля вызвала широкие отклики в местной и западноевропейской прессе и оживленно комментировалась.

Выдержки из речи Мустафы Камиля[1]

„О, сыны Александрии! Вы являетесь для всего Египта образцом усердия и храбрости. Будьте таким же искренним примером спокойствия, уравновешенности и умеренности, дабы стать повседневными учителями всего Египта в деле исполнения долга перед любимой родиной... Вы своей умеренностью и спокойствием могли бы опровергнуть сомнения тех, кто упрекает вас в приверженности к возбуждению и смуте... Постоянно нашим девизом пусть будет: — Мы, свободные сыны Египта, гостеприимны!... Что может быть прекраснее умеренности, соединенной с действием на пользу отчизне?".

„К ...сторонникам крайних взглядов нам не следует относиться с таким равнодушием, с каким мы относимся к пессимистам. Нам следует выслушать их высказывания, оспаривать их мнения, убеждать их в целесообразности спокойствия и умеренности при усердном, энергичном действии на пользу родины и ее счастья".

„...Я считаю необходимым просить вашего разрешения поговорить о проблеме оккупации [Египта, — *А. И.*] и о моих взглядах на нее со всей откровенностью. Я не преследую цели порицать местное правительство или критиковать его действия. Вы все, как и я, знаете порочные, достойные и положительные стороны [государственного, — *А. И.*] управления".

„Я не преследую также цели зло критиковать правительство ее величества или английский народ, ибо я считаю ниже своего достоинства защищать свою страну протестом или бранью — этим негодным оружием, которым пользуются некоторые низкие элементы из пришельцев.[2] Независимо от этого я постоянно ощущаю необходимость уважать английский народ.

„И в самом деле, то, о чем я хочу говорить и разъяснять, это о действительном противоречии между нами — египетским обществом и некоторыми англичанами. Оно заключается в следующем: наступило или нет время эвакуации? Вместе с нами заинтересованные европейские государства скажут: уже много лет тому назад наступило время эвакуации. Вождь либералов, крупный политик Англии мистер Гладстон, не боясь порицания и упрека, повторяет в точности эту же мысль.

„Некоторые же сыны Темзы выступают против этого и утверждают, что время эвакуации не наступило и что Египет нуждается в опекуне над собой!"

„Такой великий народ, как английский, не согласится оставить в своей большой истории черную страницу, чтобы в будущем народы забыли его прекрасный след и благодеяние в отношении человечества. Разрешите добавить, что единственный пункт противоречия между нами и некоторыми англичанами заключается в том, что, по нашему мнению, время эвакуации уже настало, а по их мнению, пока оно не наступило".

„Однако правильный путь английского народа к разрешению чаяний египтян, полагающихся на его авторитет, может совершиться только лишь при участии сынов Египта".

---

[1] Полный текст речи помещен в трудах Мустафы Камиля (مصطفى كامل باشا في ٣٤ (بيعا ' الجزء الرابع ' ١٩٠٨ ' ص. ١٥٠—١٣٢ ' مصر).

[2] Под пришельцами Мустафа Камил подразумевает английских оккупантов, чужеземных завоевателей.

„Для расположения английского народа к нашему законному требованию нам достаточно ему сказать со всей ясностью: жители Востока стали сомневаться в твоем уважении к своей славе и в том, насколько ты выполняешь свои обещания. Разве тебе не следует осуществить эвакуацию из Египта для подтверждения перед всем миром своего постоянства в данном тобой первом священном обещании. Тебя ввели в заблуждение, о достойный народ, некоторые люди злого умысла, говоря о том, что в Египте нет покоя и что хедив не в состоянии управлять страной при помощи своих подданных с тем, чтобы заставить тебя управлять посредством неизбежной оккупации. Поверь, что это фальшивое подстрекательство и что спокойствие установлено...".

„Если мы это скажем английскому народу и дадим ему знать, что мы ненавидим не англичан, а любого оккупанта, откуда бы он ни был, если бы даже он был из ближайших нам людей, — ведь мы живая культурная нация и хотим сами собой управлять и не согласимся оставаться над властью опекуна; мы смотрим на прогресс других народов унылым взглядом несчастья из-за того, что мы не в состоянии с ними спорить и соревноваться. Если мы об этом скажем ему и доведем до него этот голос, голос правды, то нет сомнения, что английский народ, который совершил оккупацию, посоветует своему правительству ускорить эвакуацию, ибо славой для каждой в такой степени высоко культурной нации, как английская, является уважение народов, их требований законных прав и обязательств! И если благо Египта требует, как я сказал, найти ораторов из числа его сынов, которые разъезжали бы по столицам и городам Европы, распространяли свое мнение, высказывали свои чувства, требуя свободы для своей страны, то в самом Египте можно найти подобных ораторов. Они могли бы направить нацию на полезный путь и предостеречь от опасности зла и разоблачить то, что теперь творят пришельцы в целях разъединения патриотов, внедрения раздора между египтянами и европейцами. Эти пришельцы глубоко обманывают нацию и распространяют среди народа интриги, дабы вызвать недовольство и смуты... Что касается пришельца, то он самый заклятый враг и подчиненный противник, с которым необходимо воевать устным и печатным словом, для того чтобы нация его узнала, осторожно отстранилась и отвергла его. Народ, который стремится к просвещенной свободе и всеобщему счастью, может достигать благополучия только путем объединения своих разрозненных сынов, способных воспрепятствовать пришельцу посеять семена смут и раздора...".

„Нет нужды объяснять, что человек, искренний в любви к своей родине, познается лишь при выполнении своего долга. Патриот лишь в том случае называется патриотом, когда он служит своей родине при трудностях и бóльшую часть своих усилий посвящает ее величию и счастью".

„Я не сомневаюсь в том, что все вы, подобно мне, хотели бы, чтобы Египет стал страной свободной; во всех его частях, от Александрии до истоков Нила, были бы распространены лучи знания и просвещения, чтобы он стал по-прежнему колыбелью благородства и культуры, восходом солнца цивилизации для восточных стран; ареной соревнования промышленности и торговли, безопасным местом для заинтересованных в нем иностранцев и легким путем для исследователей. Я не сомневаюсь, что вы все любите Египет и пожелаете, чтобы его слава была такой. Тогда каждый из вас будет гордиться, провозглашая громким голосом: «Я египтянин!».

„Однако разве вы не полюбите равным образом Египет, когда он окутан страданием и испытанием, когда его опередили другие народы и стали считать Египет в рядах отсталых народов, и он призывает вас, окружающих его:

„О, помогите мне, могущественные сыны! Подымите мой авторитет среди других наций и создайте мне широкое место среди народов с передовой жизнью".

„Ваша любовь не должна ограничиваться лишь любовью и забота — лишь заботой; вы должны переходить от этого к действию на пользу Египта и возвышению его славы. Будьте уверены, о дорогие соотечественники, что будущее принадлежит вам и Египту".

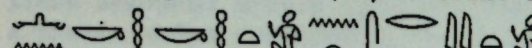
„Пусть день, когда объединятся наши души в любви к родине, на службу ей и когда объединятся наши мысли, будет днем осуществления надежд и символом настоящего и будущего счастья. Тогда мы будем вправе перед лицом всех народов громко и гордо произносить: — мы свободные сыны Египта!".

М. А. Коростовцев

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

О значении глагола kḥkḥ

В папирусе Westcar, 7, 17 стоят следующие слова:

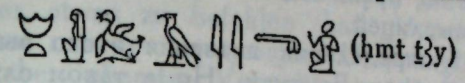


, которые составляли серьезное препятствие для переводчиков текста. Как показал Блэкман,[1] эти слова значат „приступ кашля". Берлинский словарь[2] дает этим словам следующее объяснение: „belegt Westcar, in der Verbindung als Altererscheinung (Husten ?)".

Это объяснение словаря, опубликованное в 1931 г., через четыре года после появления заметки Блэкмана, в значительной степени основано как на этой заметке, так и на исследовании Эбеля,[3] где он, комментируя папирус Ebers 2, 7 и 52, 19, устанавливает значение „кашель" для слова sryt. Знак вопроса в объяснении словаря, несомненно, относится к слову kḥkḥ. Блэкман в своей заметке сближает это египетское слово с арабским kaḥḥ (كَحَّ) 'кашлять' и kaḥḥah (كَحَّة) 'кашель', делая допущение, что египетское и арабское слова этимологически связаны. Любопытно дополнить эти факты и выводы Блэкмана еще одним фактом, который полностью подтверждает его заключения: в языке обитателей оазиса Сива слово „кашель" — koḥkaḥ.[4] Это слово языка Сива при опущении гласных в точности соответствует египетскому kḥkḥ в папирусе Westcar, следовательно, всякие сомнения в значении последнего устраняются. Уточним, что kḥkḥ означает не „приступ" вообще, а именно „приступ кашля" (ср. английское hawk).

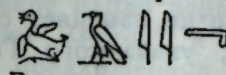
[1] Blackman. Some philological and other notes. Journal of Egyptian Archaeology, 13, 1927, стр. 187—188.
[2] Wb, V, 138 (15).
[3] Ebell. Die ägyptische Krankheitsnamen. Zeitschr. f. ägyptische Sprache und Altertumskunde, Bd. 59, 1924, 144.
[4] Quibell. A visit to Siwa. Annales du Service des Antiquités de l'Egypte, 18. 1919, стр. 19.

О значении египетского выражения



(ḥmt ṯ3y)

Комментируя Синухе B 132, Блэкман[5] пишет: „Вопреки замечаниям Гардинера (Notes, 50) и Hieratic Papyri in the British Museum (III, p. 20 и 15), я до сих пор не убежден, что ḥmt ṯ3yw означает «замужние женщины». Почему именно замужние женщины должны были стонать? Я считаю, что писец изменил естественный порядок слов, потому что он хотел подчеркнуть, что даже мужчины стонали; потому следует переводить «женщины, (даже) мужчины стонали)»".

Берлинский словарь[6] приводит два слова совершенно одинакового написания:  (ṯ3y). Для первого приведено значение Mann 'мужчина'. Второму словарь дает следующее объяснение: „dasselbe Wort attributiv gebraucht für männlich". В качестве примеров последнему значению приведены выражения s3 ṯ3y 'мужской сын'; nṯrw ṯ3yw 'мужские боги'; gw ṯ3y 'мужской бык'. В выражении ḥmt ṯ3y слово ṯ3y не может иметь этого значения, ибо это было бы бессмыслицей, поэтому ṯ3y в ḥmt ṯ3y может быть только существительным в прямом родительном падеже 'жена мужа', 'жена мужчины'. Именно такое значение и дает словам ḥmt ṯ3y словарь.[7] На этой же странице приведены слова ṯ3yw ḥmwt со значением „мужчины и женщины", „как обычное выражение". В „Belegstellen" к ḥmt ṯ3y[8] указано, что выражение встречается в следующих текстах: P. Prisse, 10, 3; Abydos, III, pl. 29, 12[mk]; Totb. Nav., 125, 19 (nach Aa); P. Tur., PuR, 47, 8.

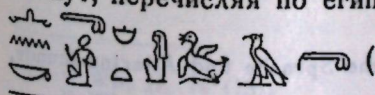
Таким образом, из контекста всех упомянутых мест составители словаря считали для слов ḥmt ṯ3y несомненным значение „замужняя женщина". Можно отметить еще два текста, не упомянутых в „Belegstellen" словаря, в которых встречаются эти слова:

1) A. H. Gardiner. Hieratic Papyri in the British Museum. Third Series, London, 1935, 11, 13 recto; здесь контекст не доказателен: „Он не отличит ḥmt ṯ3y от...".

Комментируя это место, Гардинер (т. II, стр. 20, № 15) указывает, что слова ḥmt ṯ3y значат именно „замужняя женщина", а не „женщина и мужчина", что доказывается бесспорным местом Туринского папируса 47/6, упомянутого в „Belegstellen".

Однако, как мы видели из слов Блэкмана, именно это замечание Гардинера не убедило Блэкмана.

2) M. B. Reisner. The Stela of prince Khaliut. Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde, 70, 1934, стр. 40—43. Этот текст, не упомянутый в „Belegstellen", не указывают ни Блэкман, ни Гардинер, а он весьма убедителен и полностью подтверждает понимание Гардинера: Халиут, перечисляя по египетскому обычаю свои достоинства, говорит: "



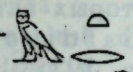
(я не прелюбодействовал с замужней женщи-

[5] Blackman. Some notes on Sinuhe and other Egyptian texts. Journal of Egyptian Archaeology, 22, 1936, стр. 37.
[6] Wb, V, 344, 345.
[7] Wb, V, 345 (9).
[8] Belegstellen, V, 345 (9), стр. 52.
[9] Это выдержка из 125-й главы „Книга мертвых".

ной).[10] Перевод „Я не прелюбодействовал с женщинами и мужчинами" был бы явной бессмыслицей.

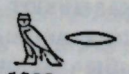
Таким образом, в определении значения этого выражения Гардинер бесспорно прав и не прав Блэкман. Но в таком случае поставленный Блэкманом вопрос о значении этих слов в Синухе B 132 остается открытым: совершенно непонятно, почему же именно замужние женщины, присутствовавшие на единоборстве Синухе с богатырем-бедуином, стонали? Почему не стонали незамужние женщины, сиречь девушки, которые, более чем вероятно, также присутствовали на единоборстве? Возможно, что догадка Блэкмана, что писец изменил обычный порядок слов, т. е. попросту ошибся, правильна: вместо обычного ṯ3yw ḥmwt он поставил ḥmwt ṯ3yw. В таком случае перевод, предложенный Блэкманом, будет правильным, что ни в какой мере не изменяет совершенно правильного понимания выражения ḥmt ṯ3y, указанного Гардинером.

Чтение титула 'начальник'

Титул 'начальник' имеет разные написания.[11] Много лет тому назад Гардинер[12] установил его чтение, как imj-r3. Через два года Ланге[13] привел пример, полностью подтверждающий чтение Гардинера (Каирская стэла 20465 Среднего царства), где это слово написано . Недавно Helck (imj-r3)[14] усумнился в правильности этого чтения на основании одного очень темного текста времен 3-й династии и предложил чтение mr. Гардинер[15] опроверг положение Хелка, показав, что титул читался imj-r: форма женского рода, встречающаяся на памятниках Древнего царства, —  не оставляет в этом никакого сомнения.[16] Наконец, год тому назад Эдель[17] привел самое древнее из известных попыток написаний этого слова в форме мужского рода, относящееся к 6-й династии и читающееся совершенно бесспорно imj-r.

Таким образом, несомненно чтение imj-r для для более древних времен.

---

[10] См.: Wb, II, 345 (6).
[11] Wb, II, 94 (5—13).
[12] Gardiner. The group  „Overseer". Zeitschr. f. ägyptische Sprache und Altertumskunde, 40, 1902—1903, стр. 142—144.
[13] Lange. Der Titel . Zeitschr. f. ägyptische Sprache und Altertumskunde, 42, 1905, 142.
[14] Zeitschr. f. ägyptische Sprache und Altertumskunde, 77, 1954, 76—77.
[15] Gardiner. The proposed new reeding of the word „Overseer". Journal of Egyptian Archeology, 41, 1955, стр. 121.
[16] Wb, II, 94 (13).
[17] Edel. Beiträge zum ägyptischen Lexicon II. Zeitschr. f. ägyptische Sprache und Altertumskunde, 81, 1956, стр. 8.

Берлинский словарь под выражением imj-r3 дает следующее объяснение: „Der welcher etwas zu befehlen hat. Vorsteher, siehe bei mr".[18] Под словом mr мы находим следующее: Ursprünglich imj-r3 der Vorgesetzte, der Vorsteher, oberster Verwalter u ä.[19] Таким образом, составители словаря различали два чтения для : первоначальное и более древнее, установленное Гардинером — imj-r3, и более позднее mr. Это, несомненно, правильно.

В демотических текстах слово встречается именно в форме mr,[20] чему соответствует коптское ⲗⲉ — в ⲗⲉⲙⲛⲓⲕⲉ 'военачальник' (египетское mr mšc, греческое λεμεῖσα;[21] также и коптское ⲗⲁ — в ⲗⲁϣⲁⲛⲉ. Это коптское слово берлинский словарь сопоставляет с египетским mr šn и греческим λεσῶνις[22] и ставит под сомнение отождествление ⲗⲁϣⲁⲛⲉ и λεσῶνις, предложенное еще Шпигельбергом.[23] Но Erichsen[24] безоговорочно признает тождество mr šn, ⲗⲁϣⲁⲛⲉ и λεσῶνις.

Как бы то ни было, несомненно, что коптское ⲗⲉ ⲗⲁ и греческое λε- могут соответствовать лишь только египетскому mr, но никак не imj-r, следовательно, чтение mr для демотических текстов несомненно.

Таким образом, мы можем констатировать в звучании слова переход imj-r (или imj-r3) > mr. Этот переход наглядно показывает потерю i и 3 в произношении слова. Когда это произошло, сказать затруднительно, но вряд ли можно сомневаться в том, что этот факт связан как-то с появлением новоегипетского. Вместе с тем мы можем констатировать и другой переход, а именно: египетское m > коптское ⲗ.

---

[18] Wb, II, 74 (13).
[19] Wb, II, 94 (5).
[20] Erichsen. Demotisches Glossar. Kopenhagen, 1954, стр. 165.
[21] Wb, II, 94; Crum. A Coptic Dictionary. Oxford, 1939, 143 B.
[22] Wb, IV, 496 (13 сл.); Crum, ук. соч., 148 A.
[23] Spiegelberg. Der Titel ΛΕΣΩΝΙΣ. Recueil de travaux relatifs à philologie et archéologie égyptiennes et assyriennes, v. 24, 1902, стр. 187—189.
[24] Erichsen, ук. соч., стр. 166.

В. А. Крачковская

О БРОНЗОВЫХ ЗЕРКАЛАХ ДОНСКОГО МУЗЕЯ

Летом 1950 г. В. А. Петров, работая в Донском музее, отыскал несколько чистых листов каталога Археологического музея. Печатание каталога было начато в 1915—1917 гг., но прервалось во время гражданской войны; в начале 1920 г. автор каталога — директор Донского музея — Х. И. Попов скончался. Из оставшихся чистых листов и готовых таблиц для каталога В. А. Петров взял, с разрешения дирекции музея, только „таблицу с изображением предметов, имеющих арабские надписи..., и сделал выписки относительно места происхождения изображенных предметов". Самые предметы были вместе с прочими ценностями Донского музея расхищены белогвардейцами и вывезены за границу. В 1945 г., после занятия советскими войсками Берлина, там были обнаружены сохранившиеся их части и переданы Новочеркасскому музею.[1]

Среди них В. А. Петрову удалось отыскать только один экземпляр (№ 1940) в сильно разрушенном состоянии; второе зеркало (№ 1943) не было найдено, и судьба его неизвестна. 24 февраля 1951 г. В. А. Петров передал свои выписки и таблицу мне для их опубликования.

На таблице XIII (по предполагавшейся нумерации каталога) представлены два литых зеркала с рельефными изображениями и письменами. Зеркало № 1940 в каталоге описано так:

„Металлическое зеркало белого металла. Найдено в раздуваемых ветром дюнных песках в юрте станицы Слащевской, Хоперского округа, по левому берегу р. Хопра, близ хутора Колотаево" (рис. 1).

„Приобретено от местного собирателя древностей Н. С. Чумаченко через посредство сотрудника Музея В. В. Часовникова в 1886 г. Диам. 11 см. Сейчас состоит из четырех фрагментов, надпись сильно повреждена."[2]

Как видно из рис. 1, в центральном поле зеркала (№ 1940) имеется пара крылатых сфинксов в геральдическом расположении и растительные мотивы, которые довольно грубо имитируют собой хорошо известный сюжет на зеркале, находящемся в Лувре.[3]

[1] Из письма В. А. Петрова В. А. Крачковской от 24 II 1951.

[2] Размер и фрагментарное состояние указаны В. А. Петровым (приписка карандашом).

[3] См.: Ernst Kühnel. Islamische Kleinkust. Berlin, 1925, стр. 137, рис. 102. Бронзовое зеркало с аналогичным изображением имеется в Тбилиси.

Вся традиционная схема композиции рисунка на зеркале (№ 1940) сохранена, но фактура и детали его иные. Вместо выпуклого ушка в центре поля помещено рельефное кольцо.

То же можно сказать относительно эпиграфического бордюра. На луврском экземпляре многочисленные благопожелания на арабском языке анонимному владельцу „вечно" даны изящным куфи, частью с поднятыми окончаниями (зайн, вав). На зеркале № 1940 некоторые

Рис. 1. Металлическое зеркало Донского музея (№ 1940), найденное близ хутора Колотаева.

знаки письма повторяют сравнительно хорошо арабские буквы, но большинство их настолько искажено, что надпись следует считать имитацией арабского письма, модель которой была исполнена мастером, не владевшим арабским языком.

Гораздо интереснее второе зеркало Донского музея (№ 1943), местонахождение которого сейчас неизвестно. В каталоге оно описано так:

„Бронзовое зеркало с ушком в центре. Найдено в раздуваемых ветром дюнных песках в юрте станицы Нижнекудринской, Первого Донского округа, на правой стороне р. С. Донца" (см. рис. 2).

„Приобретено от местного собирателя древностей В. Д. Сережникова в 1901 г." (диам. 14 см).[4]

На зеркале № 1943 вокруг сильно выпуклого ребристого ушка, наложенного на 6-фестончатую пластинку, изображен в окаймлении перлов гон зверей; фоном служит волнообразный побег. Тела двух четве-

[4] Размер указан В. А. Петровым. См. прим. 2.

роногих хищников — горного козла с витым рогом и обернувшегося назад перепуганного зайца — трактованы пластично. Стебель побега, спиральные завитки и усики, пальметки, листики и узелки напоминают узоры иранских изразцов XIII в. Внешний кольцевой пояс с рельефной куфической надписью отделен желобком от сильно выпуклого края. Начало надписи приходится над изображением зайца (рис. 2).

Рис. 2. Бронзовое зеркало Донского музея (№ 1943), найденное близ станицы Нижнекудринской.

Надпись состоит из 12 пожеланий анонимному владельцу:

(1) بركة (2) ويمن (3) وسرور (4) وسعادة (5) [و]سلامة (6) وعلو (7) وعافية (8) وتاييد

(9) وتقدير (10) ونصر (11) واستقامة (12) وبقا (13) لصاحبه

В графике надписи следует отметить: 1) дополнительные элементы, парные к стволам нескольких букв; 2) поднятые вверх окончания извилистого вāва, нӯна, рā; 3) вершины и окончания, расщепленные под углом или вроде рожек; необычный средний ʿайн в слове *саʿāда* с тройным расщепом и „птичка" над ā; 4) лигатуры горизонтальные и дугообразные; 5) точки внутри буквенных петель.

Несколько букв неудачно или неправильно соединены (в 7-м и 10-м словах). Мало места оказалось для буквы ṣād в 13-м слове. Ṣād давался писавшему с трудом. Тяжеловесна форма лām-алифа.

Знаки чтения отсутствуют, поэтому можно колебаться в определении некоторых слов.

Третья буква 6-го слова совпадает с начертанием вāва между 8-м и 9-м словами и с фā 7-го слова. Наиболее подходит по смыслу чтение букв ʿайн — лām — вāв: *ʿулуввун* 'возвышение'.[5]

Чтение 8-го, 9-го и 10-го слов довольно трудно. Все три слова начинаются с низкой буквы, допускающей выбор между бā, тā, ṣā нӯн, йā.

8-е слово состоит из 5 букв, из них последняя — дāл или кāф — принадлежит к корню; вторая буква — конечный алиф, который может принадлежать к первому долгому слогу или быть первой буквой корня, начинающегося с алифа, перед которым стоит префикс. Учитывая начертание следующего, 9-го слова, здесь возможно чтение тā — алиф — бā — йā — дāл (масдар от корня *абада* ابد), تَأْبِيد (*таʾбид*) 'продолжительность', 'вечность', но еще лучше *таʾйид* (تَأْيِيدٌ) 'укрепление'[6] [ср. обычное пожелание *аййадаху Аллах* (أيّده الله) 'да укрепит его Аллах!'].

9-е слово из 5 букв, по аналогии с 8-м, тоже масдар от корня *кадара* (قدر), *такдӣр* (تقدير), 'устроение', хотя третья буква соединена с четвертой, вероятно, по ошибке, так же как в 7-м слове, не соединены фā — йā. Корень *фаḳара* (فقر) 'думать', 'размышлять' не подходит в данном случае, *маḳара* (مقر) 'обманывать' — тоже; предпочесть *тамкӣн* (تمكين) (от корня *макана* مكن) не следует потому, что все мӣмы в этой надписи круглые; следовательно, вторая буква этого слова — начальный ḳāф.

10-е слово тоже читается нелегко. В нем будто три буквы. Хотелось бы видеть здесь частое в надписях пожелание *наṣр* (نصر) 'победа' из букв нӯн — ṣād — рā; смущает, однако, дугообразная лигатура после горизонтального отрезка и завиток над корпусом ṣāда, который мог бы указывать чтение ṭā или ẓā. Так как в последнем слове, чтение которого ясно, ṣād имеет небольшой выступ и соединен с лāмом дугой, то возможны два чтения десятого слова: *надир* نضر 'блестящий', 'прекрасный'[7] или часто встречаемое *наṣр* (نصر) 'победа'; чтение *наṭр* (نطر) 'охрана'[8] по общему характеру надписи подходит меньше.

11-е слово образовано от X породы глагола *ḳāма* (قام) 'встать', 'подняться' и означает *истиḳāма* (استقامة) 'благоприятность (положения)'.

Слова 9 и 11 в текстах с пожеланиями необычны, прочие нередки. После просмотра графики куфическую надпись на бронзовом зеркале № 1943 можно понимать так:

„Благословение и счастье и радость и благополучие [и] мир и возвышение и здоровье и поддержка и укрепление и победа и благоприятность [положения] и продолжительность [жизни] владельцу сего".

Свободный фон над буквами заполнен прерывистым стеблем и завитками волнообразного побега, который был недостаточно глубоко прочерчен в форме. По художественным достоинствам пропавшее зер-

---

[5] См.: Sammlung F. Sarre. Erzeugnisse islamischer Kunst bearb. von Friedrich Sarre mit epigraphischen Beiträgen von Eugen Mittwoch. Berlin, 1906 (в дальнейшем: Mittwoch).

[6] Там же, стр. 76.

[7] J. B. Belot. Vocabulaire arabe-français. 6-е изд., Бейрут, 1899, стр. 836.

[8] Там же, стр. 837.

кало Донского музея № 1943 гораздо выше, чем сохранившееся в обломках зеркало № 1940.

Искаженные до неузнаваемости буквы на зеркале № 1940 заставляют вспомнить некоторые надписи в Дагестане, в частности, одну надпись в ауле Кубачи.[9] Знаменательна также разница в определении Х. И. Поповым металла обоих зеркал. Вполне вероятно, что время и место изготовления их не совпадают. Зеркало № 1940, быть может, отлито где-то на Северном Кавказе позже, чем зеркало № 1943. Зеркало № 1943 по орнаментации тяготеет к художественным изделиям Ирана и, несмотря на отмеченные особенности письма, могло бы быть датировано XII в.

Все соображения относительно двух зеркал Донского музея основаны лишь на изучении их изображений на уцелевшей таблице. Для окончательного и правильного суждения этого мало: необходимо, конечно, изучение самих оригиналов, один из которых совершенно недоступен.

Может быть, публикация изображения и описания в настоящей заметке помогут идентифицировать исчезнувший экземпляр и установить его местонахождение в настоящее время.

В заключение автору этих строк хочется повторить многоуважаемому юбиляру, которому посвящается настоящий сборник, все благие пожелания, которые содержит арабская куфическая надпись на бронзовом зеркале № 1943 Донского музея.

[9] См.: В. А. Крачковская. Из эпиграфических мотивов на мечети в ауле Кубачи (Памяти академика Н. Я. Марра, 1864—1934). М.—Л., 1938, стр. 352—357, рис. 1—2.

К. К. Курдоев

О ЗНАЧЕНИЯХ И ФУНКЦИЯХ СУФФИКСА -k (-aka) В КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ

Сравнительный материал среднеперсидского и современного курдского языков показывает, что функции и значения курдских суффиксов -k, -ok, -îk, -ik, -ki, -k, -okî, -nok, -nek, -ka часто совпадают. Это совпадение, вероятно, является результатом исторического развития и схождения различных курдских диалектов. Очевидно, именно в результате такого процесса за каждым фонетическим вариантом курдского суффикса -k закрепилось определенное значение и место в словообразовании современного курдского языка. Этим можно объяснить, почему курдские суффиксы -ek, -ok, -ik, -k, -kî, -ûk, -nok, -nek, -ka, -okî, формально и семантически выполняя одинаковую словообразовательную функцию, выступают в разнообразных сферах словопроизводства. Их формальная и семантическая общность обнаруживается при анализе значения и роли каждого из них в отдельности.

При анализе значений и функций вышеприведенных курдских суффиксов исследователи[1] ограничивались указаниями либо на их реляционную функцию, либо на релятивную функцию. При этом в обоих случаях главное внимание уделялось способности этих суффиксов выражать уменьшительно-ласкательные значения. Весьма часто исследователи курманджи смешивали эти словообразовательные суффиксы с показателем неопределенного члена ek, восходящим к числительному yek 'один' (в значении неопределенного местоимения „некто", „кто-то").

Ниже мы делаем попытку всесторонне и систематически охарактеризовать значение и функции суффикса -k (и всех его фонетических вариантов).

I. Суффикс -ek является малопроизводительным. Он характеризует лицо (или предмет) по свойству, действию, черте характера и по какому-нибудь другому признаку. Образуя слова от имен существительных и глагольных основ, суффикс -ek в одних случаях изменяет их

[1] См.: A. Socin. Die Sprache der Kurden. Grundriss der Iran. Philol., 1/11, стр. 249—286; F. Justi. Kurdische Grammatik. St. Pétersburg, 1888; B. Soane. Grammar of the Kurmanji. London, 1913; Prof. Xacaturjan. Ziman-name Kurmanci. Rewan, 1932, стр. 8; Prof. Xacaturjan, A. Gindi. Ziman-name ya Kurmanci. Rewan, 1935, стр. 28.

реальное значение (в этом случае слово с суффиксом выражает новое значение), а в других случаях не выполняет этой роли. Соответственно этому слова, образованные посредством этого суффикса, делятся на две группы: 1) слова со значением качества, свойства и действующего лица и 2) слова с предметным значением.

1) Слова со значением качества, свойства и действующего лица: parsek 'нищий', 'нищенствующий' (pars 'подаяние'); serek 'вождь', 'глава' (serî 'голова'); tirsek 'трус' (tirs 'страх'); virek 'лгун' (virî 'ложь'); kulek 'болезненный' (kul 'болезнь'); newêrêk 'трус' (wêrîn 'быть смелым, храбрым'); revek 'бегущий', 'бегун' (revîn 'бежать'); dizek 'вор', 'ворующий' (dizîn 'воровать'); gezek 'кусающий', 'укус' (gez — основа наст. вр. глагола gestin 'кусать'); kulek 'хромой', 'хромающий' (dikule 'хромает'; kul от kulîn 'хромать') и т. д.

2) Слова с предметным значением: rûniştek 'скамейка', 'сидение' (rûniştin 'сидеть'); qelîştek 'щель', 'трещина' (qelaştin 'рвать'); birek 'пила' (birîn 'резать'); xwerek 'еда', 'кушанье' (xwerin 'кушать', 'есть'); badek 'сверток' (badan 'вить', 'свертывать'); pêçek 'сверток', 'пеленки' (pêç — основа наст. вр. глагола pêçîn 'свертывать', 'пеленать'); qetek 'отруби' (qet — основа наст. вр. глагола qetîn 'оторваться', 'отделиться'); (ср. среднеперс. zivandak 'живущий'; amuxtak 'ученый', 'образованный'; taxmak 'соплеменник'; çaşmak 'источник', 'ключ', 'родник'; kofak 'седло' (kof 'гора'); kanizak 'девушка'; navizak 'канал'; xvarak 'еда', 'кушанье'; puşak 'одежда').

Помимо этого, во многих словах суффикс -ek воспринимается как лексикализованная часть слова, т. е. большинство слов (корней), снабженные суффиксом -ek, не воспринимаются без него как самостоятельно значимые слова; их значение может быть восстановлено только этимологическими сравнениями. В последнем случае обнаруживается, что суффикс -ek не всегда изменяет реальное значение слова (корня): zegerek 'лен' (ср. тадж. zexîr 'лен'); madek 'самка' (ср. перс. مادر 'мать'); govek 'круг' (ср. курдск. gov-bend 'хоровод в кругу'); gûzek 'лодыжка' (ср. курдск. gûz 'орех'); kêlek 'бок' (ср. курдск. berkêl 'боковая сторона'); çêlek 'корова' (ср. курдск. ho çêlê слово, которым понукают коров); berek 'род', 'родич'.

II. Суффикс -ok также выражает качество, свойство или какой-нибудь признак предмета. Особенно ярко он характеризует лицо (предмет) по его действию. Его словообразовательная функция гораздо шире, чем у суффикса -ek. От имен существительных и прилагательных, от повторов, сложных слов и глагольных основ настоящего и прошедшего времени он образует разнообразные по характеру имена существительные и прилагательные.

1) От имен существительных, являющихся одновременно основами глагола, суффикс -ok образует слова, обозначающие действующее лицо (причастие настоящего времени): tirsok 'боящийся', 'трус' (tirs 'страх', 'боязнь'; tirsîn 'бояться'); henekok 'шутник' (henek 'шутки', henek kirin 'шутить'); gezok 'кусающий' (gez 'укус', gestin 'кусать'); gerok 'бродящий', 'вращающийся', 'бродяга' (ger 'вращение', 'брожение', gerîn 'вращаться', 'бродить'); parsok 'нищий', 'нищенствующий' (pars 'подаяние', pars kirin 'нищенствовать', 'просить подаяние'); derewok 'врун', 'лгун' (derew 'ложь'); revok 'бегущий', 'бегун' (rev. 'бег', revîn 'бежать',); reqasok 'танцующий', 'танцор' (reqas 'танец'); virok 'врун' (vir 'ложь') и др.

2. От основ настоящего времени корневых глаголов суффикс -ok также образует слова, обозначающие действующее лицо. Притом эти основы корневых глаголов без суффикса -ok не выступают в качестве самостоятельных имен: mêjok 'сосун' (mêj — основа наст. вр. глагола mêtin 'сосать'); xwezok 'просящий', 'желающий' (xwez — основа наст. вр. глагола xwestin 'хотеть', 'просить'); xapok 'обманщик' (xapîn — основа наст. вр. глагола xapandin 'обманывать'); bêjok 'говорун', 'говорящий' (bêj — основа наст. вр. глагола gotin 'говорить'); jimarok 'счетчик', jimar 'счет' (ср. глагол jimartin 'считать'); bijarok 'выбирающий', 'выборщик', 'избирающий', 'избиратель'; (ср. bijartin 'выбирать', 'избирать' и др.).

3) От глагольных основ прошедшего времени суффикс -ok образует слова с предметным значением и со значением действующего лица: qelaştok 'щель', 'трещина' (ср. qelaşt — основа прош. вр. глагола qeşlaştin 'рвать', 'трескаться'); rûniştok 'скамейка', 'место сидения' (ср. rûnişt — основа прош. вр. глагола rûniştin 'сидеть'); şandok 'посланец', 'посылка', 'отправитель', 'посыльный'. (şand — основа прош. вр. глагола şandin 'отправлять', 'послать'), spartok 'поручитель', 'порученный', 'поручение' (spart — основа прош. вр. глагола spartin 'поручить').

Ср.: среднеперсидские образования на -ak: sevâk 'извивающийся', asazâk 'неподходящий', humanâk 'подобный', parastûk 'ласточка', mastôk 'напиток', takôk 'кувшин', 'кружка' и др.

4) От основ трехсложных непереходных глаголов суффикс -ok образует отглагольные прилагательные или причастия с активным и пассивным значением. Активное и пассивное значение причастия зависит как от характера суффикса -ok и основ глагола, так и от синтаксической функции причастия в предложении. Вследствие этого некоторые причастия, образованные посредством суффикса -ok, воспринимаются со значением действующего лица, а некоторые — с предметным значением: zerqok 'сверкающий' (zeriqîn 'сверкать'); hincirok 'раздавливающий', 'раздавленный' (hincirîn 'быть раздавленным')'; pelçiqok 'помятый' (pelçiqin 'быть помятым'); qemilok 'загорелый', 'обгорелый', (qemilin 'быть загорелым'), şihitok 'испорченный' (şihitîn 'испортиться'), qerçimok 'морщинистый', 'помятый'), qerçimîn 'быть помятым', 'быть морщинистым'), qincilok 'согнувшийся', 'скорчившийся от холода.'

5) birqok 'сверкающий', 'блестящий', 'светляк' (biriqîn 'сверкать', 'блестеть'), peritok 'рваный', 'рвань' (peritîn 'рваться'), qefilok 'боящийся холода', 'мерзляк' (qefilîn 'замерзать'), zeliqok 'липучий', 'прилипчивый' (zeliqîn 'прилипать'), şimitok 'скользкий', 'скользящий', 'каток' (şimitîn 'скользить', 'кататься'), xeniqok 'утопленник' (xeniqîn 'быть утопленным'), zivirok 'вертящийся', 'волчок' (zivirîn 'вертеться', 'вернуться'), gincirok 'лохматый', 'лохмотья' (gincirîn 'быть лохматым'), tevizok 'судорожный', 'судороги' (tevizîn 'быть в судорогах') и др.

9. Продуктивность суффикса -ok особенно выявляется при словосложении. Сложные слова, полученные соединением имени (префикса) и глагольной основы, приобретая суффикс -ok, воспринимаются как причастия (прилагательные) с активным и пассивным значением, в зависимости от характера глагольной основы: pêkenok 'тот, над которым смеются', (pêkenin 'смеяться над кем-нибудь)', peygerok 'следующий за кем-либо'; 'преследователь' (pêygerin 'следовать за кем-либо', 'последовать', 'преследовать'), çavgirtinok 'закрывающий глаза', 'не видящий' (çavgirtin 'закрывать глаза'), gêjgerok 'водоворот', 'головокружение', 'круговорот', şîrmijok 'грудной ребенок', 'молокосос' (şîr mêtin 'сосать молоко'), xêrxwezok 'доброжелательный', 'доброжелатель' (xêr xwestin 'желать добра'), serjinkok 'старший над женщинами' (ser jinî kirîn 'быть

старшим над женщинами'), serhejok 'тот, у кого голова качается' (ser hejandin 'качать головой'), zêrkirok 'золотых дел мастер' (zêrkirin 'делать золото', 'золотить'), hizkirok 'любящий', 'любимый' (hizkirin 'любить') и мн. др.

7) Присоединяясь ко второму компоненту повтора, образованного от глагольных основ и слов звукоподражательного характера, суффикс -ok образует слова, обозначающие лицо, производящее постоянное или продолжительное действие:

а) zivr-zivirok 'вращающийся', 'вертящийся валик' (zivirîn 'вращать', 'вращаться'), mijmijok 'сосущий', 'сосун' (ср. mêj — основа наст. вр. глагола mêtî 'сосать'), хархарок' 'обманывающий', 'обманщик' (харîn — основа глагола xapandin 'обманывать'), bezbezok 'имеющий обыкновение бежать', 'бегущий', 'бегун' (bez — основа наст. вр. глагола bezîn 'бежать'), xwezxwezok 'имеющий обыкновение просить', 'просящий' (xwez — основа наст. вр. глагола xwestin 'хотеть', 'просить'), revrevok 'имеющий обыкновение бежать', 'бегущий' (rev — основа наст. вр. глагола revîn 'бежать') и др.

б) çirçirok 'издающий скрип', fîtfîtok 'свистящий', 'издающий свист', xuşxuşok 'издающий шелест, шум', qarqarok 'издающий крик' (qarîn 'кричать'), gurgurok 'издающий гром' (gurîn 'гром'), pitpitok 'издающий шопот', 'шептун', zirzirok 'издающий крик' (об осле) и др.

в) В ряде случаев суффикс -ok превращает имена существительные в имена прилагательные: gemarok 'грязный' (gemar 'грязь'), şermok 'стыдливый' (şerm 'стыд'), xeydok 'обидчивый' (xeyd 'обида'), xewok 'сонливый' (xew 'сон'), keçelok 'плешивый' (keçel плешь'), ecêbok 'удивительный', 'чудотворный', (ecêb 'удивление', 'чудо') и др.

г) От повторов, полученных удвоением имен существительных, суффикс -ok производит имена прилагательные: deqdeqok 'пятнистый' (deq 'пятно'), rengrengok 'разнообразный', 'разноцветный' (reng 'вид', 'образ', 'цвет'), xalxalok 'веснущатый' (xal 'веснушки') и др.

д) Во многих случаях суффикс -ok выражает оттенок уменьшительности или ласкательности, например: gulok 'клубок', 'моток', delalok 'любимчик' ('delal любимый', 'дорогой', 'прелестный').

Этот оттенок уменьшительности и пренебрежительности особенно эмоционально воспринимается в случае, когда суффикс -ok присоединяется к именам собственным, например: Ahmedok 'Ахмедишка' (Ahmed 'Ахмед'), Reşîtok 'Рашидишка' (Reşît 'Рашид'), Ozmanok 'Озманишка' (Ozman 'Озман') и др.

е) В ряде случаев суффиксы -ok и -ek могут присоединяться к одним и тем же словам и образовывать семантически одинаковые слова, например: revok и revek 'бегущий', 'бегун' (rev 'бег', revîn 'бежать'), mêjok и mêjek 'сосущий', 'сосун' (mêj — основа наст. вр. глагола mêtin 'сосать'), gezok и gezek 'кусающий', 'укус' (gez 'укус', gestin 'кусать'), gelîştok и qelîştek 'щель', 'трещина' (qelaştin 'рвать', 'трескаться'), tirsok и tirsek 'трус', 'боящийся', parsok и parsek 'нищий' и др.

Примеры показывают, что суффиксы -ok и -ek семантически и функционально равноценны, но вместе с тем, как было видно из рассмотренного материала, сфера словообразовательной функции у суффикса -ok гораздо шире, чем у суффикса -ek.

ж) В некоторых словах обнаруживается момент лексикализации суффикса -ok, например: çîrok 'сказка' (ср. çer kirin 'ругать'), dîrok 'рассказ', 'история', gulok 'моток' (ср. gulol kirin 'катать', 'мотать'), qanok 'корень каучукового растения', lêpok 'шут', 'клоун' (ср. lêp 'шутка'), bişkok 'пуговица' (ср. bişkavtin 'распороть'), xeberok 'поговорка', 'пословица' (xeber 'известие', 'слово'), berevok 'сборник' (ср. berevkirin 'собирать') и др.

III. Суффикс -ik выступает в двух основных функциях: как суффикс, производящий существительное от существительного с изменением эмоционального, но не логического содержания (при этом новое слово обладает оттенком уменьшительности), и как суффикс, производящий существительное от существительного, прилагательного и глагольной основы с изменением их семантики (прилагательное и глагольная основа в этом случае равны существительному), причем как в первом, так и во втором случае можно выделить несколько подгрупп вновь образованных слов, где суффикс -ik наряду со словообразовательной функцией воспринимается как составная часть слова.

1) Присоединяясь к имени существительному, суффикс -ik либо не изменяет его основное значение, либо придает ему значение уменьшительности-ласкательности, например:

а) germik 'теплый источник' (germ 'теплый', 'горячий'), sorik 'оспа' (sor 'красный'), reşik 'трава, служащая для изготовления черной краски'; ('чернуша', 'черный человек' (reş. 'черный'), hûrik 'мелочь' (hûr 'мелкий'), zerik 'желток', (zer 'желтый'), kurtik 'куртка' (kurt 'короткий', 'куцый'), kalik 'старик' (kal 'старый'), pîrik 'старушка' (pîr 'старый') и др.

б) gewrik 'серенький', 'серые пятна' (gewr 'серый'), nazik 'нежненький' (naz 'нежный'), hindik 'мало' (ср. hinde 'столько-то'), qîçik 'желтенький' (ср. qîçolekî 'желтоватый'.).

2) От имен существительных суффикс -ik также образует слова, не выражающие нового представления, но содержащие оттенок уменьшительности или ласкательности, например: navik 'пупок' (ср. nav 'пуп'), şe'lik 'передник' (ср. şe'l 'шаль', 'шаровары'), lepik 'рукавицы' (lep 'лапы'), qirik 'горло' (ср. осет. gur 'горло', ягноб. qur 'горло'), dêlik 'самочка' (dêl 'самка'), avik 'водянка' (av 'вода') и др.

В древнеперсидском языке суффикс -aka (-ak) со значением уменьшительности применялся очень редко (bandaka 'раб', mardaka 'человек'). В современном персидском языке суффикс -ak употребляется со значением уменьшительности в следующих словах: پسرک 'сынок', مورغک 'птенец', سیاهک 'черномазый человек', نازوک 'неженка' и др.

Курдский суффикс -ik, по-видимому, сравнительно недавно получил значение уменьшительности. Вероятно, это значение он приобрел в связи с его употреблением с такими словами, которые сами по себе означали или означают предметы немногочисленные или небольшие по размеру: karik 'козленок' (kar 'козленок'), berxik 'ягненок', (berx 'ягненок'), kêzik 'жучок' (kêz жук), kecik 'девушка'), (keç 'девушка' serik 'головка' (от мундштука), (serî 'голова'), kurik 'мальчик' (kur 'сын', 'мальчик'), şîşik 'прутик' (şîş 'прут') и мн. др.

3) С отглагольной основой суффикс -ik образует слова, обозначающие название или результат действия: lîstik 'танец', 'игра' (listin 'танцевать', 'играть'), kuxik 'кашель' (kuxîn 'кашлять'), kolik 'яма', 'ямочка'), (kolan 'копать'), paçik 'пеленки' (paçan 'свертывать'), ristik 'пряжа' (ristin 'прясть') и др.

Приведенные примеры показывают, что наряду с большей производительностью суффикс -ik во многих случаях воспринимается как лексикализованная часть слова.

Приведем несколько слов, по которым легко судить о процессе лексикализации суффикса -ik: şerbik 'кружка' (ср. ар. شرب 'пить'), qirik 'горло' (ср. ягноб. qur 'горло'), dêlik 'самка' (ср. dêl 'самка', употребляется редко), qazik 'котелок', (ср. тур. qazan 'котел'), pifik 'поддувало' (pif kirin 'дуть'), gupik 'щека' (ср. ларское gup 'щека') и др.

IV. Суффикс -k служит для образования имен существительных только от сложных слов и слов-повторов. Присоединяясь ко второму компоненту последних, он придает им предметное значение. При этом составные части вновь образованных слов без суффикса -k или не имеют никакого значения, или же имеют значение, отличное от значения их составных частей, т. е. предметное значение слов в одних случаях тождественно предметному значению составных частей, а в других случаях их предметное значение расходится. В этом сказывается двойственная природа суффикса -k: с одной стороны — это живой словообразовательный суффикс, с другой — суффикс, вступающий или вступивший в процесс лексикализации.

Нижеприводимые примеры иллюстрируют сказанное:

serkêlk 'надгробный памятник' (ср. перс. هیکل и курдск. kêl 'памятник'), berçavk 'очки' (ber 'перед', çav 'глаза'), darkolk 'палка для рытья земли' (dar 'палка', kol — основа наст. вр. глагола, kolan 'копать'), hevîrtirşk 'дрожжи', 'закваска' (hevîr 'тесто', tirş 'кислый').

mezmezk 'спинной хребет', xaşxaşk 'мак', kirkirk 'лен', zerzerk 'желтая съедобная трава' (zer 'желтый'), hecheck 'ласточка', tirtirk 'пушинка' и др.

mijmijk 'соска', перен. промокашка (ср. mêj — основа наст. вр. глагола mêtin 'сосать'), çirçirk 'скрипящий крючок, которым вяжут сено', (бук. 'скрипучка') (çirîn 'скрипеть'), gezgezk 'крапива' (gez — основа наст. вр. глагола gestin 'кусать'), qarkqark 'грач' (qarîn 'кричать', 'каркать'), şirşirk 'желобок' (şirîn 'журчать', ср. курдск. şîrik 'желобок', тадж. çerek 'желобок'), pirpirik 'бабочка' (ср. pirîn 'летать') и т. д.

Сочетание berçav без суффикса -k в значении „очки" и сочетание berzend без суффикса -k в значении „рукава", „нарукавники" не существуют. Точно так же повторы, приведенные в пунктах „б" и „в", без суффикса -k не воспринимаются как самостоятельно значимые слова-повторы, хотя основы повторов, указанных в пункте „в", воспринимаются как корни глаголов. Следовательно, суффикс -k здесь выполняет, с одной стороны, роль словообразующую (образует слова с новым значением), с другой — он выступает в качестве неотделимой смысловой части сложных слов группы „а" и „б". Нижеследующие примеры еще более ясно показывают, как суффикс -k стал или становится лексикализованной частью слова: mişk 'мышь', 'крыса' (ср. др.-перс. muşka 'мышь'), tûk 'слюна', 'плевок' (ср. курд. tûkirin 'плевать', bask 'рука', 'крыло' (ср. перс. بازو 'рука от плеча до локтя'); kevotk 'голубь' (ср. перс. کبو تر 'голубь'), kizirk 'выжарки' (ср. kizirîn 'жариться', 'гореть'), bobelîsk 'метель', 'вьюга' (bobelîsk образован из слова ba 'ветер', предлога be „с" и основы наст. вр. глагола lîstin 'играть', bobelîsk букв. 'ветер с игрой') и др.

V. Суффиксы -nek и -nok представляют собой разновидность суффиксов -ek и -ok. Они также выражают свойство и признак предмета. От имен существительных и глагольных основ они образуют слова, обозначающие предмет (лицо) по свойству, черте характера. Форма -nok появляется в конце слов, имеющих гласный исход, например: girî 'плач', girînok 'плачущий', 'плакса', gerînok 'бродящий', 'бродяга' (geri — основа прош. вр. глагола gerîn 'бродить', 'вращаться'), xurî 'чесотка', 'рябой', xurînok 'чесоточный', xurîn 'чесаться' и т. д.

Форма -nek употребляется в случае, когда между словом и суффиксом появляется гласный звук „о", например: tirsonek 'трус', 'трусливый' (tirs 'страх'), geronek 'бродящий', 'бродяга' (ger 'вращение', 'броджение'), (ср. глагол gerîn 'вращаться', 'бродить'), xeydonek 'обидчивый' (xeyd 'обида'), (ср. xeydîn 'обидеться'), tirşonek 'кисловатый' (tirş 'кислый'), в последних двух примерах суффикс -nek выражает меньшую степень качества.

VI. Суффикс -ki служит для образования слов, обозначающих отношение, подобие или свойство. Он производит слова от слов, обозначающих название народностей, и от повторов, полученных путем удвоения основ существительных и прилагательных (таких слов очень немного).

1. Названиям народностей суффикс -ki придает значение отношения или же подобия, например: kurmanckî 'курдский' (язык); 'по-курдски', hurimkî 'греческий' (язык), 'по-гречески', erebkî 'арабский' (язык), 'по-арабски', gurckî 'грузинский' (язык), 'по-грузински' и мн. др.

2. Повторам, полученным от существительного и прилагательного, суффикс -ki придает значение свойства или признака, превращая их в имена прилагательные с усиленным значением, например:

1) xalxalkî 'очень пятнистый', 'веснущатый' (xal 'веснушки', 'пятна'), zaxzaxkî 'расчерченный' (zax 'черта', 'линия'), zitolzîtolkî 'очень лохматый' (zîtol 'лохмотья') qulqulkî 'очень дырявый' (qul 'дыра') и др.

б) sorsorkî 'раскрасневшийся' (sor 'красный'), reşreşkî 'сильно почерневший' (reş 'черный'), zerzerkî 'сильно пожелтевший' (zer 'желтый') и др.

VII. Суффикс -okî также является сложным; он образован из суффикса -ok и прилагательного суффикса -î.

Он служит для образования слов, обозначающих качество, свойство и признак предмета. Он производит слова от основ трехсложных глаголов, от существительных, прилагательных и повторов. При этом степень выражения свойства или признака предмета и бывает разной. Это различие зависит как от характера составного суффикса -okî, так и от самых основ производных слов.

Присоединяясь к глагольным основам, суффикс -okî превращает их в причастие (прилагательное), обозначающее абсолютную степень качества, признак предмета: zeliqokî 'липучий' (zeliqîn 'прилипать'); xeniqokî 'утопленный' (xeniqîn 'утопиться'); peritokî 'рваный' (peritîn 'рваться'); birqokî 'сверкающий' (beriqîn 'сверкать', 'блестеть'); şimitokî 'скользкий' (şimitîn 'скользить'); qeliştokî 'рваный', 'порваный' (qeliştîn 'рваться') и др.

Суффикс -okî в словах, образованных от качественных прилагательных, означает меньшую степень качества: giranokî 'тяжеловатый' (giran 'тяжелый'), gewrokî 'сероватый' (gewr 'серый'), keskokî 'зеленоватый' (kesk 'зеленый') и др.

От повторов суффикс -okî образует слова, обозначающие склонность, способность делать что-либо или проявлять какое-либо качество, например: bilbilokî 'ворчливый', 'болтливый' (ср. bile-bil kirin 'болтать'), tiltilokî 'шепелявый' (ср. tile-til kirin 'шепелявить'), ginginokî 'гнусавый' (ср. gine-gin kirin 'гнусавить') и др.

VIII. Суффикс -îk воспринимается как лексикализованная часть слова, хотя встречаются слова, при которых он отчетливо может быть-

воспринят как живой словообразовательный элемент. Его основная функция — образовывать слова от имен существительных и повторов, основы которых в большинстве случаев в курдском языке не имеют самостоятельного употребления, например:

kurîk 'жеребенок' (ср. перс. کوره 'жеребенок'), berîk 'передний карман' (ср. ber 'перед', 'лицо', 'над'), pişîk 'кошка' (ср. др.-перс. puṣka), nêzîk 'близкий' (ср. перс. نزدیک 'близкий').

minminik 'стрекоза', pirpirîk 'бабочка' (ср. pirîn 'летать'), kirkirîk 'хрящ' и др.

IX. Суффикс -ûk, по-видимому, является вариантом суффикса -ok. Он непроизводителен, встречается в нескольких словах как лексикализованная часть слова, например: pişrûk 'каша (приготовленная из муки)' (ср. pişirîn 'рассыпáться' — о зернах), bindarûk 'деревянный навес' (очевидно, образован из предлога bin 'под' и слова dar 'дерево' и суффикса -uk, bindarûk букв. 'поддеревянник'), neynûk 'ноготь', perûk 'кукушка' и т. д. Ср. ср.-перс. çawuk 'быстрый', 'проворный', sawuk 'легкий', nazuk 'нежный'.

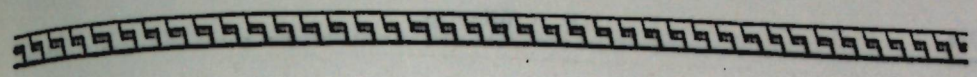
X. Суффикс -ka совершенно непроизводителен. Он служит для образования наречий, выражающих образ и обстоятельство действия, например: dizîka 'тайно', 'украдкой' (ср. глагол dizîn 'украсть', 'воровать'), zûka 'быстро', 'скоро' (zû 'быстрый', 'скорый'), zûzûka 'быстрее', rastîka 'правдиво' (rastî 'правда') и др.

Ср. ср.-перс. parsik 'персидский', hrumayik 'греческий', xratik 'разумный', peşik 'прежний', awarik 'другой', arzanik 'достойный', tavanik 'сильный', 'могущественный'.

Таким образом, курдские суффиксы -ok, -ke, -ik, -k, -kî, -okî, -ka, -nek, -nok, -ûk семантически и функционально являются атрибутивными суффиксами. Большая часть их представляет фонетические варианты общего индоиранского суффикса -aka. Однако характерная черта каждого из этих курдских суффиксов заключается в том, что каждый из из них имеет свои специфические особенности как по степени производительности, так и по сфере словообразовательной функции. Все они образуют самые разнообразные слова (имена существительные, прилагательные, наречия).

Сфера словообразовательной функции этих суффиксов распространяется на образование слов от прилагательных, существительных, глагольных основ и слов-повторов. От имен существительных они образуют прилагательные и существительные, а от имен прилагательных образуют имена существительные и новые прилагательные. От глагольных основ и слов-повторов образуют такие имена существительные и прилагательные, которые по характеру подразделяются на слова со значением действующего лица и на слова с предметным значением.

Среди рассмотренных суффиксов (-ok, -ek, -ik, -k, -kî, -okî, -ka, -nek, -nok, -ûk) в группу наиболее живых и производительных суффиксов следует выделить суффиксы -ok, -ik, -k, -okî, -kî. Существенным моментом, характеризующим их развитие, является наблюдаемый процесс их лексикализации.



И. Г. Лившиц

ФРАГМЕНТЫ САРКОФАГА КНЯЗЯ ХАФ-МИНА

Публикуемые фрагменты египетского деревянного прямоугольного саркофага конца Древнего царства хранятся в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (ГМИИ); они входили в состав коллекции египетских древностей В. С. Голенищева и поступили вместе с этой коллекцией в музей в 1911 г.

I. ГМИИ I 1а 5334

Верхняя часть узкой стенки саркофага (расположенной у головы мумии),[1] составлявшая, по-видимому, почти половину всей стенки (рис. 1).

Фрагмент состоит из двух досок неправильной формы. Древесина очень плотная, тяжелая, хорошей сохранности.

Исследование анатомического строения образца древесины данного фрагмента говорит о том, что указанная древесина относится к роду Tamarix.[2]

На нижней доске в толще нижнего края имеются три продольных паза, в которые входили деревянные шипы, скреплявшие эту доску

---

[1] О месте, которое стенка занимала по отношению к мумии, мы судим по направлению иероглифов надписи. Это относится и ко 2-му фрагменту (стр. 372).

[2] Приводим извлечение из акта, составленного научным сотрудником Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР Е. В. Будкевич: „Древесина неясно кольцесосудистого типа с широкими лучами. Граница годичных колец хорошо различима. Крупные сосуды довольно равномерно разбросаны и занимают большую часть годичного кольца, в конце которого разбросаны очень мелкие сосуды; разница в диаметрах сосудов у границы соседних колец значительная. Сосуды одиночные или в группах по 2—3, диаметр их около 100 μ, толстостенные, с окаймленными порами до 20 по ширине сосуда. Спиральные утолщения отсутствуют. Перфорация простая.

Лучи многочисленные, гомогенные, немного шире или немного у́же сосудов, 6—8-рядные, реже до 15 клеток в ширину, в тангентальном разрезе сильно веретенообразно вздутые; имеются сосудистые трахеиды, которые окружают сосуды или образуют поясок вдоль внешней границы годичного слоя. Тяжевая древесная паренхима скудная, прерывисто терминальная, вазоцентрическая — диффузная. . .

Перечисленные анатомические признаки определяют принадлежность исследованных древесин (имеются в виду древесины публикуемого в настоящем сборнике фрагмента саркофага Хаф-Мина и гвоздика от саркофага *Mrt*, публикуемого мною в монографии, посвященной египетским саркофагам ГМИИ, — *И. Л.*) к роду Tamarix — Тамариск или Гребенщик".

с не дошедшей до нас доской, примыкавшей снизу к публикуемой нами сохранившейся части стенки саркофага. С правой и левой сторон стенка стесана под углом в 45° для соединения в ус с не дошедшими до нас боковыми стенками саркофага. По верхнему краю, справа и слева, стенка имеет небольшие выемки, в которые входили выступы, имевшиеся на обеих боковых стенках саркофага. В верхней части стенки, над первой строкой надписи, несколько левее середины, имеется сквозное отверстие круглой формы для деревянного шипа. При помощи двух таких шипов (второй шип входил в отверстие узкой стенки саркофага, расположенной у ног мумии, о чем см. на стр. 372) была закреплена крышка саркофага. Шипы сквозь эти отверстия в узких стенках саркофага входили в отверстия двух поперечных планок, находившихся на внутренней поверхности крышки саркофага соответственно возле обеих узких стенок саркофага. Таким способом саркофаг был наглухо заперт.

Ширина стенки 72 см; в верхней части, между боковыми выемками верхнего края (см. выше), 67.8 см. Ширина стенки по ее внутренней стороне, между стесанными краями, 63.5 см. Высота сохранившейся части стенки: 25.5 см (у левого края), 22 см (посередине), 20.5 см (у правого края). Толщина 3.8 см.

В толще обоих стесанных краев стенки имеются остатки деревянных шипов, скреплявших ее с обеими боковыми стенками саркофага.

На наружной поверхности фрагмента сохранилась иероглифическая надпись, состоящая из двух идущих слева направо, одна под другой, горизонтальных строк. Верхняя строка расположена между двумя горизонтальными полосами. Нижняя из этих полос отделяет первую строку надписи от второй строки. Обе полосы, так же как и иероглифы верхней строки, выполнены en creux и выбелены.

Глубина полос около 1.5 мм. Ширина верхней полосы 6 мм; ширина нижней полосы 7—8 мм. Верхнюю строку по всей ее длине пересекает трещина. Небольшая трещина имеется в верхней части второй строки, справа (в конце надписи).

Глубина иероглифов первой строки надписи 1.5 мм, местами до 2—2.5 мм. Высота строки (без полос, ограничивающих строку сверху и снизу) 7.8—7.9 см.

Вторая строка надписи, так же как уцелевшая лишь наполовину горизонтальная полоса, ограничивающая эту строку снизу и отделяющая ее от фриза с изображением жертвенных даров, частично сохранившегося под второй строкой, выполнена иной техникой, чем первая строка, — не вырезана, а нарисована. Изображения предметов на фризе и относящиеся к этим изображениям иероглифические надписи также не вырезаны, а нарисованы. Некоторые из иероглифов, заканчивающих вторую строку надписи, повреждены.

Высота второй строки (без ограничивающих ее полос) 7.75—7.8 см.

Наружная поверхность фрагмента, включая фон надписей, желтовато-коричневого цвета.

Внутренние детали иероглифов первой строки надписи — глаз, штрихи на плече и передней лапе иероглифа , глаз в иероглифах , и , глаза и клюв в иероглифе , небольшие дужки в нижних частях

Рис. 1.

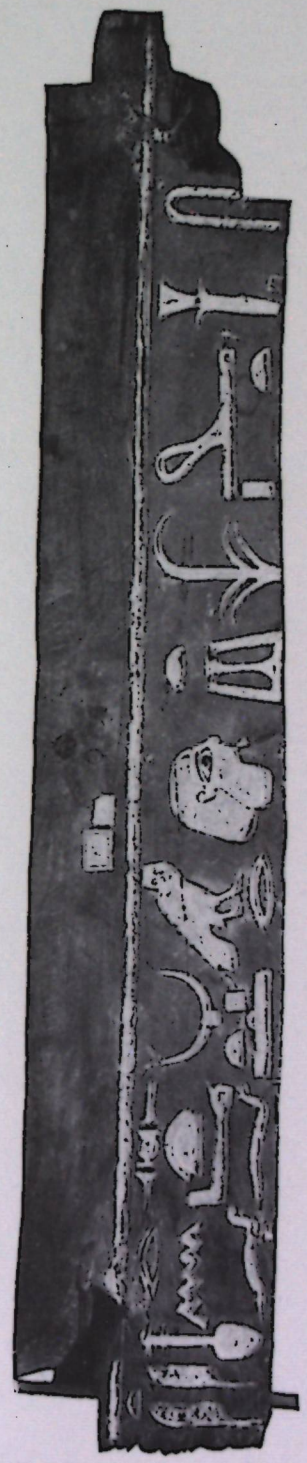
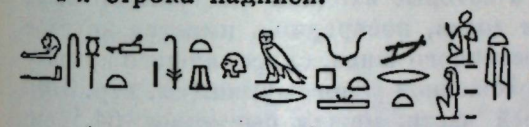


Рис. 2.

иероглифа , небольшие поперечные штрихи около кисти руки в иероглифе нанесены черной краской. Черной краской нарисован также, на поверхности доски (не врезан в доску), коготь в иероглифе . Внутренние, с трудом различимые на фотографии, вертикальные линии по краям и четыре таких линии посередине иероглифа врезаны в доску, как и весь иероглиф; следов раскраски на этих линиях не заметно.

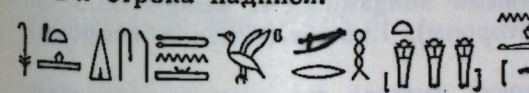
Иероглифы второй строки надписи имеют черные контуры, внутри раскрашены. На ряде иероглифов краска поблекла настолько сильно, что трудно определить их первоначальную расцветку. Некоторые из них, по-видимому, были окрашены в белый цвет. На отдельных иероглифах краска сохранилась достаточно хорошо. Иероглиф окрашен в красный цвет, окончания овальной формы — в белый. В красный цвет окрашены также иероглифы , , сохранившаяся часть иероглифа и полоса на передней лапе иероглифа . Окончания иероглифа имеют небольшие черные отростки, ответвляющиеся от черной контурной линии иероглифа и обращенные один к другому. Иероглиф — белый с внутренними деталями черного цвета; лапки были окрашены в другой цвет, по-видимому в красный. На иероглифах, изображающих сосуд в детерминативе к слову mrḥt, имеются следы черной, красной (двух оттенков — светлого и более темного), розовой и белой красок.

1-я строка надписи:



„Князь, единственный друг (царя), царский надсмотрщик,[3] начальник поручений (в отношении) *мерет*[4] Ти[5]“

2-я строка надписи:



„Царь да будет милостив

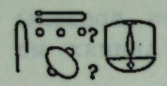
[3] К возможности иного понимания данного титула (ḥrj-tp njśwt) см.: H. Junker. Giza X (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Denkschriften, 74. Bd., 1. Abhandlung). Wien, 1951, стр. 35—36.

[4] *Мерет* (mrt) — название одной из категорий зависимых людей в древнем Египте.

[5] Имя Ти (Tjj) в приведенном выше написании не засвидетельствовано на других известных нам памятниках древнего Египта; Ранке не приводит его в своем труде, посвященном древнеегипетским собственным именам (H. Ranke. Die ägyptischen Personennamen, тт. I—II. Glückstadt, 1935—[1952]). Порядок следования иероглифов, составляющих это имя в верхней строке надписи данного фрагмента, а особенно в надписи на втором фрагменте саркофага Хаф-Мина (см. далее), позволяет читать указанную группу иероглифов и как 'Itj (ср.: H. Ranke, ук. соч., I, 50, 2). Однако во второй строке надписи иероглиф (t) — на оригинале можно различить следы этого иероглифа — стоит перед иероглифами . Последнее обстоятельство и заставляет нас читать указанную группу иероглифов как Tjj.

[6] Иероглифы и в словах с корнем ṯnj обычно составляют одну группу и стоят в конце слова в качестве детерминатива. В публикуемой надписи иероглиф

и позволит, чтобы было преподнесено[7] благовонное масло князю Ти".

Под второй строкой надписи находился фриз с изображениями жертвенных даров. У левого края стенки сохранилось изображение верхней части запечатанного сосуда: . Над сосудом видна группа знаков:  (śṯj-ḥb). Дальше, направо от этой группы, следуют еще две группы знаков: (ḥknw), (śfṯ). Под этими двумя группами знаков находились изображения двух других сосудов. Все три термина — śṯj-ḥb, ḥknw и śfṯ — передают названия различных сортов благовонных масел.

II. ГМИИ I 1а 5335

Верхняя часть узкой стенки саркофага (расположенной у ног мумии). Фрагмент состоит из одной доски неправильной формы, составлявшей примерно четвертую часть всей стенки. У правого края внизу и у левого края вверху доска обломана. В толще нижнего края имеются два продольных паза с остатками шипов, соединявших доску с примыкавшей к ней не дошедшей до нас нижней доской (рис. 2). Древесина фрагмента такая же, как и в описанном выше фрагменте ГМИИ I 1а 5334. Так же как и этот последний, доска с правой и левой сторон стесана под углом в 45° для соединения с боковыми стенками саркофага и имеет по верхнему краю, справа и слева, небольшие выемки, в которые входили выступы боковых стенок саркофага. У верхнего края доски, посередине, имеется круглое сквозное отверстие с остатками деревянного шипа, скреплявшего крышку с узкой стенкой саркофага, расположенной у ног мумии (см. стр. 370).

Ширина доски 72 см; в верхней части, между выемками, 64.5 см; по нижнему, обломанному справа краю 62.8 см. Ширина доски по ее внутренней стороне, между стесанными концами (см. выше) 63.5 см. Высота доски 12.5 см (с правой стороны), 13.6 см (с левой стороны). Толщина 3.7—3.8 см.

У правого и левого краев в доске имеется по одному отверстию, заполненному остатками деревянных шипов.

На наружной поверхности фрагмента вырезана одна горизонтальная строка иероглифов, идущая справа налево. Вследствие повреждения правого края доски от группы из двух иероглифов, начинавших строку, не осталось никаких следов. Сверху строку ограничивает горизонтальная полоса, выполненная en creux и выбеленная внутри. Таким же способом выполнены и иероглифы данной строки. Полоса, ограничивавшая надпись снизу, не сохранилась.

Глубина верхней горизонтальной ограничительной полосы 1.5 мм; ширина 6—7 мм. Высота иероглифической строки (без верхней ограничительной полосы) в ее нынешнем виде: 7 см (справа, в начале надписи); 7.8 см (слева, в конце надписи). Неодинаковая высота строки в ее начальной и заключительной частях обусловлена тем обстоятельством, что эта строка была вырезана на двух смежных досках неправильной формы. Дошедшая до нас верхняя из этих двух досок имеет кривизну по нижнему краю, с правой стороны доска у́же, чем с левой, более чем на 1 см. Вследствие этого иероглифы надписи, целиком уместившиеся в большей своей части на верхней, публикуемой нами доске стенки саркофага, в начале строки переходили своими нижними концами на вторую, не дошедшую до нас доску. Вместе с этой второй доской утрачены окончания иероглифов , и .

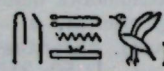
Глубина иероглифов надписи 1.5—2 мм; предпоследний иероглиф, , в верхней своей части врезан в доску на глубину 2.5—3 мм.

Поверхность доски, включая фон надписи, имеет такой же желтовато-коричневый цвет, как и поверхность описанного выше фрагмента саркофага ГМИИ I 1а 5334.

Иероглифы надписи выбелены; внутренние детали иероглифов: глаз в иероглифе , глаза и клюв в иероглифе — выполнены черной краской.

Надпись:

 „[Князь], единственный друг (царя), царский надсмотрщик, начальник поручений Хаф-Мин;[8] его прекрасное имя — Ти".

(в слове ) стоит в середине слова, перед группой , имеет, таким образом, фонетическое значение ṯnj и отделен от иероглифа , стоящего в конце слова. Ср.: Alan H. Gardiner. Egyptian Grammar[3]. Oxford, 1957, стр. 513, T 14, 4a; G. Lefebvre. Grammaire de l'Egyptien classique[2]. Le Caire, 1955, стр. 415, T 14, прим. 7.

[7] Употребление глагола śṯnj в таком значении не засвидетельствовано на других египетских памятниках. Ю. Я. Перепелкин высказывает предположение, что мы имеем здесь дело с неграмотным написанием слова śnṯr 'ладан'. В таком случае приведенную выше формулу следует переводить: „Царь да будет милостив и даст ладан и благовонное масло князю Ти".

[8] К имени Ḥ'j.f-Mn(w), засвидетельствованному только на памятниках Древнего царства, см.: H. Ranke, ук. соч., т. I, 265, 14; т. II, 381; W. Stevenson Smith. The coffin of prince Min-Khaf. Journ. of Egyptian Archaeology, vol. XIX, London, 1933, стр. 149—159. К чтению Min-Khaf [Mn(w)-Ḥ'j.f] ср.: H. Ranke, ук. соч., т. II, 257—258.

Л. А. Липин

ЗНАЧЕНИЕ СОЮЗА Ù В ЗАКОНАХ ХАММУРАБИ

В этой небольшой статье хотелось бы привлечь внимание читателей к значению союза ù в законах Хаммураби (ЗХ). Правильное решение вопроса об этом крохотном словечке в названном вавилонском юридическом памятнике может иметь большое значение при интерпретации ряда статей законов.

Дело в том, что все ассириологи, занимавшиеся вопросами грамматики и лексики аккадского, языка, считали правомерным переводить союз *ù* словами „и", „а", „но", „кроме того", „или" и т. д. Действительно, еще Ф. Делич дал в своем словаре[1] для интересующего нас союза два значения: 1) „или" (немец. oder)[2] и 2) „и" (немец. und).[3] За ним последовали и другие: А. Деймель переводит союз *ù* словами „или" (немец. oder) и „и" (немец. und);[4] Карл Бецольд предлагает для этого союза *ù* несколько значений, среди которых имеется и значение „или„;[5] А. Унгнад, выпустивший в свет три издания своей грамматики аккадского (вавилоно-ассирийского) языка (в 1906, 1926 и в 1949 гг.) переводит союз *ù* словами auch и oder.[6] Такой крупный ассириолог-филолог, как Вольфрам фон Содэн, давший миру первую (пока единственную) монументальную грамматику аккадского языка, тоже утверждает, что аккадский союз *ù* имеет значения: und, auch, oder.[7] Руководствуясь этими установлениями грамматик и словарей, все переводчики ЗХ, в их числе и автор настоящих строк, переводили упомянутый союз *ù* произвольно: то как „и", то как „а", то как „а также", то как „или".[8]

---

[1] F. Delitsch. Assyrisches Handwörterbuch. Leipzig, 1896.
[2] Там же, стр. 32ª.
[3] Там же, стр. 1 и 230ª.
[4] A. Deimel. Akkadisch-Sumerisches Glossar. Šumerisches Lexikon, 3 Teil, Band 2, Roma, 1937, стр. 110.
[5] Carl Bezold. Babylonisch-Assyrisches Glossar, Heidelberg, 1926, стр. 2.
[6] A. Ungnad. 1) Babylonisch-Assyrisches Grammatik. 2 Auflage, München, 1926, стр. 72; 2) Grammatik des Akkadischen. München, 1949, стр. 82.
[7] W. von Soden. Grundriss der akkadischen Grammatik, Analekta Orientalia, 33, Roma, 1952, стр. 170—171.
[8] См. многочисленные переводы ЗХ на европейские языки, в том числе и на русский.

Большинство исследователей не указывают на причину такого разнобоя при переводе союза *ù*. Только фундаментальный словарь Ф. Делича приводит его под двумя различными корнями: под корнем אוּ в одном случае[9] и под корнем ו — во втором.[10] Отсюда можно заключить, что Делич видел в аккадском союзе ù слияние двух различных общесемитских союзов: *aw* (евр. אוּ, араб. و) и *wa* (евр. וְ, וַ, араб. و).[11] В. фон Содэн также видел в аккадском союзе *ù* слияние двух общесемитских союзов *wa* и *au*.[12] Действительно, если исходить из законов фонетики аккадского языка, как мы можем судить о них, основываясь на шумерской клинообразной графике, то оба общесемитских союза — *aw* и *wa* — должны дать в аккадском языке *ù*. В первом случае — долгое, во втором — краткое. Долгота гласного могла затем сократиться или графически не отмечаться. Поэтому на первый взгляд было бы трудно что-либо возразить против придания аккадскому союзу *ù* значений двух названных выше общесемитских союзов *aw* и *wa*.

Однако тщательное изучение законов Хаммураби обнаружило, что такой перевод в крупнейшем юридическом памятнике, в котором формулировки тщательно отшлифованы и строго регламентированы, является необоснованным. Проверка всего материала ЗХ показала, что здесь союз *ù* может иметь лишь одно значение „и", но не „или". Для последнего ЗХ регулярно применяют словосочетание *ù lā*.

В качестве примера возьмем хотя бы ту же самую фразу, которую приводит В. фон Содэн для доказательства, будто аккадский союз *ù* может иметь значение „или". Но мы ее возьмем не отдельно вырванной, а в большом контексте. По мнению немецкого ассириолога, доказательством правомерности перевода союза *ù* словом „или" (oder) могут служить следующие слова из статьи 30 ЗХ: eqel-šu kirā-šu *ù* bissu, что он переводит „его поле, сад или дом" (немец. sein Feld, Garten oder Haus).[13] Разумеется, трудно возразить что-либо против такого перевода данного обрывка фразы. Хотя, правда, в аккадском варианте местоимение „его" применено трижды в форме суффикса *-šu*, а в немецком переводе В. фон Содэна только один раз. Но в данном случае это обстоятельство не меняет общего смысла фразы. Однако стоит нам лишь обратиться к контексту всей статьи в целом, как выяснится безосновательность такого перевода. В самом деле, эта статья гласит: šum-ma lū rēdum ù lū bā'irum eqel-šu kirā-šu ù bissu i-na pa-ni il-ki-im id-di-ma ud-da-ap-pi-ir ša-nu-um wa-ar-ki-šu eqel-šu kirā-šu ù bissu iṣ-ba-at-ma šattam III^{kam} i-li-ik-šu it-ta-la-ak šum-ma it-tu-ra-am-ma eqel-šu kirā-šu ù bissu i-ir-ri-iš ú-ul in-na-ad-di-iš-šum ša iṣ-ṣa-ab-tu-ma i-li-ik-šu it-ta-al-ku šu-ma il-la-ak ($X_{лиц.,\ 51}$—$XI_{лиц.,\ 4}$) [Если либо рэдум,[14] либо же ба'ирум[15] поле свое, сад свой *и* дом свой перед лицом илька[16] бросил,

---

[9] F. Delitsch, ук. соч., стр. 32ª.
[10] Там же, стр. 230ª.
[11] См. C. Brockelmann. Arabische Grammatik. Leipzig, 1953, стр. 65* и 93* (Glossar); см. также: Hans Wehr. Arabisches Wörterbuch. Leipzig, 1952, стр. 29 и 927; W. Gesenius. 1) Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch. Leipzig, 1886, стр. 16—17, 222; 2) Hebräische Grammatik. Leipzig, 1909, стр. 816.
[12] W. von Soden, ук. соч., стр. 170—171.
[13] См. прим. 7.
[14] *Рэдум* — род рядового воина.
[15] *Ба'ирум* — род рядового воина; см. также прим. 14.
[16] *Илък* — в данном случае, поскольку речь идет о воинах, — воинская повинность. *Илък* — не только обязанность, но также право пользоваться имуществом, данным царем воину за его службу.

а затем удалился,[17] (а) другой, после него, поле его, сад его *и* дом его захватил, а затем три года нес его ильк,[18] (то) если тот вернется, а затем потребует поле свое, сад свой *и* дом свой, (это) не должно быть отдано ему; только тот, кто захватил (это), а затем нес его ильк, должен нести (его и впредь)].

Для всякого непредубежденного читателя должно быть ясно, что этот воин, убежав, был вынужден бросить *все* свое недвижимое ильковое имущество: и поле, и сад, и дом, а не одну только его часть. Кстати, именно в данном конкретном случае почти все переводчики ЗХ сходятся в переводе союза *ù* как „и".[19]

Мы не имеем возможности анализировать здесь все статьи ЗХ, в которых встречается союз *ù*. Такой подробный анализ занял бы слишком много места. Но еще несколько примеров все же необходимо привести. При этом мы специально остановили свой выбор на таких статьях, в которых наряду с союзом *ù* применено и словосочетание *ù lā*, бесспорно означающее „или". Такое противопоставление является, как нам кажется, очень важным для лучшего понимания смысла обоих союзов.

Вот текст статьи 45.[20] Он гласит: „Šum-ma a-wi-lum eqel-šu a-na biltim a-na ir-ri-šim id-di-in-ma ù bilat eqli-šu im-ta-ḫa-ar wa-ar-ka eqlam ^{D}.Adad ir-ta-ḫi-iṣ ù lū bi-ib-bu-lum it-ba-al bi-ti-iq-tum ša ir-ri-ši-im-ma" [Если человек поле свое за арендную плату землепашцу отдал *и* арендную плату за поле свое он получил, а затем Адад[21] поле затопил *или* половодье унесло (урожай), (то) убыток принадлежит только землепашцу].[22]

Невозможно переводить аккадский союз ù в данном контексте как „или", так как такой перевод противоречил бы здравому смыслу: „Если человек поле свое за арендную плату землепашцу отдал *или* (?!) арендную плату за свое поле получил..." и т. д. Недопустимость такого перевода станет особенно ясной, если мы обратимся к статье 46, теснейшим образом связанной с предыдущей и являющейся, по существу, ее продолжением. Эта статья (XIII$_{\text{лиц.}}$, 47–57) гласит: „šum-ma bilat eqli-šu lā im-ta-ḫar *ù* lū a-na mi-iš-la-ni ù lū a-na ša-lu-uš eqlam id-di-in še'am ša i-na eqlim ib-ba-aš-šu-ú ir-ri-šum ù bēl eqlim a-na ap-ši-te-im i-zu-uz-zu" [Если арендную плату (за) свое поле он (т. е. землевладелец, — *Л. Л.*) не получил *или*[23] он отдал поле за половину *или*[23] за одну треть (урожая), (то) зерно, которое будет в поле, землепашец

17 Или „убежал".
18 Т. е. выполнял обязанности бежавшего воина; досл. „хождение его ходил".
19 См., например: J. Kohler und F. Peiser. Hammurabi's Gesetz, Bd I. Leipzig, 1904, стр. 17; И. М. Волков. Законы вавилонского царя Хаммураби. М., 1914, стр. 26; из более поздних переводов см.: Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства (ЗВАХ). Под ред. И. М. Дьяконова; Вестник древней истории (ВДИ), 1952, № 3, стр. 231; Хрестоматия по истории древнего мира. Под ред. акад. В. В. Струве, М. 1956, стр. 43; Th. Meek в книге: J. Pritchard. Ancient Near-Eastern texts relating to the old Testament, Princeton. New Jersey, 1955, стр. 167; следует отметить, что видный чешский ассириолог проф. И. Клима переводит здесь союз *ù* не как „и", а как „или" (чешское nébo); см.: J. Klima. Zákony Hammurapiho. Praha, 1954, стр. 52.
20 XIII$_{\text{лиц.}}$, 35–46.
21 *Адад* — бог грома, молнии, бури, дождя и ливня.
22 Т. е. только арендатор терпит убытки, а землевладелец, получивший арендную плату вперед, остается с доходом.
23 Аккадское *ù lū*.

и[24] землевладелец должны поделить соответственно[25] (условиям договора)].

И здесь невозможно переводить „землепашец *или* (?!) землевладелец должны поделить", так как это противоречило бы здравому смыслу и грамматике аккадского языка, ибо сказуемое (глагол) „делить" употреблено во множественном числе, а не в единственном.

Можно, конечно, возразить, что в приведенных статьях союз ù, действительно, допускает один лишь перевод „и", но не „или", однако ничего нового здесь нет, ибо все переводчики ЗХ так его и переводят, другой перевод был бы в данном случае совершенно немыслим. Но зато в других контекстах перевод союза *ù* как „и" будто бы вовсе исключается. Поэтому необходимо взять в качестве примера такую статью, где союз *ù* всеми переводится как „или", так как перевод его как „и" на первый взгляд кажется недопустимым. Обратимся с этой целью к статье 127,[26] гласящей: „šūm-ma a-wi-lum e-li entim *ù* aš-ša-at a-wi-lim u-ba-nam u-ša-at-ri-iṣ-ma lā uk-ti-in a-wi-lam šu-a-ti ma-ḫar da-a-a-ni i-na-ad-du-ú-šu[27] ù mu-ut-ta-su u-gal-la-bu.

В настоящей статье союз *ù* встречается дважды: в строках 27 и 33. Все переводчики ЗХ сходятся здесь на том, что в первом случае (в строке 27) его следует переводить как „или", а во втором (в строке 33) — как „и"[28] или как „а также".[29] В целом перевод статьи выглядит у переводчиков примерно так: „Если человек указал пальцем[30] на (жрицу) энтум *или* на жену человека, а затем не доказал (своего обвинения), (то) человека этого должны повергнуть[31] перед судьями *и* обрить ему[32] половину головы".[33]

Как видно из данного перевода, все переводчики придают союзу *ù* в первом случае (в строке 27) разделительное значение (виновный указал пальцем на жрицу энтум *или* на жену человека), а во втором (строка 33) — значение соединительного союза (преступника следует повергнуть перед судьями *и* обрить ему половину головы).

Однако перевод союза *ù* в строке 27 словом „или" вовсе не является обязательным ни по смыслу, ни по грамматической конструкции. Эта статья может быть понята и в том смысле, что запрещалось бездоказательно обвинять в легком поведении жрицу энтум, если она являлась женой человека, но если она была незамужней, то указание на нее пальцами вовсе не считалось недозволенным. Ведь общеизвестен факт наличия в Вавилонии многих категорий жриц, занимавшихся храмовой проституцией. Естественно, на таких жриц указывать пальцами разрешалось. А вот жрицу энтум, имевшую мужа, запрещалось порочить без достаточных оснований. Грамматически такая интерпретация статьи также вполне возможна.

24 Аккадское *ù*.
25 Может быть, лучше — „пропорционально".
26 V об., 25–34.
27 G. R. Driver and J. C. Miles. The Babylonian Laws, vol. II. Oxford, 1955, стр. 51. Они предлагают еще и другое чтение: *i-na-aṭ-ṭu-ú-šu* 'они выпорят его' (или 'они должны его выпороть').
28 См., например: J. Kohler und F. Peiser, ук. соч., стр. 37; G. R. Driver and J. C. Miles, ук. соч., стр. 51.
29 ЗВАХ (ВДИ, 1952, № 3, стр. 242).
30 Букв. „заставил свой палец протянуться". Указать пальцем на женщину означало опорочить ее.
31 Или: „выпороть"; см. прим. 27.
32 Дословно „его".
33 Сбривание половины головы означало, по-видимому, обращение в рабство.

Чтобы не быть голословным, приведем отрывок из одного частного письма той же I Вавилонской династии, в котором встречается тождественный синтаксический оборот с союзом *ù*, но здесь он может быть переведен только как „и". Это деловое письмо с различными поручениями и распоряжениями.[34]

Текст интересующего нас отрывка письма и его перевод гласят: (24)„aš-šum SAGamtim ša ta-aš-pu-ra-am (25)šum-ma wi-li-id bītim (26)ù iš-para-at ša-am-ši" [Что касается рабыни, о которой ты написал мне, (то), если она — рожденная (в) доме[35] *и* ткачиха, купи ее].

Контекст не позволяет понимать здесь союз *ù* как альтернативу („...если она — рожденная в доме *или* (?!) ткачиха..."). Но в статье 127, как мы видели выше, грамматическое строение фразы с союзом *ù* в строке 27 точно такое же, как в только что приведенном отрывке письма. Поэтому статья 127 должна быть переведена следующим образом: „Если человек указал пальцем на (жрицу) энтум *и* жену человека,[36] а затем не доказал (своего обвинения), (то) человека этого должны повергнуть перед судьями *и* обрить ему половину головы".

Внимательное изучение законов Хаммураби с бесспорностью подтверждает, что для выражения альтернативы вроде нашего „или" там всегда применяется словосочетание *ù lā*. Это достаточно хорошо видно из приведенных статей 45 и 46, в которых употребляются и союз *ù*, и составной союз *ù lā*, первый — в значении нашего соединительного союза „и", а второй в значении нашего разделительного союза „или". В статье 30, на которую сослался В. фон Содэн и о которой также говорилось выше, тоже имеется альтернатива: „либо... либо же...", но это понятие опять-таки выражено особыми словечками *lā... ù lā*, а употребленный там союз *ù* не может быть переведен как „или", а только как „и".

Тщательная проверка показала, что союз *ù* употреблен в введении и заключении к ЗХ 35 раз, и ни в одном случае контекст не позволяет перевести его иначе, чем „и". Для выражения альтернативы и там употреблен составной союз *ù lā*. В статьях законов союз *ù* употребляется свыше 130 раз, и ни разу перевод его как „или" не является обязательным по контексту. Примерно в 100 случаях этот союз может быть переведен только как „и". И лишь в 29 случаях контекст допускает оба перевода — „и" и „или". Но поскольку ни в одном из них, даже в статье 127, его перевод как „или" не является обязательным, постольку напрашивается вывод, что и в тех 29 случаях, где общий смысл статей допускает оба перевода, союз *ù* должен переводиться только как „и", но никак не „или".

Таким образом, на наш взгляд, можно считать установленным, что союз *ù* в законах Хаммураби имеет лишь одно значение — „и". Это обстоятельство вынуждает нас заново пересмотреть все статьи законов, ибо во многих из них придется менять прежнюю интерпретацию.

---

[34] Письмо опубликовано в автографии: O. Schroeder. Vorderasiatischen Schriftdenkmäler der Königlichen Museum zu Berlin, Heft XVI. Leipzig, 1917, № 4; транскрипция, перевод и комментарии: P. Kraus. Altbabelonische Briefe aus der Vorderasiatischen Abteilung der Preussischen Staatsmuseum zu Berlin, II Teil. Leipzig, 1932, стр. 14 сл.

[35] Рабы и рабыни, родившиеся в доме рабовладельца, ценились дороже, так как они редко убегали от своих хозяев.

[36] Т. е. он указал пальцем на замужнюю жрицу энтум, а не на свободную.

В. Г. Луконин

РЕЗНОЙ АМЕТИСТ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЦАРИЦЫ ЦАРИЦ ДЕНАК

(ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА)

Среди памятников искусства сасанидского Ирана очень важное место занимают резные камни — печати, дошедшие до нас в большом количестве и хранящиеся в различных музеях мира.

Корпус сасанидской глиптики пока еще не издан, еще не выработаны точные методы датировки, почти не разработана палеография надписей и потому — при современном состоянии изученности вопроса — трудно провести четкое различие между резными камнями парфянского и сасанидского времени. Однако начиная с середины прошлого столетия[1] отдельные произведения глиптического искусства изучались и издавались, а портретные изображения на них персонифицировались. Одним из таких памятников, уже давно известных науке, является гемма — вырезанное в аметисте изображение царицы цариц Денак.

Впервые, почти 90 лет назад, этот камень был издан и описан Бутковским,[2] сообщившим, что он „был куплен в Тифлисе. К чтению надписи на этом камне не раз возвращались А. Мордтманн,[3] П. Хорн,[4] Э. Херцфельд.[5] Надпись и изображение на этом камне вызвали полемику между Б. А. Куфтиным и Г. В. Церетели, в которой указанные авторы касались ряда лингвистических вопросов, связанных с надписью, а также вопросов датировки этой геммы.[6] Однако до сих пор не существует убедительного чтения надписи на этой гемме, не приведены аналогии,

---

[1] E. Thomas. Early Sasanian inscriptions, seals and coins. Journal of the Royal Asiatic Society, 1868.

[2] Butkowsky. Recueil spécial de grandes curiosités, inédites etc. Génève, 1873, стр. 17.

[3] A. Mordtmann. Sassanidische Gemmen. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (ZDMG), XXIX, стр. 201—202.

[4] P. Horn, Sassanidische Gemmen aus dem British Museum. ZDMG, XLIV, стр. 651.

[5] E. Herzfeld. Paikuli Monument and inscription of the early history of the Sasanian Empire. Berlin, 1924, vol. I, стр. 75.

[6] Б. А. Куфтин. О некоторых неразъясненных случаях иностранной этно- и топонимики Грузии. Сообщ. АН Груз. ССР, X, № 5, стр. 316.

не высказаны суждения об интепретации титулатуры, хотя после выхода в свет статьи А. Мордтманна[7] изображенная на камне царица цариц Денак была отождествлена с вдовой Иездегерда II, матерью Пероза и Хормизда, которая один год (во время борьбы ее сыновей за власть в 457 г.) правила государством в Ктесифоне,[8] что и определило датировку камня.[9]

Казалось бы, что имея такую, вполне точно датированную гемму, можно было бы путем привлечения стилистических аналогий выделить камни, датированные приблизительно тем же временем, и на основе изучения их попытаться построить палеографическую таблицу, которая в свою очередь послужила бы отправной точкой для уточнения датировок других аналогичных камней. Однако подобная работа (сличение данной геммы с другими памятниками искусства — монетами, рельефами, торевтикой) до сих пор не проводилась. При попытке подыскать стилистические аналогии данной печати автору настоящей статьи пришлось столкнуться со значительными трудностями, заставившими пересмотреть чтение надписи на этой гемме и вопрос об изображенном на ней лице, а следовательно, и датировку.

Ближайшими стилистическими аналогиями рассматриваемой геммы является целая группа резных камней (по большей части также вырезанных на аметисте), которые хранятся в разных музеях мира. Эту группу составляют: аметист с портретом Рувакан Виста (Эрмитаж),[10] аметист с портретом шаха Нарсе (Британский музей),[11] гемма с портретом Тиридата (Британский музей),[12] аметист с портретом Арташира I (Британский музей),[13] аметист с портретом Варахрана (коллекция герцога Девонширского),[14] аметист с портретом Варахрана, великого царя Кушанов (Государственный Эрмитаж),[15] сердолик с портретом Хормизда Вараза (Государственный Эрмитаж),[16] гемма с портретом „госпожи" (Британский музей)[17] и несколько других гемм. Для всей этой группы характерно применение одной и той же породы камня (аметист) и следующие стилистические особенности.

1. Одинаково изображенные на всех этих геммах волосы, спадающие на плечи вьющимися локонами или несколькими туго заплетенными косами.

2. На плечах мужских портретов — одеяние в виде плаща, скрепленного пряжкой на груди.

3. Идентичная во всех случаях моделировка лица, показанного в профиль (особенно скул, носа, подбородка), изображение глаза (всегда в фас) и одинаковая форма серег; на всех мужских портретах — одинаковая трактовка бороды и усов.

4. На большинстве мужских портретов фигурирует головной убор — кулох, часто с „монограммой".

[7] A. Mordtmann. Sassanidische Gemmen, стр. 202.
[8] T. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden aus der arabischen Chronik des Tabari. Leyden, 1879, стр. 118.
[9] E. Herzfeld, ук. соч., vol. I, стр. 75.
[10] Там же, стр. 77.
[11] P. Horn, ук. соч., № 2, табл. 1-а.
[12] Там же, № 49, табл. 1-а.
[13] Там же, № 1, табл. 1-а.
[14] E. Herfeld, ук. соч., vol. I, стр. 78.
[15] К. В. Тревер. Резной аметист с изображением Варахрана. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 2, стр. 19.
[16] A. Mordtmann. Studien mit Pehlevi Inschriften. ZDMG, XVIII, табл. 2.
[17] P. Horn, ук. соч., стр. 616, № 84, табл. 1—3.

Перечисленные особенности наблюдаются только на этой группе камней, тогда как для подавляющего большинства мужских и женских портретов они не характерны.[18]

Таким образом, отмеченные черты позволяют установить относительную датировку геммы, рассматриваемой в данной статье. Дело в том, что перечисленные иконографические черты портрета (прическа, одежда, головной убор), трактованные в той же манере, характерны лишь для памятников III—начала IV в. Подобных особенностей мы совершенно не встречаем на портретных изображениях (рельефы, монеты, блюда) после времени правления Нарсе (293—303).[19]

Уже не раз указывалось,[20] что рубеж III—IV вв. является не только рубежом в историко-экономическом и идеологическом процессах, имевших место в Иране, но и своеобразным этапом в развитии искусства.[21] Все отмеченные К. В. Тревер[22] черты, характерные для первого этапа развития медальерного искусства в сасанидском Иране, оказываются характерными и для данной группы камней.

Однако существуют и другие, еще более твердые основания для датировки этой группы камней. Дело в том, что геммы с изображениями Рувакан Виста[23] и Тирдата,[24] имея все перечисленные выше стилистические особенности, вполне точно датируется самим характером письма, а именно пахлавиком (северо-западный пахлави), который, как это хорошо известно,[25] исчезает в Иране как раз на рубеже III—IV вв.; последняя надпись, начертанная пахлавиком, — это надпись Нарсе в Пайкули.[26]

Чтение надписи на гемме, изображающей Рувакан Виста (рис. 1) впервые было предложено Э. Херцфельдом,[27] давшим следующую транслитерацию и перевод надписи:

1. Rvakn Wyst(?) Sgt Sty [вместо sgt sp'dpty].
2. Рувакан Вист (?) *спахпат* Согда.

[18] E. Flandin, P. Coste. Voyage en Perse, vol. IV. Paris, б. г. P. Horn und G. Steindorff. Sassanidische Siegelsteine. Berlin, 1891.
[19] Так же трактована прическа на рельефах Арташира I в Накш-е-Рустаме (E. Flandin, P. Coste, ук. соч. табл. 182), рельефе Шапура I в Накш-е-Раджабе (там же, vol. I, табл. 49), рельефах Варахрана II в Накш-е-Раджабе, Хормизда I в Дарабгирде, Варахрана I в Шапуре, Варахрана II в Накш-е-Рустаме, Нарсе в Накш-е-Рустаме (там же, vol. IV, табл. 182—190).
Так же трактована одежда на рельефах Шапура I и Варахрана II в Накш-е-Рустаме, Шапура I и Варахрана II в Накш-е-Раджабе, на рельефе Шапура I в Шапуре, Варахрана I в Шапуре и Варахрана II в Накш-е-Бахраме.
На всех этих рельефах изображены кулохи, аналогичные кулохам на печатях. На монетах форма прически и головные уборы аналогичны изображенным на этой группе камней и существуют до времени Нарсе включительно (К. В. Тревер. Художественное значение сасанидских монет. Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, I, стр. 269). Аналогичные стилистические признаки имеются также на блюде из Красной Поляны. КСИИМК, X. Поляны (А. Н. Мелихов. Серебряное блюдо из Красной Поляны. КСИИМК, X. 1952, стр. 71—79).
[20] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Paris, 1936, стр. 215—240. Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 150—173.
[21] К. В. Тревер. Художественное значение сасанидских монет, стр. 265—285.
[22] Там же, стр. 269—270.
[23] E. Herzfeld, ук. соч., vol. I, стр. 77.
[24] P. Horn, ук. соч., № 2, табл. 1-а.
[25] E. Herzfeld, ук. соч., vol. I—II.
[26] Там же, vol. I.
[27] Там же, стр. 75.

Не останавливаясь пока на чтении знаков имени, нужно отметить, что чтение Э. Херцфельдом второй части надписи: sgt sty (вместо sgt sp'dpty) вызывает сомнение по следующим основаниям.

1. Судя по дошедшим до нас спискам дворов Арташира I, Шапура I[28] и Нарсе,[29] в III в. не существовало титула *спахпат* какой-либо области. При дворе Арташира этот титул вообще не встречается, а при дворах Шапура I и Нарсе упомянут единый для всего Ирана *спахпат*.

2. Неизвестны пока и потому сомнительны такие сокращения титулатуры, когда писались бы только первая и две последние буквы.

Рис. 1. Аметист с портретом Рувакан Виста (Государственный Эрмитаж).

3. Имея в руках слепок с геммы, а не самое гемму, Э. Херцфельд прочел неверно две буквы титула: первую как S (на камне же „M") и четвертую тоже как S (на камне же, возможно, „P").

Таким образом, титул этот читается: mrtpty. Титул mrtpty сасанидского времени известен главным образом благодаря сообщениям армянских историков. Согласно свидетельству Фавста Бузанда, „Греческий полководец Терентий и полководец армянских войск Мушег (время Шапура II) поставили Глака, мардапета, который по должности своей назывался отцом царя, в Гандзаке, в качестве правителя пограничной области" (V, 156).[30] И далее: „У армянского царя Аршака был евнух, преданный царедворец, любимый евнух, пользовавшийся большой властью и почетом, по имени Драстамат... Евнух Драстамат как во дни армянского царя Тирана, так и во дни сына его, армянского царя Аршака, был правителем гавара Ангел-тун и верным хранителем... всех царских крепостей, находившихся в той стороне. Также сокровища крепости Бнабех в стране Цопк находились в его владении, и подушка его (бардз) была выше всех нахараров. И так как эта должность и так называемое мардапетство Айр поручались евнухам с древнейших времен существования царства Аршакуни..." и т. д. (V, 158—159).

Некоторые сообщения, производимые тем же Фавстом Бузандом (V, 148), позволяют предположить, что должность эта, по традиции поручаемая евнухам, была связана с вполне определенными обязанностями в отношении хранения царских сокровищ, охраны крепостей и, кроме того, владением определенными землями. Установлено, что титул этот восходит к досасанидской эпохе и, как полагают некоторые историки, происходит от наименования главы племени мардов, но такое

[28] M. Sprengling. Third Century Iran. Sapor and Kartir. Chicago, 1953 (в дальнейшем: Šahpuhr KZ).

[29] E. Herzfeld, ук. соч., vol. I—II.

[30] „История Армении" Фавстоса Бузанда. Ереван, 1953 (в скобках указаны книга и страницы данного издания).

объяснение мало убедительно. Представляется более вероятным возводить этот титул к армянскому (из персидского или парфянского) mart — 'битва', 'война', *(h)amarty (образование на ty от корня ar ср. древнеперсидское hamarana 'битва', artyk 'воин', 'борец'). В таком случае титул обозначал главу армии, военачальника. Очень заманчиво возводить этот титул к арамейскому M'R, женский род M'RTy+pty в значении „глава госпож, главный евнух". Однако зафиксированное чтение этого титула в древнеармянском почти исключает указанную возможность.

Приведенные мною стилистические аналогии вполне могли бы датировать гемму с изображением царицы цариц Денак также III в. Этой датировке не противоречит и надпись на гемме, чтение которой было впервые предложено А. Мордтманном[31] и затем подтверждено Э. Херцфельдом.[32]

Но как у Мордтманна, так и у Херцфельда чтение это все же вызывало сомнение. Бесспорным являлось лишь чтение первой строки надписи:

Dynky ZY MLKT'n MLKT' Mhysty 'Денак, царица цариц, владычица'.

Вторую часть надписи, в противоречии с тем, что начертано на ней, Э. Херцфельд транскрибирует: PA taniš āp'stān (добавляя долгое „a" в последнем слове) 'на себя [дословно 'на тело свое'] уповающая'. Мордтманном, Э. Херцфельдом, а впоследствии Куфтиным и Церетели уже указывалось на то, что вторая часть надписи звучит довольно странно, так как только на данной гемме используется хорошо известна формула Āp'stān 'ō yzd'n 'упование на богов'; тогда как в данном случае речь шла бы о том, что царица уповает на самое себя. Исходя из этого, Херцфельд и отмечал, что „вторая часть надписи ... темна по смыслу,"[33] и предлагал считать, что слово tny здесь имеет какое-то другое, неизвестное ему значение, но тем не менее он придерживался этого чтения и не обращал внимания на грамматические нарушения. Внимательное же рассмотрение надписи приводит к иному чтению, а именно:

Рис. 2. Аметист с портретом царицы цариц Денак (Государственный Эрмитаж). Увел. в 1½ раза.

PWN tny šāpst'n 'Над шапестаном (современное персидское شبستان „'царская опочивальня', 'гарем')."

При таком чтении надпись становится вполне осмысленной, а именно: Dynky ZY MLKT'n MLKT' Mhysty PWN tny šāpst'n 'Денак, царица цариц, владычица над царской опочивальней'.[34]

[31] A. Mordtmann. Sassanidische Gemmen, стр. 201.

[32] E. Herzfeld, ук. соч., t. I, стр. 75.

[33] Там же.

[34] Когда настоящая статья была уже написана и находилась в Институте востоковедения АН СССР (1957 г.), появилась работа В. Б. Хеннинга, который предлагает аналогичное чтение этой надписи (W. B. Henning. Handbuch der Orientalistik, Bd. IV. Iranistik. Leyden-Köln, 1958, стр. (45). (Прим. ред.).

Не требуется вставлять несуществующее долгое „а“ в последнее слово и отпадает невозможная с точки зрения религиозных догматов фраза — „на себя уповающая“.[35]

Термин šāpst'n и не представляет ничего исключительного, он известен в раннесасанидских надписях. В надписи Sahpuhr KZ этот термин встречается дважды: 1. Строка 34: Sāsān šāpst'n ZY sāsānkān. 2. Строка 35: Masyk šāpst'n.

Здесь термин šāpst'n, начертанный так же, как и на нашей гемме (рис. 2), представляет собой часть фразы, обозначающей титул, значение которого выясняется из греческого текста той же надписи:

1. Строка 66—67: CACAN EYNOYXOY CACANΓAN 'Сасан, евнух, сын Сасана'.

2. Строка 67: MANZIK EYNOYXOY 'Мазик(?) евнух'.[36]

Приведенные нами примеры дают основание предполагать, что на изучаемой гемме мы имеем дело с вполне определенной титулатурой. Такое предположение высказывал, впрочем, и Херцфельд,[37] отметив непонятный ему титул „царица цариц“ вместо „царица царей“, как следовало бы ожидать, если бы речь шла о титуле правящей царицы.

Иное значение титула „царица цариц“ вполне четко определяется надписью на гемме и подтверждается раннесасанидскими надписями, прежде всего надписью Šahpuhr KZ. В этой надписи, в строках 25—29 в тексте, начертанном письмом парсик, перечисляются члены семей шаханшахов Арташира I и Шапура I и упоминается целый ряд женских имен и титулов.

Строки 28—29:

Денак, мать Папака, царя.

Рутак, мать Арташира царя царей.

Денак, царица цариц, дочь Папака (Dynky MLKT'n MLKT' P'pkn).

Строка 25:

Атур Анахит, царица цариц (MLKT'n MLKT'; несколькими строками выше сообщается, что она дочь Шапура I и одновременно его жена).

Денак, царица (MLKT') Мешана (жена сына Шапура I — Шапура, царя Мешана).

Шапурдухтак, царица саков (Skn MLKT'; жена сына Шапура I Нарсе, царя саков).

Нарседухт, госпожа саков (Skn MRWT'; вторая жена Нарсе, царя саков).

Чашмак, госпожа (MRWT') и др.[38]

Следовательно, имелась своего рода иерархия в женской титулатуре: а) „царица цариц“ — старшая жена шаханшаха; б) „царица“ — старшая жена наследника престола или сына шаханшаха, правившего той или иной областью; в) „госпожа“ — младшая жена шаханшаха или наследника престола.

Эта титулатура полностью соответствует титулатуре ближайшего окружения шаханшаха, засвидетельствованной в раннесасанидских надписях:[39] „царь царей“, „цари областей“ (сыновья шаханшаха или покоренные владетели парфянского времени) и „господа областей“ (MRWH или xvtvy).

[35] По-прежнему остается неясным смысл слова tny.
[36] Šahpuhr KZ.
[37] E. Herzfeld, ук. соч., t. I, стр. 75.
[38] Šahpuhr KZ, стр. 18—20.
[39] Там же; E. Herzfeld, ук. соч., t. I.

Таким образом, титулатура на нашей гемме говорит о том, что на ней изображена старшая жена шаханшаха. И совсем не странно, что она названа в надписи „владычицей над царской опочивальней“ и что титулом ее (по аналогии с владыкой государства) является титул „царица цариц“.

Выше уже говорилось, что наиболее вероятной датой для нашей геммы является III в. Этой же дате, как видим, полностью соответствует и содержание надписи. Нужно добавить, что буквы: M, N, L, S, A, H начертаны на нашей гемме совершенно также, как и в раннесасанидских надписях (Šahpuhr KZ, Narseh PḴ, Kartir KZ и NRJ)[40] и отличаются от начертания этих букв в надписях на печатях и монетах позднесасанидского времени.[41]

Остается ответить на вопрос: кто именно изображен на гемме? Вряд ли нужно здесь повторять, что определение Э. Херцфельда (Денак, мать Пероза и Хормизда) базируется лишь на совпадении имен. Более вероятно (если, разумеется, принять новую датировку печати), усматривать в портрете на гемме упомянутую в надписи Šahpuhr KZ „царицу цариц“ Денак, дочь Папака, сестру и жену первого сасанидского шаханшаха, Арташира Папакана.

Интересно отметить, что все перечисленные выше женские титулы встречаются на геммах, стилистически очень близко связанных с портретом Денак. На гемме Британского музея[42] представлена „царица“ (MLKT') Денак жена Арташира, царя Мерва (брата Арташира I Папакана), а титул MRWT' „госпожа“ (особенно характерно — без имени) представлен на резном аметисте из того же собрания.[43]

Таким образом, гемма с изображением царицы цариц Денак должна быть отнесена к группе самых ранних резных камней — печатей сасанидского времени и вместе с другими геммами этой группы (часть их указана выше) может служить основанием для датировки резных камней сасанидского Ирана. А самая возможность расположить во времени сотни памятников глиптики, дошедших до нас от эпохи сасанидов, введет, наконец, в круг уже используемых источников по истории культуры раннесредневекового Ирана и этот немаловажный источник.

[40] Там же.
[41] P. Horn, G. Steindorff. Sassanidische Siegelsteine, таблица пехлевийского алфавита.
[42] R. Ghirshman. Intailles du Musée de Calcutta. Archaeologica Orientalia in memoriam E. Herzfeld. New York, 1952, стр. 108—112.
[43] P. Horn, ук. соч., стр. 663, табл. 1-а.

А. Д. Новичев

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ В ТУРЦИИ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Всестороннее изучение социальных, особенно аграрных, отношений в современной Турции, в частности таких проблем, как развитие капитализма в сельском хозяйстве, процесс обнищания крестьянства, а также проблемы связи пролетариата с крестьянством, обязательно должно включать изучение положения сельскохозяйственного пролетариата. К сожалению, эта важная тема не привлекала к себе до сих пор должного внимания. В настоящей статье мы ограничимся освещением положения земледельческого пролетариата в Турции до второй мировой войны.

В отличие от промышленного пролетариата, сплоченного самими условиями труда, ведущего уже в течение многих десятилетий борьбу за свои классовые интересы, земледельческий пролетариат в Турции разобщен, не организован и потому не сумел отвоевать у своих эксплуататоров уступок, которых добились промышленные рабочие.

Изучение положения земледельческого пролетариата мы начнем с определения его численности. К этому нас вынуждает то обстоятельство, что турецкие статистические органы не публикуют данных о численности этой прослойки населения. Разумеется, наши подсчеты могут носить лишь приблизительный характер.

В 1935 г. турецкий прогрессивный автор Хикмет Кывылджым определил численность турецких сельскохозяйственных рабочих в 250 тыс. человек.[1] Кывылджымом не учтены батраки в зерновых и овощных кулацких и помещичьих хозяйствах, не применяющих машин, а также батраки, занятые в цитрусовых хозяйствах, в рисосеянии, в ореховых рощах и др. Между тем в этих отраслях сельского хозяйства используются десятки тысяч сельскохозяйственных рабочих, особенно временных. Так, директор Марашской рисоочистительной фабрики в своем докладе на Первом сельскохозяйственном конгрессе, состоявшемся в Анкаре в 1931 г., указал, что при уборке риса и на других сезонных работах используются тысячи рабочих.[2] Многие тысячи рабочих

[1] Hikmet Kıvılcım. Türkiye işçi sınıfının sosyal varlığı. Istanbul, 1935, стр. 24.
[2] Nihat. Maraş çeltik fabrikası müdürü. Pirinç. 1931. Birinci ziraat kongresi. İhtisas raporları, c. 1. Ankara (б. г.), стр. 842.

заняты в животноводстве. Если пополнить сведения Кывылджыма не учтенными им данными, то можно будет принять, что в 1935 г. в Турции было не менее 300 тыс. земледельческих рабочих. В последующие годы численность последних еще более возросла, так как некоторые отрасли земледелия, где особенно широко использовался наемный труд, обнаружили известное развитие, например хлопководство, свеклосеяние и др. По нашим расчетам, в 1939 г. численность сельскохозяйственного пролетариата Турции, не считая занятых в животноводстве, количество которых трудно установить, равнялась примерно 350 тыс. человек.

Установленное нами число турецких земледельческих пролетариев представляло собой лишь незначительную часть той обездоленной массы турецкой деревни, которая не в состоянии была существовать на средства собственного хозяйства и влачила жалкое существование. Но из-за слабого развития капитализма в сельском хозяйстве, а также и промышленности сотни тысяч рук деревенских пауперов не могли найти применения.

Из каких же основных категорий состоял турецкий земледельческий пролетариат? К первой категории мы относим сельских пролетариев, не имеющих собственного хозяйства и живущих только от продажи своей рабочей силы. Вторую категорию составляют земледельческие рабочие с наделом, так называемые „сезонники". Кывылджым характеризовал их следующим образом:

„Нельзя думать, что так называемые «временные рабочие», сезонники, действительно работают лишь в течение короткого сезона. Отнюдь нет. В течение 10—11 месяцев они работают по найму, переходя от чифтлика в чифтлик [крупное хозяйство, — *А. Н.*], еженедельно появляясь на рынке рабочей силы. Лишь на месяц, на два они выбывают на родину к своей семье. Вот поэтому их и прозвали сезонниками".

Десятки тысяч рабочих ежегодно используются в хлопководстве. Вот что говорилось о них на Втором хлопковом конгрессе: „Эти рабочие используются для прополки и для уборки хлопка. Ежегодно прибывают в Аданский район до 30—40 тысяч рабочих, остаются здесь с февраля до ноября—декабря, а затем возвращаются домой".[3]

Как видим, „сезонники" — это рабочие, для которых батрачество является основным занятием. Многие из них владеют небольшим земельным наделом, но это пролетарии. Между тем некоторые турецкие экономисты исключают батраков с наделом из числа земледельческих рабочих, стараясь доказать отсутствие в Турции земледельческого пролетариата, под которым они понимают исключительно рабочих при земледельческих машинах. Так, автор специального исследования о земледельческих рабочих Чалгюнер, пишет: „В нашей стране нет сельскохозяйственных рабочих в узком смысле этого слова, которых следовало бы считать за особую социальную категорию и рассматривать как класс". Он даже утверждает, что преобладание наемных рабочих с наделом представляет собой якобы специфическую черту турецкого земледелия.[4]

[3] H. Kıvılcım, ук. соч., стр. 20. Пропольщиков называют в Аданском районе „чапа ишчиси", а уборщиков урожая (хлопка или злаков) — „хасат ишчиси". Подавляющая часть сезонников в Аданском районе состояла из пропольщиков, так как хлопок надо пропалывать несколько раз. На месте были постоянные рабочие в количестве 9—10 тыс., но они были заняты главным образом в садоводстве (Samet Ağaoğlu. Memleketimizde mevsimlik ziraat işçisi meselesi. „Ülkü", 1936, № 40, стр. 275).
[4] Cemal Çalğüner. Türkiyede ziraat işçileri. Ankara, 1943, стр. 20, 22.

Однако никакой „турецкой специфики“ в этом явлении нет. В. И. Ленин еще свыше полувека назад говорил о наемном рабочем с наделом как о новом типе, появившемся в русской деревне в результате разложения русского крестьянства: „Другой новый тип — сельский пролетариат, класс *наемных рабочих с наделом*. Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом. Ничтожный размер хозяйства на клочке земли и притом хозяйства, находящегося в полном упадке (о чем особенно наглядно свидетельствует сдача земли), невозможность существовать без продажи рабочей силы („промыслы“ неимущего крестьянства), в высшей степени низкий жизненный уровень — даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела, — вот отличительные черты этого типа“.[5]

„Типичнейшим представителем“ современного турецкого сельского пролетариата также является рабочий с наделом, составляющий подавляющую часть „сезонников“.

К третьей категории сельскохозяйственных рабочих относятся те сезонники, которые лишь меньшую часть года, преимущественно в период уборки некоторых технических культур, работают по найму на стороне, используя при этом разницу во времени, существующую при уборке отдельных культур в разных районах (уборка зерновых в Центральной и Восточной Анатолии и технических и садовых культур на юге и западе Анатолии).

Среди рабочих этой категории много женщин и детей, на которых лежала также главная забота о собственном хозяйстве, когда взрослые мужчины отходничали.

Рассмотрим теперь основные черты общественных отношений, складывавшихся в земледелии при применении наемного труда.

Обратимся прежде всего к определению покупателей рабочей силы в земледелии, районов прилива и отлива и форм найма земледельческих рабочих.

Основными нанимателями рабочей силы являлись помещичьи хозяйства Аданского района (здесь крупными считались хозяйства хлопководов с площадью в 250—400 га, средними — со 150—200 га, мелкими — со 50—150 га),[6] помещичьи и кулацкие хозяйства, производящие интенсивные культуры, западных районов, частично северных, а также немногие зерновые капиталистические или полукапиталистические хозяйства в Центральной Анатолии и Восточной Фракии, государственные скотоводческие фермы, зерновые и семеноводческие хозяйства. Кулацкое зерновое хозяйство с площадью посева в 20—30 га использовало труд 1—2 батраков, которых нанимали на год, на сезон или помесячно. Хозяйства с такой же площадью, занятые выращиванием технических культур, привлекали дополнительно значительное число временных рабочих для наиболее трудоемких работ, особенно во время уборки урожая.[7]

В крупных поместьях количество постоянных батраков исчислялось десятками. Здесь наблюдалось уже известное разделение труда и была сосредоточена наиболее квалифицированная и классово-сознательная

[5] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 145.
[6] Samet Ağaoğlu, ук. соч., стр. 275.
[7] Schevket Raschid. Die türkische Landwirtschaft als Grundlage der türkischen Volkswidtschaft. Berlin und Leipzig, 1932, стр. 113.

часть сельскохозяйственного пролетариата (в особенности это касается рабочих при земледельческих машинах).

Продавцов рабочей силы турецкие авторы обычно делят на годовых, полугодовых, месячных, поденных и, наконец, сдельных. Такое деление важно для определения условий труда, но для социальной характеристики турецкого земледельческого пролетариата оно неприемлемо, так как не дает возможности установить главное, а именно: для каких групп сельскохозяйственных рабочих работа по найму в земледелии является основным, а для каких — временным и подсобным занятием.

Работа по найму являлась основной для всех батраков и большинства „сезонников“. Сезонники-батраки (*ыргат*) нанимались на сезон не потому, что они не хотели бы иметь постоянной работы и что им нравилось беспрерывно бродить в поисках заработка от одного места к другому, а потому, что такого заработка они не могли получить. Вот почему значительная часть „сезонников“ вынуждена была бродить в поисках работы от одного хозяйства к другому почти в течение всего года.

Среди земледельческих рабочих были такие, которые продавали свой труд по месту своего жительства, и кочующие, которые не работали постоянно на одном месте.

Главными районами отлива рабочих были центральные, восточные и северные районы Турции. Турецкий экономист Исмаил Хюсрев писал по этому вопросу: „Районами поставки сезонной рабочей силы являются центральное анатолийское плоскогорье и восточные вилайеты. В наших прибрежных вилайетах во время сезона наблюдается приток рабочих также из горных деревень в прибрежные долины. Это — крестьяне, использующие разницу в периодах уборки на возвышенных местностях и в долинах“.[8] Помещики из южного хлопкового района (Чукур-ова) и Эгейского района привлекали рабочих из вилайетов Конии, Нигде, Кайсери, Эльазиг, Диярбакырского, Урфы, Антепа, Мараша.[9]

Отлив рабочей силы происходил из районов, где широко распространена кабальная издольная система; районами прилива наемной рабочей силы были области, в сельском хозяйстве которых сравнительно больше развиты капиталистические отношения.

Кочующие рабочие передвигались группами, возглавляемыми старостами, именуемыми *эльчибашы*, *такымбашы*, *ишчибашы*, *дайыбашы*. Старосты вели за собой 25—100 рабочих. Они намечали путь движения своих групп. Рабочие испытывали много мытарств на пути к месту работы, так как они шли пешком. В докладе о хлопководстве Первому сельскохозяйственному конгрессу отмечалось, что большинство рабочих, следующих в Аданский хлопководческий район, идет пешком, несмотря на то, что имеется железная дорога, и бедствуют в пути.[10] У батраков не было денег на оплату проезда по железной дороге.

Старосты договаривались с нанимателем об условиях работы и выполняли функции надсмотрщиков. За свои „услуги“ они, сами не работая, получали от рабочих часть их заработка. „Заработок“ этих старост в 3—4 раза превышал заработок самого квалифицированного ра-

[8] İsmail Hüsrev. Türkiye köy iktisadiyatı. Ankara, 1935, стр. 136.
[9] Среди сезонников, прибывавших в Аданский район, 40% были отходниками из Юго-Восточной Анатолии (вилайеты Мараш, Газиантеп и др.) и 30% из Центральной Анатолии (вилайеты Кония, Нигде и др.) (Samet Ağaoğlu, ук. соч., стр. 277).
[10] Pamuk. Encumen raporu, 1931. Birinci ziraat kongresi. İhtisas raporları, c. 1, стр. 695.

бочего. Это, так сказать, легально. Но старосты попросту еще грабили рабочих, удерживая в свою пользу часть их заработной платы. Некоторые хозяева через старост контрактовали рабочих еще зимой, выдавали им авансы и таким путем обеспечивали себя дешевой рабочей силой.

Выше уже было замечено, что среди турецких земледельческих рабочих насчитывалось большое число женщин и детей. На основании собранных анкетных данных по 26 вилайетам Турции устанавливается, что перед второй мировой войной среди земледельческих рабочих было: 61% мужчин, 26% женщин (старше 13 лет) и детей обоего пола — 13%.[11]

Подавляющая часть женщин-батрачек нанималась на работу в хозяйствах, расположенных в районах их местожительства. Встречались женщины и среди отходников, особенно в Аданском и Эгейском районах.

На многих земледельческих работах применялся почти исключительно женский труд, как например при прополке и уборке на хлопковых и табачных плантациях, на работах, требующих быстроты рук. Помещики и кулаки старались, где только можно, применять труд женщин-батрачек, в том числе и на работах, требующих большого физического напряжения, потому что труд женщины оплачивался значительно ниже мужского. Среди детей преобладали мальчики и девочки в возрасте от 12 до 16 лет. Но нередко встречались и дети в возрасте 9—10 лет.

Как правило, дети использовались на вспомогательных работах: нанизывание табака, собирание трав, удаление сорняков, в качестве подпасков и т. п. Особенно часто применялся труд детей в кулацких хозяйствах. По условиям труда женщины и дети не пользовались никакими льготами. В частности, длительность рабочего дня была одинакова как для взрослых мужчин, так и для 9—10-летних ребят. Никакого законодательства, хоть сколько-нибудь ограждающего и регламентирующего труд детей-батраков, не было и нет.

Широкое применение детского наемного труда в сельском хозяйстве убедительно свидетельствует о большой нужде деревенской бедноты в Турции. Только самая безысходная нужда заставляла крестьян отдавать своих детей в кабалу помещикам и кулакам. „Буржуазии хочется доказать, — писал В. И. Ленин, — что крестьянин — заправский и жизнеспособный «хозяин», а не раб капитала, придавленный так же, как и наемный рабочий, но более связанный, более запутанный, чем этот последний. Если серьезно и добросовестно искать *данных* для решения спорного вопроса, то надо доискиваться систематических и объективных показателей *условий жизни и труда* в мелком и крупном производстве.

„К числу таких показателей — и притом особенно важных — принадлежит степень применения *детского* труда. Чем сильнее эксплуатация детского труда, тем, несомненно, хуже положение работника, тем тяжелее его жизнь".[12]

Рассмотрение условий труда для отдельных категорий турецких сельскохозяйственных рабочих начнем с нанимавшихся на работу на год и полгода.

Годовые рабочие (*йылыкчы*) нанимались на весь год. Среди полугодовых различали зимних (*кыш тутмасы*) и летних (*яз тутмасы*).

[11] C. Çalgüner, ук. соч., стр. 27.
[12] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 182.

Зимние нанимались обычно с середины октября до середины апреля или мая, а летние — на остальной срок. Эти рабочие, считавшиеся постоянными, нанимались уже не через старост, а непосредственно самими хозяевами.

Никаких письменных договоров, определявших условия найма рабочих сельскими хозяевами, не существовало. Условия труда определялись устным соглашением, притом для сезонных рабочих — соглашением между нанимателем и старостой.

Условия труда земледельческих рабочих были исключительно тяжелыми. Никакого нормированного рабочего дня не было. Рабочий день длился обычно от восхода солнца до позднего вечера. Его продолжительность равнялась по крайней мере 14 часам. В течение рабочего дня делалось пять перерывов для отдыха, общей продолжительностью в три часа. Нередко рабочие даже не имели еженедельного дня отдыха. Однако в Аданском районе, по установившейся давней традиции, рабочие оставляли работу в субботу в полдень и возобновляли ее в понедельник утром. Таким образом, они, к большому недовольству хозяев, были заняты 5,5 дней в неделю.[13]

За свой каторжный труд земледельческие рабочие получали крайне низкую заработную плату, которая к тому же нередко выплачивалась в значительной части натурой. Последняя включала питание, иногда какую-нибудь одежду, а нередко и часть продукции, например хлопка-сырца и пр. Встречалась и выплата только в деньгах и только в натуре.

Размер и форма оплаты рабочих разнились в зависимости от района. На основании данных, полученных по 24 вилайетам, средняя годовая заработная плата в 1939 г. в деньгах по всей Турции составляла 73 лиры. Минимальная средняя зарплата существовала в вилайете Хакяри, на юго-востоке Турции, где она равнялась лишь 20 лирам, максимальная — в Эскишехирском вилайете — 100—250 лирам.[14]

Разница в размере денежной зарплаты между районами прилива и отлива рабочей силы была весьма существенной. В Западной Анатолии — районе прилива рабочей силы — она, как правило, составляла 100—150 лир в год. В Аданском районе летние рабочие получали за весь сезон (в 1936 г.) 83 лиры, пару сапог, комплект одежды, а зимние рабочие — 73 лиры и те же „блага" в натуре.[15] В перерасчете на год это составит приблизительно 150—160 лир. В двух вилайетах Центральной Анатолии — Афьонкарахисарском и Эскишехирском (в первом существуют также крупные хозяйства, культивирующие опиумный мак), — где наличие многих крупных зерновых хозяйств обусловило спрос на наемную рабочую силу, заработная плата равнялась соответственно 150—180 и 100—250 лирам. Заработная плата в размере 250 лир в год была очень редким явлением. Тот факт, что она встречалась в Эскишехирском вилайете, говорит о том, что, по-видимому, речь идет об оплате рабочих при машинах в некоторых крупных зерновых хозяйствах. В среднем даже „наивысшая" зарплата составляла 21 лиру в месяц, т. е. меньше нищенской зарплаты неквалифицированного турецкого промышленного рабочего.

[13] Samet Ağaoğlu, ук. соч., стр. 279.
[14] C. Çalğüner, ук. соч., стр. 77.
[15] Samet Ağaoğlu, ук. соч., стр. 278.

В районах отлива рабочей силы зарплата была намного ниже. Так, в вилайете Малатья она составляла всего лишь 40 лир, в Кютахийском — 50, Токатском — 70, Эрзинджанском — 60, Хаккярийском — 20 лир и т. д.

Аналогичную картину мы наблюдаем при анализе месячной и поденной зарплаты. Так, первая в среднем по всей Турции составляла в 1939 г. 10 лир в месяц и колебалась по вилайетам от 5 (Гиресун, Анталья и другие вилайеты) до 20—25 лир (Амасья, Мугла, Айдын). Заработная плата поденщиков в среднем по всей Турции, на основе данных по 27 вилайетам, равнялась: для мужчин — 60 гурушам, для женщин — 30, для детей — 20 гурушам в день. В ряде вилайетов она опускалась даже до 20 гурушей для мужчин, 15 — для женщин и 10 гурушей — для детей. Здесь имеется в виду годовой расчет. В самый же сезон дневная зарплата была выше. Так, в Аданском районе сезонники-пропольщики получали за первую прополку 150, вторую — 175, третью — 225 гурушей в день.[16] Но сезон длился примерно два месяца.

Заработная плата была выше в районах интенсивного земледелия и ниже в районах наибольшей земельной тесноты и в районах, где особенно сильны полуфеодальные пережитки и отходничество (ряд вилайетов Центральной и Восточной Анатолии).

В качестве натуральной заработной платы, как отмечалось выше, рабочим нередко выдавалось определенное количество собранной продукции, а в ряде случаев и участок земли, засеянный средствами хозяина. Так, в Аданском районе уборщики хлопка получали в счет заработной платы 9—10% собранного ими хлопка-сырца. Зимние рабочие в виде особого поощрения получали также участок земли примерно в 1.5 га, урожай с которого они обращали в свою пользу.[17] Размер участка и род посева (чаще всего злаки) устанавливались „соглашением". Помещик заинтересован в предоставлении рабочему небольшого участка земли, так как таким путем он имеет возможность не только прикрепить к себе рабочего и эксплуатировать его на более выгодных для себя условиях, но еще и использовать даровой труд членов его семьи. С этой же целью рабочему иногда предоставляется право пользоваться лугом или пастбищем, принадлежащем хозяину. Выплата одной натурой встречалась чаще всего в восточных и центральных вилайетах Турции.

В восточных вилайетах Турции целые деревни работали на помещика за натуральную плату. Так, крупный турецкий экономист проф. Кязым Рыза писал: „В восточных вилайетах Турции встречаются многие рабочие, которые всю свою жизнь работают в одном и том же поместье. Они рождаются и вырастают в данном поместье. Их питание и жилище обеспечивает владелец. За свой труд они удовлетворяются тем, что им дает помещик. Часты случаи, когда на таких условиях на одного помещика работает все население деревни и даже несколько деревень. Крестьяне не связаны с помещиком никаким договором. По желанию они могут в любое время сменить место работы. Но так как они не имеют никакого желания искать себе другую работу, то они из рода в род остаются на одном и том же месте работы".[18] Подобные условия работы означают фактическое рабство.

Расчеты показывают, что при выплате натурой помещики и кулаки недоплачивали рабочим до 50% их заработка.

[16] Там же.
[17] Там же.
[18] Kâzım Rıza. Türkiye ziraatı ve Türkiye ziraatının mühim şubeleri. Ankara, 1935, стр. 17.

Помещики и кулаки стремились всеми способами сократить денежную часть зарплаты; рабочие же, наоборот, добивались ее увеличения. Наниматели старались задержать у себя как можно дольше часть денежной зарплаты рабочего. В урожайные годы одной из причин такой задержки являлось желание хозяев таким путем прикрепить к себе рабочих. Если же рабочий все же уходил, то он не получал денег за проработанные дни.[19]

Широко была распространена выдача части заработной платы питанием. Это также приводило к снижению реальной заработной платы. Рабочие получали изо дня в день однообразный голодный рацион. Турецкие авторы отмечали, что такая пища при тяжелом труде раньше времени выводила рабочих из строя. Так, Шевкет Рашид указывал, что питание земледельческих рабочих было крайне однообразным и недостаточным (оно состояло главным образом из одного лишь хлеба, приготовленного из смеси ячменной и кукурузной муки) и, что полученное рабочим количество калорий не покрывает израсходованной им энергии.[20] Голодные рабочие в результате физического истощения раньше времени выбывали из строя.

Наряду с повременной системой заработной платы земледельческих рабочих применялась также сдельная система (в Аданском районе на уборке хлопка, в Эгейском районе на уборке хлопка и табака, в Черноморском районе на уборке табака и др.) До второй мировой войны в Эгейском районе за работу по уборке хлопка сдельная плата устанавливалась в определенном количестве пиастров за каждый килограмм собранного хлопка. При этом она различалась в зависимости от времени сбора. Сдельная оплата применялась и в табаководческих районах, например на работе по нанизыванию табака за единицу оплаты принималась *каргы* (kargı), т. е. палка, на которую нанизывается табак. За каждую такую палку рабочий, вернее работница, так как здесь, как и на уборке хлопка, применяется преимущественно женский, а также детский труд, получала от 5 до 10 пиастров. При этом применялась прогрессивная сдельщина.

Сказанное относится к индивидуальной сдельщине. Но больше всего применялась групповая сдельщина. Условия последней устанавливались между работодателем и старостой. Такая система применялась, например, при косьбе. За единицу оплаты принимался денюм (около 1/10 га) посева. Полученную плату, за вычетом доли в свою пользу, староста распределял поровну среди рабочих. Такая система особенно широко применялась среди отходников в Эгейском, Аданском, Мраморном и Фракийском районах.

Среди отходников (особенно в Эгейском районе) широко применялась также аккордная система, называющаяся по-турецки *гётюрю* (göturü 'оптом', 'гуртом'). При этой системе староста или, если он отсутствовал, то один из рабочих, выполнявший функции старшего, договаривался с хозяином об оплате за всю работу сразу. При этой системе за единицу сдельщины применялись самые различные величины: на уборке хлопка за единицу чаще всего принимался килограмм собранного хлопка, на уборке злаков и при пахоте — денюм поля или килограмм посеянных семян, при прополке — квадратный метр поля и т. д.

[19] Там же, стр. 15.
[20] Schevket Raschid, ук. соч., стр. 110.

По ряду отрывочных данных можно проследить динамику заработной платы земледельческих рабочих до второй мировой войны. По данным Шевкета Рашида, поденная заработная плата сельскохозяйственных рабочих в Измирском районе в 1925 г. составляла весной и летом от 0.5 до 2 лир для мужчин и от 0.5 до 1 лиры — для женщин.[21] По данным Чалгюнера, заработная плата в том же районе в 1939 г. колебалась между 0.5 до 1.6 лиры для мужчин и от 0.5 до 0.8 лиры — для женщин.[22] Следовательно, заработная плата упала на 20%. При этом следует иметь в виду, что в 1939 г. заработная плата земледельческих рабочих была несколько выше, чем в предыдущие 4 года: уже сказывалось начало войны.

Эксплуатация помещиками и кулаками сотен тысяч земледельческих рабочих не сдерживалась никакими нормами; законодательство о труде на них не распространялось.

В Турции давно уже существуют сельскохозяйственные палаты, которые в некоторой степени регулируют взаимоотношения помещиков и батраков, но лишь в пользу первых. Эти палаты состоят из помещиков и чиновников, связанных с сельским хозяйством по роду своей службы. Палаты намечают кабальные условия труда для земледельческих рабочих и навязывают их последним в порядке принудительного арбитража, имеющего силу закона. Положением о сельскохозяйственных палатах предусмотрена выдача рабочим свидетельства о благонадежности („хорошем поведении"). Рабочий, несогласный с кабальными условиями труда, находился под угрозой обвинения в „неблагонадежности" со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями.[23]

Сельскохозяйственный пролетариат является ближайшим союзником турецкого промышленного пролетариата, связующим звеном между последним и широкими массами крестьянства. Авангард турецкого рабочего класса всегда стоял за то, чтобы сельскохозяйственный пролетариат рассматривался как часть многотысячной армии рабочих. Требуя принятия закона о труде, который удовлетворял бы насущные интересы рабочих, передовые турецкие пролетарии всегда настаивали на том, чтобы такой закон распространялся и на сельскохозяйственных рабочих. Однако правящие круги Турции поступили по-иному. Приняв в 1936 г. под давлением рабочих закон о труде, они не распространили его на пролетариев, занятых в сельском хозяйстве.[24] Вместе с тем они всячески подавляли малейшие попытки земледельческих рабочих отстаивать свои классовые интересы.

Передовые рабочие, отстаивая интересы всего турецкого пролетариата, боролись и борются за улучшение условий существования сотен тысяч земледельческих рабочих. В свою очередь земледельческий пролетариат кровно заинтересован в единении со всем турецким пролетариатом для успешной борьбы за свои жизненные интересы.

---

21 Там же, стр. 116.
22 C. Çalgüner, ук. соч., стр. 64—65.
23 Salin Zeki. Ziraat odaları, 1931. Birinci ziraat kongresi. İhtisas raporları, c. 1, стр. 2023.
24 İş kanunu. T. C. Resmî Gazete, 15 июня 1936 г., № 3330.

Д. А. Ольдерогге

ЛЕГЕНДА О „СЕМИ ХАУСА"

(К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРОДНОСТИ ХАУСА)

Хауса составляют основную часть населения английской колонии Северная Нигерия и сопредельных с ней областей Французской Западной Африки.

В этой части Судана уже давно существовали города-государства, которые вели оживленную торговлю со всеми важнейшими центрами Западной Африки: Гао, Тимбукту, Дженне и др., со странами Магриба: Тунисом и Триполи. Первое упоминание о торговых городах хауса встречается у Ибн Батуты, посетившего Судан в 1353 г. В его время один из северных городов хауса — Гобер — славился торговлей медью, и через него шли торговые пути на юг, в страны „неверных". Первое подробное описание стран хауса относится к началу XVI в. и составлено Хасаном Ибн Мохаммедом аль-Фаси, известным под именем Льва Африканского. Он посетил все крупнейшие города хауса: Гобир, Кано, Кацину и др. Он пишет, что население всех этих городов говорит на одном, общем для них всех языке, и называет этот язык гоберским. По словам Льва Африканского, гоберский язык был одним из четырех самых распространенных языков Судана. Очевидно, гоберский язык не что иное, как язык хауса. Следует заметить, что Лев Африканский, описывая Судан, ни разу не упоминает имени хауса, которое в настоящее время является самоназванием этого многомиллионного народа.

По местным преданиям, самым древним из городов хауса и родиной их был город Даура, получивший свое название по имени прародительницы всех хауса — великой волшебницы и охотницы Дауры. У хауса существует немало сказаний об этой легендарной царице. Она неизменно предстает в образе девственной героини, которая в сопровождении своей верной рабыни охотится в зарослях на диких зверей. Существуют различные версии предания о Дауре, этой африканской Диане, деве-охотнице. Согласно одной из них, в страну, где правила Даура, явился чужеземец из страны Борну. Когда он стал свататься к ней, „она ответила ему: «О, мужчина не должен спать со мною потому, что я владею волшебствами, которые не позволяют этого». Он ответил ей:

«Хорошо, мы заключим брак с тобой, но я не буду с тобой спать». И она ответила: «Хорошо». И они заключили брак. У Дауры было множество рабынь, и она дала ему одну из них, сказав: «Вот тебе наложница». Он сказал: «Хорошо». И так было. И он спал с наложницей, и она забеременела и родила ему сына. И так было. И стала рабыня презирать свою госпожу. И говорила она ей: «Тьфу». И вот Даура разгневалась. Она развязала свои кожаные одежды и бросила их. Она сняла мужскую одежду, которую носила, и все амулеты, и волшебные кольца, и множество всяких вещей, которые покрывали ее тело. Она отбросила кольцо для натягивания лука, она оставила все охотничьи принадлежности и волшебства. Она вымылась. Расчесала свои волосы, сделала себе прическу. Она покрасила волосы индиго, окрасила хною руки и ноги, натерлась благовониями и обернула свое тело тканями. Она надела ожерелье на шею свою, надела браслеты на ноги и руки, подвела глаза, накрасила губы [чтобы зубы ее стали красными] и пожевала цветы табака. Тогда она стала прекрасной и пошла к мужу своему, и спала с ним, и забеременела, и родила ему сына".[1]

Сына своего она назвала Баво, и он стал родоначальником всех хауса.[2] У Баво было шесть сыновей, именами которых были названы шесть главных городов хауса: Кано, Рано, Даура, Кацина, Гобер и Зегзег, или Зария.

Другие сказания связывают историю Дауры с преданиями о героеземееборце. Подобного рода сказания встречаются не только у хауса, но вообще распространены по всему Западному Судану. Нередко герой-змееборец является прародителем правящей династии. Такова, например, записанная Делафоссом среди мандингов легенда о происхождении царей Уагаду, в которой местные предания пронизаны мотивами древневосточного происхождения. Легенда рассказывает о Джабе, одном из потомков Соломона сына Давидова. В числе многих подвигов ему приписывается укрощение семиглавого змея, сторожившего колодец. Победив змея, Джабе становится царем Уагаду и родоначальником мандингов.[3]

Примерно тот же характер имеет предание о змееборце, родоначальнике хаусанских городов-государств. Юноша-чужеземец по имени Баво, а по другим версиям — багдадский принц Баяджидда, приехал в город, где правила Даура, и захотел напоить своего коня. Однако дело происходило вечером накануне пятницы, когда из колодца выходил змей и нападал на каждого, кто пытался подойти к водоему. Невзирая на это, Баво-Баяджидда отправился за водой и, когда появилось чудовище, вступил с ним в борьбу и одолел его. Юноша-победитель становится мужем Дауры, а их сыновья — основателями всех главнейших городов хауса.

---

[1] По тексту, изданному Мишлихом. См.: A. Mischlich. Über Sitten und Gebräuche in Hausa. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen, т. X, ч. 3, 1907, стр. 155—159.

[2] В предании о Дауре несомненные отзвуки прежних общественных порядков матрилинейного счета родства. Об этом свидетельствует и местная историческая традиция, согласно которой наследованию по линии отца предшествовала передача власти по женской линии.

[3] Предание о змееборце см.: Schön. Magana Hausa. London, 1885, стр. 144—145. Другой вариант — Daura Makas Sarki — опубликован в: Journal of African Society, т. IX, № 34, 1910, стр. 162—165. Сходный характер имеют легенды о происхождении царей Уагаду, записанные Делафоссом среди мандинго. См. пересказ их: K. Palmer, Sudanese Memoirs, т. III, Lagos, 1928, стр. 90—91.

По остроумной догадке Пальмера, имя героя Баяджидда представляет собой видоизменение имени Абу Язида, вождя восстания хариджитов в Магрибе в X в. Известно, что Абу Язид по торговым делам своего отца бывал в Судане, в частности в городе Гао. Это обстоятельство указывает на древность сказания о змееборце, так как даже эта, несомненно более поздняя, мусульманская версия сказания о Дауре относится ко времени, предшествующему деятельности Аль Магили, проповедника ортодоксального ислама в странах хауса в XV в.

Шестеро сыновей Баво-Баяджидды являются героями-эпонимами городов-государств хауса. По преданию, двое из братьев — Кано и Рано — стали sarakunan baba, т. е. „царями индиго". Они занимались изготовлением и окраской тканей, чем издавна славились богатые города хауса. Два другие брата — Даура и Кацина — стали sarakunan kasuwa, т. е. „царями рынка", и в их руках была сосредоточена вся торговля. Один из братьев — Гобер — стал sarkin yaki, т. е. „царем войны"; на его обязанности лежала защита всех братьев. И, наконец, Зегзег стал sarkin bayi, т. е. „царем рабов", и он обеспечивал всех своих братьев рабочей силой.

Легенда о шести братьях, сыновьях Баво, отражает общественный строй стран хауса эпохи средневековья, с их полуфеодальным, полурабовладельческим строем. Общественное производство в городах хауса в значительной степени основывалось на использовании рабского труда. Как видно из исторических хроник, в частности из хроники Кано, рабов захватывали в южных частях стран хауса, среди языческих племен гор Баучи и долины Бенуэ. Зегзег — самая южная из областей хауса, и правители ее издавна специализировались в набегах за рабами, которых направляли на север в Кано, Кацину и другие города.

В тесной связи со сказаниями о детях Баво находится легенда о „Семи хауса". Хауса различают: Hausa bakwai — „Семь хауса", т. е. семь настоящих городов или областей хауса, и banza bakwai, что обычно переводят „семь ненастоящих, ложных хауса".[4] Однако перевод этот неточен, так как в названии banza bakwai не заключается указания на принадлежность их к числу хауса. Banza означает „бесполезный": например „бесполезная, ненужная вещь"; в качестве приглагольного определения — „делать что-либо напрасно, зря" и т. п. Таким образом, строго говоря, хауса, противопоставляя „Семь хауса" семерым banza, как раз отмечают, что они не относятся к числу хауса, это „бесполезные, ненужные" области и народы. В данном случае banza bakwai можно перевести скорее как „Семь инородцев", вкладывая в это понятие оттенок презрения. Возможно, в этом заключается также некоторое противоположение правоверных мусульман хауса неверным кафирам — чужеземцам, варварам. Дело в том, что banza может означать также „голый, лишенный одежды", так что в этом эпитете может содержаться также противопоставление одетых по мусульманскому обычаю хауса — ходящим голыми язычникам.

Существуют различные списки „Семи хауса" и „Семи банза". Среди всех известных мне списков первым по времени является список, приводимый Генрихом Бартом и составленный им в середине прошлого века.

К числу „Семи хауса", по сообщению Барта, посетившего эти страны в самой середине прошлого века, относятся: Бирам, Даура, Гобер, Кано,

---

[4] Например, Мишлих переводит banza bakoi — die sieben unechten Haussastaaten.

Рано, Кацина и Зегзег.[5] Таков традиционный перечень „Семи хауса", записанный Бартом по весьма авторитетным источникам. Ценность этого списка особенно велика потому, что Барт был первым европейцем, посетившим многие из областей хауса, долгое время прожившим в странах Западного Судана. Барт специально интересовался историей Судана и имел возможность пользоваться местными рукописными источниками. Состав „Семи хауса", по списку Барта, достаточно ясен. Перечисленные в нем города находятся в центральной части стран хауса. Наиболее известными из них являются: Кано, крупнейший торговый центр этой части Западного Судана; Кацина, ко времени Барта находившийся в упадке, но в XVII в. являлся грозным соперником Кано; Зария, самый южный из городов хауса, находится в центре области, называемой Зегзег или Заззау; Гобер, самый северный из них, еще в XIV в. упоминается у Ибн Батуты как один из крупнейших городов Судана; Даура считается одним из древнейших городов хауса, так же как и Бирам. В XIX в. оба эти города уже не имели особого значения. Что касается города Рано, включенного в список, то о нем известно лишь, что этот небольшой город к югу от Кано издавна был одним из центров красильного производства.

По некоторым преданиям, города эти группируются по парам близнецов: Кацина и Зегзег составляют первую пару, Кано и Рано — вторую, Гобер и Даура — третью, а Бирам считается их отцом.

К числу „Семи инородцев", по списку Барта, относятся страны, окружающие хауса. Кородофа — страна, находящаяся к югу от р. Бенуэ, населена различными племенами, которые говорят на языках, резко отличающихся от языка хауса. Другие страны, входящие в число banza, как-то: гвари, йоруба и нупе — находятся к югу и к юго-западу от хауса и населены народностями, говорящими на языках группы ква, или гвинейской. Страна Явури находится к западу от хауса, на левом берегу р. Нигер, и население ее говорит на малоизученных еще языках группы камбари. Эта языковая группа включает в себя, кроме камбари или яури, также язык камуку и характеризуется наличием в языке именных классов. Таким образом, пять стран из семи banza являются соседними с хауса и населены иноязычными племенами и народностями. Непонятным представляется включение двух стран — Кебби и Замфары — в список „Семи инородцев". Обе эти страны, находящиеся на северо-западной окраине государств хауса, населены хаусанцами, говорящими на языке хауса и по своим обычаям и образу жизни ничем не отличающимися от всех остальных „Семи хауса".

Существуют различные списки „Семи хауса" и „Семи инородцев" (см. табл. 1 и 2). Списки эти мы находим в работе Флегеля 1880 г.[6] Списки Флегеля не очень точны, но в отношении „Семи хауса" почти повторяют список Барта. То же можно сказать о списке Ферримана, относящемся к 1890 г.[7]

[5] H. Barth. Reisen und Entdeckungen in Central Africa 1849—1855, vol. II, Gotha; I. F. Schön. Grammatical Sketch of the Hausa Language. Journ. of the Royal Asiatic Society, vol. XIV, 1882, стр. 177—178.

[6] Список Флегеля см.: Staudinger. Im Herzen der Haussaländer. Berlin, 1889, стр. 515 сл.

[7] Mockler-Ferryman. Up the Niger. London, 1892. Цит. по: F. Meyer. Die Erforschungsgeschichte des Westsudan. Petermanu's Geogr. Mitteilungen, Ergänzungs-Heft № 121, Gotha, 1897.

Тот же традиционный список „Семи хауса" мы находим в записях Мишлиха по традиции Кано.[8] В нем повторяются, за исключением одного имени, все города основного списка Барта, лишь вместо области Зегзег включено название области Ауйо. В списках Хогбена (1930 г.)[9] и Барджери (1934 г.)[10] мы видим повторение тех же городов и областей, которые включены были в список Барта. Надо отметить, что оба исследователя были хорошо знакомы с историей и преданиями хауса, так как Хогбен специально изучал историю мусульманских эмиратов Северной Нигерии, а Барджери — знаток лексики хауса — руководил составлением большого словаря этого языка. Наконец, тот же традиционный список „Семи хауса" мы находим у Абрахама,[11] по версии города Кано.

Таким образом, мы видим, что у всех исследователей приводится один и тот же список основных городов хауса. В тех случаях, когда исследователи сообщают различные версии списков, то этот традиционный список соответствует традиции г. Кано. Это показывает, что первоначальный список Барта, подтвержденный записями позднейших исследователей, отражает древнюю, очень устойчивую традицию. Не случайно, что этот список повторяет приведенные выше легенды о сыновьях Баво-Баяджидды.

Какие же выводы можно сделать на основании перечня „Семи хауса". Мы видим, что традиционный список исключает Кебби и Замфару из числа хауса. Если Замфара иногда входит в число „Семи хауса", то Кебби в их число никогда не включается.[12] Это обстоятельство, как мне кажется, дает основание определить время составления традиционного списка по традиции Кано.

Исключенный из этого перечня Кебби — крупный торговый город на западной окраине стран хауса. Область Кебби находится на пути, соединяющем города хауса с торговыми центрами среднего течения Нигера — Гао, Тимбукту и др., населенными сонгаями. Кебби представлял собой как бы западные ворота стран хауса. В начале XVI в. во время наибольшей экспансии сонгайского государства, когда цари Сонгаи объединили в своих руках почти весь Западный Судан, область Кебби оказалась под угрозой вторжения сонгайских армий. Тогда царь Кебби по имени Канта заключил союз с царем Сонгаи аскией Мохаммедом. В 1504 г. аския Мохаммед опустошил соседнюю с Кебби страну Бариба, а затем уже в союзе с Канта вторгся в страны хауса, захватил Гобер, опустошил Кацину и Зегзег и дошел до крупнейшего из всех городов хауса — Кано. После долгой осады город откупился от сонгайцев, обязавшись уплатить огромную дань и в дальнейшем вносить ежегодно четвертую часть своих доходов. В 1515 г. сонгайские армии при содействии Канта захватили Агадес, и туареги Аира обязались платить дань. В течение всего этого времени во всех войнах правители Кебби действовали всегда на стороне сонгайцев. В конце царствования аския Мохаммеда начались распри между его сыновьями. В 1528 г. аския был захвачен восставшими, ослеплен и заключен в темницу на одном из островов на р. Нигер. Воспользовавшись междоусобной войной в сонгайском государстве, Канта не только изгнал их из своей страны,

[8] A. Mischlich, ук. соч., стр. 180.

[9] S. Hogben. The Muhammadan Emirates of Nigeria. Oxford, 1930, стр. 69.

[10] A. Bargery. Hausa-English Dictionary. 1934, S. v. Hausa bakwai и Banza.

[11] R. C. Abraham and Malam Mai Kano. Dictionary of the Hausa Language. Hertfod, 1949, s. v. hausa и banza.

[12] Исключение составляет лишь сокотская версия списка Мишлиха.

но попытался напасть на восточные области Сонгаи. В дальнейшем ему и его преемникам удалось сохранить независимость своей страны вплоть до конца XVI в., когда государство Сонгаи пало под ударами марокканских завоевателей. В течение всего XVI в. правители Кебби не только успешно оборонялись от сонгайцев, но даже подчинили себе все северные и северо-западные окраины стран хауса. В состав государства Кебби вошли Адер, Бида, Денди, Арева и Даура. Войска царей Кебби овладели почти всей долиной р. Гульбин и столкнулись на востоке с могущественным государством Борну. В битве при Нгуру, северо-восточнее Хадеджиа, борнуанские армии были разбиты, и Кебби сохранило свои завоевания.

То обстоятельство, что Кебби выступало противником всех остальных стран хауса во время нашествия сонгайцев и неизменно поддерживало иноплеменников объясняет, по моему мнению, причину невключения его в число „Семи хауса", куда вошли только те города, которые составили ядро хуасанского объединения; Кебби же было причислено к врагам. Это нашло свое отражение также в другом хаусанском предании, повествующем, что отцом Кебби является Сонгаи, а матерью его Кацина, поэтому Кебби не может считаться одним из настоящих хауса.

Таким образом, рассмотрение списков показывает, что традиционная легенда о „Семи хауса" и „Семи инородцах" сложилась во время войн с сонгайцами и относится к XVI в. Центром объединения „Семи хауса" был, по-видимому, Кано, самый крупный из всех торговых городов хауса, оказавший сопротивление сонгайцам. Уже в XVI в., когда Лев Африканский посетил эту часть Судана, торговые отношения связывали все эти города и повсюду распространен был единый им всем язык. К этому времени относится появление самоназвания хауса в местных суданских исторических хрониках. К этому же времени следует отнести и возникновение национального единства хауса, которое сказывается в их едином самоназвании и в сознании принадлежности к единому народу хауса.

Если составление традиционного списка „Семи хауса" относится к XVI в., то местом его составления был, очевидно, город Кано, оказавший сопротивление нашествию сонгайцев. Отличающиеся от него сокотские и кацинские версии, записанные Мишлихом и Абрахамом, — гораздо более позднего происхождения и, несомненно, были составлены в XIX в., так как отражают исторические условия эпохи султаната Сокото. Это следует из того, что в кацинской версии среди семерых хауса значится Замфарар хабе, т. е. местное, нефульбское население страны. В сокотской версии к числу „Семи хауса" отнесены Замфарар хабе, а Замфарар филани, т. е. фульбе Замфары, включены в число инородцев. Однако деление населения на фульбе и хабе появилось лишь после восстания Османа дан-Фодио и установления господства фульбской знати во вновь созданном султанате Сокото.

Сокотская версия списка Мишлиха ближе к традиционному, но включает в число „Семи хауса" Кебби. Это единственный из списков, нарушающий древнюю традицию и представляющий собой местную провинциальную версию.

Изучение списков показывает, что состав „Семи инородцев", в отличие от списков „Семи хауса", гораздо менее устойчив и, по всей видимости, был создан много позднее по образцу списков „Семи хауса" и в подражание им.

Традиционный список „Семи инородцев", по записи Барта, представляет перечень стран, лежащих к западу и югу от „Семи хауса". Этот же

список повторяется в основном у Ферримана, Хогбена и Барджери и в версии Кано списков Абрахама. Сокотская версия списка Мишлиха весьма любопытна. В число инородцев наряду с Явури, Гвари, Кororофой и Баса включены мелкие племена, находящиеся на южных границах Сокото: Камуку, Банги и Ингои. Все эти племена относятся к небольшой языковой группе камуку, названной так по имени наиболее многочисленного племени, входящего в ее состав. Банги представляют собой одно из подразделений племени дакаркари, что отмечает в своих записях Мишлих.[13] Указанное в этом же списке племя ингои, по данным Вестерманна—Брайан, составляет население всего лишь нескольких деревень в нынешнем округе Кута провинции Нигер в дистриктах Тегина и Квонгома. В 1934 г. оно насчитывало лишь 829 чел.[14] Все это свидетельствует о чисто местном характере этого списка, составитель которого по своим интересам и кругозору не выходил за пределы области Сокото.

Интересен также состав инородцев по кацинской версии списка Абрахама. Список этот, как уже сказано, относится к XIX в. В представлении составителя этого списка к числу „Семи хауса" относятся лишь города северо-западных областей султаната Сокото. В числе их мы видим вновь созданные эмираты сокотского султаната — Баучи и Аргунгу. Последний из них получил значение лишь в XIX в. Перечень инородцев в этом списке явно отражает устремления нового султаната, направленные на восток, в то время как традиционные списки относят к инородцам население западных и южных окраин стран хауса, — эта версия помещает их к востоку от Сокото. Примерно тот же характер имеет и сокотская версия списков Абрахама, составленная также в XIX в.

Таким образом, рассмотрение состава списков „Семи хауса" и „Семи инородцев" показало, что древнейшие из них относятся к XVI в. — времени консолидации народности хауса. В это время впервые появляется самоназвание хауса. Объединение всех городов хауса складывалось в условиях ожесточенной борьбы за свою независимость. Главным врагом хаусанских городов были сонгайцы. Интересно, что ни в одном из списков не упоминается название другого мощного государства, ближайшего восточного соседа хауса — государства Борну. Изучение истории стран хауса показывает, что отношение к Борну имело иной характер. Для хауса Борну было образцом государственного и административного устройства, и во многих областях культуры хауса испытали на себе борнуанское влияние. Несмотря на неоднократные войны с султанами Борну, последние никогда не рассматривались как враги-инородцы. Междоусобные войны городов хауса, нередко нарушавшие экономическую жизнь страны, не мешали жителям Кано и жителям Кацины, Гобера и других городов считать себя единым народом. Подобно этому и отношение к Борну постоянно основывалось на признании культурной зависимости хауса от этого древнего государства. Это сказалось, между прочим, на преданиях хауса о борнуанском происхождении родоначальника хауса — Баво.

---

[13] A. Mischlich, ук. соч., стр. 180.
[14] D. Westermann and M. A. Bryan. The Languages of West Africa. Oxford, 1952, стр. 103.

СПИСКИ СЕМИ ХАУСА И СЕМИ БАНЗА

Таблица 1

Барт (1853—1854)	Флегель (1880)	Ферриман (1890)	Мишлих (1907)	
			Кано	Сокото
Семь хауса				
Бирам	Кацина	Гобер	Бирам	Даура
Даура	Даура	Даура	Ауйо	Кацина
Гобер	Бирам	Бирам	Даура	Гобер
Кано	Кано	Кано	Кацина	Кано
Рано	Замфара	Кацина	Кано	Кебби
Кацина	Зариа	Баучи	Гобер	Замфара
Зегзег	Рано	Зария	Рано	Зария
Семь банза				
Замфара	Баучи	Замфара	Зария	Явури
Кебби	Хадиджа	Кебби	Замфара	Камуку
Нупе	Нупе	Гвари	Кебби	Ингои
Гвари	Гомбе	Явури	Явури	Кororофа
Явури	Илорин	Йоруба	Варджи	Гвари
Йоруба	?	Гурма	Кororофа	Баса
Кororофа	?	Заберма	Баса	Банги

Таблица 2

Хогбен (1930)	Барджери (1934)	Абрахам (1949)		
		Кано	Кацина	Сокото
Семь хауса				
Замфара	Бирам	Кано	Сокото	Сокото
Даура	Даура	Кацина	Аргунгу	Квании (Адар)
Гобер	Гобер	Даура	Зегзег	Аргунгу
Кано	Кано	Замфара	Замфара	Гобер
Рано	Рано	Зегзег	Кано	Замфара
Кацина	Кацина	Гобер	Баучи	Кацина
Зегзег	Зегзег	Рано	Ауйо	Азбен
Семь банза				
Замфара	Замфара	Замфара	Гумаль	Замфара
Кебби	Кебби	Нупе	Мисау	Кебби
Нупе	Нупе	Кебби	Казауре	Адар
Гурма	Гвари	Явури	Катагум	Гвари
Явури	Явури	Йоруба	Джама'аре	Кацина Лака
Йоруба	Иоруба	Баргу	Гвамбе	Куямбане
Боргу	Кororофа	Гурма	Адамауа	Кватанкваро

ПРИМЕЧАНИЯ К ТАБЛИЦАМ 1 и 2

Названия всех городов и стран, помещенные в таблицах, даны по-русски и унифицированы. При транслитерации названий за основу было взято современное произношение их на диалекте Кано и написание, принятое Бюро корпорации Зарии, которое занимается вопросами орфографии современного литературного языка хауса.

Списки пришлось в известной степени унифицировать, так как они составлялись разными исследователями, применявшими различные транскрипции, и поэтому одно и то же название имело различные формы: Zamfara — Zanfara; Yauri — Yawuri; Kebbi — Kabbi — Kabi; Gombe — Gwambe; Sokoto — Sakkatu — Sakkwatu.

В списке Барта отмечено, что среди *банза* вместо Йоруба иногда включают Баучи с главным городом Гарои Баучи или Якоба. Повторяя список Барта, Шен добавляет к числу *банза* Моси со столицей Гонджа.

Флегель отмечает, что города Кацина, Даура, Бирам и Кано — потомки Баво по мужской линии; Замфара, Зария и Рано — по женской линии. У Штаудингера ошибочно вместо Рано дважды указан Кано.

Ферриман в своем списке после Яури указывает „Часть Йоруба, часть Адамауа“. Таким образом, получается восемь *банза*.

В списках Абрахама, как отмечено в тексте статьи, различаются Замфарар хабе, т. е. „язычники Замфары“, и Замфарар филани, т. е. „фульбе Замфары“. Слово habe (в ед. ч. kado) на языке фульбе означает „неверный, язычник“. В настоящее время так называют все местное нефульбское население в эмиратах Северной Нигерии, независимо от его религиозной принадлежности. Это словоупотребление носит оттенок презрения феодалов фульбе по отношению к простому народу и сложилось в XIX в.

В сокотской версии среди *банза*: Кебби, точнее Kabi ta kebe (Кебби особое); Гвари, точнее Birnin Gwari (город Гвари); Кацина Лака, букв. „Грязная Кацина“. Названия Kwatankwaro и Kuyambana не отождествлены. Первое из них означает „город воров“ (?).

С. Б. Певзнер

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ ТКАНЕЙ В ЕГИПТЕ В XIII—XV вв.

Среди образцов египетского текстильного производства XIII—XV вв., хранящихся в различных музеях и собраниях, значительную часть составляют ткани, украшенные вышитым узором. Хотя они представляют большой интерес как в отношении орнаментации, так и в отношении техники исполнения узора, но до сих пор эти ткани не подвергались специальному исследованию.[1]

Предлагаемая статья не ставит себе целью всесторонне рассмотреть ткани этого типа. Она посвящена лишь двум техническим приемам, применявшимся для изготовления некоторых видов вышитых тканей, а также тем условиям, которые вызвали к жизни применение этих приемов.

Рассмотрение узоров, вышитых на средневековых египетских тканях, показывает, что, несмотря на большое многообразие орнаментальных мотивов и технических приемов, некоторые детали узора на разных тканях совпадают. Иногда совпадения касаются отдельных, обособленных изображений, иногда можно встретить совпадения и в полосах растительного или геометрического орнамента и в отдельных элементах такого узора.

Так, например, на тканях собрания Эрмитажа № ЕГ 652 (рис. 1) и № ЕГ 656 (рис. 2) имеются изображения птицы с раскинутыми крыльями и повернутой вправо головой. Над ее головой от крыла до крыла полукругом идет лента с перлами. Общий рисунок, сетка с точками внутри каждой ячейки, покрывающая грудь и брюшко птицы, чередование двух цветов при изображении маховых перьев крыльев и хвоста — все это вполне совпадает в изображениях на обеих тканях; различаются они только цветом ниток, использованных при вышивании. Размеры их можно считать приблизительно равными, так как колебания в размерах изображений как в пределах одной ткани, так и на обеих равны 2—3 мм.

[1] См.: C. J. Jamm. Some Mamluk Embroideries. Ars Islamica, IV Ann Arbor, 1937. Данная статья в основном имеет публикационный характер, хотя в ее начальной части и содержатся некоторые общие замечания относительно техники вышивания.

Интересно, что иногда несколько деталей одного узора совпадают с орнаментальными элементами в декорации разных тканей.

Так, на эрмитажной ткани № ЕГ 663 (рис. 3) изображен ряд деревьев, на которых сидят по две пары птичек с головами, обращенными друг к другу. Между деревьями помещается нечто вроде колонн с парными птичками по сторонам. Под этим фризом тянется узкая полоска, состоящая из повторения слова الملك 'власть' (с пропущенным алифом определенного артикля), написанного слева направо, т. е. в обратном направлении.

Рис. 1.

Очень сходный фриз с деревьями и птицами вышит на ткани № J 3176 Берлинского музея.[2] Полоска надписи с повторением слова الملك с пропуском той же буквы имеется на ткани Брюссельского музея,[3] где она написана нормально — справа налево, но перевернута вниз головой и сочетается с фризом из весьма стилизованных деревьев двух видов, разделяющих восьмиугольники, в одном из которых находится косая свастика, а в другом — восьмилучевая звезда. Ряд из стилизованных деревьев, совпадающих с одним из видов деревьев, вышитых на брюссельской ткани, и разделяющих восьмиугольники со звездой внутри, изображен на ткани № J 3180 Берлинского музея.[4] Он продолжается стилизованными деревьями другого вида с парными птичками наверху. По обе стороны от этих деревьев помещены звери, обращенные головами к дереву. На загнутых вверх хвостах зверей находится по две маленьких птички с головами, повернутыми друг к другу. Совершенно идентичный ряд деревьев со зверями по сторонам вышит на другой ткани того же музея (№ J 3173-а).[5]

Такое совпадение деталей узора, примеры которого можно было бы продолжить, позволяет, как кажется, предположить, что вышитые ткани с совпадающими орнаментальными элементами изготовлялись

[2] E. Kühnel. Islamische Stoffe aus aegyptischen Gräbern. Berlin, 1927, стр. 55, табл. 31.

[3] J. Errera. Collection d'anciennes étoffes égyptiennes, Bruxelles, 1915, стр. 196, № 459.

[4] E. Kühnel. Islamische Stoffe... стр 55, табл. 31.

[5] Там же.

в одной мастерской. В пользу этого предположения говорит также тот факт, что узоры на тканях с совпадающими деталями орнамента выполнены в одинаковой технике вышивки. По-видимому, мастерские располагали определенным набором стандартизованных деталей узора, из различных комбинаций которых получились все новые варианты узора.

Совпадения одинаковых орнаментальных элементов вышитого узора на тканях настолько близки, что заставляют нас предположить применение в мастерских какого-то приспособления, позволявшего получить такое единообразие в рисунке и размерах совпадающих деталей узора. Приспособление это можно представить себе в виде трафарета. Такой

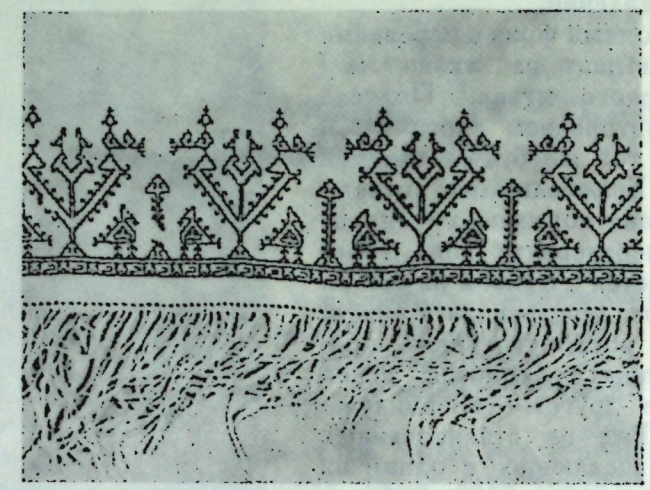


Рис. 3.

трафарет для вышивания заключал один или несколько раппортов повторяющегося элемента узора.

Это предположение подтверждается, если сравнить отдельные детали узора нижнего пояса вышивки на ткани № J 3176 Берлинского музея[6] с деталями узора нижней полосы эрмитажной ткани № ЕГ 680 (рис. 4). В обоих случаях узор состоит из вытянутых шестиугольных медальонов, разделенных косыми крестами с выделенным в середине ромбом. Косые кресты, разделяющие медальоны, совпадают полностью. Внутри медальонов находятся подражания арабским надписям. Одно из них (левое на изображении в каталоге Берлинского музея) почти совершенно идентично одному из трех видов подражания надписям в медальонах эрмитажной ткани, в котором не хватает только одной детали в левой части около последнего алифа. Другое подражание надписи совпадает на берлинской и эрмитажной тканях полностью, с той лишь разницей, что одно является зеркальным отражением другого. Получение такого зеркального отражения легко представить себе при применении трафарета, для этого только нужно наложить трафарет изнанкой вверх. По-видимому, таким образом и получены зеркально совпадающие

[6] Там же.

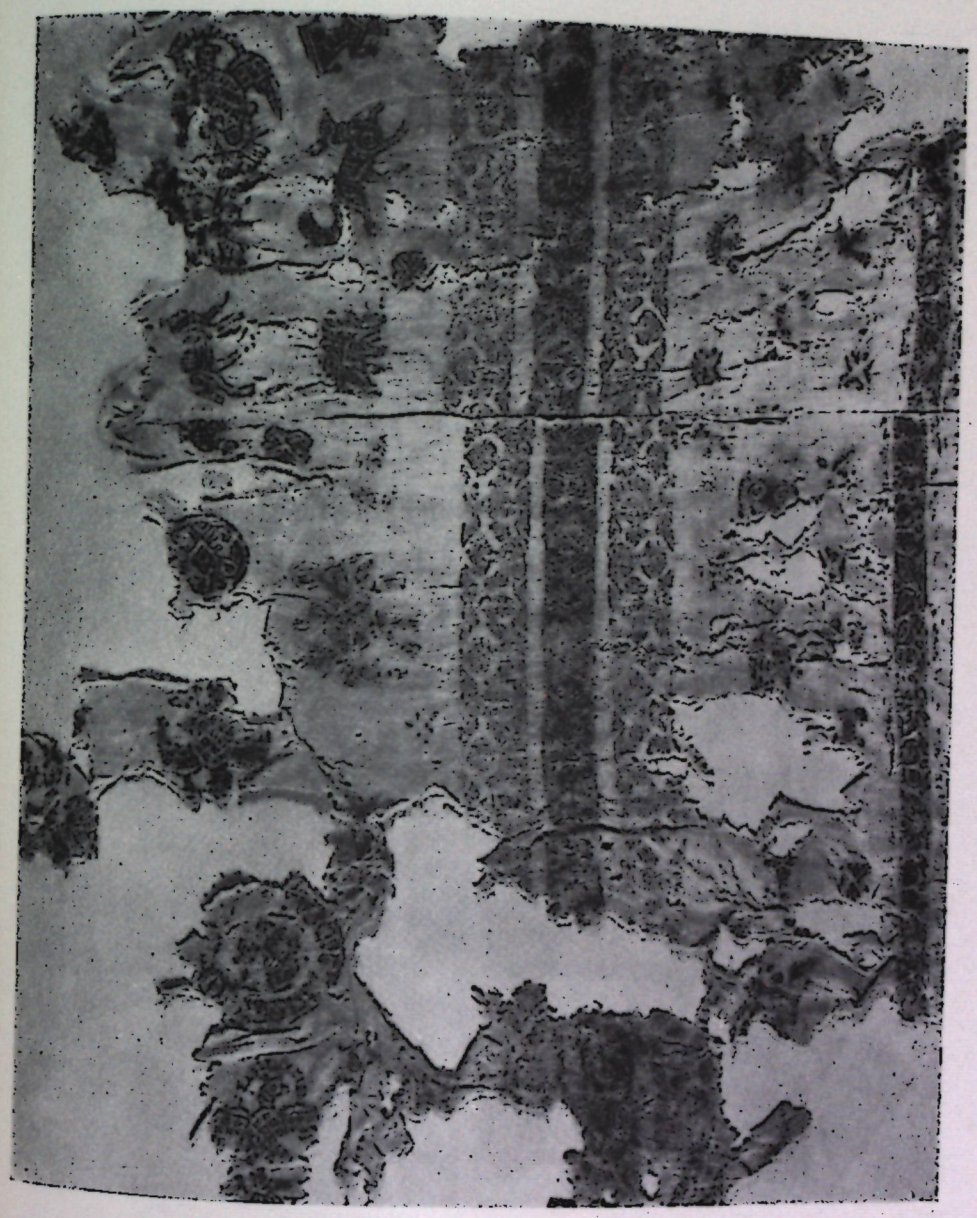


Рис. 2.

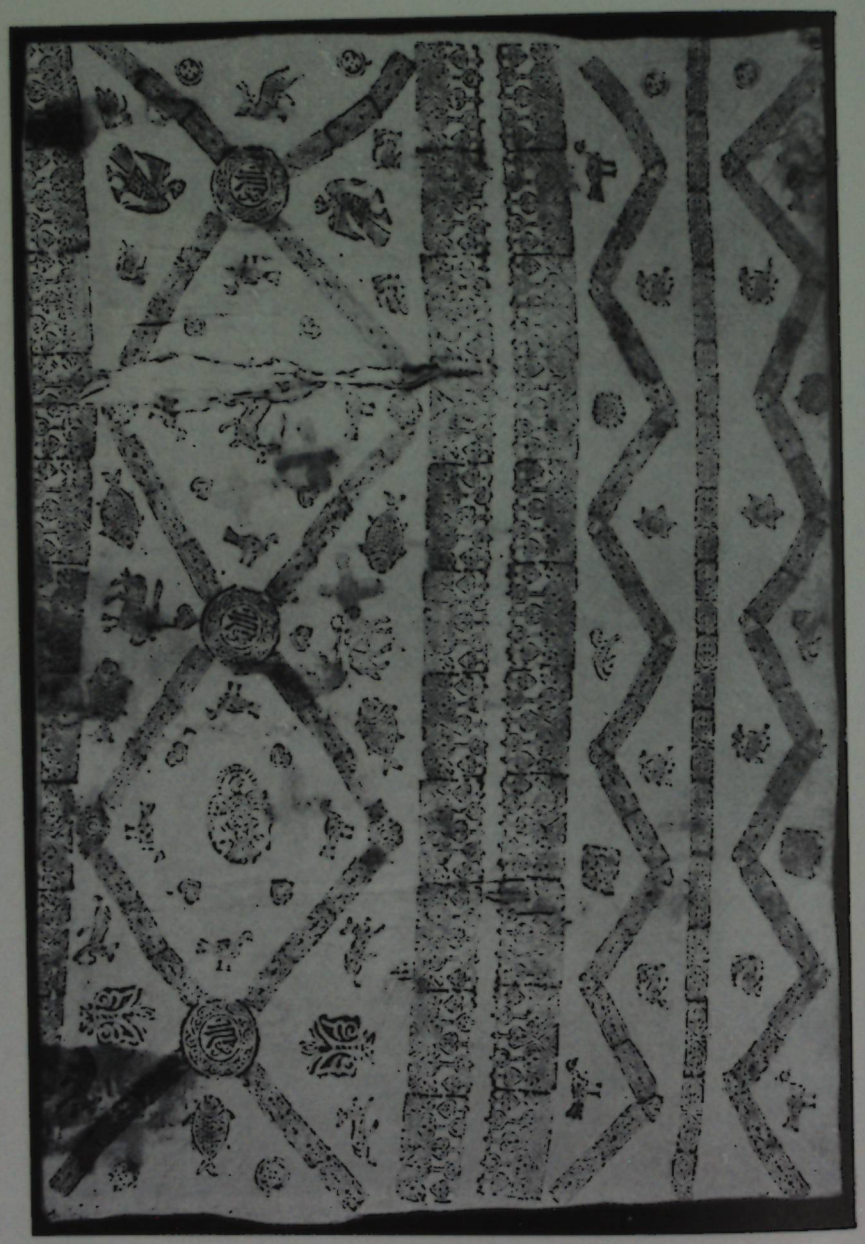


Рис. 5.

узоры на этих двух тканях, а также полоска с повторением слова الملك на эрмитажной ткани № ЕГ 663 и на брюссельской ткани.[7]

Есть у нас также некоторые данные для утверждения, что полное единообразие одинаковых элементов вышитого узора вызывалось применением в таких мастерских набоечного штампа.

По-видимому, на некоторых тканях вышивка делалась по узору, набитому штампом. Так, например, выполнены некоторые части узора на ткани из Эрмитажа (№ ЕГ 657) и одной ткани Брюссельского музея.[8] На этих тканях имеется образующая зигзаг узкая полоска с ор-

Рис. 4.

наментом в виде волнообразной линии с отходящими от нее поочередно в обе стороны завитками — узором, имеющим в основе изображение побега с листьями. Совершенно такая же по рисунку узкая полоска набита черной краской на ткани № ЕГ 649, причем размеры полос, вышитой и набивной, по ширине, величине завитков и волны отличаются не более чем на 2 мм.[9] Вероятно, что вышитая полоска на указанных двух тканях делалась по узору, набитому тем же самым штампом, который был применен при украшении ткани № ЕГ 649.

Чрезвычайно близкое совпадение по рисунку и размерам можно наблюдать в вышитом и набивном изображении сердцеобразной фигуры

---

[7] Errera, ук. соч., стр. 196, № 459.

[8] Там же, стр. 122, № 271.

[9] Такое расхождение может быть легко объяснено. При употреблении штампа линии набивного рисунка получаются толщиной в 1—2 мм. Вышивка могла вестись по внешнему или внутреннему краю такой линии или по середине ее, отчего получались колебания в размерах. Быть может, колебания в размерах узоров, сделанных по трафарету, объясняются точно так же.

на нескольких тканях. Так, на ткани № ЕГ 652 сохранилась часть от такой фигуры. На ткани № ЕГ 656 вышита более сложная фигура, составленная из двух таких же „сердец", соединенных острым концом. Сердцеобразные фигуры заполняют внутреннее пространство круга, образуя крест,[10] на эрмитажной ткани № ЕГ 652 и ткани Берлинского музея № 6827-в.[11] Аналогичная сердцеобразная фигура, чрезвычайно близкая вышитым по размерам, имеется в черном набивном узоре тканей № ЕГ 649 и № ЕГ 662 (рис. 5).

Рис. 6.

На эту последнюю набивную ткань следует обратить особое внимание. Общая композиция ее узора аналогична композиции вышитого узора на тканях № ЕГ 657 из собрания Эрмитажа, № 6828 Берлинского музея,[12] и уже упомянутой выше ткани из Брюссельского музея.[13] Набивной узор нанесен двадцатью четырьмя различными штампами. Среди отдельных деталей узора есть, например, упоминавшаяся сердцеобразная фигура, есть изображение птицы с раскинутыми крыльями и лентой с перлами над головой, которое, как указывалось выше, имеется в вышитом узоре тканей № ЕГ 652 и № ЕГ 656, есть двенадцатилепестковая розетка, точно совпадающая с розеткой в узоре ткани № ЕГ 649, и ряд других изображений, знакомых нам по разным тканям с вышитым узором.

Это позволяет предположить, что нанесенный черным набивной узор в ряде случаев не имел самостоятельного значения, а являлся как бы подготовкой для изготовления вышитого узора. Наилучшее доказательство правильности такого предположения дает эрмитажная ткань № ЕГ 683 (рис. 6), на которой орнамент вышит красным и черным шелком по контурам черного набивного узора.

Однако не следует думать, что набивной узор во всех случаях служил только рисунком для вышивания. По-видимому, не говоря о ткани

[10] Так толкуется эта фигура в каталоге Берлинского музея (O. Wulf und W. Volbach. Spätantike und koptische Stoffe aus aegyptischen Gräbern. Berlin, 1926, стр. 142).
[11] Там же, табл. 127.
[12] Там же.
[13] J. Errera, ук. соч., стр. 122, № 271.

№ 3095[14] Берлинского музея с цветным набивным узором, такие ткани с черным и серым узором, как №№ 1043 и 3094[15] Берлинского музея или № ЕГ 631 Эрмитажа (рис. 7), а может быть и упоминавшаяся выше эрмитажная ткань № ЕГ 662, являются законченными произведениями и не подлежали дальнейшей обработке.

На тканях, на которых набивной узор был единственным украшением, он приобретал самостоятельное значение, заменяя вышивку и

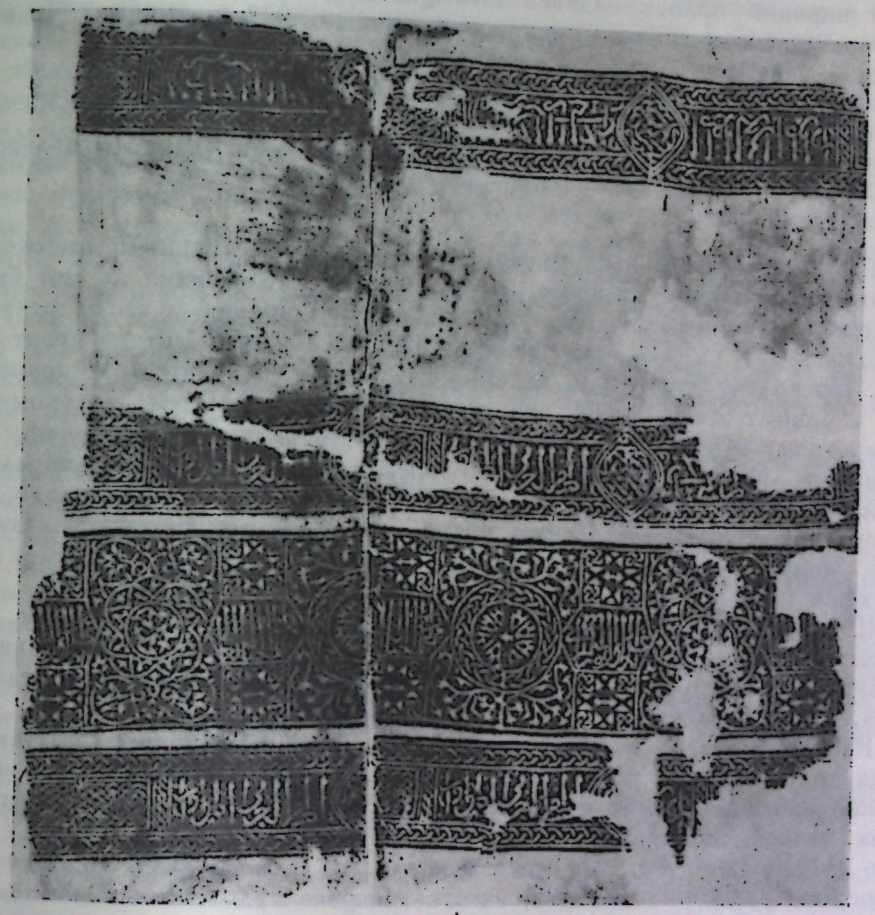


Рис. 7.

как бы имитируя ее. Украсить ткань таким способом было гораздо проще, и естественно предположить, что такие ткани и стоили дешевле.

Интересна эрмитажная ткань № ЕГ 631 с черным набивным узором, который состоит из широкой полосы, обрамленной двумя более узкими, и третьей узкой полосы, расположенной несколько поодаль. В орнаментальную композицию как широкой, так и узких полос включены надписи.

[14] E. Kühnel. Islamische Stoffe..., стр. 87, табл. 50.
[15] Там же, стр. 86, табл. 49 и 50.

В узких полосах надпись помещена в прямоугольных полях. Разделенные овальным медальоном, два таких поля дают единую по содержанию надпись. Она читается следующим образом:

المقر العالى المولوى ا لامیرى الكبيرى المالكى ا

[(Сделано для) высокоутвержденного господина (нашего) великого эмира, (слуги) царствующего...].

В широкой полосе надпись помещается в шестиугольных медальонах, разделенных сложными орнаментальными композициями. Полный текст ее занимает также два медальона:

مما عمل بوسم الجناب العالى المولوى الاميرى الكبيرى (?) ا

[То, что сделано для высокостепенного господина (нашего) великого эмира (?)...].[16]

Титул المقر применялся только по отношению к крупным высокопоставленным эмирам — эмирам ста и эмирам табл-хана и не мог быть применен к эмирам низших степеней, по отношению к которым употреблялся титул الجناب. На ткани № ЕГ 631 оба эти титула стоят рядом. Поскольку эти титулы взаимно исключают друг друга в применении к одному лицу, ясно, что надпись не была отнесена к какому-то конкретному человеку — заказчику ткани. Эти надписи повторяют, по-видимому, надписи более раннего времени,[17] в которых упоминались имена и титулы заказчиков, и употреблены в этом случае только как декоративный элемент. Самую ткань тоже нельзя считать заказной. Она, видимо, является образчиком продукции, производившейся для продажи на рынке.

Широкое распространение набивных тканей и тканей с узором, вышитым по подготовке, сделанной с помощью трафарета или набивного штампа, свидетельствует о большом развитии ремесленного производства, о широком выпуске изделий для рынка.

Распространение тканей с вышитым узором, исполненным по такого рода подготовке или украшенных только набивным узором без вышивки, можно наблюдать, судя по изданным коллекциям средневековых египетских тканей, примерно с конца XII в., более широко в XIII—XV вв. Это вполне понятно, так как именно в XII в. создаются условия для широкого развития ткачества, изготовляющего художественные изделия на рынок, именно к этому времени произошел ряд экономических и политических сдвигов, обусловивших возможность такого развития.

Если раньше, в X—XI вв., халиф фактически содержал весь свой двор, армию, чиновничество, обеспечивая их денежным и натуральным жалованьем, удовлетворяя их потребности изделиями, выходившими из халифских мастерских, то в XII в. это стало для фатимидских халифов невозможным в виду падения их экономической мощи и ослабления политического могущества.[18]

[16] Перевод терминов المقر и الجناب весьма затруднителен. Приведенные значения дают близкий к дословному перевод, неточно передавая смысл. По употреблению эти термины схожи примерно с терминами „высокопревосходительство“ и „высокородие“.

[17] Трудно предположить, что надписи скопированы с более ранней набивной ткани. Едва ли для небольшого заказа из одной или нескольких вещей был сделан специальный штамп, а мало вероятно, что кто-нибудь заказывал большое количество тканей с одинаковым узором. Скорее можно предположить, что надписи скопированы с произведений другого вида художественного ремесла. Этот вопрос, однако, требует специального выяснения и разработки.

Мастерские, принадлежавшие халифу, сильно сокращают свою деятельность. Кюнель считает, что ткацкие мастерские, принадлежавшие халифскому домену и находившиеся в ведении дивана ал-хасса, — и мастерские, принадлежавшие государству, а следовательно, опять-таки халифу как его главе, и находившиеся в управлении дивана вазира — тираз ал-амма — вообще прекратили свое существование в айюбидское время, а производство полностью перешло в частные мастерские.[19]

Исходит он при этом из того факта, что ткани, в надписи которых содержалось имя халифа, так называемые тиразы, совершенно исчезают после падения фатимидов. Однако известно немалое количество тканей времени правления мамлюков, в надписях которых содержится прославление султана,[20] или таких, которые, судя по надписям, предназначались для пожалования — خلعة.[21] На этом основании Шмидт предполагает,[22] что государственные мастерские сохранились, только их роль была гораздо меньше, чем во времена правления фатимидов.

В таких мастерских чрезвычайно трудоемкая, не допускавшая никакой механизации гобеленовая техника, которая ранее была принята в халифских мастерских, оказывается дорогой и заменяется новыми, более простыми приемами.

Выработка и применение таких новых приемов, усовершенствований, технических новшеств вызывались к жизни необходимостью расширения производства.

Стимулом к расширению ремесленного производства, интенсификации торговли служил тот возросший спрос на продукцию художественного ремесла, который усиливается в связи с появлением многочисленного класса экономически независимых крупных и мелких землевладельцев-феодалов. Развитию ремесленного производства способствует также усилившееся потребление продукции художественных ремесел верхушкой ремесленных кругов и купечества, зачастую сливающейся с классом феодалов.

В продукции художественного ткачества XIII—XV вв., вероятно, можно видеть отражение строя общества того времени.

[18] К концу XI в. могущество халифов-фатимидов значительно падает. Все увеличивающаяся раздача в икта земель в виде пожалований армии подрывает экономическую мощь халифов, лишая их монополии земельной собственности. Завоевание норманнами Сицилии, а затем и Мальты, важных опорных пунктов египетского флота, вместе с появившейся сильной конкуренцией со стороны итальянских торговых городов, в первую очередь Генуи и Венеции, лишило Египет господствующего положения в транзитной торговле между европейскими странами и Индией и Китаем, отчего значительно пали доходы владельцев флота — халифов-фатимидов.

Передача в икта земель вместо жалованья создала класс крупных и мелких феодалов-землевладельцев, получавших со своих икта феодальную ренту, и независимых, таким образом, в экономическом отношении от халифа.

[19] E. Kühnel. Zur Tiraz-Epigrafhik der Abbasiden und Fatimiden. Aus fünf Jahrtausenden morgenländischen Kultur. Festschrift Max Freiherr von Oppenheim zum 70. Geburtstag. Berlin, 1933, стр. 59—60.

[20] A. Grohmann. Tiraz. Encyclopaedie de l'Islam.

[21] С. Б. Певзнер. Китайские мотивы на памятниках художественного ремесла средневекового Египта. Труды Эрмитажа, т. II, Л., 1958.

[22] J. H. Schmidt. Damaste der Mamlukenzeit. Ars Islamika. I, Ann Arbor, 1934, стр. 99. Сведения из источников, подтверждающих существование султанских мастерских в мамлюкское время, приведены в статье: Abdil Aziz Marzouk. Alexandria as a Textile Centre. Bulletin de la Société d'Archéologie Copte, v. XIII, Caire, 1953.

Среди текстильных изделий XIII—XV вв. встречаются, с одной стороны, чисто шелковые ткани с простыми (полосой, клеткой) и сложными (растительными мотивами, иногда с надписями, зачастую с определенным влиянием китайского текстиля) узорами; с другой — льняные ткани, украшенные только вышитым или набивным узором.

По-видимому, такое разнообразие в видах тканей объясняется тем, что они были предназначены для разных кругов египетского общества, в котором даже внутри феодального класса наблюдалось очень сильное имущественное неравенство. И действительно, если высшие эмиры получали в икта целые округа, то воины джунда ал-халка — основной армии мамлюкских султанов — владели одной деревней по нескольку человек вместе. Точно так же и среди городского торгового и ремесленного населения произошло уже расслоение. По-видимому, разнообразие в продукции художественных ремесел, выпускавших произведения более дорогие и более дешевые по материалу, более сложные и более простые по примененным техническим приемам, более богатые и более простые по декорации, объясняется именно таким разнообразием потребителей, требовавших изделий в соответствии со своим богатством и положением в обществе.

И. П. Петрушевский

К ИСТОРИИ ПОДУШНОЙ ПОДАТИ В ИРАНЕ ПРИ МОНГОЛЬСКОМ ВЛАДЫЧЕСТВЕ

(ТЕРМИНЫ *кунчӯр, сар-шумӑр, сарӑнэ, джизйэ*)

Как известно, до монгольского завоевания в Иране и сопредельных странах основным налогом был *харӑдж* — поземельная подать, которая на землях некоторых категорий феодальной собственности — *дивӑнӣ* (государственные земли), *хӑссэ* (государевы домены), *икта'* (военные лены), *вакф* (земли религиозных и благотворительных учреждений), *мульк-и хӑлиҫ* (иммунитетные частновладельческие земли) — совпадала с феодальной рентой (взимаемой в пользу землевладельца, будь им казна, государь, ленник — *икта'дӑр* и т. д.). Подушная подать — *джизйэ, джизья*, как известно, взималась наряду с *харӑджем* только с немусульман, именно с христиан, иудеев, зороастрийцев и индуистов. Монгольское завоевание в XIII в., поставившее на место мусульманского права „Великую Ясу" Чингис-хана, резко нарушило этот порядок.

После монгольского завоевания появился новый налог — *кунчӯр* или *кубчӯр* (монг.), в арабизованной литературной форме *кубджӯр, кунджӯр*.[1] Как показал Катрмер,[2] смысловое значение слова *кончур, кунчӯр* — „пастбище". Отсюда и первоначальное терминологическое значение его — „пастбищный сбор". У монголов-кочевников, в начале XIII в. не знавших иного хозяйства, кроме скотоводческого, такая форма обложения естественно вытекала из их производственных условий. Но после того как монголами был завоеван ряд стран с оседлым земледельческим и городским населением, монгольские власти стали обозначать привычным для них термином *кунчӯр*, как указал акад. В. В. Бартольд,[3] также и прямой налог с оседлых жителей города и деревни.

Таким образом, уже с 40-х годов XIII в. в Монгольской империи термин *кунчӯр* стал обозначать два совершенно различных основных

---

[1] Орфография в источниках различна.

[2] См.: Quatremère. Histoire des Mongols de la Perse, t. I. Paris, 1836, стр. 256, прим. 83.

[3] В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене аннйской мечети Мануче. СПб., 1911, стр. 32.

налога: а) налог с кочевников-скотоводов и б) налог с оседлых жителей города и деревни. Характер первого из них и порядок обложения им, на основании показаний источников, вполне ясны.[4] Напротив, *купчӯр* как налог с оседлого населения до сих пор представляет ряд загадок для исследователей благодаря крайней неясности и неопределенности сообщений источников о нем. Неясны принципы обложения им и неясно, в каком отношении находился он к другим налогам, в частности к *харāджу*, могли ли в одной и той же области взиматься оба эти налога или взимание одного из них исключало взимание другого. Ввиду запутанности и сложности этого вопроса В. В. Бартольд в своей классической работе „Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче", посвященной податной системе государства Хулагуидов, ограничился тем, что отметил факт взимания *купчӯра* также и с оседлого населения, отказавшись от точного определения характера этого налога.[5]

За рубежом делались попытки утверждать на основании довольно произвольного толкования данных Рашид ад-дина, что *купчӯр* как налог с оседлого населения соответствовал *харāджу*. Как указывает В. Ф. Минорский, впредь до последующего подтверждения это положение остается сомнительным.[6]

Из советских авторов выяснением характера этой подушной подати занялся акад. А. А. Али-заде в своей специальной статье, посвященной термину *купчӯр*.[7] Али-заде привлек большое количество показаний источников о *купчӯре* и построил следующую концепцию. После сложения государства Хулагуидов (1256 г.) *купчӯр*, бывший ранее подушной податью, приобрел значение основного налога с оседлого населения. В связи с земельной политикой ильханов в ряде вилайетов, впоследствии названных купчурными вилайетами, многие старинные местные феодалы лишились своих земель, перешедших в разряд земель *инджӯ* (государевы домены) и *дивāни* или захваченных монгольской кочевой знатью.[8] Таким образом, *купчӯр* приобрел новое содержание, заменив старый основной налоговый термин (т. е. *харāдж*), „и взимание его распространилось не только на кочевников, но и на оседлое население, главным образом на крестьян, сидевших на землях инджу и дивана".[9] Размеры обложения *купчӯром*, как полагает Али-заде, в земледельческих районах зависели от размера урожая, а в скотоводческих (кочевых) районах — от поголовья скота. „Итак, — замечает Али-заде, — в эпоху после Хулагу-хана до периода Газан-хана, в вилайетах, в которых применялось налоговое обложение в форме копчура, последний в действительности и реально должен был выполнять функцию старой формы налогового обложения (*харāджа*, — *И. П.*), примерно совпадая с нею в своем содержании".[10] Таким образом, в одних вилайетах, где влияние монголов-кочевников было велико, основная поземельная рента-налог взималась под именем *купчӯра* (в так называемых купчурных вилайетах), а в других, где сохранились старые формы налогового обложения, под именем *харāджа*.[11] После реформ Газан-хана *купчӯр* еще раз приобрел новое содержание: он продолжал взиматься с земель *инджӯ* и *дивāна*,[12] *харāдж* же стали вновь взимать в местностях с преобладанием частновладельческих обрабатываемых земель (мульк).[13]

На первый взгляд эта концепция Али-заде выглядит стройной. С большой тщательностью Али-заде старался собрать и сопоставить показания источников относительно *купчӯра* с оседлого населения. И все же эти показания в большинстве случаев оказываются довольно неопределенными и темными. Их одних оказалось недостаточно для обоснования данной концепции в целом, и автор прибег к некоторым гипотетическим выводам. Это показывает, насколько сложен и труден вопрос о налоговой системе времени ильханов и о *купчӯре* как о налоге с оседлого населения в частности.

В свете сообщений источников концепция Али-заде вызывает возражения.

Прежде всего тезис о том, что на протяжении всего нескольких десятков лет характер *купчӯра* несколько раз изменялся, не вытекает из сообщений источников и представляет лишь догадку Али-заде. Неясно, почему при ильханах *купчӯр* с оседлого населения в одних вилайетах взимался, в других — нет. Али-заде объясняет это различие тем, что *купчӯр* взимался „в тех вилайетах, где влияние кочевников было велико",[14] и связывает это с земельной политикой ильханов и земельными захватами монгольского дивана и монгольской знати. Как ни правдоподобна на первый взгляд эта рабочая гипотеза, она не подтверждается источниками. Источники сообщают о взимании *купчӯра* с оседлого населения и в таких областях, где влияние монгольских и тюркских кочевников было слабее всего, где основной земельный фонд оставался в руках местных оседлых феодалов и где сидели сильные иранские вассалы монгольских ильханов.

Так, *купчӯр* взимался в Хератской области, составлявшей владение сильных меликов из династии Картов,[15] под властью которых земельный фонд находился в руках их владетельных вассалов (меликов) и местных землевладельцев (арбабов, за'имов). Только в 719 г. х. (1319 г. н. э.) Хератская область была освобождена от уплаты *купчӯра* и то лишь

---

[4] Взималась 1 голова с каждых 100 голов скота. См.: Дастӯр ал-кāтиб. Рук. ИВАН, без №, составлена В. Г. Тизенгаузеном, копия Венской рук. F-185, лл. 201б, 225а—226а (персидские официальные документы Джелаиридской династии); Насир ад-дин Туси. Трактат о финансах (без заглавия). Изд. перс. текста М. Минови и В. Минорского, BSOS (Bull. of the School of Oriental Studies), vol. X, part 3, стр. 761.

[5] В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 32.

[6] См.: V. Minorsky. A Soyurghal of Qasim Aq Qoyunlu. BSOS, vol. IX, part 4, стр. 955 (комментарий), прим. 2; Здесь же см. библиографию.

[7] А. А. Али-заде. К истории феодальных отношений в Азербайджане — термин *копчур*. 1-е изд., Изв. Аз. ФАН, 1945, № 5, стр. 87—100; 2-е изд., Сб. статей по истории Азербайджана (ССИА), вып. 1, Баку, 1949, стр. 113—126 (в дальнейшем цитируется 2-е издание). Эта же статья с небольшими изменениями вошла в монографию того же автора „Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв." (Баку, 1956, стр. 198—210).

[8] А. А. Али-заде. 1) К истории феодальных отношений..., стр. 121—122; 2) Социально-экономическая и политическая история..., стр. 205.

[9] А. А. Али-заде. 1) К истории феодальных отношений..., стр. 122; 2) Социально-экономическая и политическая история..., стр. 205.

[10] А. А. Али-заде. К истории феодальных отношений..., стр. 122.

[11] Там же, стр. 122—123.

[12] Там же, стр. 123.

[13] Там же, стр. 124. Ту же концепцию в несколько сокращенном изложении см.: А. А. Али-заде. Социально-экономическая и политическая история..., стр. 205—206.

[14] А. А. Али-заде. 1) К истории феодальных отношений..., стр. 122; 2) Социально-экономическая и политическая история..., стр. 204.

[15] См. труд Сейфи (721 г. х. = 1320 г. н. э.): Сейф ибн Мухаммед ал-Харави. Тāрйх-нāмэ-йи Харāт. Изд. перс. текста проф. Мухаммед-Зубейра ас-Сиддики, Калькутта, 1944, стр. 182 и сл., 745.

на три года.[16] В переписке Рашид ад-дина говорится о разорении благодаря взиманию *кӯпчӯра* и других податей крестьян округа Бам в Кермане,[17] где также долго сохранялась династия сильных вассалов (Каракитаи Кермана). Наконец, *кӯпчӯр* взимали и в Гурджистане,[18] т. е. в Грузии, где сохранилась местная государственность, где местные грузинские феодалы в большинстве сохранили свои земли и политическую власть, так что даже эмирами туманов в Грузии были назначены местные феодалы.[19] Во всех этих областях влияние кочевников было слабее всего.

Вызывает возражение гипотеза Али-заде, что при Газан-хане *кӯпчӯр* взимали с земель *ӣнджӯ* и *дӣвӣнӣ*, а *харāдж* — с частновладельческих земель. *Ḳānӯn* (податная роспись) Хузистана, приведенная в письме Рашид ад-дина к сыну Шихаб ад-дину, указывает, что именно при Газан-хане *харāдж* взимался там как с частновладельческих земель, так и с государственных (диванских) земель (в повышенном размере), о *кӯпчӯре* же с земледельцев не говорится вовсе.[20]

Рашид ад-дин упоминает о „купчурных вилайетах" (*вилāйāт-и кубчӯрӣ*).[21] Али-заде объясняет это тем, что в одних вилайетах взимался только *кӯпчӯр*, а в других — только *харāдж*.[22] Но это-то как раз и остается неясным. Из текста Рашид ад-дина вытекает только, что при Газан-хане в одних вилайетах *кӯпчӯр* взимали, в других же — нет (но было ли так же в начале монгольского владычества, неясно). Однако из этого еще не вытекает, что *кӯпчӯр* взимали только там, где не взимали *харāджа* и, наоборот, что оба эти налога не могли взиматься вместе, в одной и той же области. Скорее можно предполагать обратное, поскольку в письме Рашид ад-дина к маулана Садр ад-дину Мухаммеду Туркаи по поводу *кануна* (податной росписи) вилайета Исфахана[23] говорится об обложении частновладельческих земель (*мульк*) *харāджем* и об освобождении их впредь от *кӯпчӯра* и ряда других податей, из чего можно заключить, что раньше в Исфаханском вилайете, притом на частновладельческих землях, взимали и *харāдж*, и *кӯпчӯр*.[24] Также и Вассаф сообщает о взимании и *харāджа*, и *кӯпчӯра* в Фарсе.[25]

---

[16] Там же, стр. 745.

[17] Мукāтибāт-и Рашīдӣ, № 5. Изд. перс. текста проф. Хан Бахадура Мухаммеда Шафи', Лахор, 1947 (письмо к сыну эмиру Махмуда, наместнику Кермана, стр. 11—12); Рук. ИВ АН СССР, колл. Руссо, В-938, л. 5б—7а.

[18] Джувейни, Тāрӣх-и джихāнгушāй. Изд. перс. текста Мирзы Мухаммед-хана Казвини, G. M. S., т. II, стр. 258, 261 (под 657 г. х. = 1259 г. н. э., т. е. уже при Хулагу-хане).

[19] См.: И. А. Бердзенишвили, И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа. История Грузии, Тбилиси, 1946, стр. 256—257.

[20] Мукāтибāт-и Рашиди, № 22 (лахор. изд.), стр. 122—123 (в рукописи ИВ АН СССР эта податная роспись опущена). *Харāдж* с частновладельческих земель здесь именуется *харāдж-и арбāб*, а с государственных земель — *мāль у харāдж-и дӣвāнӣ*. *Мāль* здесь, видимо, синоним термина *харāдж*.

[21] Джāми ат-таварӣх. Стамбульская рук. библиотеки Реван-кёшкю, № 1518 (фотокопия ИВ АН), лл. 621, 625; Сб. летописей, т. III. Пер. А. К. Арендса. Изд. ИВ АН, М. — Л., 1946, стр. 248, 253.

[22] А. А. Али-заде. К истории феодальных отношений . . . , стр. 121.

[23] Мукāтибāт-и Рашиди, № 13 (лахор. изд.), стр. 32—34; рук. ИВ АН СССР, лл. 18б—19б.

[24] Мукāтибāт-и Рашиди, № 13 (лахор. изд.), стр. 34; рук. ИВ АН СССР, л. 19а; Таджзийāт ал-амṣāр, бомбейское литогр. изд. 1269 г. х. (1852/3 г. н. э.)

[25] Вассаф, стр. 347: و بر کلّیات اموال از مال معیّن و خراج و قبجور معیّن و املاک پادشاه و رعیّت . . . — „И на все подати, из установленной подати (*мāль*) и *харāджа* и установленного *кубджура*, и с имений (*амлāк*) падшаха и ра'ийатов".

В „Монгольской оде" персидского поэта Пур-и Баха также говорится об одновременном взимании податей *кӯпчӯр* и *мāль* (здесь, видимо, синоним *харāджа*).[26]

Наконец, если бы мы согласились с Али-заде, что *харāдж* и *кӯпчӯр* одинаково взимались бы из доли урожая,[27] то было бы трудно понять, в чем же, кроме названия, заключалась разница между *кӯпчӯром* и *харāджем*, какое же значение имело бы в таком случае разделение государства на купчурные и хараджные вилайеты, согласно схеме Али-заде.

Таким образом, концепция А. А. Али-заде не подтверждается источниками. Вопрос о характере и принципах взимания *кӯпчӯра* все еще не может считаться окончательно выясненным. Выяснение его стало бы возможным в случае введения в научный обиход новых текстов. Недавно изданная В. Ф. Минорским[28] хвалебная ода персидского поэта Пур-и Баха в честь 'Ала ад-дина Джувейни (историка), написанная в 667 г. х. (1269 г. н. э.), картинно рассказывает о тяжести *кӯпчӯра* для ра'ийатов, но не разъясняет специфики этого налога.

Видимо, обложение *кӯпчӯром* оседлых жителей не было связано с земельной политикой ильханов, *кӯпчӯр* как в первое время монгольского владычества, так и позднее при ильханах оставался лишь подушной податью, введенной монгольскими завоевателями по китайскому образцу. Как сказано, до монгольского завоевания в странах Среднего Востока, как и во всех мусульманских странах, подушной податью облагались только иноверцы, но отнюдь не мусульмане. Обложение подушной податью мусульман всегда признавалось мусульманским правом чем-то глубоко незаконным, оскорбительным для мусульман и совершенно недопустимым. Подушное обложение всего населения, независимо от религии, появилось в Иране и сопредельных странах только при монгольских ханах, но удержалось и после принятия ими ислама, вопреки шари'ату.[29]

В трактате о финансах, приписываемом Насир ад-дина Туси, мы читаем: „А с людей по душам (букв. „по головам") их ничего не брали; этого в мусульманстве не брали, и прежде сего не брали, и того кубчура, который теперь взимают согласно повелению Великой Ясы, не взимали".[30] Из текста трактата видно, что при Хулагу-хане *кӯпчӯр* был подушной податью, которую платили все, кроме духовенства и тарханов, неимущих, калек, стариков и детей. С этим вполне совпадает известие армянского историка Магакии (Григора Акнерци) о том, что после переписи 1254 г. монголы обложили подушной податью всех мужчин от

---

[26] Pur-i Baha's „Mongol Ode" (Mongolica, 2) by V. Minorsky. BSOS, vol. XVIII, part 2, 1956, стр. 275 (стих 11):

گهی جان دهم بمالی و گهی سر بقبچوری

[Иногда я отдаю душу из-за (уплаты подати) *мāль*,
Иногда отдаю голову из-за *кӯпчӯра*].

Мāль здесь, по-видимому, синоним *харāджа*.

[27] См.: А. А. Али-заде. К истории феодальных отношений . . . , стр. 122

[28] Vladimir Minorsky Pur-i Baha and his poems. Charisteria orientalia, Praha, 1956 (перс. текст, английск. перевод и комментарий).

[29] Только позднее приняты были разные названия для поголовной подати, взимаемой и с мусульман, и с иноверцев (*сар шумāрэ*), и для поголовной подати специально с зиммиев (*джизйэ*).

[30] Насир ад-дин Туси. Трактат о финансах, стр. 763.

12 до 50 лет.[31] С введением *қупчӯра* для последователей всех религий монгольские языческие ханы перестали взимать *джизью* с немусульман.[32]

Подобно тому как *джизья* с самых первых времен ислама взималась с иноверцев хоть и поголовно, но с градацией по трем разрядам — богатых, лиц среднего состояния и бедных, так и *қупчӯр* монгольские ханы взимали с градацией по имущественному положению. Как известно, согласно показанию Джувейни, сперва жителей облагали *қупчӯром* произвольно, затем (при Гуюк-каане) постановили с богатого брать по 10 динаров, а с бедняка — по 1 динару.[33] При Мункэ-каане было установлено взимать *қупчӯр* из расчета 70 динаров с каждых 10 человек, с разверсткой между ними.[34]

Интересные подробности об обложении *қупчӯром* оседлого населения сообщает Джувейни. По его рассказу, когда наместник великого хана эмир Аргун ойрат прибыл в 657 г. х. (1259 г.) в Грузию и занялся там исчислением (*шумӑрэ*) населения для обложения его, то при этом выяснилось, что первоначально там взимали по 70 динаров с каждых 10 человек. Но так как натуральные сборы (буквально „издержки" — *иҳрӑджӑт*) на содержание вспомогательного ополчения (*ҳашар*),[35] на ямскую службу (*йӑм*), на почтовых лошадей и мулов (*улāғ*) и на военные нужды превзошли всякие пределы и установленный размер *қубчӯра* оказался недостаточным, то было разрешено значительно умножить общий размер *қупчӯра*. „И те из владельцев земель (*аҫҳӑб-и ʿақӑр*) и богатых людей, которые перед [новым] установлением кубджура, например, имели соучастие (ширкат)[36] и хозяйство (или „имущество" — *асбӑб*) в десяти местах отдельно, в соответствии с тем соучастием на них и накладывали деньги („золото" — зар), так что с одного человека брали по пятьсот и по тысяче динаров.[37] Тогда снова постановили брать по 10 динаров, так что для богатых, если бы даже удвоить, было бы не обременительно, но на бедного легла тяжесть.[38] Эмир Аргун доложил об этом хану, тогда последовал указ, дабы порядок взимания *қупчӯра* установили заново, и с богачей взимали по 500 динаров и соответственно [меньше] вплоть до 1 динара с какого-нибудь бедняка, так чтобы в итоге хватало на местные расходы казны".[39]

Из этих примеров видно, что для каждого вилайета заранее устанавливалась общая сумма *қупчӯра*, в соответствии с расходами на содержание войск, ямов и т. д. Затем эта сумма разверстывалась подушно, то поровну, то чаще с градациями по имущественному положению. При этом какой-либо раз навсегда установленной шкалы ставок *қупчӯра* по имущественным разрядам не существовало, и ставки для разных разрядов часто менялись, обычно к невыгоде для бедняков. Власти стремились лишь к тому, чтобы собрать необходимую сумму на содержание войск и чиновников, конечно, не упуская случая при этом обогащаться и самим.

[31] См. изд.: Grigor of Akanc'. History of the Nation of the Archers (the Mongols). Ed. by K. P. Blake and R. N. Frye, Cambridge Mass., 1954, Armenian text, стр. 324, English translation, стр. 325.
[32] См. ниже, стр. 422.
[33] Джувейни, ук. соч., стр. 254.
[34] Там же, стр. 256.
[35] *Ҳашар* может означать и сбор ра'ийатов на принудительные работы.
[36] Очевидно, соучастие в торговых делах в разных местностях.
[37] Джувейни, ук. соч., стр. 261.
[38] Там же
[39] Там же.

Так обстояло дело с *қупчӯром* с оседлого населения до времени первого ильхана Хулагу-хана включительно. Какова же была практика его взимания при последующих ильханах, вплоть до Газан-хана? Из немногих обобщений источников можно заключить, что и тогда общий размер *қупчӯра* определялся для каждой местности, исходя из суммы казенных расходов, с последующей подушной разверсткой между жителями.

По рассказу Рашид ад-дина видно, что до вступления на престол Газан-хана сбор *қупчӯра* обычно отдавали на откуп (*муқӑта'э*). Откупщик нередко становился местным хакимом (правителем) и, располагая некоторым числом служилых людей, принимал на себя местные установленные расходы (*иҳрӑджӑт-и муқаррарӣ*) казны. Эти расходы, как и оплату ассигновок (*барāт*) на жалованью служилым людям и сверхсметные расходы (содержание гонцов и др.), *ҳӑким* обязан был производить из сумм собранного им *қупчӯра*. Исходя из требуемой суммы на расходы, откупщик устанавливал общую сумму *қупчӯра* и затем разверстывал ее (*қисмат кард*) подушно между жителями. Чем больше в местное казначейство предъявлялось баратов, чем больше выпадало сверхсметных расходов на гонцов, фураж для войска и т. д., тем выгоднее было *ҳакӑму*. Под предлогом того, что ранее собранных податных средств не хватало, *ҳакӑм* бесконечно увеличивал размер *қупчӯра* или собирал его несколько раз в течение года, обманывая при этом казну и чаще всего оставляя предъявленные ему к оплате бараты непогашенными.

Рашид ад-дин уверяет, быть может с преувеличением, что бывали *ҳакӑмы*, ежегодно взимавшие с ра'ийатов своего округа по 10 и по 30 *қупчӯров*, разверстывая каждый новый сбор между населением. При таких условиях и общая сумма *қупчӯра*, и доля, взимавшаяся с отдельного ра'ийата, оставалась крайне неопределенной и переменной величиной. Несомненно, разверстка производилась с делением ра'ийатов на имущественные разряды, но при этом открывался самый широкий простор для произвола откупщика и его агентов. Отсутствие твердых ставок *қупчӯра*, произвол и многократное взимание его и составляли главную тяжесть *қупчӯра* для населения и были причиной экономического разорения тех областей, в которых *қупчӯр* взимался.[40]

Из этого рассказа можно допустить, что *қупчӯр* оставался подушным налогом с весьма непостоянными и неопределенными ставками. Если бы *қупчӯр* стал податью, взимавшейся из доли урожая, то разверстка его была бы ненужна: доля каждого была бы установлена, как это и было с *ҳараджем*. Возможны были бы, конечно, злоупотребления сборщиков в определении размеров урожая и отчисляемой доли, но пропорция оставалась бы неизменной. Взимать одну и ту же долю урожая по 10—30 раз в году при этом было бы физически невозможно — для этого не хватило бы никакого урожая. Но физически возможно было взять с души вместо 1 динара 10 динаров и больше, хотя это и вело к разорению ра'ийатов.

Реформа Газан-хана сохранила взимание *қупчӯра* в некоторых из тех вилайетов, где он взимался раньше, но установила для него определенный порядок. Выписка баратов и повторное взимание *қупчӯра* теперь

[40] Джӑми' ат-таварӣх. Стамбульская рук., л. 621; Сб. летописей, т. III, стр. 248; Pur-i Baha's „Mongol Ode", стр. 194—197 (англ. перевод стр. 198—200), особенно стихи 2—17, 25, 32, 42—45.

строго преследовались.[41] Ярлык Газан-хана о порядке взимания податей не содержит указания на какие-либо твердые ставки *кунчӯра*, как и других податей.[42] Без сомнения, это объяснялось тем, что в разных вилайетах применялись различные ставки. Ярлык лишь указывает сроки уплаты *кунчӯра* — два раза в год, каждый раз половину, в течение 20 дней, начиная со дня Джалалова[43] нового года (солнечного)[44] и с 1 числа месяца мӣзӑн (знак зодиака весы).[45] В ряде вилайетов *кунчӯр* с оседлого населения был снят.[46]

При Газан-хане было приказано, „чтобы в каждую область отправился расторопный бӣтӣкчӣ (писец) и, исходя из прежних подушных списков (*шумӑрэ*), равномерно определил купчур, не стараясь умножить и сократить, а строил бы так, чтобы ра'ийаты благоденствовали и были довольны".[47] Из этого можно заключить, что и после реформы Газан-хана общая сумма *кунчӯра* для каждой области определялась на основе сметных или установленных казенных издержек (*ихрӑджӑт-и мукӑррӑрӣ*) и потом разверстывалась подушно на основе прежних подушных списков. Сумму эту не разрешалось ни уменьшать, ни увеличивать. Это можно понять так, что сохранялась общая сумма *кунчӯра*, соответствовавшая сметным или установленным расходам казны, но не разрешалось для оплаты сверхсметных расходов, баратов или произвольных поборов увеличивать эту общую сумму или, что то же самое, взимать *кунчӯр* повторно. В этом и заключалось важное новшество реформы Газан-хана.

Судя по приведенным выше сообщениям Джувейни и Рашид ад-дина, до Газан-хана *кунчӯр* взимался исключительно деньгами. Чтобы внести его, крестьяне должны были продавать зерно и прочую сельскохозяйственную продукцию, что в районах со слабо развитыми или неразвитыми товарными отношениями должно было быть очень тяжело для крестьян. В упомянутом ярлыке Газан-хана о порядке взимания податей подтверждено, что *кунчӯр* с оседлых жителей должен вноситься исключительно деньгами.[48] Другим указом было подтверждено, что те подати (среди них, очевидно, *кунчӯр*), которые следовало взимать в деньгах, и в тех местностях, где было постановлено взимать деньгами, не разрешалось сдавать в казну хотя бы на один динар натурой. Если бы кто-нибудь из ра'ийатов в таком случае привез для сдачи припасы, то его обязывали сперва свезти их на базар, продать и вырученные наличные деньги доставить в казну.[49]

После распада государства Хулагуидов источники больше не упоминают *кунчӯра* в числе податей, взимаемых с оседлого населения. Но, по-видимому, исчез из практики только термин *кунчӯр*, а не обозначаемая им подать, которая продолжала существовать и еще целые столетия лишь под другими названиями.

В документах XIV—XV вв. упоминается поголовный сбор (с мусульманского населения) под именем *сар-шумӑрэ*[50] или *сар-шумӑр*.[51] В имп

[41] Джами'ат-таварих. Стамбульская рук., лл. 625, 630; Сб. летописей, т. III, стр. 254—255.
[42] Джами'ат-таварих. Стамбульская рук., л. 631; Сб. летописей. т. III, стр. 260.
[43] Джалалова эра — эра, введенная при сельджукском султане Джалал ад-дине Мелик-шахе (1072—1092 гг.), основана была на солнечном календаре. Им пользовались при сельскохозяйственных работах.
[44] Солнечный иранский Новый год — Ноуруз — 21 марта (вначале 15 марта).
[45] 24 сентября.
[46] Мукӑтибӑт-и Рашӣдӣ, №№ 13, 22 (лахор. изд.), стр. 34, 121—122.
[47] Джами'ат-таварих. Стамбульская рук., л. 631; Сб. летописей, т. III, стр. 260.
[48] Джами'ат-таварих. Стамбульская рук., л. 631; Сб. летописей, т. III, стр. 260.
[49] Джами'ат-таварих. Стамб. рук., л. 630; Сб. летописей, т. III, стр. 254.

мунительной грамоте султана Я'куба Ак-Койунлу 893 г. х. (1488 г. н. э.) по поводу вакфных земель медресе Мансурийэ в Ширазе, находившихся в округах Шираз, Шебангарэ, Курбаль и Феса в области Фарс, упомянута в числе податей в диван, снимаемых с этих вакфных земель, подать под названием *шумӑрэ*[52] (букв. „исчисление", „перепись"). Вероятно, это та же самая подать. Более ясное указание мы находим в сойургальной грамоте сефевидского шаха Тахмаспа I (966 г. х.=1559 г. н. э.) по поводу земельных владений фамилии шейхов Захидиев, потомков шейха Захида. Здесь диванским чиновникам запрещено взимать на этих землях поголовную подать (*сарӑнэ*);[53] это, очевидно, то же самое, что *сар-шумӑрэ*. Итак, поголовный, или подушный, сбор, который не следует смешивать с *джизйэ* с немусульман, продолжал взиматься в Иране и в сопредельных странах и после падения монгольского владычества, хотя этот сбор находился в резком противоречии с принципом мусульманского права об обложении подушной податью одних лишь „неверных", но не мусульман. Сбор этот, введенный во время владычества монгольских ханов-язычников, потом, после принятия ими ислама, был удержан вместе с рядом других установлений чингисхановой Ясы, в сущности своей противоречивших мусульманскому праву. Поскольку при монгольских ханах подушная подать, как это видно из приведенных выше сообщений приписываемого Насир ад-дину Туси трактата о финансах[54] и из Джувейни, была известна под именем *кунчӯра*, позднее же это название исчезло, но продолжала местами взиматься аналогичная подать под новыми названиями *сар-шумӑрэ, сарӑнэ, ханэ-шумӑрэ* (подомовная, т. е. посемейная подать), не встречавшимися раньше, можно прийти к заключению, что она была продолжением *кунчӯра*, как подати с оседлого населения.

Как сказано, после монгольского завоевания при ханах-язычниках взимание *джизьи* прекратилось, вместо того стали взимать поголовную подать (*кунчӯр, сар-шумӑр*) со всех ра'ийатов вообще, независимо от религии. После принятия ильханской фамилией ислама при Газан-хане взимание *джизьи* с иноверцев было восстановлено (1295 г.). Но Газан-хан, хотя и ревностный мусульманин, нуждался в поддержке христианских (армянских и грузинских) феодалов, поскольку их ополчения оказывали большую помощь Хулагуидам в войне с мамлюками Египта за обладание Сирией и Палестиной.[55] Да и среди самой монгольской знати влияние христианского элемента (Иринчин и другие эмиры монгольского племени кераитов, как известно, исповедовавшего христианство несторианского толка еще с начала XI в.)[56] при дворе ильхана было еще зна-

[50] Дастур ал-катиб, л. 208б.
[51] В грамоте султана Хусейна Байкары (1469—1506 гг.) на имя поэта Джами. См.: А. А. Молчанов. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои. Сб. „Родоначальник узбекской литературы", Ташкент, 1940, стр. 159 (перс. текст).
[52] Хасан Фаса'и, Фӑрс-нӑмэ-йи Нӑсирӣ. Литогр. изд. перс. текста, ч. I, Тегеран, 1313/1295, стр. 81—83.
[53] Сильсилат ан-насаб-и Сафавийэ. Изд. „Ираншехр", Берлин, 1344/1925, стр. 104.
[54] Дастур ал-катиб, л. 225а.
[55] Как известно, среди мусульман война эта была непопулярна: султаны Египта приобрели репутацию защитников ислама, тогда как союзниками Хулагуидов в этой войне были крестоносцы Сирии, римские папы, Франция и другие христианские государства.
[56] Об эмире Иринчине, правнуке Ван-хана кераитского как о ревностном христианине см.: Histoire de Mar Yabalaha III, patriarche des Nestoriens, traduction français par J. B. Chabot. Paris, 1890, стр. 148, 178—179. Земельные владения эмира Иринчина находились в южном Азербайджане.

чительно. Видимо, в связи с этим *джизья* была вскоре снова отменена Газан-ханом (март 1296 г.) после ходатайства несторианского патриарха мар Ябалаха III.[57] Но при Ольджайту-хане *джизья* была еще раз восстановлена (1306 г.),[58] на этот раз уже окончательно. После подавления восстания эмиров Курмиши, Иринчина и других (1319 г.), в котором приняли участие кераитские эмиры, христианский элемент в среде монгольской знати утратил всякое значение, и об отмене *джизьи* уже не могло быть и речи. При Джелаиридах *джизья* с иноверцев (*ахл-и зиммэ* — зиммии) — христиан, евреев и зороастрийцев — продолжала взиматься. В сборнике „Дастур ал-катиб" мы находим некоторые подробности о порядке взимания ее.[59] Там, с ссылкой на „книги факихов" (*кутуб ал-фуқаха*), указывается, что *джизья* должна быть взимаема ежегодно один раз[60] и что с каждого зиммия следовало бы брать 1 динар, не больше и не меньше, но что имам[61] имеет право взыскать и лишнее взамен обязанности каждого зиммия в течение трех дней принимать у себя в доме (*ханэ*) путешествующего мусульманина, приготовляя для него пищу (*та'ам*), хлеб (*нан*), помещение (*манзиль*) и фураж для верховых и вьючных животных (*'алаф-и дават*).[62]

Там же в виде образца приведена копия указа о назначении шейх ал-ислама Садр ад-дина мутасаррифом для взимания *джизьи* с зимиев вилайета Салмас.[63] Мутасарриф должен был через своих доверенных лиц (му'тамидан) из года в год взимать с зиммиев *джизью* следующим образом: „с богатого — 8 динаров, с [человека] среднего состояния — 6 динаров, с беднейшего — 4 динара, а больше того пусть с них не требуют".[64] Мутасарриф должен был „охранять" зиммиев и не позволять, „дабы от кого-либо им учинено было насилие и излишество".[65] В случае каких-либо обид и незаконных поборов со стороны других властей зиммии должны были жаловаться тому же мутасаррифу.[66] Из этого указа видно, что *джизья* в XIV в. взималась деньгами, с градациями в зависимости от имущественного положения зиммиев, как и во времена халифата.

Восстановление взимания *джизьи* с зиммиев при Ольджайту-хане отнюдь не означало отмены *сарана* — поголовной подати со всех ра'ийатов, включая и мусульман, которая, как сказано, продолжала существовать еще при Сефевидах. Зиммии, таким образом, должны были платить два вида поголовной подати — общую (*сарана*) и специальную для иноверцев — *джизью*.

---

[57] Histoire de Mar Yabalaha III, стр. 115—116.
[58] Там же, стр. 149.
[59] Дастур ал-катиб, лл. 219б — 220а.
[60] Там же, л. 219б.
[61] В данном значении — глава мусульманского государства, т. е. джелаиридский султан.
[62] Дастур ал-катиб, л. 219б.
[63] Там же, л. 220а: جماعت اهل ذمّه سلماس از يهود و نصارى و ارامنه [Общины зиммиев Салмаса, (состоящие) из иудеев, христиан и армян (sic)]. В округе Салмаса были последователи двух христианских церквей — армянской монофизитской и сирийской несторианской (айсоры). Последние были сплошь крестьянами.
[64] Там же, л. 220а: از متموّل هشت دينار از متوسّط حال شش دينار و از اقلّ الحال چهار دينار و زيادت ازين با ايشان خطابى نكنند.
[65] Там же: نگذارند كه از هيچ آفريده بر ايشان زور و زيادتى رود.
[66] Там же.

Н. В. Пигулевская

„ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОРОТА" АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Повторные, тяжкие вторжения гуннов и других кочевых народов в области Кавказа и Передней Азии вновь оживили древнюю легенду о построенных македонским царем „железных воротах". Образ великого завоевателя казался наиболее подходящим, чтобы устрашить врагов. Построенные им якобы ворота, которыми он „запер варваров", преградив им путь, называли Каспийскими и первоначально относили к горному ущелью, на юго-восток от нынешнего Тегерана. Это Фируз-Кух, или Сидара, проход между Мидией и Парфией, известный и Плинию Старшему. Со времени походов Карбулона в 57—67 гг. н. э. Каспийскими воротами стали называть Дарьяльское ущелье в центральной части Кавказского хребта. Таково представление ряда латинских и греческих авторов. В дальнейшем сказания об Александре связали с его именем Дербентское ущелье.[1] Как ни многочисленны сообщения о „железных воротах", их описание нигде не сохранилось, за исключением двух сирийских источников, которые дают размеры ворот и их составных частей и даже называют металл, из которых они были выкованы. Совершенно очевидно, и это особенно ценно, что подробности, сообщаемые ими, взяты из жизни, они передают представление о существовавших в то время крепостных и заградительных сооружениях, которые воздвигали в ущельях и горных проходах. Сохранились два сирийских источника — „Христианская сирийская легенда об Александре", составленная после 623/24 и до 628/29 г. н. э., и стихотворная гомилия о македонском царе, ложно приписываемая Иакову Серугскому, умершему в 521 г., на самом же деле написанная между 628 и 637 гг. н. э.[2] „Легенда" послужила первоначальным источником стихотворения и подверглась поэтической обработке.

---

[1] A. R. Anderson. 1) Alexander at the Caspian Gates. Amer. Phil. Ass. Transactions, t. LIX, 1928, стр. 130—163; 2) Alexander's Gate, Gog and Magog and the Inclosed nations. Cambridge, Massashusetts, 1932, стр. VII, 15.

[2] The history of Alexander the Great, edited by E. A. Wallis Budge. Cambridge, 1889, стр. 255—275 (см. русск. перевод: Н. Пигулевская. Сирийская легенда об Александре Македонском. Палестинский сборник, № 3, стр. 75—97); C. Hunnius. Das syrische Alexanderlied. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Bd. 60, 1906, стр. 169—209, 558—589, 802—821 (датировка на стр. 171).

Приведем русский перевод строк легенды, в которых говорится о материале и размерах построенных Александром ворот.

„(267) Сказал Александр своим войскам: «Желаете ли вы сделать что-либо удивительное в этой земле?». Они ответили ему: «Как прикажет твое величество». Сказал царь: «Сделаем железные ворота и запрем это ущелье». Его войска сказали: «Мы сделаем по приказу твоего величества». Александр приказал, и пришло три тысячи кузнецов, работников по железу, и три тысячи мужей, работников по меди, они расплавили медь и железо и приготовили их, как муж, изготовляющий глину, доставили и сделали ворота. Длина их двенадцать локтей, а шириной в восемь локтей (ܐܡܝܢ). Был устроен нижний порог от горы до горы протяжением двенадцать локтей, вделан в скалы горы и выкован из меди и железа. Высота нижнего порога три локтя. Была устроена верхняя скоба от горы до горы в двенадцать локтей и вделана в скалу горы, к ней были выкованы два железных болта, каждый болт в двенадцать (локтей). Болты входили в скалу по два локтя (длиной). Было сделано два (268) железных болта от края и до края ворот, и были вделаны головки затворов в скалы. Были установлены ворота и затворы, вколочены железные гвозди и забиты один за другим, так что, если и придут гунны, прорубят скалу под железным порогом, то пройдут пешие мужи, а лошадь с всадником не сможет пройти, пока ворота запертые затворами будут стоять. Был доставлен и выкован нижний порог и петли для ворот, и повесили на них железные болты, где они (ворота) вращались в сторону, как ворота Шушан Бармедайской. Доставили и смешали мужи железо с медью и сгладили (= отполировали) ворота и устои один за другим, подобно мужу, формующему глину. Был сделан железный запор в скале, и был выкован железный ключ в двенадцать локтей, повернули его в медном замке, так он висел и оставался“.

О местонахождении ворот, воздвигнутых Александром по „Сирийской легенде“, было высказано одно правильное соображение. В этой легенде говорится о посещении Александром истоков Тигра, у Халура, и реки Каллафа (Батман-Су). Узкое ущелье, которое ведет к Халуру, соответствует κλεισοῦρα Ἰλλύρισις, известной Прокопию. Вблизи грота, из которого выбивается „Деклат (Тигр), как поток вращающий мельницу“, Ибн Хаукаль называет „замок двурогого“ (حصن ذى القرنين). „Двурогий“ — известное и широко распространенное прозвание Александра Македонского в арабской литературе, начиная с Корана. Об этом замке писали Якут и Масуди. Развалины его укреплений были известны путешественникам и в конце XIX в.[3] Возможно, что автор сирийской легенды имел в виду сооружения в этой клейсуре, находящейся на относительно близком расстоянии от Амида, у истоков Тигра.

В представлении автора „Сирийской легенды“ ворота Александра были выкованы из сплава „меди и железа“, которые были „приготовлены и смешаны“ подобно тому, как это делает „муж, изготовляющий глину“.[4]

Характерное это выражение дважды встречается в приведенном тексте, как в нем дважды упоминается о том, что были выкованы

[3] Marquart. Südarmenien und die Tigrisquellen. Wien, 1930, стр. 58—60.
[4] The history of Alexander the Great, стр. 267.

нижний порог, болты и повешен замок. Совершенно очевидно, что составитель „Сирийской легенды“ располагал двумя источниками, из которых помещенный им в текст первым содержал цифровые данные о воротах, а второй источник, начинающийся словами „Был доставлен и выкован нижний порог...“, не содержал цифр. Единственная цифра во втором источнике совершенно фантастическая и попала в него, по-видимому, под влиянием текста первого источника, а именно „железный ключ в двенадцать локтей“.

Как первый, так и второй источник, в том виде как они сохранились в „Сирийской легенде“, не во всех своих частях дают ясный смысл. Во всяком случае оба источника называют металлы, которые послужили материалом для изготовления сооружения, — это железо и медь, сплавом которых является бронза. Оба источника согласно указывают, что ворота имели верхнюю скобу и нижний порог, которые были выкованы и вделаны в скалу, что и придавало им особую крепость.

Первый источник, содержащий цифровые данные, считает, что расстояние „от горы до горы“, где были выстроены ворота, составляло двенадцать локтей. Два болта, которые замыкали ворота, были вделаны в скалу так, что уходили в нее на два локтя. Ширина ворот составляла восемь локтей.

Локоть (πῆχυς), известная с древнейших времен мер длины, применялась в Египте, в Вавилоне, в Греции и Риме. Длина локтя колебалась, в зависимости от чего его называли „длинным“, „царским“ и т. д. Так называемый „царский египетский локоть“ составлял от 52.5 до 52.7 см, что соответствует и „вавилонскому локтю“.[5] Эта последняя мера сохранялась и в Сирии. В таком случае длина ворот должна была составлять 6 м 24 см, а ширина 4 м 16 см. Не довольствуясь такими для своего времени большими размерами сооружения, автор сирийского стихотворения повторяет то же число двенадцать для размера ворот, но называет меру не просто „локтем“, а „гигантским локтем“ (ܐܡܝܢ ܒܪ ܓܕܒܪܐ). Различие величины этой меры длины позволяли такого рода определения,[6] но едва ли в них вкладывалась какая-нибудь определенная мера. Очевидно, лишь стремление этого источника увеличить размеры данного сооружения и воздействовать на воображение читателя.

Размеры нижнего порога даны в три локтя высоты, а в стихотворении — в четыре локтя. Эта высота в полтора, два метра возможно и не соответствовала действительности, но, очевидно, что порог был очень высоким, даже растворив или разбив ворота, перейти его было очень затруднительно. Таким же препятствием должны были служить гвозди, вколоченные „один за другим“ после того, как ворота были поставлены и заперты. Забитые гвозди специально препятствовали проезду на конях этим путем.: „... если и прибудут гунны, прорубят скалу под железным порогом, то пройдут пешие мужи, а лошадь с всадником не сможет пройти, пока ворота запертые затвором будут стоять“. Вколоченные гвозди придавали еще больше крепости воротам. Интересна и другая подробность: ворота были заперты засовами, а на них был повешен замок.

[5] F. Hultsch. Griechische und römische Metrologie. 2-te Bearbeitung, Berlin, 1882, стр. 355, 389, 582.
[6] Das syrische Alexanderlied. Ed. C. Hunnius, стр. 564.

Сообщая о том, что ворота вращались или поворачивались в петлях, „Сирийская легенда“ сравнивает их с воротами „Шушан Бармедайской“. Издатель сирийского текста предлагает читать последнее слово не как dbarmedaia, а dbirta, т. е. „крепости Шушан“. Во всяком случае автор или его источник пытался сравнивать эти ворота с воротами хорошо известной постройки.

Стихотворная сирийская гомилия дополняет представление о воротах некоторыми подробностями, дает как бы вариации на тему, развитую легендой.

„Железные ворота“, будто бы воздвигнутые Македонским царем, были для описавшего их реальностью. Укрепления и замки, построенные сасанидскими шахами, в частности Кавадом и Хосровом, были хорошо известны, и более чем вероятно, что в основном и размеры ворот, приводимые в легенде, соответствовали действительно существовавшим сооружениям. Стремление придать особую силу защите, ужас перед повторными нашествиями гуннов, военный престиж великого завоевателя древности — все это сплеталось в сирийских легендарных сказаниях, надолго определивших романы об Александре, созданные в средние века на Востоке.

Я. Рипка

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ФИРДАУСИ[1]

Настоящая тема была выбрана не случайно. С академиком Иосифом Абгаровичем Орбели я познакомился лично в 1934 г. в связи с торжествами, посвященными Фирдауси, а последующие наши встречи все укрепляли возникшие с тех пор уважение и дружбу. Естественно, что я захотел тоже внести свою лепту в чествование его юбилея. Этюд о Фирдауси показался мне особенно подходящим, чтобы пробудить воспоминания о прекрасных днях в Тегеране.

I

Известно, что риторическая техника принадлежит к абсолютно необходимому оснащению любого новоперсидского стихотворения. Эта внутренняя форма так же необходима, как мысль. Подобно тому как смысл должен быть отточен до возможных пределов, представления и их словесная оболочка подлежит в каждом стихе осмотрительному отбору для того, чтобы они по возможности вступали во взаимные отношения, неважно — в соответствии с содержанием или без такого. Это — закон двойного подчеркивания. В предлагаемой статье берется только формальная, риторическая сторона. О совершенно необычных для нас размерах роли формального момента говорит, между прочим, то обстоятельство, что в развитии новоперсидской классики до середины XVIII в. риторическая оболочка непрерывно разрасталась, естественно, в ущерб самой мысли.

Некоторый артизм наличествовал, правда, и с самого начала, но он держался в таких скромных пропорциях, что для западного читателя едва ли заметно, как велико искусство, скрытое в каждом стихе. Нас обманывает здесь простота старых мастеров. Этот аспект представлен и в „Шах-намэ“ Фирдауси. Мне неизвестно, чтобы этот вопрос как-либо затрагивался в специальной литературе. Даже такой ученый, как Нельдеке, в своей образцовой монографии касается только нескольких, совершенно очевидных примеров tajnīs'a и šibh-i ištiqāq.[x] Он называет их

[1] Настоящая статья академика Чехословацкой Академии наук Яна Рипки публикуется в переводе с немецкого, выполненном канд. филол. наук С. Н. Соколовым. В статье несколько изменена, в соответствии с обычной у нас нормой, транскрипция оригинала: вместо gh, ḫ, j, ǧ, w употреблены соответственно γ, x, y, ǰ, v. Долготы обозначены вместо знака акцента надстрочной чертой. Конечное *e* слов на hā-i havaz передано через *a*.

просто „игрой слов“, не употребляя национальной номенклатуры,[2] и предваряет замечанием, что они никак не составляют существенного элемента стиля нашего поэта, что, конечно, соответствует действительности в отношении приведенных им образцов, но отнюдь не больше того. В порядке приложения, но несколько подробнее, говорится об аллитерации. Объединение четырех элементов или четырех качеств он воспринимает как проявление школьной учености,[3] не отдавая, вероятно, себе отчета в крайне широком распространении, которое имеет tanāsub. Попутно кратко упоминаются символические выражения, как „мускус“ вместо „черные волосы“ и т. п.[4] Особое внимание он уделяет „сильным гиперболам“.[5] И в общих чертах это, пожалуй, все, что можно прочитать у Нельдеке о риторическом фонде Фирдауси.

В дальнейшем предстоит показать, что формальное искусство поэта идет гораздо дальше, другими словами — внешне весьма непритязательное эпическое повествование не составляет исключения из современной Фирдауси лирики. Конечно, его поэтическая сила и простота мастера скрывают это в целом. В этом он не одинок, потому что так же обстоит дело у Саʿди и Маулави, если отвлечься от сдвигов, насильственно внесенных двумя столетиями. Оба повергают нас в изумление своей простотой, при утонченности первого и при известном факте, что второй диктовал свое Маснави по памяти. Какое нужно умение, чтобы вся эта. непритязательность и простота оказывались только видимыми, тогда как на самом деле каждый из их стихов без исключения полон искусной изощренности!

Еще несколько предварительных замечаний. В последующем я буду говорить не о всех риторических приемах, а лишь о тех, которые встречаются наиболее часто и ощущаются наиболее легко. Это определено для меня прежде всего тем соображением, что задача полного охвата завела бы слишком далеко: выступили бы многочисленные схоластические подводные камни там, где правильное разграничение оказывается весьма трудным. Однако я надеюсь, даже в таких суженных рамках, дать хоть какое-то представление о Фирдауси, достаточно незнакомом нам в этом свете, и помочь этим дальнейшему проникновению в его творчество.

Вот перечень технических терминов, употребленных в собственно анализе, за исключением единичных случаев, на которые будет указываться по мере надобности в дальнейшем: tanāsub (равнозначно murāʿāti naẓīr) ʿсобирание однородных представлений или понятий в одном и том же двустишии, реже — как и в случае всех остальных фигур — в двух соседних стихах’ (исключения: 28—9, 32—3, 38—9, 49—50);[6] īhām-i tanāsub ʿамфибологическое согласование’, состоящее в двойном смысле одного или нескольких выражений внутри tanāsub’a; taḍādd ʿантитеза’; laff u našr ʿсвертывание и развертывание’ (4, 51?, 52); raddu-l-ʿajz ʿalā-ṣ-ṣadr ʿэпанадиплос’ (o.../... o:3, 36, 45), включающий эпифору, т. е. radīf ʿрефрен’, который я и не выделяю, делая это, однако, по отношению к анафоре (16?, 28, 48); qiṭāru-l-baʾīrain ʿэпанастрофа’ (...o/o...: 42, 45); iltizām (или luzūm) ʿповторение одного и того же

[2] Th. Nöldeke. Das iranische Nationalepos. Grundriss der iranischen Philologie, Bd. II, Strassburg, 1896—1904, стр. 185, § 49.
[3] Там же, стр. 182, § 45.
[4] Там же, стр. 184, § 48.
[5] Там же, стр. 181, § 44.
[6] Цифры в скобках означают строки отрывка из „Шах-намэ“ (см. прим. 8).

выражения в нескольких или многих следующих друг за другом стихах’ (16—18, 31—34); tajnīs ʿомонимия’ в различных разновидностях, в дальнейшем различении которых здесь нет нужды (в рифме не учитываются вовсе); ištiqāq ʿпарономасия’, или ʿсоединение родственных по корню слов’ (15, 36) и šibh-i ištiqāq, если производность одного слова от другого только кажущаяся; эпаналепсис: 1) takrār ʿпростое повторение’ (38, 42, 48, 63), 2) tardīd ʿповторение с дифференциацией значения’ (6); ʿаллитерация’ (21, 27, 46).[7]

Сравнения, образы и тропы, включая символы, я вовсе оставляю в стороне. Иногда выявляемый прием может показаться несколько дешевым, как в случаях амфибологий ān 1) ʿтот’, 2) ʿмиг, время’ (ср. ниже, к ст. 7), 3) ʿпривлекательность’ (ср. ниже, к ст. 59) или bar 1) ʿна’, 2) ʿгрудь’ (ср. ниже, к ст. 8), 3) bar(r) ар. ʿсуша’ (ср. ниже, к ст. 35, 40, 63). Однако обилие примеров лишний раз убеждает меня, что сделанные наблюдения не являются фантазией, а отражают нечто, задуманное поэтом. Конечно, время от времени появляется опасность проявить излишнюю проницательность или, наоборот, что-либо упустить. Но здесь в любом случае дело может идти лишь о мелочах. Перечитывание нередко выявляет новые детали и заставляет нас снова и снова восхищаться силой изобретательности поэта.

Кто бы не занялся дальнейшим продолжением этих штудий, перед ним встанет задача выяснить, в какой мере риторические украшения могут представить ценность для критики текста (ср. ниже, к стр. 19). У Низами и других этот момент имеет иногда решающее значение. Необходимой предпосылкой выбора отрывка для моих изысканий была его возможно бóльшая общеизвестность, чтобы не было необходимости перепечатывать его здесь. Самым подходящим в этом отношении показался мне отрывок из хрестоматии Залемана и Жуковского.[8]

Впрочем, любой образчик привел бы всегда к тем же самым результатам. Из общего правила, что для каждого стиха в дополнение к закругленности смыслового содержания требуется тонкая и точная риторическая отчеканенность, Фирдауси не составляет исключения.

II

1) kunūn, bāstān/pur, yakī (ср. 22)/dāstān, gufta/bāstān как будто бы > bastan > bi-paivandam: „šibh-i ištiqāq“.

2) nigāh (~ numūd), gūš (чувства), pisar (ср. 3) ~ bāzī → sām(m) ар. ʿрод ящерицы’, → bāz ʿсокол’ (сомнительно!).

3) Sām, farzand (ср. 2); dil, dil-ārām/juyā ʿстремящийся’, × dil-ārām ʿуспокаивающий сердце’/īč ʿникакой’, ʿничто’, → mar ʿчисло’ (ср. 9)/būd × nabūd, возможно, некоторый род „radd...“.[9]

[7] Знаки, сокращения и т. п.: tanāsub обозначается запятой между сопоставляемыми словами, иногда ~, если вводимое этим знаком слово соотносится только с последним членом непосредственно предшествующего ряда tanāsub’a: особенно частый случай той же фигуры представляет сопоставление категорий времени и пространства: в. и п.; īhām-i tanāsub: →; антитеза: ×. Сокращения указываются при помощи... Перевод выражений, употребленных в прямом смысле, обычно не дается, кроме случаев амфибологических значений, указанных знаком →. *Маджхульные* гласные я счел возможным не принимать во внимание.

[8] C. Salemann und V. Shukovski. Persische Grammatik, 4 Auflage, Leipzig, 1947, Chrestomathie, стр. 17—23 (соответствует стр. 131 сл., строки 46—110 I тома тегеранского издания 1313 г. солнечной хиджры).

[9] Ср.: Garcin de Tassy. Rhétorique et prosodie des langues de l'Orient musulman. Paris, 1873, стр. 144.

4) nigārī 'красавица': rux, mūy; šabistān / nigārī: rux, gul-barg 'красный' × šabistān: mušk-mūy 'черный' — laff u našr.

5) māh, xʷaršīd; māh 'красавица', xʷaršīd-čihra; → māh 'месяц', barūmand 'беременная' (см. bār в следующем стихе!), farzand / māh 'месяц', ān ар. 'миг', 'время'.

6) bār дважды: tardīd (одновременно qitār...) 'плод', 'зародыш' ~ tan; bār-i girān 'тяжелое бремя' /Sām-i Narīmān (nar 'мужчина'!), tan.

7) xʷaršīd, gītī 'как тела вселенной' (ср. 46, 52); gītī # rūz, xʷaršīd, → ān, ар. 'миг', 'время' (часто!): в. и п.

8) čihra, mūy, → bar 'тело', 'грудь' (очень часто!) / čihra, šīd (ср. 5) / hama × → sān 'часть' / nikū, sipīd (как bad, siyāh).

9) mādar, pisar, zād; Sām / yak, hafta (> haft) → mar 'число' (ср. 3).

10) šabistān ('место'; šab 'время'), pīš ('место' или 'время'), → ān ар. (как 7): в. и п. / pahlavān > pahlū ~ pīš: и то и другое в пространственном значении / pahlavān × xurd kūdak / hama × xurd 'мало' (= kam).

11) kasī, Sām, yal, farzand ~ juft / yal, yārastan 'отваживаться' / farzand-i pīr: оксиморон.

12) dāya → šīr 'молоко' / šīr 'лев', pahlavān, dilīr / dilir, pahlavān > pahlū 'бок' (часть тела), → bar (как 8).

13) mužda, zabān, āfarīn, yād / farzand: zabān, → bar (как 8).

14) Sām-i yal: dil → bar (как 8); bad-sigālān / farxunda × bad-sigālān / rūz, → bād 'ветер' (явления природы).

15) xudā, ǰān 'душа' / xudā, → dād 'справедливость; ba-d-in > dīn 'религия' / mī-xʷāstī, xʷāhiš: „ištiqāq".

16) pas-i parda, pāk pūr: аллитерация / pas (в пространственном или временном значении), māh 'месяц' # parda 'женский покой' в. и п. / parda 'завеса', māh-rūy / pūr, rūy / yakī 166 и 17a: анафора?

16—18) yak (ī): iltizām.

17) bačča, kūdakī / pahlavān, šīr-dil, čīr-dil.

18) tan, andām 'тело', 'член', rux → bar (как 8), bar-ū > ba-rū 'на лице' (ср. 59), → bīnī 'нос' / bihišt × zišt.

19) āhū, mūy / āhū, → baxš 'рыба' доказывает при 20 baxšiš правильность варианта baxš (вместо baxtat ayā) / побочный смысл первого полустишия: „волосы его, строго говоря, лишены изъяна": „muḥtamilu-z-zidain".[10]

20) ǰān, dil / nā-spās, baxšiš 'щедрость'.

21) furūd āmad, dar āmad; sūy; suvār / Sām-i suvār: аллитерация / naubahār 'весна' # parda 'женский покой': в. и п. / taxt, parda 'занавес' (предметы обстановки).

22) pīr-sar pūr-i pur-maya: аллитерация (pīr, pūr, pur): различные виды taǰnīs'a / pīr × pūr; kas, sar; dīd (× na-dīd), šanīd (чувства) / yakī, pur (ср. 1).

23) barf 'белый', surx / andām, mūy, rux.

24) farzand, mūy, yak-sara, dīd / ǰahān × yak / ǰahān, yak-sara 'все' / dīd в соединении с sipīd, вероятно, намекает на čašm-i sipīd 'слепой'.

25) sar, pay 'нога' ~ rāh.

26) āsmān, āfarīnanda / sar, → bar (как 8)? pay(gār) (как 25) / sūy, rāst (направление).

27) kažžī и kāstī: аллитерация × bihī / bartar, fizāyad.

[10] F. Rückert. Grammatik, Poetik und Rhetorik der Perser, Neu herausgegeben von W. Pertsch, Gotha, 1874, стр. 285; Garcin de Tassy, ук. соч., стр. 113.

28) agar, va-gar: анафора / gunāhī girān: аллитерация / gunāh, Ahrīman × kīš.

29) pūziš, bi-baxšāyad; kirdgār ~ ǰahān / kirdgār, nihān × ǰahān / pūziš[11], kirdgār[2] × 28 gunāh[1], Ahrīman[2].

30) tan, ǰān, xūn / xūn (красный), tīra 'черный' / bi-ǰūšad, garm.

31—34) bačča: „iltizām".

31) Ahrīman, siyāh × saman / bačča: — čašm, mūy.

32) gardan, bī-bīnand / > čašm / ~ nišān 'знак'.

32—33) pursand, gūyam.

33) dīv, parī, palang / palang-i du-rang: „muzdawaǰ",[11] „taǰāhul-i 'ārif" 'притворство знающего незнающим'.[12]

34) āškār u nihān / mihān, nihān: „taǰnīs" / mihān, bačča (живые существа) → bar (8).

35) īrān-zamīn, būm u barr / bar(r), bar „taǰnīs" / nang × āfarīn.

36) guft, guft-gūy: „ištiqāq" и „radd...".

37) pas → ān 'миг' (как 7) # būm u bar, dūr: в. и п. / bar dāštand × bu-gdāštand.

38) kūh, Alburz-kūh // k̄ūh дважды: „takrār" / nazdīk u dūr / yakī × gurūh.

38—39) yakī, sīmurγ.

39) lāna, xāna: „taǰnīs", ǰāy # → ān (как 7): в. и п. / sīmurγ, xalq.

40) rūzgār # kūh в. и п. / bar āmad × gaštand bāz.

41) rang, sipīd[1] × siyāh[2]: bī-gunāh (gunāh[2]).

42) pidar, parvardagār 'кормилец', mihr / mihr × xʷar / bi-fkand дважды, „takrār", одновременно некоторая разновидность qitār'a, второй раз × bar dāšt.

43) šīr 'лев', šīr 'молоко': „taǰnīs" / māda, bačča, šīr → bar (8).

44) xūn, dil, sar, → bar (8) / man × tu-rā.

45) dilī, dilam: qiṭār... „zinda / tu, man / bu-gsilad, bu-gsilī: „radd...".

46) dad u dām: аллитерация; bačča, ādamī, rūy 'лицо', → bar (8) / zamī, → bar(r) ар. 'суша' / zamī, → mihr 'солнце' (ср. 7).

47) šab u rūz, → ān (как 7) # ǰāygāh: в. и п.

48) zamānī дважды, „takrār" и анафора / sar-angušt, своего рода параллелизм.

49) sīmurγ, parvāz, buland šud / sīmurγ, bačča, → bar (8) / buna × buland, → bar 'высота'.

49—50) sīmurγ, yakī.

50) zamīn, daryā / šīr-xʷāra xurušanda звукоизобразительный прием.

51) xārā, xāk / tan, lab / gahvāra, dāya, šīr / xārā[1], gahvāra[2], dāya[3], xāk[4]; tan[1], ǰāma[2], lab[3], šīr[4]: „laff u našr"?

52) xāk, xʷaršīd (ср. 7, 46) / xʷaršīd, buland, sar → bar (8) / ba-gird andaraš[1], tīra xāk[2], ba-sar bar-š[1], xʷaršīd[2]: „laff u našr".

53) mām u bāb / sāya, āftāb.

54) sīmurγ, → bar (8), čang ~ bar girift / furūd, sang # → ān ар. (как 7): в. и п. / furūd вниз × abr (высокое).

55) Alburz-kūh, dar ānǰā, kunām # (damān 'поспешно' >) → dam 'миг' + → ān ар. (как 5), → ān ар.: в. и п. / gurūh × tā 'штука'.

56) baččagān, nāla-i zār, nigaridan (ср. 58) sūy → su тюрк. 'вода' nāla-i zār в смысле 'плач', 'слезы' (?)

[11] F. Rückert, ук. соч., стр. 129.

[12] Там же, стр. 305; Garcin de Tassy, ук. соч., стр. 114.

57) Yazdān, nikī-dihiš, yakī, → bi-baxšūd ‘прощать’, būdanī > būdan ‘быть’ par exellence, baviš, ‘божеский совет’ / būdanī, baviš: „šibh-i ištiqāq“.

58) sīmurγ, baččagān ~ xurd; nigāh kard (ср. 56), dīda; xūn, → bar (8) / Sīmurγ, du.

59) šigifti ‘изумленный’, xīra / čihr, → bar (8), → bar-ū > ba-rū ‘на лицо’ (ср. 18) xūb, → ān ‘привлекательность’; mihr.

60) šikār, → šīr ‘лев’ / šīr ‘молоко’, xūn, → bar (8).

61) rūzgār ⌗ ānjā: в. и п. / -rūz̄, raz̄: „tajnīs“ / kūdak, → bar (8), → gūna ‘щека’ / kūdak × dirāz (?) ba-d-īn, ān.

62) xurd × pur-, kūh / kārvān, pur-māya / kūh ⌗ ān ар. (как 7) дважды, ču ‘когда’.

63) yakī дважды: „takrār“ / sarv, γarv, → bar(r) ар. ‘суша’ ~ kūh / mard, → zād 3л. перф. от zādan, miyān, → bar (8).

64) bad u nīk / nišān × nihān / parāganda, na-mānd / jihān ⌗ hargiz: в. и п.

65) rasīd, → — pay ‘нога’ / Sām-i Narīmān (ср. 6), pūr / Sām-i Narīmān, bā-farruhī ‘могучий’.

М. Б. Руденко

К ВОПРОСУ О КУРДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Курды — один из древнейших народов Ближнего Востока, несомненно, имевшие свою самобытную богатую культуру. К сожалению, дошедшие до нас сведения о культуре и письменной литературе курдов очень немногочисленны и до настоящего времени не собраны и не систематизированы.

Памятники курдской литературы не были известны до прошлого века. Такое положение приводило к тому, что некоторые ученые (Э. Катремер, Т. Нёльдеке, Г. Р. Драйвер), не зная о существовании этих памятников, считали курдов народом бесписьменным, неспособным к созданию своей литературы.[1] Более того, они отрицали наличие всякой культуры у курдов. Вместе с тем к этому же времени рядом других крупных ученых (М. Хартманн, В. Диттель А. Д. Жаба, П. И. Лерх, Р. Леско, Е. Б. Сон, А. Лекок и др.) были обнаружены письменные памятники курдской литературы. Предварительное исследование этих памятников дало им возможность утверждать, что курдский народ — создатель оригинальной самобытной национальной литературы.

К сожалению, первое мнение настолько утвердилось и распространилось, что некоторые ученые разделяют его и до сих пор.[2]

В настоящее время ни для кого не составляет сомнения, что курды имеют свою богатую и интересную национальную литературу со своими традициями и особенностями.

Дошедшая до нас письменная литература курдов представлена на трех диалектах: курманджи,[3] мукри и гурани.[4]

---

[1] Driver. The Studies in Kurdish history. Bull. of School of Oriental Studies, II, 1922, стр. 503—504.

[2] А. С. Чикобава. Введение в языкознание, ч. I. М., 1953, стр. 203.

[3] Северный диалект курдского языка, наиболее распространенный среди курдов; большинство выдающихся курдских поэтов раннего и позднего средневековья писали на этом диалекте. Сфера распространения этого диалекта — территория юго-восточной Турции и северного Ирака.

[4] Гурани и мукри — южные диалекты курдского языка. Гурани — большое племя, населяющее районы западного Ирана (пограничные районы с Луристаном). Расцвет гуранской литературы падает на XVII—XVIII вв. См.: E. Soane. 1) A short anthology of Guran Poetry. JRAS, 1921, стр. 57—81; 2) To Messopotamia and Kurdistan in disguise. London, 1926, стр. 391; 3) Ch. Rieu. Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum, t. II, London, 1881, стр. 728—734.

По мнению персидского ученого Р. Ясеми,[5] самый ранний из дошедших до нас письменных памятников на курдском языке относится к VII в. Это несколько стихотворных строк неизвестного автора, рисующих бедственную картину последствий арабского завоевания. Стихотворение это написано среднеперсидским шрифтом (арамейский шрифт с идеограммами) на куске кожи, найденном в Сулеймание:[6]

هرمزگان رمان آتران کژان
ویشان شاردوه گورهٔ گوران
زورکار ارب کردنه خاپور
گنای پاڵه هتا شاره‌زور
شنو و کنیکان و دیل به شینا
میری د آزا تلی د روی هوینا
روشت زردشتره مانوه بیکس
بزیکا نیکا هورمز و هیوچکس

Храмы разрушены, огни погашены,
Великие из великих — спрятались.
Угнетатели-арабы разрушили
Крестьянские деревни до Шахрезура.
Женщины и девушки попали в плен,
Храбрые мужи лежат в крови.
Вера Зардушта осталась покинутой,
Ахурамазда никому не делает добра.

Диалект этого поэтического отрывка, судя по засвидетельствованным в нем грамматическим формам (شاردوه ، مانوه), по-видимому, ближе всего к мукринскому (южному) диалекту курдского языка.

Первый курдский поэт, ставший нам известным по имени Пире Шариар (Пире Шалиар), жил в X в. Это своего рода курдский Мулла Наср эд-Дин, автор многочисленных четверостиший и изречений, вошедших у курдов в пословицы, в поговорки:[7]

داران گیان دارن جرگ و دل برگن
گائی پر برگن گائی بی برگن
گرگ جه هیلین هیلین جه گرگن
رواس جه رواس ورگن جه ورگن

У деревьев есть душа, а печень и сердце их — листья,
Иногда листья на деревьях есть, иногда же — нет,
Птица — из яйца, а яйцо — от птицы,
От лисы происходит лиса и от волка — волк.

Судя по этому отрывку, Пире Шариар писал на гуранском диалекте курдского языка. На этом же диалекте создавал свои стихотворения Абду-л-Кадыр Гилани по прозвищу Пире Шариаре Сани (Пире Шариар Второй) и известный поэт Баба Тахир Хамадани (X в.)

Первым автором, писавшим на диалекте курманджи, был, по дошедшим до нас данным, Али Теремахи (X—XI вв.). Биографические сведе-

[5] تهران یاسمی رشید کرد و پیوستگی ژاد او 1946, стр. 119.

[6] К сожалению, Р. Ясеми приводит эти строки только в арабской графике.

[7] یاسمی, ук. соч., стр. 120—121.

ния о нем очень немногочисленны. Из них мы узнаем, что он родился в деревне Теремах (Турция). За свою жизнь он объездил множество городов Турции и Ирака (Багдад, Мосул, Бахдинан, Соран), где овладел основами ряда наук. Особенное внимание уделял он изучению грамматики.

Али Теремахи — автор первого трактата по грамматике на курдском языке.[8] Кроме того, его перу принадлежат поэмы: „قول یگانه“ („Единственное слово“); „کرید وطن“ („Сыновья отчизны“); „موریا یاقوت“ („Яхонтовое ожерелье“) и „ژیین حقیقتا خونه“ („Поистине, жизнь — это сон“).[9]

Младшим современником Али Теремахи был Али Харири (400—470 г. х. = 1010—1077/78 г. н. э.), тоже создававший свои произведения на диалекте курманджи.[10] Родился поэт в деревне Харир (в районе гор. Эрбиля), от названия которой и происходит его нисба.

Перу Али Харири принадлежит диван лирических газелей.[11]

Язык стихов Али Харири, судя по дошедшим до нас материалам, очень близок к современному, хотя со времени смерти поэта прошло девять столетий. По свидетельству А. Д. Жаба, стихи Али Харири пользуются широкой популярностью в народе.[12]

Одним из наиболее выдающихся поэтов раннего средневековья, также писавшим на диалекте курманджи, следует считать Мела Ахмеда, известного под именем Мела Джизри.[13]

В его творчестве впервые можно проследить две линии — народную — характерную для его предшественников и придворную.

Мела Джизри был придворным поэтом джезирского правителя Умад ад-Дина, о чем свидетельствуют строки его стихотворения „ملا سوأل“ („Вопросы Мела“).[14]

В стихах Мела Джизри впервые сочетаются элементы арабско-персидской просодии (редиф, газельно-касыдная рифма) с размерами, формами и силлабо-тоническим стихосложением курдской народной поэзии (трехстишия, рифмующиеся по схеме ааа, вва, сса и т. д.). Большая часть стихов Мела Джизри — лирические газели и касыды, воспевающие красоту его возлюбленной — сестры джезирского правителя Умад ад-Дина.

Мела Джизри можно, по-видимому, считать основателем первой литературной школы; характерной чертой этой школы является сочета-

[8] Рукопись этого сочинения под названием „صرف و بعضی اصول لازمه بی تعلیمی بر زمانه کرمانجی“ хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (С 1958). В предисловии к трактату даны приводимые здесь биографические сведения об авторе.

[9] امین زکی خلاصه تاریخ اکراد و کردستان من اقدم العصور التاریخیه حتی الان т. II. مصر 1939, стр. 351.

[10] Там же; B. Nikitine. Les kurdes. Paris, 1956, стр. 283.

[11] Рукопись одной из газелей Али Харири хранится в собрании курдских рукописей А. Д. Жаба в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), (курд. 26.).

[12] A. D. Jaba. Recueil des notices et récits kourdes. St. Pétersb., 1860, стр. 8.

[13] M. Hartmann. Der Kurdische Diwan des Schech Ahmed, genannt Melae Gizri. Berlin, 1903; рукописи отдельных стихотворений поэта имеются в упомянутом собрании А. Д. Жаба.

[14] Там же, стр. 202—203.

ние классических персидско-арабских литературных традиций с элементами фольклора. Все последователи этой школы писали под псевдонимом „Мела".[15]

Часть стихов в упомянутом диване Мела Джизри, несомненно, принадлежит перу других поэтов, писавших под именем „Мела".

Об этом свидетельствует стихотворение „مکالمهٔ ملا و فقه طیران" („Беседа Мела и Факи Тейрана"),[16] которое никак не может считаться принадлежащим перу Мела Джизри уже по одному тому, что Факи Тейран жил на два столетия позже — в XIV в.

Следующий по времени поэт — Факи Тейран (707—777 гг. х. = 1307—1370 гг. н. э.), также создававший свои произведения на диалекте курманджи, принадлежал к литературной школе Мела Джизри. Однако в его творчестве преобладающей является народная линия. В его стихах мы не находим попытки соблюдать арабо-персидские классические размеры. Они целиком построены на силлабическом стихосложении, присущем курдской народной поэзии.

С именем Факи Тейрана связано появление крупной литературной формы: قصهٔ شیخ صنعانیان („Повесть о Санаанском шейхе").[17]

В творчестве следующего по времени поэта — Мела Бате (820—900 г. х. = 1417—1490 гг. н. э.), также писавшем на диалекте курманджи, впервые появляются литературные обработки народных сюжетов „زنبیل فروش" („Продавец корзин") — явление, нашедшее столь яркое выражение в творчестве одного из самых выдающихся курдских поэтов — Ахмеда Хани. Творчество этого поэта, подготовленное всем предыдущим процессом литературного развития, следует считать периодом наиболее яркого расцвета курдской литературы.

Ахмед Хани — создатель новой литературной школы, типичная черта которой — теснейшая связь с народным творчеством.

Дошедшие до нас биографические сведения о поэте очень скудны и не всегда носят достоверный характер. Из них мы узнаем, что Ахмед Хани родился в Баязиде. Племя ханийан, из которого поэт происходил, перекочевало в этот город из области Хеккари.

Данные о датах жизни этого поэта, приводимые отдельными учеными, очень разноречивы. А. Д. Жаба,[18] Е. Б. Сон[19] и Эмин Заки[20] датируют рождение поэта 1000 г. х. (1591/92 г. н. э.), однако это их утверждение не подкреплено ссылкой на источники.

В предисловиях к алеппскому[21] и стамбульскому[22] изданиям поэмы Ахмеда Хани „Мам и Зин" рождение поэта на основе материалов самой поэмы датируется 1061 г. х. (1650/51 г. н. э.).

[15] О. Л. Вильчевский. Краткий библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии. Сб. „Иранские языки", т. I, Л., 1945, стр. 148.

[16] Речь идет о курдском поэте XIV в. Факи Тейране (M. Hartmann, ук. соч., стр. 208—215).

[17] Рукописи этой поэмы, а также других стихотворений Факи Тейрана имеется в упомянутом собрании А. Д. Жаба.

[18] A. D. Jaba, ук. соч., стр. 10.

[19] E. B. Soane. To Messopotamia and Kurdistan..., стр. 388.

[20] امین زکی, ук. соч., стр. 355.

[21] „مم و زین" احمد خانی, حلب, 1947, стр. 2.

[22] Стамбульским изданием мы не располагаем, о данных в предисловии этого издания говорит Эмин Заки امین زکی, ук. соч., стр. 355.

Безусловно, следовало бы верить авторам этих изданий, если приводимые ими бейты не имели бы возможных вариантов чтения. Приводим эти бейты:

لورا کو دما ژ غیب فک بو — تاریخ هزار و شصت و یک بو
ایسال گهشته چل و چاران — وی پیشروی گناهکاران

Авторы стамбульского и алеппского изданий читают эти бейты так:

В миг, когда (поэт) появился из небытия,
Был 1061 год,
Нынче же исполнилось 44 года
Этому предводителю грешников.

При таком чтении время написания поэмы датируется (1061 + 44) 1105 г. х. (1693/94 г. н. э.).

Если взять вышеприведенные бейты в контексте, то получим:

خطی تیه سرنوشت سرمشق — سی ساله خطی خطا دکت مشق
لورا کو دما ژ غیب فک بو — تاریخ هزار و شصت و یک بو
ایسال گهشته چل و چاران[23] — وی پیشروی گناهکاران

Почерк твой, (пишущий) заглавия и делающий копии,
(Вот уже) тридцать лет упражняется в написании погрешных строк.
Когда (поэма) появилась из небытия (т. е. когда она была завершена),
Был 1061 год.
А в нынешнем году исполнилось 44 (или 64)
Этому предводителю грешников (т. е. поэту).

Если принять этот вариант, то датой рождения поэта будет либо (1061—44) 1017 г. х. (1608/09 г. н. э.), либо (1061—64) 997 г. х. (1588/89 г. н. э.).

По данным алеппского и стамбульского изданий поэмы „Мам и Зин", дата смерти поэта остается неизвестной. Не проясняет вопроса и производимая О. Л. Вильчевским[24] датировка написания другого произведения Ахмеда Хани — поэтического курдско-арабского словаря „نوبهار".

В доказательство своей датировки О. Л. Вильчевский приводит отрывок из этого словаря „نوبهار", в котором зашифрована дата написания сочинения:

بفکره کتیبا ثانی * د جلدا اوّلدا * بجزئا عاشردا * د ورقا چاریدا صحیفه * دست راست * د سطر ثالثدا * بفکر تو حرفا چاری * تاریخ نوباری *

(Загляни в книгу вторую, в том первый, в части десятой, на листе четвертом на правой стороне, в третьей строке, возьми четвертую букву, это и есть дата Ноубара).

„Несмотря на отсутствие подлинника рукописи А. Ханийского, разгадка хронограммы проста и несложна, — говорит дальше О. Л. Виль-

[23] В рукописи Института востоковедения АН СССР (D 445) читаем: „شصت و چاران". Основываясь на таком разночтении, Гартманн говорит о переводе этих строк следующее: „Если я правильно понимаю эти строфы, то поэт говорит, что он три года усердно трудился над поэмой. Когда она (поэма) появилась из небытия, был 1061-ый год, а сейчас наступил 64-ый" (M. Hartmann. Zur Kurdischen Litteratur, T. II. Wiener Zeitschrift der Kunde des Morgenlandes, 1892, стр. 109). При таком толковании делается неясной последняя строка, так что, по-видимому, перевод этот считать правильным нельзя.

[24] О. Л. Вильчевский, ук. соч., стр. 165.

чевский. — Дата смерти А. Ханийского известна совершенно точно. Он умер в 1652 году. Следовательно, единственная возможная дата, обозначенная по абджаду одной буквой может быть лишь غ = 1000, т. е. Ахмед Ханийский сочинил Ноубар в 1000 г. хиджры = 1591 г. н. э., и эту последнюю дату следует рассматривать не как дату рождения... а как дату начала литературного творчества..."

Хотя это рассуждение логично, однако, думается все-таки, что точная датировка сочинения при такой хронограмме возможна лишь при наличии автографа рукописи „نوبهار", тем более, что за точность даты смерти Ахмеда Хани — 1652 г. н. э. — поручиться нельзя.

Кроме того, такие употребленные в хронограмме слова, как كتيب (книга), جلد (том), вряд ли могут относиться к одному только произведению „نوبهار", содержащему всего лишь около 320 строк. Вероятно, это относится к полному рукописному дивану Ахмеда Хани; если это так, то, очевидно, сочинение „نوبهار" следует отнести к более поздним годам жизни поэта.

В предисловии к стамбульскому изданию поэмы „Мам и Зин" сказано, что датой написания словаря „نوبهار" является 1094 г. х. (1682/83 г. н. э.).[25]

По всей вероятности, эта дата основана на приписке, сделанной, по-видимому, переписчиком на дамасской рукописи „نوبهار"[26] и вряд ли может считаться достоверной. Таким образом, вопрос о точных датах жизни Ахмеда Хани пока остается неразрешенным.

Бо́льшую часть жизни поэт провел в родном городе. На свои средства он выстроил в Баязиде мечеть и медресе, в котором сам же и преподавал.

Перу Ахмеда Хани принадлежит арабско-курдский стихотворный словарь „نوبهار" („Первый плод"),[27] поэма, написанная в форме месневи — „Мам и Зин",[28] а также целый ряд лирических газелей.[29]

Ахмед Хани, в отличие от современных ему курдских поэтов, писавших на арабском, персидском и турецком языках, создает свои произведения на курдском языке. Это делается для того, чтобы, с одной стороны, возродить старые литературные традиции, с другой — поднять курдский язык до уровня литературного и поставить его наравне с персидским, арабским и турецким.

Одна из самых характерных черт творчества Ахмеда Хани — тесная связь с жизнью и духовной культурой народа.

---

25 Эти данные приводятся у Эмина Заки (امين زكى, стр. 355). К сожалению, Эмин Заки не указывает, на основании каких данных автор предисловия приводит эту дату.

26 Факсимиле этой рукописи опубликовано в книге: A. v. Le Coq'a. Kurdische Texte, t. I. Berlin, 1903, Anhang, стр. 33.

27 „الهديه الحميديه فى اللغة الكرديه" خالدى, 1892 г., стр. 279—292; A. v. Le Coq, ук. соч., стр. 1—33. Два списка этого сочинения имеются в упомянутой коллекции курдских рукописей А. Д. Жаба.

28 Восемь списков этой поэмы хранятся в Ленинграде: семь — в упомянутой коллекции А. Д. Жаба и одна — в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР.

29 О. Л. Вильчевский, ук. соч., стр. 149; E. B. Soane. To Messopotamia and Kurdistan..., стр. 388; B. Nikitine, ук. соч., стр. 282.

Говоря о народности, нельзя не привести высказывания по этому поводу акад. И. А. Орбели: „Народность — это глубокая внутренняя всесторонняя связь человека — героя, художника, поэта со всем народом, пронизанность его чертами, свойственными мировоззрению народных масс, способность бессознательно, а не усилием разума отражать это мировоззрение. Это таким путем добытое право на всенародное призвание, на любовь, на уважение всего народа, способное жить, крепнуть, а главное, шириться, пронизывая всю толщу народных масс на протяжении веков. Когда думаешь о народности поэта, невольно напрашивается сравнение трех великих поэтов Востока — иранца Фирдоуси, грузина Руставели и курда — Ахмеда Хани, всеми, кроме курдов, забытого, вернее, всем, кроме курдов, неизвестного, но в среде своего народа бесспорно добывшего право на определение «народный»".[30]

Народность Ахмеда Хани прежде всего в том, что он, продолжая традиции своих предшественников — Факи Тейрана и Мела Бате, — кладет в основу своей поэмы „Мам и Зин" народное предание, пользующееся огромной популярностью среди курдов. Сюжет этой поэмы Ахмеда Хани посвящен воспеванию двух самых высоких человеческих чувств — любви и дружбы. Именно эти идеи — идеи истинной, не знающей преград любви и бескорыстной самоотверженной дружбы, воплощенные в лучших творениях поэтов раннего и позднего средневековья (Фирдоуси, Низами, Руставели, Навои), поднимают поэму Ахмеда Хани „Мам и Зин" на высоту памятника мировой культуры.

В поэме нашли отражение и политические взгляды и настроения Ахмеда Хани. Одной из основных причин культурной отсталости курдского народа поэт видел в его политической и племенной раздробленности, в отсутствии единого государства. В поэме Ахмеда Хани впервые прозвучал протест против отсталости и угнетения курдского народа и призыв к созданию единого национального курдского государства. Глубокой верой в неисчерпаемые творческие силы народа проникнуто стихотворение поэта:

كسى بينا كو نبت دلبرى زيبا چه بكت تيغ آهيخته بى دستى توانا چه بكت
طالب علم و حكمت نبتن قابل فيض حكمت و تربيتا عالم زانا چه بكت
طبع خانى صدفا گوهر عرفانه ولى متن خوانك نبتن صاحب متن چه بكت

Если не будет зрячих, то что тогда делать красавицам?
И что сможет сделать обнаженный меч без руки витязя?
Если не будет в изобилии [людей], ищущих знания и совершенства,
То к чему тогда мудрость и знание ученых?
Сущность Хани — это раковина, [наполненная] жемчугом познания,
Но, если не будет читателей, к чему тогда поэт?

Здесь ясно выражена мысль о том, что всякая творческая деятельность без тесной связи и близости с народом оказывается ненужной и бесполезной.

Ахмед Хани — первый из курдских поэтов, в стихах которого соблюдены законы арабо-персидской метрики. Все его стихи написаны классическими размерами — хазадж, рамаль, хафиф. И все-таки влияние народной поэзии оказалось сильнее, чем эти литературные приемы: во многих его стихах мы видим нарушение классического размера.

---

30 И. А. Орбели. Введение к сб. „Памятники эпохи Руставели". М.—Л., 1937, стр. 1—2.

После Ахмеда Хани наиболее значительными поэтами, писавшими на диалекте курманджи, были: Исмаил Баязиди (1065—1121 гг. х.= 1654—1709 гг. н. э.), автор небольшого поэтического курдско-персидско-арабского словаря گلزار („Розовый цветник")[31] и ряда лирических стихов; Мурад Хан Баязиди (1150—1190 гг. х.=1830—1877 гг. н. э.)[32] и Мела Партав Хеккари (начало XVIII в.).[33]

К концу XVIII в. курдская литература из народной становится придворной и религиозно-мистической. В языке много арабизмов и персизмов. Только в начале XIX в. в южном Курдистане возникает новое литературное направление — своеобразное возрождение, возврат к старым традициям курдской литературы. Представители этого периода, создававшие свои стихи на диалекте мукри, — Мела Хизр (1797—1855), писавший под псевдонимом Нали, Мустафа Бек (1809—1849), писавший под псевдонимом Селим, — вновь обращаются к народному творчеству. Эти поэты своим творчеством подготовили появление новейшей демократической поэзии, которой мы здесь касаться не будем.

Патриотические мотивы в творчестве Ахмеда Хани были подхвачены всеми последующими поколениями курдских поэтов, призывавших в своих стихах к борьбе за создание самостоятельного независимого государства.

---

[31] См.: A. Jaba, ук. соч., стр. 10.

[32] امین زکی, ук. соч., стр. 356. Несколько газелей Мурад Хана Баязиди имеется в упомянутой коллекции А. Д. Жаба, хранящейся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (курд. 26 и 32).

[33] امین زکی, ук. соч., стр. 356; B. Nikitine, ук. соч., стр. 283.

С. Н. Соколов

ГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ СРЕДНЕПЕРСИДСКОГО КАУЗАТИВА

1. В среднеиранскую эпоху с разложением флексии в западноиранских языках было связано введение в систему глагольных форм различных отглагольных имен, употреблявшихся в описательных оборотах. Сюда относятся, кроме известных имен на -t, имена на -n, -išn, -ih (парфянское -ift, -if), и другие; установить точную границу здесь невозможно, так как обороты эти были еще живыми, с ощущением полнозначности составных членов, и при скудности надежных памятников трудно отличить случайное употребление от оборота, близкого к грамматикализации. Нас интересует сейчас отношение между общеизвестным именем на -t и менее известным на -n.

2. Среднеперсидское имя на -t вряд ли можно безоговорочно считать только страдательным причастием. Уже в древнеиранских языках форма среднего рода такого имени фигурировала как независимое глагольное имя среднего рода, которое приблизительно можно назвать „именем сделанного": ав. baxtəm 'выделенное', 'судьба', āyaptəm 'достигнутое', 'счастье' и т. д.

С падением флексии с именем на -ta могло контаминироваться и глагольное имя на -ti со сходным значением: ав. aši- (т. е. R-TI-) 'достигнутое', 'воздаяние', rā-ti- 'дар' и т. д.

Продолжением этого среднеперсидского глагольного имени может быть новоперсидский „усеченный инфинитив".[1] Впрочем, полного разрыва между причастием и глагольным именем, вероятно, никогда и не было: на это указывает хотя бы полный параллелизм в новообразованиях на -id, -ād, -ist.

---

[1] Ср. парфянское ky bwxt q'myd '(вы), которые хотите спастись' [F. C. Andreas. Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch Turkestan. Aus dem Nachlass herausgegeben von W. Henning, Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, III, 1934, f. 31 (в дальнейшем А.—Н.)]. Бенвенист (E. Benveniste. Les infinitifs avestiques. Paris, 1935, стр. 109) предполагает возможность прямого продолжения современным усеченным инфинитивом древнего инфинитива на -tayai (ав. tōe) > *tai > t, являвшегося по происхождению дательным падежом от тех же имен действия на -ti. Может быть, такое предположение и не обязательно, так как имя на -ti- фигурировало и самостоятельно, в разных падежах, а средне- и новозападноиранские инфинитивы обладают всеми качествами самостоятельного имени.

3. Имя действия на -na хорошо известно в древнеиранских языках. Оно осталось продуктивным и в некоторых новоиранских языках, например в ваханских инфинитивах на -än: pörsän ‘спрашивать’, pöcän ‘варить’.[2] В последнем примере -c- указывает, что здесь прямое образование от корня или основы настоящего времени, а не выпадение -t-.

В среднеперсидском и парфянском такое имя как будто бы широко не засвидетельствовано. Однако можно предполагать наличие его в некоторых оборотах: drxt wrzn *s'n'n* w p'dyz *'šmyr'n* ‘деревья *приносят *плоды, и считается осень’,[3] т. е. ‘деревьев плодоношение и осени счет’; ‘yn xyr ‘y Nrǰmyg 'w mn nčyst 'ygwm *nwyst* 'w pydr 'wd 'wstw'r'n *gw'n* 'wd [nčy] *h'n* ‘те вещи, которым меня научил Нарджамиг, я *начал* отцу и старшим *говорить* и их учить’.[4]

Конструкция с причастием, которую здесь предполагает Хеннинг, была бы естественна для греческого языка, но для персидского не обычна. Легче предположить имя действия „начал говорение“, тем более, что сам Хеннинг находит в другом месте (M174) конструкцию nwyst с инфинитивом.

Стоит, может быть, привести форму с -yn- из книжного пехлеви: hwršyt *grtyn* čygwn 'pysr pyr'mwn y gyh'n.[5] Нюберг переводит gartēn ‘колесо’ и все вместе ‘солнечное колесо (лежит), как корона, вокруг мира’. Имеется вариант grtšn — явное имя действия (но grtyn вряд ли описка, так как пазенд дает gardīn), и все вместе, может быть, проще бы было перевести ‘солнца вращение = солнце вращается как корона вокруг мира’.

4. В новоиранских языках также можно найти имя на -n в составе глагольных оборотов: например в парачи в конструкции с nar- ‘мочь’: nā-m narē xaren ‘не могу есть этого’; в пассивной конструкции: katen chi ‘было отрезано’ и т. д.[6]

В западноиранской области очень любопытные факты дает авроманский диалект, представленный в науке, к сожалению, только немногочисленными записями Бендиктсена с последующей грамматической обработкой Кристенсена.[7] В этом диалекте прошедшие времена обычно[8] имеют в качестве личных окончаний местоименные энклитики, а основой может являться не имя на -t, а имя на -n. Находятся целые парадигмы, например от dā- ‘давать’:

dānā	dānmā
dānät	dāntā
dānäš	dānšā

При этом интересно, что такие же точно образования можно встретить и от непереходных глаголов:

jawānä	‘я пришел’	: jawu	‘прихожу’
g'älänä	‘я гулял’	: g'älu	‘гуляю’
luānä	‘я шел’	: m-lu	‘иду’

[2] Benveniste, ук. соч., стр. 110.
[3] A.—H., II, в II, v II, стр. 6—12.
[4] Там же, M 49 IIV, 5.
[5] H. Nyberg. Texte zum Masdayasnischen Kalender. Uppsala, 1934, стр. 22 (текст из Бундахишна).
[6] Morgenstierne. Indo-Iranian Frontier Languages, I, Oslo, 1929, стр. 79—80.
[7] Bendictsen, Christensen. Les dialectes d'Awroman et de Pawa. København, 1921.
[8] К сожалению, объем записей не дает возможности установить полностью глагольную систему, поражающую пестротой форм.

Для этого не надо искать сложных объяснений, если принять для основы на -n значение имени действия. Тогда оборот с переходным глаголом „мое давание“ не должен отличаться от непереходного „мое хождение“.

5. Попытки показать возможность функционирования имени на -n в описательных оборотах делались здесь для того, чтобы подкрепить сближение с ними гетерографических глагольных форм на -WN, предпринятое в другом месте.[9] Правда, для того чтобы предположить, что гетерограммы с исходом на -WN в среднеперсидских надписях имели значение глагольных имен, следовало бы допустить, что система гетерограмм сложилась не в том диалекте, на котором составлены надписи, так как от иранских глаголов в надписях употребляется имя на -t, а не на -n.

В таком допущении, вообще говоря, нет ничего невероятного. Но кроме этого, не следует забывать, что объем материала надписей вряд ли может оправдывать категорические суждения. Отметим пока только, что в языке надписей не засвидетельствованы отчетливо[10] ни именные, ни финитные формы с суффиксом -n-, в то время как в современных диалектах Фарса каузативы на -n- существуют.[11]

О возможности существования в одном и том же диалекте именных форм на -t и -n говорит смешение образований прошедшего времени в авроманском диалекте.

6. Не пытаясь решить сейчас вопроса об отношении книжного пехлеви и манихейского среднеперсидского к языку надписей, можем предположить, что в диалекте, непосредственно предшествовавшем книжному и манихейскому, были распространены два глагольных имени: имя на -t с пассивным значением и имя на -n с активным значением. Оба они легли в основу отыменных презенсов, причем первое — преимущественно непереходных, а второе — преимущественно переходных.

Презенсы на -t- хорошо засвидетельствованы: twxyk rxtyndy MNW prknyndy ‘впустую трудятся те, кто строят (дом)’,[12] ср. перс. ranj-'pybymyx' MN k'ryč'r bwxtyt ‘без страха спасается из боя’,[13] ср. bwčyt ‘спасает’; tēz apar gumēxtēt ō ān i xvaršēt rōšnīh ‘быстро смешивается с солнечным светом’;[14] ZK xnd xmxtm (Рейхельт ān and āmōxtēm),[15] перевод авестийского avat xsāi ‘столько я буду учить’.

7. Презенсы на -n- достаточно известны. Это — каузативы и переходные деноминативы. Стоит отметить только их исключительную распространенность при переводе (а точнее заимствовании) авестийских глаголов:

nivaēδayemi — nwyrynm[16]
mərənča- — mrnčynytn[17] и т. д.

Встречается изредка в заимствованиях и суффикс -t- при непереходном значении: 'yxrtyt (ēhrtēt) = yaēšənta[18] ‘закипели’.

[9] Вестник ЛГУ, 1957, № 8, стр. 96—100.
[10] Не совсем ясна форма XWYTNn в KKZ, 1.
[11] Mann. Kurdisch-Persische Forschungen, I. Berlin, 1909, стр. 8.
[12] Псалтырь (изд. Barr), 6v, 7—8.
[13] Бундахишн (Nyberg. Hilfsbuch, I. Leipzig, 1928, 81, 18—19).
[14] Дёнкарт (транскрипция Шедера в: Iranische Beiträge, 1930, 90).
[15] Фраханг и Оним (изд. Reichelt), IVd.
[16] Y I, 1 (Mills, Le Museon. 1906, 161).
[17] Nyberg. Hilfsbuch, I, Glossar, 146.
[18] Фраханг и Оним, IV f.

Такое распространение суффикса -n- при заимствовании представляет некоторую аналогию к арамейским гетерографическим глаголам на -WN-, -N-. Вопрос об огласовке суффикса зависит здесь от точного выяснения места и времени возникновения гетерограмм.

8. Впоследствии тип вторичных образований на -t- не получил распространения. Наоборот, тип на -n- сохранился в большинстве западноиранских языков в каузативах, переходных деноминативах и „пустых каузативах" типа таджикского *фиристондан*.

Но если имя на -t- исчезло как основа вторичных презенсов, то имя на -n, закрепившись в этой функции, исчезло, наоборот, как самостоятельное имя и основа прошедшего времени, где безраздельное господство осталось за именем на -t. Таким образом, разделились функции этих имен или — с этого момента мы уже можем сказать — функции суффиксов, так как дальнейшие образования шли уже без посредства самостоятельных имен. Поэтому суффикс -t мог образовать основу прошедшего времени и от глаголов -n-.[19]

9. Остается рассмотреть отношение предлагаемой гипотезы о происхождении западноиранских каузативов к ранее выдвигавшимся. Хорн[20] считал их развившимися из древней основы презенса с носовым суффиксом. Вряд ли история иранских языков дает повод предполагать такую возможность.

Залеман[21] и Хеннинг[22] предполагают в основе медиальное причастие на -ana-, причем Залеман допускает и глагольное имя.

Однако Хеннинг ограничивается простой формулировкой своего предположения, а Залеман для оправдания огласовки -ēn- каузативного суффикса вводит дополнительно деноминативный суффикс -ya-(*-anya->-ēn-), что заставляет отнести возникновение каузатива на -n- к тому времени, когда еще были живы древние способы образования основ. Согласно предлагаемой здесь гипотезе, это произошло значительно позже.

Что касается огласовки суффикса, то пока можно только заметить, что вряд ли необходимо исходить из формы -ēn- как первоначальной.

[19] Ср. наслоение суффиксов, например в инфинитивах говоров Исфахана, в габри Йезда и Кермана: kertmūn 'делать', čintmun 'собирать'.

[20] Grundriss der Iranischen Philologie (Neupersisch), Bd. I, Strassburg, 1896—1901, § 73c.

[21] Там же. (Mittelpersisch), § 95.

[22] Das Verbum des Mittelpersischen der Turfanfragmenten. Zeitschrift für Indologie und Iranistik, IX, 1934, стр. 212—213.

К. Б. Старкова

ИЗ МАТЕРИАЛОВ II СОБРАНИЯ ФИРКОВИЧА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

(ИЗ ФРАГМЕНТОВ „ДИВАНА" ИЕХУДЫ ХАЛЕВИ)

Многочисленные и разнообразные по содержанию рукописи II коллекции Фирковича Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина дают весьма интересный материал для изучения средневековой поэзии. Некоторые тексты этого рода начали появляться в печати по материалам коллекции уже в конце прошлого века в результате разысканий главным образом А. Я. Гаркави,[1] но еще очень многие рукописи и их фрагменты стихотворного содержания до настоящего времени остаются не изученными и не изданными. Между тем здесь выявляются иногда интересные для истории еврейской литературы произведения. Так, автору настоящей заметки при работе над хранящимися в Ленинграде фрагментами „дивана" Иехуды Халеви удалось обнаружить несколько стихотворений до настоящего времени неизвестных или известных только по первому полустишию, включенному в индекс рукописи „дивана", принадлежавшей прежде С. Д. Луццато.[2] Всего таких произведений обнаружено шесть, не считая большого послания в рифмованной прозе. Все они состоят из 2—4 стихов, за исключением стихотворения, начинающегося словами 'el hā-hădas, которое включает 19 стихов. Все пьесы однорифмные, по содержанию три из них загадки — жанр, которому отведено достаточное место в „диване" Иехуды Халеви; одна — образец культовой лирики и две — лирика светского содержания. Так как описанию рукописей ленинград-

[1] Им опубликованы фрагменты дивана Самуила Нагида. См.: A. Harkavy. Studien und Mittheilungen aus der Keiserlichen Oeffentlichen Bibliothek zu St. Pétersburg. Erster Theil. St. Petersb. — Leipzig, 1879; а также: Сборник стихотворений Рабби Иегуда Галеви, тт. I—II. Составил А. Я. Гаркави, издание „Ахиасаф", Варшава, 1893, 1895 (ряд стихотворений и посланий в рифмованной прозе опубликован по II коллекции Фирковича).

[2] После его смерти перешла в собственность Бодлеянской библиотеки. См.: A. Neubauer. Catalogue of the Hebrew Manuscripts in the Bodleian Library. Oxford, 1886, № 1971.

ских фрагментов „дивана“ посвящена специальная большая работа, которая теперь готовится мною к печати, то здесь ограничиваюсь лишь указанием номера рукописи, откуда взят текст. При передаче еврейского текста опускаются лишние вав и йод, заменяющие, как обычно в средневековой орфографии, удвоение согласных или отмечающие ḥолем parvum и цере, а также добавлена огласовка, отсутствующая в рукописях. Арабские заголовки в оригинале переданы еврейским квадратным шрифтом. Слова, добавленные к тексту в переводе, заключены в прямые скобки.

I. II коллекция Фирковича, Еврейский отдел, ркп. 44[1], л. 35. Порядковый номер произведений рукописи 351. Заголовок: وله فى مثل ذلك. Размер: еврейская модификация басӣта: — — | — ◡ — — | — — | — ◡ — —.

יָה מִלְהַשִּׁינוּ עַיִן הֲלֹא נִפְלָא
וּבְרֹב תְּבוּנָתוֹ בְּלֵב הֲלֹא נִגְלָה
הִצִּיב בְּחָכְמָתוֹ כל מוֹסְדֵי תֵבֵל[3]
אֶרֶץ וְשָׁמַיִם קִנְיָן וְעֹז מִלָּא
וּבְיַעֲקֹב בָּחַר מִכָּל־בְּנֵי תֵבֵל[4]
לִהְיוֹת סְגֻלָּה לוֹ לִהְיוֹת לְעַם נַחֲלָה

Перевод.

У него в этом же роде

[1]. Бог слишком дивен, чтобы постигнуть его глазами, он открывается сердцу, когда в нем много разума (или: „чрезмерностью своего разума“).
[2]. Воздвиг он своею мудростью все основания земли и наполнил небо и землю творением и мощью.
[3]. Иакова избрал из всех сынов земли, чтобы он был его сокровищем, чтоб он был его собственным народом.

II. II коллекция Фирковича, Еврейский отдел, ркп. 206, фрагмент 3-й, л. 68. Порядковый номер в рукописи 130. По индексу Луццато к I части „дивана“ № 246.[5] Заголовок:[6] وقال اعتذار[ا]. Размер вāфир:

— — — ◡ | — — — ◡ | — — — ◡.

שְׁבִיבֵי אֵשׁ תְּשׁוּקָתְךָ[7] בְּלִבִּי שִׁלְחוּ רָזוֹן
וְאָבְדוּ רַעֲיוֹנַי בָּךְ וְאָז לֹא מָצְאוּ חָזוֹן[8]
וְלָכֵן שָׂא עֲוֹן מִכְתָּב אֲשֶׁר נִכְתָּב בְּחִפָּזוֹן

Перевод.

Он сказал в извинение

[1]. Огненные языки страсти к тебе истощили мой разум.
[2]. Из-за тебя погибли мои мысли и не нашли тогда откровения.
[3]. А потому прости вину письма, написанного в спешке.

[3] Книга Псалмов, псалом 104, стих 24.
[4] Второзаконие, гл. 7, стих. 6.
[5] דיואן ר׳ יהודה הלוי יוצא לאור על ידי חברת מקיצי נרדמים. Lyck, 1864, стр. 8—16.
[6] 'alef винительного падежа часто опускается в рукописях этого времени.
[7] Книга Иова, гл. 18, стих 5.
[8] Плач Иеремии, гл. 2, стих 19.

III. II коллекция Фирковича, Еврейский отдел, ркп. 106[-1], л. 18, порядковый номер в рукописи 57. В индексе Луццато, ч. 1, № 250. Заголовок: وقال ايضا اعزّه الله فى الميزان. Размер кāмил:

— — | — ◡ — — | — ◡ — —.

דַּיַּן אֱמוּנָה וֶאֱמֶת דִּינוֹ מִלָּה בְּפִיהוּ אֵין וּבִלְשׁוֹנוֹ
כַּפָּיו נְעוּרוֹת מִתְּמֹךְ שֹׁחַד[9] יִצְבֹּר וְלַזָּרִים כְּבוֹד הוֹנוֹ

Перевод.

И он еще сказал, — да прославит его Аллах! — о весах

[1]. Праведный судья, суд которого — истина, [хотя] в устах его и на языке нет речения.
[2]. Руки его чисты[10] от взимания подкупа. Он собирает, но для чужих слава его богатства.

IV. II коллекция Фирковича, Еврейский отдел, ркп. 106[-1], л. 18, № 59. Индекс Луццато к 1-ой части № 251. Заголовок: وله لغز فى ابرة. Размер вāфир: — — — ◡ | — — — ◡ | — — — ◡.

וְעִוֶּרֶת יְפַת עַיִן נְקַלָּה בֵּן כְּלֵי זַיִן
שְׁחַרְחֹרֶת כְּנֶפֶךְ אוֹ כְזֵר פּוּךְ עַל שְׂפַת עַיִן
עֲרֻמָּה אַךְ תְּכַסֶּה כֹּל עֲרֻמִּים מִזְמַן קַיִן

Перевод.

У него загадка об иголке

[1]. Слепая, с прекрасным оком, незаметная среди предметов вооружения.
[2]. Черновата[11] как гранат или как кайма сюрьмы на краешке глаза.
[3]. Нагая, но покрывает всех нагих со времен Каина.

V. II коллекция Фирковича, Еврейский отдел, ркп. 106[-1], л. 18, номер пропущен, следует непосредственно за № 58 (58а). Заголовок: وله لغز ايضا. Размер кāмил: — — | — ◡ — — | — ◡ — —.

קַרְנֵי רְאֵם קַרְנֵי בְכוֹר שׁוֹרִי
... ...עשרה נָפְלוּ מֵהֶם[12]
אָרִים שְׁמוֹ עַל־מַחֲנוֹת
....וְאַכְנִיעַ גְּדוּדֵיהֶם

Перевод.

И у него еще загадка

[1]. Рога буйвола, рога первенца моего быка ... десять пали из них.
[2]. Возвышу имя его над войсками ... и покорю их шайки.

[9] Книга Исайи, гл. 33, стих 15.
[10] Буквально: отряхнуты; см. предшествующее примечание.
[11] Игла в XI—XII вв. делалась из легко темневшего металла — железа или бронзы. См. коллекции Государственного Эрмитажа.
[12] Дефект рукописи, прорывы листа, текст стихотворения сильно пострадал.

Последнее из публикуемых, наиболее значительное по объему стихотворение — описание невесты в праздничном наряде. В конце следует традиционное поздравление жениху с пожеланием дожить до прихода мессии. Несмотря на относительную простоту содержания, пьеса не поддается полному переводу вследствие плохой сохранности. Она пострадала не только от потертости и прорывов бумаги, даже ясно читаемые места обнаруживают искажения текста, возникшие при переписке. Это подтверждается частым нарушением размера — отдельные стихи показывают то лишние слоги, то пропуск целых слов. Некоторые слова и выражения не имеют смысла в контексте и не поддаются переводу. Все такие случаи указаны в примечаниях. Возможно также, что в нескольких местах нарушен первоначальный порядок последовательности стихов.

VI. II коллекция Фирковича, Еврейский отдел, ркп. 106[–1], л. 30, 222 (?).[13]

Заголовок: ושל אזה גם. Размер камил: ⏑ – | – ∪ – – | – ∪ – –.

1. אֶל הַדַּם לַשְׁקוֹת[14] צְמָאָה
יָצְאָה כְעֵין שֶׁמֶשׁ [ב][15]זְרָחָה

2. עַלְמָה מתופפת לבבהן
שָׁלְלוּ [וְלֵב מַחְמַד[י] שִׁיר שְׁבָחָה[16]

3. רוֹן פָּצְחוּ שִׁפְתֵי רְשָׁפֶיהָ[17]
לָךְ יַהֲלֹךְ תָּמֵם[18] בְּטָחָה

4. יורו[19] בָּלַב חֵץ בּוֹ בְטַל הִשְׁקוּ
מִדַּם לְבַב חוֹשְׁקִים רְצוּחָה

5. מר יַהֲלֹךְ לָהּ אִם בְּהִתְעַנֵּג[20]

[13] В буквах нумерации (לכב) бет виден неотчетливо, чернила стерты.

[14] Вместо להשקות для соблюдения размера, форма встречается в средневековой поэзии.

[15] В рукописи ясно виден бет в слове בזרחיה. Размер стиха не допускает предлога.

[16] Стих сильно испорчен. Первая часть — парафраз стиха 8-го главы 2 Книги Нахума ואמהותיה מנהגות כיונים מתפות על־לבביהן: (Ее служанки стонут, как голуби, гулко ударяют в свою грудь . . .), однако текст не поддается переводу. Огласовка לְבַבֵּיהֶן не допускается требованиями метрики; неясно, к чему относится местоименный суффикс. Текст второй половины стиха не в лучшем состоянии, хотя гораздо легче может быть исправлен: переписчик ошибочно повторил слово לב (сердце). Множественное число формы מחמדי также нарушает размер.

[17] רשפיה 'искры', 'огненные стрелы' — обычный образ для обозначения убийственных сверкающих взоров красавицы в средневековой арабской и еврейской поэзии. Здесь он усилен таким образом, что сами эти стрелы издают ликующие победные возгласы. Вторая часть стиха не совсем ясна.

[18] יהלך редкая в Библии, но распространенная в средневековой поэзии форма имперфекта глагола הלך.

[19] Мыслимое подлежащее — „взоры", хотя прямо они не названы. Кровь прежних возлюбленных красавицы, уже умерщвленных силой ее красоты и жестокости — типичный атрибут еврейского несйба.

[20] Порядок следования частей 5-го и 6-го стихов, по-видимому, нарушен. Предполагаю, что за 1-м полустишием 5-го стиха должно следовать 1-е полустишие

כִּי מֹר דְּרוֹר הָיוּ שִׁלּוּחֶיהָ

6. תַּסְתִּיר בְּבַנְפֵי רֹאשׁ בְּשָׂמֶיהָ
לְחָיָהּ וְגִלָּה [לָהּ][21] לְרֵיחָהּ

7. נוֹשֵׁךְ בְּלַהַשׁ מִבְּלִי לַחַשׁ
לוֹחַשׁ בְּעֵין לַהַט רְמָחֶיהָ[22]

8. חֶרֶב רק[. . .]ים לְחָיָהּ שְׁפָלוּ[23]
לִשְׁמוֹ פְּרִי נַפַּת רְקָחֶיהָ

9. עָשׂוּ בְלַהֲטֵיהֶם כְּמוֹ עָשׂוּ
חַכְמֵי בְנֵי צוֹעַן וּפַחֶיהָ

10. תַּצְפִּין הַדָּרָהּ בָּם וְהַשָּׁמֶשׁ
נוֹדַע בְּעֵד עָבִים אֲרָחֶיהָ

11. אוֹר יַעֲלֶה מְזֻהָרָה לַעֲדוֹת
חֵן עַל פְּאַת גְּוָתָהּ וְחָחֶיהָ

12. יְזָרַח לְמוּל [חָתָן] בְּהָאִירוֹ[24]
מוּל הַמְּנוֹרָה אֶת פְּרָחֶיהָ

13. חָתָן בְּבֵיתָ[י]ךְ[25] מְצָאנוּהָ
חַתַּן וְזוֹ שִׁירַת שְׁבָחֶיהָ

14. קוּם וַעֲלֵה חָתָן וְתֵן תּוֹדָה
לְאֵל עֲלֵי כָל־ טוּב מְנָחֶיהָ

15. בְּרֵשׁוּת גְּבִיר מֹשֶׁה אֲבִיר חָכְמָה
דַּלְתֵי תְּבוּנָה נָם בְּרִיחֶיהָ[26]

6-го стиха. Второе полустишие 5-го стиха и 2-е полустишие 6-го стиха также образуют цельный, следующий по порядку стих. Иначе понимаемое как деепричастие behith'annēg или обособлено внутри предложения, или отделено от глагола, к которому оно относится, целым вводным предложением; и то, и другое не допускается синтаксисом древнееврейского языка. Общий смысл обоих стихов ясен: появление красавицы возвещается благовонием ее ароматов. Когда она в изнеженности закрывает свои щеки сплошь надушенными волосами, щека тем не менее обнаруживается исходящим от нее благовонием.

[21] לה в тексте неразборчиво.

[22] Вид щеки красавицы смертоносен, как укус змеи, от которого нет спасительного амулета; по блеску щека может быть сравнена с блеском ее копий (взоров).

[23] Текст 8-го стиха в рукописи сильно поврежден. Отдельные буквы и слова неясны, текст написан слитно: „ветви" (плоды ее благовонного сада) — по-видимому, пряди волос красавицы. Они (стих 9) так же опасны, как чароден древнего Египта.

[24] В стихе явно не хватает слова, нарушен размер и смысл. По смыслу здесь должен быть синоним для жениха, к приветствию которого стихотворение переходит.

[25] Паузальная форма, множественное число от bajith 'дом' не имеет смысла; может быть, оно все же стояло в подлиннике из соображений размера.

[26] По праву жених, юноша Моисей, считается вратами и засовами мудрости — обычный образ еврейского мадха.

16. זָרַח הַדַּר שִׁמְשׁוֹ וְלֹא יֶחְשַׁךְ
עַד יֶחֱזֶה קֶרֶן מְשִׁיחָ[י]הּ[27]
17. יָשִׁיב שְׁבוּת הָאֵל וְלֹא יוֹסִיף[28]
לְקָצוֹ מָתַי עָוְלָה סְפִיחֶיהָ
18. לָשִׁיר בְּיוֹם שִׂמְחַת חֲתֻנֶּיהָ
שִׁיר אַחֲרוֹנֶיהָ פְּרָחֶיהָ[29]
19. צָמְחָה יְשׁוּעָתָהּ בְּהוֹד יְצָמַח
תּוֹצִיא אַדְמָה לוֹ צֶמַחֶיהָ

Перевод.

У него также,—да прославит его Аллах!

1. К мирте, напоить ее побеги, вышла, как само солнце на восходе
2. Девушка, похвалы которой [ударяя] в грудь свою (?), разграбили сердцевину драгоценностей песни.
3. С ликованием раскрылись губы ее огненных стрел...
4. Мечут в сердце стрелу, которую оросили росою крови сердца влюбленных, убитых ею.
5. Мирра предшествует ей, если, в неге, укрывает крылами своих благовоний
6. Свою щеку, но та обнаружена ее ароматами, ибо капли мирры стали ее посланцами.
7. [Щека] жалит чародейством, от которого нет амулета, сверкает, как поверхность острия ее копий.
8. Меч... ее щека... опускаются при имени его [плоды?] ветви ее ароматного сада.
9. И острием, и гладкой стороной творят то, что творили мудрецы Египта [= чароден Египта].
10. Она укрывает ими свой блеск, но пути солнца известны сквозь облака.
11. Свет восходит от ее сиянья и становится еще ярче от граней ее носового кольца или застежек.
12. Взойдет зарей... [перед женихом], когда он засияет перед светильником с его украшениями.
13. Жених, в твоем доме мы нашли ее. Соверши брак, вот хвалебная песня ей.
14. Встань, поднимись, жених, возблагодари бога за все благо отдыха с нею.
15. По праву владыка Моисей богатырь мудрости, [он] врата ее, да и засовы также.
16. Засиял его солнечный свет, да не угаснет, пока не увидит луч мессии.
17. Да возвратит бог пленницу, пусть больше не сжинают нечестивые ее самосевов!
18. Чтоб воспеть в день ее радостной свадьбы песню, цветы которой — ее конец.
19. Всходы ее спасенья [зависят] от всхода ее величия; да дарует ему всходы земля.

[27] Традиционное пожелание дожить до прихода мессии — мессий, здесь, быть может, двойственное число: мессия из рода Эфраима и из рода Давида.

[28] Отсюда пожелания обращены ко всему еврейскому народу, олицетворенному в виде девушки — невесты, ждущей жениха — мессию. (От этого зависят последующие употребления местоименного суффикса женского рода 3-го лица единственного числа). Образ чрезвычайно распространен в еврейской поэзии, здесь он усиливается всем построением стихотворения, посвященного именно свадебному обряду. šᵉbûth — пленные (коллективное) условно переводится „пленница" для согласования с образами оригинала.

[29] Когда наступит праздник свадьбы, праздник прихода мессии, последние песни, песни тех, кто дожил до этого, будут самыми лучшими.

Л. В. Строева

ПОСЛЕДНИЙ ХОРЕЗМШАХ И ИСМАИЛИТЫ АЛАМУТА

Героическая борьба последнего хорезмшаха Джелаль ад-дина (1220—1231 гг.) с полчищами Чингис-хана во время их вторжения в Мавераннахр давно и подробно известна. Завоевательная деятельность Джелаль ад-дина в Закавказье и Передней Азии, его политика в отношении местной знати, грабежи и насилия его наместников, вызвавшие ряд народных восстаний, исследованы проф. И. П. Петрушевским.[1] Отношения Джелаль ад-дина с исмаилитами Аламута и характерные черты исмаилитского государства в этот период изучены недостаточно. Рассмотрение этих вопросов и является целью настоящей статьи.

После разгрома Чингис-ханом государства хорезмшахов в целях общей борьбы с монголами Джелаль ад-дин безуспешно пытался создать союз государств Закавказья и Передней Азии. Среди тех владений, с которыми он вступил в соприкосновение, находилось государство исмаилитов с центром в Аламуте. Однако отношения Джелаль ад-дина с исмаилитами не могут быть поняты без рассмотрения того, что представляло собой это владение, каковы были его специфические черты и внешняя политика в 20—30-е годы XIII столетия.

Это государство возникло в 1090 г. в результате антифеодальной и антисельджукской борьбы иранских ремесленников и крестьян. Специфической формой этой борьбы был политический террор — индивидуальные убийства представителей феодальной знати. Социальные идеи исмаилитов имели целью ликвидацию феодальной эксплуатации и возврат к сельской общине с ее имущественным равенством. Религиозной оболочкой движения был исмаилизм — одно из крайних течений шиизма. Исмаилитские владения не составляли сплошного земельного массива. Исмаилитам принадлежало большое количество неприступных замков, расположенных в горах к северу от г. Казвина, в Кухистане и в Сирии.

Уже к середине XII в. под влиянием феодального мира среди самих исмаилитов стали развиваться феодальные отношения. Правящие круги

[1] И. П. Петрушевский. Из героической борьбы азербайджанского народа XIII—XIV вв. Баку, 1941.

исмаилитов, помимо сосредоточения в своих руках политической власти, стали обладателями „домов, имений и имущества“,[2] начали тяготиться исмаилизмом и втайне склоняться к правоверному исламу. К классовой борьбе с соседними феодалами, которую стремились продолжать народные низы, они относились отрицательно.

Феодальным верхам исмаилитов противостоял простой народ, рядовые исмаилиты. В народном течении были сильны приверженность к исмаилизму, стремление продолжать и усиливать классовую борьбу с феодальной знатью соседних владений старым методом индивидуального террора, росло недовольство собственной знатью.

Открытый разрыв феодальных кругов исмаилитов с исмаилитской догматикой и полный отказ от антифеодальной борьбы произошел во время правления Джелаль ад-дина Хасана (1210—1221 гг.). Он отказался от исмаилитского учения и принял ислам, в своих владениях стал строить мечети и преследовать тех, кто сохранял приверженность к исмаилизму. Багдадский халиф признал принятие ислама Джелаль ад-дином Хасаном и его народом и разрешил мусульманкам бракосочетание с ними. Джелаль ад-дин Хасан стремился к установлению дружеских и родственных связей с соседними феодалами. Когда войска Чингис-хана вторглись в Мавераннахр, „первым человеком из меликов, который отправил посла, проявил подчинение и принял подданство, был Джелаль ад-дин Хасан“. За время его правления среди населения исмаилитских владений увеличилось число правоверных мусульман. Многие коменданты исмаилитских крепостей, подчиненные Аламуту, были сами правоверными мусульманами или покровительствовали им. Усиливалась экономическая мощь феодальных верхов исмаилитов.

Интересные сведения сообщает историк Джузджани, который в 1224—1226 гг. трижды лично побывал в исмаилитских владениях в Кухистане. Джузджани рассказывает, что в 1224 г. мухташимом исмаилитов в Кухистане был Шихаб-и-Мансур Абу-л-Фадл. Он оказывал много милостей имамам и улемам Хорасана. Во время вторжения Чингис-хана „1000 почетных одежд и 700 оседланных коней были получены из его сокровищниц и конюшен улемами и бедными иностранцами“.[3] Все это свидетельствует о том, что политический курс Джелаль ад-дина Хасана поддерживался феодальными кругами исмаилитов, представители которых располагали значительным имуществом и были тесно связаны с правоверными мусульманами. В середине рамазана 618 г. х. (октябрь—ноябрь 1221 г.) Джелаль ад-дин Хасан умер, отравленный своими женами и сестрой. По словам Джувейни, его единственный сын и преемник — Ала ад-дин (1221—1256 гг.) вступил на престол в возрасте 9 лет и, следовательно, в первые годы своего правления не мог оказывать никакого влияния на политику исмаилитского государства.

Насильственная смерть Джелаль ад-дина Хасана и немедленное изменение проводимой им политики на диаметрально противоположную говорят о том, что к власти пришли его политические противники — выразители стремлений и интересов простых исмаилитов. Был возобновлен отвергнутый исмаилитскими феодальными кругами террор против феодалов соседних владений.

[2] Ta'rikh-i-Jahan-gushay of Juwayni. Being a facsimile of a Manuscript dated A. H. 690 belonging to Wahid-al-Mulk. With an Introduction by sir E. Denison Ross. Longon, 1931, t. III, стр. 89 (в дальнейшем: Juwayni).

[3] Tabakat-i-Nasiri. A general history of the muhammadan dynasties of Asia, including Hindustan and the irruption of the infidel mughals into Islam by the Maulana, Minhaj-ud-din, Abu-Umar-i Usman. Translated from Original persian Manuscripts by Major H. G. Raverty. Bibliotheca Indica, v. II, London, 1881, стр. 1198.

Целый ряд совершенно независимых друг от друга источников сообщает о террористической деятельности исмаилитов в 20—50-х годах XIII в. Армянский историк Киракос Гандзакеци рассказывает об исмаилитах: „Долго скитаются они с места на место в разных переодеваниях, пока найдут удобный случай умертвить лицо, им указанное. Поэтому все князья и цари боятся их и платят им дань. Они с чрезвычайной точностью исполняют приказания своего князя, даже нередко жертвуя при этом своей жизнью“.[4]

Весть о деятельности федаев, осуществителей намеченных убийств феодальной знати, которые подготовлялись при дворе Ала ад-дина, разнеслась так далеко и широко, что о ней узнал даже Марко Поло, находившийся в 70—90-х годах XIII в. в Китае. Снова был восстановлен исмаилизм, приверженность к которому сохранялась среди простых исмаилитов.

Правительство Аламута изменило политику покровительства правоверным мусульманам, которая вызывала недовольство простых исмаилитов. „Так как милости и благодеяния к мусульманам, общение и сношения с ними мухташима Шихаба стали очень частыми, секта Мулахидов (исмаилитов, — *Л. С.*) послала отчет в Аламут со словами: «Очень скоро мухташим Шихаб отдаст все имущество дават-ханэ мусульманам»; и из Аламута пришел указ, вызывающий его туда; и управление Кухистаном было доверено Шамс ад-дину Хасан-и-Ихтияру“. Вскоре один старый человек, из близких людей смещенного Шихаба, мусульманин, защищавший его интересы еще при дворе Мухаммеда хорезмшаха, сделал неудавшуюся попытку убить Шамса.[5] Этот факт является ярким доказательством того, что в Аламуте и в Кухистане между феодальной и народной группировками шла острая борьба.

Пришедшие к власти представители простых исмаилитов сумели и молодого Ала ад-дина воспитать в демократических традициях и сделать его выразителем своих стремлений и интересов. В детстве Ала ад-дин обычно „с другими детьми был занят играми и развлечениями, пастьбой верблюдов и баранов“.[6] Общение с простыми людьми своих владений он сохранял до конца своих дней. И убит он был „в хижине из дерева и камыша, которая была стойлом для баранов“, когда „несколько человек из гулямов, погонщиков верблюдов и пастухов и подобным им подонков (اراذل) спали вокруг него“.[7] В свои зрелые годы Ала ад-дин подвергал жестоким преследованиям „богатых“ (بزرگان) и „знатных“ (خواص) исмаилитских владений. „Большая часть столпов державы (ارکان دولت) и знатных (اعیان) государства Ала ад-дина от него находилась в страхе, так как никто не был уверен за свою жизнь“,— сообщает Джувейни.[8] Даже любимец Ала ад-дина (позднее его убийца) Хасан Мезандерани должен был носить грубую шерстяную или бумаж-

[4] История монголов по армянским источникам. Вып. II, заключающий в себе извлечения из истории Киракоса Гандзакеци. Перевод и объяснение К. И. Патканова, СПб., 1874, стр. 8.

[5] Tabakat-i-Nasiri, стр. 1198, 1212.

[6] Juwayni, стр. 93.

[7] Там же, стр. 96.

[8] Там же. درین سال خود اکثر ارکان دولت و عیان مملکت علا الدین از و حایف شده بودند که هیچ کدام بر سر خود اعتمد نداشت).

ную одежду, подобную той, какую носил его хозяин. „Когда он одевал лучшую одежду, у Ала ад-дина возникала мысль, что у него есть имущество и он подвергал Хасана ударам, выговорам и наказаниям".[9]

С приходом к власти народной группировки снова стало практиковаться принуждение неисмаилитского населения соседних областей к барщинным работам в пользу исмаилитского государства. Однажды везир Ала ад-дина был захвачен в плен тогда, когда „по ежегодно выполняемому обычаю он отправился на гору, возвышающуюся над Казвином, дабы увести на барщину (السخرة) жителей округи, чтобы они накосили травы и уложили ее затем в магазины в виде зимних запасов".[10] Этот „ежегодно выполняемый обычай" и, вероятно, другие притеснения вызывали у жителей г. Казвина страх и ужас перед исмаилитами. По словам Джузджани, „все жители Казвина имели всегда наготове полный набор оружия и орудий войны, до такой степени, что все люди базара имели обыкновение приходить в свои лавки полностью вооруженными".[11]

Социально-экономические отношения в исмаилитских владениях ни в более ранние, ни в рассматриваемый периоды не изучены. Отсутствие у исмаилитов больших земельных массивов дает основание предполагать, что ненавистный народу институт икта здесь не имел распространения. С возникновением в исмаилитских владениях феодальной знати стала развиваться эксплуатация этой знатью простых исмаилитов. Однако приведенное сообщение об угоне казвинцев на барщину говорит о каких-то попытках облегчить эксплуатацию простых исмаилитов за счет соседнего неисмаилитского населения.

Не затронутые монгольским вторжением исмаилитские владения в экономическом отношении процветали. В долинах, расположенных у подножья горных замков (число последних, по словам Джузджани, составляло 105), было развито земледелие и скотоводство. Когда „во всем Хорасане невозможно было найти баранов",[12] исмаилиты имели большое количество скота. Они подарили Несеви 400 голов баранов и дали Гияс ад-дину[13] 3—4 сотни коней. В принадлежавшем исмаилитам Кухистане были богатые города, как например Тун и Каин. В Каине было развито шелкоткачество; везде было много продуктов питания и предметов первой необходимости. Именно за шелковыми тканями, продовольствием и другими товарами в 1224—1226 гг. по поручению ряда соседних феодальных владетелей ездил в Кухистан историк Джузджани.

Исмаилиты снаряжали большие и богатые караваны. Один из них, шедший из Кухистана в Аламут, оценивался в 15 000 динаров. Второй, направлявшийся из Сирии в Аламут и разграбленный везиром Джелаль ад-дина, состоял из 70 человек и, вероятно, не меньшего числа вьючных животных. (Напомним, что знаменитый караван, разграбление которого в Отраре в 1218 г. послужило поводом к вторжению Чингисхана в Мавераннахр, состоял, по словам акад. В. В. Бартольда, из

[9] Там же, стр. 98.
[10] Histoire du sultan Djelal ed-din Mankobirti prince du Kharezm par Muhammed en-Nesawi, publié par O. Houdas. Paris, 1891, texte arabe, стр. 197; trad. franç., 1895, стр. 127 (в дальнейшем: Nesawi).
[11] Tabakat-i-Nasiri, стр. 1189.
[12] Nesawi, арабск. текст, стр. 215; фр. пер. стр. 359.
[13] Брат Джелаль ад-дина хорезмшаха.

400 человек и 450 животных).[14] Возвращенные за него 30 000 динаров Несеви считал незначительной частью его стоимости. Наконец, через Кухистан проходило много неисмаилитских караванов, о пропуске которых просил Джузджани. Еще со времен султана Санджара исмаилиты получили право взимать пошлины с проходящих через их владения караванов.[15] Все это говорит о значительной экономической мощи исмаилитов.

С приходом к власти Ала ад-дина соглашательская политика его предшественника с монголами была изменена. Исмаилиты заняли позицию, резко враждебную монголам. Именно антимонгольская деятельность хорезмшаха Джелаль ад-дина объясняет благожелательное к нему отношение исмаилитов.

Отношения Джелаль ад-дина с исмаилитами особенно подробно изложены в сочинении Несеви. Являясь с 1225 г. секретарем Джелаль ад-дина, Несеви был отлично осведомлен обо всех его делах, неоднократно участвовал в различных переговорах с посланцами исмаилитов и даже лично посетил Аламут. Сообщения этого историка подтверждаются рядом других современников.

Первое сообщение Несеви о встрече Джелаль ад-дина с исмаилитами относится к 642 г. х. (1226/27 гг.).

Джелаль ад-дин дал в удел своему дяде по матери Урхану „все, что осталось живого в Хорасане" (т. е. эту провинцию). Уполномоченные Урхана разграбили и разорили часть владений исмаилитов, которые примыкали к Хорасану, а именно территорию Туна, Каина и Кухистана.[16]

Исмаилиты, не желая ссориться с Джелаль ад-дином, попытались уладить дело мирным путем. Посол исмаилитов, по имени ал-Кемаль, явился в Хой с жалобой к Джелаль ад-дину, который устроил ему очную ставку с Урханом. Услыхав угрозы исмаилита, Урхан стал вытаскивать из-за голенищ, из-за пазухи и из-за пояса кинжалы, крича: „Вот наши кинжалы, а у нас, кроме них, есть сабли, еще более острые, закаленные и смертоносные. Вы ничего не можете поделать против этого".[17] Посол ушел ни с чем. Этой угрозой Урхан, один из крупнейших военачальников, хотел показать, что он не боится исмаилитов и знает, что им нечего противопоставить открытой военной силе. Но Урхан недооценил исмаилитов. Вскоре в окрестностях г. Ганджи на Урхана, ставшего в то время наместником этого города, набросились три исмаилита и убили его. Продолжая старые традиции создавать возможно большой эффект от совершаемых террористических актов,[18] исмаилиты с кинжалами в руках вошли в г. Ганджу, громко прославляя Ала ад-дина. Они направились во дворец везира Джелаль ад-дина — Шереф ал-Мулька, но не найдя его там, поранили одного из слуг. Исмаилиты-убийцы были побиты камнями и растерзаны толпой жителей г. Ганджи.[19]

Политический эффект от этого убийства был значителен. Вести о нем распространились широко и стали известны также и среди наро-

[14] В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 428.
[15] Juwayni, стр. 79.
[16] Там же.
[17] Nesawi, арабск. текст, стр. 133, фр. пер., стр. 220.
[18] Ed. Browne. A Literary History of Persia from Firdawsi to Sa'di. London, 1906, стр. 207.
[19] Nesawi, арабск. текст, стр. 132—133; фр. пер., стр. 220.

дов Закавказья, терпевших притеснения от военачальников Джелаль ад-дина.[20] Об убийстве Урхана сообщает и армянский историк Киракос Гандзакеци, автор, совершенно независимый от Несеви. Он пишет: „Урхан особенно сильно угнетал жителей г. Ганджака, и не только христиан, но и персов, требуя от них податей; но он вскоре был убит в этом городе Мелахидам (исмаилитами, — *Л. С.*), которые имеют обыкновение совершать подобные убийства".[21] Ни тени сожаления об убитом Урхане, которого ненавидели жители Ганджи, нет в словах армянского историка, которыми он заканчивает этот рассказ: „Так погиб злодей от рук злодеев, которых едва могли, и то издали, убить стрелами, в то время как они, нанося раны встречным, успели почти пробежать весь город".[22] Исмаилиты пошли на это убийство только после того, как оказалась безрезультатной их попытка просить защиты против Урхана у самого Джелаль ад-дина, а так как он устранился от разрешения вопроса, исмаилиты сами расправились с Урханом.

По словам Ибн ал-Асира, за убийство Урхана Джелаль ад-дин „вступил в страну исмаилитов и предал ее огню и мечу". Однако Несеви не говорит ни о каких репрессиях.

В это же время еще один посол Аламута по имени Бадр ад-дин Ахмед, также по инициативе исмаилитов, направлялся к Джелаль ад-дину. Целью его поездки было уладить спорный вопрос о г. Дамгане.[23]

Во время монгольского вторжения и вызванного им всеобщего разорения исмаилиты стали захватывать в Кухистане и поблизости от него лишенные защиты города и укрепленные замки или покупать их у их владетелей.

Так, исмаилиты купили в Нимрузе[24] у Османа, племянника правителя этой области Ямин ад-дина Бахрамшаха,[25] крепость Шаханшахи и некоторое время владели ею.

Вскоре Бахрамшах послал своего представителя к исмаилитам с требованием возвратить эту крепость, угрожая в случае отказа немедленно применить силу. В ответ на это в 618 г. х. (1221/22 гг.) в одну из пятниц, когда он шел на молитву в мечеть, посреди базара 4 федая окружили его и убили.[26] С Бахрамшахом исмаилиты Кухистана были в давней вражде.

Совсем иначе реагировали исмаилиты на требование Джелаль ад-дина возвратить ему Дамган. Посол Аламута Бадр ад-дин Ахмед успел доехать только до Байлакана, когда узнал о смерти Урхана и гибели убивших его исмаилитов. Боясь за свою жизнь и не зная, продолжать ли ему путь к Гандже или возвращаться, он написал везиру Шереф ал-Мульку, прося его совета. Тот, опасаясь нового покушения со стороны исмаилитов, письменно пригласил Бадр ад-дина приехать к нему и обещал уладить все его дела. Вопрос о Дамгане был разрешен следующим образом: „Дамган оставался во власти исмаилитов, которые обязались за это вносить в казну султана (Джелаль ад-дина, — *Л. С.*)

[20] И. П. Петрушевский, ук. соч.
[21] История монголов..., стр. 8.
[22] Там же, стр. 9.
[23] Дамган — город на пути из Рея в Нишапур.
[24] Нимруз — иное название Систана.
[25] Ямин ад-давля ва-д-дин Бахрамшах (1215/16—1221/22) из династии меликов Систана и Нимруза (Tabakat-i-Nasiri, стр. 196).
[26] Tabakat-i-Nasiri, стр. 196.

сумму в 30 000 динаров в год."[27] Это решение было закреплено соответствующим декретом.

Везир Шереф ал-Мульк удержал Бадр ад-дина при себе, видя в нем своего защитника от исмаилитов. Посол Аламута сопровождал везира в поход в Азербайджан и стал частым гостем на его публичных приемах и частных собраниях.

Однажды, в минуту откровенности, под влиянием винных паров Бадр ад-дин закричал: „В твоей армии, которая находится здесь, есть исмаилиты, и они так хорошо устроились среди вас, что не отличаются от твоих слуг. Одни из них служат в конюшне, другими распоряжается начальник хаджибов султана". Везир Шереф ал-Мульк стал просить, чтобы он ему показал некоторых из них и в знак безопасности дал свой платок. Бадр ад-дин позвал пять исмаилитов, которые явились немедленно, и один из них — индус — сказал везиру: „В такой-то день, в таком-то месте я мог убить тебя и если не сделал этого, то только потому, что ждал приказа о выполнении".[28] Услышав эти слова, Шереф ал-Мульк сбросил верхнюю одежду и, оставшись в одной рубашке, сказал: „Зачем все это? Чего хочет от меня Ала ад-дин? Какую ошибку или упущение я допустил, что он хочет моей крови? Я его раб, так же как раб султана. Вот я в ваших руках, делайте со мной все, что хотите".[29]

Когда Джелаль ад-дин узнал об этом, он страшно разгневался и приказал Шереф ал-Мульку, чтобы тот немедленно сжег всех пятерых исмаилитов перед своей палаткой. Попытка везира спасти исмаилитов оказалась безрезультатной. Исмаилиты, брошенные в огромный костер, до последнего вздоха прославляли Ала ад-дина.

Сожжение заживо было обычным способом казни, который со времени появления исмаилитов в Иране применяли к ним их враги.

Джелаль ад-дин был крупнейшей политической фигурой своего времени, он располагал значительной армией и, как сказано, стремился к подчинению всех феодальных владений Закавказья и Передней Азии. Вполне понятно, что исмаилиты Аламута, желая узнать его планы и намерения, засылали к нему своих шпионов и соглядатаев. Однако приказов об убийствах кого-либо из окружения Джелаль ад-дина исмаилиты не давали. Даже за убийство этих пятерых исмаилитов правители Аламута не стали мстить, они опять стремились не создавать конфликта и уладить дело миром.

Вскоре еще один посол из Аламута, по имени Салах ад-дин, приехал к Шереф ал-Мульку в Бердаа и заявил: „Ты сжег пятерых исмаилитов, если ты хочешь сохранить свою жизнь, ты должен заплатить 10 000 динаров за каждого из них в виде мировой сделки". Напуганный перепуганный везир окружил посла необычайными почестями и осыпал его дарами, потом он приказал Несеви составить на имя дивана декрет, который сокращал на 10 000 динаров тот ежегодный взнос в 30 000 динаров, который исмаилиты обязались выплачивать за Дамган. Шереф ал-Мульк приложил свою печать к этому декрету.[30]

В 625 г. х. (1227/28 г.), в связи с наступлением монгольских войск на Центральный Иран, отношения исмаилитов и Джелаль ад-дина акти-

[27] Nesawi, арабск. текст, стр. 133; фр. пер., стр. 221.
[28] Nesawi, арабск. текст, стр. 133; фр. пер., стр. 222.
[29] Nesawi, арабск. текст, стр. 134; фр. пер., стр. 222.
[30] Nesawi, арабск. текст, стр. 134, фр. пер. 223.

визировались и затронули целый ряд переплетающихся между собой политических и экономических вопросов.

„В этом году, — сообщает Ибн ал-Асир, — татары снова вторглись в Рей и между ними и Джелаль ад-дином произошло много сражений, число которых разно определяется людьми. В большинстве их Джелаль ад-дин терпел поражение, но в последнем он сам одержал победу."[31]

Эта решающая битва произошла под Исфаханом 22 рамазана 625 г. х. (26 августа 1228 г.). Когда обе армии выстроились друг перед другом, готовые к бою, Гияс ад-дин вместе с частью левого фланга, которым он командовал, бежал с поля битвы. В результате его измены верная победа была вырвана из рук Джелаль ад-дина. Правый фланг его армии разгромил монголов; центр был смят врагами, и сам Джелаль ад-дин, проявив чудеса храбрости, восхитившие даже монголов, с трудом избежал окружения; левый фланг был разгромлен и обращен в бегство.[32]

Частичный успех Джелаль ад-дина оценивался некоторыми современниками (Ибн ал-Асир) и более поздними историками как значительная победа. Из этого можно сделать вывод, что борьба Джелаль ад-дина с монголами находила сочувствие в народе, молва о ней получала широкое распространение и даже несколько преувеличенную оценку.

Несеви и Ибн ал-Асир предательство Гияс ад-дина объясняют тем, что он спьяну убил фаворита Джелаль ад-дина и, боясь гнева своего брата, бежал в наиболее удобный для себя момент. Однако дело было гораздо сложнее и серьезнее. Гияс ад-дин бежал в Хузистан и установил связь с багдадским халифом, прося его немедленно прийти на помощь и помочь вернуть владения, которых его лишил Джелаль ад-дин. В Багдаде, враждебном Джелаль ад-дину, немедленно откликнулись и Гияс ад-дину были посланы добрые обещания, обильные подарки и 30 000 динаров в качестве немедленной помощи.[33] Узнав о результатах Исфаханской битвы, Гияс ад-дин сам испугался поднятого им мятежа и, смертельно боясь брата, укрылся в Аламуте. Джелаль ад-дин немедленно распределил свои войска вдоль границы исмаилитских владений, отрезав Гияс ад-дину все пути к бегству.[34]

Дав у себя убежище Гияс ад-дину, исмаилиты Аламута одновременно предприняли ряд действий в отношении Джелаль ад-дина с целью выразить свое дружественное отношение к нему. Последнее может быть объяснено только его ролью в антимонгольской борьбе и ростом его авторитета после Исфаханской битвы.

Во-первых, исмаилиты старались не допустить развязывания усобицы между Джелаль ад-дином и Гияс ад-дином, что при наличии монгольских войск в Хорасане и возможности их нового наступления затруднило бы Джелаль ад-дину возможность борьбы с ними.

По словам Ибн ал-Асира, Джелаль ад-дин потребовал выдачи брата. Исмаилиты отказали, ссылаясь на невозможность выдать того, кто искал у них убежища. „Мы не можем его выдать, но мы задержим его у себя, и он не сможет ничего взять у вас из ваших владений. Мы это гарантируем. Если он проявит враждебность на вашей территории, вы будете вольны поступать с нашей страной по своему усмотрению". Султан казался удовлетворенным этим обещанием. Несеви ничего не говорит о таком требовании Джелаль ад-дина. Наоборот, опять инициатива была проявлена исмаилитами, которые от имени владетеля Аламута направили посла к Джелаль ад-дину, прося у него прощения и прежних милостей для Гияс ад-дина.[35] Джелаль ад-дин отнесся благосклонно к просьбе о пощаде и под клятвой обещал ее Гияс ад-дину.

Вместе с аламутским послом два видных придворных Джелаль ад-дина были посланы в исмаилитские владения за Гияс ад-дином. Джелаль ад-дин поблагодарил владетеля Аламута за его попытку примирить его с братом, применив в обращении к нему даже более высокий титул, чем это практиковалось раньше.[36]

Во-вторых, в это же время, когда войска Джелаль ад-дина преследовали монголов в Хорасане, из Аламута явился посол и привел девятерых исмаилитов, которые готовы были убить своими кинжалами любых врагов Джелаль ад-дина.

Для обсуждения этого предложения Джелаль ад-дин собрал своих самых видных придворных и лучших советников. Большинство было готово принять предложение исмаилитов и назвать им, кого они должны убить. Только правитель Ирака не разделил этого мнения, указывая, что Ала ад-дин имеет своей целью узнать сокровенные мысли и тайных врагов Джелаль ад-дина. Последний отослал исмаилитов к Ала ад-дину со следующим ответом: „Как и все, вы отлично знаете, кто наши враги и противники и кто наши друзья и союзники. Если вы хотите делать, о чем говорите, ничто не мешает вам действовать и нет необходимости давать вам указания. Мы же не налагаем на вас подобного обязательства. Наши острые сабли и смелые воины избавляют нас от необходимости прибегать к руке и кинжалу исмаилитов".[37] Как видно, ответ был дипломатичным и вместе с формальным отказом предоставлял исмаилитам полную свободу действий.

В-третьих, Джелаль ад-дин поручил везиру Шереф ал-Мульку захватить посланца татар, который с исмаилитским караваном якобы направлялся в Сирию, и приказал останавливать в пути каждый караван, направляющийся в Сирию или идущий из Рума к исмаилитам. Единственной целью Джелаль ад-дина было захватить монгола и уличить халифа и некоторых других владетелей в сношениях с его врагами.

Люди везира Шереф ал-Мулька разграбили караван и без предупреждения убили всех 70 караванщиков; никаких монголов среди них обнаружено не было.

И на это истребление своих людей и потерю имущества исмаилиты реагировали крайне сдержанно. Не последовало никаких актов мести в отношении везира, лично повинного в этом грабеже. Посол Аламута — Асад ад-дин — только упрекнул везира, потребовал возврата имущества и настоял на том, чтобы доверенное лицо Джелаль ад-дина проследило за улаживанием всего дела. Джелаль ад-дин принес извинение за пролитую кровь. Однако исмаилитам была возвращена крайне незначительная часть каравана: 30 000 динаров и 10 арабских коней.[38]

Свои рассказы о разграблении каравана исмаилитов и предложении ими своих тайных убийц Несеви каждый раз заканчивает словами:

---

31 Материалы по истории Азербайджана из Тарих ал-Камиль (полного свода истории) Ибн ал-Асира. Пер. проф. П. Жузе, Баку, 1940, стр. 166.
32 Nesawi, арабск. текст, стр. 135—139; фр. пер., стр. 224—231.
33 Nesawi, арабск. текст, стр. 142; фр. пер., стр. 237.
34 Nesawi, арабск. текст, стр. 143; фр. пер., стр. 238.
35 Nesawi, арабск. текст, стр. 144; фр. пер., стр. 238.
36 Nesawi, арабск. текст, стр. 143—144; фр. пер., стр. 238.
37 Nesawi, арабск. текст, стр. 145; фр. пер., стр. 241.
38 Nesawi, арабск. текст, стр. 158; фр. пер., стр. 263—264.

„Вскоре пришло известие о том, что исмаилиты дали возможность Гияс ад-дину бежать из Аламута, снабдив его 3—4 стами коней".

В течение всего этого времени Гияс ад-дин вместе со своей матерью был в Аламуте. Не поверив обещаниям брата и не желая возвратиться к нему вместе с присланными за ним людьми, Гияс ад-дин стал молить Ала ад-дина помочь ему бежать. Исмаилиты, которые дорожили репутацией неуязвимости тех беглецов, которые скрывались в их владениях, не захотели выдать Гияс ад-дина помимо его воли. Они убедились, что он уже не помышляет о мятеже, думает только о спасении своей жизни и не опасен для Джелаль ад-дина. И бежать он стремился на юг, в Керман, далеко от поля борьбы Джелаль ад-дина с монголами. Кроме того, отказ Джелаль ад-дина от предложенной помощи и ограбление каравана, конечно, задели исмаилитов, и они захотели немного досадить Джелаль ад-дину. Гияс ад-дин бежал в Керман; вскоре он погиб. Источники сообщают разноречивые сведения об обстоятельствах его гибели.[39]

Джелаль ад-дин рассердился на исмаилитов, и об этом знали его приближенные, однако никаких враждебных действий он не проявил. Именно в это время один из эмиров Ирака, зная о недовольстве Джелаль ад-дина исмаилитами, по собственной инициативе послал отряд, захвативший около Казвина везира Ала ад-дина, который, как уже сказано, угонял на барщину казвинцев. Этого везира перевезли в Ахлат, затем в Тавриз и через 4 месяца казнили.[40] Исмаилиты ничем не отозвались на это убийство.

В начале 627 г. х. (1230 г.) исмаилиты без напоминания привезли Джелаль ад-дину 20 000 динаров в счет платежей за Дамган, принося извинения за то, что причитающаяся сумма не вносится полностью.[41]

К 1230 г. положение Джелаль ад-дина значительно ухудшилось: после захвата им Ахлата против него создалась коалиция правителей Сирии и Рума, из Хорасана наступали монголы, на завоеванных территориях поднимались восстания и создавались заговоры знати. В этой обстановке Джелаль ад-дин захотел установить более тесные связи со столь всегда лойяльными в отношении его исмаилитами. Для этого с дипломатическим поручением, охватывающим очень большой круг вопросов, в Аламут был послан секретарь Джелаль ад-дина — Несеви. Историк подробно рассказывает о своей поездке в Аламут, которая имела место в шаввале 627 г. х. (августе 1230 г.).[42]

Отправляя Несеви к исмаилитам, Джелаль ад-дин приказал ему въезжать в Аламут только при условии, что Ала ад-дин согласится дать ему личную аудиенцию, а если такой прием состоится — не целовать руки Ала ад-дина и с целью подчеркнуть недовольство за дело с Гияс ад-дином держаться сурово и строго и даже нарушать общепринятый церемониал и этикет приема.

Несеви рассказывает, что дабы добиться этой личной аудиенции, он пошел на хитрость: вперед был послан человек с этим требованием, и, не дожидаясь ответа исмаилитов, Несеви въехал в Аламут. Он был встречен с почетом, отказался кому бы то ни было говорить о цели своей миссии, а через три дня ночью был принят Ала ад-дином.

---

39 Nesawi, арабск. текст, стр. 196; фр. пер., стр. 327; Tabakat-i-Nasiri, стр. 285.
40 Nesawi, арабск. текст, стр. 193; фр. пер., стр. 327.
41 Nesawi, арабск. текст, стр. 210; фр. пер., стр. 350.
42 Nesawi, арабск. текст, стр. 212—219; фр. пер., стр. 353—360.

На аудиенции присутствовали: Ала ад-дин, его везир Имад ад-дин ал-Мухташим, Несеви и Кемаль ад-дин ал-Мустауфи, сопровождавший историка по поручению правителя Ирака. Переговоры шли между везиром и Несеви, Ала ад-дин (которому было 18 лет, — *Л. С.*) держался в тени.

Первое требование Джелаль ад-дина о хутбе[43] на его имя было категорически отклонено исмаилитами. Незадолго до этого Бадр ад-дин Ахмед был послан из Аламута в Мавераннахр, к татарам. Теперь Несеви передал вторую просьбу Джелаль ад-дина — прислать к нему этого посла, чтобы узнать результат его миссии. Эта просьба также не была выполнена исмаилитами. Несеви удовлетворился объяснением, что это посольство имело целью защитить от разорения территории исмаилитов, смежные с теми, которые были захвачены татарами.

Наконец, третьим вопросом, который Несеви называет главной целью своей поездки в Аламут, был вопрос финансовый. Несеви было поручено взыскать с исмаилитов недоданные ими взносы за Дамган. Как сказано, они обязались выплачивать по 30 000 динаров ежегодно, а за истекшие 2 года внесли лишь 20 000 динаров.

Исмаилиты попросили засчитать 15 000 динаров, которые захватил Амин ад-дин, правитель принадлежащей Джелаль ад-дину крепости Фирузкух, при перевозке этих денег из Кухистана в Аламут. Они предъявили написанный самим Несеви декрет везира Шереф ал-Мулька, который сокращал ежегодный взнос на 10 000 динаров как пеню за пятерых сожженных исмаилитов. В конце концов было решено, что правитель Аламута внесет 20 000 динаров и получит отсрочку на 10 000 пока не выяснит мнение Джелаль ад-дина по этому вопросу. Деньги были внесены немедленно.

В этой же аудиенции рассматривался ряд вопросов, о которых, по словам Несеви, „рассказывать необязательно". В частности, были улажены какие-то дела с представителем постоянно враждебного исмаилитам правителя Ирака.

Переговоры осветили самую сущность взаимоотношений исмаилитов Аламута и Джелаль ад-дина.

Несеви сообщает, что отклоняя просьбу исмаилитов — засчитать 15 000 динаров, — „я сказал: то, в чем упрекают Амин ад-дина было раньше заключения мира и подписания договора"[44] (разрядка наша, — *Л. С.*). Несеви, столь точно рассказывающий обо всех отношениях с исмаилитами, нигде и никогда об этом мире и договоре не упоминал. Видимо, Несеви проговорился о том, что „рассказывать необязательно", — существовании между Джелаль ад-дином и исмаилитами такого договора.

Не менее важными являются переданные Несеви слова исмаилитов, которые нужно считать основой всей их политики в отношении Джелаль ад-дина и объяснением всех их действий.

„Когда, спросили они, мы были во вражде с Вами? Когда перестали мы быть едины с вами и верны вашему правительству? Султан видел нас в действии как при хороших, так и при плохих обстоятель-

---

43 *Хутба* — заздравная молитва, означающая признание политической власти того, на чье имя она читается.

44 Nesawi, арабск. текст, стр. 213: فقلت انّ الذى اخذ امين الدين كان قبل انعقاد الصلح و تاكّد العهد.

ствах. Он нас испытывал в дни счастья и дни бедствий. Наши люди не служили ли верно султану в Индии, когда он был в самых тяжелых обстоятельствах после перехода реки Синд? Разве, узнав об этом, султан не признал публично нашей преданности в это время? Разве не убили мы Шихаб ад-дина Гури[45] с единственной целью угодить великому царю (т. е. Мухаммеду хорезмшаху, — *Л. С.*) и дать ему доказательства нашей дружбы?". На все эти заявления Несеви возразил только по поводу Шихаб ад-дина, сказав, что исмаилиты убили его за разграбление исмаилитских территорий и кровь людей. Все остальное он не опровергал.

Исмаилиты окружили Несеви такими почестями, каких не проявляли никогда к другим послам Джелаль ад-дина. Несеви был осыпан дарами, состоящими из почетных одежд и денег. Историк перечисляет все эти подарки и оценивает их в 3000 динаров. Кроме того, когда Несеви высказал желание закупить баранов для своих личных нужд, ему подарили стадо баранов в 400 голов. Несеви признавался, что он с большой неохотой отправлялся в Аламут, а его спутник — в том, что не рассчитывал выйти оттуда живым.

Можно считать, что результат миссии Несеви был удачным; все вопросы между исмаилитами и Джелаль ад-дином были разрешены, отношения выяснены, ничто не омрачало ранее заключенный мир и подписанный договор.

На этом отношения Джелаль ад-дина с исмаилитами оборвались. Вскоре Джелаль ад-дин погиб (1231 г.). Исмаилитское государство просуществовало еще около четверти века и, несмотря на упорное сопротивление простых исмаилитов, было разгромлено Хулагу-ханом в 1256 г.[46]

Так, в течение 1225—1230 гг. имели место постоянные отношения между столь разными по своей классовой природе сторонами, как Джелаль ад-дин и исмаилиты Аламута.

Последний хорезмшах Джелаль ад-дин опирался на узкий круг своих военных сподвижников — феодалов. Вся его завоевательная политика имела целью расширить стратегическую базу для борьбы с монголами, что являлось его основной задачей. Он боялся и не хотел опереться на народ, со стороны которого мог бы получить поддержку в антимонгольской борьбе.

Исмаилиты Аламута, руководимые в это время народной группировкой, восстановили свои старые традиции борьбы с соседней феодальной знатью методом индивидуального террора и были глубоко враждебны монголам.

Только стремление к антимонгольской борьбе было общим между исмаилитами и Джелал ад-дином. И именно оно определяло всю политику исмаилитов в отношении к последнему хорезмшаху.

---

[45] Шихаб ад-дин, впоследствии Муизз ад-дин Мухаммед Гури, — наиболее выдающийся представитель династии Гуридов. О его борьбе с Мухаммедом хорезмшахом и убийстве индийскими федаями в 602 г. х. (1205 г.) см.: Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. Перевод с персидского О. И. Смирновой, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, редакция проф. А. А. Семенова. М.—Л., 1952 г., стр. 139—140, 156—159.

[46] Л. В. Строева. Уничтожение монголами государства исмаилитов в Иране. Уч. зап. ЛГУ, № 179, вып. 4, Л., 1954.

Исмаилиты как-то помогали Джелаль ад-дину во время его пребывания в Индии; они, как правило, не применяли террора в отношении его сподвижников, даже когда терпели от них ущерб и обиды (убийство Урхана следует рассматривать как меру самозащиты). Исмаилиты стремились каждое дело, грозящее конфликтом, разрешить мирным путем (например, разграбление каравана, сожжение пяти исмаилитов, убийство везира). Они предотвратили феодальную усобицу, которая могла бы отвлечь силы Джелаль ад-дина от борьбы с монголами (в деле с Гияс ад-дином). Исмаилиты выполняли взятые на себя денежные обязательства (по поводу г. Дамгана), хотя в аналогичных обстоятельствах применяли террор против других феодалов. Они даже предлагали Джелаль ад-дину использовать своих тайных убийц против его врагов. Между исмаилитами и Джелаль ад-дином был заключен мир и подписан договор (из-за умолчания Несеви невозможно установить точно, когда это было сделано). Джелаль ад-дин со своей стороны старался не ссориться с исмаилитами. Он принял их посредничество в деле с Гияс ад-дином, а когда преследовал его, не нарушал границ исмаилитских владений, несмотря на то, что располагал значительной военной силой. Он принес извинения и частично возместил убытки за разграбленный караван (сожжение им пятерых исмаилитов-шпионов было с его стороны также актом самозащиты). Джелаль ад-дин, известный как фанатик-суннит, любезно принимал послов от еретиков-исмаилитов и направлял своих посланцев в Аламут. Он отклонил прямую возможность использования исмаилитских убийц, но в дипломатической форме предоставил им свободу действий против своих врагов. Он продал им за деньги г. Дамган. Наконец, будучи в трудном положении в результате борьбы с коалицией Сирии и Рума и одновременно с монголами, Джелаль ад-дин захотел полностью уладить все спорные вопросы и восстановить мир с исмаилитами.

Смерть последнего хорезмшаха оборвала его отношения с исмаилитами Аламута; эти отношения выражали своеобразную форму антимонгольской борьбы в Иране.

В. В. Струве

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТРОК 14—19 III СТОЛБЦА „ОВАЛЬНОЙ ПЛАСТИНКИ“

Одной из самых содержательных исторических надписей древнего Шумера является так называемая „Овальная пластинка“,[1] приписываемая всеми шумерологами Урукагине, хотя имя царя-реформатора и не упоминается в сохранившихся частях ее фрагментированного текста.[2] Плохая сохранность эпиграфического памятника создавала для его интерпретаторов ряд непреодолимых трудностей. К подобным трудностям было причислено некоторыми исследователями и раскрытие содержания текста 14—19 строк III столбца надписи.

Ф. Тюро-Данжен дал следующую транскрипцию указанных строк надписи:[(14)] sal-e nitah-ra[(15)] [...] kal-ba-ni ni-du(g)[(16)] sal-ba duddu-ni[(17)] EDIN ni-su(s)[(18)] EDIN-bi[(19)] a-ZAR-la e-lal.[3]

Он оставил их почти без перевода:[(14–15)] „(Wenn) eine Frau zu einem Manne sagt „[ ]...“[(16–19)] wird diese Frau...“.[4]

Более полный перевод дал А. Деймель, но он также не сделал попытки восстановить отмеченную Тюро-Данженом лакуну: „Wenn eine Frau zu dem Manne sagt: ... dieser Frau ihr *duddu* wird in einen gros-

[1] Памятник хранится в Константинопольском музее. Мастерскую автографию его текста дал Ф. Тюро-Данжен в издании: F. Thureau-Dangin. Découvertes en Chaldée, partie épigraphique. Paris, 1912, табл. L. Транскрипцию и перевод надписи дал также Ф. Тюро-Данжен в своем труде: F. Thureau-Dangin. Les inscriptions de Sumer et d'Akkad. Paris, 1905, стр. 86i. Он повторил их в другом своем труде: F. Thureau-Dangin. Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften. Leipzig. 1907. стр. 55i.

[2] Всеми шумерологами и историками древнего Востока „Овальная пластинка“ включалась и включается в число надписей, составленных по повелению Урукагины. Единственный из известных мне исследователей, который подчеркнул, что текст памятника включает в себе часть надписи предшественника Урукагины — Энтемены (и что в сохранившихся строках его не встречается имени Урукагины) — был Крамер. (S. N. Kramer. Sumerian Historiography. Israel Exploration Journal, т. 3, вып. 4, 1953, стр. 229, прим. 28). В настоящем исследовании, посвященном пониманию лишь одного из разделов текста „Овальной пластинки“, я указанной проблемы не коснусь. Однако, забегая вперед, могу заявить, что и я прихожу к выводу о датировке „Овальной пластинки“ временем правления Урукагины.

[3] Эта транскрипция дана в двух трудах Тюро-Данжена (стр. 86i и 55i), отмеченных в прим. 1.

[4] Перевод дан там же.

sen Topf (*-edin*) gedrückt und dieser Topf im *a-zar-la* aufgehängt“.[5] По мнению А. Деймеля, данное постановление „Овальной пластинки“ является мероприятием, направленным на восстановление норм нравственности в отношениях между мужем и женой. За какие-то „дерзкие, наказуемые“ слова мужу жена должна была подвергаться наказанию.[6]

И. М. Дьяконов в своем переводе указанных строк надписи „Овальной пластинки“ также не восстанавливает лакуну, отмеченную Тюро-Данженом в своей транскрипции текста:[7] „(если) женщина скажет мужчине: „[...] ...“,[8] (то) клевету (?) этой женщины[9] заключают в глиняный сосуд (?) (и) этот глиняный сосуд (??) веревкой[10] вешают“.[11]

Э. Зольберже в своем полезном труде, посвященном системе глагола в исторических надписях Лагаша эпохи до Аккада,[12] оставил, к сожалению, почти без интерпретации указанные строки „Овальной пластинки“. На самом деле транскрипция и перевод швейцарского шумеролога не дают ответа ни на одну из тех проблем, которые встают перед изучающим данный текст: mi-e nita-ra x-x -KAL-ba-ne i-dug$_4$[13] mi-ba KA. KA-né EDIN ni-sus[14] — supposé qu'une femme dise à (son) mari ...[15] le ... de cette femme, dans le ... y était ...(lancé?).[16]

Первым из исследователей, который путем использования автографии, сделанной основоположником шумерологии Тюро-Данженом с „Овальной пластинки“, попытался устранить лакуну, допущенную им в приведенной выше транскрипции строк 14—19 III столбца надписи, был французский шумеролог М. Ламбер. Он в своей работе „«Реформы» Урукагины“, вышедшей в 1956 г., дал транскрипцию и интерпретацию текста всех тех надписей, которые свидетельствуют о проведенных Уру-

[5] А. Деймель дал перевод этих строк в: Orientalia, № 2, 1920, стр. 10.

[6] Там же, стр. 29в. Здесь А. Деймель приводит для наказания жены любопытную параллель из книги пророка Захарии, гл. 5, 5—10.

[7] См.: И. М. Дьяконов. Реформы Урукагины в Лагаше. ВДИ, 1951, № 1, стр. 15 сл. Автор дает перевод трех надписей царя-реформатора: 1) на конусах B и C, 2) на конусе A и 3) на „Овальной пластинке“. Перевод строк 14—19 III столбца И. М. Дьяконова см. на стр. 28 указанной статьи.

[8] В примечании к оставленному без перевода тексту 15-й строки автор заявляет: „Непонятно ввиду плохой сохранности текста“.

[9] В примечании к тексту 16-й строки надписи автор транскрибирует шумерийское слово, транскрибированное Тюро-Данженом: duddu — „du(g)$_4$-du(g)“, и указывает, что это слово „(в разных чтениях) означает «говорение слов», «пение», «клятва», «клевета». Не идет ли здесь речь о вырезании языка?“.

[10] В примечании к тексту 19-й строки надписи автор предлагает читать шумерийское слово, транскрибированное Тюро-Данженом: a-ZAR-la — „a-zal-la“, и сопоставляет его с аккадским словом azallû, означающим „пеньку“. К сожалению, это заманчивое предложение вряд ли может быть принято. Дело в том, что данное выражение (a-ZAR-la) встречается также в тексте надписей конусов A, B и C Урукагины, а там в условиях контекста никак нельзя перевести его словом „пенька“, „веревка“, да и сам И. М. Дьяконов (ук. соч., стр. 22, прим. 15) видит в данном шумерийском выражении обозначение для „проточной воды“.

[11] Выводом И. М. Дьяконова из его интерпретации названных строк „Овальной пластинки“ является утверждение: „Весь параграф весьма темен“ (ук. соч., стр. 28, прим. 19).

[12] Edm. Sollberger. Le système verbal dans les inscriptions „royales“ présargoniques de Lagas. Genève, 1952. Свои грамматические положения автор иллюстрирует обильным материалом, почерпнутым из исторических надписей правителей Лагаша, датируемых временем до Саргона Аккадского.

[13] Там же, стр. 171, № 418.

[14] Там же, стр. 152, № 309.

[15] Там же, стр. 171, № 418.

[16] Там же, стр. 152, № 309.

кагиной реформах.[17] Здесь он и попытался на основании замечательной автографии Тюро-Данжена восстановить текст в лакуне 15-й строки III столбца „Овальной пластинки". Весь же текст изучаемого в моей статье отрывка надписи он транскрибирует следующим образом:[14] geme-e gurus-ra[15] a (?) gis (?)-rib-ba-ni i-dug$_4$[16] geme-ba dug$_4$-dug$_4$-ni[17] bir$_4$ i-sus[18] bir$_4$-bi a-ZAR-la e-lal.[18]

Приведенная транскрипция свидетельствует о том, что автор ее сам не уверен в правильности предложенного им восстановления лакуны в 15-й строке III столбца надписи, поскольку он вычитанные им в автографии Тюро-Данжена a и gis снабжает вопросительными знаками. Поэтому в данной им интерпретации текста отрывка надписи он оставляет 15-ю строку частично без перевода: „Une femme à un homme[15] fait décider son (...) mitoyen,[16] le contrert de cette femme[17] sera déposé à la cuisson;[18] ce (document) cuit sera suspendu dans le a-ZAR-la(?)".[19]

В 1955 г. я посвятил один из моих докладов проблеме восстановления лакуны в 15-й строке III столбца „Овальной пластинки".[20] Я уже тогда вычитал в автографии Тюро-Данжена те знаки, которые, по моему мнению, можно с большей убедительностью сопоставить со следами знаков, отмеченными автографией, нежели знаки a и gis, предложенные М. Ламбером. На самом деле второй из знаков 15-й строки, засвидетельствованный автографией Тюро-Данжена — угловой клин, примыкающий к вертикальному клину, не является концом знака a, как предполагает Ламбер. Он может быть лишь началом знака igi. Тем самым отпадает и другое предположение Ламбера, что первый знак 15-й строки в автографии Тюро-Данжена является началом знака a.

Неприемлемость отождествления первых двух знаков 15-й строки с началом и концом знака a устанавливается еще и тем обстоятельством, что в таком случае расстояние между предполагаемым знаком a и следующим знаком, прочитанным Ламбером в качестве gis, явится на много большим, чем то, которое обычно разделяет клинописные знаки друг от друга. Учитывая указанные моменты, надлежит предположить, что знак igi, прочитанный мной, и знак gis, прочитанный Ламбером, являются началом и концом единого сложного клинописного знака. Среди подобных знаков имеется, действительно, один, в состав которого входят знак igi и знак, конец которого соответствует прямоугольнику, близкому прямоугольнику, обозначавшему слог gis. Этот сложный клинописный знак состоял из знака igi и знака ur и обозначал слово hul 'злой', 'враг', 'быть злым', 'разрушать' и т. п. В тексте 15-й строки головная часть знака ur[21] пострадала, что и было отражено в автографии Тюро-Данжена.

Если согласиться с моим восстановлением 2-го и 3-го знаков 15-й строки в качестве единого сложного клинописного знака hul, то в таком случае условия контекста подсказывают восстановление первого, также несколько разрушенного знака 15-й строки в виде знака, соответствующего фонеме „e". Данному предположению отнюдь не противоречат сохранившиеся следы знака, отмеченные Тюро-Данженом. Они могут быть без натяжки восстановлены в виде клинописного знака, соответствовавшего фонеме „e". Результатом предложенного восстановления является, таким образом, глагольная форма e-hul 'он (она) зол (зла)'.

Правда, согласно закономерности гармонии гласных, установленной А. Пёбелем для шумерийского языка,[22] префиксом спряжения[23] должен быть для глагола hul не звук „e", а звук „i", поскольку гласной в этом глаголе является звук „u".[24] Но Пёбель сам, установив форму e-hul- в надписях из Ниппура,[25] отметил особое положение глагола hul. Он допускает возможность, что гласной глагола hul являлся звук не „u", а „o", в таком случае „e-" в качестве префикса спряжения было бы вполне оправданным.[26]

На основании всего сказанного, я имею право с большой долей вероятности восстановить лакуну, допущенную Тюро-Данженом в его транскрипции 15-й строки III столбца „Овальной пластинки", в виде глагольной формы „e-hul" 'он (она) зол' resp. 'враждебен (зла resp. враждебна)'.[27] Включив данное восстановление в текст строк 14—19 III столбца надписи, я могу дать следующую транскрипцию всего отрывка:[14] mi-e nita-ra[15] [e-hul] rib-ba-ni i-dug$_4$[16] mi-ba dug$_4$-dug$_4$-ni[17] EDIN i-sus[18] EDIN-bi[19] a-ZAR-la e-lal 'Жена мужу [станет враждебной] (и) дай мне там пройти[28] скажет, (то) на эту жену соблазнитель[29] ее в бочке[30] кладется (и) бочка эта с водой огородного бассейна[31] соединяется'.

---

17 Maurice Lambert. Les „réformes" d'Urukagina. Revue d'Assyriologie, т. L, 1956, стр. 169—184.

18 Там же, стр. 182.

19 Там же, стр. 183.

20 Я читал доклад на заседании Кафедры истории Древнего Востока Восточного факультета ЛГУ.

21 Пиктографический исток клинописного знака ur восходит к изображению „собаки". См. клинописный образ знака ur в древнешумерийский период: A. Deimel. Sumerische Grammatik. 2 Auflage, Roma, 1939, № 278.

22 A. Poebel. The sumerian prefix forms e- and i- in the time of the earlier princes of Lagas. Assyriological Studies, 1931, № 2.

23 Я пользуюсь в данном случае терминологией, предложенной Фалькенштейном (A. Falkenstein. Grammatik der Sprache Gudeas von Lagas, t. I. 1949, стр. 179—180).

24 A. Poebel, ук. соч., стр. 2.

25 В надписях из Лагаша времени до Саргона Аккадского глагольная форма „e-hul" или „i-hul" не устанавливается.

26 A. Poebel, ук. соч., стр. 20—21. В прим. 1 к стр. 21 он высказывает предположение, что надлежит различать между hol 'действовать как враг против кого-нибудь' и между hul 'радоваться'.

27 После завершения данной статьи я смог ознакомиться с новой проверкой текста „Овальной пластинки" в работе: E. Sollberger. Corpus des inscriptions „royales" présargoniques de Lagaš. Genève, 1956, стр. 54. Здесь автор доказал с большой точностью автографию Тюро-Данжена. Я надеюсь, что предложенное мной восстановление лакуны начала 15-й строки III столбца „Овальной пластинки" заслужит внимания будущего интерпретатора этого замечательного письменного памятника. Мое восстановление является тем более приемлемым, что дальнейший текст надписи говорит в его пользу.

28 Т. е. в двери дома. Этими словами жена, очевидно, в предшествующее время могла безнаказанно расторгать свое сожительство с мужем и уходить в дом к своему любовнику. Теперь же, в условиях укреплявшегося патриархата, подобное свободное отношение жены к мужу рассматривалось преступлением.

29 К подобному переводу слова dug$_4$ — dug$_4$ см.: A. Deimel. Sumerisches Lexikon. 1927, Rome, №№ 15, 76. 117.

30 Там же. А. Деймель в начале раздела, посвященного знаку EDIN (№ 168, 1), определяет пиктографический праобраз этого клинописного знака как „большую, высокую, глиняную бочку, которая служила хранением воды, молока, зерна и масла".

31 Там же. А. Деймель (№ 491, 1) разъясняет клинописный знак ZAR как сложный знак lagab + sum. Он отождествляет (№ 483, 1) пиктографический праобраз знака sum (№ 164, 1) знака lagab с 'охватом' (Umfang) некоего сосуда, а праобраз знака lagab (№ 164, 1) соответствует, по его мнению, какому-то овощу. Эти данные и послужили для меня основанием для интерпретации выражения a-ZAR-la 'вода огородного бассейна'.

В этом постановлении Урукагины речь идет, несомненно, о „жене“ и „муже“, а не о какой-нибудь женщине и о постороннем ей мужчине. Такое значение шумерийского слова mi 'женщина' в приведенном контексте доказывается содержанием следующего постановления, зафиксированного в строках 20—24 надписи: (20) mi ud-bi-ta-gé-ne (21) nita-min-ta (22) i-tuk-am$_6$ (23) mi ud-da-e-ne (24) za-aš-da-bi i-šub '(20) Жены прежние (21) по два мужа имели, казнь[32] жен теперешних (за это) устанавливается'.

В данном постановлении законодатель, конечно, имел в виду не „женщин“, а „жен“, которые во время до Урукагины имели право сожительствовать с несколькими мужчинами. Поэтому и в „женщине“ и в „мужчине“ предшествующего постановления, отмеченного в строках 14—19 III столбца „Овальной пластинки“, надлежит видеть „жену“ и „мужа“ и тем самым следует установить в этих двух постановлениях отражение борьбы крепнущих патриархальных отношений с далеко еще не изжитыми рудиментами матриархата. Очевидно, в шумерийском обществе, особенно в среде знати, были еще весьма сильны традиции матриархального строя,[33] которые находили свое выражение и в праве свободного ухода жены от мужа, и в существовании института полиандрии.

Урукагина в борьбе своей со знатью стремился подорвать ее родовую организацию, покоящуюся еще до некоторой степени на устоях матриархата, и запретил поэтому под угрозой жестокой кары те формы брачного сожительства, при которых допускались свободный уход жены от мужа и наличие у одной жены 2 мужей.

Вывод из моей работы, посвященной восстановлению лакуны в одной из шумерийских надписей, расширяет, таким образом, и наши знания в области истории шумерийского общества. Историко-филологический характер моего краткого исследования и позволяет мне поднести его в качестве скромного дара выдающемуся советскому востоковеду, доказавшему своими трудами всю плодотворность творческого единства работы филолога и историка для решения любой проблемы в области востоковедения.

[32] Я полагаю, что мы имеем здесь заимствование из аккадского языка saltu 'разрезанный'. Я, конечно, не настаиваю на этом предположении, но вместе с тем я настаиваю, что за словом zasda в данном контексте, несомненно, скрывается какое-то жестокое наказание.

[33] Удержались рудименты матриархальных отношений в среде шумерийской знати, очевидно, из тех же соображений, согласно которым в ряде древних обществ право наследия царской власти покоилось исключительно на крови матери. См.: Ed. Meyer. Geschichte des Altertums, т. I, 5 Auflage, Stuttgart—Berlin, 1925, § 10 A.

А. С. Тверитинова

О ТУРЕЦКОЙ РУКОПИСИ ЛЕТОПИСНОГО СВОДА КОДЖИ ХЮСЕЙНА „БЕДА'И УЛ-ВЕКА'И“ (ТОМ II) ИЗ СОБРАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР В ЛЕНИНГРАДЕ[1]

За последние годы исследования в области средневековой истории Османского государства, как нам представляется, ведутся в двух, очень важных направлениях. С одной стороны, усилились изыскания для выявления новых неизвестных исторических документов и памятников, с другой — значительно возрос интерес к изучению важнейших проблем общественной и экономической истории Османского государства на основании опубликованных ранее и вновь найденных материалов.

Каждый вновь обнаруженный турецкий документ и памятник вызывает огромный интерес не только у специалистов-тюркологов, но и у специалистов, работающих над проблемами истории народов Балканского полуострова, Закавказья, арабского Востока, так как в турецких средневековых документах содержатся сведения, важные для изучения истории народов, некогда входивших в состав Османской империи.

Советские тюркологи внимательно следят за всеми новыми публикациями турецких документов и памятников и в меру своих сил и возможностей стремятся внести свою лепту в важную и интересную работу по выявлению и исследованию новых турецких источников.

Настоящее сообщение содержит предварительные сведения о хранящейся в Ленинграде в Рукописном отделе Института востоковедения Академии наук СССР турецкой рукописи летописного свода истории Османского государства, охватывающей события от возникновения княжества Османов в Малой Азии и до конца царствования Селима I, т. е. до 1520 г. До сего времени эта рукопись оставалась неизвестной в тюркологической литературе.

Автор этого сочинения, который в нашей рукописи называет себя بو عبد حقير پر تقصير يعنى حسين الفقير, происходил из Сараево. Много

[1] Доклад, прочитанный на XXIV Международном конгрессе ориенталистов в Мюнхене 30 VIII 1957.

лет он служил в концелярии султанского Дивана, знал не только турецкий, персидский, арабский, боснийский языки, а возможно и греческий. У проф. Ф. Бабингера он значится под именем Коджа Хюсейн,[2] в турецких био-библиографических сочинениях его называют Хюсейн эфенди „историк Коджа из Боснии".[3]

Хюсейн или Коджа Хюсейн известен как автор двухтомного сочинения под названием „Беда'и уль-века'и" („Удивительные события"), первая часть которого хранится в Венской национальной библиотеке под № 864. Что касается второй части, то местонахождение ее оставалось неизвестным и даже высказывалось предположение, что автор из-за преклонного возраста, возможно, не смог закончить задуманной им второй части своего труда.[4] Рукопись „Беда'и ул-века'и" (بدايع الوقايع) из собрания Рукописного отдела Института востоковедения Академии наук СССР в Ленинграде, как об этом свидетельствуют архивные документы (Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1-а, № 106, 1862 г., § 204), была приобретена Азиатским музеем в 1862 г. из частной коллекции в Петербурге.[5] Нами она обнаружена в 1951 г., а краткое сообщение о ней было опубликовано в 1956 г.[6] В настоящее время начата подготовка к ее изданию.

Наша рукопись (№ С 564) представляет собой объемистый том в 517 листов убористого текста (размер листа 18 × 28.5 см), обведенного рамкой из золотых и черных полос. На каждой странице 25 строк. Почерк — четкий, изящный насх. Названия разделов и глав также обведены полосками. Многие заголовки, собственные имена, начальные слова фраз выделены красной тушью или надчеркнуты черной линией.

Правая сторона каждого листа снабжена пагинацией, а внизу левой стороны каждого листа поставлены кустоды. Кое-где на полях имеются глоссы (مطلب), в которых кратко излагается содержание текста. Переплет рукописи сделан из коричневой кожи и имеет медальон золотого тиснения на верхней и нижней стороне.

Рукопись не датирована, но по внешним данным может быть отнесена к XVII в. Возможно, что это автограф. На одном из чистых листов, в начале рукописи, имеются четыре надписи — exlibris с именами и печатями четырех последовательных ее владельцев. Первая из них (датированная 1293/1788 г.) свидетельствует о том, что рукопись принадлежала некоему Мехмеду Нуреддину бею, что подтверждается и печатью с надписью „Нуреддин", которая поставлена на многих страницах рукописи. Из следующих трех надписей датированы только две. Они расположены в следующем порядке: „Эйюб" — 1209/1795 г. Эдирне; „Мехмед Садык" — не имеет ни даты, ни указания места; последняя — „Мехмед Назыф ибн Осман" с датой 1214/1799—1800 гг. На основании этих надписей можно сделать вывод, что эта рукопись во всяком случае до 1800 г. находилась в Эдирне.

---

[2] F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und Ihre Werke. Leipzig, 1927, стр. 186—187.

[3] Brusali M. Tahir. Osmanli Müellifleri. Istambul, 1343, с. 111, стр. 46—47; Ahmed Resmi. Sefinet a-rüesa, Istambul, 1269, стр. 34.

[4] F. Babinger, ук. соч.

[5] Изыскания в архиве были произведены Ю. А. Петросяном, за что автор приносит ему свою благодарность.

[6] А. С. Тверитинова. К вопросу об изучении первого антифеодального крестьянского восстания в средневековой Турции. Византийский временник, т. XI, 1956, стр. 200—224.

Перед текстом имеется подробный фихрист на 16 страницах, а затем начинается сам текст. После обычного славословия во имя аллаха, пророка и царствующего султана Ибрагима (1640—1648) следует изложение обстоятельств, послуживших поводом к написанию книги: „Этот ничтожный и презренный раб, то есть Хюсейн — бедняк 60 лет, находился на службе дома Османов, называемом Диваном справедливости. В возрасте между 70-ю и 80-ю годами мы были пожалованы званием реис ул-кюттаба и освобождены от служебных обязанностей. Но в дни отстранения от должности мы, не тратя время на отдых, составили свод всемирной истории, назвав его «Беда'и ул-века'и», дабы остался наш труд в страницах времени. Мало-помалу мы определили события и происшествия, случившиеся во времена великого пророка, да ниспошлет ему аллах спасение и мир, его предков и праведных халифов, затем 12-ти халифов Омейядских и Аббасидских, а также других мусульманских падишахов, историю возникновения и упадка каждого государства, время царствования каждого султана. Однако (труд сей) не был переписан набело и находился в черновике. А когда мы возымели намерение в 1-й день лунного месяца зульхидже 1054 г. хиджры (29 января 1645 г.) переписывать (набело), то увидели однажды сон". Из этого сна, по мнению Хюсейна, следовало, что он должен, в дополнение к написанной книге, составить вторую часть, посвященную истории династии Османа.

„Так, — продолжает он, — было положено начало составлению в соответствии с теми же правилами настоящей истории династии Османа (تواريخ آل عثمان).

„Мы упомянули также о правителях во времена каждого падишаха, которые находились в Иране, Ираке-арабском, Египте, Сирии, Диярбекире, Карамане и других мелких царствах, ибо в землях названных правителей постепенно утвердились падишахи из династии Османа. В этом отношении мы подражали сочинению «Хешт Бихишт» Мевляна Идриса Битлиси и следовали описанию времен в книгах, написанных предшествующими историками, а затем подробно описали последующих султанов, завоевания Османов и прочие страны и царства".

Далее, следуя им или заимствованной у предшественников схеме, автор располагает материал соответственно периодам царствования султанов. В первую очередь он помещает разделы, содержащие сведения о соседях Османского государства во времена отдельных султанов, а затем уже в хронологическом порядке рассказывает о важнейших событиях каждого периода.

В числе источников, которыми он пользовался для написания своей хроники, Коджа Хюсейн упоминает, кроме сочинения Идриса Битлисского, и хроники многих арабских, персидских, турецких и даже греческих авторов: Шерефэддина Йезди, Ибн Араб-шаха, Нешри, Садэддина, а также названия таких трудов, как „Ахбар уд-дювель", „Тарих-и-булдан" и много других (см. лл. 13-б, 49-а, 92-б, 93-а, 141-а — 141-б, 212-в, 216-а—216-б, 225-а и др.).

В изложении событий, следующих после завоевания Константинополя, Коджа Хюсейн близко придерживается схемы Садэддина. Однако он не просто копирует „Тадж ут-теварих", а местами довольно основательно перерабатывают его текст, внося свои дополнения в разделы, взятые у Садэддина. Одновременно он вставляет значительные по своим размерам новые разделы, в которых сообщает много сведений

о политических деятелях и ученых, живших в каждый данный период.

Особенно важными представляются нам сведения о соседних государствах и довольно подробное описание сношений Османских правителей с соседними странами, малоазиатскими княжествами, Ираном, мамлюкскими правителями Египта, балканскими султанами до их завоевания и включения в состав Османской империи.

Интересны сообщения Коджи Хюсейна о политике турецких властей в покоренных странах, содержащие материал и о положении подвластных народов.

По мере знакомства с содержанием хроники выявляются ценные сведения экономического характера: о распределении завоеванных земель, о налогах и ценах на продукты и т. д. Например, сообщается, что после победы Османов над братьями из рода Кызылкоджа, под властью которых находился Малый Рум, военная добыча была столь обильна, что один баран продавался за одну акче: (л. 167-б), غنايم بر مرتبه‌يه واردى كه بر قيون براقچه‌يه صاتلدى.

Много в хронике интересных подробностей, характеризующих обстановку в Малой Азии во время покорения османскими правителями бейликов и позже, когда усилилась борьба различных феодальных группировок за власть и борьба народных масс против феодального гнета.

Коджа Хюсейн, конечно, неизменно остается приверженцем султана — его симпатии всегда на стороне „справедливой“ султанской власти. Однако это не мешает ему порицать недостойные, с его точки зрения, поступки, жадность и корыстолюбие отдельных сановников. Иногда он выступает даже защитником „бедной реайи“, как источника благополучия султанской казны. Подобные взгляды автора позволяют нам заключить, что Коджа Хюсейн по своему мировоззрению был близок к таким своим современникам, как Мустафа Селяники, Кочибей, Кятиб Челеби и др. Это видно и из его дидактического выступления, где он говорит о необходимости „скромного, законного и разумного способа управления государством“ (лл. 3-а—3-б).

Хотя хронологически сочинение Коджи Хюсейна доведено до 1520 г., в ряде мест он допускает отступления, в которых мероприятия, проведенные предшествующими султанами, сравниваются с тем, что происходило в его время (лл. 44-б—45-а): о ликвидации при Мураде III (1574—1595) мюселлемов и причислении их к категории райятов, о передаче их земель в тимары; л. 95-б — о введении в 1055 г. (1645—1646) твердой платы за судейские справки и т. д.

Ценность сочинения Коджи Хюсейна увеличивается еще и тем, что он в какой-то мере пользовался документальными материалами из подведомственной ему государственной канцелярии. Так, на лл. 23-б—27-б он помещает копию берата, якобы присланного Осману сельджукским султаном Алаэддином в 688/1289 г. из Конии. Достоверность этого документа, по-видимому, переписанного у Феридун-бея, сомнительна (вопрос об этом документе достаточно исследован в литературе); однако приведенный им на лл. 277-б—301-а Канун-наме султана Мехмеда II Фатиха, который, по его словам, переписан им с оригинала, хранящегося в Диване, подобных опасений не вызывает. Произведенное нами сличение Канун-наме из хроники Коджи Хюсейна с изданием этого документа у Мехмеда Арифа подтверждает несомненную его подлинность.

Мы полагаем, что летопись Коджи Хюсейна может считаться сводом истории Османского государства, наиболее полным из тех, которые были составлены в XVII в. Поэтому издание рукописи, несомненно, будет способствовать увеличению запасов фактических сведений, представляющих большой интерес для историков-медиевистов, изучающих средневековую Османскую империю и входившие в ее состав страны и народы.

Интересно и то обстоятельство, что в хронике Коджи Хюсейна имеется несомненный элемент исторической критики источников, которыми он пользовался. Поскольку автор в значительной мере описывал не современные ему события, то его сочинение может быть отнесено в известной степени к категории исторических исследований. С этой точки зрения наша рукопись представляет интерес и как памятник, отражающий уровень исторических значений в Османском государстве в первой половине XVII в.

Любопытно отметить также, что в тех случаях, когда Коджа Хюсейн довольно близко следует тексту Садэддина, он значительно упрощает и, если можно так выразиться, туркизирует язык повествования, заменяя многочисленные арабизмы и фарсизмы Садэддина турецкой лексикой и турецкой структурой фраз. Вследствие этого сочинение Коджи Хюсейна, по нашему мнению, представляет ценность и в языковом отношении.

В настоящее время завершается подготовка факсимильного издания рукописи со вступительной статьей, аннотированным оглавлением и указателями.

Г. А. Тирацян

УТОЧНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ДЕТАЛЕЙ САСАНИДСКОГО ВООРУЖЕНИЯ ПО ДАННЫМ АРМЯНСКОГО ИСТОРИКА IV В. Н. Э. ФАВСТА БУЗАНДА

В 1954 и 1955 гг. Р. М. Бартикяну и мне довелось заниматься у академика И. А. Орбели древнеармянским языком — грабаром. Во время этих занятий, которые в основном проводились на текстах V в. н. э., И. А. Орбели в нужных случаях прибегал к иллюстративному материалу из круга сасанидских реалий, близких по времени, а по мнению И. А. Орбели, и по духу к данным древнеармянских историков.

Возможность, а также правдоподобность такого сопоставления была им же доказана в ряде работ.[1] Такого же примерно взгляда придерживается и зарубежный армянский исследователь В. Ацуни.[2]

Принимая во внимание сказанное, обоснованной представляется попытка, исходя из текста армянского историка раннего средневековья Фавста Бузанда, понять и осмыслить некоторые изображения на сасанидских памятниках.

И. А. Орбели было конкретно показано, каким неиссякаемым источником являются произведения древнеармянских историков для освещения материальной культуры сасанидского Ирана, для пояснения и осмысления ряда важных деталей, например вооружения и одежды, для выявления ряда непонятных на первый взгляд деталей, суть которых мы порой угадываем, но не вполне осознаем, часто видим, но не выясняем их до конца. В таких случаях сведения историка, часто современные тому или иному интересующему нас предмету, приходят нам на помощь.

Значение сопоставления реалий с письменными источниками состоит в том, что мы сопоставляем застывшие, неподвижные вещи с описанием этих же вещей в движении, во время применения их.

Такую работу следует, конечно, проводить во всем ее объеме, т. е. привлекая все письменные источники (IV—VII вв. н. э.) и все

[1] И. А. Орбели. 1) Временная выставка сасанидских древностей. П., 1922; 2) Sasanian and early islamic metalwork. A Survey of Persian Art, I, London, New York, 1938, стр. 716—770.

[2] В. Ацуни. История древнеармянской одежды. Венеция, 1923, гл. VI (на арм. языке).

материальные памятники. В данной статье речь будет идти только об одном замечательном письменном источнике древней Армении — об истории Фавста Бузанда.

Сопоставление сведений Фавста Бузанда с изображениями типов вооружения на сасанидских памятниках позволяет нам выделить три основных вида клинкового оружия: а) длинный меч, б) короткий меч, в) кинжал. Для характеристики этого приведем выдержки из „Истории Армении“ Фавста Бузанда, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу. В книге IV (главы 3 и 4) говорится о том, как сенекапета Нерсеса, важное светское должностное лицо, заставили перейти в духовенство и стать католикосом. В этой связи историк описывает внешность Нерсеса, его одежду и вооружение: ...*զարքունական սուսերն զպողովատիկն զոսկէպատեանն հանդերձ ականակապ մարգարտազարդ կամարաւն ի սպասու նորա բարձեալ ունէր* [(Нерсес... стоял)... держа в руке стальной царский меч в золотых ножнах, с украшенным драгоценными камнями и жемчугами поясом].[3] И далее: *Թագաւորն Արշակ ինքն ձգտեալ զսուսերն արքունական կամարաւն. զոր նմա Ներսէսն բարձեալ ունէր ի սպասու Թագաւորին ըստ օրինաց սենեկապետութեանն ի բաց հանէր ի նմանէ* [Царь Аршак (разозлившись и разгневавшись), потянул к себе меч с царским поясом, который он (Нерсес) носил при исполнении обязанности сенекапета, и снял с него].[4]

Большой интерес представляет отрывок из книги V (глава 6), где подробно дается описание облачения Глака Мардпета во времена царя Папа (366—374). У Фавста говорится: *և ագուցեալ զպատմուճանն մեծ, էած զգօտին ընդ մէջ իւր, զորմէ թուրն* կախէր. և սուսեր ընդ մէջ ածեալ, և խորշն ի գոտւոյ դրատիցն իջեալ, զթուրն և զսուսերն ծածկէր. Իսկ զվարտիսն զգեցեալ, և մոյկս ագուցեալ, և զնրանն յազդեր կապեալ, և ի վերայ նրանին խորշն ի վարտեացն իջեալ անկեալ ի վերայ նրանին* [Надев эту просторную одежду, он подпоясался кушаком, на котором висела шашка,[5*] и меч привязал к поясу, а с пояса ниспадала складка одежды и прикрывала шашку и меч. Надев штаны и обувь, он привязал к бедру кинжал, но складки штанов ниспадали на кинжал и закрывали его до голени].[6]

Остальные отрывки, более краткие, относятся к определенному типу оружия (кн. V, гл. 32—33). Фавст рассказывает о пире у римского полководца Терентия, где царь Пап был предательски умерщвлен; Фавст говорит о Папе: *իսկ աջ ձեռնն եդեալ էր ի դաստապան նրանին* զոր կապեալն էր յաջու ազդերն իւրում* [...правую руку он держал на рукоятке меча*, привязанного к бедру].[7] По сигналу римские воины напали на царя: *և միւս եւս սակրաւորն զաջ թաթ ձեռինն՝ որ կայր ի վերոյ դաստապանի նրանին՝ հարկանէր, կտրէր և ի բաց ընդենոյր* [... и секироносец ударил по кисти его правой руки, которая лежала на рукояти меча...].[8] В другом месте говорится, что *Բաա Սահառունի... զնրանն՝ զոր իւրում ազդերն ունէր՝ հանեալ, անցոյց ընդ փողս զորավարին Մուշեղի* [Бат

[3] История Армении Фавста Бузанда. Пер. М. А. Геворгяна, Ереван, 1953, стр. 58.

[4] Там же, стр. 59.

[5*] Об этих терминах см. на стр. 476, 485.

[6] История Армении..., стр. 157.

[7] Там же, стр. 178.

[8] Там же, стр. 179.

Сахаруни... вытащив меч, висевший на бедре, вонзил (его) в горло полководца Мушега].[9]

Значение приведенных отрывков из „Истории Армении" Фавста Бузанда заключается в том, что на основе их удается определить основные виды мечей, что прекрасно согласуется с вещественными данными. Кроме того, в этом произведении дается описание некоторых интересных особенностей раннесредневекового вооружения. Следует еще особенно подчеркнуть, что в данном случае усматривается преимущество письменного источника над вещественным, так как в нем описание оружия дается не в статическом его состоянии, а в действии и рассказывается, каким образом его надевали и носили. При этом удается уловить очередность в процессе надевания разных видов оружия, что имеет, как увидим далее, немаловажное значение для выяснения ряда интересных деталей.

Короткий меч

Из приведенного отрывка о Глаке Мардпете явствует, что надев рубаху-хитон, сперва подпоясывались поясом (ременным) գոտի 'готи', с которого свисал короткий меч թուր 'тур'. Эта деталь полностью подтверждается сасанидскими вещественными памятниками: на целом ряде блюд мы ясно видим, как справа свисает с пояса интересный по своей форме короткий меч.[10] (рис. 1, 2).

Особого внимания заслуживают ножны этих коротких мечей, верх и низ которых снабжены парными боковыми округлыми выступами (рис. 1 и 2).[11] Это весьма характерное украшение имело и утилитарное назначение, так как верхняя пара выступов-колец была предназначена, по-видимому, для цепочки или ремня, на котором висел короткий меч.

Короткие мечи в подобных ножнах были широко распространены. В классическом своем виде эти ножны изображены на коммагенских рельефах в Нимруд-Даге[12] (I. в. до н. э.; рис. 3); встречаются они затем на памятниках Ашшура парфянского времени,[13] в Армазии (II в н. э.),[14] в Пальмире (II—III вв. н. э.)[15] на юге России (сарматский период).[16] Во всех приведенных случаях это — ножны короткого меча или кинжала, висящего, как правило, на ременном поясе справа, всегда с характерными боковыми парными выступами (иногда такой выступ имеется и на нижнем конце ножен) в виде розеток, колец, львиных морд или просто утолщений.

В свете изложенного странным представляется высказывание Гаскинса о том, что блюдо с изображением Шапура III, у которого на правом боку висит короткий меч (рис. 1), является изделием XIX в. К такому заключению Гаскинс пришел на основании того, что этот меч не прикреплен при помощи портупеи, как это делалось при Сасанидах, а свисает с пояса, что, по его мнению, стало практиковаться лишь после VI—VII вв. н. э.[17] Не говоря уже о том, что подлинность

Рис. 1. Шапур III поражает леопарда. Серебряное блюдо. Эрмитаж.

упомянутого выше блюда с изображением Шапура III абсолютно не вызывает никаких сомнений, имеется немало других данных, которые свидетельствуют о наличии во всей Передней Азии, да и у самих Сасанидов, способа ношения короткого меча уже задолго до VI—VII вв. не при помощи портупеи, а так, как мы описали выше. Об этом красноречиво свидетельствует и „История Армении" Фавста Бузанда, рассказывающего о событиях середины IV в. н. э.

Изучение соответствующих типов, предшествовавших появлению сасанидского короткого меча, не оставляет никакого сомнения в том, что его прообразом является бытовавший в ахеменидское и скифское времена меч типа акинак.

---

[9] Там же, стр. 182.

[10] Если такое сопоставление было бы сделано до издания упомянутого перевода, то оно избавило бы его, т. е. автора М. А. Геворгяна, от необходимости применять для թուր 'тур' термин „шашка", когда речь явно идет о коротком мече. См.: И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935; A Survey of Persian Art, IV, табл. 213, 214 (в дальнейшем SPA).

[11] И. А. Орбели и К. В. Тревер., ук. соч., табл. 5, 7.

[12] K. Humann, O. Puchstein. Reisen in Kleinasien und Nordsyrien. Berlin, 1890, стр. 324, рис. 47.

[13] H. Seyrig. Armes et costumes iraniens de Palmyre. Syria, т. XVIII, 1937, стр. 30.

[14] Очерки истории СССР, ч. I. Под ред. П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта, М., 1956, стр. 473.

[15] H. Seyrig, ук. соч., табл. 1 и рис. 10.

[16] W. Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland, Berlin, 1928, стр. 81—82.

[17] J. F. Haskins. Northern origin of sassanian metalwork. Artibus Asiae, т. XV, вып. 3—4, 1952, стр. 336.

Как известно, акинак представлял собой короткий меч, висящий с правой стороны на цепочке у пояса. Памятники показывают, что вдобавок нижняя часть ножен акинака прикреплялась ремнем к правому бедру.[18] Это прикрепление не позволяло мечу при движении ударять по ноге и вместе с тем давало полную возможность легко и свободно вынимать его из ножен.[19]

Рис. 2. Шапур II на охоте. Серебряное блюдо. Эрмитаж.

Трудно сказать, привязывался ли этот меч к ноге и в раннесредневековый период: Фавст Бузанд, который четко дифференцирует термины „повесить" (*կախել*) и „привязать" (*կապել*), об этом умалчивает, что, может быть, является признаком того, что нижний конец свисающего короткого меча свободно болтался. Что касается Сасанидов, то, по-видимому, здесь иногда придерживались старого способа и привязывали нижний конец короткого меча к бедру[20] (рис. 2).

[18] W. Ginters, ук. соч., стр. 21—23; O. Dalton. The treasure of Oxus, 2-е изд. London, 1926, табл. XIV, рис. 48; E. Schmidt. Persepolis, I. Chicago, 1953, табл. 120.

[19] W. Ginters, ук. соч., стр. 22.

[20] И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. 5; SPA IV, табл. 213.

Следует отметить, что в скифском мире ножны акинака имеют два выступа только с одной стороны; от этих выступов два ремня шли к поясу и короткий меч висел на них в горизонтальном положении;[21] такой прием прикрепления мы видим на блюде с изображением Хосрова II.[22]

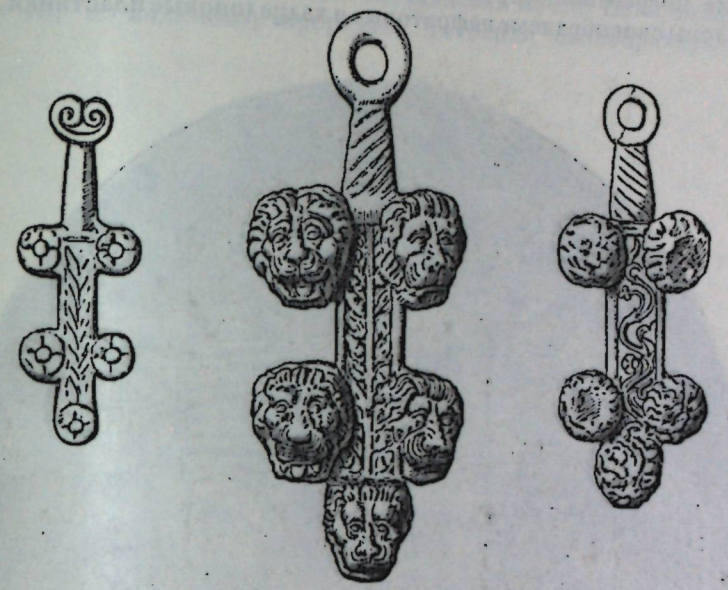


Рис. 3. Короткие мечи с ножнами. (по Хуману и Пухштейну).

Длинный меч

Переходя к описанию некоторых деталей этого вида оружия, мы напомним отрывок из книги V (глава 6) „Истории Армении" Фавста Бузанда, где описывается очередность надевания оружия и говорится, что после того, как Глак облачился в рубаху-хитон, он прикрепил пояс — г о т и, с которого свисал короткий меч — т у р, и только затем он подвесил меч — с у с е р. Из других отрывков данной „Истории" явствует, что этот меч был прикреплен к портупее — к а м а р, в отличие от г о т и, с которого свисал короткий меч.

Таким образом, из сказанного видно, что речь идет о двух видах оружия: т у р, короткий меч, который надевался сначала и висел на поясе, и с у с е р, меч, который прикреплялся вместе с портупеей — к а м а р отдельно. Можно полагать, особенно после ознакомления с сасанидскими памятниками, что речь у Фавста идет о мече длинном с портупеей (рис. 1, 4, 5).

Если это предположение правильно, то возникает вопрос: как прикреплялся этот меч к портупее, где именно и каким образом прикреплялась портупея к талии? Из данных Фавста Бузанда можно предположить только одно, что портупею (с мечом) можно было свободно снимать и надевать. На эти вопросы, к сожалению, даже при сопоставлении письменных данных у Фавста Бузанда с вещественными

[21] W. Ginters, ук. соч., стр. 77, табл. 22, в.

[22] SPA, IV, табл. 214.

данными сасанидского мира, мы не находим удовлетворительного ответа. Необходимо поэтому привлечь иной сравнительный материал, который позволил бы в некоторой мере пролить свет на эти вопросы. Особенно интересными представляются аналогичные материалы с юга России и Дальнего Востока.

В ряде погребений Керчи и Поволжья, Китая и Кореи вместе с мечами были найдены своеобразные нефритовые и халцедоновые пластинки, назначе-

Рис. 4. Хосров I Ануширван среди военачальников; внизу — его сын Ормуз на охоте. Серебряное блюдо. Эрмитаж.

ние которых не сразу было понято: это — продолговатые, прямоугольные бруски с крючкообразными концами.[23] Сначала было высказано предположение, что этот предмет служил крестовиной меча, но впоследствии стало ясно, что они имели совсем иное назначение. Выяснилось, что этот брусок прикреплялся к ножнам меча при помощи крючков, а также дополнительного ремня или металлического кольца. Таким образом получалась своеобразная петля.[24]

[23] M. J. Rostovcev. Le porte-epée des iraniens et des chinois. Rec. Th. Uspensky, II partie. Paris, 1930, стр. 337—340; W. Ginters, ук. соч., табл. 29.

[24] P. Yetts. A chinese scabard-jade. The Burlington Magazine, № 49, 1926, стр. 198, 201; W. Ginters, ук. соч., стр. 70; M. I. Rostovcev. Le porte-epée, стр. 340—341 сл.

К сожалению, находки таких брусков, которые датируются в основном первыми веками нашей эры, на территории сасанидского Ирана неизвестны.[25] Но если внимательно всмотреться в сасанидские памятники, то наличие такого бруска и на ножнах сасанидских мечей становится очевидным[26] (рис. 5). Остается только не вполне понятным, как прикреплялся этот брусок к ножнам сасанидских мечей. Если ножны были кожаные, то, по-видимому, прорезями готовили своеобразную петлю,

Рис. 5. Шапур II на охоте. Серебряное блюдо. Эрмитаж.

через которую проходила портупея. Если ножны были деревянные, то, очевидно, брусок или просто привязывался, или прикреплялся каким-либо способом к ножнам, как это делалось в сарматское время[27] и через отверстие-щель между бруском и ножнами продевался ремень-портупея.[28] Меч висел свободно на ремне, его можно было передвигать;

[25] В Дура-Европосе был найден сасанидский меч, но довольно плохой сохранности: до нас дошли, кроме металлических частей, только нефритовая головка от набалдашника (The Dura-Europos Excavations, Sixth Season of Work, New Haven, 1936, рис. 16, стр. 193 и 204).

[26] F. Sarre, E. Herzfeld. Die iranischen Felsreliefs. Berlin, 1910, табл. VII, XI, XIII, XIV.

[27] M. J. Rostovcev. Le porte-epée, стр. 341; W. Ginters, ук. соч., стр. 72.

[28] Меч Хосрова Ануширвана прикреплялся к портупее не только упомянутым бруском, но и двумя кольцами, по обоим бокам ножен (рис. 4).

он скользил по ремню, и на сасанидских памятниках мы его часто видим в разных позициях.

Теперь следует коснуться второго вопроса: как прикреплялась к талии портупея с мечом? Из описания Фавста Бузанда явствовало, что портупея прикреплялась и снималась свободно, отдельно от кушака. К сожалению, по этому вопросу сасанидские памятники дают мало конкретного: на них не видно, как именно и к чему портупея прикреплялась.

Среди памятников, мало-мальски дающих некоторые данные по этому вопросу, следует назвать наскальный рельеф из Накш-и-Рустема, изображающий царя Нарсе и сопровождающих его лиц.[29] Здесь имеются и ременный пояс, и портупея с длинным мечом на левой стороне. Справа ясно видно, как портупея сначала прикрывает пояс, а затем, ответвляясь от него, свисает под тяжестью меча. Таким образом, на правом боку следует искать то место, где портупея прикреплялась к поясу.

Если считать сведения Фавста Бузанда безоговорочно приемлемыми для объяснения всех деталей иранского вооружения сасанидского времени, то надо будет признать, что сасанидская портупея не прикреплялась наглухо к поясу. В нашу задачу не входит рассмотрение всех видов портупей сасанидского вооружения; коснемся только двух типов. Один из них это — вышеописанный обыкновенный тип портупеи на рельефе Нарсе. Эта портупея могла прикрепляться к кушаку двумя способами. Первый способ состоит в том, что один конец портупеи пришит наглухо к поясу, а на другом конце имелась скоба или пряжка, при помощи которой она прикреплялась к поясу. Этот способ применялся, очевидно, в сарматское время.[30] В свете данных Фавста Бузанда, второй способ прикрепления сасанидских портупей нам кажется более вероятным. Суть этого способа состояла, очевидно, в том, что соединявшиеся друг с другом концы портупеи прикреплялись к пряжке-крючку на поясе. Таким образом, портупею с мечом свободно можно было отстегивать от пояса и пристегивать к поясу. Правда, упомянутые пряжки-крючки не засвидетельствованы археологически в сасанидском Иране, но они в большом количестве (из металла или нефрита) найдены на юге России.[31] Они имеют весьма оригинальную форму: „...верх их плоский и широкий, на обороте имеется штифт-пуговица, продевавшаяся в специально сделанное отверстие пояса: низ имеет форму крючка, за который зацеплялась скоба портупеи. Снять портупею и, наоборот, надеть портупею ничего не стоило. Надо было только отстегнуть портупею с крючка. Так как в поясе имелось, вероятно, не одно отверстие для пряжки-крючка, то ничего не стоило прикрепить портупею к любому месту пояса, как правило, на правом боку. Подвешенный на портупее меч легко скользил по ней и приспособлялся к любому положению всадника".[32]

Второй тип сасанидской портупеи отличался специальной круглой пряжкой (рис. 1).[33] Здесь также можно было бы наметить два способа

29 F. Sarre, E. Herzfeld, ук. соч., табл. IX.
30 М. И. Ростовцев. Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Скифика, I, Прага, 1929, стр. 15.
31 Там же, табл. V—VIII.
32 Там же, стр. 15.
33 И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. 7; R. Ghirshman. Une coupe sassanide à scène de chasse. Artibus Asiae, т. XVIII, 1, 1955, табл. I.

прикрепления: портупея могла быть сшитой с кушаком, и, расстегивая пряжку, которой соединены ее концы, можно было надеть или снять меч. Но возможен и другой способ, который, как мы видели, засвидетельствован в Армении в IV в. н. э.; он состоит в том, что портупея, не будучи сшитой с кушаком, свободно прикреплялась к пряжке-крючку на кушаке или снималась с него. Не исключена также возможность, что надеваемая отдельно портупея одним концом была прикреплена наглухо к ножнам меча, а вторым концом с пряжкой пристегивалась к отходящему от меча короткому ремню.

Как видим, сведения Фавста Бузанда затрагивают интересный, до сих пор мало изученный вопрос о сасанидском вооружении, окончательный ответ на который могут дать новые поиски, прежде всего археологического порядка.

Рассмотрим теперь отдельные признаки длинного меча, упоминаемые у Фавста Бузанда. Он говорит о мече *ոսկեպատեան* 'в золотых ножнах'. Если внимательно присмотреться к длинным мечам, изображенным на сасанидских памятниках, то наряду с гладкими мы усмотрим и узорчатые ножны.[34]

Можно было бы полагать, по аналогии с узорными кожаными чепраками, изображенными на тех же памятниках, что речь идет о кожаных ножнах с тисненным на них орнаментом.

Общеархеологические данные в настоящее время позволяют утверждать, что изображенные гладкими ножны могут быть деревянными, но более вероятно — кожаными. Однако археологические находки, сделанные не на территории Ирана, а на юге России и относящиеся к более древнему периоду, а также применение Фавстом Бузандом термина *ոսկեպատեան* 'золотые ножны' позволяют по-иному подойти к этому вопросу.

Как известно, в курганах скифского времени среди богатейшего материала находили, между прочим, и золотые обкладки ножен.[35] Эти металлические обкладки или обивки ножен представляли собой тонкий лист золота, который нашивали на ножны (если они были кожаные или деревянные, но обтянутые кожей) или же прикрепляли золотыми гвоздиками, если ножны были деревянные.[36] Эти обкладки обычно являлись произведениями большого художественного мастерства. Изображения на них выполнялись оттиском (штампованный орнамент) или путем чекана с оборота. Отделка деталей осуществлялась при помощи накладных узоров (припаянные нити, чернь, филигрань), а в сарматское время применялась и инкрустация из камней (сохранились гнезда). Применялась зачастую и гравировка.

Обкладки не всегда состояли из цельного листа; сохранились обкладки из нескольких частей, которые умело припаивались так, что место их соединения было еле заметно.[37]

В свете высказанного нам кажется вероятным, особенно при учете приведенного указания Фавста Бузанда, что ножны сасанидских мечей тоже украшались золотой обкладкой из тонкого листа художественной

34 И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. 7, 13; R. Ghirshman, ук. соч., табл. I и др.
35 W. Ginters, ук. соч., стр. 6 и сл.; стр. 45—49; табл. I, III.
36 Там же, стр. 8—9; М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области. Матер. по археол. России, № 37, 1918, стр. 39, 40—41.
37 W. Ginters, ук. соч., стр. 8.

работы. Орнамент, чаще всего растительный (листья),[38] достигался, по-видимому, чеканом, а может быть, и гравировкой.

Фавст Бузанд, описывая попутно портупею, говорит, что она была украшена драгоценными камнями и жемчугами. На сасанидских блюдах мы часто видим портупеи, а также пояса, апезак с нашитыми на них бляшками, может быть, украшенные драгоценными камнями.[39] Такие портупеи как бы придавали особую ценность оружию, которое висело на ней, подчеркивая особый его характер.

Интересен эпитет, который применяется Фавстом Бузандом по отношению к такому же мечу — это *արքունական* (*սուսեր*), т. е. придворный.[40]

Перечисленные особенности такого меча уже наводили на мысль, что это были мечи особого назначения. Известно, что в ахеменидском Иране, а также у скифов имелись мечи и акинаки особого рода, которые часто встречаются в погребениях и изображаются на рельефах,[41] это — церемониальный, парадный меч, своего рода регалия. Такой предмет церемониального, парадного обихода, засвидетельствованный в быту древних иранцев, мог существовать и в период раннего средневековья. Но это предположение, к сожалению, не удается пока подкрепить убедительными вещественными данными. Но в виде предположения можно говорить об особом типе оружия, который носили при дворе царь и его приближенные в церемониальной и торжественной обстановке, — это меч с особо длинной рукояткой[42] (рис. 4).

Что касается самой Армении, то здесь мы можем говорить с большей смелостью о таком типе меча. Здесь, к счастью, сохранился термин „сусер патеразми“[43] — „меч для войны“, который, видимо, противопоставлялся мечу придворному.

Сасанидские же памятники не дают возможности столь категорически называть выделенный нами меч „придворным“. Дело в том, что на том же кунгурском блюде, где изображен царь Хосров I с мечом, имеется и изображение его сына Ормизда на охоте с мечом такого же типа. Следовательно, этот тип меча не имел столь ограниченного применения, как это казалось бы на первый взгляд. Конечно, не исключена возможность, что художник, изготовивший это блюдо, наделил царевича Ормизда тем же типом меча, с которым он изобразил его отца Хосрова. Ведь если считать, что Уфимское блюдо изображает царя Ормизда, то[44] мы видим, что здесь тот же царь выступает на охоте с мечом иного типа, имеющим обыкновенную рукоятку. И наконец, этот придворный меч мог иметь не только парадное церемониальное назначение: ведь сам Фавст Бузанд называет этот меч *պողպատեայ* 'стальной', т. е. он мог иметь и сугубо практическое назначение, мог пригодиться и в бою.[45] Во всяком случае этот меч не является бутафорией, которую мы встречаем среди скифских погребальных акинаков.[46]

Таким образом, сасанидский меч с длинной рукояткой мог быть преимущественно придворным, церемониальным оружием, но в то же время и пригодным для охоты и сражения.

38 И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. 13.

39 Там же, табл. 1, 3—5, 7, 11 и др. В одном погребении в Керчи были найдены серебряные круглые бляшки, которые тремя гвоздиками прикреплялись к ремню (M. I. Rostovzeff. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertsch. Monuments et Mémoires Piot, t. XXVI, Paris, 123, стр. 6, рис. 8 и табл. IV).

40 М. А. Геворгян переводит „царский“. Данный термин является прилагательным, непосредственно образованным от существительного *արքունիք* 'царский двор', а не от *արքայ* 'царь'. Если Фавст применил бы термин „царский“, то мы имели бы здесь слово *արքայական* или *թագաւորական* как в книге V главе 38, где говорится, что Шапур послал в дар спарапету Мануилу *թագաւորական պատմուճան* 'царский хитон'.

41 Ginters, ук. соч., стр. 32.

42 См. блюдо с изображением Хосрова I и его приближенных (И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. 13). В Пальмире мы также встречаем этот тип меча, носители которого изображены в торжественной, спокойной позе (H. Seyrig, ук. соч., табл. 7).

43 И. Мамиконян. История Тарона, 14; В. Ацуни, ук. соч., стр. 121.

44 Об этом см. А. И. Вощинина. О связях Приуралья с Востоком в VI—VII вв. н. э. Сов. археология, XVII, 1953, стр. 191.

Кинжал

Из приведенных отрывков „Истории Армении“ мы узнаем еще об одном виде оружия — нран. Как видно из сказаний Фавста Бузанда, после того как надеты были короткий и длинный мечи, к правому

Рис. 6. Бахрам Гур и Азадэ на охоте. Серебряное блюдо. Эрмитаж.

бедру привязывался или прикреплялся „нран“. Наличие особого термина, отличного от сусер (длинный меч) и тур (короткий меч), позволяет предположить, что тут речь идет о третьем виде оружия — кинжале.

45 О применении мечей с длинной рукояткой в бою см.: H. Seyrig, ук. соч., стр. 28.

46 W. Ginters, ук. соч., стр. 34, 39.

На блюде из собрания А. Ф. Лихачева, изображающем Бахрам Гура и Азадэ, показан именно этот вид оружия. Это, по-видимому, остроконечный кинжал, с прямой рукояткой и прямой крестовиной, в ножнах с наконечником в виде треугольника[47] (рис. 6). Не вполне ясно, каким образом он прикреплен, но очевидно, что он не имеет никакого отношения ни к поясу, ни к портупее. На блюде он изображен как бы прикрепленным к бедру, поверх хитона-рубахи. Текст Фавста Бузанда дает, как мне кажется, более точные данные о нем. Из его описания (в несколько раз приведенном отрывке о Глаке Мардпете) явствует, что нран — кинжал прикреплялся к шароварам, а не к хитону: четко и ясно у него сказано, что после того как Глак надел хитон, подпоясался коротким мечом и прикрепил длинный меч, он надел шаровары и обувь и привязал к бедру кинжал. Мы можем только лишний раз подчеркнуть значение этого сообщения Фавста Бузанда об очередности надевания оружия, заслуживающего особого внимания. Историк говорит еще, что складки шаровар были столь широкими, что они покрывали целиком кинжал — нран. Ясно, что если кинжал был бы прикреплен снаружи на хитоне-рубахе, как это видно на блюде, то складки шаровар не могли бы стать помехой для кинжала. Очевидно, кинжал — нран носили всегда, при любых обстоятельствах. Фавст свидетельствует, что на пиру у Терентия царь Пап имел при себе нран, который был привязан к правому его бедру (книга V, глава 32).

В данной статье сделана попытка выяснить и осветить некоторые вопросы материальной культуры сасанидского Ирана при помощи данных письменного источника — „Истории Армении" Фавста Бузанда.

Но следует отметить, что если сведения армянских историков помогают нам разобраться в некоторых вопросах, связанных с вещественными памятниками Ирана, то в свою очередь эти памятники могут служить интересным и своеобразным источником для изучения материальной культуры самой Армении.

Если принять во внимание, что раннесредневековая Армения археологически еще не изучена, то привлечение сасанидских вещественных памятников и сличение их с армянскими письменными источниками может частично восполнить этот пробел в деле изучения материальной культуры средневековой Армении, но при учете, как это делает И. А. Орбели, особенностей и специфики как армянской, так и иранской культур.

[47] И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. II.

А. Б. Халидов

АНТОЛОГИЯ ал-Ābй В РУКОПИСИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Абӯ Са'ӣд (или Абӯ Са'д) Мансӯр ибн ал-Ḥусайн ал-Ābй известен как литератор и политический деятель конца X и начала XI в. Описывая его родной городок в своем „Географическом словаре", Иāқӯт мимоходом дал о нем несколько ценных сведений, которые оказались чуть ли не единственными, дошедшими до нашего времени.[1]

„Городок Āба расположен напротив Сāва[2] и известен среди населения под названием Āва и это несомненно (верно). Его жители шииты, а жители Сāвы сунниты; между этими двумя городами идет непрестанная война из-за религиозных разногласий... По моему мнению, именно из него происходит вазир Абӯ Са'д Мансӯр ибн ал-Ḥусайн ал-Ābй, который (неоднократно) был назначаем правителем славных округов и дружил с аṣ-Ṣāḥибом ибн ʿĀббāдом.[3] Затем он стал вазирем у Маджд ад-Даула Рустама ибн Фахр ад-Даула ибн Рукн ад-Даула ибн Бувайха. Он был адибом, поэтом, составителем книг. Он — автор «Китāб наср ад-дурар», «Истории ар-Рейя» и других сочинений. Его брат Абӯ Мансӯр Муḥаммад[4] был одним из великих кāтибов и славных вазиров, который состоял на службе при властителе Ṭабаристāна".

Однако многочисленные источники по истории Буидов умалчивают о политической деятельности ал-Ābй. Ḥāджжй Ḥалйфа[5] также называет его вазиром и дает дату его смерти — 421/1030 г.

„История ар-Рейя" ал-Ābй известна лишь по упоминанию Иāқӯта и аṣ-Ṣафадй.[6] Ал-Бāḥарзӣ в своей поэтической антологии „Думйат ал-қаср

[1] Jacut's geographisches Wörterbuch, Bd. I. Herausgegeben von F. Wüstenfeld, Leipzig, 1866, стр. 57—58.

[2] Оба эти города находились в восточной части провинции Джибāл в Иране: Сāва (ныне Саве) — к северу, а Āба — к югу от среднего течения реки Гāумāхā (ныне Кара-Су).

[3] Знаменитый вазир Буидов (ум. в 385/995 г.).

[4] В таблице вазиров Буидов (E. Zambaur. Manuel de Généalogie et de Chronologie. Hanovre, 1927, стр. 215) трижды упоминается Муḥаммад ибн ал-Ḥусайн с кунъей Абӯ Са'д. Возможно, что это и есть брат ал-Ābй.

[5] Lexicon Bibliographicum et Encyclopaedicum a Haji Khalfa, VI. Ed. A. Fluegel, London, 1852, стр. 300—301, 320 (в дальнейшем: Haji Khalfa).

[6] Отмечено И. Ю. Крачковским (Le Kitāb al-ādāb d'Ibn al-Mu'tazz. Édité par Ign. Kratchkovsky. Le Monde Oriental, XVIII, 1924, стр. 68).

ва ʿуçрат ахл ал-ʿаçр"[7] приводит несколько сатирических стихов ал-Ā бӣ и говорит о его письмах (расā'ил) и поэмах (ḳаçā'ид), исполненных высокого художественного достоинства. По-видимому, в „Татиммат ал-йатӣма" аç-Çаʿāлибӣ[8] также приводятся некоторые стихи ал-Ā бӣ.

Наиболее значительным результатом его деятельности на поприще арабской художественной литературы является его семитомная прозаическая антология, разрозненные части которой ныне находятся в различных собраниях рукописей. В фондах Института востоковедения АН СССР хранится великолепная рукопись двух, а именно II и VI, томов этого сочинения.[9] Прежде чем приступить к ее характеристике, коснемся некоторых вопросов, связанных с сочинением в целом.

Встречается несколько вариантов заглавия сочинения, наиболее пространная форма — „Китāб наçр ад-дурар ва нафā'ис ал-джаухар фӣ-л-муḥāдарāт" (Книга рассыпанных жемчужин и драгоценных камней в собеседованиях); в нашем списке оно названо „Китāб наçр ад-дурр" (Книга рассыпанного жемчуга), и именно этому краткому заглавию отдавали предпочтение В. Альвардт[10] и И. Ю. Крачковский.[11] Отметим еще, что, согласно сообщению Ḥāджжӣ Ḫалӣфы,[12] „Китāб наçр ад-дурр" является сокращением более объемистого сочинения того же автора — „Нузхат ал-ḳулӯб" (Услада сердец), которое до нас не дошло; однако проверить его трудно, из самой антологии этого не видно и другими источниками не подтверждается.

Данные о плане и объеме сочинения противоречивы, поскольку ни одно хранилище не обладает полным его списком. Из арабских авторов только Ḥāджжӣ Ḫалӣфа дает его характеристику.[13] Согласно сведениям Ḥāджжӣ Ḫалӣфы, эта антология составляет семь томов (муджаллад), каждый из которых снабжен самостоятельным красноречивым вступлением (ḫуṭбой) и состоит из четырех разделов (фаçл), подразделенных на главы (бāб). В его изложении остается неясным соотношение томов и разделов. Далее приводится обзор содержания пяти глав первого раздела, а также указываются основные темы остальных трех разделов с приведением количества глав в них. Каирский[14] и Лейденский[15] каталоги указывают, что антология ал-Ā бӣ состоит из пяти разделов. В берлинском[16] каталоге называются семь разделов или частей (джуз'), при этом оба термина считаются равнозначными. В парижском[17] каталоге говорится о семитомной антологии, сокращенная редакция которой содержит семь частей. Ученые, обращавши-

[7] „Изображение дворца и убежище современников". Ркп. Инст. востоковедения АН СССР. В 1, л. $50б_{6-20}$; ср.: C. Brockelmann. Geschichte der Arabischen Litteratur, Supplementband I. Leiden, 1936—1937, стр. 593.

[8] У Брокельмана это сочинение указано в числе источников об ал-Ā бӣ, но мне оно недоступно.

[9] Шифр С 679.

[10] Verzeichniss der Arabischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin von W. Ahlwardt. VII, Berlin, 1895, стр. 318.

[11] Le Kitāb al-ādāb..., стр. 68.

[12] Haji Khalfa, стр. 300.

[13] Там же, стр. 300.

[14] Фихрист ал-кутуб ал-ʿарабӣйа ал-маḥфӯẓа би-л-кутубḫāна ал-ḫӣдӣвӣйа ал-миçрӣйа джамаʿаху ва раттабаху Аḥмад ал-Маййихӣ ва Муḥаммад ал-Библāвӣ. Миçр, 1307, стр. 336.

[15] M. F. de Goeje et M. Th. Houtsma. Catalogus codicum arabicorum bibliothecae academiae Lugduno-Batavae. Ed. II, Lugduni Batavorum, I, 1888, стр. 257—258.

[16] W. Ahlwardt, ук. соч., стр. 318.

[17] Catalogue des manuscrits arabes par M. de Slane, Paris, 1883—1895, стр. 606, N 3490.

еся к ленинградской рукописи, считали ее вторым и шестым томами семитомной антологии.[18] Наконец, американский арабист Ч. Оуэн[19] в своей диссертации, посвященной антологии ал-Ā бӣ, полагает, что четыре тома каирского собрания заключают сочинение целиком, и приводит обзор их содержания, полностью совпадающий с сведениями Ḥāджжӣ Ḫалӣфы о содержании четырех разделов сочинения.

Если обратимся к ленинградской рукописи, то один том на титульном листе носит заглавие „Ал-Джуз' аç-çāнӣ мин китāб Наçр ад-дурр" (Вторая часть книги Наçр ад-дурр) и содержит конец второго раздела и третий раздел целиком. Рукопись завершается словами: اخر الجزء الثانى ويتلوه فى الجزء الثالث كلام النساء الشرائف والحمد لله حمد الشاكرين وصلاته على نبيه محمد و على آله اجمعين وسلامه. Эти заключительные слова рукописи говорят о несоответствии частей и разделов. Однако другой том нашей рукописи озаглавлен одновременно как шестая часть и шестой раздел антологии. Так же как и третий раздел, он начинается с вступления (басмала и ḫуṭба) и оглавления. Следовательно, или части и разделы должны соответствовать друг другу, или их несоответствие вновь восстановилось к шестому разделу.

Из изложенного можно сделать выводы: несмотря на разнобой в употреблении терминов, „Китāб наçр ад-дурр" состоит из семи разделов, снабженных самостоятельным вступлением; в хранилищах рукописей встречаются разделы антологии с 1-го по 4-й, разделы 5-й и 7-й пока нигде не обнаружены, и только собрание Института востоковедения АН СССР обладает уникальным экземпляром 6-го раздела.[20]

Два тома рукописи различаются по внешним данным, тем не менее они, по-видимому, были выполнены в одно время, являются частями одного комплекта и пережили одинаковую историю. Они не датированы, но восходят примерно к концу XIII — началу XIV вв. и происходят из Сирии.

На первом и последнем листах обоих томов есть датированные пометки некоторых читателей, через руки которых они прошли. В одном томе пометки: читателя, имя которого не удалось разобрать, с датой 928 г. (1522 г.); некоего ʿАлӣ ибн ʿАбд ал-Ḳāдир ал-Харавӣ от 930 г. (1524 г.); Муḥаммада Сукайкира ал-Димишḳӣ[21] с датой шаʿбāн 985 г. (октябрь 1577 г.) (т. е. за два года до его смерти); некоего Асʿада от 1083 г. (1672 г.) и некоего Йаḥйи ад-Дāдӣḫӣ (?) от 1126 г. (1714 г.). В другом (содержащем 6-й раздел) пометки некоего Наджм ад-дӣна (вторую часть имени не разобрать) с датой 988 г. (1580 г.) и уроженца Алеппо Ḥусайна ибн ʿАлӣ от 1052 г. (1642 г.) и некоторые другие.

Известный собиратель рукописей французский посол в Сирии Ж. Л. Руссо приобрел рукопись в начале XIX в., по-видимому в Алеппо, и вместе с первой его коллекцией в 1819 г. она попала в Азиатский

[18] Le Kitāb al-ādāb..., стр. 69; В. И. Беляев. Арабские рукописи в собрании Института востоковедения Академии наук СССР. Уч. зап. Инст. востоковедения, VI, М.—Л., 1953, стр. 90 (шифр указан ошибочно, читай: С 679).

[19] Ch. A. Owen. Arabian Wit and Wisdom from Sa'id Al-Abī's Kitāb Nathr Al-Durar. Journal of the American Oriental Society, LIV, 1934, стр. 240—275.

[20] Недавно в научной литературе появилось упоминание о самой старой рукописи сочинения, хранящейся в библиотеке имама ар-Ридā в Мешхеде, но, кроме даты переписки — 565 г. (1169—1170 гг.), никаких других сведений о ней не сообщается. См.: Revue de l'Institut des Manuscrits Arabes, III, 1957, стр. 6.

[21] О нем. см.: V. Rosen. Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique, I. St.-Pétersb., 1881, стр. 190—193; C. Brockelmann. Geschichte der Arabischen Litteratur, I. Weimar, 1898, стр. 351.

музей в Петербурге. Первые печатные упоминания о ней принадлежат самому Ж. Л. Руссо[22] и академику Дорну.[23] Более подробно ее исследовал И. Ю. Крачковский: в третьем разделе „Китāб наср ад-дурр" (лл. 143б—150б) он обнаружил сокращенную редакцию антологии Ибн ал-Му'тазза „Китāб ал-āдāб" и использовал рукопись при издании этого памятника.[24]

Оба тома рукописи в хорошем европейском переплете из картона с кожаным корешком. Размер листов II тома 25,3 × 18 см; в нем 233 листа, восточная пагинация по тетрадям в 10 листов сохранилась не везде, но легко установить, что в начале рукописи не хватает четырех тетрадей, т. е. 40 листов. Текст писан черной тушью, крупным красивым насḫом архаического типа по 15 строк на странице. Бумага восточная, толстая, лощеная, желтоватого цвета. Первые и последние листы рукописи подвергались реставрированию, но в остальном она сохранилась хорошо и удобочитаема.

Размер листов VI тома 27 × 18 см, в нем 174 листа (в пагинации рукой Френа ошибочно указано 173 листа), судя по некоторым следам, в верхнем левом углу листов 70, 80, 90, 100 и 120 раньше имелась восточная пагинация по тетрадям. Текст по 15 строк на странице писан черной тушью, крупным красивым насḫом, но иного типа, чем во II томе, со свободным, размашистым закруглением и растяжением конечных букв; между лл. 11—12 и 19—20 имеются лакуны общим объемом примерно в 20 листов; один или два листа в конце утеряны; л. 1 подклеен, оторван нижний левый угол л. 12; этот том и по бумаге отличается от II, она худшего качества, нелощеная и, видимо, поэтому больше пострадала от сырости, так что в некоторых местах текст читается с трудом.

Таковы внешние данные рукописи. Что же касается содержания антологии, то в ней представлены многочисленные примеры красноречия, остроумия, находчивости и метких слов и выражений в форме маленьких рассказов, пословиц, поговорок, афоризмов, удачных вопросов и ответов при различных обстоятельствах жизни. В качестве героев в них выступает широкий круг как легендарных, так и исторических личностей. Весь этот материал автор черпал из разнообразных источников, обширной письменной литературы на арабском языке и богатейшего арабского фольклора, как правило, не загромождая изложения ссылками и перечислением передатчиков. Сочинение ал-Абй отличается от многих других антологий преобладанием прозы и сравнительно незначительным количеством стихов. Антология имеет продуманную систему: материал в ней сгруппирован по тематическому признаку. Перечень глав, содержащихся в двух томах нашей рукописи, дает хорошее представление о круге затронутых в них тем, а также о самом сочинении в целом.

II том начинается со слов: قال رجل لعمرو بن العاص (Какой-то человек сказал 'Амру ибн ал-'Āç...). Очевидно, это продолжение 6-й главы второго раздела, который озаглавлен „Остроты знатных и благородных". Названия четырех последующих глав совпадают с названиями, приведенными в каталоге лейденских рукописей.

Глава 7 (л. 25а). Другая глава о метких ответах шутливого характера.
Глава 8 (л. 34а). Анекдоты о лжепророках.

[22] (J. L. Rousseau). Catalogue d'une collection. Paris, 1817, стр. 14.
[23] B. Dorn. Das Asiatische Museum. St.-Petersb., 1846, стр. 207.
[24] Le Kitab al-adab..., стр. 62—63, 68—69, 72—121.

Глава 9 (л. 38б). Анекдоты о медицах.
Глава 10 (л. 47а). Анекдоты о прихлебателях и обжорах.

На л. 66б кончается второй раздел и начинается третий, состоящий из 13 глав:

Вступление и оглавление (лл. 66б—68б).
Глава 1 (л. 69а). Высказывания Му'āвии ибн Абу Суфйāна и его детей.
Глава 2 (л. 87а). Высказывания Марвāна ибн ал-Ḫакама.
Глава 3 (л. 105б). Высказывания халифов из Хашимитов (в оглавлении: Аббасидов).
Глава 4 (л. 151а). Высказывания некоторых Омеййадов.
Глава 5 (л. 158а). Остроты потомков ал-Зубайра.
Глава 6 (л. 167б). Анекдоты об Абу-л-'Айна' и его речи.
Глава 7 (л. 186б). Анекдоты о Муаббаде.
Глава 8 (л. 195а). Анекдоты об Абу-л-Ḫарисе — сикиморе.
Глава 9 (л. 197б). Анекдоты об ал-Джаммāзе.
Глава 10 (л. 201а). Анекдоты о безумных.
Глава 11 (л. 210а). Анекдоты о скупых.
Глава 12 (л. 221б). Высказывания мошенников и им подобных и анекдоты.
Глава 13 (л. 228а). Неумение глупцов изъясняться и их переписка (разговоры).

Том (и раздел) VI:

Вступление (лл. 1б—3б).
Глава 1 (л. 3б). Остроты из красноречивых высказываний и речей арабов.
Глава 2 (л. 10а). Мудрые изречения арабов (отрывок из середины этой главы и ее конец приходятся на лакуны).
Глава 3. Моления и просьбы арабов (только в оглавлении). Начало главы пропало в лакуне.
Глава 4 (л. 27а). Поговорки арабов.
Глава 5 (л. 60а). Звезды, появление и исчезновение звезд на небосклоне и лунные стоянки, согласно представлениям арабов.
Глава 6 (л. 91а). Заклинания прорицателей в рифмованной прозе.
Глава 7 (л. 95б). Животные арабов.
Глава 8 (л. 110б). Завещания арабов.
Глава 9 (л. 122а). Клички лошадей арабов.
Глава 10 (л. 133б). Названия мечей арабов.
Глава 11 (л. 138б). Анекдоты о бедуинах.
Глава 12 (л. 151а). Народные поговорки.
Глава 13 (л. 156а). Анекдоты о бражниках и пьяных.
Глава 14 (л. 160б). О лжи.
Глава 15 (л. 166б). Анекдоты о бесстыжих шутниках.
Глава 16 (л. 171а). Анекдоты о пускании ветров.

На л. 174б текст обрывается на фразе: قال بعضهم دخلت على يزيد بن يزيد (Сказал некто из них: вошел я однажды к Язиду ибн Язиду...).

Антология „Китāб наср ад-дурр" ал-Абй еще пока не издана. Однако при том громадном интересе к наследию классической литературы, который наблюдается во всех странах Арабского Востока, надо ожидать, что в ближайшем будущем встанет вопрос о его издании. Ленинградская рукопись послужит при этом важным подспорьем, и советские арабисты смогут принять участие в возвращении к жизни еще одного забытого памятника средневековой арабской литературы.

И. И. Цукерман

ТРИ КУРДСКИЕ СКАЗКИ

К настоящему времени в Советском Союзе, именно в Армении, издано большое количество курдских фольклорных текстов.[1] Опубликованы (правда, не всегда в лучших вариантах) основные произведения замечательного курдского эпоса: „Keř û K'ulik" — древнее сказание о братьях-богатырях Кулыке и Каре — Хромом и Глухом; „Xecê û Sîabend" — повесть о храбром охотнике Сиабанде и его возлюбленной Хадже; „Memê û E'îṣê" — трагическая история рекрута Маме; „Dimdim" — песнь о героических курдских повстанцах — защитниках крепости Дымдым — и их предводителе „златоруком" хане курдов; народные варианты поэмы „Mem û Zîn" великого курдского поэта XVII в. Ахмеда Хани; „Zembîlfroṣ" — социально заостренная народная поэма о продавце корзин; курдские варианты эпоса „K'oroẍlî" и ряд других произведений этого рода. Издано немало образцов народной лирической поэзии, любовных песен и своеобразных частушек, плясовых и детских песен. Хуже представлено в нашей литературе сказочное творчество курдов: напечатаны далеко не лучшие сказки, записанные не всегда от лучших сказителей. Следует отметить, что изданные в Ереване богатые собрания курдского фольклора остаются до сих пор недоступными не только для широкого круга русского читателя, но и для специалистов, не владеющих курдским языком, так как ни одно из этих произведений не издано в переводе на русский язык.[2]

Предлагаемые три курдские сказки: „Разбойник Ало", „Глупый человек" и „Сказка об Али-ага" представляют собой лучшие из доступных нам образцы этого жанра и впервые публикуются в филологическом переводе на русский язык. Они выделяются тем, что в них, может быть,

[1] См. заметку автора: Сов. востоковедение, 1958, VI, стр. 148 сл.

[2] Ждет публикации подготовленный к печати Институтом литературы АН Арм. ССР сборник курдского эпического творчества с переводом на русский язык. Старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР К. К. Курдоевым подготовлен к печати сборник курдских сказок с переводом на русский язык. Институтом востоковедения АН СССР готовится к печати сборник „Исследования и материалы по курдской филологии и истории", включающий значительное количество курдских фольклорных текстов. Во время печатания настоящей книги вышел в свет сборник курдских сказок в свободном изложении на русском языке (Курдские сказки. Перевод с курдского И. Фаризова и М. Руденко. М., 1959).

ярче, чем в других случаях, воплощена манера конкретного выявления характерных черт героя через его поступки, притом что каждая из сказок несет вместе с тем свою отвлеченную идею.

Разбойник Ало[3]

Говорят, некогда был разбойник, по имени Ало-Безумец, и он опустошал страну Джезире, грабил селения и предавал их огню и мечу. Долго пытался эмир Джезире поймать Ало и, наконец, с большим трудом поймал и приказал сжечь заживо, на медленном огне.

Ало все принял и ни слова не произнес, и он уже угасал вместе с огнем, когда эмир его спросил: „Ало, бывает ли на свете положение хуже твоего и существуют ли мучения более тяжкие, чем те, которые ты испытываешь?". Ало сказал: „Да, господин, мое положение не столь мучительное, и бывают страдания еще более невыносимые. Это муки человека, к которому пришел гость и который стоит со своей женой, опустив глаза, так как ему нечем угостить гостя".

Эмир был поражен ответом Ало и его благородством. Он хотел спасти Ало, но уже было поздно: в этот миг Ало скончался.

Глупый человек[4]

Этот человек взял и разбил сад в засушливом месте. Пошел пустить воду. Да, но сад оказался на высоком месте, вода туда не идет. „Ей-ей, — подумал он, — пойду к богу, пожалуюсь на свою воду, почему это она не идет в сад".

Пошел. По дороге встретил волка. Волк был шелудивый. Волк спросил: „Куда, брат, направляешься?". — „Иду к богу, жаловаться на свою воду". — „Милый человек, — говорит волк, — вот уж семь лет, как я нахожусь в таком состоянии. Спроси его, пожалуйста, как мне исцелиться". — „Хорошо, брат, с удовольствием. Сперва сделаю свое дело, а потом — твое".

Пошел дальше. Ночью он попал в какое-то селение, зашел к одному человеку. Тот человек спросил его: „Дорогой мой, куда путь держишь?". — „Иду к богу, жаловаться на свою воду". — „Милый человек, раз к богу идешь — и от меня скажи. Есть у меня около дома кусок земли. Вот уж сколько лет, как я его возделываю, засеваю, орошаю. Хорошая пшеница родится. Но я вижу, что ко времени уборки она вся покрывается ржавчиной. А у соседей, смотрю, — никакой ржавчины на посевах нет. Вот моя жалоба. Что он на это скажет?". — „Ладно".

Утром встал, вышел на дорогу, двинулся дальше. Пришел в какой-то город. А города прежде были маленькие, и он остановился у царя того города. Царь спросил его: „Куда, милый человек, направляешься?". — „Здрав будь, царь! Иду к богу, хочу пожаловаться на свой сад и на свою воду". — „Коли так, — говорит царь, — и я тебе дам поручение. Славный юноша, скажи богу, что я вот уж сколько лет враждую с одним царем. Силы и войска у меня больше, и однако же, я вижу, что он меня побеждает и забирает у меня землю. В чем же тут

[3] Перевод этой сказки сделан по курдскому тексту, помещенному в „Курдской грамматике" П. Бейдара (Paul Beidar. Grammaire kurde. Paris, 1926, стр. 18 сл.).

[4] Перевод по оригиналу из сборника „Курдский фольклор", собранного и подготовленного А. Джинди и А. Авдалом (H. Çındı u Ə. Ə'vdal. Folklora kyrmanca. Jerevan, 1936, стр. 599—602).

дело?". — Этот человек утром встал, попрощался с царем и сказал: „Царь, поручение твое я выполню!".

Долго ли, недолго ли он шел — в одном пустынном месте он встретил старика. Старик спросил его: „Славный юноша, куда путь держишь?". — Я иду, дедушка, к богу, жаловаться на свою воду, почему это вода не идет в мой сад!". — „Возвращайся, милый, — говорит старик, — пошла уже вода в твой сад".

— „Хорошо, дедушка, тогда есть у меня еще два-три поручения, хочу сказать". — „Говори сынок". — „Есть волк один. Вот уж семь лет, как он запаршивел.. Спроси, говорит, лекарство для меня". — „Скажи, дорогой, тому волку, что как съест он дурака и обмажет себя его кровью, так выздоровеет".

— „Еще одно дело есть. В одном селении я встретил человека, и у него такое вот положение с посевами, ржавеют они". Старик ответил: „Скажи тому человеку, что в роднике под его домом, откуда он орошает свою ниву, — два медных кувшина с золотом. От золота и ржавеют его посевы. Пусть вытащит оба кувшина, и посевы его зазеленеют и больше ржаветь не будут".

— „Хорошо, дедушка. И это сделано. Еще одно дело есть. Один царь сказал мне: „С кем бы я ни воевал, — все пересиливают меня. В чем тут, наконец, дело?". — „Славный юноша, — ответил старик, — тот царь — женщина, а воюет она с мужчинами. Цари — мужчины — и поэтому пересиливают ее. Когда она выйдет замуж и вместо нее сядет ее муж, он будет побеждать других царей". — „Прощай, дедушка", — сказал этот человек и повернул в обратный путь.

Через несколько дней он достиг города царя, пришел к царю в гости. — „А, добро пожаловать, — встретил его царь. — Ну-ка скажи, что ты сделал для меня?". — „Царь, ты девушка!". Царь остолбенел. Тот продолжал: „Вот что мне сказали: пока ты не выйдешь замуж, тебя всегда будут побеждать".

Когда наступила ночь и все разошлись, девушка сказала: „Славный юноша! Никто до сегодняшнего дня не знал, что я девушка. Теперь ты знаешь и ты видишь, какая я красивая, и я царь. Женись на мне, сядь вместо меня на престол и царствуй". Этот глупый человек сказал: „Не надо мне царства, пойду, пущу воду в мой сад, и хватит с меня!". Как она его ни убеждала, а ничего с глупым не могла сделать. Утром он встал, попрощался и направился домой, к своему саду.

Пришел к хозяину нивы и передал ему все, что старик сказал. Хозяин ночью пошел к роднику, вскопал — и верно: два кувшина с золотом. Вытащил их, принес и говорит тому человеку: „Дорогой мой, это по твоей милости мне досталось. Один кувшин тебе, другой — мне". — „Не хочу, — говорит тот, — пойду, пущу воду в мой сад, и с меня хватит". — „Милый человек, может быть, ты обиделся, пусть оба кувшина тебе!". — „Не надо!". Утром попрощался и ушел.

Шел и встретил волка. Волк сказал: „Добро пожаловать, дорогой брат, ну как с моим лекарством?". Тот человек стал рассказывать волку — и о золоте, и о царстве. — „А лекарство мое?" — спросил волк. — „Лекарство твое? Вот что мне сказали: как съест дурака и обмажет себя его кровью, так и выздоровеет".

Волк подумал и сказал: „Славный юноша, а почему ты отказался от золота, почему ты не стал царем, не женился на той милой девушке?". — „А сад мой? Я ведь его посадил! Ради сада я этого и не

сделал". — „А знаешь что, — говорит волк, — я тебя съем!". — „Почему? Разве я тебе не принес ответа?". — „Дорогой мой, — возразил волк, — если я весь мир обойду, и то большего, чем ты, дурака не найду!" Смял его и с ногами вместе съел. Волк исцелился, а глупый пропал.

Сказка об Али-ага[5]

1—5. Некогда в одном городе жил бедный человек, звали его Али. Детей у него не было. Только и было у него, что жена да осел. Али ходил в лес, жег уголь, приносил его в город, продавал и этим кормился с женой.

6—10. Али был человек робкий. Каждый день он говорил жене: „Женушка, когда-нибудь съедят меня волки! Давай уйдем из этого города!". Жена ему отвечала: „Никого волки не едят в этом большом городе, только тебя съедят!". Жена его не слушала и не хотела никуда уходить из города.

11—15. Али так боялся, что ночью даже на двор не выходил. Все время он был в таком состоянии и постоянно говорил жене: „Уйдем из этого города, поедем в другую страну!". Жена видит, ничего с ним не поделаешь, Али не успокаивается, согласилась: „Давай уйдем!". На рассвете Али встал, навьючил на осла свои пожитки, и они вышли из города. Перед ними оказалась дорога, и они отправились по этой дороге.

16—23. Али не спал. Вот уж сколько суток, как Али от страха не спит. Как-то он говорит жене: „Женушка, я устал, вот уж сколько суток не сплю. Здесь хорошо: трава, воздух приятный. Пусть наш длинноухий попасется здесь, а ты посмотри, я немного прилягу, посплю". Жена говорит: „Ладно". Али лег спать.

24—34. Мало ли, много ли прошло времени, никто не знает. Как-то жена видит — в их сторону едет около сорока всадников. Женщина подумала про себя: „Эти всадники обязательно ограбят нас!". Был у Али старый меч. Она вытащила этот меч, смочила его кровью от раны осла и пошла навстречу всадникам. Женщина подошла к всадникам и говорит: „Голубчики, ради бога уходите! Вот меч моего мужа, меч Али-ага. Только что он убил этим мечом сорок человек и лег спать. Если он узнает о вас, он вас всех перебьет. Уходите потихоньку, пока Али-ага не заметил вас!". Все сорок всадников испугались, слезли с лошадей и обратились к женщине: „А куда нам идти?". Женщина показала им дорогу и сказала: „Вот сюда. Отправляйтесь домой, чтобы Али-ага не узнал о вас". Сорок всадников, держа лошадей на поводу, тихонько повернули обратно.

35—38. Вернувшись в город, всадники оповестили царя: „В твоих владениях появился Али-ага! Он на наших глазах убил сорок человек. Такого храбреца во всем мире нет. Это бог послал его тебе!". Царь обрадовался, стал готовиться к приему Али-ага.

39—45. Пусть царь готовится к встрече, а мы вернемся к Али-ага. Когда Али проснулся, жена ему говорит: „Это из-за тебя мы ушли из нашего города и оказались в этом поле. Сами не знаем, куда идем. Еда у нас кончилась, неизвестно, что есть будем. С этого времени что

[5] Эта сказка записана нами в 1936 г. со слов известного курдского писателя Араба Шамилова. Перевод просмотрен и одобрен сказителем. Прилагаемый курдский текст передан наиболее распространенным в настоящее время для изданий на диалекте курманджи алфавитом журнала „Hawar".

ни скажу, ты должен меня слушаться!". Али сказал: „Ладно, женушка". Они поели, что осталось у них, и отправились в путь.

46—47. А надо сказать, что каждый, кто взглянул бы на Али-ага, подумал бы: такого молодца на свете нет — герой! Черты лица у Али крупные, глаза большие, брови густые, взглянешь — дрожь берет!

48—55. Пусть Али идет своей дорогой, а мы вернемся к царю. Царь отвел для Али-ага отдельный дом, снарядил войско и вышел навстречу Али-ага. Когда Али с женой подошли к городу, Али был поражен. — „Что это такое?" — спрашивает он жену. — „Молчи, — говорит жена, — ни слова не говори! Ты обещал во всем меня слушаться". Али не стал больше говорить, замолчал. Войско приблизилось. Али-ага оказали почести, и царь его приветствовал. Али-ага отвели в дом, который для него приготовили.

55—61. Когда они пришли домой, жена сказала Али-ага: „Царь позовет тебя, поставит кофе, станет говорить тебе всякие вещи. Что бы он тебе ни говорил, ты отвечай: „Это что! Я думал, царь, ты поручишь мне большое дело. А это что! Выполню! А кофе подадут, — все его остужают, а ты его прямо пей, горячим". „Ладно", — говорит Али-ага. Царь приставил отдельного конюха к ослу Али-ага, дал им двух слуг: что бы Али-ага ни пожелал, все выполнялось.

62—65. Как-то царь послал слугу к Али-ага: „Пожалуй к царю, царь зовет тебя". Али-ага поднялся, пошел к царю. Когда Али-ага вошел и поздоровался, все приветствовали его, а царь посадил Али-ага около себя. Али-ага сел, царь принялся его угощать.

66—76. После угощения царь сказал: „Ты знаешь, для чего я тебя позвал?". „Нет, — говорит Али-ага, — не знаю". — „Вот уж несколько лет, как в нашем городском саду появился волк, каждую ночь он съедает людей, ты должен его убить". Али-ага испугался, насупился, дрожит весь, так он испугался. А вазиры незаметно подмигивают друг другу: „Вот это герой, Али-ага гневается!". Али-ага оправился немного и отвечает царю: „Здрав будь, царь! Я думал ты мне большое дело скажешь. А это что! Выполню!". После этого подали кофе. Вазиры и гости остужали свое кофе, а Али-ага прямо горячим опрокинул в рот. Он ошпарил губы, язык. Какой там мог быть разговор! Он встал и ушел.

77—83. Али-ага пришел домой, совсем не может говорить, так он ошпарил рот. Жена спрашивает: „Что случилось?". А он только пальцами показывает, ты, мол, погубила меня, ошпарил я губы и рот! К вечеру ему стало легче, и он сказал жене: „Женушка, я от волков бежал сюда. А теперь царь говорит: „В моем саду появился волк, иди, убей!". Женушка, давай-ка этой ночью навьючим свои вещи на осла — ихнего ничего не возьмем — и убежим отсюда в другую страну". Жена говорит: „Не будет этого! Сиди на своем месте, ничего не делай: волк будет убит!".

84—90. Когда наступила ночь и Али-ага заснул, жена встала, надела его одежду, шапку, взяла меч и пошла в сад. Она долго бродила по саду, пока не настала полночь. После полуночи женщина видит: волк в саду, идет прямо на нее. Жена Али-ага вытащила меч и пошла навстречу волку. Они стали друг перед другом. Женщина в это время замахнулась, ударила волка по черепу и убила его. Она отрезала волчью голову, принесла домой, бросила в сени и легла спать.

91—97. Утром Али-ага встал и пошел в сени умыться. Как увидел волка, так подскочил и упал на землю. Жена проснулась. Пока она

одевалась, Али-ага поднялся с земли и бросился в постель. Жена говорит: „Что случилось?". А Али-ага из-под одеяла кричит: „Волк! Сейчас он меня схватит!". Жена шлепнула его по макушке. — „Это не волк, — сказала она. — Это голова волка. Я волка убила. Возьми голову, отнеси к царю и скажи: „Я, мол, убил".

98—100. Али-ага слез с постели, но не решался взять в руки волчью голову. Жена стала ругать Али-ага, завернула голову в тряпку, дала Али-ага в руки и сказала: „Иди, отнеси к царю". Али-ага пошел к царю, от страха он отставил от себя волчью голову. Отнес, бросил в ноги царю и в страхе побежал домой.

101—109. Прошло несколько дней. Царь опять позвал Али-ага, много его угощал, а потом сказал: „Али-ага! В моем лесу есть медведь. Он много горожан погубил. Я дам тебе сотню людей, а ты пойди и убей его". Али-ага сказал: „Здрав будь, царь! Я думал, ты мне большое дело скажешь. А это что! Выполню это". Между тем от страха Али-ага не решался поднять голову. А вазиры переглядываются между собой: „Какой, мол, герой! Такого в мире нет!". Когда Али-ага ушел, вазиры сказали царю: „Сам бог послал тебе этого храбреца!".

110—115. Дома Али-ага стал ругать жену: „Ты такая-сякая, не жена ты мне, а наказанье на мою голову, отдала меня на съедение волкам и медведям! Давай уйдем отсюда. Осел наш разжирел, ихнего ничего не возьмем, навьючим свои пожитки на длинноухого и убежим в другую страну". Жена не соглашалась: „Эх, ты, несчастный, тоже мужчина! Дает тебе царь сто молодцов, возьми и иди!".

116—118. Через несколько дней царь известил Али-ага, что сто всадников с их старшинами готовы, пусть, мол с ними отправляется. А старшинам царь наказ дал во всем слушаться Али-ага. Али-ага сел на лошадь, и они тронулись в путь.

119—122. Долго ли, коротко ли — приехали они в густой лес. Всадники спешились, показали Али-ага, где медвежье место, а сами спрятались. Али-ага привязал свою лошадь и остался там один (Не от мужества он остался, а от непонимания!).

123—128. Через некоторое время Али-ага видит: огромный медведь идет на него. От страха Али-ага залез на дерево. Медведь подошел к дереву и стал трясти его. Али-ага упал с дерева прямо на спину медведю. От страха он ухватился руками за уши медведя и так застыл. Всадники, видя, что Али-ага схватил медведя и сел на него верхом, тотчас же по приказу своих начальников налетели все разом, связали медведя вместе с Али-ага и потащили в город. Послали вперед гонца к царю с известием: „Али-ага поймал живьем медведя, сел на него верхом, едет в город!".

129—130. Царь был поражен. А надо сказать, что Али-ага так испугался, что слова сказать не может, пожелтел весь, не может слезть с медведя.

131—134. Жена Али-ага услышала, что ее муж оседлал медведя и поняла: что-то здесь не ладно. Она пошла к царю и сказала: „Я умоляю тебя, прикажи жителям, воинам и вазирам, чтобы никто не разговаривал с Али-ага. Али-ага — в гневе, может убить кого-нибудь". Царь тут же приказал, чтобы никто не смел говорить с Али-ага. После этого женщина пошла навстречу своему мужу.

135—139. Сколько было жителей в городе — все вышли навстречу Али-ага. Жена подошла, видит: Али-ага сидит бледный, слова сказать не может, такой испуганный, что не в состоянии ногой шевельнуть,

слезть с медведя не может. Женщина подошла к Али-ага, перекинула его ногу, сняла с медведя, подставила плечо ему под руку и повела домой. Народ недоумевал: что стало с Али-ага!

140—144. На завтра, когда спрашивали у жены Али-ага: „Почему Али-ага вчера был такой?“ — она отвечала людям: „Али-ага — сердитый человек. Он не хотел слезть с медведя, потому что не убил его своими руками“. Люди верили. — „Мы знаем, — говорили они, — царь объявил, что Али-ага очень сердитый человек“. После этого Али-ага от испуга заболел и месяц лежал в постели. Только через месяц Али-ага пришел в себя.

145—148. А надо сказать, что царь этот был в подчинении у другого царя и каждый год платил ему дань. Правда, когда-то, очень давно этот царь не платил никому дани и был независимым царем. Но тот царь воевал с ним, одолел его, сделал его своим подчиненным и брал с него дань.

149—154. Как раз в это время, когда Али-ага выздоровел, посланцы от того царя прибыли взыскать дань. Но царь в надежде на Али-ага не стал платить дани. Посланцев схватили, отрезали им губы, выбили им зубы и вколотили в лоб. Царь сказал им: „Идите, скажите своему царю, что дани ему больше не будет. Довольно он с меня взял золота. А хочет он — могу с ним воевать. Был бы у меня жив Али-ага!“.

155—158. Посланцы вернулись к царю. Когда царь увидел это, он был поражен. Царь говорит с ними, а они не могут отвечать, потому что нет у них ни губ, ни зубов. Принесли им бумаги, и те написали: „Тот царь нас схватил, вот так поступил с нами и велел нам передать: «Больше дани не будет, если хочет — буду с ним воевать!»“.

159—165. Тот царь собрал войско, приготовился к войне и послал гонца с известием, что, мол, пусть приготовится, в такой-то день начну с ним воевать. Этот царь позвал Али-ага и сказал ему: „Вот уж сколько лет, как такой-то царь напал на меня, победил меня и теперь берет с меня дань. В этот раз я не уплатил ему дани, и он объявил мне войну. Я соберу войско и вместе с начальниками дам тебе в подчинение. Надо тебе воевать!“. Али-ага, как и прежде, подумав немного, сказал: „Здрав будь, царь! Это что! Это я выполню. Я думал, ты мне большое дело скажешь!“. Царь и вазиры переглянулись: это ли еще не большое дело! Они были поражены.

166—176. После этого Али-ага пошел домой. Али-ага пришел домой и стал ругать жену, что ты, мол, такая-сякая, не жена, а наказание на мою голову. То волк был, то медведь, а теперь царь говорит: „Дам тебе в подчинение войско и военачальников, а ты должен пойти на войну с другим царем“. — „Женушка, — сказал Али-ага, — когда это я воевал! Откуда я могу воевать! Давай навьючим на длинноухого наши пожитки и убежим отсюда. Какое я имею отношение к войне!“. Жена не соглашалась: „Эх, ты, несчастный! Тебе дают столько войска, снаряжения, военачальников. Иди! Что с тобой станется? Ведь ты не один. А я отсюда никуда не пойду!“. Али-ага видит, что жена его не слушает, согласился.

177—181. Когда войско было в сборе, Али-ага сказал жене: „Вот я ухожу на войну. Может быть, меня убьют. Отдай нарисовать твой портрет для меня. Время от времени посмотрю на твое лицо — мне станет легче“. Жена напекла ему пирогов, лепешек, приготовила халвы, поручила сделать портрет, дала Али-ага. Али-ага стал впереди войска, и они отправились в поход.

182—183. Долго ли, коротко ли — подошли к реке, остановились. На том берегу было войско того царя, на этом берегу реки расположился Али-ага со своим войском.

184—189. А надо сказать, что когда войско отправлялось в поход, царь наказал воинам и военачальникам: „Вы должны во всем слушать Али-ага. Что он будет делать, то и вы делайте“. Когда войско остановилось, Али-ага подошел к реке и видит, что здесь растет хороший камыш. Когда-то Али-ага занимался таким делом: срезал камыш, вязал снопы и продавал. Камыш напомнил ему то время. Он стал срезать камыш, вязать его в снопы и бросать в реку. Воины видят, что Али-ага так делает, тоже начали срезать камыш и вязанками бросать в воду. Камыш пошел вниз по реке, в одном месте у скалы стал затор, вязанки накопились, и получился мост.

190—193. Али-ага утомился, вернулся на свое место, вынул еду и стал есть. Воины тоже сели есть. Во время еды вспомнилась Али-ага его жена. Али-ага достал портрет жены, прилепил к лепешке, поставил перед собой и любуется на свою жену. В это время прибежала собака, схватила лепешку вместе с портретом жены и побежала.

194—197. Увидел это Али-ага, выхватил меч и погнался за собакой. Собака побежала и по камышу перебралась на другой берег. Али-ага за ней. Военачальники видят, Али-ага переправляется, и дали приказ войску переправиться на тот берег. Они внезапно напали на войско того царя и уничтожили его. А Али-ага с мечом в руке все гонялся за собакой.

198—200. После того как они уничтожили все войско, военачальники написали донесение и послали царю: „Али-ага первый бросился на вражеское войско. Мы устремились вслед за Али-ага и уничтожили воинов того царя. Уцелела только одна собака. Али-ага впал в такой гнев, что погнался за этой собакой, хотел и ее уничтожить“.

201—203. Вот так Али-ага показал свою храбрость. Когда кончилась война и они вернулись домой, царь сделал Али-ага своим вазиром. Так Али-ага достиг своего счастья, и вы будьте счастливы.

Ç'îroka E'lî-ax̆a

1. Wextekêda li şeherekîda merîkî k'esîb hebû. 2. Navê wî E'lî bû. 3. Zar̄ê wî t'unne bûn. 4. Her ew bû — jina wî u k'ereke wî hebû. 5. E'lî diçû mêşe, k'omir çê dikir, danî şeher, difrot, îdarê xwe u îdarê jina xwe dikir.

6. Lê E'lî za'f merîkî tirsanok bû. 7. Herr̄o jina xwer̄a digot: „Jinê, gurê rokê min buxun! 8. Were em ji vî şeherî derk'evin, lê din, her̄in“. 9. Jinê jêr̄a digot: „Gur kesekî naxwe vî şeherê mezin, her wê bê, te bixwe“. 10. Jinê gur̄a wî nedikir, ji wî şeherî cîkîda nediçû.

11. E'lî ussa ditirsîya, şevê jî ji mala xwe dernedik'et, malda dimîst. 12. Hergav h'alê wî ew bû, hergav qir̄ka jina xwe digirt: „Were em ji vî şeherî derk'evin, her̄ne welatekî dinê!“. 13. Jinikê dît ku boşe, E'lî rih'et nasekine, qebûl kir, got: „Were em her̄in!“. 14. E'lî sibê-şebeqê rabû, p'alas-p'ûlasê xwe li guhdirêjê bar kir — u ji şeher derk'etin, çûn. 15. Rêk k'ete pêşîya wan, k'etne rê, çûn.

16. E'lî ranediza. 17. Ew çend roj bû, ji tirsana ranediza. 18. Rokê gote jina xwe: „Jinik, ez idî westîyam. 19. Iro çend roje, ez ranazêm. 20. Evdere xweşe, gîha l'ê heye, hewa jî xweşe. 21. Bira guhdirêja me vira biç'êre, tu miqat be, ez jî la'zekê serê xwe daynim, razêm“. 22. Jinikê go: „Bira be“. 23. E'lî k'ete xewê, raza.

24. P'îr k'işand, hindik k'işand — kes nizane. 25. Wextekê jinikê lê nihêrî, dît, nêzîkîya çil suyarî wê ji wêda tên. 26. Jinikê xweřa got: „Ew suyar bên, wê me t'alan kin". 27. Rabû, şûrekî mêrê wê kevn hebû, şûr k'işand, birînê guhdirêjêda xûn kir u pêşîya wan suyarada çû. 28. Wextê nêzîkî suyara bû, got: „Heyran, ez bextê wedame, eva şûrê mêrê mine, şûrê E'lî-axaye. 29. Hêşka çil merî bi vî şûrî kuştin u k'etîye xewê, razaye. 30. Wekî we bih'ese, wê we t'eva bikuje. 31. Hêdîka herîn, wekî li we neh'ese". 32. Herçil suyar tirsîyan, ji hespa peya bûn, gotin: „Em k'uda herîn?". 33. Jinê rê nîşan dayê, got: „Ah vira, herîn mala xwe, wekî we neh'ese". 34. Herçil suyar hêdîkava hespê xwe dest-k'êş kirin u vegerîyan, çûn.

35. Wextê hatne şeherê xwe, cab dane p'at'şê, gotin: „Xwedê daye te, E'lî-axa hatîye, li sînorê teda danîye. 36. Pêş meva çil merî kuştin. 37. Mêrê ussa qet t'unne!". 38. P'at'şa şa bû, dest bi k'arê mêvantîya E'lî-axa kir.

39. Bira p'at'şa li wêderê k'arê E'lî-axa bibîne, em bêne cem E'lî-axa. 40. Wextê E'lî-axa ji xewê h'işyar bû, jina wî jêřa got: „Te em ji şeherê me derxistin u berê me daye vê çolê. 41. Em nizanin, emê k'uda herîn. 42. Nanê me jî xilas bîye, em nizanin, em çi buxun. 43. Vir wa ez çi bêjim, gerekê tu guřa min bikî. 44. E'lî got: „Bira be, jinik". 45. Çi nanê wan hebû, dane ber xwe, xwarin, rabûn, rê k'etin.

46. Lê gerekê em bêjin, k'î li rengê rûyê E'lî binêře, ewî t'irê, mêrê ussa qet t'unne, mêrxase, çimku sifetekî mezinî li E'lî bû, ç'a'v-birune mezin lê bun. 47. K'e lê dinêrî, xof dik'işand.

48. Bira E'lî rêda bê, em bêne ser p'at'şê. 49. P'at'şa xanmanek başqe vala kir, esker hazir kir, pêşîya E'lîda çû. 50. Wextê E'lî u jina xwe nêzîkî şeher bûn, E'lî e'cêmay ma, gote jinê: „Ev çi tevaye?". 51. Jinê go: „Kerî be, qe xeber nede! 52. Te carekê soz daye min, ez çi bêjim, tu guřa min bikî". 53. E'lî dengê xwe qe nekir, kerî bû. 54. Esker hate cem E'lî-axa, jêřa t'emene bûn, p'at'şa jî silav dayê. 55. E'lî birin, kirin ew xanmanê jêřa vala kirin.

56. Wextê ew çûne mal, jinê gotêda: „P'at'şayê gazî te bike, wê qawê bîne, bide te, wê gilîya teřa bêje.... 57. Ewî ku çi gote te, tu jî bêje: «Êh, ew çi tevaye, min qey got, p'at'şa sax be, tuyê şixulne mezin bêjî. 58. Ew çi tevaye, ezê biqedînim!». 59. Lê qawê jî, wekî xelq sar dike, tu germe germ ser xweda ke". 60. E'lî got: „Bira be". 61. P'at'şa seyî-sek da ber k'erê wan, du xulam da ber destê wan, u E'lî çi bixwesta, hemû tişt hazir bû.

62. Rojekê p'at'şa xulamek şande pey E'lî-axa, got: „K'erem ke, p'at'şa gazî te dike". 63. E'lî-axa rabû, rê k'et, çû cem p'at'şê. 64. Gava ku E'lî-axa derda, hat, silav da, t'eva silava wî girt, p'at'şa E'lî-axa cem xwe da rûniştinê. 65. E'lî-axa rûnişt, gelle xwarin u e'zet-qulix p'at'şa li E'lî-axařa kir.

66. Wextê xwarin k'utta bû, p'at'şa gote E'lî-axa: „Tu zanî, seva çi min gazî te kirîye?". 67. E'lî-axa got: „Ez nizanim". 68. P'at'şa gotêda: „Îsal çend sale, vî baxê şeherê mida gurek bît'er bîye u her şev merîya duxwe. 69. Gerekê tu wî gurî bikujî". 70. E'lî-axa tirsîya, ç'a'v-biru lê t'ijî bûn, ricifî, tirsîya. 71. Lê wezîra dizîkava ç'a'v hevřa dikirin, gotin: „Çit'o mêre, hêrsa wî rabû!". 72. E'lî-axa h'evekî sekinî, got: „P'at'şa sax be, min qey got, tuyê tiştekî mezin bêjî. 73. Ew çi tevaye, ezê biqedînim!". 74. Pey wî gilîra qawe hate ort'ê. 75. Wezîra u xelqê qawa xwe sar dikir, E'lî-axa hema germe germ ser xweda kir. 76. Dev-lêv lê şewitîn, idî t'u xeberdan pê nebû, rabû, lê da, çû.

77. Hate mal, nikarbû xeber da: devê wî şewitîbû. 78. Jinê pirsî: „Çi qewimîye?". 79. E'lî-axa bi t'ilîya got: „Te mala min xirab kir, dev-lêvê min şewitîn!". 80. Ber êvarê devê wî h'evekî p'ak bû, E'lî-axa gote jinê: „Jinik, ez ji gura revîm, hatme vira. 81. P'at'şa dibêje min: „Li baxê minda gur bît'er bîye, herře, gur bikuje". 82. Were îşev em k'erê xwe hildin, p'alas-p'ûlasê xwe lê kin, qe tiştekî wan jî nabin, em birevin, herîn welatekî dinê". 83. Jinê got: „Nabe! Tu cîyê xweda bisekine, tiştekî neke, gurê bê kuştinê".

84. Gava ku şev li wan hat, E'lî-axa k'ete nav cîya, raza, jinik rabû, k'incê mêrê xwe xwe kir, k'olosê wî da serê xwe, şûr hilda, çû nava bêx. 85. Nav bêx gellekî gerîya, hetta şev lê hate nîvê şevê. 86. Nîvê şevê şûnda jinikê lê nihêrî: gurek vaye nava bêxda, xwe jinikê girtîye, tê. 87. Jinikê şûr k'işand, ew jî ber bi gur çû. 88. Ewê gur ber dane hevdu. 89. Jinikê şûr avît, li qafê gur xist, gur kuşt. 90. Serê gur jê kir, anî, danî sivderê, çû, k'ete nav cîya, raza.

91. Gava ku sibê E'lî-axa rabû, çû sivderê, serç'a'vê xwe bişo, çewa ku gur dît, firî, k'ete e'rdê. 92. Jinik ji xewê h'işyar bû. 93. Hetta jinikê k'incê xwe xwe kir, E'lî-axa rabû, revî, hat, k'ete nav cîya. 94. Jinikê pirsî: „Çi qewimîye?". 95. E'lî-axa bin cîyada kire gazî, got: „Gur hatîye, wê min bixwe!". 96. Jinikê t'epek lê xist, got: „Ew ne gure, ew serê gure. 97. Min gur kuştîye, tu jî bibe, bide p'at'şê, bê: „Min kuştîye".

98. E'lî-axa rabû, lê newêr bû serê gur hil da. 99. Jinê pêřa kire şer, serê gur nava k'incikêda lev pêç'a, da dêst, got: „Bibe, herře, bide p'at'şê". 100. Elî-axa tirsana k'incik dûrî xwe girt, çû cem p'at'şê, serê gur avîte ber lingê p'at'şê u tirsana zivirî, hat.

101. Çend ro k'etne ort'ê, p'at'şê dîsa gazî E'lî-axa kir. 102. Gelle h'urmet E'lî-axařa kir, pey h'urmetêřa got: „E'lî-axa, mêşê mida h'irç'ek heye. 103. Ewê h'irç'ê gelle merî ji şeherê min zayî kirîye. 104. Ezê sed mêrî bidme te, gerekê tu herî, wê h'irç'ê bikujî". 105. E'lî-axa caba p'at'şê da, got: „P'at'şa sax be, min qey got, tuyê şixulne za'f mezin bêjî. 106. Ew çi tevaye, ezê wê jî biqedînim". 107. Lê ji tirsana E'lî-axa qe nikarbû serê xwe bilind kira. 108. Wezîra dîsa ç'a'vê hevdu nihêrî, gotne hevdu: „Çit'o mêre! Mêrê ussa dinyayê qet t'unne!". 109. Wextê E'lî-axa ji mala p'at'şê derk'et, wezîra gote p'at'şê: „Eva mêrxasa xwedê teřa şandîye".

110. Wextê E'lî-axa hat, gihîşte mala xwe, jina xweřa kire şer, got: „Ez gora bavê te nim!". 111. Tu bûyî xenîmê serê min, tuyê min bidî gura u h'irç'a. 112. Were em ji vira birevin, herîn, qe tiştekî wan jî nabin. 113. Guhdirêjê me jî rind k'ok bîye, emê p'alas-p'ûlasê xwe lê kin, birevin, herîn welatekî dinê. 114. Jinê qebûl nekir, got: „Malxirab, tu jî mêrî! 115. P'at'şa teřa sed mêrî datîne, tu jî herře!".

116. Çend ro k'etne ort'ê, p'at'şa cab da E'lî-axa, wekî sed mêre ha-zirin meznê wanva, bira bê, wanřa lê de, herře. 117. P'at'şa ussa h'ukum kiribû meznê wî sed mêrî, Elî-axa çi bêje, t'ev gurê bikin. 118. E'lî-axa wanřa suyar bû, lê da, çû.

119. Hindik çûn, za'f çûn, kes nizane, hatne mêşekî six. 120. Esker li wêderê peya bûn, gotne E'lî-axa, cîyê h'irç' lê, evdere, xwe veşartin, k'etne nava mêşe. 121. Lê E'lî-axa hespa xwe li wêderê girê da, sekinî. 122. (Sekinandina E'lî-axa li wêderê ne ji mêranîya wî bû — ji nefa'mîya wî bû).

123. La'zek k'ete ort'ê, E'lî lê nihêrî: h'irç'ekî mezinî terikî xwe li E'li-axa girtîye, tê. 124. E'lî-axa tirsîya, rabû serê darê. 125. Wextê h'irç' hat ber darê, dar h'ejand, E'lî-axa ji darê jorda hate xwarê, dûz

kʿete ser pişta hʾirç'ê. 126. Tirsana herdu guhê hʾirç'ê girt u sekinî. 127. Wê deqîqê meznê esker dît, wekî Elî-axa hʾirç' girtîye, lê suyar bûye, hʾukum kir, esker hat, weris anî, hatin, hʾirç' girê dan — u E'lî-axa ussa lê suyar ber bi şeher kʿaş kirin, birin. 128. Merîk jî pêşda şandin, cab dane pʿatʿşê, wekî E'lî-axa hʾirç' saxe sax girtîye, lê suyar bûye, tê.

129. Pʿatʿşa e'cêmay ma. 130. Lê gerekê em bêjin, wekî E'lî-axa ussa tirsîyabû, qe nikarbû xeber de, reng lê qîç'ik bibû, nikarbû ji hʾirç'ê peya be.

131. Gava ku jina wî bihîst, E'lî-axa li hʾirç'ê suyar bîye, zanibû, tiştek qewimîye. 132. Çû cem pʿatʿşê got: „Ez îtʿmaz dikim, tʿemî bide eʾhʾlê xwe, eskerê xwe y wezîra, bira qet ji E'lî-axa xeber nedin, çimku E'lî-axa merîkî zaʾf hêrse, kare hineka bikuje". 133. Pʿatʿşa wê sihʾetê hʾukum kir, wekî kesek ji E'lî-axa xeber nede. 134. Jinik pey wî gilîra derkʿet, pêşîya mêrê xweda çû.

135. Çiqa eʾhʾlê şeher hebû, tʿev pêşîya E'lî-axada çûn. 136. Gava ku jinik nêzîkî E'lî-axa bû, dît, wekî tʿu reng li E'lî-axa nemaye, qe xeberdan jî pê nabe. 137. Ussa tirsîyaye, tʿaqet nake lingê xwe hilbirê, ji hʾirç'ê peya be. 138. Jina wî gihîştê, lingê E'lî-axa hilbirî, ji hʾirç'ê peya kir, kʿete bin milê wî, E'lî-axa bire mal. 139. Xelq e'cêmay ma: E'lî-axa çima ussane.

140. Wekî rojtira dinê xelqê ji jina wî dipirsî: „Çima E'lî-axa ussa bû", — jina wî caba wan dida, digot: „E'lî-axa zaʾf merîkî hêrse, ewî hʾirç' nekuştibû, loma jî ji hêrsana peya nedibû". 141. Wî çaxî xelqê digot: „Em zanin, pʿatʿşê e'lam kirîye, wekî E'lî-axa mêrekî zaʾf hêrse". 142. Tʿeva ev yek bawar dikir. 143. Pey wê yekêra E'lî-axa ussa tirsîyabû, ew mehek bû, nexweş-bû, kʿete nava cîya. 144. Mehek derbaz bû, paşê E'lî-axa ser xweda hat.

145. Gerekê-em bêjin, ew pʿatʿşa destdayê pʿatʿşakî dinê bû. 146. Her sal xerc dida wî pʿatʿşayî. 147. Raste, gellekî zûda ewî paʿtʿşayî tʿu xerc nedida kesekî, pʿatʿşakî xwe serê xwe bû. 148. Pʿatʿşakî pêra kire şer, zor dayêda, ew kire destdayê xwe u xerc jê distend.

149. Pey silametbûna E'lî-axara xulamêd wî pʿatʿşayî hatin, daʾwa xerc kirin, xerc jê xwestin. 150. Pʿatʿşa îcar bi piştî E'lî-axa tʿu xerc neda. 151. Xulamê wî pʿatʿşayî girtin, dev-lêvê wan jê kir, diranê wan jî kʿişand, li eʾnîya wanda kʿutan. 152. Pʿatʿşa wanra got: „Herin, bêjin pʿatʿşê xwe, wekî ez tʿu xercî nadime wî. 153. Bira canê E'lî-axa mira sax be, bese çiqa zêr u dewlet ewî ji min stend! 154. Herkê dixaze jî, şerê min pêra şere".

155. Ew xulam vegerîyan, hatin cem pʿatʿsê. 156. Gava ku pʿatʿşê ew yek dît, e'cêmay ma. 157. Pʿatʿşa wanra xeber da, wana nikarbû xeber da, çimku ne lêvê wan hebû, ne jî diran. 158. Kaxezek anîn, dane wan, wana ser kaxezê nivîsî: „Ewî pʿatʿşayî em girtin, wa anî serê me u gote me, wekî em bêjne pʿatʿşê: „Tʿu xerc nade, herkê şêr dixwaze, ezê pêra şer kim!".

159. Pʿatʿşê gazî esker kir, kʿarê şer kir, merîk jî şande cem pʿatʿşê, got: „Bira kʿarê xwe bike, ezê filan rojê pêra şer kim". 160. Vî pʿatʿşayî jî gazî E'lî-axa kir, got: „Îsal cend sale, filan pʿatʿşayî zor min kirîye, ez kirime destdayê xwe, xerc ji min distîne. 161. Min îcar xercê wî nedayêda, dixwaze mira tê ke şer. 162. Ezê esker tʿop kim u bi sereskerîva bidme bin destê te, tu gerekê tê kî şer". 163. E'lî-axa dîsa, nola berê, hʾevekî ker bu, duşurmîş bû, paşê got: „Pʿatʿşa sax be, ew çi tevaye, ezê biqedînim. 164. Min qey got, tuyê tiştekî zaʾf mezin bêjî!". 165. Wezîra u pʿatʿşa çʾaʾvê herdu nihêrîn, e'cêmay man: „Hila ev tişt nemezine!"

166. Pey wê yekêra E'lî-axa derkʿet, çû mala xwe. 167. Wextê E'lî-axa vegerîya, hate mala xwe, gote jinê: „Min gora bavê te gaê!". 168. Ez zanim, tu bûyî xenîmê serê min, berê gur bû, paşê hʾirç' bû, niha jî pʿatʿşa dibêje min: „Çiqa esker heye, ezê tʿop kim u bi sereskerîyê wanva bidme bin destê te, gerekê tu pʿatʿşakî dinêra şer kî. 169. Jinik, kʿengê min şer kirîye? 170. Ez çi karim şer kim! 171. Were em pʿalas-pʿûlasê xwe hildin, li guhdirêja xwe kin u birevin, herin. 172. Çi hʾalê min şer kʿetîye!". 173. Jinê got: „Malxirab, waqa esker didine te, waqa çebirxanê didine te, tu jî her! 174. Çi dibe? Xwe tu ne tʿenêyî. 175. Lê ez ji vira qe tʿu cîyada naçim!". 176. E'lî-axa lê nihêrî, jina wî gurê nake, qebûl kir.

177. Wextê esker hazir bû, E'lî-axa gote jina xwe: „Hemî ezê herme şêr. 178. Dibek ez bême kuştinê. 179. Sifetê xwe bikʿişîne, bide min. 180. Cara ez lê binêrim, bîna min pê derkʿeve". 181. Jinê jêra çend kuloç' çê kirin, mirtaxe çê kir, sifetê xwe jî kʿişand, pêra dagirt, E'lî-axa da pêşîya esker, esker rê kʿet, çû.

182. Hindik çûn, zaʾf çûn, kes nizane, çûne ber ç'emekî, hêwirîn. 183. Li wî berî ç'êm eskerê wî pʿatʿşayî bû, li vî berî ç'êm E'lî-axa eskerê xweva bû.

184. Lê gerekê em bêjin, wextê esker rê kʿet, pʿatʿşa tʿemî da esker u sereskerîyê wanva: „E'lî-axa çi dibêje u çi dike, gerekê hûn gurê bikin, ew çewa dike, hûn jî ussa bikin". 185. Wextê esker ussa hêwirî, E'li-axa çû ber devê ç'êm, le nihêrî, qamûşekî rind lê şîn dibe. 186. Wextekê E'li-axa qamûş diçinî, dikire gurz, danî, difrot. 187. Ew qamûş ew yek kire bîra wî, dest pê kir, qamûş çinî, kire gurz, avîte ç'êm. 188. Esker gava ku dît, E'lî-axa ussa dike, wana jî qamûş çinî, avîte ç'êm. 189. Ew qamûş çûn, li zinêr hasê bûn, tʿijî bu, bû mîna pʿira.

190. Wextê E'lî-axa westîya, vegerîya, hat dewsa xwe, nanê xwe derxist, nan xwar, esker jî dest pê kir, nan xwar. 191. Wextê nanxwarinê jina E'lî-axa kʿete bîrê. 192. Sifetê jina xwe derxist, bi kuloç'ekîva qemitand, dûrva danî, xwera lê sêr kir. 193. Wê gavê sek hat, dev avîte kuloç' bi sifetva, revand, bir.

194. Gava ku E'lî-axa dît, şûrê xwe kʿişand, da pey se. 195. Se revî, çû, ser wî qamûşîra derbazî wî berî bû. 196. Gava ku sereskerî ew yek dît, hʾukum kir, esker tʿev derbaz bû, dora wî eskerî girt, pê kʿet, ew esker qir kir. 197. Lê E'lî-axa, şûrî dêstda, pey wî seyî kʿetibû.

198. Wextê ew esker tʿev qir kirin, sereskerî kʿaxezek nivîsî, pʿatʿşêra şand: „E'lî-axa berî gişka dora esker girt, em jî pey çûn, me eskerê wî pʿatʿşayi tʿev qir kir. 199. Her maye sek. 200. Hêrsa E'lî-axa ussa rabûye, pey wî seyî kʿetîye, dike wî jî bikuje".

201. A bi vî tiherî E'lî-axa mêranîya xwe dikir. 202. Lê wextê şer kʿutta bû, hatin, pʿatʿşa E'lî-axa kire wezîrê xwe. 203. Ussa E'lî-axa çû, mirazê xwe şa bû, hûn jî herin, mirazê xwe şa bin.

В. С. Шандровская

СВЕДЕНИЯ О РЕМЕСЛЕ В ВИЗАНТИЙСКОМ БАСЕННОМ ЭПОСЕ XIII—XIV вв.

Многообразны сведения о быте и ремесле византийцев в произведениях византийского эпоса XIII—XIV вв. Реалии занимают большое место в баснях и служат подтверждением дошедших до нас вещественных памятников. Благодаря этому византийская басня XIII—XIV вв. становится важным источником по внутренней истории империи и дает ценный материал для изучения культуры эпохи Палеологов, до настоящего времени крайне мало исследованной.

Наше внимание привлек к себе „Рассказ о четвероногих" — облеченное в форму басни стихотворное произведение XIV в., (насчитывающее 1082 стиха), написанное на среднегреческом языке. Анонимный автор передает характерные черты окружающей действительности (идет ли речь о бытовых деталях или ремеслах), вкладывая в них определенный социальный смысл.

В басне встают перед нами картины быта царя и вельможи во всей роскоши и пышности, а в то же время мы знакомимся с тем, что окружает простого, занятого трудом человека. Праздная жизнь „сильных мира сего„ противопоставляется жизни людей, бесправных и обремененных тяжестью работы и налогов.

В образах тех или иных зверей, за которыми скрываются представители определенных социальных кругов византийского общества, в их взаимоотношениях баснописец стремится правдиво отразить сложную социально-политическую обстановку своего времени.

Касаясь вопроса о ремесле в Византии, автор „Рассказа о четвероногих" и здесь в значительной степени проводит мысль о социальном неравенстве. Не случайно, с одной стороны, он показывает ремесленника-труженика, изготовляющего различные поделки из кости и рога, изделия из шерсти и шкур, а с другой — рисует тех, кто пользуется этими продуктами ремесла: царя, богатых и знатных людей, представителей высшего церковного клира.

О разнообразных видах сырья мы узнаем из слов различных басенных персонажей на совете, созванном по велению царя Льва. Выступления даны в форме самовосхвалений и поношения противника; этот прием является одним из основсных художественных средств басни. Восхваляя себя и свои достоинства и возводя хулу на своего недруга,

басенный „герой" делает упор на ту пользу, которую он приносит людям. В этом самовосхвалении и порицании заложен глубокий смысл, ведь речь, по существу, идет о преимуществах одного вида ремесла перед другим, о почетности занятия тем или иным трудом.

В этом отношении наша басня живо перекликается с материалом средневековых армянских басен, изданием которых мы обязаны замечательному исследователю и переводчику их — Иосифу Абгаровичу Орбели. Говоря о развитии басенного творчества в Армении в XII—XIII вв., тесно связанного с наиболее ярким (в домонгольский период) расцветом городской жизни, городской торговли, ремесел и огромным развитием внешней транзитной торговли, И. А. Орбели уделяет много внимания басням, вышедшим из ремесленной среды. Он отмечает, что „излюбленным мотивом басен является мотив охраны ремесленных прав, отстаивание права ремесла на подобающий ему почет, на признание его заслуг перед обществом".

Большой интерес представляет для нас интерпретация басен Мхитара Гоша: „Кузнец и медник", „Кузнец и плотник", „Дубильщик и скорняк", где баснописец показывает „сравнительную важность, нужность, почетность, т. е. сравнительное право ремесленных цехов на почет".

Обратимся к материалу нашей басни, „Рассказу о четвероногих". Сведения о поделках из рога и кости мы черпаем из выступлений Овцы, Слона, Быка, Буйвола, дикой Свиньи.

Овца говорит о роге Барана:

> Рогом пользуются ремесленники,
> изготовители мечей, кинжалов и черенков для шил,
> используют его для ручек и других надобностей.
>
> (Стих 480 сл.).

Клыки Слона.

> . . . также приносят большую пользу:
> [из них] делают царские ложа, патриаршьи кресты,
> высеченные [из кости] жезлы с глубокой резьбой,
> царские кресла и троны властителей.
> Слоновой костью владеют епископы и митрополиты,
> великие игумены с длинными бородами;
> а вдобавок знатные люди и купцы
> имеют в качесте предметов игры:
> выточенные [из слоновой кости] тавли,[1]

---

[1] Тавли — восточная игра. Как сообщает нам Ф. Кукулес (Ph. Kukules. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός, t. I. Athen, 1948, стр. 191), среди разнообразных, так называемых „удачливых" игр упоминается игра в тавли (законодательство Юстиниана, „Стратегикон" Кекавмена, астрологические тексты XI в.). Эта игра, как и игра в кости, носила азартный характер и потому запрещалась законом (например, законами 1366 г.). Игра в тавли была сочетанием игральных костей и камешков (ψήφων). Прямоугольная, простая или двойная, доска (τηλία), украшенная пластинками из слоновой кости или рога быка, разграфлена на 12 прямоугольных противоположных друг другу мест, называемых κάσσους. На них кладутся камешки, которые продвигаются вперед на столько мест, сколько очков показывает верхняя поверхность брошенных игроком 2—3 игральных костей. Кости бросались либо по сторонам доски, либо на столе, часто с помощью башенки. Во избежание каких-либо подделок и обмана игральные кости бросались не рукой, а перемешенные в кубке из рога или в самом рожке бросались в башенку, которая называется πύργος, πυργίον или μόδιος, μοδίολος. Брошенные кости, вращаясь, катились по лесенкам башни до тех пор, пока не оказывались на поверхности. Играющих было обычно двое, но случается, что их больше: на Крите 6, 8, 10 игроков.

шахматы[2] и тому подобные вещи.
[Из слоновой кости] делают ручки для больших ножей,
а равно и для маленьких, весьма украшенных,
очень красивые гребни, которые скрепляются золотом
и еще серебром, украшенные смарагдами, —
их имеют знатные дамы, старые и пожилые;
делают также и зеркала, которые называются „καθρέπται",
и молодые девушки [пользуясь ими] смотрят на свое отражение.

(Стихи 914—929).

Бык заявляет:

Моим рогом пользуются щелкоперы,
[из него] делают чернильницы,[3] изготовляют футляры для перьев,

[2] Дважды употребленное в одном и том же тексте слово „шахматы" обозначено двумя различными словами. В стихе 618 — σκάκος, обычно это слово связывают с итальянским sciacco, оно более позднее, чем употребляемое в стихе 922 слово ζατρίκια.

Византийский историк Дука ('Ιστορ. 68, 9) пишет ζατρίκιον, которое персы называют σάντραξ. Происхождение игры восточное, о чем подробно рассказано в книге: И. Орбели и К. Тревер. Шатранг. Л., 1936.

До VII в. игра в шахматы была неизвестна в Византии (Ph. Kukules, ук. соч., т. I, стр. 219—221). Византийцы узнали ее через Персию. Анна Комнен пишет, что игра в шахматы стала известна в Византии через Ассирию: „παιδιὰ δὲ τοῦτο ἐκ τῆς τῶν 'Ασσυρίων τρυφῆς ἐξευρημένον καὶ εἰς ἡμᾶς ἐκετθεν ἐληλυθός" (Anna Komnena. Alexiadis, ed. A. Reiffer-Scheid. Lipsiae, 1884, 2, 156, 15).

Игра в шахматы, „руководствующаяся разумом", как правило, противопоставляется игре, „зависящей от удачи" — игре в кости. О характере последней можно прочесть, например, в византийской басне (Πουλολόγος) („Рассказ о птицах"): Гусыня обвиняет Чайку:

Все, которые тебя видели, говорят, что ты мошенница,
ты играла на свое платье и проиграла его при игре в кости,
и имеешь ты только рубашку, которую ты носишь.

Игра в кости (ἀζάρι или ζάρι) часто упоминается рядом с игрой тавли. Например, в „Романе о Велизарии":

И они радовались, играя в ταβλί и ζάρι.

[3] По указанию Софоклиса (Sophocles. Lexicon Corpus Closs. Lat., II, 337, 14) слово καλαμάριον, τό — речь идет о нашем переводе слова „чернильница" — было засвидетельствовано уже в V в. н. э. По мнению П. Кретчмера (P. Kretschmer. Lateinis he und romanische Lehnwörter in Neugriechischen. Byz. Zeitschr., Bd. II, 1893, стр. 399), это слово латинского происхождения, хотя он не исключает возможности греческого происхождения. А. Тумб (A. Thumb. Die griechische Lehnwörter im Armenischen. Byz. Zeitschr., Bd. IX, 1900, стр. 392) указывает на существование греческих слов в армянском языке, среди которых находится и слово καλαμάρι. Можно предполагать, пишет А. Тумб, что армянский язык принял эти слова при общении с греками в Трапезунде. Я. Протодик (J. Protodikos. Περὶ τῆς λέξεω καλαμάρι. Byz Zeitschr. Bd. II, 1893, стр. 274) показывает развитие значения слова καλαμάρι. Объяснение слова дает также Ф. Кукулес (Ph. Koukoules, ук. соч. т. I, стр. 78—79). Он отмечает, что упоминание в толкованиях Полидевка слова θήκη 'футляр', 'ножны', 'чехол' относится к theca calamaria или τό καλαμάριον 'вместилище для перьев'. Перья делали из камыша или тростника — καλάμος, слово арабского происхождения. Таким образом, καλαμάριον — θήκη τῶν καλάμων или θῆκη τῶν κονδύλιων (κονδύλια 'перья'). Кроме того, не только 'вместилище', 'футляр' для перьев назывался καλαμάρι, но и чернильницы (μελάμβροχον), которые обычно делались из стекла или рога. Так как во второй части стиха речь идет именно о футлярах для перьев — κονδυλοθῆκας, то, полагая невероятность упоминания одинаковых предметов в одном стихе, мы переводим слово καλαμάρια 'чернильницы'.

Были ли в данном случае чернильница и футляр для перьев частями одного предмета, как это имеет место в восточном калемдане (см. Л. Т. Гюзальян, Бронзовый калемдан 1148. Сб. „Памятники эпохи Руставели", Л., 1938, стр. 218), который сам по себе представляет футляр с тремя отделениями: в одном хранятся каламы —

а также и токари [пользуются им] для всего:
для тронов, для седельных принадлежностей, для шахмат, для тавли
и для выточенных прялок [и их частей],[4]
на острия копий и на края щитов,
и на многие другие необходимые предметы.

(Стихи 615—621).

И рог Буйвола находит свое применение, из него

делают рожки, которые носят воины,
берут [их] с собой и на охоту и в поход
и играют на них, и подают знак, чтобы звать друг друга.

(Стих 606 сл).

И клык дикой Свиньи приносит пользу. Хотя он не идет на поделки, но

„им пользуются грамматики, и все шляпочники
выглаживают им шапочки, выглаживают и бумагу" (стих 403 сл.).

Большое место в басне уделяется обработке шерсти, изготовлению одежд, ковроделию и тому подобным вещам. Овца, оспаривая свои достоинства перед Козой, заявляет:

„О волосе моем я могу сказать много:
[люди] чистят его щеткой, чешут и прядут из него нити,
затем красят их всяким родом и способом
в красный, черный, желтый, фиолетовый, небесно-голубой
и другие цвета, необходимые для работы.
Изготовляют прекрасные, замечательно вышитые занавеси
и украшают [их], изображая виды и фигуры
людей, зверей, птиц и всего на свете;
этими вещами обладают королевы, а также и короли,
графы, рыцари и другие [вельможи]. Также
выделывают тонкие весьма украшенные ковры,
на которых сидят султан и все эмиры.
И всякий род, ромеи и франки,
просто использует их на постели и на другие ложа.
А самое важное, что делают из моей шерсти, —
одежды, которые носит все человечество
во всех краях, малые и большие.
Цари, знатные люди и все вельможи
носят желтого и красного цвета одежды,
другие, нижестоящие — всякой окраски и цвета.
Еще делают из грубой шерсти и части одежды,
делают высокие клобуки из сукна и
одежды, подбитые мехом для великих патриархов,
мантии, парамантии для митрополитов и епископов,
и верхние одежды на подкладке для великих игуменов,
и белые рубашки для молодых монахинь.
Все другое из необработанной шерсти делают обыкновенные люди,
делают тяжелые ковры и войлочные изделия,
и потники, войлок под седла,
шапки, капюшоны... и другое.[5]

(Стихи 484—512).

тростниковые перья, в другом — чернильный порошок и песок для просушки, в третьем — чернильница, мы не знаем.

Нам кажется, что в нашем тексте речь идет все-таки о существующих самостоятельно предметах, может быть, этому способствует употребление дважды глагола ποιέω:

ποιοῦν τὰ καλαμάρια, ποιοῦν κονδυλοθήκας

[4] Заключенные в скобки слова только приблизительно передают содержание слова σφονδυλοτορνημένας. По-видимому, здесь имеются в виду какие-то части прялки, которые подвергаются обточке. Может быть, это пряслица?!

[5] Употребленные в этом стихе слова σαρπούζια и σαρκούλια имеют восточное происхождение. Первое из них, по мнению И. А. Орбели, взято из курдского языка и имеет значение „капюшон".

Но и козья шерсть идет в производство. Коза, возмущенная похвальбой Овцы, удивленная тем, что Овца хвалится „волосом, [пригодным] для окрашивания в различные цвета“ (стих 528), заявляет:

Волосы мои идут на другие нужды:
[из них] плетут крепкие веревки, [которыми] связывают животных,
всех четвероногих, малых и больших.

(Стих 532 сл.).

Мы узнаем из басни, что широкое распространение имела свиная щетина; одновременно с этим знакомимся как с техникой живописи, так и с особенностями труда сапожника, седельщика и сшивателя кож — мастера, имеющего дело с кожами:

И живописец не может никоим образом писать картину,
если не возьмет от меня волос для кисточки
и не сделает тонкие, средние и толстые [кисточки].
Что он желает — все делает, благодаря искусству:
и расписывает чудесно воздвигнутые храмы,
и священные иконы, которым поклоняется
христианский род во всем мире,
и расцвечивают и красочно украшают
дома и дворцы великих царей
и другие чудесные дома могущественных вельмож.

(Стих 392—401).

И сапожник, седельщик и сшиватель кож
никоим образом не могут сделать хотя бы стежок
без того, чтобы не воспользоваться моим волосом.

(Стих 389 сл.).

Заметим кстати, что это заявление оправдано. Оно основывается на том, что всякий, имеющий дело с шитьем кожи, использует при этом дратву, связывая ее со свиным волосом, облегчающим прохождение дратвы через проколотую шилом дыру. Об использовании свиного волоса мы встречаем упоминание также и в „Πουλολόγος“ (Рассказе о птицах) — византийской басне XIV в. Фазан называет Береговушку сыном сапожника Петсокаталита, имя, означающее „портящий кожу“, который сидел и шил свиным волосом (стих 290).

Шкуры различных животных являются так же ценным материалом в работе византийского ремесленника. Насколько разнообразно применение шкур, можно судить по приводимым ниже стихам:

Шкурой моей (речь идет о шкуре Пантеры) пользуются султаны,
благородные богачи, великие эмиры.
Она идет на кресла, спинки кресел,
на подушки и на подстилки для ложа.
Там, где она лежит, никогда не бывает блох.

(Стих 878 сл).

И моя шкура тоже ценна, — заявляет Заяц, —
ее носит на голове всякий важный человек,
и врач, и богатый торговец,
и богатые дамы с большими пелеринами,
имеющие длинные шлейфы и тащащие их сзади,
носят [меховую подкладку] для [пышности];
(и часто мою шкуру носят вследствие сильного холода),
так же, как знатные носят одежды из сукна
соответственно времени года из-за сильного холода.
Даже лапка моя, ничтожная часть тела, —

и она необходима, и она ценна,
ибо пользуется ею золотых дел мастер, собирая золото
и отдельные крупинки серебра, [оставшиеся] от подпиливания.

(Стихи 301—313).

Овечья шкура существует в качестве сыромятной и обработанной для всякого другого дела:

Изготовляются [из нее] прекрасные ремни, обработанные квасцами,
уздечки с недоуздком, передние и задние ремни,
и все другое, чем пользуются седельщики.

(Стих 640 сл.).

Об обработке кожи сказано также в стихе 210 сл. Собака, гневаясь на Лису, говорит ей, что следует:

стащить с тебя шкуру, вытянуть хвост
и отдать это на сукновальню, меховщику,
пусть тебя обработают негашенной известью и обожгут квасцами,
забудешь свою высокую философию!

Шкуру оленя

используют для всякого дела:
на шкуры, на пояса и другое, подобное этому;
и делают небольшие мешочки, содержащие внутри трут,
которые носят люди, чтобы разжечь огонь.

(Стихи 343 сл.).

Кожа овцы тоже имеет большое значение:

Сапожнику она служит для всякой его работы:
для башмаков, сандалий, туфель и...[6]

также и грамматики одевают книги
в черную, красную или другого цвета [кожу],
часто и седельщик пользуется ею
для седел, для шитья нагрудных и задних ремней,
для узды с недоуздком и тому подобного.

(Стихи 513—520).

В мастерской ремесленника находят применение и жилы животных:

...бычьими жилами
пользуются мастера — лучники,
снабжая тетивой луки,
а также и изготовитель стрел снабжает жилами стрелы,
и седельщик, и вьючник — и они пользуются [ими];
и там, где в них нуждаются, хранят их в связках.

(Стихи 623—627).

Принимая во внимание малочисленность сохранившихся памятников материальной культуры Византии, слабую разработанность вопросов техники их производства, можно сказать, что каждый памятник византийской письменности, дающий сведения о реалиях, представляет значительный интерес.

---

6 Последними словами этого стиха являются: φελάρια καὶ κλῶστρα. В основе φελάρια, вероятно, лежит слово φελλοῦ 'пробка', стало быть речь идет об обуви на пробковой подошве. Мы перевели φελάρια 'туфли'. Что касается κλῶστρα, то происхождение и значение слова не удалось выяснить. Ясно только, что речь идет об одном из видов обуви. В качестве предположения можно связать слово κλῶστρα с латинским словом clostrum 'монастырь', 'замок', 'ограда' и думать в этом случае о какой-то монастырской обуви.

Большую ценность поэтому имеет и приведенный нами материал, тем более, что автор басни „О четвероногих", рассказывая о всевозможных видах производства, красочно описывая разнообразные реалии, относящиеся к ремеслу, обнаруживает при этом прекрасное знание профессиональных тонкостей, последовательности трудовых процессов. Последнее свидетельствует о том, что автор пользуется не книгами, а знаком с реальной жизнью слоев населения, занятых трудом, близок к практике производства.

Изучение других произведений басенного эпоса Византии XIII—XIV вв. показывает, что и в них также налицо элементы наблюдения жизни. И хотя порой сведения о ремесле и быте даны скупо и носят несколько общий характер, они являются ценными крупинками в деле собирания и конкретизации материала, раскрывающего характер и особенности быта и ремесла Византии XIII—XIV вв.

Т. А. Шумовский

АРАБСКИЕ ЛОЦИИ КАК ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ НОВОГО КАЧЕСТВА

Характерной чертой науки нового времени является ее разделение на ряд самостоятельных дисциплин, хотя грани, проложенные этой дифференциацией, подчас и зыбки; происходит специализация ученых, нередко в пределах весьма узких областей, образованных прогрессирующим накоплением знаний. Наоборот, средневековой науке присуща слитность мышления и энциклопедичность научного творчества. Три основных категории наук — естественные, гуманитарные и точные — часто представлены в трудах одного лица. Рядом с литератором Ломоносовым находим первооткрывателя физико-химического закона Ломоносова—Лавуазье. Деятельность Авиценны составила эпоху в философии и медицине, Насираддина Туси — в астрономии и юриспруденции, Сули — в истории и шахматном искусстве. В новое время известные примеры Бородина и Холодковского представляют уже редкое исключение. Эти наблюдения приводят к выводу, что данные, относящиеся к той или иной из интересующих нас наук, следует искать не только в специальных трудах. Источники могут быть иногда неожиданными, и наше столетие уже показало это на материале произведений арабской морской литературы, — произведений, впервые открытых и изучаемых в настоящее время. Как навигационные руководства, составленные для специального пользования в профессиональной среде, они содержат первостепенные данные по географии, астрономии, истории и этнографии стран Азии и Африки. Они суть прежде всего документы личного опыта автора, образцы, выросшие из потребностей практики и основанные на ней, и это обстоятельство создает их качественно принципиальное отличие от смежных жанров арабской литературной деятельности.

Основным недостатком арабской географической литературы классического периода, как указывает И. Ю. Крачковский, было расхождение теории с практикой.[1] Военные походы и торговые экспедиции, путешествия и скитания по всему известному тогда миру расширили горизонты географического мышления арабов. Их переводная и ориги-

[1] И. Ю. Крачковский, Избр. соч., т. IV, М.—Л., 1957, стр. 547.

нальная литература обстоятельно описывает моря и земли Азии, Африки и разных частей Европы. Но арабские географические карты далеко несовершенны, и пользоваться ими для практических целей было нельзя. Материки, острова и моря, реки и каналы вычерчены на них посредством циркуля и линейки; на картах мира восточный берег Африки простирается с запада на восток, образуя как бы южную границу Индийского океана; страны света расположены в обратном порядке.

Картография, наглядная часть географической литературы, сильнее описательной части испытала на себе сковывающее влияние птолемеевской схемы миропонимания. Ее образцы, созданные кабинетными умами вдали от изображаемой реальности, не могли удовлетворить тех, кому они предназначались, и передовые географы остро это чувствовали. Моряки, к которым они обращались за достоверными сведениями об интересовавших их районах, неизменно вносили поправки в общепринятые карты даже Аравии и Красного моря, не говоря уже о чужих землях и водах. Мукаддаси ярко и образно повествует о том, как различные карты запутали в нем представление о Красном море, а моряк Абу Али ибн Ҳазим по его просьбе начертил на песке ясную и четкую карту этого моря, лишенную традиционных „плаща“ [2] и „птицы“.[3] Он подчеркивает, что именно лоцманам, капитанам и владельцам судов, представителям точного знания, лучше остальных людей известны морские гавани, ветры и острова. Масуди устанавливает, что домыслы „философов“ в описаниях Индийского океана опровергаются данными капитанов кораблей в Омане и Сирафе.

В противоположность традиционной географической литературе, деятели которой нередко считали возможным описывать мир с чужих слов, арабская морская наука характеризуется единством теории и практики. Облеченный моральной и материальной ответственностью за судьбу корабля и его экипажа, сохранность ценных грузов и жизнь путешественников, лоцман не мог рисковать в открытом море, слепо доверяясь существующим лоциям, от каких бы авторитетов они ни исходили. Если ведóмое им судно погибало вследствие его недосмотра или неопытности, а сам он при этом случайно спасался, то по морскому законодательству он подлежал смерти в первом же порту. Детали морских маршрутов с течением времени могли меняться, и водитель судна, пользуясь лоцией,[4] вносил в нее те или иные поправки. Отсюда постепенно складывались новые лоции. Каждый мастер кораблевождения сочетал в себе, таким образом, теоретика и практика большей или меньшей силы.

Наиболее яркое и глубокое выражение это нашло в деятельности выдающегося арабского мореплавателя Ахмада ибн Маджида Наджди. Впервые познавший морской труд 12-летним мальчиком в качестве юнги на корабле своего отца, тоже лоцмана, он отдал морю последующие пятьдесят лет своей жизни. Его отец Маджид ибн Мухаммад был всего лишь „руббан ал-баррайн“ — пилотом (лоцманом) двух, аравийского и африканского, побережий Красного моря. Сын удлинил маршруты своего отца, доходя со своими судами до Занзибара, Индонезии

2 Схематическая деталь арабских карт, введенная Мухаммадом ибн Мусой Хуваризми (IX в.), передатчиком системы Птолемея на арабской почве.

3 Намек на традиционную концепцию о том, что земля имеет форму птицы.

4 Для понятия „лоция“ в мореходном языке пользовались словом „рахнамадж“ (арабизованная форма иранского „рахнамэ“, „рахнамак“ — „путеводитель“) с метатезом „рахманадж“ (облегченная форма — „рахмани“ или „рамани“).

и порта Зайтун (Цюаньчжоу) в южном Китае. Историческими свидетельствами крупных познаний в практике и теории морского дела Ахмада ибн Маджида являются почетные прозвища „лев моря“ и „проводитель морской науки“, сопутствующие его имени в рукописи, хранящейся в Ленинграде, уже посмертной рукописи его трех последних творений.

Еще большее свидетельство этому — характер его трудов. Крупнейший из них — „Книга польз касательно основ и правил морской науки“ — не только насыщен теоретическими обобщениями; в равной, если не в большей, мере это также сокровищница опыта. Каждый факт здесь установлен лично автором и проверен десятилетиями опасного и самоотверженного труда в море; каждое определение обдумано и взвешено. Необходимость вносить коррективы в существующие лоции вносила в его мышление элементы критичности. Для него не истина существует, поскольку ее высказывают авторитеты, а наоборот, авторитеты существуют лишь в той степени, в какой они высказывают истину.

Ахмад ибн Маджид Наджди, единственный из арабских географов, отвергает птолемеевское деление горизонта на 360°. У него окружность делится на 224 „пальца“, т. е. по 7 „пальцев“ между 32 румбами ветров или по 8 „пальцев“ между 28 стоянками луны.

В главе об истории мореплавания в „Книге польз“ одна за другой встают фигуры предшественников автора. Хронологически последними из них являются три прославленных лоцмана XII в.: Мухаммад ибн Шазан, Сахл ибн Абан и Лайс ибн Кахлан. Без ложной скромности, высоко ценя чувство собственного достоинства, Ахмад ибн Маджид подчеркивает:

„Мы воздали должное их заслугам, назвав себя четвертым после Трех. Быть может, в науке о море, культивированной нами, один мой листок по выразительности, неоспоримости и полезности стоит дороже всего ими написанного. Ведь они — сочинители, а не практики... После моей смерти люди оценят каждого из нас“.

Другие работы Ахмада ибн Маджида служат целям частной детализации основных сведений, сообщаемых в „Книге польз“. Они представляют небольшие произведения, написанные стихами ради облегчения запоминания. Парижская рукопись 1576 г. и дамасская рукопись 1592 г. содержат 17 таких поэм. Наиболее значительная из них — „Краткое изложение основ мореведения“, относящаяся к 1462 г. Другое произведение — „Золотая поэма“ рассматривает вопросы каботажного и морского плавания. Специальные поэмы подробно описывают путь из Красного моря в Персидский залив, из Мекки в Хурмуз, к мысу Фартак, в Каликут и Гузерат; некоторые из них специально посвящены показу техники определения высоты тех или иных звезд.

В гармоническом сочетании теории и практики, в творческом взаимодействии книжных познаний и живого опыта, в трезвом реализме, основанном на критическом мышлении, — во всем этом состоит коренное отличие арабского мореведения от остальных областей географической литературы, создающее яркую индивидуальную характеристику деятельности Наджди и его школы. В таком шедевре, как „Книга польз“, французский ученый Г. Ферран имел полное основание видеть синтез морской астрономии XV в. Описание Красного моря, оставленное Ахмадом ибн Маджидом, доныне не имеет себе равных среди европейских руководств по парусному плаванию. С точки зрения этнографии важно, что арабский морской лоцман не замыкался в профес-

сиональных рамках служебного долга, а тщательно изучал жизнь всех народов, с которыми его сталкивала прихотливая судьба мореплавателя.

Венец творений Ахмада ибн Маджида — „Книга польз"; по авторскому замыслу она должна дать многим поколениям корабельщиков полную сумму знаний, необходимых не только для правильного вождения судов в море, но и для установления правильных взаимоотношений с местным населением во встречных портах. Для этого нужно знать, что представляет собой тот или иной народ, и с этой целью в лоциях приводятся обширные данные об истории страны.

Для бантуистики небезынтересно, что в хранящейся в ИВ АН СССР (Ленинград) уникальной рукописи Ахмада ибн Маджида упоминается о стране Беномотапа (переосмысляя ее название в Бану Мусави) или Мономотапа (Муна Мусави) и о золотых рудниках Наджасимуна, лежащих в месяце пути к западу от Софалы. Конечно, он мог и не знать, что „мономотапа" — это не название страны, а титул ее правителя (бант. „мвана мотапа" — владыка рудников),[5] сама же страна (нынешняя территория Родезии от низовьев Замбези до Анголы) носила название Макаранга („страна солнца"). Для неспециалиста это уже деталь. Важно то, что текст твердо говорит о золотых рудниках в этом районе и еще важнее то, что эти данные XV в. подтверждены археологическими раскопками 30-х годов XX в. По всей Родезии найдены остатки древних рудников, приспособления для выплавки металлов и металлические изделия (материал — железо, медь, золото, бронза, олово), наконец многочисленные каменные сооружения, свидетельствующие о высокой культуре этой древней страны. Таким образом, рассказы старых географов о „Мономотапе", сказочном царстве золота, так распалявшие алчность иноземных завоевателей, получают реальную, осязаемую почву в памятниках арабской морской литературы.

Астрономический словарь представлен в „Книге польз" несколькими сотнями названий отдельных звезд и целых созвездий, причем рядом с основной формой неизменно приводятся все побочные (синонимические) варианты с подробной этимологией каждого из них. Указывается время восхода и захождения каждого созвездия, его отношение к местностям, ветрам и стоянкам луны. Расшифровка, идентификация и систематизация этой терминологии в пределах особого указателя создаст надежный критерий для проверки данных, сообщаемых арабскими астрономами, поскольку эти последние ничем не рисковали в случае неудачного определения, а это создает потенциальную возможность ошибок. В лоции же от неправильного астрономического описания могла зависеть судьба корабля и всех, кто на нем находился. Поэтому к звездным наблюдениям лоцманы относились с особым чувством ответственности, к тому же их данные постоянно находились под контролем чужого опыта. Отсюда, как правило, ошибочные данные в лоциях исключены.

В „Книге польз" представлен богатый топонимический материал, в особенности для юго-восточной Азии и Океании (Индия, Бирма, Вьетнам, южный Китай). Учитывая этот материал, мы получим в его данных авторитетное подтверждение уже известным формам географических названий или же узнаем о таких именах, которые уже не сохранились ни в других письменных источниках, ни в фольклоре.

[5] Арабская передача „муна мусави (из „муна мусави)" объясняется отсутствием в арабском двухсогласного начала и звука „п". „Т" закономерно передается через „ṭ" (ت → ط). Звук „в" в бантуитской форме „мвана" мог возникнуть как прикрытие зияния, образовавшегося после выпадения твердой ячейки „d" в арабском эквиваленте „ма'дан" на африканской почве.

Наконец — и в этом особая оригинальность произведений Ахмада ибн Маджида, создающая их неповторимую индивидуальную характеристику, — во всех этих руководствах по судовождению перед нами развертывается широкая картина оживленной морской жизни в Индийском океане в VIII—XV вв., с пестрой вереницей лоцманов, морских капитанов, кораблевладельцев, купцов и их поверенных, матросов, смотрителей гаваней и маяков — всего этого многоязычного разнохарактерного морского люда („ахл ал-бахр"), среди которых бывали даже поэты, посвятившие свое творчество уже не следам возлюбленной в пустыне и не благоуханию багдадских садов, а безбрежной стихии океана. Привлекая параллельные документы эпохи, мы можем сейчас воссоздать в общих чертах обстановку, в которой проходили далекие морские путешествия арабов, предпринимавшиеся в те века, когда вся Европа, по существу, еще ограничивалась каботажным плаванием.

Исходными пунктами этих путешествий были: Басра, порт приписки большинства арабских судов, „ворота в океан", по своему значению для халифата напоминающая роль Саутгэмптона в Англии; старые иранские города-порты Сираф и Хурмуз, последний из которых даже в XV в., по свидетельству „Книги польз", представлял собой „крупнейший порт мира"; наконец, Маскат, Джедда и Аден. Из рассказа Шихабаддина Йакута видно, что и Багдад, в отличие от прежних столиц халифата, был задуман и выстроен как государственный центр, способный сообщаться с периферией и иноземными странами по водным артериям.

Суда шли от этих портов по всем направлениям. Весьма оживленным было морское сообщение с восточноафриканским побережьем, о чем говорил еще Косьма Индикоплевст (530 г.). После падения Сасанидов морская торговля с Африкой перешла исключительно к арабам. В VII в. их восточноафриканские фактории, которые еще до ислама вели немой торг с местными племенами, стали превращаться в крупные поселения: Занзибар, Ламу, Малинди, Мафия, Момбаса, Пемба, Софала; в 975 г. арабами была построена Кильва, занявшая впоследствии господствующее положение среди арабских резиденций на всем протяжении от Сомалийского полуострова на севере до Наталя на юге. Все эти города выросли в процессе выгодной морской торговли, главным образом торговли рабами. Рабы обрабатывали плантации арабских поселенцев, а также вывозились в Китай, на Яву, в Индию, Персию и Аравию, главным образом южную. Активный торговый баланс способствовал процветанию прибрежных городов, а население их постоянно пополнялось за счет арабских и иранских переселенцев из Омана, Хадрамаута и Шираза, бежавших сюда от междоусобных войн и преследований со стороны ревнителей ислама.

Постоянными были рейсы в Индию, острова Индонезии, Малакку и Китай. Морские переходы совершались по проторенным путям, подробно описанным в десятках лоций. На одном из таких кораблей регулярного сообщения плыл по неведомым морям современник Ахмада ибн Маджида, любознательный тверской купец Афанасий Никитин. Топонимику, гидрографический и метеорологический режимы юго-восточной Азии, не говоря уже об астрономии и орографии этого района, арабские моряки знали досконально. Им были известны мельчайшие пункты на обоих побережьях Бенгальского залива, Яве и Суматре,

а Сокотра и все восточноафриканское побережье Красного моря и Индийского океана в силу близости расстояния и давних традиционных связей были для них как бы вторым домом.

Торговые сношения арабов со всеми странами индоокеанского бассейна на протяжении многих столетий и даже в доисламскую эпоху были систематическими. Наряду с работорговлей и вывозом золота, жемчуга, фарфора, тикового дерева, шелка, слоновой кости и пряностей существовал обмен изделиями ремесел. Говоря об оснастке арабских судов, „Книга польз" в числе прочего снаряжения называет индийские паруса и китайские якоря. В 1480 г. китайский флот посетил Могадишо. В Кильве, Мафии и Могадишо найдены китайские монеты VIII—XII вв.; факт тесных торговых связей арабских поселений в Африке с Китаем еще при первых Аббасидах и в эпоху династии Мин можно считать установленным.

Число корабельного персонала зависело от размеров судна. На больших кораблях существовало до 12 служебных разрядов: за судовладельцем и капитаном следуют боцман, агент по снабжению топливом, причальный, каптенармус, агент по снабжению пресной водой, он же писец, рулевые, дозорные, водокаты, канониры, матросы. Душой экипажа был капитан, обычно совмещавший обязанности лоцмана; от него в значительной степени зависел успех коллективного труда команды. Облеченный доверием и властью, он нес на себе ответственность за судьбу рейса, за состояние судна и экипажа, за сохранность товаров, находившихся на борту, и жизни пассажиров. Требованиям, предъявляемым к лоцману, придавалось столь серьезное значение, что они были кодифицированы в государственных актах. Сами лоцманы сознавали всю сложность и в то же время увлекательность своей профессии и гордились ею. Главный моральный долг моряка — быть верным своему судну при любых обстоятельствах — сформулирован еще в „Чудесах Индии" Бузурга ибн Шахрийара, памятнике середины X в. В „Книге польз" Ахмад ибн Маджид посвящает описанию обязанностей морского пилота большой фрагмент, за которым мы слышим живую взволнованную речь мастера, вложившего в дело всей жизни свою душу и желающего передать это дело в достойные руки:

„О ты, желающий научиться, пойми и запомни, что моряку нужно знать многое. Прежде всего ему должны быть известны стоянки Луны, румбы, маршруты и расстояния. Затем он должен уметь определять высоту звезд, знать время вхождения Солнца и Луны в знаки Зодиака, быть знакомым с ветрами, муссонами постоянными и непостоянными, а также корабельными приборами... Моряк должен знать час и место восхода и захождения светил, их координаты, расстояния от экватора и полюса и пути их течения, иметь понятие о равноденствиях. Все это обязательно для желающего стать опытным наставником. Морскому пилоту необходимо иметь точное знание всех побережий, пристаней и признаков пути к ним, а также рельефа морского дна. Он должен разбираться в растениях, встречаемых на поверхности воды, морских змеях, рыбах, гнездах чаек, изменениях воды, приливах и отливах, знать острова во всех направлениях. Непременной обязанностью лоцмана-капитана является неустанное совершенствование навигационных приборов, изыскание средств для придания судну наибольшей устойчивости, наиболее разумный подбор снаряжения и команды. Он должен следить, чтобы судно не перегружалось более обычного, препятствовать приему пассажиров сверх установленного. Под его наблюдением судно должно в достатке запастись провизией и пресной водой и выйти в путь с нужным муссоном... Лоцман должен терпеливо переносить усталость и зорко следить за опасностями пути. Он должен быть разносторонне образованным, решительным и отважным, красноречивым и справедливым, терпеливым и великодушным. Хорошее воспитание прививает чувство меры, а поэтому лоцману-капитану следует быть деятельным, но не суетливым, храбрым, но не безрассудным, осторожным, но не медлительным, сдержанным, но не замкнутым, великодушным, но не мягкотелым... В противном случае это не образцовый наставник".

„Книга польз" содержит также некоторые хронологические указания, дающие возможность установить ряд спорных дат жизни автора, неизвестных ранее.

Мы опускаем здесь описание технической стороны морских путешествий, включая производство астрономических наблюдений, промеры глубин, пользование специальными приборами; не касаемся и бытовых условий работы морских тружеников. В этом очерке мы ставили целью дать сжатую характеристику новым приобретениям науки в связи с изучением произведений арабской навигационной литературы. Постановка вопроса тем более важна, что в силу разрыва между теорией и практикой в арабской географической литературе классического периода традиция, благодаря господствующему положению теории, сохранила в основном умозрительные произведения, тогда как документы опыта дошли до нас в немногочисленных образцах.

Кратко говоря, последние пятьдесят лет изучения арабских лоций доставили науке такое приобретение, как создание новой отрасли арабистики. Эта отрасль, занимающаяся исследованием сохранившихся памятников арабской талассографии, уже открыла вход в ту область арабского средневекового мира, о существовании которой ученые знали давно, но не придавали ей самостоятельного значения, так как отсутствие подлинных памятников арабского мореведения в поле зрения науки не позволяло видеть в частных данных черты сложившейся системы. Обнаружение Г. Ферраном в 1912 г. подлинных произведений Ахмада ибн Маджида в Париже и И. Ю. Крачковским в 1925 г. трех уникальных лоций арабского пилота в Ленинграде знаменовали начало новой эпохи в научной арабистике — эпохи, когда в качестве предмета специальных изысканий рядом с произведениями „сухопутной" географии встала арабская морская литература. Рамки исследований необычайно расширились, традиционный метод обращения к семитским параллелям потерял свою исключительность после того, как пример Феррана показал необходимость учитывать для объяснения ряда явлений арабской деятельности данные индийских, малайских и китайских источников.

Важным принципиальным приобретением явилось выяснение практического характера произведений арабской талассографии, показавшее, что роль опыта в истории арабской культуры была гораздо значительнее, нежели было принято думать раньше.

Ю. Б. Юсифов

ДОЛГОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ СУЗ

(VII в. до. н. э.)

Публикуемая группа юридических документов издана впервые В. Шейлем.[1] К этой серии документов относятся всего семь таблеток. На них отсутствует указание на год их написания. Однако на основании ряда данных, о котором речь пойдет дальше, можно полагать, что сузские частноправовые таблетки, написанные на эламском языке, составлены в VII в., точнее во второй половине VII в. до н. э.

Ряд ученых, например В. Шэйль и Ф. Борк,[2] отождествляет время написания этих документов с временем написания таблеток административно-хозяйственного содержания, составленных также на эламском языке.[3] Такое отождествление не подтверждается фактами. Наоборот, содержание текста последних, сравнение клинообразных знаков со знаками документов юридического характера показывают, что хозяйственные документы, являющиеся бухгалтерскими отчетами администрации царского ремесленного хозяйства, и юридические документы, повествующие о кредитно-долговых отношениях в Эламе, по времени своего написания не одновременны: последние старше деловых документов. Хозяйственные документы из Суз были, по-видимому, написаны в последние годы существования Мидийской державы, которой тогда подчинялся Элам (конец первой половины VI в. до н. э.).[4]

При сравнении можно убедиться, что форма клинообразных знаков юридических документов отличается от формы знаков хозяйственных документов. Это различие исключает предположение о том, что обе группы таблеток относятся к одному и тому же периоду. Для ясного представления об имеющемся различии между формами знаков можно привести некоторые примеры в качестве сравнения (см. табл. на стр. 519).

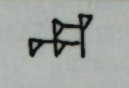
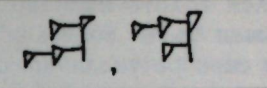
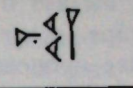
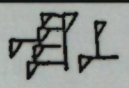
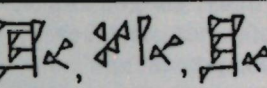
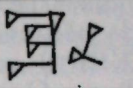
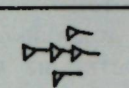
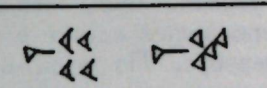
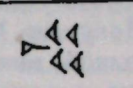
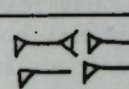
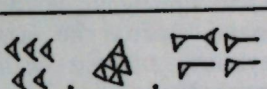
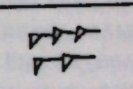
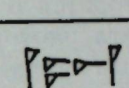
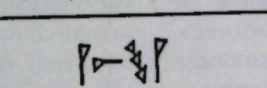
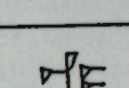
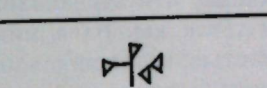
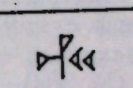
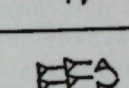
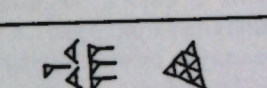
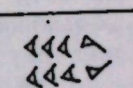
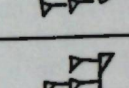
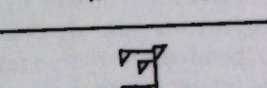
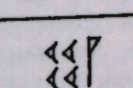
Эти примеры достаточны, чтобы видеть то отличие, которое обнаруживается при сравнении форм знаков. Как видим, некоторые знаки юридических документов более архаичны: в целом они приближаются

[1] Mémoires de la Délégation en Perse (MDP), XI, 1911, №№ 301—307. В нашей нумерации №№ 1—7.

[2] F. Bork. Die Zeughausurkunden von Susa. Leipzig, 1941.

[3] MDP, IX, 1907, №№ 1—298.

[4] О датировке подробнее см.: Ю. Б. Юсифов. Хозяйственные документы из Суз и хронология ранних Ахеменидов. ВДИ, № 3, 1958.

ЗНАЧЕНИЕ ЗНАКА	ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ	ЮРИДИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ	VIII-VII вв.
na			
ra			
mu			
pan			
rák			-
ti			
in			
li			

к знакам VIII—VII вв. до н. э. В данном случае, разумеется, речь идет не о различиях в почерке писцов, а о форме знаков, которая характерна для определенного периода. Таким образом, юридические документы предшествуют данным хозяйственным документам. Исходя из сказанного, можно полагать, что интересующие нас юридические документы составлены в период ранней ступени новоэламского письма, т. е. в VII в., вернее во второй половине VII в. до н. э.[5] Краткое содержание этих документов следующее.[6]

1 (№ 301). Заем 10 сиклей серебра кредитор Умману выдает в месяце Аддаре при свидетелях. Документ написал Хупаннукаш.

2 (№ 302). Он в том же месяце выдает 1 мину серебра при свидетелях. Отмечается, что при задержке (?) проценты (a-ah-te) должны будут расти (máṣ-te-man-ra). Документ написал тот же писец, причем па-

[5] В. Шейль полагает, что эти документы были написаны до прихода Набопаласара к власти (626—605 гг. до н. э.). Свое мнение он обосновывает тем, что после этого документы подобного характера должны были писаться на вавилонском языке (MDP, IX, введение); таким образом, Шейль приходит к заключению, что при Набопаласаре Элам подчинялся Вавилонии. Однако теперь опубликованные хроники вавилонских царей [D. J. Wisemann. Chronicles of chaldean Kings (626—556 B. C.). London, 1956, стр. 36] показывают, что в период восстания Набопаласара Элам мог быть в союзе с Вавилонией. Позже, в 596—595 гг. до н. э., вавилонский царь Навухоносор II воевал с царем Элама. Итак, таблетки могли быть написаны и после прихода к власти Набопаласара.

[6] В конце статьи в качестве приложения даны транскрипция и перевод текста таблеток.

лец должника (т. е. оттиск пальца вместо печати) наложен на документ и документ скреплен печатью (halmu) свидетелей.

3 (№ 303). Кредитор (тот же) в день месяца Шабата, при свидетелях, выдает 6 сиклей золота под проценты, состоящие из одной мины серебра. Долг должен быть возвращен в месяце Аддаре, в противном случае проценты в серебре увеличиваются. Ургитии написал документ, который скреплен печатью должника.

На оболочке таблетки отмечается, что этот документ о золоте (tuppi GUŠKIN^{meš}) должник Хупанахпи взял от кредитора с выплатой процента серебром. Однако указано лишь 5 сиклей золота.[7]

Документ № 2 посвящен сделке с тем же должником: долг состоял из одной мины серебра. По всей вероятности, из этого документа можно заключить, что предыдущее долговое обязательство Хупанахпи не было ликвидировано и долг не был уплачен полностью, а был составлен новый документ, причем остаток долга выдается до месяца Аддара, а в документе № 2, по-видимому, говорится о заключении нового договора на остаток невыплаченного долга, который Хупанахпи, согласно первому документу, должен был выплачивать начиная с месяца Аддара. Возможно, что Хупанахпи одновременно занял дополнительную сумму денег, так как одна мина серебра, по всей вероятности, превосходила стоимостью оставшийся один сикль золота.

4 (№ 304), $^1/_2$ мины 2 сикля занимаются на покупку быка у Уринпеша. Должник Наппахпи приходит к Шутурхупану (кредитору), который дает ему указанную сумму. Если продавец быка не получит серебро, то на него (т. е. на долг) будут расти проценты. При этой сделке свидетели отсутствовали. Документ скреплен печатью должника. Здесь, по-видимому, речь идет о продаже быка с последующей за него уплатой. Покупатель, взяв ссуду у кредитора, должен был уплатить за быка. В противном случае проценты прибавлялись к цене быка.

5 (№ 305). В этом документе, текст которого местами разрушен, говорится: кредитор Умманупу, по-видимому, двум лицам дает ($^1/_2$ мины) серебра — цену раба (?). Очевидно, дальше отмечалось, что в случае изменения цены (в сторону повышения) вместо одного сикля процент увеличится до двух сиклей. Договор заключен при свидетелях. Писец Иникака написал документ и наложил печать.

6 (№ 306). В этом документе, текст которого не вполне ясен (возможно, речь идет о протоколе судебного разбирательства), говорится, как нам кажется, о следующем: Кунарамика, видимо, отказывается признать свой долг Кар-Наххунте. По этому поводу составлено свидетельское показание Инпеша, внук которого был свидетелем, когда Кунарамика получил 5 сиклей, превратившиеся с того времени в 10 сиклей в результате нарастания процентов. Дальше перечисляются еще 3 свидетеля. Таблетку написал Хупандунуш, а печать наложил один из свидетелей (Шати-Хупан).

7 (№ 307). Текст этого документа фрагментирован. Однако можно установить, что речь идет о шерсти 48 баранов, которую получает, видимо, как процент Инпеш. По всей вероятности, шерсть баранов идет в погашение долга с процентом.

Таким образом, мы видим, что в документах отсутствует указание на высоту процента (кроме случая с золотом и ценой раба, если основываться

[7] Возможно, было уплачено только 5 сиклей золота, а на остальное был составлен особый документ. Возможно, и другое объяснение: могла произойти ошибка писца, который вместо 6 сиклей написал 5 сиклей.

на нашем восстановлении № 5). С другой стороны, отсутствует залог,[8] который гарантировал бы возврат долга. По-видимому, с самого начала отчуждения долг включал в себе проценты.

Документы обычно указывают время представления кредита и возвращения долга. Этот срок составляет период от начала весны, т. е. времени сева, до осени — конца уборочных работ по урожаю. Земледелец именно весной нуждался в деньгах или зерне, ибо для посева необходимо было приобрести семена. Документы раннего периода отмечали вместе с выдачей в кредит денег[9] и выдачу ячменя,[10] но в наших документах такое положение отсутствует. Конечно, это не значит, что и в этот период не имела место выдача в кредит ячменя. Если такое явление стало редким, то оно только свидетельствует о большом развитии денежного хозяйства. Кроме того, этот пример показывает и другое: если раньше землевладелец выступал и в роли ростовщика, то в этот период между ними возникло более отчетливое различие. Ростовщик сосредотачивает в своих руках денежные богатства и ссужает их под проценты. Ростовщический капитал сосредотачивается в немногих руках. Но „это капитал не только для того, кто отчуждает деньги, но и третьему лицу они с самого же начала передаются как капитал, как стоимость, обладающая той потребительной стоимостью, что она создает прибавочную стоимость, прибыль".[11]

Кредитор получает деньги плюс проценты. „Однако, характерные формы, в которых ростовщический капитал существует во времена, предшествовавшие капиталистическому способу производства, двояки... во-первых, ростовщичество при помощи денежных ссуд расточительной знати, преимущественно земельным собственникам; во-вторых, ростовщичество при помощи денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых принадлежит и ремесленник, но в особенности крестьянин.[12] Для Элама наиболее характерен второй вид ростовщичества. Этому способствует концентрация денежного, только денежного богатства в немногих руках. Это происходит постепенно, и в I тысячелетии до н. э., возможно, ростовщичество играет основную роль в финансировании земельных собственников, мелких производителей и других денежными средствами.

Как явствует из документов, ростовщичество в Эламе не было развито в такой степени, как в Ассирии, Аррапхе, Вавилонии. Там разорение свободного населения, превращение его в рабов началось очень рано. Наши документы показывают, что разорение земледельцев и домовое рабство как массовое и частое явление еще не было характерно для Элама. Вероятно, Элам мог устоять и успешно бороться против таких держав, как Ассирия и Вавилония, именно благодаря сохранению в стране большого количества свободного населения.

[8] В большей части эламских документов, относящихся ко II тысячелетию до н. э., отмечается залог, состоящий из поля, сада, дома и скота (MDP, XXII, 1930, №№ 33, 35, 36; XXIII, №№ 180, 182, 183, 184, 186 и др.). Правда, здесь заем натуральный. В документах, регистрирующих денежный заем, залог обычно отсутствует (MDP, XXII, №№ 22, 23, 24). Как устанавливается из документов, для Элама II тысячелетия до н. э. характерен залог типа ипотеки, антихрезы и pignus (ручной залог) (см.: Ю. Б. Юсифов. Долговые документы из Суз (II тысячелетие до н. э.). ВДИ, № 2, 1959).

[9] MDP, XXII, №№ 22, 24, 30 и др.

[10] MDP, XXII, №№ 33, 35, 36; XXIII №№ 179, 180, 183, 193, 195 и др.

[11] К. Маркс. Капитал, III. Госполитиздат, 1950, стр. 356.

[12] Там же, стр. 608.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1 (Ш 301)[13]

(1) 10 IM KÙ.BABBAR^{meš} ^{m}Um-ma-nu-nu.na ^{m}Ri-ši-ki-tin-te-ir-ma hu-ma-iš-da ŠE UD.ma ^{m}Šu-tur ^{nap}Nahhunte šak Hu-ut-te-te (5) ^{m}Du-ul-li-ra šak Šar-hu-pi-pi ^{m}Šar-ku-ku du-ši-um.ra ^{m}Hu-pan-ah-pi šak Man-qa-nu-nu ^{m}Du-ul-li-ra šak Aṣ(?)-ṣa-ṣa [PAB] 5. be-da gi-nu.ip. tup-pi.me (10) ^{m}Hu-pan-nu-kaš ^{m}Hu-ut-ra-ra ru-hu-ša-ak-ri tal-li-iš-da.

№ 2 (Ш 302)

(1) 1 ma-na KÙ.BABBAR^{meš} ^{m}Um-ma-nu-nu.na ^{m}Hu-pan-a-ah-pi mu-uk(?)-ra(?) hu-ma-iš-da ITU ŠE UD.ma ITU Ra-hal(?) pit-te-na a-ah-te (5) uk-ku-ri ir máṣ-te-man-ra ^{m}Du-ul-li-ra du-ši-um.ir-ra ^{m}Na-ap-pa-ah-pi šá-tin ^{m}Ur-ku-te-en be-la-ti.ra (10) PAB 3.ip-be-dak a-ráš gi-nu.ip tup-pi-me ^{m}Hu-pan-nu-kaš tal-li-ša pu-ur ^{m}Hu-pan-a-ah-pi.na ha-rák-qa hal-mu e-da ha-rák.

№ 3 (Ш 303)

Оболочка: (1) 5 GUŠKIN^{meš} tup-pi GUŠKIN^{meš} [Um]-ma-nu-nu.na ^{m}[Hu-pan-a]-ah-pi KÙ. BABBAR[^{meš} a-ah-da] (5)-a hu-ma-[iš-da]. (Внутренний текст): (1) 6 IM GUŠKIN^{meš} ^{m}Um-ma-nu-nu.na ^{m}Hu-pan-a-ah-pi 1 ma-na KÙ. BABBAR^{meš} a-ah-da-a hu-ma-iš-da ITU ÁŠ UD.ma (5) am-ri qa-su-qa in-ri hu-ut-tan-ra ITU ŠE UD.ma KÙ. BABBAR^{meš} a-ah-te uk-ku-ri ir máṣ-te-man-ra ^{m}Pu-ul-li-ra šak šar-hu-pi-pi; (10) ^{m}Hu-pan-nu-kaš šak Hu-pan-ki-tin ^{m}Par-ṣi-ir-ir šak Um-ma-nu-nu PAB 3. ip-be-da a-ráš gi-nu.ip-pi ^{m}Ur-gi-ti-in tal-li-šá hal-mu ^{m}Hu-pan (15) a-ah-pi.na ha-rák.

№ 4 (Ш 304)

(1) ½ GIŠ 2 IN KÙ.BABBAR^{meš} hu-lam GUD^{meš}. na ^{m}I(?)-ri-en-be-iš-na ^{m}Na-ap-a-ah-pi (5) ha-te a-ah hu-ud-da-par-ri-šá ^{m}Šu-tur-hu-pan i du-nu-iš-da ITU APIN am-ri qa-s[u-qa] KÙ.BABBAR^{meš} ^{m}I(?)-ri-en (10)-be-iš in-ni ir du-un-ra KÙ. BABBAR^{meš} ha-te pir a-ah-te a-ráš máṣ-te-man-ra hal-mu ^{m}Na-ap-a-ah-pi.na ha-rák.

№ 5 (Ш 305)

(1) [½ GIŠ] KÙ.BABBAR^{meš} hu-lam $^{[m]}$A-ah-ri.na $^{[m]}$ Um-ma-nu-nu. na-a ^{m}Ap-pa-la-a-a.n[a] ^{m}Da-ti-ka-par Nap-na-te-na [... hu-ma] -iš-da hu-lam li(?)-man-i-ia ... (5) [Nap]-na-te-na a-ah-ha-ud- d[a máṣ-te]-man-ra ⌜-na⌝ ⌜⌝-šu(?) ⌜⌝ [IM máṣ-t]e-man-ra $^{[m]}$U-nu-nu šak Hu-pan-ki-tin... ^{m}Na-pi-sunki šak Hal-li-iš (10) ^{m}Hu-pan-nu-[kaš] ... ri PAB 3. ip-be-dak [gi-nu].ip[tup-pi. me] ^{m}In-qa-qa šak It-ti-ti [tal]-li-iš [hal]-mu dak ha-rák.

[13] В скобках указана нумерация Шейля.

№ 6 (Ш 306)

(1) ^{m}Ku-na-ra-mi-qa ^{m}Kar-Nahhunte ku-ul-la-áš-da ir un sa-ha-ma-ra ti-ri-in-ra ^{m}I (?)-en-be-iš ku-ul-la-áš-da ^{m}ru-hu-šá-ku.ri (5) 5 IM KÙ.BABBAR^{meš}. uk-ku e-te-qa am 10 IM KÙ.BABBAR^{meš} ^{m}Kar-Nahhunte ap dụ-nu-šá ^{m}Ku-na-ra-mi-qa [ap] ... ma-ri-iš $^{m.nap}$Šá-ti Hu-pan šak Um-pa-du-du (10) ^{m}Na-pi-sunki šak Man-du-du ^{m}Ha-ri-na šak Mar-du-nu-iš PAB 3. be-da a-ráš gi-nu. ip tup-pi.me Hu-pan-du-nu-iš šak Hu-pan-nu-kaš tal-li-li-iš[14] (15) hal-mu ^{nap}Šá-ti Hu-pan.na ha-rák.

№ 7 (Ш 307)

(1) ^{m}Uṣ-ṣi-ku-tur ^{m}Tah-ha-ha UDU.NITA^{meš} ba-a [k-ka-ri i]p tah-ha-ma am-ri ha ^{m}Um-[ma-nu-nu] ip-ba-an (?) ir ut-ti-qa Uk-še-hu... [P]AB 48 UDU.NITÁ^{meš} tuk-ki-me (5) a-ah-d[a-a] ^{SAL}Na-nu-a-ah-pi ^{m}Bar-ra-ku-tur ^{SAL}Nap-te-en UDU.NITÁ^{meš} tuk-ki-me ma-aṣ-ṣi-qa ^{m}I (?)-en-pe-iš du-iš-da ^{m}Nap-du-ur šak Bar-ru ^{m}Par-šir-ra taš-šup (10) ^{m}Ki-li-li KI. MIN $^{m.nap}$MAN-un-ri-ri ^{m}Ki-ti-ik-qa PAB 5. gi-nu.ip tup-pi.me ^{m}Ba-ki-iš tal-li-šá ^{m}Mu-un-da (?) hal-mu (15) Nap-du-ur-be.tak-ra.na ha-rák.

№ 1 (Ш 301)

(1) 10 сиклей серебра от Умманану Ришикитинтерма взял в день месяца Аддара.[15] Шутур-Наххунте, сын Хуттете; (5) Дуллира, сын Шархупипи; Шаркуку...; Хупанахпи, сын Манканану; Дуллира, сын Аччачи — всего пять человек свидетелей. Документ (10) Хупаннукаш, внук Хутрары, написал.

№ 2 (Ш 302)

(1) 1 мину серебра от Умманану Хупанахпи ... взял в день месяца Аддара до месяца Рахала.[16] ...[17] на него проценты (5) должны расти. Дуллира... Наппахпи — жрец, Уркутен — плотник (10) — всего три человека свидетелей. Документ Хупаннукаш написал и палец Хупанахпи наложен и (документ) печатью скреплен.

№ 3 (Ш 303)

(1) (Оболочка): 5 (сиклей) золота; документ по поводу золота от Умманану Хупанахпи с выплатой процента серебром (5) взял. (Внутренний текст): (1) 6 сиклей золота от Умманану Хупанахпи (с выплатой) 1 мины серебра процента взял в день месяца Шабата.[18] (5) Если (он)

[14] Ошибка писца. Должно было быть tal-li-iš.

[15] Февраль—март.

[16] Сентябрь—октябрь.

[17] pit-te-na. Видимо, именное образование от глагола „держать", „хватать" в родительном падеже. (см.: W. Hinz. Elamisches is-ma-lu. Orientalia, v. 19, fasc. 4, 1950, стр. 412).

В таком случае pit-te-na „за задержку". Ср. также: pitt „возмущаться", „нарушать" и отсюда, может быть, 'за нарушение' (?).

[18] Январь — февраль.

платеж не произведет в месяце Аддара, то процент в серебре на него должен расти. Дуллира, сын Шархупипи; (10) Хупаннукаш, сын Хупанкитина; Парчирир, сын Умманну — всего 3 человека ... свидетелей. Ургитин написал и печать Хупан(15)ахпи наложена.

№ 4 (Ш 304)

(1) ½ мины и 2 сикля серебра, цену быка Иринпеша Напахпи (5)... сюда...[19] и Шутурхупан это дал (ему) в месяца Арахсамны.[20] Если платеж серебром Ирин (10) пеш не получит, (то) на серебро ... снова (?) процент ... должен расти. Печать Напахпи наложена.

№ 5 (Ш 305)

(1) ½ мины серебра цена (раба?) Ахри, от Умманну аппалайца Датикапар(и) Напнатена ... взяли (5) Цена ...[21] Унуну, сын Хупанкитина; Написунки, сын Халлиша (10); Хупаннукаш... Итого 3 человека свидетелей. Документ Иникака, сын Иттити, написал. Печать наложена.

№ 6 (Ш 306)

(1) Кунарамика Кар-Наххунте заявил: „Его мне должны...“ он сказал. Инпеш заявил: „Внук мой (5) на 5 сиклей серебра... теперь 10 сиклей серебра. Кар-Наххунте их дал, (а) Кунамарика их (?) взял“. Шати-Хупан, сын Умпадуду (10); Написунки, сын Мандуду; Харина сын Мардунуша — всего 3 человека... свидетелей. Документ Хупандунуш, сын Хупаннукаша, написал (15), печать Шати-Хупана наложена.

№ 7 (Ш 307)

(1) (Начало текста неясно) ... итого 48 баранов: шерсть (5) как процент ... шерсть баранов острижена и Инпешт получил. Напдур, сын Барру, Парширра[22] воин (?),[23] (10) Килили — тоже, Манупарири, Китикка — итого 5 свидетелей. Документ Бахиш написал, и Мунда печать человека (?)[24] (15) Напдура наложил.

---

[19] hu-ud-da-par-ri-sá — видимо, сложный глагол, состоящий из hu-ud-da 'делать' и par-ri 'приходить', 'идти'. Вероятно, надо понимать так, что Напахпи заранее договорился об уплате цены быка, поэтому здесь применен сложный глагол для выражения этой мысли.

[20] Октябрь — ноябрь.

[21] Если a-ah-ha-ud-da 'процент', то можно предложить следующее объяснение: „В случае изменения (?) цены... Напнатена процент должен увеличить от 1 до 2 сиклей. (Итого) в 2 сикля должны расти“.

[22] ^{m}Par-šir-ra — имя собственное. Без детерминатива означает „перс“.

[23] Слово taššup в Бехистунской надписи имеет значение „войско“, „народ“. Исходя из этого, мы условно переводим „воин“.

[24] Написано Nap-du-ur-be-tak-ra. Когда be-ra стоит после имени собственного, обычно переводится „один из многих“. В этом случае — „один из людей Напдура“ или „человек Напдура“. Не поддается объяснению наличие там tak.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакционной коллегии 3
Академик Иосиф Абгарович Орбели (биографический очерк) 5

КАВКАЗ

К. Алиев. К вопросу о племенах Кавказской Албании 15
А. В. Банк. Рельеф с изображением Георгия из собрания Эрмитажа 20
С. Г. Бархударян. Урартское происхождение армянского нахарарского рода Арцруни 29
Л. С. Бретаницкий. Архитектурные школы и проблемы стиля в зодчестве средневекового Азербайджана (XII—XV вв.) 39
О. Л. Вильчевский. Ода Хакани грузинскому царю Димитрию I 56
Р. М. Джанполадян. „История Армении“ Киракоса Гандзакского и надписи Нор-Гетика 61
В. Д. Дондуа. Терминологическая особенность грузинского ძ (dze) в лексике Руставели 64
И. М. Дунаевская. О структурном сходстве хаттского языка с языками северо-западного Кавказа 73
С. Т. Еремян. Агарцинская надпись 1184 г. 78
А. А. Иессен. Пять чаш из Байлакана 88
Р. В. Кинжалов. Резной сердолик Государственного Эрмитажа (К вопросу об ономастике Закавказья III—IV вв. н. э.) 98
И. К. Кусикьян. Словарь Рафаэля Патканьяна 105
И. В. Мегрелидзе. Неизвестный вариант легенды о великом потопе и некоторые сказания о вершине Брутсабдзела 108
Л. М. Меликсет-Бек. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского 112
Б. Б. Пиотровский. Бронзовые изделия с надписями Сардури II из раскопок на Кармир-Блуре 119
А. В. Саламзаде. О школах зодчества в Азербайджане XVI—XVII вв . . 123
Ю. А. Солодухо. К вопросу об армяно-иракских торговых связях в IV в. . 128
А. Тер-Гевондян. К вопросу о возникновении Двинского эмирата в Армении 133
А. Г. Шанидзе. Названия „орла“ в грузинском языке 140
А. Л. Якобсон. Из истории армянского средневекового зодчества (Гандзасарский монастырь XIII в.) 144

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Л. Н. Гумилев. Таласская битва 36 г. до н. э. 161
Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова. К вопросу об истолковании пенджикентской росписи 167
В. М. Жирмунский. Легенда о призвании певца 185
С. Н. Иванов. Категория залога в причастиях узбекского языка 196
А. Н. Кононов. К истории русской тюркологии (до XIX в.) 202
Р. Г. Мукминова. Из истории вакуфного землевладения в Средней Азии в XVI в. 215
А. А. Росляков. Основные черты туркменской фортификации XVIII—XIX вв. 219
Э. В. Севортян. О глаголообразующем аффиксе *-са* || *-сы-* || *-сын-* в тюркских языках 227
А. А. Семенов. Взаимоотношения Алишера Навои и султана Хусейн-Мирзы 237
Д. И. Тихонов. Термины *эль* и *будун* в древних уйгурских документах . . 250
К. В. Тревер. Новое „сасанидское" блюдце Эрмитажа (Из истории культуры народов Средней Азии) 256
А. Л. Троицкая. *Сайра* в Кокандском ханстве (XIX в.) 271

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Ш. Я. Амиранашвили. Серебряная чаша раннесасанидской эпохи из раскопок в Армазисхеви 283
И. Р. Бабаянц. Рукопись XV в. „Краткий курс мореведения" 294
Е. Э. Бертельс. Хамадан 303
И. Н. Винников. Коранические заметки 309
Л. Т. Гюзальян. Три иранских средневековых глиняных столика 313
И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц. Из материалов парфянской канцелярии „Старой Нисы" 320
П. В. Ерштедт. Ошибочное разделение слов в тексте Гомера 334
А. А. Иванов. О первоначальном назначении так называемых иранских „подсвечников" XVI—XVII вв 337
А. Ф. Искандеров. Первая речь Мустафы Камиля в Александрии 346
М. А. Коростовцев. Филологические заметки 352
В. А. Крачковская. О бронзовых зеркалах Донского музея 356
К. К. Курдоев. О значениях и функциях суффикса -k (-aka) в курдском языке 361
И. Г. Лившиц. Фрагменты саркофага князя Хаф-Мина 369
Л. А. Липин. Значение союза *ū* в законах Хаммураби 374
В. Г. Луконин. Резной аметист с изображением царицы цариц Денак (Из собрания Государственного Эрмитажа) 379
А. Д. Новичев. Земледельческий пролетариат в Турции до второй мировой войны 386
Д. А. Ольдерогге. Легенда о „Семи хауса" (К истории происхождения народности хауса) 395
С. Б. Певзнер. К вопросу о производстве тканей в Египте в XIII—XV вв. . 404
И. П. Петрушевский. К истории подушной подати в Иране при монгольском владычестве (Термины *купчӯр*, *сар-шумāр*, *сарāнэ*, *джизйэ*) 413
Н. В. Пигулевская. „Железные ворота" Александра Македонского 423
Я. Рипка. Риторические приемы Фирдауси 427
М. Б. Руденко. К вопросу о курдской литературе 433

С. Н. Соколов. Глагольные имена и возникновение среднеперсидского каузатива. 441
К. Б. Старкова. Из материалов II собрания Фирковича Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина 445
Л. В. Строева. Последний хорезмшах и исмаилиты Аламута 451
В. В. Струве. Интерпретация строк 14—19 III столбца „Овальной пластинки" 464
А. С. Тверитинова. О турецкой рукописи летописного свода Коджи Хюсейна „Беда'и ул-века'и" (том II) из собрания Института востоковедения АН СССР в Ленинграде 469
Г. А. Тирацян. Уточнение некоторых деталей сасанидского вооружения по данным армянского историка IV в. н. э. Фавста Бузанда 474
А. Б. Халидов. Антология ал-Āбī в рукописи Института востоковедения Академии наук СССР 487
И. И. Цукерман. Три курдские сказки 492
В. С. Шандровская. Сведения о ремесле в византийском басенном эпосе XIII—XIV вв 504
Т. А. Шумовский. Арабские лоции как историко-литературные памятники нового качества 511
Ю. Б. Юсифов. Долговые документы из Суз (VII в. до н. э.) 518

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

Сборник в честь академика И. А. Орбели

*

Утверждено к печати Бюро Отделения исторических наук АН СССР

*

Редакторы издательства *А. П. Конаков* и *С. В. Солтанов*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *М. А. Брайнина, Э. А. Кацман* и *Б. Р. Флакс*

*

Сдано в набор 28/X 1959 г. Подписано к печати 30/I 1960 г. РИСО АН СССР № 73а-77В. Формат бумаги 70 × 108/16. Бум. л. 16½. Печ. л. 33 = 45.21 усл. печ. л. + 4 вкл. Уч.-изд. л. 41.87 + 4 вкл. (0 28). Изд. № 934. Тип. зак. № 391. М-32025. Тираж 2000.
Цена 27 р. 50 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1 я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
8	12 снизу	обрисовано	обрисована
33	5 »	Զաան	Զամչեան
34	17 »	Астанга	Астиага
35	24 »	Ньюбшман	Хюбшман
35	2 »	բելեղաձև	բեվերաձև
36	10 »	8 гг.	778 гг.
56	9 »	عدى عدد	على عبد
57	21 сверху	اسكند	اسكندر
57	22 »	اسكنر	اسكندر
57	19 снизу	برر	برد
146	23 »	1217	1215
169	7 сверху	ا,بوسته	اوبوسته
173	7 »	(VI, 81, 9).	(Rypka, 55.18).
186	17 снизу	исходной	сходной
227	16 сверху	-сы-Ж. Дени, А. Н. Кононов	-сы-А. Н. Кононов
229	7 »	سُوشُ	سوڤ
307	20 »	انيجهان	اينجهان
350	16 »	над властью	под властью
396	15 »	губы [чтобы зубы её стали красными] и пожевала	губы и [чтобы зубы её стали красными] пожевала
447	16 »	בֵן	בֵין
455	20 »	642 г. х.	624 г. х.
462	24 снизу	1225—1230 гг.	1226—1230 гг.
467	10 сверху	«и»	«u»
471	19 снизу	следуя им	следуя принятой им
472	6 »	301-а	283-б
505	25 »	кресты,	кресла,